

ВЕСТНИК

**САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА
МВД РОССИИ**

2026

№ 2 (110)

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Научно-теоретический журнал

**Вестник
Санкт-Петербургского
университета МВД России**

№ 2 (110) апрель – июнь 2026 г.

Scientific-theoretical journal

**Vestnik
of Saint Petersburg University
of the MIA of Russia**

No 2 (110) April - June 2026

**Федеральное государственное казенное образовательное учреждение
высшего образования
«Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел
Российской Федерации»**

Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России

№ 2 (110) апрель – июнь 2026 г.

Рецензируемый научно-теоретический журнал «Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России» – сетевое издание, в котором публикуются оригинальные статьи по юридическим, педагогическим, психологическим проблемам.

Издается с марта 1999 года. Учредитель и издатель – Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации. Выходит один раз в квартал.

Языки журнала – русский и английский. Территория распространения: Российская Федерация, зарубежные страны. Способ распространения: в электронном виде.

Издание перерегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций: Эл № ФС77-84786 от 3 марта 2023 г. ISSN 2949-1150 (online); ISSN 2071-8284 (print).

Решением ВАК при Минобрнауки России от 29 марта 2022 г. журнал «Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России» включен в Перечень ВАК по следующим специальностям:

- 5.1.1 – Теоретико-исторические правовые науки.
- 5.1.2 – Публично-правовые (государственно-правовые) науки.
- 5.1.3 – Частно-правовые (цивилистические) науки.
- 5.1.4 – Уголовно-правовые науки.
- 5.3.3 – Психология труда, инженерная психология, когнитивная эргономика.
- 5.3.9 – Юридическая психология и психология безопасности.
- 5.8.1 – Общая педагогика, история педагогики и образования.
- 5.8.7 – Методология и технология профессионального образования.

Отнесен к высшей категории научной значимости изданий – К1.

Журнал находится в открытом доступе и индексируется в системе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), включен в базу данных Ulrich's Periodicals Directory.

Ответственность за содержание статей, изложенных в них фактов несут авторы. Мнение редакции может не совпадать с точкой зрения авторов публикаций. При перепечатке или воспроизведении любым способом полностью либо частично материалов журнала «Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России» ссылка на журнал обязательна.

Редакторы – Г. Н. Голядкин, Р. Е. Артамонов.

Адрес редакции и издателя: Россия, 198206, Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилютова, д. 1.
Тел.: 8 (812) 730-26-96.

E-mail: vestnik@univermvd.ru.

Дата выхода в свет: 30.06.2026

© Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России, 2026

**Federal State Budget Institution for higher education
«Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation»**

Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia

№ 2 (110) April - June 2026

Founded in 1999, “Vestnik of Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of the Russian Federation” is a quarterly, network, peer-reviewed, open access scholarly journal published by Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of the Russian Federation.

On March 29, 2022, the Higher Attestation Commission (VAK) under the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation gave its approval to include the journal into the databases of VAK. The journal belongs to K1 category and covers the following areas:

- 5.1.1. Theoretical and Historical Legal Sciences.
- 5.1.2. Public Law (State Law) Sciences.
- 5.1.3. Civil Law Sciences.
- 5.1.4. Criminal Law Sciences.
- 5.3.3. Labour Psychology, Engineering Psychology and Cognitive Ergonomics.
- 5.3.9. Forensic Psychology and Psychology of Safety.
- 5.8.1. Pedagogy, History of Pedagogy and Education.
- 5.8.7. Methodology and Technology of Professional Education.

The journal is indexed in the Russian Science Citation Index and included in the databases of Ulrich's Periodicals Directory.

The journal is distributed on-line throughout Russia and foreign countries.

The languages of the journal are Russian and English.

The author is responsible for the content of the work and the accuracy of the facts. The opinion of the author may not coincide with the position of the editorial staff and members of the editorial board. Reprinting of the journal publications in other periodicals is possible with the reference to the journal.

The journal is re-registered by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Communications, Information Technologies and Mass Communications: El No. FS77-84786 on March 3, 2023.

ISSN 2949-1150 (online); ISSN 2071-8284 (print).

Editors: G. N. Golyadkin, R. E. Artamonov.

Publisher address: 1 Lyotchika Pilyutova St., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation

Phone: +7 (812) 730-26-96

E-mail: vestnik@univermvd.ru

Date of publishing: 30.06.2026.

© Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia, 2026

Главный редактор – Каверина Л. В., кандидат филологических наук
(Россия, Санкт-Петербург)

Редакционная коллегия

Амельчаков И. Ф. – председатель редакционной коллегии, кандидат юридических наук,
доцент (Россия, Санкт-Петербург)

Бавсун М. В. – заместитель председателя редакционной коллегии, доктор юридических наук,
профессор (Россия, Санкт-Петербург)

Астафичев П. А., доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

Балахонский В. В., доктор философских наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

Бекетов О. И., доктор юридических наук, профессор (Россия, Омск)

Болдырев В. А., доктор юридических наук, доцент (Россия, Санкт-Петербург)

Бучакова М. А., доктор юридических наук, доцент (Россия, Омск)

Васильева И. В., доктор психологических наук, доцент (Россия, Тюмень)

Вахнина В. В., доктор психологических наук, профессор (Россия, Москва)

Гейжан Н. Ф., доктор педагогических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

Гельдибаев М. Х., доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

Гордеев С. Н., доктор юридических наук, доцент (Республика Узбекистан, Ташкент)

Гривенная Е. Н., доктор педагогических наук, доцент (Россия, Краснодар)

Дозорцева Е. Г., доктор психологических наук, профессор (Россия, Москва)

Ерофеева М. А., доктор педагогических наук, профессор (Россия, Москва)

Ескина Л. Б., доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

Илакавичус М. Р., доктор педагогических наук (Россия, Санкт-Петербург)

Каплунов А. И., доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

Коваленко В. И., доктор педагогических наук, профессор (Россия, Белгород)

Коларич Драгана, доктор юридических наук, профессор (Республика Сербия, Белград)

Кубышко В. Л., кандидат педагогических наук (Россия, Москва)

Латышов И. В., доктор юридических наук, доцент (Россия, Санкт-Петербург)

Мещерякова Е. И., доктор педагогических наук, профессор (Россия, Воронеж)

Миялькович Саша, доктор безопасности, профессор (Республика Сербия, Белград)

Нижник Н. С., доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

Никифоров Г. С., доктор психологических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

Николаева Т. Г., доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

Никуленко А. В., доктор юридических наук, доцент (Россия, Санкт-Петербург)

Пастушеня А. Н., доктор психологических наук, профессор (Республика Беларусь, Минск)

Рузакова О. А., доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)

Сафонов А. А., доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)

Сердюк Н. В., доктор педагогических наук, профессор (Россия, Москва)

Слепцов И. В., кандидат юридических наук (Казахстан, Костанай)

Стрельникова Ю. Ю., доктор психологических наук, доцент (Россия, Санкт-Петербург)

Тюнин В. И., доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

Ульянина О. А., доктор психологических наук, доцент (Россия, Москва)

Ухов В. Ю., доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

Химичева О. В., доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)

Цветков В. Л., доктор психологических наук, профессор (Россия, Москва)

Цветков И. В., доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)

Честнов И. Л., доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

Чечётин А. Е., доктор юридических наук, профессор (Россия, Барнаул)

Шаранов Ю. А., доктор психологических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

Шахматов А. В., доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

Editor in Chief – **Kaverina L. V.**, Candidate of Philological Sciences
(Russia, Saint Petersburg)

Editorial Board

Amelchakov I. P., Chairman of an Editorial Board, Candidate of Juridical Sciences, Docent
(Russia, Saint Petersburg)

Bavsun M. V., Vice-chairman of an Editorial Board, Doctor of Juridical Sciences, Professor
(Russia, Saint Petersburg)

Astafichev P. A., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)

Balakhonsky V. V., Doctor of Philosophical Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)

Beketov O. I., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Omsk)

Boldyrev V. A., Doctor of Juridical Sciences, Docent (Russia, Saint Petersburg)

Buchakova M. A., Doctor of Juridical Sciences, Docent (Russia, Omsk)

Vasilieva I. V., Doctor of Psychological Sciences, Docent (Russia, Tyumen)

Vakhnina V. V., Doctor of Psychological Sciences, Docent (Russia, Moscow)

Geyzhan N. F., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)

Geldibaev M. Kh., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)

Gordeev S. N., Doctor of Juridical Sciences, Docent (Republic of Uzbekistan, Tashkent)

Grivennaya E. N., Doctor of Pedagogical Sciences, Docent (Russia, Krasnodar)

Dozorcheva E. G., Doctor of Psychological Sciences, Professor (Russia, Moscow)

Erofeeva M. A., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor (Russia, Moscow)

Eskina L. B., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)

Ilakavichus M. R., Doctor of Pedagogical Sciences (Russia, Saint Petersburg)

Kaplunov A. I., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)

Kovalenko V. I., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor (Russia, Belgorod)

Kolarich Dragana, LLD (Republic of Serbia, Belgrade)

Kubysheko V. L., Candidate of Pedagogical Sciences (Russia, Moscow)

Latyshov I. V., Doctor of Juridical Sciences, Docent (Russia, Saint Petersburg)

Mescheryakova E. I., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Voronezh)

Mijalkovich Sasha, PhD, Professor (Republic of Serbia, Belgrade)

Nizhnik N. S., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)

Nikiforov G. S., Doctor of Psychological Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)

Nikolaeva T. G., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)

Nikulenko A. V., Doctor of Juridical Sciences, Docent (Russia, Saint Petersburg)

Pastushenya A. N., Doctor of Psychological Sciences, Professor (Republic of Belarus, Minsk)

Ruzakova O. A., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Moscow)

Safonov A. A., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Moscow)

Serdyuk N. V., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor (Russia, Moscow)

Sleptsov I. V., Candidate of Juridical Sciences (Kazakhstan, Kostanay)

Strelnikova J. Y., Doctor of Psychological Sciences, Docent (Russia, Saint Petersburg)

Tyunin V. I., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)

Ul'yanina O. A., Doctor of Psychological Sciences, Docent (Russia, Moscow)

Ukhov V. Y., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)

Khimicheva O. V., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Moscow)

Cvetkov V. L., Doctor of Psychological Sciences, Professor (Russia, Moscow)

Tsvetkov I. V., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Moscow)

Chestnov I. L., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)

Chechetin A. E., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Barnaul)

Sharanov Y. A., Doctor of Psychological Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)

Shakhmatov A. V., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Астраханцев И. В. «Транспортная безопасность»: опыт ретроспективного анализа формирования понятия	10
Данилов И. Б. Политико-правовые инструменты интеграции наций в единое советское политическое пространство в начале XX века	19
Нижник Н. С., Козинникова Е. Н. Право на собрания: условия реализации гражданской свободы в контексте обеспечения устойчивости государственного строя (в оценке российских полицейистов начала XX века)	29
Чернегова В. В. Приоритетные направления повышения качества юридической техники в условиях глобализационных процессов	46

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Дерусов А. А., Перцова Н. Н. Соответствие экологическому законодательству: «зеленые волны» как инструмент снижения транспортных выбросов в мегаполисах	56
Кобец П. Н. Развитие правовых основ китайской миграционной политики в период с конца 1970-х до начала 2020-х годов	66
Попова К. А. Профессиональное правосознание сотрудников органов внутренних дел в системе обеспечения кадровой безопасности: организационно-правовой аспект	77

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

Назаркулов Ж. Н. Цель изъятия имущества как критерий дифференциации способов и оснований принудительного прекращения права собственности	86

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Векленко С. В. О неоднозначном понимании общественной опасности преступного посягательства	95
Губарев Е. И. Дифференциация уголовной ответственности в зависимости от принадлежности предмета хищения	102
Копьёва И. А. Дропперство как специальный вид пособничества преступлению, совершенному с использованием информационно-телекоммуникационных средств	110
Кузнецов А. А. Общепреventивное воздействие норм уголовного и уголовно-исполнительного законодательства	117
Одиназода И. А. Особенности представления результатов оперативно-розыскной деятельности при возобновлении производства по уголовному делу	127
Паршин Н. М. Уголовно-правовое противодействие сексуальной эксплуатации несовершеннолетних родителями и лицами, обязанными обеспечивать их безопасность	136
Рукавишникова Г. А. Условия и основание прекращения уголовного дела в связи с компромиссом сторон	151
Симоненко Д. А. Априорные основания конфиденциального содействия граждан полиции в борьбе с преступностью	161
Трушина И. О. Генезис преступной мотивации у граждан стран Содружества Независимых Государств при подготовке и совершении преступлений экстремистской направленности	170
Чеботарева Т. В. Институт депонирования показаний потерпевших и свидетелей: нужен ли он российскому уголовному процессу?	179
Чудинова М. С. Вандализм: эволюция понятия и проблемы уголовно-правовой квалификации в XXI веке	186

ОБЩАЯ ПЕДАГОГИКА, ИСТОРИЯ ПЕДАГОГИКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

Юрченко М. А. Гражданское образование 2.0	195

МЕТОДОЛОГИЯ И ТЕХНОЛОГИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Илакавичус М. Р. Место и роль духовно-нравственного воспитания в политико-воспитательной работе	210
Кириллова Т. В., Васильева И. В. Опыт воспитательной работы с осужденными исламистами в уголовно-исполнительной системе Федеративной Республики Германии	219
Комлев Ю. Ю., Еникеева С. З., Рябцева О. Н. Кейс-стади и облачная технология в преподавании поведенческих дисциплин в образовательной организации высшего образования Министерства внутренних дел Российской Федерации	229
Тимофеева А. А., Удальцов А. А., Парнюк Н. В. Проектирование интегративного воспитательного события в ведомственной образовательной организации высшего образования на основании гуманитарно-антропологического подхода	242

ПСИХОЛОГИЯ ТРУДА, ИНЖЕНЕРНАЯ ПСИХОЛОГИЯ, КОГНИТИВНАЯ ЭРГОНОМИКА

Леньков С. Л., Рубцова Н. Е. Личностные предикторы успешности вузовской профессиональной подготовки сотрудников Федеральной службы исполнения наказаний	253
Шарафутдинова Н. В. Проблема организации деятельности по оценке показателей структуры профессионального самосознания курсантов	274

ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПСИХОЛОГИЯ БЕЗОПАСНОСТИ

Духновский С. В., Гайдамашко И. В., Шелепина Э. К., Шахматов А. В. Внутригрупповые отношения и климат в служебных коллективах сотрудников с различной оценкой управленческого потенциала руководителя	283
Кабанова Т. Н., Костина Е. В., Белицкая Д. В., Галанина Н. А. Особенности ценностно-смысловой сферы у курсантов Министерства внутренних дел Российской Федерации в зависимости от категории профессиональной психологической пригодности	295
Реан А. А., Егорова А. В., Коновалов И. А. Опыт столкновения с агрессивным поведением учащихся у педагогов с разным уровнем мотивации к профессиональной деятельности	305
Цимбал А. С. Риски психологической надежности сотрудников органов внутренних дел с информационно-психологической устойчивостью и виктимностью	321

CONTENTS

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

Astrakhantsev I. V. "Transport security": a retrospective analysis of the development of the concept	10
Danilov I. B. Political and legal instruments for integrating nations into a single Soviet political space in the early 20 th century	19
Nizhnik N. S., Kozinnikova E. N. The right to assemble: conditions for the exercise of civil liberties in the context of ensuring the stability of the state system (as assessed by Russian scholars of police law in the early 20 th century)	29
Chernegova V. V. Priority directions for improving the logistics quality in the context of globalisation	46

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

Derusov A. A., Pertsova N. N. Compliance with environmental legislation: "green waves" as a tool for reducing transport emissions in megapolises	56
Kobets P. N. The development of the legal framework for China's migration policy from the late 1970s to the early 2020s	66
Popova K. A. Professional legal consciousness of internal affairs bodies' employees in the system of personnel security maintenance: organisational and legal aspect	77

CIVIL LAW SCIENCES

Nazarkulov Zh. N. The purpose of property seizure as a differentiation criterion in the means and grounds for compulsory termination of property rights	86

CRIMINAL LAW SCIENCES

Veklenko S. V. On the ambiguous interpretation of the public danger of criminal encroachment	95
Gubarev Ye. I. Differentiation of criminal liability depending on the ownership of the stolen property	102
Kopyova I. A. Money muling as a special form of aiding and abetting a cybercrime	110
Kuznetsov A. A. The general preventive impact of provisions of criminal and penal legislation	117
Odinazoda I. A. Features of the presentation of the results of operational and investigative activities in the resumption of criminal proceedings	127
Parshin N. M. Criminal law counteraction to the sexual exploitation of minors by parents and individuals responsible for their safety	136
Rukavishnikova G. A. Grounds and conditions for the termination of criminal proceedings due to a compromise between the parties	151
Simonenko D. A. A priori foundations for citizens' provision of confidential assistance to the police in combatting crime	161
Trushina I. O. The origins of criminal motivation among citizens of the Commonwealth of Independent States in planning and committing extremist crimes	170
Chebotareva T. V. The institute of recording the testimony of victims and witnesses: is it needed in the Russian criminal justice system?	179
Chudinova M. S. Vandalism: the evolution of the concept and issues of criminal classification in the 21 st century	186

PEDAGOGY, HISTORY OF PEDAGOGY AND EDUCATION

Yurchenko M. A. Civic education 2.0	195

METHODOLOGY AND TECHNOLOGY OF PROFESSIONAL EDUCATION

Ilakavichus M. R. The place and role of spiritual and moral education in political and educational work	210
Kirillova T. V., Vasilyeva I. V. Experience of educational work with convicted Islamists in the penal system of the Federal Republic of Germany	219
Komlev Yu. Yu., Enikeeva S. Z., Ryabtseva O. N. Case study and cloud technology in teaching behavioural disciplines at a higher educational institution of the Russian Ministry of the Interior	229
Timofeeva A. A., Udaltsov A. A., Parnyuk N. V. Designing an integration educational event in a law enforcement university based on the humanitarian and anthropological approach	242

LABOUR PSYCHOLOGY, ENGINEERING PSYCHOLOGY AND COGNITIVE ERGONOMICS

Lenkov S. L., Rubtsova N. E. Personal predictors of success in higher education vocational training of Federal Penitentiary Service employees	253
Sharafutdinova N. V. The problem of organising activities to assess indicators of the professional identity structure of cadets	274

FORENSIC PSYCHOLOGY AND PSYCHOLOGY OF SAFETY

Dukhnovsky S. V., Gaidamashko I. V., Shelepina E. K., Shakhmator A. V. Intergroup relations and the working atmosphere in teams where staff members have differing views on their manager's leadership potential	283
Kabanova T. N., Kostina E. V., Belitskaya D. V., Galanina N. A. Features of the value-semantic sphere among cadets of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, depending on the category of professional psychological aptitude	295
Rean A. A., Egorova A. V., Kononov I. A. Experiences of aggressive behavior of students among educators with different levels of motivation for professional activity	305
Tsimbal A. S. Risks to psychological reliability of law enforcement officers with regard to informational and psychological resistance and victimisation	321

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

Научная статья
УДК 340.132.85

«Транспортная безопасность»: опыт ретроспективного анализа формирования понятия

Игорь Владимирович Астраханцев, адъюнкт

Санкт-Петербургский университет МВД России
Санкт-Петербург (198206, ул. Летчика Пилютова, д. 1), Российская Федерация
Igor39.72@bk.ru
<https://orcid.org/0009-0003-6868-4138>

Аннотация:

Введение. Транспортная безопасность представляет собой важный элемент национальной безопасности современного государства, поэтому закономерным является широкое использование в современном законодательстве понятия «транспортная безопасность». В отечественном праве понимание транспортной безопасности претерпело содержательную трансформацию от узкоутилитарной категории, сводившейся к сохранности перевозимого имущества и технической исправности транспортных средств, до комплексного межотраслевого правового института, интегрирующего антитеррористическую защищенность объектов инфраструктуры, экологические императивы, информационную безопасность, а также международно-правовые стандарты организации перевозок. **Методы.** Принципиальное значение имеет доказанная в работе эффективность применения комплекса взаимодополняющих научных методов – историко-правового, формально-юридического, сравнительно-правового, системного, герменевтического, проблемно-аналитического и структурно-функционального. Подобный методологический синтез обеспечил многомерность исследования, позволив рассмотреть транспортную безопасность одновременно как исторически развивающееся явление, как действующую систему правовых норм и как объект перспективного нормотворческого совершенствования. В частности, системный метод дал возможность представить транспортную безопасность в виде целостного образования, включающего взаимосвязанные элементы: объекты транспортной инфраструктуры, транспортные средства, субъекты правоотношений, угрозы и меры противодействия. Проблемно-аналитический подход в свою очередь способствовал идентификации актуальных правовых пробелов и коллизий, требующих законодательного разрешения. **Результаты.** В результате проведенного исследования выделены этапы формирования понятия «транспортная безопасность», связанные в развитии отечественной государственно-правовой системы в периоды ранней государственности

Ключевые слова:

национальная безопасность, транспортная безопасность, обеспечение транспортной безопасности, транспорт, транспортные средства, периодизация развития, международное регулирование

Для цитирования:

Астраханцев И. В. «Транспортная безопасность»: опыт ретроспективного анализа формирования понятия // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2026. № 2 (110). С. 10–18.

(IX–XIV вв.) и Средневековья (XIV–XVII вв.), в условиях имперской России (XVIII – начало XX в.) и современного государства (с 1920-х гг. по настоящее время). Периодизация позволяет не только хронологически упорядочить процесс институционализации социальных отношений в сфере транспортной безопасности, но и раскрыть внутреннюю логику данного процесса. Каждый из выделенных этапов формирования понятия «транспортная безопасность» характеризуется специфическим сочетанием экономического, политического и технологического факторов, предопределивших содержание принимаемых нормативных актов и степень императивности закрепляемых предписаний.

Original article

“Transport security”: a retrospective analysis of the development of the concept

Igor V. Astrakhsantsev, Postgraduate

Saint Petersburg University of the MIA of Russia
1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation
Igor39.72@bk.ru
<https://orcid.org/0009-0003-6868-4138>

Abstract:

Introduction. Transport security is a key component of national security in the modern state. Thus, the widespread use of the term “transport security” in contemporary legislation is to be expected. Under national law, the concept of transport security has undergone a significant transformation from a narrowly defined category – limited to the protection of goods in transit and the proper technical condition of vehicles – to a comprehensive, cross-sectoral legal framework integrating anti-terrorism protection of infrastructure facilities, environmental imperatives, information security, and international legal standards regulating the organisation of transport operations.

Methods. The effectiveness of applying a set of complementary scientific methods – historical-legal, formal-legal, comparative-legal, systemic, hermeneutic, problem-analytical and structural-functional – as demonstrated in the research, is of fundamental importance. Such a methodological synthesis ensured the multidimensional nature of the study, enabling transport security to be examined simultaneously as a historically evolving phenomenon, as a functioning system of legal norms, and as an area for future regulatory improvement. In particular, the systems-based approach made it possible to describe transport security as a holistic entity comprising interrelated elements: transport infrastructure facilities, vehicles, legal entities, threats and countermeasures. The problem-analytical approach, in turn, contributed to identify relevant legal gaps and conflicts requiring legislative resolution. **Results.** The research resulted in identifying the stages in the development of the concept of “transport security” associated with the evolution of the national legal system during the periods of early statehood (9th–14th centuries), the Middle Ages (14th–17th centuries), the era of Imperial Russia (18th–early 20th centuries) and the modern state (from the 1920s to the present day). Periodisation makes it possible not only to organise the process of institutionalising social relations in the field of transport security chronologically, but also to reveal the internal logic of this process. Each of the identified stages in the development of the concept of ‘transport security’ is characterised by a specific combination of economic, political and technological factors that predetermined the content of the regulatory acts adopted and the degree of imperative nature of the stipulated provisions.

Keywords:

national security, transport security, transport security measures, transport, vehicles, stages of development, international regulation

For citation:

Astrakhsantsev I. V. “Transport security”: a retrospective analysis of the development of the concept // Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia. 2026. № 2 (110). P. 10–18.

The article was submitted March 11, 2026;
approved after reviewing May 27, 2026;
accepted for publication June 25, 2026.

Введение

Смысловой основой понятия «транспортная безопасность» является синтез двух самостоятельных концептов – «транспорт» и «безопасность». Актуальность проблем обеспечения национальной безопасности¹ [1; 2] потребовала выявления ее структурных элементов и места среди них транспортной безопасности [3].

¹ Дерюгин А. А., Нижник Н. С. Концептуальные основы общей теории национальной безопасности России : учебное пособие / под ред. С. Г. Лысенкова. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский военный институт войск национальной гвардии Российской Федерации, 2018. 93 с.

В отечественном праве термин «транспортная безопасность» впервые нашел свое законодательное закрепление в содержании ст. 1 Федерального закона «О транспортной безопасности»², принятом в 2007 году. Транспортная безопасность определена как состояние защищенности объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств от актов незаконного вмешательства. Таким образом, транспортная безопасность является относительно недавно легитимированным в качестве самостоятельного объекта законодательной регламентации феноменом [4]. Появление понятия «транспортная безопасность» представляет собой результат длительной эволюции, детерминированной объективными потребностями государства и общества в упорядочении перевозочной деятельности и минимизации сопутствующих ей угроз [5].

Методы

Для анализа эволюции и современного состояния понятия «транспортная безопасность» был задействован комплекс научных методов, обеспечивающих всестороннее осмысление предмета исследования. Выбор методологической основы обусловлен необходимостью сочетать историко-правовой подход с формально-юридическим анализом действующих норм, а также учитывать системную природу исследуемого социюридического феномена.

Первостепенное значение в исследовании имел историко-правовой метод, позволивший проследить генезис понятия «транспортная безопасность» в контексте развития отечественной государственно-правовой системы. С его помощью была реконструирована последовательность этапов формирования транспортных отношений – от утилитарных потребностей перемещения материальных ценностей и живой силы в IX–XIV вв. до институционализации общественных отношений в современную эпоху. В частности, проанализированы ключевые нормативные акты: Судебник 1497 года, установивший единые тарифы на пересылку грузов; Судебник 1589 года, закрепивший требования к содержанию дорог; Соборное уложение 1649 года, легализовавшее принцип свободы судоходства. Особое внимание уделено эволюции правовых представлений в период Российской империи, когда технологический скачок обусловил переход к системному регулированию транспортной безопасности.

Для раскрытия юридического содержания современных понятий и норм применен формально-юридический метод. Посредством толкования положений Федерального закона «О транспортной безопасности» были выявлены сущностные признаки транспортной безопасности как состояния защищенности объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств от актов противоправного вмешательства. Метод позволил детально проанализировать правовой режим объектов транспортной инфраструктуры, полномочия субъектов правоотношений, а также систему мер, направленных на предотвращение угроз. Особое внимание уделено технико-эксплуатационным требованиям, закрепленным в подзаконных актах, и механизмам контроля за их соблюдением.

Сравнительно-правовой метод использовался для сопоставления подходов к регулированию транспортной безопасности на разных исторических этапах. Сопоставление правовых режимов Средневековья, Российской империи, советского периода и современной России выявило преемственность и трансформацию норм, регулирующих перемещение грузов и пассажиров. Кроме того, метод позволил соотнести внутригосударственное регулирование с международно-правовыми стандартами, что особенно актуально в условиях глобализации транспортных коммуникаций и роста интенсивности международных перевозок.

Системный метод обеспечил рассмотрение транспортной безопасности как комплексного правового института, включающего взаимосвязанные элементы: объекты инфраструктуры, транспортные средства, субъекты правоотношений, угрозы и меры противодействия. С его помощью проанализирована функциональная взаимосвязь правовых, экономических и организационных компонентов системы. Выявлено, что требования к техническому состоянию дорог (экономический аспект функционирования системы транспортной безопасности) коррелируют с обязанностями надзорных органов (организационный аспект) и санкциями за нарушения (правовой аспект).

Нормативно-аналитический метод лег в основу изучения первоисточников – от средневековых судебных книг до современных нормативных правовых актов. Посредством анализа текстов законов и подзаконных актов установлена динамика правового регулирования: от обычая делового оборота, регулировавшего перевозки в ранний период, до кодифицированных норм, устанавливающих четкие процедуры обеспечения безопасности. Особое внимание уделено

² О транспортной безопасности : Федеральный закон от 9 февраля 2007 г. № 16-ФЗ (в ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). 2025. № 31. Ст. 4658.

эволюции технико-правовых требований к эксплуатации транспорта, что позволило выявить закономерности усиления регламентации в ответ на усложнение технологий.

Герменевтический метод был использован для уточнения смысловой нагрузки понятия «транспортная безопасность» в различных историко-правовых контекстах. Рассмотрение терминов через призму социально-экономических и технологических изменений показало, что первоначальное понимание безопасности как сохранности груза трансформировалось в комплексную категорию, включающую антитеррористическую защищенность, защиту персональных данных и экологическую безопасность. Посредством этого метода определено, что на развитие исследуемого понятия, на семантику правовых дефиниций важное влияние оказывают внешние факторы (например, развитие шифрования в облачных сервисах).

Проблемно-аналитический метод способствовал выявлению правовых пробелов и коллизий в регулировании транспортной безопасности. На основе анализа исторических и современных инцидентов (террористические акты против монархов, аварии из-за нарушения правил эксплуатации) определены ключевые вызовы: необходимость гармонизации международного и национального законодательства, адаптация норм к новым технологиям, обеспечение баланса между безопасностью и правами личности.

Структурно-функциональный метод раскрыл роль отдельных институтов в системе транспортной безопасности (например, функции Ямского приказа (XVI век), отвечавшего за почтовую доставку и сохранность отправок, сопоставлены с полномочиями современных надзорных органов) и позволил сделать вывод о том, что распределение компетенций между субъектами правоотношений (государственные органы, перевозчики, операторы инфраструктуры) влияет на эффективность обеспечения безопасности.

Метод периодизации позволил структурировать процесс становления понятия «транспортная безопасность» и выделить его ключевые этапы.

Эмпирико-исторический метод позволил, опираясь на анализ реальности на различных этапах российской истории (прежде всего инциденты с человеческими жертвами из-за нарушений транспортной безопасности, случаи террористических актов на транспорте), сделать вывод о том, что усиление регламентации транспортной безопасности всегда следовало за ростом угроз и усложнением технологий.

Применение различных методов обеспечило комплексный анализ предмета исследования: ретроспективный подход позволил выявить закономерности развития понятия, формально-юридический – раскрыть содержание понятия, а системный и проблемно-аналитический – определить перспективы совершенствования правового регулирования транспортной безопасности в условиях глобальных вызовов XXI века.

Результаты

Генезис понятия «транспорт» исторически обусловлен утилитарной потребностью в перемещении материальных ценностей и живой силы для решения ключевых задач военно-политического и торгово-экономического характера. Любые военные кампании – и оборонительные, и наступательные – требовали сложной логистики, включающей переброску на значительные расстояния личного состава, вооружения, снаряжения и провианта. В древности и Средневековье эти задачи решались, как правило, с помощью животной силы (гужевой и вьючный транспорт), а для торговых целей активно использовался и речной сплав. Несмотря на фактическое существование транспортных отношений, формирования понятия «транспорт» (и, соответственно, «транспортная безопасность») в то время еще не произошло.

Эволюция транспортных средств – развитие кораблестроения и усовершенствование наземной тяги путем создания колесных повозок (возов, телег) – интенсифицировала процессы перевозок и способствовала формированию представлений о транспорте и пониманию его социально-экономического значения.

В истории отечественного государства XIV–XVI вв. стали временем создания транспортной инфраструктуры и обеспечения безопасности перевозок: в условиях централизации государства и консолидации внутреннего рынка создание надежных коммуникаций и регламентация условий перемещения людей и грузов превратились в первоочередные задачи.

Регулирование транспортных отношений сначала осуществлялось обычаями делового оборота, которые со временем получали закрепление в правовых предписаниях. Так, например, ст. 30 «Указ о езде» Судебника 1497 года, изданного в период правления Ивана III³, зафиксировала

³ Судебники Иоанна III и Иоанна IV 1497 и 1555 гг. / Текст с указ. напеч. проф. М. Ключковым. Харьков : Историко-филологический факультет Императорского Харьковского университета, 1915. 51 с.

единые тарифы на пересылку официальных корреспонденций и грузов от столицы к периферийным административным центрам; Судебник Федора Иоанновича 1589 года⁴ закрепил технические требования по содержанию дорог и меры наказания за несвоевременный ремонт дорог⁵.

Задачи транспортировки грузов определенного вида в Московском государстве решал Ямской приказ⁶, образованный в 1555 году для доставки почты в виде государственной и частной переписки⁷. Задачами Ямского приказа были обеспечение сохранности доставляемых почтовых отправлений, разработка маршрутов перемещения ямщиков, создание системы почтовой доставки. В XVII веке для перевозки почты и пассажиров по дорогам Московского царства были привлечены купцы⁸ и организована почтовая служба [6, с. 29].

Нормы главы IX «О мытах и о перевозке, и о мостах» Соборного уложения 1649 года⁹ институционализировали принцип свободы судоходства, установив прямой запрет на возведение гидротехнических сооружений (плотин, мельниц), препятствующих судоходному движению. Этот правовой акт можно считать отправной точкой формирования в отечественной юридической системе специальных норм, регулирующих транспортное сообщение.

Последовавшее в период позднего Средневековья и Нового времени усложнение транспортных технологий объективно способствовало формированию новых правовых институтов, регламентирующих транспортные отношения, и зарождению концепции транспортной безопасности. Особенно интенсивно этот процесс протекал в Российской империи, когда технологический скачок от петровского кораблестроения до внедрения в XIX – начале XX века новых видов транспорта (железных дорог, паровых судов, автомобилей, дирижаблей) обусловил переход к осознанному и системному правовому регулированию данной сферы, выделив безопасность в качестве ее ключевого элемента.

В 1703 году официально начинается международная морская торговля [7, с. 20–21]: к берегам Голландии направилось русское торговое судно «Св. апостол Андрей Первозванный» [8, с. 266], и международная транспортная коммуникация становится атрибутивной чертой экономической жизни Российской империи.

На осмысление проблем транспортной безопасности как предмета государственного внимания оказали влияние случаи террористических актов в отношении правящих монархов – Николая I, Александра II, Александра III, предпринятые в условиях транспортных перевозок¹⁰ [9, с. 95].

Исторические хроники зафиксировали многочисленные инциденты со значительными человеческими жертвами, являвшимися прямым следствием нарушения установленных требований безопасности. Несмотря на существенные различия в нормативных требованиях к организации сухопутного, водного и железнодорожного сообщения, их общей чертой выступала законодательно закреплённая необходимость соблюдения правил, призванных минимизировать риски для жизни и здоровья людей.

Стремительное технологическое развитие в XX–XXI вв. способствовало появлению новых видов транспорта, расширению сети транспортных путей и маршрутов. Глобализационные процессы обусловили интенсивность международных контактов [10] и усложнение международной транспортной коммуникации. Обеспечение транспортной безопасности потребовало и решения задач внутригосударственного и локального масштаба¹¹ [11; 12], и активного международного взаимодействия и правовой гармонизации¹². Особую актуальность приобрели вопросы безопасности

⁴ Судебник царя Федора Иоанновича 1589 г. : по списку собр. Ф. Ф. Мазурина. Москва : Комис. печатания гос. грамот и договоров при Моск. гл. арх. М-ва иностр. дел, 1900. 57 с.

⁵ Транспорт России. История правового регулирования : сборник транспортных уставов и кодексов : в 2 т. / сост. А. Ю. Синенко. Москва : А2–А4, 2008. Т. 1. С. 334.

⁶ Нижник Н. С. История отечественного государства и права (IX–XVI вв.): Древняя и Средневековая Русь : учебное пособие. Санкт-Петербург : Издательство Санкт-Петербургского университета МВД России, 2013. С. 143.

⁷ Лисейцев Д. В., Рогожин Н. М., Эскин Ю. М. Приказы Московского государства XVI–XVII вв. : словарь-справочник. Москва : Центр гуманитарных инициатив, 2015. С. 76.

⁸ Спирин И. В. Автотранспортное право : учебник. 2-е изд., испр. и доп. Москва : Академия, 2006. С. 36.

⁹ Соборное уложение 1649 г. // Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. [Собрание 1-е]. № 1.

¹⁰ Будницкий О. В. История терроризма в России в документах, биографиях, исследованиях : дополнительное учебное пособие. Изд. 2-е, доп. и перераб. Ростов-на-Дону : Феникс, 1996. С. 303.

¹¹ Астраханцев И. В. Транспортная безопасность современного государства как социюридический феномен // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2024. № 3 (103). С. 10–29. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-3-10-29>

¹² Обзор международных нормативных правовых актов в сфере безопасности перевозок, транспорта и обеспечения транспортных процессов // Организация Объединенных Наций : [официальный сайт]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conv_transport.shtml (дата обращения: 13.11.2025).

пассажирских перевозок, сохранности грузов, защиты прав отправителей и получателей, проблемы антитеррористической защищенности объектов транспортного комплекса в Российской Федерации и зарубежных странах. Глобализация и цифровизация всех сфер общественных отношений оказали комплексное воздействие на правовую сферу, которое проявилось:

- в разработке системных подходов к юридическому закреплению прав, обязанностей и мер ответственности всех субъектов транспортных отношений;
- в детализации технико-эксплуатационных требований, предъявляемых к транспортным средствам;
- в формировании механизмов контроля за соблюдением нормативов, обеспечивающих безопасную эксплуатацию;
- в определении правовых режимов устройства и использования транспортной инфраструктуры на национальном и международном уровнях.

Ретроспективный анализ позволяет констатировать, что генезис концепции транспортной безопасности в отечественном государстве носил поступательный и стадийный характер. На основе содержательного и теоретико-правового анализа эволюции концепции транспортной безопасности представляется возможным выделить следующие ключевые этапы формирования понятия «транспортная безопасность»:

- IX–XIV века: этап возникновения объективных предпосылок, связанных с зарождением и развитием транспортных связей как таковых;
- XV–XVII века: формирование базовых представлений, детерминированное появлением новых видов транспорта, расширением путей сообщения и началом первичного правового регулирования эксплуатации транспорта;
- XVIII – начало XX века: оформление понятия «транспортная безопасность», смысловое наполнение которого было обусловлено осознанием специфических угроз, возникающих в процессе эксплуатации транспорта, и масштабом общественно опасных последствий от нарушения установленных требований безопасности;
- с 1920-х годов по настоящее время: систематизация представлений о транспортной безопасности и институционализация норм ее обеспечения, вызванная усложнением транспортных процессов в глобальном масштабе и формированием самостоятельной отрасли правоотношений в сфере перевозок пассажиров и грузов.

Реконструкция основных исторических этапов формирования представлений о транспортной безопасности свидетельствует о многомерности и сложности организационно-правовых процессов, сопровождающих развитие и использование транспортных систем.

Выделение этих этапов может выступить общетеоретическим фундаментом для дальнейшего полномасштабного исследования транспортной безопасности в контексте национальной безопасности государства [1; 2] с учетом особенностей объективно складывающейся социально-экономической и политической ситуации, актуальных задач и потребностей государства, определяющихся уровнем его научно-технологического развития и глобализационных процессов современного мира.

Предложенная периодизация и выявленные закономерности эволюции правового регулирования могут служить методологическим ориентиром при изучении смежных правовых институтов, связанных с обеспечением безопасности в различных сферах общественных отношений. Исторически верифицированный вывод о прямой зависимости степени регламентации от уровня технологического развития и актуального спектра угроз приобретает прогностическую ценность, позволяя определять перспективы и основные направления развития транспортного законодательства в среднесрочной и долгосрочной перспективе.

В Российской Федерации на современном этапе используется понятие «транспортная безопасность». В основе его смыслового наполнения лежит понимание данного состояния как защищенности объектов транспортной инфраструктуры и самих транспортных средств от актов противоправного вмешательства. Соответственно, обеспечение транспортной безопасности трактуется как практическая реализация всеобъемлющей системы мер, носящей правовой, экономический и организационный характер. Эта система разрабатывается и устанавливается государством, а ее содержание определяется актуальным спектром угроз совершения вышеуказанных противоправных действий в рамках транспортного комплекса.

Данные концептуальные положения получили фиксацию в Федеральном законе от 9 февраля 2007 г. № 16-ФЗ «О транспортной безопасности»¹³, что придает им императивный характер и формирует нормативно-правовую основу для дальнейшего регулирования отношений в данной сфере.

¹³ СЗ РФ. 2025. № 31. Ст. 4658.

Транспортная безопасность одновременно может быть рассмотрена как исторически развивающееся явление, как действующая система правовых норм и как объект перспективного нормотворческого совершенствования. Транспортная безопасность предстает в виде целостного образования, включающего взаимосвязанные элементы: объекты транспортной инфраструктуры, транспортные средства, субъекты правоотношений, угрозы и меры противодействия.

Современное состояние правового регулирования транспортной безопасности в Российской Федерации характеризуется достаточно высоким уровнем нормативной разработанности [13; 14]. Легальное определение транспортной безопасности как состояния защищенности объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств от актов противоправного вмешательства, равно как и трактовка обеспечения транспортной безопасности в качестве системы мер правового, экономического и организационного характера, образуют концептуальный каркас, на котором базируется отраслевое законодательство и подзаконное нормотворчество. Вместе с тем проблемно-аналитический ракурс исследования высветил ряд сохраняющихся противоречий и нерешенных задач, требующих учесть:

- необходимость дальнейшей гармонизации национального законодательства с международно-правовыми стандартами в условиях глобализации транспортных коммуникаций и роста интенсивности трансграничных перевозок;

- потребность в адаптации правового регулирования к внедрению принципиально новых транспортных технологий, включая беспилотные транспортные средства и цифровые логистические платформы;

- задачу обеспечения конституционно обоснованного баланса между требованиями антитеррористической защищенности объектов транспортного комплекса и гарантиями прав и свобод личности;

- потребность в устранении межведомственной разобщенности и дублирования контрольных функций при осуществлении надзора за соблюдением транспортного законодательства.

Сложное и многокомпонентное понятие «транспортная безопасность» отражает особенности регулирования общественных отношений в сфере организации транспортного движения, перемещения людей, грузов, товаров и состояния транспортных средств и подчеркивает важность устранения угроз, составляющих национальную безопасность современного российского государства [4].

3 заключение

Транспортная безопасность – относительно недавно легитимированный в качестве самостоятельного объекта законодательной регламентации феномен. Возникновение понятия «транспортная безопасность» не является результатом единовременного законодательного волеизъявления, а представляет собой продукт многовековой эволюции, детерминированной объективными потребностями государства и общества в упорядочении перевозочной деятельности и минимизации сопутствующих ей угроз.

Анализ нормативных источников от средневековых судебников до современного федерального законодательства позволяет выявить устойчивую закономерность: каждый качественный скачок в развитии транспортных технологий неизбежно влек за собой усложнение системы правовых требований к организации перевозок, ужесточение контрольных механизмов и расширение понятийного аппарата. В основе стадийного, поступательного характера формирования концепции транспортной безопасности лежит диалектическое взаимодействие технологического прогресса и правотворческой деятельности государства.

Выделение этапов формирования концепции транспортной безопасности позволяет не только хронологически упорядочить процесс институционализации отношений в сфере обеспечения транспортной безопасности, но и раскрыть внутреннюю логику данного процесса. Каждый из выделенных этапов характеризуется специфическим сочетанием факторов экономического, политического и технологического порядка, предопределивших как содержание принимаемых нормативных актов, так и степень императивности закрепляемых предписаний.

Понимание транспортной безопасности претерпело содержательную трансформацию от узкоутилитарной категории «транспортная безопасность», сводившейся к сохранности перевозимого имущества и технической исправности транспортных средств, до комплексного межотраслевого правового института, интегрирующего антитеррористическую защищенность объектов инфраструктуры, экологические императивы, информационную безопасность, а также международно-правовые стандарты организации перевозок. Данная трансформация нашла свое адекватное отражение в понятийно-категориальном аппарате отечественного права: от обычая делового оборота через позитивацию в нормативных правовых актах Московской

Руси и имперской России к легальной дефиниции, закреплённой в Федеральном законе от 9 февраля 2007 г. № 16-ФЗ «О транспортной безопасности»¹⁴.

«Транспортная безопасность» в ее современном нормативном выражении представляет собой не статичное, раз и навсегда установленное понятие, а динамичную, развивающуюся категорию, содержание которой находится в непрерывном процессе обновления. Этот процесс детерминирован как объективными факторами – технологическим прогрессом, глобализацией, появлением новых видов угроз, – так и субъективным фактором нормотворческой деятельности, призванной своевременно и адекватно реагировать на возникающие вызовы. Как подтверждают дискуссии ученых на научных конференциях в Санкт-Петербургском университете МВД России¹⁵ [15–20], дальнейшая научная разработка проблематики транспортной безопасности должна быть ориентирована на поиск оптимальных правовых моделей, способных обеспечить надежную защищенность транспортного комплекса при сохранении условий для его устойчивого развития и соблюдении прав участников перевозочного процесса.

Список источников

1. Нижник Н. С. Национальная безопасность: концептуальные основания и феноменологическая характеристика / Международное сообщество и глобализация угроз безопасности : сборник научных докладов : в 2 ч. / отв. ред.: В. В. Грохотова, Б. Н. Ковалев, Е. А. Макарова. Великий Новгород : Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, 2008. Ч. 1: Исторические, теоретические и правовые аспекты противодействия угрозам национальной безопасности. С. 69–88.
2. Нижник Н. С. Безопасность как феномен социально-юридической реальности и объект сервиса безопасности / Сервис безопасности в России: опыт, проблемы, перспективы : материалы II международной научно-практической конференции, г. Санкт-Петербург, 29–31 октября 2009 г. : [в 2-х т.] / сост.: В. С. Артамонов, Н. И. Уткин, Г. Ф. Архипов, Ю. А. Волкова. Санкт-Петербург : [Санкт-Петербургский университет государственной противопожарной службы МЧС России], 2009. Т. 1. С. 137–142.
3. Астраханцев И. В. Транспортная безопасность: особенности формирования системы в контексте государственно-правового развития России / Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 25-летию Санкт-Петербургского университета МВД России) : материалы XX международной научно-теоретической конференции г. Санкт-Петербург, 27–28 апреля 2023 г. : в 2-х ч. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2023. С. 897–904.
4. Астраханцев И. В. Особенности нормативного закрепления понятия «транспортная безопасность» в российском законодательстве / XI Балтийский юридический форум «Закон и правопорядок в третьем тысячелетии» : материалы международной научно-практической конференции, г. Калининград, 16 декабря 2022 г. / отв. ред. С. В. Векленко. Калининград : Калининградский филиал Санкт-Петербургского университета МВД России, 2023. С. 84–85.
5. Астраханцев И. В. «Транспортная безопасность»: об особенностях формирования понятия в российском праве / Правоохранительная деятельность органов внутренних дел в контексте современных научных исследований : материалы всероссийской научно-практической конференции адъюнктов, аспирантов и соискателей, г. Санкт-Петербург, 23 декабря 2022 г. / сост. Э. Р. Миргородская. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2022. С. 16–22.
6. Обеспечение безопасности дорожного движения: генезис системы в Российском государстве : монография / Нижник Н. С., Квитчук А. С., Андреева И. А., Чимаров С. Ю. [и др.]. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2023. 292 с.
7. Мушкет И. И., Нижник Н. С., Симонова Н. В. Таможенная служба Санкт-Петербурга. 1703–2003 : монография. Санкт-Петербург : Сатис, 2003. 335 с.
8. Захаров В. Н. Становление торгового судоходства в Петербургском порту при Петре Великом (по данным записей о взимании Зундской пошлины) / Петр Великий, Российская власть и общество в эпоху перемен : сборник статей к 70-летию со дня рождения Юрия Николаевича Беспятовых / отв. ред.: Т. А. Базарова, М. Е. Проскурякова. Санкт-Петербург : Историческая иллюстрация, 2019. С. 262–284. <https://doi.org/10.51255/9999-023A-2019-00010>
9. Петрищев В. Е. Заметки о терроризме : [монография]. Москва : Эдиториал УРСС, 2001. 288 с.
10. Нижник Н. С., Алиев Я. Л. Доктрина юридической прогнозирования: определение сценариев развития государственно-правовых явлений / Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права (Сорокинские чтения) : международная научно-практическая конференция, г. Санкт-Петербург, 26 марта 2021 г. / под общ. ред. А. И. Каплунова. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2021. С. 133–138.
11. Агааркова Н. А. Некоторые особенности нормативного правового регулирования транспортной безопасности Российской Федерации на современном этапе: проблемы и пути решения // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2021. № 1 (44). С. 170–177. <https://doi.org/10.17308/vsu.proc.law.2021.1/3273>
12. Астраханцев И. В. Основные трудности в сфере обеспечения транспортной безопасности Российской Федерации на современном этапе и пути их преодоления / Экстремальные ситуации, конфликты, социальное согласие : сборник материалов XXV Международной научно-практической конференции, г. Москва, 23 ноября 2023 г. Москва : Академия управления МВД России, 2023. С. 13–20.
13. Правовое обеспечение транспортной безопасности в России : монография / Сидоркин А. И., Ирошников Д. В., Землин А. И., Корякин В. М. [и др.]. Москва : Российский университет транспорта, 2021. 264 с.
14. Ирошников Д. В. Проблемы организационно-правового обеспечения региональной безопасности в субъектах Российской Федерации // Lex Russica (Русский закон). 2025. Т. 78, № 10 (227). С. 58–68. <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2025.227.10.058-068>
15. Нижник Н. С., Нудненко Л. А. Империя и федерация как формы социальной организации в контексте ретроспективного и теоретико-правового анализа (К 100-летию образования СССР) // Государство и право. 2022. № 12. С. 186–192. <https://doi.org/10.31857/S102694520023313-5>

¹⁴ СЗ РФ. 2025. № 31. Ст. 4658.

¹⁵ Нижник Н. С., Савельева М. В. Юридическая наука в России: особенности современного состояния и перспективы развития // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2024. № 1(101). С. 34–50. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-1-34-50>

16. Нижник Н. С., Нудненко Л. А. Советское государство и общество: основные направления взаимодействия // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2022. Т. 8 (74), № 4. С. 384–394.
17. Нижник Н. С., Лясович Т. Г. Полицейская деятельность и профессиональная подготовка сотрудников органов внутренних дел как предмет правовых исследований // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2024. Т. 10 (76), № 1. С. 410–426.
18. Нижник Н. С., Нудненко Л. А. Права человека – проблема актуального юридического и политического дискурса // Гражданское общество в России и за рубежом. 2024. № 1. С. 8–13. <https://doi.org/10.18572/2221-3287-2024-1-8-13>
19. Нижник Н. С., Нудненко Л. А. Юридическая наука в России как фактор социальных трансформаций современности // Государство и право. 2024. № 3. С. 202–208. <https://doi.org/10.31857/S1026945224030215>
20. Сидоренко Н. С., Нижник Н. С. Политико-правовая мысль как объект современных научных исследований // История государства и права. 2024. № 7. С. 41–49. <https://doi.org/10.18572/1812-3805-2024-7-41-49>

References

1. Nizhnik N. S. Nacional'naya bezopasnost': konceptual'nye osnovaniya i fenomenologicheskaya karakteristika / Mezhdunarodnoe soobshchestvo i globalizatsiya ugroz bezopasnosti : sbornik nauchnykh dokladov : v 2 ch. / otv. red.: V. V. Grohotova, B. N. Kovalev, E. A. Makarova. Velikiy Novgorod : Novgorodskiy gosudarstvennyy universitet imeni Yaroslava Mudrogo, 2008. CH. 1: Istoricheskie, teoreticheskie i pravovye aspekty protivodejstviya ugrozam nacional'noj bezopasnosti. S. 69–88.
2. Nizhnik N. S. Bezopasnost' kak fenomen social'no-yuridicheskoy real'nosti i ob'ekt servisa bezopasnosti / Servis bezopasnosti v Rossii: opyt, problemy, perspektivy : materialy II mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferencii, g. Sankt-Peterburg, 29–31 oktyabrya 2009 g. : [v 2-h t.] / sost.: V. S. Artamonov, N. I. Utkin, G. F. Arhipov, Yu. A. Volkova. Sankt-Peterburg : [Sankt-Peterburgskiy universitet gosudarstvennoy protivopozharnoy sluzhby MCHS Rossii], 2009. T. 1. S. 137–142.
3. Astrahancev I. V. Transportnaya bezopasnost': osobennosti formirovaniya sistemy v kontekste gosudarstvenno-pravovogo razvitiya Rossii / Gosudarstvo i pravo: evolyuciya, sovremennoe sostoyanie, perspektivy razvitiya (k 25-letiyu Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii) : materialy XX mezhdunarodnoy nauchno-teoreticheskoy konferencii g. Sankt-Peterburg, 27–28 aprelya 2023 g. : v 2-h ch. Sankt-Peterburg : Sankt-Peterburgskiy universitet MVD Rossii, 2023. S. 897–904.
4. Astrahancev I. V. Osobennosti normativnogo zakrepleniya ponyatiya «transportnaya bezopasnost'» v rossijskom zakonodatel'stve / XI Baltijskij yuridicheskij forum «Zakon i pravoporyadok v tret'em tysyacheletii» : materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferencii, g. Kaliningrad, 16 dekabrya 2022 g. / otv. red. S. V. Veklenko. Kaliningrad : Kaliningradskiy filial Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii, 2023. S. 84–85.
5. Astrahancev I. V. «Transportnaya bezopasnost'»: ob osobennostyah formirovaniya ponyatiya v rossijskom prave / Pravoohranitel'naya deyatel'nost' organov vnutrennih del v kontekste sovremennykh nauchnykh issledovaniy : materialy vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferencii ad'yunktov, aspirantov i soiskatelej, g. Sankt-Peterburg, 23 dekabrya 2022 g. / sost. E. R. Mirgorodskaya. Sankt-Peterburg : Sankt-Peterburgskiy universitet MVD Rossii, 2022. S. 16–22.
6. Obespechenie bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya: genezis sistemy v Rossijskom gosudarstve : monografiya / Nizhnik N. S., Kvitchuk A. S., Andreeva I. A., Chimarov S. Yu. [i dr.]. Sankt-Peterburg : Sankt-Peterburgskiy universitet MVD Rossii, 2023. 292 s.
7. Mushket I. I., Nizhnik N. S., Simonova N. V. Tamozhennaya sluzhba Sankt-Peterburga. 1703–2003 : monografiya. Sankt-Peterburg : Satis, 2003. 335 s.
8. Zaharov V. N. Stanovlenie torgovogo sudohodstva v Peterburgskom portu pri Petre Velikom (po dannym zapisej o vzimanii Zundskoj poshliny) / Petr Velikij, Rossijskaya vlast' i obshchestvo v epohu peremen : sbornik statej k 70-letiyu so dnya rozhdeniya Yuriya Nikolaevicha Bespyatyh / otv. red.: T. A. Bazarova, M. E. Proskuryakova. Sankt-Peterburg : Istoricheskaya illyustratsiya, 2019. S. 262–284. <https://doi.org/10.51255/9999-023A-2019-00010>
9. Petrishchev V. E. Zametki o terrorizme : [monografiya]. Moskva : Editorial URSS, 2001. 288 s.
10. Nizhnik N. S., Aliev Ya. L. Doktrina yuridicheskogo prognozirovaniya: opredelenie scenariy razvitiya gosudarstvenno-pravovykh yavlenij / Aktual'nye problemy administrativnogo i administrativno-processual'nogo prava (Sorokinskie chteniya) : mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferenciya, g. Sankt-Peterburg, 26 marta 2021 g. / pod obshch. red. A. I. Kaplunova. Sankt-Peterburg : Sankt-Peterburgskiy universitet MVD Rossii, 2021. S. 133–138.
11. Agarkova N. A. Nekotorye osobennosti normativnogo pravovogo regulirovaniya transportnoj bezopasnosti Rossijskoj Federacii na sovremenno etape: problemy i puti resheniya // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo. 2021. № 1 (44). S. 170–177. <https://doi.org/10.17308/vsu.proc.law.2021.1/3273>
12. Astrahancev I. V. Osnovnye trudnosti v sfere obespecheniya transportnoj bezopasnosti Rossijskoj Federacii na sovremenno etape i puti ih preodoleniya / Ekstremal'nye situacii, konflikty, social'noe soglasie : sbornik materialov XXV Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferencii, g. Moskva, 23 noyabrya 2023 g. Moskva : Akademiya upravleniya MVD Rossii, 2023. S. 13–20.
13. Pravovoe obespechenie transportnoj bezopasnosti v Rossii : monografiya / Sidorkin A. I., Iroshnikov D. V., Zemlin A. I., Koryakin V. M. [i dr.]. Moskva : Rossijskij universitet transporta, 2021. 264 s.
14. Iroshnikov D. V. Problemy organizacionno-pravovogo obespecheniya regional'noj bezopasnosti v sub'ektah Rossijskoj Federacii // Lex Russica (Russkij zakon). 2025. T. 78, № 10 (227). S. 58–68. <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2025.227.10.058-068>
15. Nizhnik N. S., Nudnenko L. A. Imperiya i federaciya kak formy social'noj organizacii v kontekste retrospektivnogo i teoretiko-pravovogo analiza (K 100-letiyu obrazovaniya SSSR) // Gosudarstvo i pravo. 2022. № 12. S. 186–192. <https://doi.org/10.31857/S102694520023313-5>
16. Nizhnik N. S., Nudnenko L. A. Sovetskoe gosudarstvo i obshchestvo: osnovnye napravleniya vzaimodejstviya // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki. 2022. T. 8 (74), № 4. S. 384–394.
17. Nizhnik N. S., Lyasovich T. G. Policejskaya deyatel'nost' i professional'naya podgotovka sotrudnikov organov vnutrennih del kak predmet pravovykh issledovaniy // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki. 2024. T. 10 (76), № 1. S. 410–426.
18. Nizhnik N. S., Nudnenko L. A. Prava cheloveka – problema aktual'nogo yuridicheskogo i politicheskogo diskursa // Grazhdanskoe obshchestvo v Rossii i za rubezhom. 2024. № 1. S. 8–13. <https://doi.org/10.18572/2221-3287-2024-1-8-13>
19. Nizhnik N. S., Nudnenko L. A. Yuridicheskaya nauka v Rossii kak faktor social'nykh transformacij sovremennosti // Gosudarstvo i pravo. 2024. № 3. S. 202–208. <https://doi.org/10.31857/S1026945224030215>
20. Sidorenko N. S., Nizhnik N. S. Politiko-pravovaya mysl' kak ob'ekt sovremennykh nauchnykh issledovaniy // Istoriya gosudarstva i prava. 2024. № 7. S. 41–49. <https://doi.org/10.18572/1812-3805-2024-7-41-49>

Научная статья
УДК 34.09

Политико-правовые инструменты интеграции наций в единое советское политическое пространство в начале XX века

Игорь Борисович Данилов, кандидат юридических наук, доцент

Сибирский государственный университет геосистем и технологий
Новосибирск (630108, ул. Плеханова, д. 10), Российская Федерация
0615222@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-6443-3951>

Аннотация:

Введение. В статье исследуется процесс организации единого политического пространства Советского государства в начале XX века. Выявляются и анализируются политико-правовые инструменты, используемые государством для интеграции наций в него. Дается характеристика участию национальных элит в организации советской федерации в начале XX века. Актуальность темы связана со значительной ролью инструментария политической интеграции наций в процессе государственного строительства. Исследование содержания и направлений деятельности национальных элит при этом является важным фактором для объяснения причин ряда государственных решений, обусловивших своеобразие советского федерализма. **Методы.** Для получения достоверных данных в исследовании применялись диалектический метод всеобщего познания, общелогические методы (анализ, синтез, абстрагирование, сравнение), общенаучные (системный, структурно-функциональный), а также частнонаучные (формально-юридический, историко-правовой). **Результаты.** Определен комплекс причин возникновения национальных конфликтов в период становления Советского государства, подчеркнут их искусственный характер. Создание межнациональной напряженности являлось инструментом борьбы элит за независимость. Выявлены мотивы проведения ими политики сепаратизма и движения в сторону отделения. Основной причиной являлись риски утраты прав в сфере публичного управления, юридических статусов и имущественного положения, гарантировавшихся им в рамках имперской парадигмы развития государства. В условиях разрушения прежних механизмов и конструкций территориальной интеграции Российской империи актуальной задачей государства стала разработка новой формулы соединения этносов с государством, приобщения народов к общечивилизационному движению. В качестве причины, обусловившей воссоединение территорий российского государства в рамках новой федеративной модели СССР, определяется комплекс интегрирующих факторов. Дается характеристика таким факторам, как этнокультурный, религиозный, идеологический, государственно-политический, правовой и военный.

Ключевые слова:

политическое пространство, нации, национальные элиты, Советское государство, федерация, федерализм, сепаратизм, интеграция

Для цитирования:

Данилов И. Б. Политико-правовые инструменты интеграции наций в единое советское политическое пространство в начале XX века // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2026. № 2 (110). С. 19–28.

Статья поступила в редакцию 01.08.2025;
одобрена после рецензирования 18.03.2026;
принята к публикации 25.06.2026.

Original article

Political and legal instruments for integrating nations into a single Soviet political space in the early 20th century

Igor B. Danilov, Cand. Sci. (Jurid.), Docent

Siberian State University of Geosystems and Technologies
10, Plakhotnogo str., Novosibirsk, 630108, Russian Federation
0615222@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-6443-3951>

© Данилов И. Б., 2026



Abstract:

Introduction. The research focuses on the process of establishing a single political space within the Soviet state in the early 20th century. In addition, the study provides an overview and analysis of the political and legal instruments implemented by the state to foster national integration. It also examines the role played by national elites in the formation of the Soviet federation in the early 20th century. The relevance of the subject under consideration is connected with the significant impact of the mechanisms (instruments) of political integration of nations within the process of state-building. In this context, an examination of the nature and activities of national elites is considered as a key factor in explaining the reasons behind a number of state decisions that shaped the unique characteristics of Soviet federalism. **Methods.** For the purpose of obtaining reliable data, the research involved the dialectical method of universal cognition, general logical methods (analysis, synthesis, abstraction, comparison), general scientific methods (systemic, structural-functional), as well as discipline-specific methods (formal-legal, historical-legal). **Results.** A complex of reasons leading to national conflicts during the Soviet state's formation has been identified, and their artificial nature has been highlighted. The creation of interethnic tensions served as a tool for elite political struggles for independence. The motives behind their separatist policies and shift towards secession have been identified. The main reason was the risk of losing the rights in the sphere of public administration, legal status and property rights guaranteed to them within the framework of the imperial paradigm of state development. With the destruction of the former mechanisms and structures of territorial integration within the Russian Empire, the state's immediate task became the development of a new formula for uniting ethnic groups with the state and integrating peoples into the broader civilisational movement. A complex of integrating factors is identified as the reason behind the reunification of the territories of the Russian state within the framework of the USSR's new federal model. Factors such as ethno-cultural, religious, ideological, state-political, legal and military aspects are described.

Keywords:

political space, nations, national elites, the Soviet state, federation, federalism, separatism, integration

For citation:

Danilov I. B. Political and legal instruments for integrating nations into a single Soviet political space in the early 20th century // *Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia*. 2026. № 2 (110). P. 19–28.

The article was submitted August 1, 2025;
approved after reviewing March 18, 2026;
accepted for publication June 25, 2026.

Введение

Процесс национально-государственного строительства РСФСР в начале XX века является предметом пристального научного изучения на протяжении многих лет. Становление советской федерации проходило в крайне тяжелых условиях: гражданская война, внешняя интервенция, низложение существовавших государственно-правовых институтов, разрушение системы регионального управления. Все это требовало поиска нового механизма социально-политической интеграции, установления принципиально иной архитектуры взаимодействия народов и наций в рамках нового федеративного государства. Исследование советского федерализма всегда сопровождается констатацией его крайней самобытности и своеобразия. В условиях существенных рисков утраты территориальной целостности, единства и суверенитета советской власти удалось «пересобрать» российское государство, создав необходимые условия для совместного проживания многочисленных народов и наций в рамках новой цивилизационной модели.

Сложность и многогранность описанного процесса обусловливается в т. ч. множественностью его участников. Одним из наиболее важных субъектов процесса национально-государственного строительства в рамках советской федерации выступали национальные группы и элиты. Именно их интересы зачастую выступали решающим фактором при принятии отдельных решений, связанных с интеграцией конкретного региона в единое политическое пространство Советского государства.

Само понятие «национальной элиты» не использовалось в советской доктрине раннего периода и не было включено в научный оборот. Этому препятствовало вполне очевидное противоречие марксистской идеологии, отрицавшей существование элит в их западном понимании, и их роль в новом бесклассовом обществе. Данная категория оказалась востребованной лишь после перестройки, в частности, для объяснения процессов национального сепаратизма. Современные исследования факторов распада СССР весьма редко обходятся без упоминания разрушительного потенциала действий национальных элит. Например, А. П. Мякшев отмечает, что национальные элиты ко времени перестройки фактически превратились в полноправных хозяев национальных республик и стремились стать «собственниками» «своих этнических территорий» [1, с. 322]. Д. А. Аманжолова подчеркивает, что советская политическая система искусственно создавалась для непосредственного встраивания национальных элит во все властные структуры. Этничность была неотъемлемой частью каркаса власти национальных республик [2, с. 24].

Резюмируя различные подходы, представленные в рамках отдельных наук, можно обобщить, что национальные элиты представляют собой группы лиц единой этнической принадлежности, обладающие привилегированным положением внутри народности, автономия которой

признавались в ходе государственного строительства, а также доступом к инструментам власти и общественного влияния.

Таким образом, исследование процесса интеграции наций в единое советское политическое пространство в начале XX века в разрезе применяемых политико-правовых инструментов, а также анализ участия национальных элит в ходе национально-государственного строительства в пределах территории российского государства однозначно заключают в себе значительный научный потенциал.

Источниковая база исследования включает в себя нормативно-правовые акты послереволюционного периода, архивные материалы, отражающие правоприменительную и административно-управленческую деятельность советских государственных органов и должностных лиц, научные работы советской и современной эпохи. В числе последних следует особенно выделить монографию Н. И. Краснякова «Российская империя: опыт управления национальными регионами (середина XVII – начало XX вв.)», в которой автор подробно исследует организацию национально-регионального управления в Российской империи, а также коллективную монографию Н. И. Биюшкиной, С. В. Кодана и Ф. С. Сосенкова «Советский федерализм как результат политико-правовой бифуркации: идеологическое и организационное оформление». В данной работе на основе применения чрезвычайно функционального бифуркационного подхода производится комплексный анализ федеративного строительства в Советском государстве, характеризуется процесс переустройства политического пространства.

Вовлечение в исследовательский процесс широкого круга источников различного типа позволило произвести объективное исследование и получить непротиворечивые выводы, обладающие научной новизной.

Методы

Методология научного исследования основывается на комплексном применении диалектического метода всеобщего познания, общелогических методов научного познания (анализ, синтез, абстрагирование, сравнение), общенаучных (системный, структурно-функциональный) и частнонаучных (формально-юридический, исторический) методов.

Диалектический метод как основа всеобщего познания позволил выявить феномен конструирования единого политического пространства государства в начале XX века, установить проблемы, возникающие в ходе этого процесса, и определить их природу. Применение данного инструмента также дало возможность очертить круг интегрирующих факторов, способствовавших обретению единства народами и нациями России, а также установить конкретные механизмы, применяемые государством для целей их интеграции.

Общенаучные методы познания обеспечили достоверное и полное изучение описанных процессов, а также выявление объективно-существующих закономерностей. Общелогические методы обусловили последовательный, непротиворечивый и завершенный характер исследования.

Применение специальных научных методов, в частности, историко-правового, позволило проанализировать генезис участия национальных элит в национально-государственном строительстве и выявить исторические предпосылки усиления регионального сепаратизма в РСФСР.

Результаты

Территориальный состав РСФСР в первые годы ее существования юридически не был формализован. Условия гражданской войны, внешней интервенции, ликвидация прежней системы регионально-территориального управления приводили к тому, что на практике зачастую вообще невозможно было установить принадлежность конкретного региона к Советскому государству, а также правовые основы его интеграции. В рамках ранее политически несамостоятельных губерний образовывались новые относительно-самостоятельные национальные субъекты, которые, основываясь на лозунге Ленина о свободе самоопределения, принимали решение о вхождении в состав советской федерации, формах и правовых конструкциях такого вхождения.

Процессы национального самоопределения развивались абсолютно свободно и не встречали какого-либо сопротивления со стороны большевиков, поскольку идеологема мировой революции обосновывала формирование новой исторической общности – советского народа [3, с. 35]. В будущем ему надлежало заменить собой все нации и народности, нивелировав их различия. Развитие социалистического государства в конечном итоге должно было привести

к слиянию наций, созданию единого безнационального общемирового коммунистического сообщества [4, с. 4].

Н. И. Биюшкина отмечает, что становление федеративного пространства происходило во многом «явочным порядком» и нередко в условиях национальных конфликтов. Так, в поступившем на имя Народного комиссара по делам национальностей докладе от представителей мусульман Северного Кавказа Яндаровых, датированном декабрем 1917 года, указывается на критическое положение, сложившееся в Чечне и Ингушетии в период накануне становления новых федеративных единиц: «По поступающим сведениям, [если] теперь же Советское Правительство не усилит агитации среди Горцев и Русских в пользу союза между ними, а также если теперь же не пошлет своего полномоченного представителя в этот край, то между Горцами Кавказа и Русским населением и пехотными частями кровопролития неизбежны, а в последствии которого будут ослабления обеих сторон, чего, конечно, добиваются казаки, после чего им и не будет угрозы ни с чьей стороны, и они останутся полными хозяевами страны и будут продолжать дело угнетения народов» [5, с. 40].

Угрозой кровопролития сопровождалась и попытка установления советской власти в пределах Татарской и Волжско-Камской республик. Отмечается, что противодействие здесь достигло таких масштабов, что вооруженные мусульманские полки уже фактически стояли напротив красных отрядов, готовясь к сражению. Только грамотные действия Народного комиссариата по национальным делам (далее – Наркомнац), гарантировавшего независимость республики и ее безусловное право на отделение в будущем, смогли предотвратить трагедию¹.

Сообщалось также о столкновениях между русским и киргизским народами. Противодействие здесь носило организованную форму: была учреждена отдельная политическая партия «Ушжуз», которая вела националистическую агитацию и распространяла идеи национальной розни и вражды. Подобная ситуация была характерна и для Закавказья. У армян существовала партия «Дашнак Цутюн», ведущая схожую подрывную деятельность. В Азербайджане действовала партия «Мусават», которая, как и «Дашнак Цутюн», выступала против революции и большевиков [6, с. 60].

В мае 1917 года на Всероссийском мусульманском съезде была сформулирована и провозглашена цель движения всех тюркских народностей в сторону национальной автономизации. Лидерами этого движения были азербайджанские, башкирские, киргизские и туркестанские националисты.

Национальные конфликты порождали существенные и очевидные проблемы в установлении советской власти на местах и формировании единого федеративного пространства. Значительный вклад в этот процесс внесло принятие Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа на III Всероссийском съезде Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Второй статьей данного акта устанавливалась основа национально-территориального устройства советской республики: «Российская Советская Республика учреждается на основе свободного союза свободных наций, как федерация Советских национальных республик»². Однако даже это не способствовало должному форсированию национально-государственного строительства. Народный комиссар по делам национальностей И. В. Сталин писал в марте 1918 года: «Со времени III Съезда Советов, провозгласившего федеративный строй Российской Республики, прошло уже два месяца, а окраины, все еще занятые утверждением Советской власти на местах, до сих пор не высказались ясно и определенно о конкретных формах федерирования»³.

Оценка многих национальных конфликтов того периода позволяет обратить внимание на их организованную природу. Зачастую они не предварялись долгой историей несогласия, вражды и столкновений между народами и носили искусственный характер. Внутри Российской империи подобных противоречий не существовало. Причины этого явления можно обнаружить в специфических интересах и потребностях национальных элит. Их влияние на процесс национально-государственного строительства могло быть как неформально, носить скрытый характер, так и канализировано, осуществляясь путем бюрократических процедур. Показательные примеры последнего приводятся Н. И. Биюшкиной, С. В. Коданом и Ф. С. Соленковым [5, с. 41–56].

¹ Стенограмма заседания Комиссии по выработке Конституции РСФСР от 10 апреля 1918 г. с приложением «Доклада члена комиссии М. А. Рейснера об основных началах Конституции Р.Ф.С.С. Республики» и проекта положения «О Федеральных учреждениях Российской Республики» // Государственный архив Российской Федерации (далее – ГА РФ). Ф. Р-6980. Оп. 1. Д. 4. Л. 18–19.

² Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа (принята III Всероссийским съездом Советов рабочих и солдатских депутатов 25.01.1918) // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства (далее – СУ РСФСР). 1918. № 15. Ст. 215.

³ Сталин И. В. О татаро-башкирской советской республике // Правда. 1918. 23 марта. № 53.

Исследователи отмечают, что одной из первых областей, где революционным организациям уже к марту 1918 года удалось определить конкретный план федерирования с Советской Россией, являлась Татаро-Башкирия. Планом предусматривалось создание единого субъекта, объединяющего два народа: Татаро-Башкирской Советской Республики. Инициатива сразу нашла поддержку Наркомнаца и лично Сталина. Однако сама концепция создания объединенной республики встретила острое неприятие со стороны башкирских политических элит. В июне 1918 года представитель Башкирского национального движения Г. Я. Аитбаев направил открытое письмо Сталину, опубликованное в местной газете, в котором указывал на враждебность татар по отношению к башкирам и неизбежность межнациональных конфликтов. Им отмечалась непродуманность и поспешность решения, отсутствие научного подхода, игнорирование историко-культурных фактов, принципиальная необоснованность проекта. В дальнейшем в адрес Наркома по делам национальностей им также направлялась собственная статья, раскрывающая указанные тезисы. Помимо прочего, он также просит образовать при Наркомнаце Башкирский отдел независимо от центрального Мусульманского комиссариата [7, с. 29]. По всей видимости, угроза обострения межнациональных противоречий была оценена советским правительством предельно серьезно, поскольку Татаро-Башкирская республика так и не была учреждена. Башкирская и Татарская автономные республики были образованы в 1919 и в 1920 гг. в виде отдельных субъектов.

Последовательную работу по обретению независимости в рамках самостоятельных республик вели также организованные национальные группы мусульман-горцев Северного Кавказа и Дагестана, армян, калмыков, чувашей, киргизов, и многие другие [5, с. 44–48]. Указанная цель чаще всего достигалась путем открытия самостоятельного национального отдела при Наркомнаце, который действовал до момента формирования автономной республики, после чего ликвидировался.

Одной из проблем, нуждающейся в изучении, являются причины проведения многими национальными элитами политики сепаратизма и движения в сторону обретения независимости. Истоки этих процессов следует искать в национальной политике Российской империи в отношении народов и наций, населяющих новоприсоединенные земли. Основой этой политики всегда выступала гибкость в решении вопросов о способе инкорпорации сложившихся в пределах региона политической структуры и правовой системы, а также формах кооптации местной национальной элиты в единую общеимперскую. В некоторых случаях способы интеграции отдельных территорий, в пределах которых сложились развитые государственно-правовые институты и прогрессивные политические традиции, обретали такие формы, что в науке вообще ставился концептуальный вопрос об их принадлежности к Российской империи или же пребывания в других особых статусах, например, в состоянии личной унии [8]. Речь идет о Великом Княжестве Финляндском и Царстве Польском.

Кооптация местной элиты в общеимперскую при этом обеспечивалась сохранением местной социальной иерархии, правовых статусов, прав и привилегий, включая место и роль в политической системе, а также неприкосновенностью имущества и собственности. Элиты национальных окраин активно включались в имперский правящий класс. При этом для них последовательно создавались стимулы к интеграции в единое политическое пространство империи на правах привилегированных субъектов. Н. И. Красняков подчеркивает: «Логика процесса кооптации включала создание структурных предпосылок – формирование землевладельческого дворянства, тогда иноэтничные элиты независимо от их конфессии и языка кооптировались в имперскую элиту или потомственное дворянство. Если же таких условий не создавалось – элиты выступали против, то они лишались сословного управления, например в Прибалтике» [9, с. 154].

Залогом лояльности местных национальных элит, таким образом, являлось сохранение их прав и привилегий, включая собственность, владение землей, сословное и имущественное положение, юридические гарантии.

К октябрю 1917 года национальные политические силы Российской империи выступали в полном согласии с русскими партиями. Это обуславливалось их общим буржуазным характером и единой классовой платформой. В одном из отчетов местного комиссариата Наркомнацу об экономическом и культурном развитии национальных республик Закавказья отмечалось: «Пока Закавказским помещикам и капиталистам была гарантирована полная неприкосновенность собственности, они даже оставляли без всякого внимания лозунг революции: „самоопределение наций“. Сперва утверждение буржуазно-помещичьего господства,

а потом „самоопределение” и прочие свободы»⁴. Революция 1917 года полностью разрушила установившийся баланс.

Основными целями революции являлись свержение существующего общественного строя и учреждение нового социального порядка, включавшего в себя перераспределение собственности, уничтожение сословных прав и привилегий, организацию новых структур власти. Радикальная общественно-политическая трансформация создавала значительные и очевидные угрозы для национальных элит, связанные с утратой ими прав в сфере публичного управления, юридических статусов и имущественного положения. В. В. Тихонов также подчеркивает, что «после революции произошла смена парадигмы рекрутирования в „верха”, теперь она основывалась на классовом происхождении» [10, с. 214]. Сложившаяся ситуация создавала предпосылки для низложения существующих национальных элит. Национальная независимость в этом случае могла обеспечить сохранение фактически сложившейся системы социального устройства, государственного управления и защитить интересы крупного капитала.

Как представляется, именно подобные мотивы обуславливали искусственное создание элитами межнациональной напряженности и порождали национальные конфликты. Обращение к национальному самосознанию для пробуждения сепаратистских настроений являлось средством сохранения собственного привилегированного положения и защиты финансовых интересов.

Советское государство в указанных условиях было поставлено в очень сложную ситуацию, в которой, с учетом разрушения прежних механизмов и конструкций территориальной интеграции Российской империи, оно должно было определить новую формулу соединения этноса с государством, приобщения многочисленных народов к общецивилизационному движению. Основой такой политики стало равноправие и самоопределение народов. Для реального достижения такого равноправия необходимо было не только устранить дискриминацию по национальным, религиозным, культурным, языковым признакам, но и наделить национальные меньшинства рядом дополнительных прав и гарантий в рамках автономии. К их числу относятся право на свободное использование родного языка (включая образование на нем), право на сохранение культуры и традиций, право на самостоятельное решение вопросов местного значения, право на участие в государственном управлении и представительство в органах центральной власти и другие. Ленин писал по этому поводу в своем письме «К вопросу о национальностях или об «автономизации», что подлинный интернационализм «должен состоять не только в соблюдении формального равенства наций, но и в таком неравенстве, которое возмещало бы со стороны нации угнетающей, нации большей, то неравенство, которое складывается в жизни фактически»⁵.

В. С. Воронцов отмечает, что в условиях распада системы национально-территориального управления Российской империи, а также хаоса революции и Гражданской войны, разорвавших страну на части, советская власть нашла формулу государственности, которая позволила на время нейтрализовать, «приручить» этнонационализм. Эта формула заключалась в том, что народам было предложено собраться в единое государство на основе совместного общежития, «национального по форме, социалистического по содержанию». В рамках единого социалистического государства народы России получили право на поэтапное создание национальной государственности в форме национального округа, автономной области, автономной и союзной республик [11, с. 203–204]. По определению известного исследователя советского периода С. Г. Кара-Мурзы, новой власти удалось «пересобрать империю на новых основаниях». Прежние национальные элиты были устранены или на время отодвинуты в тень. Модернизация хозяйства и общества была проведена по иной, некапиталистической схеме. Одновременно шел процесс сборки советского народа [12, с. 396].

Помимо отмеченного, анализируя противодействие Советского государства сепаратизму национальных элит, необходимо также обратить внимание на то, что политика большевиков была «индивидуализирована» по отношению к конкретным народам. Учреждение профильных отделов в структуре Наркомнаца, каждый из которых занимался организацией процесса включения в состав государства именно данного этноса, способствовало достижению цели выработки индивидуальных правовых, организационных и политических решений, удовлетворявших потребности конкретной национальности.

⁴ Отчеты и доклады Белорусского, Чувашского и других комиссариатов, Центрального Комитета коммунистической партии Армении; Комиссара по Латышским национальным делам Наркомнацу об экономическом и культурном развитии национальных республик, политическом положении Закавказья и Армении, работе Главной ликвидационной комиссии при Комиссариате торговли и промышленности и по др. вопросам 15 ноября 1917 г. – 25 ноября 1918 г. // ГАРФ. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 26. Л. 45.

⁵ Письмо В. И. Ленина «К вопросу о национальностях или об «автономизации»». 30–31 декабря 1922 г. / Ленин В. И. // Полное собрание сочинений. 5-е изд. Москва : Госполитиздат, 1964. Т. 45: Март 1922 – март 1923. С. 358.

Даже с учетом существенных рисков, возникающих для этнических элит в связи с революцией и обретением власти большевиками, для национальных окраин советская власть была более приемлемой в условиях гражданской войны, поскольку белогвардейское движение выступало за «старую» национальную политику, основанную на полном непризнании независимости народов. В условиях, когда государственно-политические изменения были неизбежны, предпочтительным оказывалось то правительство, которое гарантировало большую независимость.

Тем не менее в ходе революции и последующей гражданской войны от государства безвозвратно отделились Финляндия и Польша. Требования об автономии заявлялись Украиной и Белоруссией, призывы к независимости звучали в Закавказье. Неопределенной оставалась судьба Литвы и Латвии, находящихся, как и Польша, под оккупацией Германии. Не отличалась монолитностью и сама РСФСР. Тенденции к регионализму и автономизму здесь наблюдались даже в Сибири.

Вместе с тем последовательная работа по воссозданию общего политико-правового пространства и учреждению единого государства в 1917–1922 гг. привела к постепенному воссоединению территорий и подписанию 30 декабря 1922 г. Декларации об образовании СССР, а также заключению Союзного Договора, в рамках которого РСФСР, Украинская и Белорусская советские социалистические республики, а также Закавказская федерация учредили единое государство – СССР. В январе 1924 года II Всесоюзный съезд Советов принял первую Конституцию СССР, основанную на вышеупомянутых Декларации и Договоре. Бывшие народы Российской империи, пусть и в неполном составе, но вернулись к государственному единству.

Причиной этого, очевидно, является наличие ряда объективно существующих интегрирующих факторов, объединяющих территории и населяющие их этносы в пределах страны. К числу таких факторов, имевших особое влияние в начале XX века, как представляется, справедливо отнести этнокультурный, религиозный, идеологический, государственно-политический, правовой и военные факторы.

Этнокультурный фактор состоит в наличии прочных социокультурных связей между народами, а также сформированных в течение длительного времени традиций их совместного проживания. В ходе национально-государственного строительства первых лет советской власти неоднократно возникали инициативы объединения нескольких народностей в единый национальный субъект, что однозначно свидетельствовало об их близости и наличии положительного опыта совместного проживания.

В национальной политике Российской империи и Советского государства также отчетливо просматривается направление «выравнивания» уровней развития разных народов в пределах государства. Такая политика способствовала сближению народов, созданию более выраженных предпосылок для межкультурного диалога и, как результат, возникновению добрососедских отношений между ними. Очень часто отношение этносов к административным границам между ними было исключительно формальным [13].

Религиозный фактор находил свое проявление в особо внимательном отношении со стороны государства к интересам всех конфессий на его территории, включая потребности многочисленных мусульманских народов, сепаратизм со стороны которых создавал значительные угрозы. До Февральской революции 1917 года и после – в мае 1917 года проводились Всероссийские съезды мусульман. На последнем съезде, организованном по инициативе мусульманской фракции Государственной думы IV созыва, в частности, обсуждались вопросы о национально-культурном самоопределении и национально-территориальном устройстве государства.

Активное участие в обсуждении формы вхождения национальных республик в советскую федерацию принимали организованные национальные группы мусульман Северного Кавказа и Дагестана. В структуре Наркомнаца планировалось организовать Туркестано-Мусульманский отдел, представляющий интересы узбекского, таджикского, киргизского и других народов.

Одним из первых актов, изданных советской властью, являлось Обращение Совета народных комиссаров «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока». Документ содержал положения о денонсации ряда международных договоров, провозглашал право проживающих на соответствующих территориях народов свободно определять свою политическую судьбу и устанавливал следующее положение: «Отныне ваши верования и обычаи, ваши национальные и культурные учреждения объявляются свободными и неприкосновенными. Устраивайте свою национальную жизнь свободно и беспрепятственно. Вы имеете право на это»⁶.

⁶ Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока : Обращение Совета народных комиссаров РСФСР от 24 ноября 1917 г. // СУ РСФСР. 1917. № 6.

Можно констатировать, что религиозное направление национальной политики также было одним из приоритетов советского правительства. Результаты данной политики способствовали возникновению отдельного интегрирующего фактора – религиозного.

Идеологический фактор заключается прежде всего в особом целеполагании при учреждении Советского государства. Согласно доктрине Ленина, федерация способствовала самоопределению «не народов и наций, а пролетариата в каждой национальности»⁷. Национализм в целом воспринимался как атрибут буржуазных государств. Советское же государство должно было быть основано на новой исторической общности – советском народе, который был объединен особой идеологией, выполняющей консолидирующую функцию. Национальная политика Советского государства имела отчетливо выраженную пролетарскую интернациональную направленность и строилась на скорой мировой революции, в силу чего значимость национальных различий нивелировалась. Советский федерализм, таким образом, выполнял глобальную функцию «экспорта революции»⁸.

Государственно-политический фактор находит отражение в общности политических традиций различных народов, предопределенной единством механизма публичной власти и длительной историей пребывания в едином государстве. Местные системы органов управления зачастую сохранялись при присоединении новых территорий к Российской империи, однако они неизбежно интегрировались в единую общеимперскую модель. Регионы, для которых был характерен высокий уровень политической культуры, сохраняли большую самостоятельность. В тех же случаях, когда системы и способы осуществления публичной власти демонстрировали отсталость по сравнению с имперским аппаратом, они ликвидировались, а внутри регионов учреждалась единая бюрократическая модель региональной власти. Именно эта модель в дальнейшем выполняла функцию «связывания» национальных окраин с центром и друг с другом.

Система государственного управления внутри регионов характеризовалась определенным дуализмом: с одной стороны, она испытывала на себе тенденции к административной унификации в рамках единого государства, с другой – отражала политические традиции региона. Курс на сохранение последних в период учреждения СССР проявился прежде всего в создании двухуровневой федерации. Вопреки представлениям Сталина о необходимости присоединения всех советских республик к РСФСР, Ленин провел в жизнь иную идею об образовании второго «этажа» федерации. В обоснование этого решения он отмечал: «Важно, чтобы мы не давали пищи „независимцам“, не уничтожали их независимости, а создавали еще новый этаж, федерацию равноправных республик»⁹. Именно это решение характеризовало соотношение централизма и регионализма в советской национально-территориальной политике.

Общность политической культуры, а также государственно-властных институтов различных народов России в сочетании с признаваемой за ними национальной спецификой определили еще один интегрирующий фактор, обусловив своеобразие советского федерализма.

Консолидирующее значение правовой системы для объединения этносов в целом подобно охарактеризованному выше влиянию единого механизма публичной власти. Партикуляризм правовой системы государства, включающий как общее законодательство, так и местные правовые установления, позволяет рассматривать совокупность всех правовых явлений и институтов внутри государства как единую правовую систему, как совокупность нескольких правовых систем, либо как сложную правовую систему, внутри которой выделяются правовые подсистемы [14]. Вне зависимости от точки зрения, которую разделяет исследователь, существование народов внутри одной сложно структурированной системы права имеет очевидное интегрирующее значение. Общность правовых традиций способствовала установлению системы общесоюзного законодательства после образования СССР.

В завершение характеристики системы интегрирующих факторов, обусловивших возвращение народов и наций России к единому государству, следует описать и такой неочевидный фактор, как военный. Гражданская война, внешняя интервенция и угроза контрреволюции предопределяли особую значимость вооруженных сил для установления власти. Одним из способов формирования боеспособных частей для государства стала организация национальных отрядов. Несмотря на определенные риски, порождаемые самим фактом существования отдельных национальных армий, Наркомнац в письме во ВЦИК от 11 мая 1918 г. отмечает, что не возражает против подобной практики: «Считает допустимым образование национальных отрядов

⁷ Ленин В. И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Москва : Госполитиздат, 1959. Т. 7: Сентябрь 1902 – сентябрь 1903. С. 233.

⁸ Протоколы заседаний Коллегии Наркомнаца № 1–6 за январь 1922 г. (подлинные и черновые) и материалы к ним // ГАРФ. Ф. Р-1318. Оп 1. Д. 5. Л. 26.

⁹ Ленин В. И. Указ. соч. 1964. Т. 45: Март 1922 – март 1923. С. 212.

Советской Армии лишь на территории данной национальности (напр.: Украина, Башкирия, Армения и т. д.)»¹⁰. Очевидно, это было связано с острой потребностью большевиков в любой военной помощи в условиях тяжелой борьбы.

Ф. С. Сосенков отмечает, что военная сфера являлась важным инструментом формирования национальных элит, которые могли бы впоследствии стать опорой в формировании субъектов советской федерации в русле доктрины партии большевиков. Занятие командных постов в армии обеспечивало дополнительную возможность кооптации национальных элит в состав единой общегосударственной. Так, в докладе заведующего Киргизским отделом при Наркомнаце в октябре 1918 года отмечалось, что «кроме командного состава из русских уроженцев необходимо принять меры, чтобы и киргизская молодежь, получившая образование, шла бы на военные курсы, чтобы впоследствии занять командные должности в полку. На приглашение поступать на военные курсы также киргизы откликнулись и уже есть записавшиеся ехать учиться военному делу. Весьма желательно, чтобы для этой молодежи были предоставлены некоторые льготы при поступлении на курсы и прием бы их состоялся в ускоренном порядке» [15, с. 264]. Таким образом, военный фактор выполнял роль вспомогательного инструмента интеграции наций в единое советское политическое пространство.

3 заключение

В совокупности названные факторы способствовали достижению главной цели – воссоединению российских народов в рамках нового союзного государства. Помимо очевидной задачи обеспечения его единства и территориальной целостности, советское правительство сумело достичь и еще более значимого и глобального результата. В ходе его государственно-политической деятельности в начале XX века был создан новый механизм общественной интеграции, способный удержать на почве российской цивилизации многообразные и разнородные движения, прежде всего национальные, обеспечив возможность дальнейшего поступательного развития российской политической нации в рамках новой исторической общности.

Список источников

1. Мякишев А. П. Национальные элиты в позднем СССР (1985–1991 годы): от кризиса межэтнического доверия к развалу единого государства // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2017. Т. 17, № 3. С. 321–328. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2017-17-3-321-328>
2. Аманжолова Д. А. Национальная элита – хождение во власть: к 100-летию образования СССР // Российские регионы: взгляд в будущее. 2022. Т. 9, № 2. С. 1–26.
3. Чистяков О. И. Проблемы организации государственного единства в истории дореволюционной России // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2006. № 4. С. 1–36.
4. Вдовин А. И. Эволюция национальной политики СССР. 1917–1941 гг. // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2002. № 3. С. 3–54.
5. Биюшкина Н. И., Кодан С. В., Сосенков Ф. С. Советский федерализм как результат политико-правовой бифуркации: идеологическое и организационное оформление : монография. Москва : Юрлитинформ, 2022. 256 с.
6. Михайлов В. В. Особенности политической и национальной ситуации в Закавказье после октября 1917 года и позиция мусульманских фракций закавказских правительств (предыстория создания первой независимой Азербайджанской Республики) // Клио. 2009. № 3 (46). С. 59–66.
7. Минеева Е. К. Наркомнац РСФСР: цели, задачи, структура // Вестник Чувашии. 2006. № 7. С. 23–33.
8. Кодан С. В., Февралев С. А. Местное право Великого княжества Финляндского в правовой системе Российской империи: интеграция, источники, трансформации (1808–1917 г.) // Вопросы права и политики. 2013. № 3. С. 258–317.
9. Красняков Н. И. Российская империя: опыт управления национальными регионами (середина XVII – начало XX в.): монография. Новосибирск : ИПЦ НГУ, 2023. 460 с.
10. Тихонов В. В. Рецензия на: Этнические элиты в национальной политике России / отв. ред. В. В. Трепавлов. Москва; Санкт-Петербург : Центр гуманитарных инициатив, 2017. 477 с. // Российская история. 2018. № 5. С. 212–214. <https://doi.org/10.31857/S086956870001587-6>
11. Воронцов В. С. Формирование, развитие и трансформация национальных элит в СССР и Российской Федерации // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. 2019. Т. 3, № 2. С. 201–213.
12. Кара-Мурза С. Г. Демонтаж народа. Москва : Алгоритм, 2007. 704 с.
13. Ефимов С. Д., Ерохин В. Н. Национальная политика советского государства в 1917–1922 гг. как инструмент в построении мирового социалистического Союза в контексте современных социокультурных и внешнеполитических факторов // Казанский вестник молодых ученых. Исторические науки. 2017. Т. 1, № 3 (3). С. 76–86.
14. Тараборин Р. С. Правовая система российской империи: опыт юридической квалификации / ред.: Н. Н. Зипуникова, Р. А. Насибуллин, Д. А. Суровень / Сто лет Уральскому государственному юридическому университету (1918–2018 гг.): сборник статей. Екатеринбург : Уральский государственный юридический университет, 2019. Т. 1. С. 568–580.

¹⁰ Отчеты и доклады Белорусского, Чувашского и других комиссариатов, Центрального Комитета коммунистической партии Армении; Комиссара по Латышским национальным делам Наркомнацу об экономическом и культурном развитии национальных республик, политическом положении Закавказья и Армении, работе Главной ликвидационной комиссии при Комиссариате торговли и промышленности и по др. вопросам 15 ноября 1917 г. – 25 ноября 1918 г. // ГАРФ. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 26. Л. 30.

15. Сосенков Ф. С. Основные тенденции формирования советского федеративного социально-территориального пространства (1917–1922 гг.) // Genesis: исторические исследования. 2022. № 12. С. 253–277. <https://doi.org/10.25136/2409-868X.2022.12.39569>

References

1. Myakshhev A. P. Nacional'nye elity v pozdnem SSSR (1985–1991 gody): ot krizisa mezhetnicheskogo doveriya k razvalu edinogo gosudarstva // Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya. 2017. T. 17, № 3. S. 321–328. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2017-17-3-321-328>
2. Amanzholova D. A. Nacional'naya elita – hozhdenie vo vlast': k 100-letiyu obrazovaniya SSSR // Rossijskie regiony: vzglyad v budushchee. 2022. T. 9, № 2. S. 1–26.
3. Chistyakov O. I. Problemy organizatsii gosudarstvennogo edinstva v istorii dorevolucionnoj Rossii // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11: Pravo. 2006. № 4. S. 1–36.
4. Vdovin A. I. Evolyuciya nacional'noj politiki SSSR. 1917–1941 gg. // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8: Istoriya. 2002. № 3. S. 3–54.
5. Biyushkina N. I., Kodan S. V., Sosnkov F. S. Sovetskij federalizm kak rezul'tat politiko-pravovoj bifurkatsii: ideologicheskoe i organizatsionnoe oformlenie : monografiya. Moskva : Yurlitinform, 2022. 256 s.
6. Mihajlov V. V. Osobennosti politicheskoy i nacional'noj situatsii v Zakavkaz'e posle oktyabrya 1917 goda i pozitsiya musul'manskikh fraktsij zakavkazskikh pravitel'stv (predystoriya sozdaniya pervoj nezavisimoy Azerbajdzhanskoj Respubliki) // Klio. 2009. № 3 (46). S. 59–66.
7. Mineeva E. K. Narkomnac RSFSR: celi, zadachi, struktura // Vestnik Chuvashskogo universiteta. 2006. № 7. S. 23–33.
8. Kodan S. V., Fevralev S. A. Mestnoe pravo Velikogo knyazhestva Finlyandskogo v pravovoj sisteme Rossijskoj imperii: integratsiya, istochniki, transformatsii (1808–1917 g.) // Voprosy prava i politiki. 2013. № 3. S. 258–317.
9. Krasnyakov N. I. Rossijskaya imperiya: opyt upravleniya nacional'nymi regionami (seredina XVII – nachalo XX v.) : monografiya. Novosibirsk : IPC NGU, 2023. 460 s.
10. Tihonov V. V. Recenziya na: Etnicheskie elity v nacional'noj politike Rossii / otv. red. V. V. Trepavlov. Moskva ; Sankt-Peterburg : Centr gumanitarnyh iniciativ, 2017. 477 s. // Rossijskaya istoriya. 2018. № 5. S. 212–214. <https://doi.org/10.31857/S086956870001587-6>
11. Voroncov V. S. Formirovanie, razvitie i transformatsiya nacional'nykh elit v SSSR i Rossijskoj Federatsii // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Sociologiya. Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniya. 2019. T. 3, № 2. S. 201–213.
12. Kara-Murza S. G. Demontazh naroda. Moskva : Algoritm, 2007. 704 s.
13. Efimov S. D., Erohin V. N. Nacional'naya politika sovetskogo gosudarstva v 1917–1922 gg. kak instrument v postroenii mirovogo socialisticheskogo Soyuza v kontekste sovremennykh sociokul'turnykh i vneshnepoliticheskikh faktorov // Kazanskij vestnik molodykh uchenykh. Istoricheskie nauki. 2017. T. 1, № 3 (3). S. 76–86.
14. Taraborin R. S. Pravovaya sistema rossijskoj imperii: opyt yuridicheskoy kvalifikatsii / red.: N. N. Zipunnikova, R. A. Nasibullin, D. A. Suroven' / Sto let Ural'skomu gosudarstvennomu yuridicheskomu universitetu (1918–2018 gg.) : sbornik statej. Ekaterinburg : Ural'skij gosudarstvennyj yuridicheskij universitet, 2019. T. 1. S. 568–580.
15. Sosnkov F. S. Osnovnye tendentsii formirovaniya sovetskogo federativnogo social'no-territorial'nogo prostranstva (1917–1922 gg.) // Genesis: istoricheskie issledovaniya. 2022. № 12. S. 253–277. <https://doi.org/10.25136/2409-868X.2022.12.39569>

Научная статья
УДК 340.15

Право на собрания: условия реализации гражданской свободы в контексте обеспечения устойчивости государственного строя (в оценке российских полицейстов начала XX века)

Надежда Степановна Нижник¹, доктор юридических наук, профессор
Екатерина Николаевна Козинникова², кандидат юридических наук

^{1, 2} Санкт-Петербургский университет МВД России

Санкт-Петербург (198206, ул. Летчика Пилутова, д. 1), Российская Федерация

¹ n.nishnik@bk.ru, ² katerina_kozinnikova@mail.ru

¹ <https://orcid.org/0000-0002-3369-9490>, ² <https://orcid.org/0000-0001-5279-5384>

Аннотация:

Введение. Свобода мирных собраний представляет собой одно из основных политических прав, без эффективной реализации которого невозможно полноценное развитие демократических институтов и гражданского общества. Гарантии реализации права собираться мирно и без оружия для выражения своего мнения, обсуждения социально значимых вопросов – один из показателей уровня демократии в государстве. Возникнув в Новое время, проблема прав человека обособилась в самостоятельную тему теоретического и сравнительно-исторического правоведения. Вклад в осмысление прав человека внесла полицейистика – полицейско-правовая теория, связанная с формированием и развитием науки полицейского права, получившая закрепление и развитие в трудах мыслителей XVII – начала XX века. В конце XIX – начале XX века российская полицейистика находилась в периоде своего расцвета. В предмет критического осмысления полицейстов были включены и вопросы сохранения общественного спокойствия, обеспечения государственной безопасности, реализации прав человека. Несмотря на упоминание в трудах современных ученых внимания полицейско-правовой теории к проблеме реализации прав человека, взгляды полицейстов на гражданские свободы, полученные в ходе революционных преобразований государственно-правовой системы России в начале XX века, до настоящего времени остаются изученными, осмысленными и оцененными не в должной мере. В числе лакун историко-правового анализа – право на собрания: взгляды отечественных полицейстов по вопросам, касающимся публичных собраний в начале XX века, в научной литературе освещения не получили. **Методы.** Основа исследования – диалектика как методология научного познания явлений действительности в их развитии и самодвижении; методологические принципы единства теории и практики, объективности, комплексности, всесторонности изучения социальных процессов и явлений, единства исторического и логического, позволяющие осуществить анализ теоретического наследия отечественных полицейстов начала XX века; общенаучные (исторический, функциональный, теоретического моделирования, построения гипотез) и специальные (формально-юридический, историко-правовой, сравнительно-правовой) методы правовых исследований. Особую значимость имел метод интерпретации, позволяющий осуществить проблемно-теоретическую реконструкцию взглядов полицейстов начала XX века. **Результаты.** Для достижения цели исследования – выявления взглядов российских полицейстов начала XX века на гражданскую свободу – право на собрания и оценки полицейстами условий реализации этого права в контексте обеспечения устойчивости государственного строя – были использованы источники разных видов. На основе их изучения определена нормативная основа права на собрания в России во второй половине XIX – начале XX века. Опираясь на труды полицейстов начала XX века, исследования которых затрагивали вопросы реализации права на собрания в Российской империи (прежде всего И. Е. Андреевского, Н. Х. Бунге, В. М. Гессена, В. Ф. Дерюжинского, А. И. Елистратова, В. В. Ивановского, И. Т. Тарасова и др.), сделаны выводы о том, что в рамках полицейско-правовой теории были рассмотрены вопросы, касающиеся признаков собраний и союзов, границ реализации права на свободу в Российской империи в начале XX века;

Ключевые слова:

полицейистика, полицейско-правовая теория, право на собрания, публичные собрания, стихийные собрания, мирные собрания, соединение, ассоциация, скопище, полиция безопасности

Для цитирования:

Нижник Н. С., Козинникова Е. Н. Право на собрания: условия реализации гражданской свободы в контексте обеспечения устойчивости государственного строя (в оценке российских полицейстов начала XX века) // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2026. № 2 (110). С. 29–45.

оснований для ограничения права на собрания. Выявлены потенциальные угрозы внутренней безопасности государства, связанные с союзами и собраниями. Полицистами обоснованы необходимость контроля государства за организацией и проведением собраний; обязанность государства обеспечивать общественный порядок во время проведения публичных мероприятий; определена роль полиции в обеспечении права граждан Российской империи на собрания в начале XX века.

Статья поступила в редакцию 02.03.2026;
одобрена после рецензирования 15.06.2026;
принята к публикации 25.06.2026.

Original article

The right to assemble: conditions for the exercise of civil liberties in the context of ensuring the stability of the state system (as assessed by Russian scholars of police law in the early 20th century)

Nadezhda S. Nizhnik¹, Doc. Sci. (Jurid.), Professor
Ekaterina N. Kozinnikova², Cand. Sci. (Jurid.)

^{1,2} Saint Petersburg University of the MIA of Russia

1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation

¹ n.nishnik@bk.ru, ² katerina_kozinnikova@mail.ru

¹ <https://orcid.org/0000-0002-3369-9490>, ² <https://orcid.org/0000-0001-5279-5384>

Abstract:

Introduction. The freedom of peaceful assembly is one of the fundamental political rights, without the effective exercise of which the full development of democratic institutions and civil society is impossible. Guarantees for the right to assemble peacefully and without weapons to express opinions and discuss socially significant issues are indicators of the level of democracy in a state. Emerging in the Early Modern period, the issue of human rights has developed into an independent topic in theoretical and comparative-historical jurisprudence. Police science – the police-legal theory associated with the formation and development of the discipline of police law – has contributed to the understanding of human rights, as reflected in the works of thinkers from the 17th to the early 20th centuries. In the late 19th and early 20th centuries, Russian police science was at its peak. The critical examination by police-law scholars included issues such as maintaining public order, ensuring state security, and the realisation of human rights. Despite mentions in the works of contemporary scholars of the fact that police-legal theory paid attention to the issue of human rights, the perspectives of police-law scholars on civil liberties, particularly those formed during the revolutionary transformations of Russia's state-legal system in the early 20th century, remain inadequately studied, understood, and evaluated to this day. Among the gaps in historical-legal analysis is the right to assemble: the views of domestic police-law scholars on public assemblies in the early 20th century have not been adequately covered in scholarly literature. **Methods.** The foundation of the research is dialectics as a methodology for the scientific understanding of phenomena in reality, considering their development and self-motion; methodological principles of the unity of theory and practice, objectivity, comprehensiveness, and thorough study of social processes and phenomena, and the unity of the historical and logical, which allow for the analysis of the theoretical legacy of domestic police-law scholars of the early 20th century; general scientific methods (historical, functional, theoretical modelling, hypothesis construction) and special methods (formal-legal, historical-legal, comparative-legal) of legal research. The method of interpretation held particular significance, enabling a problem-theoretical reconstruction of the views of police-law scholars from the early 20th century. **Results.** To achieve the research goal of identifying the perspectives of Russian police-law scholars in the early 20th century on civil liberties – the right to assemble – and assessing the conditions for the exercise of this right in the context of ensuring the stability of the state system, various types of sources were employed. Based on their study, the normative foundation for the right to assemble in Russia in the second half of the 19th and early 20th centuries was established. Relying on the works of police-law scholars from the early 20th century, whose research addressed the issues of the right to assemble in the Russian Empire (notably I. E. Andreyevsky, N. Kh. Bunge, V. M. Gessen, V. F. Deryuzhinsky, A. I. Elistratov, V. V. Ivanovsky, I. T. Tarasov, among others), conclusions were drawn that within the framework of police-legal theory, issues regarding the characteristics of assemblies and associations, the

Keywords:

police science, police-legal theory, right to assemble, public assemblies, spontaneous assemblies, peaceful assemblies, union, association, unlawful gathering, security police

For citation:

Nizhnik N. S., Kozinnikova E. N. The right to assemble: conditions for the exercise of civil liberties in the context of ensuring the stability of the state system (as assessed by Russian scholars of police law in the early 20th century) // *Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia*. 2026. № 2 (110). P. 29–45.

limits of the exercise of freedom in the Russian Empire in the early 20th century, and the grounds for limiting the right to assemble were examined. Potential threats to the internal security of the state related to unions and assemblies were identified. Police-law scholars justified the necessity of state control over the organisation and conduct of assemblies; the obligation of the state to ensure public order during public events was defined; and the role of the police in safeguarding the right of citizens of the Russian Empire to assemble in the early 20th century was outlined.

The article was submitted March 2, 2026;
approved after reviewing June 15, 2026;
accepted for publication June 25, 2026.

Введение

Права человека – одна из базовых ценностей цивилизованного общества. Права человека выступают как непереносимый атрибут и функциональное измерение нормальной (конституционной) социальной и политической организации общества.

Современные представления о правах человека отражают процесс длительной эволюции юридической мысли, в которой воплотились попытки определения природы и содержания прав человека, обоснования их неотчуждаемости. Процесс концептуального (теоретического) упорядочения представлений о правах человека и необходимости их законодательного закрепления нашел отражение в истории политических и правовых учений.

Проблема прав человека обособилась в самостоятельную тему теоретического и сравнительно-исторического правоведения. Отдельную страницу учений о правах человека представляет полицистика – полицейско-правовая теория, связанная с формированием и развитием науки полицейского права, получившая закрепление и развитие в трудах мыслителей XVII – начала XX вв. В Российской империи полицейско-правовая теория стала концептуальной основой обеспечения в государстве внутренней безопасности, функционирования системы органов полиции и определения направлений, форм и методов осуществления полицейской деятельности в Российской империи.

В конце XIX – начале XX века российская полицистика была представлена трудами И. Е. Андреевского, А. Я. Антоновича, Н. Н. Белявского, Э. Н. Берендтса, Н. Х. Бунге, С. В. Ведрова, В. М. Гессена, Н. А. Грифцова, В. Ф. Дерюжинского, А. И. Елистратова, В. В. Ивановского, В. Г. Иозефе, В. Н. Лешкова, В. Ф. Левитского, А. Е. Назимова, Г. Ф. Симоненко, Я. С. Степанова, И. Т. Тарасова, А. А. Трифонова, А. И. Чупрова, П. Н. Шеймина, М. М. Шпилевского, Н. Д. Яворского, И. И. Янжула. Российская полицистика находилась в периоде своего расцвета. В предмет критического осмысления полицистов были включены вопросы сохранения общественного спокойствия, обеспечения государственной безопасности, реализации прав человека.

Интерес к отечественной полицейско-правовой мысли и трудам полицистов в историко-правовой науке проявился сравнительно недавно – в конце XX века. Стремление использовать исторический опыт для решения проблем современности способствовало появлению трудов А. В. Корнева¹, Ю. Е. Аврутина [1; 2], Ю. П. Соловья [3], Ю. Н. Старилова² с оценкой теоретического наследия отдельных ученых-полицистов.

Идеи полицистов о совершенствовании государственного управления и возможности использования полицией мер принуждения получили освещение в диссертациях А. Ш. Гасаналиева³, А. В. Горожанина⁴, Ю. Н. Овсянникова⁵, И. И. Мушкетя⁶ [4], в энциклопедическом словаре биографий «Правовая наука и юридическая идеология России», подготовленном под редакцией В. М. Сырых⁷.

Ряд проблем, касающихся взаимоотношений власти и общества в конце XIX – начале XX века, обеспечения безопасности и организации общественной жизни, получили освещение

¹ См.: Корнев А. В. Идеи правового и полицейского государства в дореволюционной России : дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 1995. 288 с.

² См.: Старилов Ю. Н. История развития административно-правовой науки (вступительная статья) // Российское полицейское (административное) право: Конец XIX – начало XX в. : хрестоматия / сост., авт. вступ. ст. Ю. Н. Старилов. Воронеж : Издательство Воронежского государственного университета, 1999. С. 9–38.

³ См.: Гасаналиев А. Ш. Формирование основных институтов административного права и административно-правовая мысль России XIX – начала XX веков : дис. ... канд. юрид. наук. Махачкала, 1999. 129 с.

⁴ См.: Горожанин А. В. Полицистика и идея государственности в истории правовых учений : Историко-правовой аспект : дис. ... д-ра юрид. наук. Санкт-Петербург, 2000. 425 с.

⁵ См.: Овсянников Ю. Н. «Полицейское право» в истории правовой мысли Западной Европы и России : дис. ... канд. юрид. наук. Санкт-Петербург, 2002. 206 с.

⁶ См.: Мушкет И. И. Генезис «полицейского права» в контексте эволюции правовой системы России : Историко-теоретический анализ : дис. ... д-ра юрид. наук. Санкт-Петербург, 2003. 452 с.

⁷ См.: Правовая наука и юридическая идеология России : энциклопедический словарь биографий : в 4 т. / отв. ред. В. М. Сырых. Москва : Юрист, 2009–2015.

в исследованиях Н. С. Нижник [5–7], Н. И. Биюшкиной⁸ [8–10], М. Л. Тихомировой⁹, А. Р. Нигматулина¹⁰, С. Ю. Дергилевой¹¹ [11; 12], Д. С. Геворкян¹² [13; 14], С. А. Шамак (Никифоровой)¹³ [15–17], Н. Ю. Егорова¹⁴ [18–22], Е. Н. Козинниковой¹⁵ [23–27], Т. В. Ломовой [28–30].

Несмотря на упоминание в трудах современных ученых фактов внимания полицейско-правовой теории к проблеме реализации прав человека, взгляды полицейстов на гражданские свободы, полученные в ходе революционных преобразований государственно-правовой системы России в начале XX века, до настоящего времени остаются изученными, осмысленными и оцененными не в должной мере. В числе лагун историко-правового анализа – право на собрания: взгляды отечественных полицейстов на вопросы, касающиеся публичных собраний в начале XX века, в научной литературе освещения не получили.

Для достижения цели исследования – выявления взглядов российских полицейстов начала XX века на гражданскую свободу – право на собрания и оценки полицейстами условий реализации этого права в контексте обеспечения устойчивости государственного строя были использованы источники разных видов:

1) труды полицейстов начала XX века, исследования которых затрагивали вопросы реализации права на собрания в Российской империи: И. Е. Андреевского, Н. Х. Бунге, В. М. Гессена, А. Д. Градовского, В. Ф. Дерюжинского, А. И. Елистратова, В. В. Ивановского, И. Т. Тарасова и др.;

2) нормативные правовые акты, закреплявшие право на собрания и регламентирующие механизм его реализации в Российской империи;

3) нормативные правовые акты Российской Федерации, позволяющие определить преемственность идей полицейстов начала XX века в правовой системе современной России;

4) документы и материалы, характеризующие политическую систему Российского государства в условиях революционных преобразований и правоприменительную практику в сфере реализации гражданских прав и свобод в начале XX века;

5) сборник документов и материалов о самоорганизации российского общества, подготовленный к публикации А. С. Тумановой и Р. В. Мамцевым¹⁶. Этому источнику необходимо дать подробную характеристику в связи с его ценностью для ретроспективных исследований политико-правовой сферы Российской империи начала XX века и в связи с тем, что это научное исследование только что предстало перед научной общественностью как опубликованный труд.

Принятые 4 марта 1906 г. «Временные правила об обществах и союзах» и «Временные правила о публичных собраниях» заложили «правовой фундамент под развитие публичной сферы в России»¹⁷. Изданный в формате именного высочайшего указа Сенату данный акт признал право российских подданных на создание добровольных ассоциаций и установил явочный и регистрационный принципы их учреждения вместо действовавшего ранее концессионного режима, обуславливавшего основание ассоциации разрешением сначала верховной, позднее министерской, а на рубеже веков уже и местной власти.

С появлением Правил о союзах общества публичная сфера претерпела существенные изменения. А. С. Туманова и Р. В. Мамцев сообщают, что, если в конце XIX века в Российской империи насчитывалось несколько тысяч обществ частной инициативы, то за 1906–1909 гг. их было образовано более 4 800, не считая 280 политических организаций¹⁸. За период с марта 1906 года

⁸ См.: Биюшкина Н. И. Политико-правовое развитие Российского государства в условиях охранительного внутриполитического курса : дис. ... д-ра юрид. наук. Нижний Новгород, 2012. 850 с.

⁹ См.: Тихомирова М. Л. Развитие И. Е. Андреевским концепции полицейского права : дис. ... канд. юрид. наук. Санкт-Петербург, 2002. 165 с.

¹⁰ См.: Нигматуллин А. Р. Политико-правовые взгляды и социологическая концепция В. В. Ивановского : дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2006. 157 с.

¹¹ См.: Дергилева С. Ю. Государственно-правовые воззрения А. И. Елистратова : дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2014. 450 с.

¹² См.: Дергилева С. Ю., Геворкян Д. С. Вопросы борьбы с регламентацией проституции и торгов женщинами в конце XIX – начале XX века в научной и общественной деятельности А. И. Елистратова и В. Ф. Дерюжинского // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2013. № 4 (60). С. 31–37.

¹³ См.: Никифорова С. А. Государственно-правовые воззрения Э. Н. Берендтса : дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2019. 279 с.

¹⁴ См.: Егоров Н. Ю. Государственно-правовые воззрения И. Т. Тарасова : дис. ... канд. юрид. наук. Санкт-Петербург, 2023. 282 с.

¹⁵ См.: Козинникова Е. Н. Отечественное государственное управление конца XIX – начала XX века о полицейской деятельности в чрезвычайных правовых режимах : дис. ... канд. юрид. наук. Санкт-Петербург, 2023. 269 с.

¹⁶ См.: Туманова А. С., Мамцев Р. В. Самоорганизация российского общества в региональном измерении (начало XX века) : учебное пособие. Москва : Проспект, 2026. 512 с.

¹⁷ Там же. С. 6.

¹⁸ Там же.

по сентябрь 1907 года только в Москве были зарегистрированы 122 общественные организации и 65 профессиональных обществ. В реестр обществ и союзов по Московской губернии (исключая Москву) за полтора года было внесено 50 организаций, в реестр обществ и союзов г. Одессы – 98 обществ, а по данным прибалтийского генерал-губернатора А. Н. Меллера-Закомельского, к началу 1909 года в Курляндской губернии существовало 606 обществ, а в Лифляндской губернии их численность доходила до «грандиозной цифры» – 2 060 обществ¹⁹.

Временные правила придали новый импульс самоорганизации российского общества, которая проникала в самые разные сферы социального бытия, затрагивая совершенствование городской инфраструктуры и коммунальной политики, социальную защиту, здравоохранение, физическую культуру и спорт, образование и просвещение, науку. Самоорганизация общественности, поставленная Временными правилами в правовое поле, превратилась в предмет заботы губернаторской власти, занимавшейся реализацией правительственной политики на местах.

Планируя пересмотр Временных правил и замену их постоянно действующим законом, министр внутренних дел П. А. Столыпин 9 сентября 1907 г. обратился к начальникам губерний с циркуляром, задачей которого было выяснить отношение руководителей среднего звена к самоорганизации общественности. П. А. Столыпин полагал, что необходимо запросить всех губернаторов о недостатках существующего закона.

Губернаторам было предложено ответить на вопросы, касавшиеся опыта реализации в подведомственных им территориях свобод (прежде всего свободы союзов). Губернаторы отвечали на предложенную П. А. Столыпиным анкету, и поступившие в ответ на правительственный циркуляр отзывы составили объемное архивное дело. Именно это многостраничное дело, хранящееся в Российском государственном историческом архиве, исследовали А. С. Туманова и Р. В. Мамцев, превратив свое исследование в ценный источник по истории позднеимперской России.

В издании «Самоорганизация российского общества в региональном измерении (начало XX века)» собраны все составленные российскими губернаторами ответы на циркуляр П. А. Столыпина. Они призваны показать существовавшие в среде представителей МВД на местах воззрения на самоорганизацию российского общества, активизировавшуюся ввиду провозглашенных в октябре 1905 года и юридически оформленных в марте 1906 года свобод.

В контексте нашего исследования представляют интерес взгляды губернаторов на собрания и их полезность. Ранжируя ассоциации по критерию их полезности, губернаторы общественные собрания и клубы ставили на последнее место²⁰. Такая ситуация не могла остаться без внимания государственных чиновников и ученых, в рамках полицейского права осмысливавших проблемы взаимоотношений власти и самоорганизованной общественности.

Использование издания «Самоорганизация российского общества в региональном измерении (начало XX века)» позволит изучить малоизвестные стороны социальной, политической и правовой истории поздней Российской империи и осмыслить адекватность отражения полицейским правом и полицейско-правовой теорией проблем политико-правового бытия.

Методы

Методологическую основу исследования составили диалектика как методология научного познания явлений действительности в их развитии и самодвижении, основанная на определении противоречий в развитии процессов и явлений; методологические принципы единства теории и практики, объективности, комплексности, всесторонности изучения социальных процессов и явлений, единства исторического и логического, позволяющие осуществить анализ теоретического наследия отечественных государствоведов начала XX века; общенаучные (исторический, функциональный, теоретического моделирования, построения гипотез) и специальные (формально-юридический, историко-правовой, сравнительно-правовой) методы правовых исследований. Особую значимость имело применение основного метода исследования истории правовых идей – метода интерпретации, позволяющего осуществлять проблемно-теоретическую реконструкцию взглядов полицейстов начала XX века.

Результаты

Великие реформы открыли в истории России новую страницу. Перемены затронули все сферы жизни общества. Реформы 1860–1870-х гг. способствовали автономизации государства, его постепенному отделению от общества. Земства, система провинциальных дум и суды стали

¹⁹ Туманова А. С., Мамцев Р. В. Указ. соч. С. 7.

²⁰ Там же. С. 26.

уступками самодержавия обществу. Посредством органов городского и земского самоуправления, через печать, суд присяжных, коллегию адвокатов в пореформенной России начали предприниматься попытки отстаивания индивидуальных и корпоративных интересов. В России начали формироваться независимые от государства ячейки гражданского общества, которые могли стать партнером государства в реализации реформ [31–34]. Однако, несмотря на реформирование политико-правовой организации в России, ожидаемого широкими слоями населения ограничения самодержавной власти не произошло, политические права и свободы народ не приобрел. Вопросы, касающиеся реализации гражданских прав, стали предметом внимания всех социальных слоев²¹.

О нормативных основах права на собрание

Противоречия в организации государственного управления, детерминированные новыми отношениями в экономической и социальной сферах, свидетельствовали о несовпадении интересов государственной власти и общества. Для преодоления кризиса государственная власть вынуждена была прибегнуть к использованию всего арсенала чрезвычайных правовых мер, находившихся в ее распоряжении. В условиях неспособности полиции обеспечить правопорядок и сохранить незыблемость существующего государственного строя шагом к разрешению нараставших противоречий стал введенный в 1881 году чрезвычайный правовой режим исключительного положения²² – совокупность исключительных полномочий, в чем бы они ни состояли, предоставляемых правительственной власти при наступлении обстоятельств, угрожающих изнутри или извне существованию государства²³. Инструменты, использовавшиеся властью в условиях чрезвычайного правового режима исключительного положения, касались в числе прочего ограничения прав и свобод российских подданных.

При характеристике правового статуса личности использовались понятия «права» и «свободы»: права как закрепленные правовыми нормами, гарантированные российским государством возможности свободно и самостоятельно избирать вид и меру своего поведения; свобода рассматривается как возможность свободно и самостоятельно избирать вид и меру своего поведения с большей автономией от государства.

Часто эти понятия используют как тождественные. Но нужно учесть, что на различных этапах истории государственно-правовых систем смысловое наполнение этих понятий имело отличия, связанные с отношением к правам и свободам государства: права и свободы первого поколения понимались как негативные права – права на защиту от негативного вмешательства государства в осуществление гражданских прав, на защиту индивидуальных свобод. Позже сформируются права второго поколения – позитивные права, в процессе реализации которых государство должно не только воздерживаться от вмешательства в эту сферу, но и создавать условия и механизмы, гарантирующие их.

Вопрос о том, когда впервые законодательно было закреплено право на собрание – право граждан на организацию и проведение публичных мероприятий с целью обсуждения своих мыслей, выражения мнений и формулировки требований, в науке до настоящего времени остается дискуссионным. К первым актам, регламентировавшим возможность собираться публично, относят «Соборное уложение» (1649)²⁴ [35–37], «Артикул воинский» (1715), «Устав благочиния, или полицейский» (1782), «Устав о пресечении и предупреждении преступлений» (1832).

Б. Н. Чичерин, анализируя состояние российского законодательства отмечал, что «Устав о пресечении и предупреждении преступлений» (ст. 135) закреплял статью о запрете на «сходбища

²¹ См.: Р.С.–Д.Р. П. Московский Комитет. «Царские свободы»: «Товарищи! Когда пролетарий своей могучей борьбой захватил себе право свободы собраний, союзов, стачек, печати и слова, царское правительство выпустило манифест 17 октября». [Б. м.], 1905, декабрь. [2] с. ; Беседа о неприкосновенности личности и свободе совести, слова, собраний и союзов : [[По поводу Манифеста 17 окт. 1905 г.]]. Санкт-Петербург : Постоянная комиссия народных чтений, 1905. 15 с. ; Беседа о неприкосновенности личности и свободе совести, слова, собраний и союзов : [[По поводу Манифеста 17 окт. 1905 г.]]. Санкт-Петербург : Постоянная комиссия народных чтений, 1906. 15 с. ; Скобельцына Ю. Д. Свобода собраний и союзов : Очерк Ю. Скобельцыной / под ред. проф. И. И. Иванюкова. Санкт-Петербург : тип. С. М. Проппера, 1906. 32 с. и др.

²² Именной высочайший указ, данный Сенату «Об издании Положения о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия и объявлении некоторых местностей Империи в состоянии усиленной охраны» от 4 сентября 1881 г. // Полное собрание законов Российской империи Собрание 3-е (1881–1913) (далее – ПСЗ РИ-3). Т. I. № 383. С. 283–284.

²³ Гессен В. М. Исключительное положение. Санкт-Петербург : Юрид. кн. кл. «Право», 1908. С. 74.

²⁴ Вдовиченко К. Г. Уголовно-правовое противодействие преступлениям в сфере организации и проведения публичных массовых мероприятий : дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2015. С. 32.

и собрания для совещания или действия, общей тишине и спокойствию противного»²⁵, а «так как определение того, что противно спокойствию и тишине, принадлежит полиции, то этим постановлением всякие собрания ставятся под контроль правительственной власти» [38, с. 410].

В ходе революционных преобразований начала XX века были приняты нормативные правовые акты, регламентирующие свободу собраний в России:

- Именной высочайший указ, данный Сенату, «Об установлении временных мер в дополнение действующих постановлений о собраниях» от 12 октября 1905 г.²⁶;
- Манифест «Об усовершенствовании государственного порядка» от 17 октября 1905 г.²⁷;
- Именной высочайший указ, данный Сенату, «О временных правилах о публичных собраниях» от 4 марта 1906 г.²⁸;
- Именной высочайший указ, данный Сенату, «О временных правилах об обществах и союзах» от 4 марта 1906 г.²⁹;
- Постановление Временного правительства «О собраниях и союзах» от 12 апреля 1917 г.³⁰

Манифест 17 октября 1905 г. впервые на конституционном уровне закрепил свободу собраний. Указ, данный Сенату, «О временных правилах о публичных собраниях» от 4 марта 1906 г. зафиксировал, что: собрания, не являющиеся публичными, можно свободно устраивать без заявления и разрешения правительственной власти; публичными собраниями следует признавать собрания, доступные неопределенному числу лиц, лично неизвестных устроителям собрания (собрания членов законно существующего общества или союза публичными не признаются, а собрания, устраиваемые в театральных, концертных, выставочных залах и иных помещениях, приспособленных для собраний, рассматриваются как публичные). Для публичных собраний было предусмотрено 21 правило организации и проведения, утвержденное императорской рукой.

Предупредительный порядок закрытия собрания (ст. 12) и ускоренный порядок рассмотрения жалоб (ст. 18) сочетались с ограничениями в их организации: разрешительным порядком проведения собраний (ст. 2); запретом на участие в собрании малолетних, учащихся низших и средних учебных заведений без разрешения их учебного начальства (ст. 8); запретом спонтанных собраний (ст. 14) и наказанием за организацию таких собраний (ст. 19).

Стремления людей составлять союзы и достигать поставленных целей совместными усилиями всегда встречалось в истории человечества, отмечал И. Е. Андреевский. По его оценке, в пореформенной России и зарубежных государствах это стремление достигло чрезвычайных размеров, «дает изумительные результаты и полагает твердые основания для великого развития в будущем»³¹.

Полицейсты обосновывали необходимость законодательного закрепления свободы союзов и собраний, видя в них положительное начало для успешного развития государства, в котором общественность имеет возможность посредством союзов и собраний сообщать государству о своих нуждах.

Об отношении государства к собраниям

Одним из центральных в полицейском праве являлся вопрос о том, как государство должно относиться к собраниям: может ли оно предоставить им полную свободу существования или их устройство и организация должны подлежать контролю его в той или иной форме³².

Организация государственного управления, учитывающего интересы населения, должна принимать во внимание объединения и собрания общественности, полагал И. Т. Тарасов. Центральным вопросом в становлении и функционировании общественных объединений И. Т. Тарасов считал их признание на государственном уровне³³.

²⁵ См.: Устав о предупреждении и пресечении преступлений: (Св. зак. Т. 14, изд. 1857): доп. и изм. по Продолж. 1863, 1864, 1868, 1869 и 1871 гг. : С разъяснениями по Уложению о наказаниях изд. 1866 г. и по Уставу о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. [Москва] : Тип. Т. Рис, 1872. 159 с.

²⁶ ПСЗ РИ-3. Т. XXV. № 26778.

²⁷ Там же. № 26803.

²⁸ Там же. Т. XXVI. № 27480.

²⁹ Там же. № 27479.

³⁰ Постановление Временного правительства «О собраниях и союзах» от 12 апреля 1917 г. // Вестник Временного правительства. Петроград. 1917. 20 апреля. № 35. С. 1.

³¹ Андреевский И. Е. Полицейское право : в 2 т. / Сочинение И. Е. Андреевского, ординарного профессора С.-Петербургского университета. Изд. 2-е, испр. и доп. Санкт-Петербург: тип. В. В. Пратц, 1874. Т. 1: Введение. Полиция безопасности. С. 221.

³² Дерюжинский В. Ф. Полицейское право : пособие для студентов / [Сочинение] В. Ф. Дерюжинского, профессора Санкт-Петербургского университета. Санкт-Петербург : Сенат. тип., 1908. С. 222.

³³ См.: Тарасов И. Т. Опыт разработки программы и конспекта общей части науки полицейского права. Ярославль : тип. Губ. правл., 1879. 48 с.

Полицейсты, хорошо знакомые с историей и состоянием государственно-правовых систем западноевропейских стран, отмечали, что при многообразии союзов и собраний (культурных, экономических и т. п.) во всех государствах особое внимание правительств обращено к собраниям и союзам политическим; везде эти союзы подлежат контролю со стороны государства³⁴. Меры надзора, которые государства принимают к союзам, различны; они во многом зависят от формы правления и формы государственного устройства³⁵.

Существование различного рода союзов и ассоциаций – это «естественное условие общежития, неизбежное проявление всякой сколько-нибудь развитой общественной жизни»³⁶, подчеркивал В. Ф. Дерюжинский. Он придавал союзам и собраниям большое значение, называя их «одним из важнейших факторов прогресса», отмечая, что история «свидетельствует о благодетельном их влиянии на развитие государства»³⁷. Значимость союзов и собраний, по В. Ф. Дерюжинскому, заключается в той силе, какую представляет собой «комбинация отдельных сил, направленная к какой-нибудь общей цели, которая оказывается куда более действенной, чем разрозненные усилия отдельных лиц»³⁸. Она обеспечивает скорейшее и важнейшее осуществление того, что может быть не по силам отдельным лицам, недостижимо для разрозненных усилий их.

В. В. Ивановский, отмечая значимость различных союзов, подчеркивал, что общества и различные соединения людей, которые ставят перед собой конкретные (хозяйственные, научные, моральные, политические и др.) задачи, совместными силами достигают высоких целей, совершают множество полезных для общества мероприятий, добиваются ранее недостижимых социально значимых результатов. «Жизнь европейских государств характеризуется бесчисленным множеством таких союзов, деятельность которых имеет большое положительное значение для них»³⁹, констатировал В. В. Ивановский.

Анализируя опыт западноевропейских стран, В. Ф. Дерюжинский отмечал, что публичные политические собрания в ряде стран имеют большое положительное значение. Заслуживающим внимания В. Ф. Дерюжинский считал опыт Англии. В Англии именно посредством политических митингов общественность информировала власть о своих нуждах и интересах, заявляя о том, что его тяготит, беспокоит или волнует. Митинги собираются, когда в общественном сознании назревает какой-то вопрос или «в обществе ощущаются вредные последствия каких-либо законоположений»⁴⁰. Народные чаяния становились известны правительству, которое получало представления о злободневных проблемах и могло осмысленно выбрать формы и средства разрешения социальных вопросов. Требования, высказанные на митингах, становились основой для предложений, которые народные представители могли внести в повестку дня Парламента.

Специальных норм, регламентирующих проведение митингов и участие в нем, в Англии не было: право устраивать митинги считалось элементом личной свободы – пределы пользования этим правом устанавливались не особыми правовыми предписаниями, а общим принципом ответственности перед судом каждого отдельного лица и любой группы лиц за их действия. Если собрание имело намерение произвести нарушение общественного спокойствия или его действительно производило, такое собрание признавалось незаконным, а его деятельность подлежала оценке судом.

Оценивая опыт регулирования общественных отношений в зарубежных странах, В. Ф. Дерюжинский отмечал тесную связь митингов и прессы, называя их «главными органами общественного мнения». Иногда печать выдвигает вопросы, которые затем дают повод к оживленным проявлениям общественного движения в форме митингов, иногда же митингам принадлежит инициатива в возбуждении вопросов, которые становятся темой деятельного обсуждения на страницах периодической и неперiodической печати.

³⁴ Шульц М. Право союзов и собраний на Западе / пер. с нем. Д. Марголина. Киев : Прогресс, 1906. 20 с.

³⁵ Андреевский И. Е. Полицейское право... Т. 1: Введение. Полиция безопасности. С. 228.

³⁶ Дерюжинский В. Ф. Указ. соч. С. 228.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же.

³⁹ Ивановский В. В. Государство как юридическое отношение : По поводу кн. Н. М. Коркунова «Русское государственное право». / [Сочинения] В. Ивановского, ординарного профессора Императорского Казанского университета. Казань : типо-лит. Имп. ун-та, 1893. Т. 1: Введение и общая часть. С. 12.

⁴⁰ Дерюжинский В. Ф. Указ. соч. С. 228.

О признаках собраний и союзов

Важным для понимания статуса собрания (публичное /непубличное) являлось определение его черт. Для обозначения различных объединений в Российской империи использовались понятия «союз», «соединство», «ассоциация».

Союзом В. Ф. Дерюжинский считал «всякое, рассчитанное на добровольное и продолжительное существование соединение известного количества лиц, имеющих в виду преследование какой-нибудь цели посредством общих совместных усилий»⁴¹.

И. Т. Тарасов использовал понятие «соединство», обозначая им «соединение единичных лиц для достижения совокупными средствами и усилиями свободноопределенной цели»⁴². Подчеркивая, что «цивилизация должна быть признательна за свой уровень культурного развития не обычному инстинкту борьбы за существование, а исключительно закону взаимной помощи»⁴³, И. Т. Тарасов считал соединства основой взаимопомощи в России, фундаментом гражданского общества⁴⁴ и органом внутреннего управления государством, который мог существовать исключительно в установленной форме и преследовать только общественные интересы⁴⁵.

Признаками соединств, по И. Т. Тарасову, являлись: свобода соединения; свобода выбора цели образования и средств для достижения цели; публичность, долговечность⁴⁶, а основными формами – корпорация, общество, товарищество⁴⁷. Главное различие между основными формами соединств – степень взаимообусловленности участников соединств: корпорация не заключала в себе всех элементов соединства, являясь переходной ступенью между органами правительства и общественными объединениями (сословные корпорации, корпорации ученых); общества содержали в себе все элементы соединств, однако были ограничены средствами решения своих задач; высшей ступенью развития идеи о соединствах являлось товарищество, основой которого И. Т. Тарасов считал тесную связь между его членами, установленную на основе имущественной и круговой поруки⁴⁸.

Публичные собрания и съезды И. Т. Тарасов характеризовал как особую форму соединства: в отличие от остальных форм соединств, они обладали статусом органов управления.

Выделив понятие «соединство», дав характеристику соединствам в Российском государстве, определив формы соединств, осуществив сравнительный анализ участия соединств и государственных органов в системе государственного управления, И. Т. Тарасов внес важный вклад в рассмотрение проблем становления гражданского общества в Российском государстве и выявление условий существования гражданского общества в правовом государстве.

Считая союзы важным средством удовлетворения различных материальных и духовных потребностей населения, В. Ф. Дерюжинский полагал, что, стесняя их образование и деятельность, государство рискует парализовать значение важного фактора прогресса, поставить преграду осуществлению различных задач культурного развития общества⁴⁹. В ограничении свободы собраний полицейист видел опасность для государства: если потребность в соединении лиц для совместной деятельности в общих интересах не будет реализована открыто, то будут создаваться тайные общества, «существование которых всегда и всюду представлялось источником бедствия для общества и государства»⁵⁰, как например, Якобинский клуб в эпоху Великой французской революции.

Участие в управлении государством только государственных органов не может обеспечить эффективность управления, утверждал И. Т. Тарасов⁵¹. Участие в управлении государством органов соединств, существующих как институты, выражающие общественные (не частные)

⁴¹ Дерюжинский В. Ф. О гражданском долге в демократии. Ростов-на-Дону : [б. и.], 1919. С. 144.

⁴² Тарасов И. Т. Очерк науки полицейского права : [Пособие для слушания лекций и для приготовления к экзамену] / [Сочинения] И. Т. Тарасова, профессора Императорского Московского ун-та. Москва : Т-во «Печатня С. П. Яковлева», 1897. С. 59.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Тарасов И. Т. Рассуждение, представленное для публичной защиты на степень магистра И. Тарасовым / Личное задержание как полицейская мера безопасности : [в 2 ч.] / [Сочинения И. Тарасова]. Киев : Унив. тип., 1875. [243] с. ; Его же. Полиция в эпоху перемен : Исслед. проф. И.Т. Тарасова. Москва : ред. «Юрид. вестн.», 1885. 160 с. ; Его же. Очерк науки полицейского права... ; Его же. Лекции по полицейскому (административному) праву. Москва : тип. Моск. ун-та, 1908. 253 с.

⁴⁵ Тарасов И. Т. Очерк науки полицейского права... С. 59.

⁴⁶ Там же. С. 60.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Егоров Н. Ю. Указ. соч. С. 100–101.

⁴⁹ Дерюжинский В. Ф. Полицейское право... С. 230.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Тарасов И. Т. Очерк науки полицейского права... С. 59.

интересы в законодательно разрешенных формах, представлялось И. Т. Тарасову важнейшим условием перехода от полицейского государства к правовому [39, с. 61–62].

О границах права на собрание и союзы

Не стесняя образование и деятельность союзов и собраний, государство не может и не должно отказываться от известного контроля за ними, подчеркивал В. Ф. Дерюжинский, – контроль, который обеспечивал бы возможность предупреждения и преследования опасных для общественного порядка проявлений их деятельности. Границы этого контроля могут быть различными: они зависят от внутриполитической ситуации в стране и устойчивости обеспечения общественного порядка.

Контроль за организацией и деятельностью союзов и собраний относился в Российской империи к ведению полиции безопасности. Определяя источники опасности для общества и государства, полицейисты относили собрания и союзы к числу первых угроз общественной безопасности.

И. Е. Андреевский в «Курсе полицейского права» в разделе «Полиция безопасности» описывает условия возникновения угроз безопасности для общества и государства (союзный строй, общества и ассоциации; народные сборища; путешествия (право на передвижение населения); человеческое слово (устное, письменное или печатное))⁵², отводя собраниям и союзам особое место.

И. Т. Тарасов угрозы безопасности различал в зависимости от благ, которым угрожает опасность (частным или государственным), отмечая при этом, что есть виды опасности, которые угрожают сразу всем видам благ – измена, наличие обществ и союзов (прежде всего тайных), и злоупотребление печатным словом⁵³.

Условием обеспечения внутренней безопасности И. Т. Тарасов считал внимание со стороны государства к неорганизованным соединностям – неорганизованным скоплениям людей – «сходбищам по поводу зрелищ, увеселений и процессий»⁵⁴. При обеспечении общественного порядка в ходе проведения культурно-массовых мероприятий и митингов неорганизованные соединности были связаны с опасностью различных видов:

- опасностью для участников мероприятия;
- опасностью для других людей, которые не участвуют в мероприятии;
- опасностью для организации массовых беспорядков⁵⁵.

Внимание к неорганизованным соединностям И. Т. Тарасов считал обязательным, так как именно от них зависела охрана общественного порядка и обеспечение общественной безопасности в процессе проведения культурно-массовых мероприятий (учитывая место проведения мероприятия (на воздухе или в помещении) необходимо было определять правила действия сотрудников полиции)⁵⁶.

Особого внимания требовало скопище – беспорядочная толпа, образовавшаяся случайно по поводу какого-либо неожиданного или непредвиденного обстоятельства, привлечшего ее внимание, или толпа, организованная «заранее по заговору или подговору, с целью совершения какого-либо недозволенного действия или вообще для достижения злоумышленной цели»⁵⁷. Основными мерами безопасности при возникновении народных скопищ И. Т. Тарасов считал опубликование объявлений с предупреждением о запрете скопищ под угрозой применения силы, усиление патрулей и караулов, ограничение движения людей по некоторым площадям и улицам, закрытие питейных заведений.

Стихийные собрания граждан в Российской империи не допускались. Единственно возможной формой собрания граждан в России являлись съезды, инициированные правительством, которые проходили по установленным правительством правилам [40; 34]. При этом законодательного закрепления правил проведения таких мероприятий в России не имелось⁵⁸ (с 1881 года необходимо было учитывать «Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия»⁵⁹). И. Т. Тарасов считал, что абсолютный запрет публичных

⁵² Андреевский И. Е. Курс полицейского права. [Санкт-Петербург] : Изд. Рабинович, 1866. Вып. I. 160 с.

⁵³ Тарасов И. Т. Лекции по полицейскому (административному) праву... С. 168.

⁵⁴ Тарасов И. Т. Очерк науки полицейского права... С. 135.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Егоров Н. Ю. Указ. соч. С. 102.

⁵⁷ Тарасов И. Т. Очерк науки полицейского права... С. 135.

⁵⁸ Тарасов И. Т. Краткий очерк науки административного права : Конспект лекций орд. проф. по каф. гос. права и адм. И. Т. Тарасова : [в 2 т.]. Ярославль : типо-лит. Г. Фальк, 1888. Т. I: [Введение и общая часть]. С. 155.

⁵⁹ Высочайше утверждённое «Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» от 14 августа 1881 года // ПСЗ РИ-3. Т. I. № 350. С. 261–266.

собраний граждан нецелесообразен, поскольку именно публичные собрания граждан приносят пользу для развития государственного управления⁶⁰.

Причины большого вида опасностей, которые несли в себе союзы и собрания, И. Т. Тарасов видел в неудовлетворительной организации управления, неправильном определении существа и значения власти, ошибочном соотношении между органами правительства, самоуправления и соединения⁶¹.

К числу мер безопасности, которые, по мнению И. Т. Тарасова, должны предприниматься в отношении собраний и союзов, относятся прежде всего запрещение чего-либо или принуждение к чему-либо. В рамках науки полицейского права И. Т. Тарасов выделил условия применения мер государственного принуждения:

- они должны применяться лишь в исключительных, крайних случаях;
- должны быть ограничены в пространстве, времени и по кругу лиц (должны применяться исключительно в той местности, где возникла опасность; не должны действовать дольше необходимого срока; не должны стеснять большего круга лиц, чем это оправдывается целесообразностью)⁶².

И. Т. Тарасов отмечал, что, предпринимая меры безопасности, необходимо взвесить предварительно, не может ли данная мера, целесообразная по отношению к одной опасности, повлечь за собой другую опасность.

Принудительная деятельность полиции, связанная с разного рода ограничениями и запрещениями, рассматривалась полицейскими как сфера несвободы и давления власти, поэтому законодательство должно предусматривать возможность судебного обжалования примененных полицией принудительных мер, если таковые были применены ошибочно.

Характеризуя свободу собраний, И. Т. Тарасов исходил из того, что система учреждения союзов (союзов) в России – концессионная. Соединство учреждается с разрешения правительства, которому учредители предварительно должны предоставить все необходимые сведения и проект устава. Закрытие союзов может быть добровольным и принудительным. Обязательное закрытие имеет место: при наступлении причин, которыми обусловлено такое закрытие: по судебному приговору либо в силу полицейского принуждения. Полицейское закрытие имеет значение чрезвычайной меры безопасности и, значит, должно предполагать признание права судебного обжалования в случае неправильного применения этой меры. В русском законодательстве полицейское закрытие всякого рода собраний, предусмотренное Положением «О мерах по охранению государственного порядка и общественного спокойствия»⁶³, указания на право судебного обжалования данной меры не содержало.

По русскому законодательству непериодические единовременные собрания (съезды) могли иметь место только по инициативе правительства, с его разрешения, причем правила для таких собраний также определялись правительством. За полицией и администрацией было закреплено право и обязанность закрытия дозволенных собраний в случаях, когда они выступают за пределы, предначертанные законом. Кроме того, за высшей администрацией закреплялось право закрывать собрания и независимо от наличия каких-либо нарушений, исключительно из соображений политических или полицейских⁶⁴.

Признавая исключительно только дозволенные собрания, закон карал не только руководителей и участников противозаконных публичных собраний и сходов, но и тех лиц, которые, зная о собраниях, не донесли об этом, равно как и тех лиц, в заведениях и домах которых происходили такие собрания, даже если эти собрания не преследовали политических целей.

О праве на собрания в условиях чрезвычайного правового режима

Анализируя российское законодательство и реалии периода действия в России чрезвычайного правового режима исключительного положения, действие которого в Российской империи продолжалось с 1881 по 1917 гг., В. В. Ивановский отмечал, что «исключительное положение – особая форма полицейского принуждения, направленная не на отдельных лиц, но на целые населенные местности и состоящее в приостановлении действия обыкновенных законов и в применении взамен их законов исключительных и временных»⁶⁵; что в периоды социально-

⁶⁰ Тарасов И. Т. Очерк науки полицейского права... С. 156.

⁶¹ Тарасов И. Т. Лекции по полицейскому (административному) праву... С. 168.

⁶² Тарасов И. Т. Очерк науки полицейского права... С. 410.

⁶³ ПСЗ РИ-3. Т. I. № 350. С. 261–266.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Ивановский В. В. Верховная власть и ее органы // Русское государственное право. Казань, 1896. Т. 1, ч. 1. С. 164.

политической нестабильности, государства склонны смотреть на общества и собрания не столько с точки зрения их полезности, сколько с точки зрения их опасности для самой государственной организации – отсюда разного рода «стеснительные полицейские меры», использовавшиеся в периоды политической нестабильности.

Общества и собрания могут представлять опасность как для организации государственной власти, так и для отдельных лиц. Опасными являются общества и собрания политического характера, преследующие цели изменения существующей формы государственного устройства, низложения царствующей особы или целой династии или иные, прямо или косвенно связанные с этой главной целью задачи. В. В. Ивановский констатировал, что нет ни одного государства, которое относилось бы равнодушно к подобного рода обществам и собраниям, т. к. это равнялось бы самоотрицанию⁶⁶. Поэтому как только возникают политические общества и собрания, государственная власть стремится установить определенного рода требования, соблюдение которых, не нарушая принципа политической и гражданской свободы, представляло бы некоторые гарантии неприкосновенности государственного строя со стороны политических и иных обществ и собраний.

По мере роста политического самосознания отдельных общественных групп и всего государственного населения, полагал В. В. Ивановский, отношение государства к собраниям и обществам будет изменять свой характер: государство в большей степени начнет обращать внимание на их полезные качества, не игнорируя при этом и вопроса об их потенциальной опасности.

Полагая объявление исключительного положения крайней мерой принуждения, используемой государственной властью, И. Т. Тарасов подчеркивал, что исключительное положение вызывается частым повторением такого рода преступлений, которые угрожают всему существующему порядку, следствием чего является необходимость в принятии таких исключительных мер, посредством которых и при содействии более строгих наказаний предполагается оградить порядок и безопасность. По этой причине одной из черт исключительного положения являются изъятия из общего порядка подсудности и судопроизводства и установление более строгих наказаний⁶⁷. Применяются и полицейские меры, заключающиеся в ограничениях права соединения и собраний, свободы слова, письменного права, домового права, свободы передвижения, усилении права полиции на принятие мер принуждения.

3 заключение

Охрана общественного порядка и обеспечение общественной безопасности во время публичных мероприятий остается актуальной проблемой государственного управления и в периоды трансформаций государственно-правовой системы страны, и в годы устойчивого поступательного развития. Когда в марте 1917 года Российская империя прекратила свое существование и страну возглавило Временное правительство, вопрос о собраниях и союзах не потерял своей актуальности⁶⁸, как и в более позднее время⁶⁹. Не случайно одним из первых актов Временного правительства стало Постановление «О собраниях и союзах» от 12 апреля 1917 г.⁷⁰. Предоставляя широкую свободу собраний, Временное правительство не избежало введения ограничений: «возбранялись собрания на рельсовых путях» (ст. 2); на собрания не допускались вооруженные лица (ст. 3).

Эти вопросы продолжают оставаться в центре политических и научных дебатов [41].

Обеспечение общественной безопасности во время публичных мероприятий, проводимых с целью выражения и формирования мнений, выдвижения требований по различным вопросам

⁶⁶ Ивановский В. В. Верховная власть и ее органы... С. 164.

⁶⁷ Конституция Российской империи: Высочайшие манифесты о народном представительстве, основные законы, положения о Государственной Думе и Государственном Совете, законы о выборах, об усиленной и чрезвычайной охране, о личных и общественных правах граждан, о свободе печати об обществах, союзах и публичных собраниях : издание неофициальное / с примечаниями и вступительной статьей Л. Слонимского. Санкт-Петербург : Экономическая типо-литограф., [190-?]. 240 с.

⁶⁸ Микулин В. П. Свобода собраний и союзов. [Москва] : Изд. отд. Скобелевского ком., [1917]. 21 с. ; Воронец А. Какие нужны порядки : Свобода слова, свобода личности, свобода совести, свобода печати, свобода союзов и собраний / Учитель А. Воронец. Хороль : Издательство автора, 1917. 16 с. ; Знаменский Н. К. Что необходимо знать свободным русским гражданам : (Учредительное собрание, выборы, формы государственного устройства, кого следует избирать. О свободах и союзах) / сост. учитель Н. К. Знаменский. Коротояка : [скл. изд. у авт.], 1917. 30 с.

⁶⁹ Конспект политической беседы на тему: Права и обязанности гражданина в правовом государстве. Личные права (право неприкосновенности личности, право имущественной свободы, право свободы труда, передвижений, совести). Общественные права (право свободы собраний, союзов, стачек, петиций, представительства). [Б. м.] : [Б. и.], [1918].

⁷⁰ Постановление Временного правительства «О собраниях и союзах»... С. 1.

политической, экономической, социальной и культурной жизни страны – актуальная задача государственных органов в Российской Федерации⁷¹ [42; 43] и зарубежных стран [44–47].

Право граждан Российской Федерации на свободное участие в демонстрациях, шествиях, пикетированиях установлено Конституцией Российской Федерации⁷² (ст. 31). Поскольку политические акции, митинги, шествия и пикетирования, выраженные в форме мирных собраний людей, могут быть использованы в преступных целях, органами государственной власти совместно с органами местного самоуправления должны быть обеспечены права и свободы граждан в рамках публичных мероприятий.

Для мониторинга проблем обеспечения общественного порядка в Российской Федерации осуществляется анализ практики применения законодательства Российской Федерации в части, касающейся обеспечения права граждан Российской Федерации собираться мирно, без оружия, проводить собрания, митинги и демонстрации, шествия и пикетирования⁷³; обобщение практики, связанной с рассмотрением судами дел о правонарушениях при организации и проведении публичных мероприятий⁷⁴, изучение международного опыта⁷⁵. Основным нормативным правовым актом, регламентирующим организацию публичных мероприятий в этой области, является Федеральный закон Российской Федерации от 19 июня 2004 г. № 54-ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях»⁷⁶.

Проблемы охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности в процессе проведения публичных мероприятий носят комплексный и междисциплинарный характер, сохраняют свою актуальность в условиях современности. Использование при решении этих проблем научно-теоретического опыта российской полицистики является важным фактором выбора оптимальной модели обеспечения внутренней безопасности и создания условий для реализации прав и свобод граждан в условиях современности.

Список источников

1. Аврутин Ю. Е. Полиция и милиция в механизме обеспечения государственной власти в России : Теория, история, перспективы : [монография]. Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2003. 501 с.
2. Аврутин Ю. Е. Истоки формирования института полиции и полицейского права // Полицейское право. 2005. № 1 (1). С. 88–95.
3. Соловей Ю. П. Российское полицейское право: история и современность // Государство и право. 1995. № 6. С. 75–85.
4. Мушкет И. И., Хохлов Е. Б. Полицейское право России: проблемы теории / под ред. В. П. Сальникова. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2001. 185 с.
5. Нижник Н. С. Полицистика: основные этапы развития полицейско-правовой теории в России / Российская полиция: три века служения Отечеству : сборник статей Юбилейной международной научной конференции: в 2-х ч., г. Москва, 21 декабря 2018 г. / под ред. В. Л. Кубышко. Москва : Академия управления МВД России, 2019. Ч. 1. С. 220–240.
6. Нижник Н. С., Дергилева С. Ю. Полицейско-правовая теория конца XIX – начала XX века о личности – субъекте публично-правовых отношений в полицейском государстве // Nomothetika: Философия. Социология. Право. 2020. Т. 45, № 4. С. 750–760. <https://doi.org/10.18413/2712-746X-2020-45-4-750-760>
7. Nizhnik N. S. Police-Law Theory On The Regulation Of Public Relations In The Police State / Man. Society. Communication : International Scientific and Practical Conference, Veliky Novgorod, April 23–24, 2020. ISO London Limited : European Publisher, 2021. P. 1826–1835. <https://doi.org/10.15405/epsbs.2021.05.02.228>
8. Биюшкина Н. И. Дискриминационно-охранительные отношения в Российском государстве в период правления Александра III (с марта 1881 г. по 1894 г.) : монография. Москва : Nota Bene, 2011. 303 с.

⁷¹ См.: Храмова Т. М. Ограничения конституционной свободы собраний: сравнительно-правовой анализ : дис.... канд. юрид. наук. Москва, 2015. 220 с. ; Иванов А. О. Пределы ограничения права на публичные мероприятия в Российской Федерации: дис.... канд. юрид. наук. Санкт-Петербург, 2015. 223 с. ; Яковенко М. А. Конституционное право граждан Российской Федерации на проведение публичных мероприятий: теоретические и практические аспекты: дис.... канд. юрид. наук. Москва, 2012. 242 с. ; Симонова С. В. Конституционно-правовое регулирование публичных мероприятий в Российской Федерации: дис.... канд. юрид. наук. Москва, 2018. 240 с. и др.

⁷² Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. 2020. 4 июля.

⁷³ О соблюдении на территории Российской Федерации конституционного права на мирные собрания : специальный доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации // Российская газета. 2007. 28 июня. № 136.

⁷⁴ См.: Свобода мирных собраний / сост.: С. Ю. Нугаева [и др.]. Москва : Новая юстиция, 2010. 30 с. ; Разъяснения прокуратуры: право на проведение собраний, митингов, демонстраций, шествий и пикетирование // Администрация города Омска : [официальный сайт]. URL: https://admomsk.ru/web/guest/progress/legalculture/prosecutors/-/asset_publisher/Q1Kp/content/984656 (дата обращения: 21.01.2026).

⁷⁵ Управление систематизации законодательства и анализа судебной практики Верховного Суда Российской Федерации. Обобщение практики и правовых позиций международных договорных и внедоговорных органов, действующих в сфере защиты прав и свобод человека, по вопросам защиты права лица на свободу собраний и объединений. 2021 // Верховный Суд Российской Федерации : [официальный сайт]. URL: https://www.vsr.ru/documents/international_practice/30224/ (дата обращения: 27.01.2026).

⁷⁶ О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях : Федеральный закон от 19 июня 2004 г. № 54-ФЗ // СЗ РФ. 2004. № 25. Ст. 2485.

9. Биюшкина Н. И. Идеология, государство и право в охранительной политике Российского государства во второй половине XIX в. : монография. Москва : Юрлитинформ, 2016. 408 с.
10. Биюшкина Н. И. Институционализация охранительной политики Российского государства во второй половине XIX в. : монография. Москва : Юрлитинформ, 2016. 480 с.
11. Дергилева С. Ю. Концепция правового государства А. И. Елистратова // Мир юридической науки. 2013. № 10–11. С. 23–29.
12. Нижник Н. С., Дергилева С. Ю. Государство и право в теоретико-правовых воззрениях А. И. Елистратова : монография. Москва : Юрлитинформ, 2017. 376 с.
13. Геворкян Д. С. Российская полицистика в лицах: Владимир Федорович Дерюжинский // Genesis: исторические исследования. 2015. № 6. С. 813–827.
14. Геворкян Д. С. Общественное призвание – сфера полицейской деятельности (по работам В. Ф. Дерюжинского) / Российская полиция: три века служения Отечеству : материалы юбилейной международной научной конференции, посвященной 300-летию российской полиции, г. Санкт-Петербург, 23–25 апреля 2018 г. : [электронное издание] / под ред. Н. С. Нижник. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2018. С. 319–322.
15. Никифорова С. А. Э. Н. Берендтс о статусе полиции в полицейском и правовом государстве // Genesis: исторические исследования. 2016. № 6. С. 149–161. <https://doi.org/10.7256/2409-868X.2016.6.21066>
16. Никифорова С. А. Проблемы функционирования механизма государства в теоретическом наследии Э. Н. Берендтса / Современные проблемы общей теории права : материалы международной научно-практической конференции, посвященной 25-летию независимости Республики Казахстан и 60-летию Алматинской академии МВД Республики Казахстан, г. Алмата, 7 июля 2016 г. Алмата : Алматинская академия МВД Республики Казахстан, 2016. С. 435–442.
17. Нижник Н. С., Никифорова С. А. Государство и право в теоретико-правовых воззрениях Э. Н. Берендтса : монография. Москва : Юрлитинформ, 2019. 232 с.
18. Егоров Н. Ю. Российская полицистика в лицах: Иван Трофимович Тарасов // Genesis: исторические исследования. 2015. № 6. С. 801–812. <https://doi.org/10.7256/2409-868X.2015.6.16396>
19. Егоров Н. Ю. Особый правовой режим как средство охраны общественной безопасности (по работам И. Т. Тарасова) // Genesis: исторические исследования. 2017. № 11. С. 112–121.
20. Егоров Н. Ю. И. Т. Тарасов о значении полицейской деятельности в организации жизни общества / Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (навстречу 300-летию российской полиции) : материалы XIV международной научно-теоретической конференции, г. Санкт-Петербург, 27–28 апреля 2017 г. : в 2-х т. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2017. Т. 1. С. 72–75.
21. Егоров Н. Ю. И. Т. Тарасов о пределах государственного вмешательства в общественную жизнь при реализации социальной функции государством // Genesis: исторические исследования. 2018. № 6. С. 57–65.
22. Егоров Н. Ю. Проблемы обеспечения прав и свобод личности в теоретическом наследии полицеиста И. Т. Тарасова / Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 300-летию Российской империи) : материалы XVIII международной научной конференции, г. Санкт-Петербург, 29–30 апреля 2021 г. : в 2-х ч. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2021. Ч. 1. С. 159–165.
23. Козинникова Е. Н. Исключительное положение как способ борьбы с угрозой революции / Великая Российская революция 1917 года в истории и судьбах народов и регионов России, Беларуси, Европы и мира в контексте исторических реалий XX – начала XXI века : материалы международной научной конференции, г. Витебск, 27 февраля 2017 г. / гл. ред. А. В. Егоров. Витебск : Витебский государственный университет им. П. М. Машерова, 2017. С. 96–99.
24. Козинникова Е. Н. Исключительное положение как чрезвычайный правовой режим (опыт анализа нормативных актов и работ полицеистов Российской империи конца XIX – начала XX века) // Genesis: исторические исследования. 2017. № 11. С. 87–95.
25. Козинникова Е. Н. «Положение чрезвычайной охраны» как форма чрезвычайного правового режима в Российской империи в конце XIX – начале XX веков / Актуальные проблемы полицейского права : материалы международной научно-практической конференции, посвященной 10-летию вступления в силу Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции», г. Омск, 1–2 июня 2021 г. Омск : Омская академия МВД России, 2021. С. 28–32.
26. Козинникова Е. Н. Сущность государственного принуждения и пределы его применения в трактовке российских государствоведов конца XIX – начала XX вв. // Право и государство: теория и практика. 2025. № 8. С. 28–31. https://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_28
27. Козинникова Е. Н. Факторы введения чрезвычайного правового режима и трансформации полицейской деятельности в России в конце XIX начале XX века / Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 80-летию Победы в Великой Отечественной войне) : материалы XXII международной научно-практической конференции, г. Санкт-Петербург, 24–25 апреля 2025 г. : в 2-х ч. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2025. Ч. 1. С. 640–644.
28. Ломова Т. В. Российская полицистика второй половины XIX века: определение актуальных проблем управления государством / Правоохранительная деятельность органов внутренних дел в контексте современных научных исследований : материалы всероссийской научно-практической конференции адъюнктов, аспирантов и соискателей, г. Санкт-Петербург, 23 декабря 2022 г. / сост. Э. Р. Миргородская. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2022. С. 92–97.
29. Ломова Т. В. Вопросы организации местного самоуправления в государственно-правовой концепции В. В. Ивановского / Проблемы юриспруденции и педагогики высшей школы в работах молодых ученых : сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, г. Белгород, 30 ноября 2022 г. Белгород : Белгородский юридический институт МВД России им. И. Д. Путилина, 2023. Вып. 3. С. 82–86.
30. Ломова Т. В. Природа и сущность государственной власти в контексте теоретического наследия полицеиста В. В. Ивановского / Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 80-летию Победы в Великой Отечественной войне) : материалы XXII международной научно-практической конференции, г. Санкт-Петербург, 24–25 апреля 2025 г. : в 2-х ч. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2025. Ч. 1. С. 134–144.
31. Туманова А. С. Общественные организации в годы первой русской революции: правовые основы функционирования и отношения с государственной властью // Государство и право. 2017. № 11. С. 32–42.

32. Туманова А. С. Формирование гражданского общества в Российской империи в контексте правовых реформ / Тенденции развития права в социокультурном пространстве. Жидковские чтения : материалы Всероссийской научной конференции, г. Москва, 24–25 марта 2017 г. / отв. ред. М. В. Немытина. Москва : Российский университет дружбы народов (РУДН), 2018. С. 552–559.

33. Туманова А. С. Трансформация деятельности добровольных ассоциаций дореволюционной России в контексте созыва представительных учреждений / Таврические чтения 2021. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность : сборник научных статей международной научной конференции, г. Санкт-Петербург, 9–10 декабря 2021 г. : в 2-х ч. / под ред. А. Б. Николаева. Санкт-Петербург : Астерион, 2022. Ч. 1. С. 130–137.

34. Туманова А. С. Общественные организации в России: правовое положение. 1860–1930-е гг. : монография. Москва : Проспект, 2023. 480 с. <https://doi.org/10.31085/9785392299355-2019-480>

35. Колмаков С. Ю. История развития свободы собраний в законодательстве дореволюционной России и Советского Союза // Современное право. 2017. № 9. С. 139–144.

36. Колмаков С. Ю. Свобода собраний в Соборном уложении 1649 г. / Актуальные проблемы современной юридической науки и практики (к юбилею доктора юридических наук, профессора, заслуженного юриста РФ Юрия Ильича Скуратова) : материалы международной научно-практической конференции, г. Улан-Удэ, 14 июня 2017 г. / под ред. Э. Л. Раднаевой, Ю. Г. Хамнуева. Улан-Удэ : Издательство Бурятского госуниверситета, 2018. С. 168–173.

37. Рубцов О. И. Историко-правовые этапы административно-правового регулирования проведения публичных и непубличных массовых мероприятий в России // Юридическая наука. 2021. № 12. С. 15–21.

38. Чичерин Б. Н. О народном представительстве. Москва : тип. Т-ва И. Д. Сытина, 1899. 838 с.

39. Егоров Н. Ю. Соединство как институт гражданского общества в правовом государстве (по работам И. Т. Тарасова) / Проблемы становления гражданского общества : сборник статей III Международной научной студенческой конференции, г. Иркутск, 27 марта 2015 г. Иркутск : Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2015. Ч. 1. С. 60–63.

40. Туманова А. С. Общественные организации и русская публика в начале XX века. Москва : Новый хронограф, 2008. 326 с.

41. Калинин А. В. Свобода собраний в юридической и общественно-политической мысли дореволюционной России // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 8-2 (14). С. 86–88.

42. Кондрашев А. А. Свобода собраний в России: системные дефекты законодательства и политико-правовая политика // Сравнительное конституционное обозрение. 2017. № 6 (121). С. 24–44. <https://doi.org/10.21128/1812-7126-2017-6-24-44>

43. Ларионов Б. И., Трофимов Ю. В., Пинаев В. В. Взаимодействие правоохранительных органов и общественных организаций при проведении публичных мероприятий в виде шествия // Академическая мысль : [сетевое издание]. 2020. № 4. С. 7–11.

44. Путько Т. В. Свобода собраний: международно-правовая и внутригосударственная регламентация и проблемы реализации / Права человека в международном и национальном праве : сборник научных статей, посвященный 10-летию кафедры международного права и прав человека Юридического института МПГУ. Москва : Права человека, 2015. С. 153–157.

45. Раднаева Э. Л., Колмаков С. Ю. Уголовная ответственность за нарушение законодательства о свободе собраний в странах постсоветского пространства: сравнительно-правовое исследование // Advances in Law Studies. 2018. Т. 6, № 1. С. 90–102. https://doi.org/10.29039/article_5b06941c281409.28985678

46. Грищенко Т. А., Ляшенко Т. Т. Право на мирные собрания в странах англо-саксонской системы : историко-правовой анализ развития и современные проблемы реализации : монография. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2024. 196 с.

47. Грищенко Т. А. Обеспечение права на мирные собрания правоохранительными органами в зарубежных странах : историко-правовой анализ развития и современные проблемы реализации : монография. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2025. 320 с.

References

1. Avrutin Yu. E. Policiya i miliciya v mekhanizme obespecheniya gosudarstvennoj vlasti v Rossii : Teoriya, istoriya, perspektivy : [monografiya]. Sankt-Peterburg : Yuridicheskij centr Press, 2003. 501 s.

2. Avrutin Yu. E. Istoki formirovaniya instituta policii i policejskogo prava // Policejskoe pravo. 2005. № 1 (1). С. 88–95.

3. Solovej Yu. P. Rossijskoe policejskoe pravo: istoriya i sovremennost' // Gosudarstvo i pravo. 1995. № 6. С. 75–85.

4. Mushket I. I., Hohlov E. B. Policejskoe pravo Rossii: problemy teorii / pod red. V. P. Sal'nikova. Sankt-Peterburg : Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii, 2001. 185 s.

5. Nizhnik N. S. Policeistika: osnovnye etapy razvitiya policejsko-pravovoj teorii v Rossii / Rossijskaya policiya: tri veka sluzheniya Otechestvu : sbornik statej Yubilejnoy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii: v 2-h ch., g. Moskva, 21 dekabrya 2018 g. / pod red. V. L. Kubysheko. Moskva : Akademiya upravleniya MVD Rossii, 2019. CH. 1. S. 220–240.

6. Nizhnik N. S., Dergileva S. Yu. Policejsko-pravovaya teoriya konca XIX – nachala XX veka o lichnosti – sub"ekte publichno-pravovyh otnoshenij v policejskom gosudarstve // Nomotetika: Filosofiya. Sociologiya. Pravo. 2020. Т. 45, № 4. С. 750–760. <https://doi.org/10.18413/2712-746X-2020-45-4-750-760>

7. Nizhnik N. S. Police-Law Theory On The Regulation Of Public Relations In The Police State / Man. Society. Communication : International Scientific and Practical Conference, Veliky Novgorod, April 23–24, 2020. ISO London Limited : European Publisher, 2021. P. 1826–1835. <https://doi.org/10.15405/epsbs.2021.05.02.228>

8. Biyushkina N. I. Diskriminacionno-ohranitel'nye otnosheniya v Rossijskom gosudarstve v period pravleniya Aleksandra III (s marta 1881 g. po 1894 g.) : monografiya. Moskva : Nota Bene, 2011. 303 s.

9. Biyushkina N. I. Ideologiya, gosudarstvo i pravo v ohranitel'noj politike Rossijskogo gosudarstva vo vtoroj polovine XIX v. : monografiya. Moskva : Yurлитinform, 2016. 408 s.

10. Biyushkina N. I. Institucionalizaciya ohranitel'noj politiki Rossijskogo gosudarstva vo vtoroj polovine XIX v. : monografiya. Moskva : Yurлитinform, 2016. 480 s.

11. Dergileva S. Yu. Konceptiya pravovogo gosudarstva A. I. Elistratova // Mir yuridicheskoy nauki. 2013. № 10–11. С. 23–29.

12. Nizhnik N. S., Dergileva S. Yu. Gosudarstvo i pravo v teoretiko-pravovyh vozzreniyah A. I. Elistratova : monografiya. Moskva : Yurлитinform, 2017. 376 s.

13. Gevorkyan D. S. Rossijskaya policeistika v lichah: Vladimir Fedorovich Deryuzhinskij // Genesis: istoricheskie issledovaniya. 2015. № 6. S. 813–827.
14. Gevorkyan D. S. Obshchestvennoe prizrenie – sfera policejskoj deyatel'nosti (po rabotam V. F. Deryuzhinskogo) / Rossijskaya policiya: tri veka sluzheniya Otechestvu : materialy yubilejnoy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvyashchennoj 300-letiyu rossijskoj policii, g. Sankt-Peterburg, 23–25 aprelya 2018 g. : [elektronnoe izdanie] / pod red. N. S. Nizhnik. Sankt-Peterburg : Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii, 2018. S. 319–322.
15. Nikiforova S. A. E. N. Berendts o statuse policii v policejskom i pravovom gosudarstve // Genesis: istoricheskie issledovaniya. 2016. № 6. S. 149–161. <https://doi.org/10.7256/2409-868X.2016.6.21066>
16. Nikiforova S. A. Problemy funkcionirovaniya mekhanizma gosudarstva v teoreticheskom nasledii E. N. Berendtsa / Sovremennye problemy obshchej teorii prava : materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, posvyashchennoj 25-letiyu nezavisimosti Respubliki Kazahstan i 60-letiyu Almatinskoy akademii MVD Respubliki Kazahstan, g. Almata, 7 iyulya 2016 g. Almata : Almatinskaya akademiya MVD Respubliki Kazahstan, 2016. S. 435–442.
17. Nizhnik N. S., Nikiforova S. A. Gosudarstvo i pravo v teoretiko-pravovykh vozzreniyah E. N. Berendtsa : monografiya. Moskva : YurLitinform, 2019. 232 s.
18. Egorov N. Yu. Rossijskaya policeistika v lichah: Ivan Trofimovich Tarasov // Genesis: istoricheskie issledovaniya. 2015. № 6. S. 801–812. <https://doi.org/10.7256/2409-868X.2015.6.16396>
19. Egorov N. Yu. Osobyj pravovoj rezhim kak sredstvo ohrany obshchestvennoj bezopasnosti (po rabotam I. T. Tarasova) // Genesis: istoricheskie issledovaniya. 2017. № 11. S. 112–121.
20. Egorov N. Yu. I. T. Tarasov o znachenii policejskoj deyatel'nosti v organizacii zhizni obshchestva / Gosudarstvo i pravo: evolyuciya, sovremennoe sostoyanie, perspektivy razvitiya (navstrechu 300-letiyu rossijskoj policii) : materialy XIV mezhdunarodnoj nauchno-teoreticheskoy konferencii, g. Sankt-Peterburg, 27–28 aprelya 2017 g. : v 2-h t. Sankt-Peterburg : Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii, 2017. T. 1. S. 72–75.
21. Egorov N. Yu. I. T. Tarasov o predelakh gosudarstvennogo vmeshatel'stva v obshchestvennyy zhizn' pri realizacii social'noj funkcii gosudarstvom // Genesis: istoricheskie issledovaniya. 2018. № 6. S. 57–65.
22. Egorov N. Yu. Problemy obespecheniya prav i svobod lichnosti v teoreticheskom nasledii policeista I. T. Tarasova / Gosudarstvo i pravo: evolyuciya, sovremennoe sostoyanie, perspektivy razvitiya (k 300-letiyu Rossijskoj imperii) : materialy XVIII mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, g. Sankt-Peterburg, 29–30 aprelya 2021 g. : v 2-h ch. Sankt-Peterburg : Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii, 2021. Ch. 1. S. 159–165.
23. Kozinnikova E. N. Isklyuchitel'noe polozhenie kak sposob bor'by s ugrozoy revolyucii / Velikaya Rossijskaya revolyuciya 1917 goda v istorii i sud'bah narodov i regionov Rossii, Belarusi, Evropy i mira v kontekste istoricheskikh realij XX – nachala XXI veka : materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, g. Vitebsk, 27 fevralya 2017 g. / gl. red. A. V. Egorov. Vitebsk : Vitebskij gosudarstvennyj universitet im. P. M. Masherova, 2017. S. 96–99.
24. Kozinnikova E. N. Isklyuchitel'noe polozhenie kak chrezvychajnyj pravovoj rezhim (opyt analiza normativnykh aktov i rabot policeistov Rossijskoj imperii konca XIX – nachala XX veka) // Genesis: istoricheskie issledovaniya. 2017. № 11. S. 87–95.
25. Kozinnikova E. N. «Polozhenie chrezvychajnoj ohrany» kak forma chrezvychajnogo pravovogo rezhima v Rossijskoj imperii v konce XIX – nachale XX vekov / Aktual'nye problemy policejskogo prava : materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, posvyashchennoj 10-letiyu vstupleniya v silu Federal'nogo zakona ot 7 fevralya 2011 g. № 3-FZ «O policii», g. Omsk, 1–2 iyunya 2021 g. Omsk : Omskaya akademiya MVD Rossii, 2021. S. 28–32.
26. Kozinnikova E. N. Sushchnost' gosudarstvennogo prinuzhdeniya i predely ego primeneniya v traktovke rossijskikh gosudarstvennykh zakonov konca XIX – nachala XX vv. // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. 2025. № 8. S. 28–31. https://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_28
27. Kozinnikova E. N. Faktory vvedeniya chrezvychajnogo pravovogo rezhima i transformacii policejskoj deyatel'nosti v Rossii v konce XIX nachale XX veka / Gosudarstvo i pravo: evolyuciya, sovremennoe sostoyanie, perspektivy razvitiya (k 80-letiyu Pobedy v Velikoj Otechestvennoj vojne) : materialy XXII mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, g. Sankt-Peterburg, 24–25 aprelya 2025 g. : v 2-h ch. Sankt-Peterburg : Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii, 2025. Ch. 1. S. 640–644.
28. Lomova T. V. Rossijskaya policeistika vtoroj poloviny XIX veka: opredelenie aktual'nykh problem upravleniya gosudarstvom / Pravoohranitel'naya deyatel'nost' organov vnutrennih del v kontekste sovremennykh nauchnykh issledovanij : materialy vs Rossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii ad'yunktov, aspirantov i soiskatelej, g. Sankt-Peterburg, 23 dekabrya 2022 g. / sost. E. R. Mirgorodskaya. Sankt-Peterburg : Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii, 2022. S. 92–97.
29. Lomova T. V. Voprosy organizacii mestnogo samoupravleniya v gosudarstvenno-pravovoj koncepcii V. V. Ivanovskogo / Problemy yurisprudencii i pedagogiki vysshej shkoly v rabotah molodykh uchenykh : sbornik materialov Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii, g. Belgorod, 30 noyabrya 2022 g. Belgorod : Belgorodskij yuridicheskij institut MVD Rossii im. I. D. Putilina, 2023. Vyp. 3. S. 82–86.
30. Lomova T. V. Priroda i sushchnost' gosudarstvennoj vlasti v kontekste teoreticheskogo naslediya policeista V. V. Ivanovskogo / Gosudarstvo i pravo: evolyuciya, sovremennoe sostoyanie, perspektivy razvitiya (k 80-letiyu Pobedy v Velikoj Otechestvennoj vojne) : materialy XXII mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, g. Sankt-Peterburg, 24–25 aprelya 2025 g. : v 2-h ch. Sankt-Peterburg : Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii, 2025. Ch. 1. S. 134–144.
31. Tumanova A. S. Obshchestvennye organizacii v gody pervoj russkoj revolyucii: pravovye osnovy funkcionirovaniya i otnosheniya s gosudarstvennoj vlast'yu // Gosudarstvo i pravo. 2017. № 11. S. 32–42.
32. Tumanova A. S. Formirovanie grazhdanskogo obshchestva v Rossijskoj imperii v kontekste pravovykh reform / Tendencii razvitiya prava v sociokul'turnom prostranstve. Zhidkovskie chteniya : materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii, g. Moskva, 24–25 marta 2017 g. / otv. red. M. V. Nemytina. Moskva : Rossijskij universitet družby narodov (RUDN), 2018. S. 552–559.
33. Tumanova A. S. Transformaciya deyatel'nosti dobrovol'nykh asociacij dorevolucionnoj Rossii v kontekste sozyva predstavitel'nykh uchrezhdenij / Tavricheskie chteniya 2021. Aktual'nye problemy parlamentarizma: istoriya i sovremennost' : sbornik nauchnykh statej mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, g. Sankt-Peterburg, 9–10 dekabrya 2021 g. : v 2-h ch. / pod red. A. B. Nikolaeva. Sankt-Peterburg : Asterion, 2022. Ch. 1. S. 130–137.
34. Tumanova A. S. Obshchestvennye organizacii v Rossii: pravovoe polozhenie. 1860–1930-e gg. : monografiya. Moskva : Prospekt, 2023. 480 s. <https://doi.org/10.31085/9785392299355-2019-480>
35. Kolmakov S. Yu. Istoriya razvitiya svobody sobranij v zakonodatel'stve dorevolucionnoj Rossii i Sovetskogo Soyuza // Sovremennoe pravo. 2017. № 9. S. 139–144.

36. Kolmakov S. Yu. Svoboda sobranij v Sobornom ulozhenii 1649 g. / Aktual'nye problemy sovremennoj yuridicheskoy nauki i praktiki (k yubileyu doktora yuridicheskikh nauk, professora, zaslužennogo yurista RF Yuriya Il'icha Skuratova) : materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, g. Ulan-Ude, 14 iyunya 2017 g. / pod red. E. L. Radnaevoy, Yu. G. Hamnueva. Ulan-Ude : Izdatel'stvo Buryatskogo gosuniversiteta, 2018. S. 168–173.
37. Rubcov O. I. Istoriko-pravovye etapy administrativno-pravovogo regulirovaniya provedeniya publicnyh i nepublicnyh massovyh meropriyatij v Rossii // Yuridicheskaya nauka. 2021. № 12. S. 15–21.
38. Chicherin B. N. O narodnom predstavitel'stve. Moskva : tip. T-va I. D. Sytina, 1899. 838 s.
39. Egorov N. Yu. Soedinstvo kak institut grazhdanskogo obshchestva v pravovom gosudarstve (po rabotam I. T. Tarasova) / Problemy stanovleniya grazhdanskogo obshchestva : sbornik statej III Mezhdunarodnoj nauchnoj studencheskoj konferencii, g. Irkutsk, 27 marta 2015 g. Irkutsk : Irkutskij yuridicheskij institut (filial) Universiteta prokuratury Rossijskoj Federacii, 2015. Ch. 1. S. 60–63.
40. Tumanova A. S. Obshchestvennye organizacii i russkaya publika v nachale XX veka. Moskva : Novyj hronograf, 2008. 326 s.
41. Kalinina A. V. Svoboda sobranij v yuridicheskoy i obshchestvenno-politicheskoy mysli dorevolucionnoj Rossii // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie Voprosy teorii i praktiki. 2011. № 8-2 (14). S. 86–88.
42. Kondrashev A. A. Svoboda sobranij v Rossii: sistemnye defekty zakonodatel'stva i politiko-pravovaya politika // Sravnitel'noe konstitucionnoe obozrenie. 2017. № 6 (121). S. 24–44. <https://doi.org/10.21128/1812-7126-2017-6-24-44>
43. Larionov B. I., Trofimov Yu. V., Pinaev V. V. Vzaimodejstvie pravoohranitel'nyh organov i obshchestvennyh organizacij pri provedenii publicnyh meropriyatij v vide shestviya // Akademicheskaya mysl' : [setevoe izdanie]. 2020. № 4. S. 7–11.
44. Pit'ko T. V. Svoboda sobranij: mezhdunarodno-pravovaya i vnutrigosudarstvennaya reglamentaciya i problemy realizacii / Prava cheloveka v mezhdunarodnom i nacional'nom prave : sbornik nauchnyh statej, posvyashchennyj 10-letiyu kafedry mezhdunarodnogo prava i prav cheloveka YUridicheskogo instituta MGPU. Moskva : Prava cheloveka, 2015. S. 153–157.
45. Radnaeva E. L., Kolmakov S. Yu. Ugolovnaya otvetstvennost' za narushenie zakonodatel'stva o svobode sobranij v stranah postsovet'skogo prostranstva: sravnitel'no-pravovoe issledovanie // Advances in Law Studies. 2018. T. 6, № 1. S. 90–102. https://doi.org/10.29039/article_5b06941c281409.28985678
46. Grishchenko T. A., Lyashenko T. T. Pravo na mirnye sobraniya v stranah anglo-saksonskoj sistemy : istoriko-pravovoj analiz razvitiya i sovremennye problemy realizacii : monografiya. Sankt-Peterburg : Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii, 2024. 196 s.
47. Grishchenko T. A. Obespechenie prava na mirnye sobraniya pravoohranitel'nymi organami v zarubezhnyh stranah : istoriko-pravovoj analiz razvitiya i sovremennye problemy realizacii : monografiya. Sankt-Peterburg : Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii, 2025. 320 s.

Авторами внесен равный вклад в написание статьи.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors have made an equal contribution to the writing of the article.
The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья
УДК 340.1

Приоритетные направления повышения качества юридической техники в условиях глобализационных процессов

Виктория Владимировна Чернегова, адъюнкт

Восточно-Сибирский институт МВД России
Иркутск (664074, ул. Лермонтова, д. 110), Российская Федерация
7pobeda7@mail.ru

Аннотация:

Введение. Целью настоящего исследования является обоснование и выделение приоритетных направлений повышения качества юридической техники в контексте влияния глобализационных процессов. В статье рассматриваются современные вызовы правовой системы, связанные с особенностями гармонизации национального и международного законодательства, цифровизацией, использованием правового мониторинга и вопросами подготовки специалистов в сфере правотворчества. Источниковую базу работы составляют нормативные правовые акты, официальные международные документы, научная литература и материалы правоприменительной практики. **Методы.** Методологическую основу исследования составляют общенаучные и специальные юридические методы (анализ, синтез, формально-юридический, сравнительно-правовой), обеспечивающие целостное изучение объекта и выявление факторов, влияющих на качество юридической техники. **Результаты.** В результате исследования выявлены ключевые аспекты, оказывающие влияние на юридическую технику: потребность в соблюдении баланса между национальным законодательством и международными нормами; рост значимости унификации правовой терминологии; влияние цифровизации на процессы нормотворчества; дефицит профессиональной подготовки специалистов в сфере юридической техники. Кроме того, автором сформулированы четыре приоритетных направления совершенствования юридической техники, обоснована необходимость системного подхода к улучшению качества юридической техники, базирующегося на интеграции теоретических разработок, анализа юридической практики и применения цифровых инноваций. Сделан вывод о том, что юридическая техника в условиях глобализации перестает быть лишь техническим инструментом, она становится стратегическим элементом правовой политики и государственно-правовой устойчивости.

Ключевые слова:

юридическая техника, глобализация, правотворчество, гармонизация законодательства, цифровизация, мониторинг правоприменения, правовая терминология

Для цитирования:

Чернегова В. В. Приоритетные направления повышения качества юридической техники в условиях глобализационных процессов // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2026. № 2 (110). С. 46–55.

Статья поступила в редакцию 02.07.2025;
одобрена после рецензирования 18.03.2026;
принята к публикации 25.06.2026.

Original article

Priority directions for improving the logistics quality in the context of globalisation

Victoria V. Chernegova, Postgraduate

East Siberian Institute of the MIA of Russia
110, Lermontova str., Irkutsk, 664074, Russian Federation
7pobeda7@mail.ru

Abstract:

Introduction. The aim of the research is to justify and identify priority directions for improving the logistics quality in the context of globalisation processes. The article discusses the current challenges facing the legal system, linked to the specific features of the harmonisation of national and international legislation, digitalisation, the use of legal monitoring, and issues relating to the training of specialists in the field of law-making. The source base for the research is formed by normative legal acts, official international documents, academic literature and materials on legal practice. **Methods.** The methodological basis of the research is provided by general

Keywords:

legistics, globalisation, law-making, harmonisation of legislation, digitalisation, monitoring of law enforcement, legal terminology

© Чернегова В. В., 2026



scientific and specific legal methods (analysis, synthesis, formal legal analysis, and comparative legal analysis), ensuring a comprehensive study of the subject matter and the identification of factors affecting the logistics quality. **Results.** The research made it possible to identify key factors affecting the logistics: the need to balance national legislation with international standards; the growing importance of standardising legal terminology; the impact of digitalisation on law-making processes; and the gap in vocational training for specialists in logistics. In addition, the author formulated four priority directions for improving logistics and justified the need for a systematic approach to enhancing its quality, based on the integration of theoretical research, analysis of legal practice and the application of digital innovations. The conclusion that logistics, in the context of globalisation, ceases to be merely a technical tool and becomes a strategic element of legal policy and state-legal stability is made.

For citation:

Chernegova V. V. Priority directions for improving the logistics quality in the context of globalisation // Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia. 2026. № 2 (110). P. 46–55.

The article was submitted July 2, 2025;
approved after reviewing March 18, 2026;
accepted for publication June 25, 2026.

Введение

Современные глобализационные процессы характеризуются не только процессом интеграции в экономике и культуре, но и глубокими геополитическими преобразованиями. Подобные изменения существенно влияют на динамику международных отношений, создавая сложности и противоречия во взаимодействии международного и национального права. В контексте этих процессов правовая глобализация определяется как интеграция международного права и национальных правовых систем, представляющую собой процесс, носящий объективный, цивилизационный, закономерный, стандартизационный характер, влияющий как положительно, так и отрицательно на правовую жизнь общества [1, с. 119].

Юридическая техника как неотъемлемый элемент правовой системы, выступающий средством построения системы законодательства, также претерпевает определенную трансформацию. При этом необходимо помнить, что задача юридической техники состоит в «облегчении» права, обеспечении его способности эволюционировать в соответствии с меняющимися общественными потребностями, в обеспечении устойчивости правовой системы в целом. Юридическая техника в условиях глобализации сталкивается с новыми вызовами: согласование национальных и международных требований приобретает особую специфику, требуя приоритетного учета национальных интересов, наряду с необходимостью обеспечения ясности и эффективности правовых норм, а также возможностью использования цифровых платформ в правотворчестве и правоприменении.

Проблемные аспекты эффективности функционирования правовых норм уже на протяжении длительного периода времени не утрачивают своей актуальности и по-прежнему характеризуются дискуссионностью, что во многом объясняется многообразием подходов к правоупотреблению, множественностью, негативным образом влияющих на результативность «работы» правовых норм, факторов [2, с. 54].

Актуальность настоящего исследования обусловлена растущими требованиями к качеству нормативных правовых актов, необходимостью правовой адаптации и устойчивости в условиях изменения глобального баланса. Проблемы технико-юридического характера, такие как неточность формулировок в нормативных правовых актах, актах правоприменения и иных юридических документах, отсутствие терминологической согласованности, становятся препятствием для эффективной правореализации и судебного толкования.

Объектом исследования является юридическая техника как основной элемент системы правотворчества.

Предмет исследования – приоритетные направления совершенствования юридической техники в условиях глобализации.

Исследование юридической техники в отечественной науке прошло несколько этапов, что позволяет оценить степень разработанности темы.

В дореволюционный период внимание уделялось общетеоретическим вопросам права, однако технико-юридические аспекты в своих работах затрагивали А. А. Башмаков, П. И. Люблинский, С. А. Муромцев, Ф. С. Тарановский, Б. Н. Чичерин, Г. Ф. Шершеневич и другие авторы.

В советский период акцент исследования сместился на технику правотворчества. Основополагающие труды Л. Ф. Апт, С. Н. Братусь, И. Л. Брауде, Д. А. Керимова, А. С. Пиголкина, И. С. Самощенко, Р. О. Халфиной заложили теоретическую базу законодотворческого процесса.

Современный этап ознаменован интеграцией России в международное правовое пространство. Исследования С. С. Алексеева, В. М. Баранова, А. Б. Венгерова, Н. Н. Вопленко, М. Л. Давыдовой, В. В. Игнатенко, Т. В. Кашаниной, А. В. Никитина, А. Ф. Черданцева и других ученых посвящены теоретико-правовым и отраслевым разработкам средств юридической техники.

Работы ученых-правоведов современного периода затрагивают вопросы влияния цифровизации и международных норм на правотворчество в России. Тем не менее глубокое осмысление системной трансформации юридической техники в условиях глобализации, равно как и выработка обоснованных приоритетных направлений ее совершенствования, до сих пор не получили должного научного внимания.

В рамках темы совершенствования юридической техники наиболее изученными являются общие вопросы юридической и законодательной техники (понятие, структура, принципы, приемы и др.), историко-теоретические аспекты развития юридической техники. Проблемы гармонизации и унификации законодательства рассматривались в трудах А. М. Ладыженского, Д. Б. Левина, Г. И. Тункина и других юристов, вопросы цифровизации в правотворчестве затрагиваются в работах М. В. Залоило, Д. А. Пашенцева, Т. Я. Хабриевой и др. Однако, несмотря на эти значимые разработки, некоторые аспекты исследовательской проблемы остаются недостаточно изученными. К ним, например, относится выработка наиболее эффективных моделей мониторинга правоприменения, а также актуальных требований к компетенциям специалистов, работающих в сфере реализации юридической техники.

Цель статьи заключается в выявлении и научном обосновании приоритетных направлений повышения качества юридической техники с учетом воздействия глобализационных факторов.

Для достижения поставленной цели в рамках исследования автор решает следующие задачи: раскрывает понятие юридической техники в современных условиях, ее роль в правовой системе; анализирует влияние глобализационных процессов на развитие юридической техники, в т. ч. через трансформацию законодательства и международные интеграционные тенденции; исследует проблемы правотворчества, связанные с цифровизацией, информационными технологиями; характеризует значение мониторинга правоприменения в качестве «обратной связи» для оценки эффективности юридико-технических решений; рассматривает вопросы профессиональной подготовки специалистов, вовлеченных в разработку нормативных правовых актов; формулирует обобщенную модель приоритетных направлений повышения качества юридической техники с учетом современных вызовов.

В целях корректного определения приоритетных направлений совершенствования юридической техники в условиях глобализации необходимо исходить из анализа совокупности возможных направлений ее развития. В контексте проблем, обсуждаемых в современной научной и прикладной литературе, а также практики нормотворческой деятельности можно выделить следующие направления: совершенствование правотворческой процедуры и законодательной технологии; разработка и применение стандартов юридико-технического оформления нормативных правовых актов; обеспечение единства правовой терминологии и устранение понятийных коллизий; внедрение цифровых технологий в нормотворчество и юридическую деятельность в целом; повышение уровня профессиональной подготовки специалистов в сфере правотворчества; обеспечение доступности правовой информации; гармонизация национального законодательства с международным правом и национальными стандартами. Из перечисленных направлений в качестве приоритетных в настоящем исследовании рассматриваются следующие: особенности гармонизации национального законодательства и международных норм как ключевой вызов эпохи глобализации; цифровизация правотворчества как актуальный инструмент повышения его эффективности; мониторинг правоприменения как действенный механизм адаптации законодательства к реальной практике; повышение профессионализма субъектов нормотворчества как необходимое условие качественной реализации всех вышеназванных направлений.

В настоящей работе отмечены отдельные аспекты современного состояния юридической техники, такие как приоритетные направления ее развития, адаптация национальных правовых норм к международным стандартам, трансформация юридико-технических приемов в условиях активного развития информационных технологий.

Перспективными для будущих исследований остаются темы, связанные с особенностями юридической техники в многоязычном и мультикультурном контексте, а также применение юридико-технических решений при нормативном регулировании новых сфер общественных отношений (например, цифровое право, цифровые активы, смарт-контракты, искусственный интеллект и др.).

В свете вышеизложенного научная новизна данного исследования заключается в формировании комплексной теоретико-практической модели, объединяющей направления совершенствования качества юридической техники в условиях глобализационных процессов. Модель учитывает системную взаимосвязь гармонизации национальной правовой системы, влияния цифровизации на правовую среду, мониторинга правоприменения и повышения

профессионального уровня в сфере нормотворчества, что обеспечивает уточнение механизмов оптимизации современных юридико-технических решений.

Методы

Методологической основой исследования является сочетание некоторых общенаучных и частнонаучных методов, что обеспечивает всестороннее изучение проблемы. С помощью метода анализа как предмет исследования определены качество юридической техники и способы ее совершенствования, осуществлена оценка текстов нормативных актов, практики их применения. Метод синтеза использован для создания целостного представления о развитии юридической техники под влиянием современных глобализационных процессов. С помощью формально-юридического метода исследования юридической техники сфокусировано внимание на наличии пробелов и противоречий в правовом регулировании.

Результаты

Юридическая техника как теоретико-правовое понятие находится в поле научного внимания по ряду причин. Комплексное многоплановое исследование юридической техники в качестве главного и единственного предмета открывает широкие возможности для демонстрации ценности единства правовой теории и практики. Ведь юридическая техника – тот редкий феномен, где налицо сплав высокой юридической теории и сугубо прикладных практических проблем¹.

Юридическая техника рассматривается в правовой доктрине в основном в контексте двух подходов, которые отражают разные уровни понимания ее роли в правовой системе. Например, в узком смысле юридическая техника может пониматься как совокупность приемов и правил, применяемых при подготовке нормативных правовых актов [3]; в широком смысле юридическая техника охватывает весь комплекс средств, обеспечивающих организацию правотворчества, правоприменения, систематизации законодательства и иных видов юридической деятельности [4, с. 50]. В связи с этим наиболее полным и отражающим суть юридической техники представляется следующее определение: «Юридическая техника – система профессиональных юридических правил и средств, используемых при составлении правовых актов и осуществлении иной юридической деятельности в сферах правотворчества, правоинтерпретации, властной и невластной реализации права, обеспечивающих совершенство его формы и содержания»².

В общем смысле под глобализацией понимается всемирный процесс, «взаимосвязывающий национальные социально-экономические образования в единую мировую экономическую и общественную систему» [5, с. 1]. Как тенденция ко всемирной интеграции и унификации глобализация влияет не только на экономические отношения, но и затрагивает политику, культуру, экологию, сферу технологий и, конечно же, право. Поэтому проблемы юридической техники на современном этапе характеризуются влиянием как позитивных, так и негативных процессов, проявляющихся в необходимости гармонизации национального законодательства и международных норм. При этом процесс гармонизации не предполагает полного замещения внутригосударственных правовых стандартов, а подразумевает их оптимизацию. Например, вступление России во Всемирную торговую организацию (далее – ВТО) потребовало адаптации законодательства Российской Федерации в сфере таможенного регулирования, интеллектуальной собственности, регулирования фармацевтического рынка и других сферах.

Так, статьей 7 Федерального закона от 30 декабря 1995 г. № 225-ФЗ «О соглашениях о разделе продукции» определены условия выполнения работ по Соглашению. Однако если такие условия вступают в противоречие с принципами ВТО, в случае присоединения России к ВТО они теряют свою силу или должны быть приведены в соответствие с этими принципами в сроки и порядке, которые предусмотрены документами ВТО и Соглашением о вступлении Российской Федерации в ВТО³. Кроме того, в связи с вхождением нашей страны в ВТО импортная пошлина на автомобили в России была снижена, что негативно отразилось на отечественной отрасли по производству автокомпонентов и потребовало введения мер поддержки российских автопроизводителей в виде предоставления субсидий из федерального бюджета для компенсации потерь и сохранения прежних условий инвестиционных проектов. Указанные меры были

¹ Баранов В. М. Эссе главного редактора // Юридическая техника. 2007. № 1. С. 5.

² Юридическая техника : учебник / под ред. В. М. Баранова. Москва : Проспект, 2021. С. 38.

³ О соглашениях о разделе продукции : Федеральный закон от 30 декабря 1995 г. № 225-ФЗ (ред. от 08.12.2020) // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). 1996. № 1. Ст. 18.

реализованы Федеральным законом от 23 июля 2013 г. № 190-ФЗ «О некоторых мерах государственной поддержки отдельных категорий производителей моторных транспортных средств, их узлов и агрегатов»⁴.

Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод и Международный пакт о гражданских и политических правах также существенно повлияли на российское законодательство. Например, в Пятом периодическом докладе Российской Федерации «О принимаемых мерах и прогрессе на пути к достижению соблюдения прав, признаваемых в Международном пакте о гражданских и политических правах» содержится всесторонний анализ широкого круга вопросов, связанных с реализацией гражданских и политических прав в России после ратификации Международного пакта о гражданских и политических правах. Доклад также содержит обзор многочисленных законодательных изменений, принятых нормативных правовых актов, призванных обеспечить соблюдение прав граждан в сфере местного самоуправления, правовых гарантий самобытного социально-экономического и культурного развития коренных малочисленных народов, обеспечения права на судебную защиту и многих других гражданских правах⁵. Также Киотский протокол к Рамочной конвенции ООН об изменении климата⁶ потребовал разработки в России ряда законов и постановлений для реализации обязательств страны по сокращению выбросов парниковых газов.

Таким образом, наблюдается сложное взаимодействие национальных и международных регуляторов, которое заключается в интеграции международных стандартов в российскую правовую систему. В связи с этим глобализация оказывает существенное влияние на юридическую технику в России, стимулируя адаптацию к изменениям в отечественном законодательстве. Существуют и коллизии между национальным и международным правом, сложности оптимизации международных норм к национальной правовой системе. Как отмечает В. Н. Лопатин, в области авторского права коллизия возникает между ст. 1259 Гражданского кодекса Российской Федерации⁷ (далее – ГК РФ) и ст. 2 Бернской Конвенции об охране литературных и художественных произведений⁸. В отличие от Бернской Конвенции, содержащей открытый перечень объектов авторских прав, ГК РФ не включает в перечень объектов авторских прав брошюры, лекции, обращения, проповеди, литографии, которые перечисляются в Бернской Конвенции⁹.

Подчеркивая необходимость гармонизации национального законодательства и международных норм как одного из направлений совершенствования юридической техники, стоит учитывать, что в современных условиях, характеризующихся напряженностью международных отношений, усилением санкционного давления, произошло смещение акцентов в правовой политике России. Вместо прямой имплементации международных стандартов акцент делается на обеспечение правового суверенитета, защиту национальных интересов и выборочное использование заимствованных правовых предписаний.

Эти изменения нашли отражение в законодательстве. Так, статьей 79 Конституции Российской Федерации (в редакции от 1 июля 2020 г.) установлено, что решения межгосударственных органов, принятые на основании положений международных договоров Российской Федерации в их истолковании, противоречащем Конституции Российской Федерации, не подлежат исполнению в Российской Федерации¹⁰.

Таким образом, идея гармонизации национального законодательства и международных норм в свете вышеописанных приоритетов выступает не безусловным принятием межгосударственных

⁴ О некоторых мерах государственной поддержки отдельных категорий производителей моторных транспортных средств, их узлов и агрегатов : Федеральный закон от 23 июля 2013 г. № 190-ФЗ // СЗ РФ. 2013. № 30 (ч. I). Ст. 4023.

⁵ О принимаемых мерах и прогрессе на пути к достижению соблюдения прав, признаваемых в международном пакте о гражданских и политических правах : Пятый периодический доклад Российской Федерации // Министерство иностранных дел Российской Федерации : [официальный сайт]. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/un/1687421 / (дата обращения: 26.03.2025).

⁶ Киотский протокол к Рамочной конвенции Организации Объединенных Наций об изменении климата (подписан в г. Киото 11.12.1997) (с изм. от 08.12.2012) // СЗ РФ. 2005. № 10. Ст. 764.

⁷ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ (ред. от 22.07.2024) // СЗ РФ. 2006. № 52 (ч. 1). Ст. 5496.

⁸ Бернская Конвенция по охране литературных и художественных произведений от 9 сентября 1886 г. (ред. от 28.09.1979) // Бюллетень международных договоров. 2003. № 9.

⁹ Лопатин В. Н. Правовые коллизии при защите интеллектуальной собственности в России // Республиканский НИИ интеллектуальной собственности : [сайт]. URL: https://rniis.ru/download/stat'i/prav_kolizii.pdf (дата обращения: 26.03.2025).

¹⁰ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации (pravo.gov.ru) : [сайт]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202210060013> (дата обращения: 29.06.2025).

стандартов, а выстраиванием юридико-технических механизмов адаптации, позволяющих согласовывать международные обязательства с внутренним правопорядком, при этом обеспечивая национальный контроль и правовую устойчивость.

Кроме вопросов адаптации, существуют значительные трудности, связанные с интерпретацией и применением многоязычных документов. И. А. Хаванова, анализируя многоязычные налоговые договоры и особенности их толкования, пишет: «В ст. 29 соглашения об избежании двойного налогообложения России с Грецией от 26 июня 2000 г. отмечается, что оно совершено на русском, греческом и английском языках, причем все тексты имеют одинаковую силу (в случае расхождения при толковании будет применяться текст на английском языке)» [6, с. 60]. Представляется, что применение многоязычных документов осложняется не только возможной неоднозначностью перевода и различиями в грамматике и синтаксисе, но и тем, что многие языки имеют уникальную терминологию, в т. ч. правовую, что связано с определенными аспектами национальной культуры. Кроме того, язык любой страны находится в постоянном развитии, поэтому появление новых и (или) заимствованных слов обуславливает необходимость актуализации многоязычных документов.

Отсутствие унификации правовой терминологии национального законодательства затрудняет понимание и применение законов как внутри страны, так и в сфере международного сотрудничества. Полагаем, что глобализация является стимулятором унификации терминологии, что влияет на повышение ясности и доступности нормативной базы. Примером констатации указанной проблемы и одновременно способом ее решения могут служить Международные правила толкования торговых терминов Инкотермс, разработанные и периодически обновляемые Международной торговой палатой. Принятие международных конвенций является способом унификации норм международного права. При этом такие международные договоры как результат сотрудничества государств обеспечивают более надежную основу для создания стабильных и легитимных норм.

Проблема унификации правовой терминологии в России особенно остро проявляется в связи с практикой введения новых понятий без соответствующего законодательного закрепления. Например, Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»¹¹ не содержит определения понятий «государственные нужды», «федеральные нужды», «муниципальные нужды», «нужды бюджетных учреждений» и, соответственно, не устанавливает их разграничения. Это порождает правовую неопределенность, затрудняет определение предмета закупки нередко становится предметом судебных споров.

Решение проблемы унификации нормативной правовой терминологии, по мнению Л. Ю. Фоминой, направлено на повышение технико-юридического уровня российских нормативных правовых актов, рост их коммуникативной эффективности, а в конечном итоге – на формирование единого правового пространства в Российской Федерации и повышение уровня правовой культуры российского общества¹².

Таким образом, унификация правовой терминологии представляет собой не вспомогательную, а системную задачу юридической техники, напрямую влияющую на точность, интерпретируемость и эффективность нормативного регулирования, как на национальном, так и на международном уровнях. В связи с тем, что в российском законодательстве наблюдается устойчивая тенденция к спонтанному введению новых правовых понятий без их нормативного определения, необходимо чтобы унификация терминологии осуществлялась на опережающей основе, с участием лингвистов и иных специалистов в сфере регулируемых отношений.

Необходимо признать, что глобализация создает условия для цифровизации общества, которая в свою очередь может оказывать положительное влияние на правотворчество. В 2018 году Российский союз промышленников и предпринимателей отметил, что Совет при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства¹³ выражает обеспокоенность качеством законотворческой деятельности. Частые изменения нормативных правовых актов делают нормы «одноразовыми», снижают доверие к правовым институтам и затрудняют создание единообразной судебной практики. Примером послужил

¹¹ О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд : Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ (ред. от 26.12.2024) // СЗ РФ. 2013. № 14. Ст. 1652.

¹² Фомина Л. Ю. Унификация нормативной правовой терминологии : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2006. С. 4.

¹³ Об утверждении состава Совета при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства : Указ Президента Российской Федерации от 2 сентября 2024 г. № 744 // СЗ РФ. 2024. № 37. Ст. 5538.

законопроект, вносящий поправки в действующий закон о госрегистрации недвижимости, который за год своего существования подвергался изменениям около двадцати раз¹⁴.

Согласно данным Аналитического центра при Правительстве Российской Федерации, цифровизация способствовала улучшению качества законопроектной работы. В первом полугодии 2024 года федеральные органы власти обеспечили стопроцентную своевременность внесения законопроектов, что стало рекордным показателем. Это объясняется внедрением цифровой системы мониторинга исполнения ключевых задач Правительства Российской Федерации¹⁵.

Безусловно, цифровизация сама по себе не является гарантом повышения качества правотворчества (содержательной части законотворческой деятельности), т. к. в большей степени влияет на процедурный компонент, однако может ускорять и оптимизировать процесс правотворчества.

Также одним из значимых векторов повышения качества юридической техники выступает модернизация нормативного регулирования деятельности Министерства юстиции Российской Федерации по мониторингу правоприменения. Мониторинг включает в себя сбор и обобщение данных о функционировании правовых норм в реальных условиях, что позволяет выявлять противоречия и формировать рекомендации по совершенствованию законодательства. Однако в научной доктрине существуют различные позиции относительно достоинств и недостатков проводимой работы.

Обязательным условием эффективности мониторинга должно являться активное участие в нем гражданского общества в лице четырех основных участников этого партнерства: корпораций частнопрактикующих юристов, научных школ, правозащитных организаций и средств массовой информации [7, с. 27]. Предполагается, что участие гражданского общества в мониторинге правоприменения могло бы способствовать обеспечению объективности и справедливости, учета мнений различных групп населения. Многие научные школы в России обладают достаточной экспертностью для глубокого анализа правоприменительной практики и аргументации предложений по совершенствованию законодательства. Кроме того, включение независимых участников в процесс мониторинга поможет получить объективные данные и укрепить доверие граждан к правовой системе.

Для выявления потребности правового регулирования необходимо осуществлять мониторинг общественных отношений, который и позволяет выявлять социально значимые типичные конфликтные интересы, т. к. невозможно анализировать и оценивать то, что изначально не выявлено [8, с. 269]. Данные, обобщенные в ходе мониторинга при участии институтов гражданского общества, служат наиболее точным инструментом для определения острых проблем и помогают расставить приоритеты в принятии решений.

Таким образом, мониторинг правоприменения должен рассматриваться как неотъемлемый элемент обратной связи в системе юридической техники, позволяющий выявлять пробелы, дефекты и несоответствия между нормами и их практической реализацией. Современное состояние мониторинга в России требует институционального усиления с помощью расширения круга участников и обеспечения прозрачности публикации результатов мониторинга и последующих принятых решений.

В научной литературе отмечается, что внедрение цифровых технологий существенно облегчает мониторинг правоприменительной практики [9, с. 21]. Автоматизация сбора данных и обработка больших информационных массивов при помощи внедрения цифровых инструментов делает возможным оперативное выявление противоречащих или дублирующих правовых норм.

Однако, несмотря на активное развитие информационных технологий, в правовой сфере сохраняется дисбаланс между возрастающей потребностью в правовой информации и возможностями ее распространения.

В настоящее время в России доступ к правовой информации обеспечивается компаниями негосударственного сектора. Свыше 99 % пользователей, включая представителей государственной власти и управления, используют справочные правовые системы (далее – СПС) независимых негосударственных разработчиков. Важно подчеркнуть, что наиболее востребованные СПС были разработаны частными компаниями и не финансировались государством¹⁶.

¹⁴ Президентские юристы недовольны качеством законопроектной работы // Российский союз промышленников и предпринимателей : [сайт]. URL: <https://rspp.ru/events/news/prezidentskie-yuristy-nedovolny-kachestvom-zakonoproektnoy-raboty--30267/> (дата обращения: 26.03.2025).

¹⁵ Цифровизация повысила качество законопроектной деятельности // Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации : [сайт]. URL: <https://ac.gov.ru/news/page/cifrovizacia-povysila-kachestvo-zakonoproektnoj-deatelnosti-27854> (дата обращения: 26.03.2025).

¹⁶ Основные принципы построения эффективной СРПИ : (Доклад Генерального директора ЗАО «Консультант-Плюс» Д. Б. Новикова) // Правовой Сервер КонсультантПлюс (www.consultant.ru) : [сайт]. URL : <https://www.consultant.ru>.

При этом справочные правовые системы имеют несколько существенных недостатков. Например, отсутствие оперативного обновления правовых баз данных создает риски некорректного толкования и применения законодательства. Более того, СПС могут выдвигать потребителям финансовые и временные условия пользования правовой информацией, что препятствует равному доступу к юридически значимым сведениям и правовой помощи.

Работа государственных правовых информационных ресурсов сопряжена с некоторыми трудностями, прежде всего с недостаточными возможностями программного обеспечения, необходимого для аналитических и экспертных задач. Недостаток развитых цифровых инструментов усложняет контроль качества нормотворчества на региональном и муниципальном уровнях и делает невозможным автоматизированный анализ правовых актов [10, с. 88].

Таким образом, государственные правовые информационные ресурсы, несмотря на свой статус, страдают от недостатков, связанных с ограниченной полнотой правовой информации, слабыми поисковыми возможностями, а также недостаточным уровнем адаптации под нужды неспециалистов. Эти проблемы снижают уровень доступности правовой информации и препятствуют формированию правовой грамотности. Полагается, что перспективы устранения данных недостатков связаны с внедрением цифровых инструментов в правовую среду и переосмыслением целей правовой информатизации не только как механизма доступа к праву, но и как части правового воспитания.

Обобщая результаты исследования, можно сделать следующие выводы. Юридическая техника в условиях глобализации приобретает системообразующее значение в правотворчестве, выходя за рамки исключительно технического инструментария. При этом приоритетными для повышения качества юридической техники признаются следующие направления.

Во-первых, первостепенное значение имеет гармонизация национального законодательства и международных правовых актов. При этом юридическая техника становится механизмом поддержания баланса между обеспечением международных обязательств и национальной правовой идентичностью.

Риск утраты государственного суверенитета, трудности в установлении многополярного мира, возникновение иерархии государств, дискриминация субъектов международного права в экономической и иных сферах – все это можно причислить к рискам глобализационных процессов, происходящих на современном этапе [11, с. 12]. Решение проблем в применении норм международного права требует взаимовыгодного сотрудничества, в т. ч. по вопросам внедрения эффективных механизмов имплементации международных договоров и обмена опытом в сфере правоприменения. В свете вышеизложенного глобализационные процессы можно расценивать как стимул модернизации юридической техники, что выражается в необходимости адаптации законодательства к новым формам взаимодействия.

Безусловно, технико-юридическое качество принимаемых нормативных правовых актов оказывает самое прямое влияние на трансформацию содержания и тенденции развития регулируемых общественных отношений [12, с. 25]. В силу этого весь инструментарий юридической техники должен быть направлен на формирование таких правовых актов, которые позволяют обеспечить национальную безопасность и суверенитет.

Во-вторых, требуется дальнейшее совершенствование методик правотворчества, для чего необходимо использовать возможности инструментария юридической техники, предназначенного для квалифицированной подготовки юридических документов и упорядочения правовых актов, обеспечивающих их качество и эффективность. Методы, используемые в правотворчестве, в значительной степени определяют эффективность правового регулирования общественных отношений. Их выбор зависит от воли субъекта правотворчества, что предопределяет как правовые, так и социально-экономические последствия данного решения [13, с. 32]. Цифровизация правотворчества влечет потребность в выработке новых юридико-технических приемов, адекватных электронным форматам работы, алгоритмам управления информацией.

Несмотря на положительное влияние цифровизации в сфере законотворчества, которое отмечалось выше, актуальным остается вопрос об уровне квалификации специалистов, занимающихся разработкой законопроектов. Как замечает В. М. Баранов, в России нет особого слоя людей, которых специально подготовили для правотворческой работы и которые имеют диплом соответствующего образца. Считается, что любой может участвовать в правотворчестве: выдвигать законодательные идеи, представлять концепции нормативных правовых актов, готовить проекты государственных решений и продвигать их (лоббировать) с большей или меньшей активностью [14, с. 18]. В связи с этим требуется развитие системы подготовки специалистов,

обладающих глубокими знаниями юридической техники, навыками анализа и прогнозирования последствий принимаемых нормативных актов.

Одним из мощнейших инструментов, способных совершенствовать правовую систему, является мониторинг правоприменения, потенциал которого еще не раскрыт. Мониторинг правоприменения должен рассматриваться как неотъемлемый компонент юридико-технического цикла, а не как внешняя процедура. Ситуация, когда государственный орган, принявший какой-либо нормативный правовой акт, находится в неведении относительно того, как этот акт на самом деле работает, должна кардинальным образом измениться [15, с. 58]. Как отмечалось выше, критерием эффективности мониторинга должно стать расширение круга участников, например, активное участие в нем гражданского общества.

Важным направлением является внедрение в процессы анализа правовых актов современных технологий, используемых для анализа данных, которые позволят ускорить поиск необходимой информации, оптимизировать работу по выявлению пробелов и коллизий, а также повысить логическую связность, ясность и точность юридических формулировок. В то же время цифровизация законотворческого процесса порождает возникновение определенных угроз, решение которых требует дополнительных ресурсов и комплексных мер защиты информационной безопасности.

В настоящее время инструменты технико-юридического воздействия на общественные отношения носят эволюционный характер и зависят от совокупности факторов, включая историко-правовые, экономические, социальные условия, уровень культурного развития, состояние юридической техники и развитие информационных технологий [16, с. 7].

Можно утверждать, что ключ к улучшению правотворческих процедур и предотвращению принятия дефектных норм – создание комплексной системы, состоящей из следующих компонентов: применение инструментария юридической техники, целенаправленная профессиональная подготовка специалистов, участвующих в подготовке правовых актов, мониторинг правоприменения и эффективное применение современных информационных технологий.

3 заключение

Вступление России в международные организации, принятие международных конвенций требует значительных изменений в различных областях национального законодательства. Эти изменения должны быть не только своевременными, но и юридически безупречными, чтобы сохранить баланс между влиянием международных норм и национальным правовым регулированием.

Глобализация, с одной стороны, стимулирует унификацию правовых институтов и терминологии, повышает ясность и доступность законодательства, способствует внедрению инновационных технологий в правотворческую деятельность. С другой стороны, глобализация ставит вопросы, связанные с сохранением национальной правовой специфики и отказом от навязывания доминирующих правовых моделей.

На основании проведенного анализа можно сделать вывод, что повышение качества юридической техники невозможно без синергии теоретических разработок, практики правоприменения и инновационных цифровых решений. Предложенные в статье приоритетные направления представляют собой стратегическую основу для реформирования подходов к правотворчеству в России. Реализация приведенной модели потребует усилий государства, академического сообщества и юридической практики, а также развития междисциплинарных компетенций, обеспечивающих соответствие нормативных актов современным требованиям эффективности, логичности и юридической точности.

Список источников

1. Ларина Т. В. Влияние глобализации на формирование источников частного права // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 3. С. 113–122. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-3-113-122>
2. Пискунова О. В. Проблемные аспекты эффективности функционирования норм права // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2022. № 2 (145). С. 53–59. <https://doi.org/10.24412/2227-7315-2022-2-53-59>
3. Ковалев М. И. Роль правосознания и юридической техники в развитии уголовного законодательства // Советское государство и право. 1985. № 8. С. 73–79.
4. Давыдова М. Л. Юридическая техника: проблемы теории и методологии : монография. Волгоград : Издательство Волгоградского государственного университета, 2009. 317 с.
5. Лукашук И. И. Глобализация, государство, право, XXI век : монография. Москва : Спарк, 2000. 261 с.
6. Хаванова И. А. Многоязычные налоговые договоры и особенности их толкования // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2016. № 2 (57). С. 59–64. <https://doi.org/10.12737/19203>
7. Горбунова С. С. Правовые проблемы организации и планирования деятельности по проведению мониторинга правоприменения в Российской Федерации // Правовая информатика. 2012. № 1. С. 26–30.

8. Зайцева Е. С. Социально-правовой мониторинг и его значение для установления пределов правового регулирования // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2024. Т. 28, № 2. С. 263–279. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-2-263-279>
9. Дорская А. А., Дорский А. Ю. Основные направления повышения эффективности правоприменения в условиях цифровизации // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. 2024. № 1 (53). С. 14–26. <https://doi.org/10.25688/2076-9113.2024.53.1.02>
10. Благовещенский Н. Ю. Развитие федеральных регистров и федеральных реестров // Правовая информатика. 2020. № 2. С. 82–91. <https://doi.org/10.21681/1994-1404-2020-2-82-91>
11. Хижняк В. С. Глобализация как фактор развития международно-правовой политики Российской Федерации // Правовая политика и правовая жизнь. 2020. № 2. С. 8–15.
12. Магомедова Е. А., Кривушин А. В. Юридическая техника как фактор эффективности правового регулирования // Вестник Калужского университета. 2019. № 1. С. 24–26.
13. Румянцев М. Б. Особенности методики правотворчества // Пробелы в российском законодательстве. 2015. № 6. С. 29–33.
14. Баранов В. М. Норморайтер как профессия // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2017. № 6 (119). С. 16–29.
15. Уваров А. А. О принципах мониторинга правоприменения // Мониторинг правоприменения. 2022. № 1 (42). С. 56–60. <https://doi.org/10.21681/2226-0692-2022-1-56-60>
16. Авдеева О. А., Авдеев В. А. Правовая политика Российской Федерации в сфере противодействия преступности : монография. Иркутск : Восточно-Сибирский институт МВД России, 2023. 128 с.

References

1. Larina T. V. Vliyaniye globalizatsii na formirovaniye istochnikov chastnogo prava // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2024. № 3. S. 113–122. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-3-113-122>
2. Piskunova O. V. Problemnye aspekty effektivnosti funkcionirovaniya norm prava // Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii. 2022. № 2 (145). S. 53–59. <https://doi.org/10.24412/2227-7315-2022-2-53-59>
3. Kovalev M. I. Rol' pravosoznaniya i yuridicheskoy tekhniki v razvitiy ugolovnogo zakonodatel'stva // Sovetskoye gosudarstvo i pravo. 1985. № 8. S. 73–79.
4. Davydova M. L. Yuridicheskaya tekhnika: problemy teorii i metodologii : monografiya. Volgograd : Izdatel'stvo Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta, 2009. 317 s.
5. Lukashuk I. I. Globalizatsiya, gosudarstvo, pravo, XXI vek : monografiya. Moskva : Spark, 2000. 261 s.
6. Havanova I. A. Mnogoyazychnye nalogovye dogovory i osobennosti ih tolkovaniya // Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya. 2016. № 2 (57). S. 59–64. <https://doi.org/10.12737/19203>
7. Gorbunova S. S. Pravovye problemy organizatsii i planirovaniya deyatel'nosti po provedeniyu monitoringa pravoprimeneniya v Rossijskoj Federatsii // Pravovaya informatika. 2012. № 1. S. 26–30.
8. Zajceva E. S. Social'no-pravovoy monitoring i ego znachenie dlya ustanovleniya predelov pravovogo regulirovaniya // Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Yuridicheskie nauki. 2024. T. 28, № 2. S. 263–279. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-2-263-279>
9. Dorskaya A. A., Dorskij A. Yu. Osnovnye napravleniya povysheniya effektivnosti pravoprimeneniya v usloviyah cifrovizatsii // Vestnik MGPU. Seriya: Yuridicheskie nauki. 2024. № 1 (53). S. 14–26. <https://doi.org/10.25688/2076-9113.2024.53.1.02>
10. Blagoveshchenskiy N. Yu. Razvitie federal'nyh registrov i federal'nyh reestrov // Pravovaya informatika. 2020. № 2. S. 82–91. <https://doi.org/10.21681/1994-1404-2020-2-82-91>
11. Hizhnyak V. S. Globalizatsiya kak faktor razvitiya mezhdunarodno-pravovoy politiki Rossijskoj Federatsii // Pravovaya politika i pravovaya zhizn'. 2020. № 2. S. 8–15.
12. Magomedova E. A., Krivushin A. V. Yuridicheskaya tekhnika kak faktor effektivnosti pravovogo regulirovaniya // Vestnik Kaluzhskogo universiteta. 2019. № 1. S. 24–26.
13. Rumyansev M. B. Osobennosti metodiki pravotvorchestva // Probely v rossijskom zakonodatel'stve. 2015. № 6. S. 29–33.
14. Baranov V. M. Normorajter kak professiya // Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii. 2017. № 6 (119). S. 16–29.
15. Uvarov A. A. O principah monitoringa pravoprimeneniya // Monitoring pravoprimeneniya. 2022. № 1 (42). S. 56–60. <https://doi.org/10.21681/2226-0692-2022-1-56-60>
16. Avdeeva O. A., Avdeev V. A. Pravovaya politika Rossijskoj Federatsii v sfere protivodejstviya prestupnosti : monografiya. Irkutsk : Vostochno-Sibirskij institut MVD Rossii, 2023. 128 s.

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

Научная статья
УДК 342.7:388:711.4

Соответствие экологическому законодательству: «зеленые волны» как инструмент снижения транспортных выбросов в мегаполисах

Андрей Алексеевич Дерусов¹, Наталья Николаевна Перцова²

^{1,2} Мелитопольский государственный университет
Мелитополь (Запорожская область, 272312, пр. Богдана Хмельницкого, д. 18),
Российская Федерация

¹ derusov.1965@mail.ru, ² natik262008@mail.ru

¹ <https://orcid.org/0009-0007-9148-6980>, ² <https://orcid.org/0009-0006-4004-3234>

Аннотация:

Введение. В статье анализируется правовое регулирование применения интеллектуальных транспортных систем (далее – ИТС) типа «зеленая волна» в контексте соблюдения требований экологического законодательства Российской Федерации. Обосновывается актуальность использования автоматизированных систем светофорного регулирования как инструмента снижения транспортных выбросов в атмосферу крупных городов. Цель исследования состоит в выявлении недостатков правового регулирования внедрения «зеленых волн» и разработке предложений по совершенствованию механизмов стимулирования органов местного самоуправления к применению ИТС в экологических целях через систему оценки эффективности их деятельности. **Методы.** Применены формально-юридический, сравнительно-правовой, системный методы, анализ статистических данных и правоприменительной практики. **Результаты.** Установлено, что действующее законодательство не содержит специальных норм, стимулирующих внедрение «зеленых волн» как превентивной меры снижения выбросов. Система административной ответственности не может быть использована для стимулирования органов местного самоуправления, поскольку они не являются субъектами ответственности по Кодексу Российской Федерации об административных правонарушениях. **Вывод.** Предложено дополнить систему показателей оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления (в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 28 апреля 2008 г. № 607 и постановлением Правительства Российской Федерации от 17 декабря 2012 г. № 1317) новыми индикаторами, отражающими степень внедрения «зеленых волн» на магистралях с высокой интенсивностью движения при систематическом превышении предельно допустимых концентраций загрязняющих веществ.

Ключевые слова:

экологическое законодательство, транспортные выбросы, зеленая волна, интеллектуальные транспортные системы, оценка эффективности органов местного самоуправления, атмосферный воздух, национальный проект «Экология»

Для цитирования:

Дерусов А. А., Перцова Н. Н. Соответствие экологическому законодательству: «зеленые волны» как инструмент снижения транспортных выбросов в мегаполисах // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2026. № 2 (110). С. 56–65.

Статья поступила в редакцию 13.07.2025;
одобрена после рецензирования 17.04.2026;
принята к публикации 25.06.2026.

Original article

Compliance with environmental legislation: “green waves” as a tool for reducing transport emissions in megapolises

Andrey A. Derusov¹, Natalia N. Pertsova²^{1,2} Melitopol State University

18, Bohdan Khmelnytsky ave., Melitopol, 272312, Zaporizhzhia region, Russian Federation

¹ derusov.1965@mail.ru, ² natik262008@mail.ru¹ <https://orcid.org/0009-0007-9148-6980>, ² <https://orcid.org/0009-0006-4004-3234>**Abstract:**

Introduction. This article analyses the legal regulation of the use of “green wave” intelligent transport systems (hereinafter referred to as ITS) in the context of compliance with the requirements of the Russian Federation’s environmental legislation. The study demonstrates the relevance of using automatic traffic light control systems as a tool for reducing transport emissions into the atmosphere of large cities. The objective of the study is to identify shortcomings in the legal regulation of the implementation of “green wave” systems and to develop proposals for improving mechanisms to incentivise local authorities to use ITS for environmental purposes through a system for evaluating the effectiveness of their activities. **Methods.** A range of approaches, including formal-legal, comparative-legal and systemic methods, analysis of statistical data and law enforcement practice were employed in the study. **Results.** It has been established that current legislation does not contain specific provisions encouraging the introduction of “green waves” systems as a preventive measure to reduce emissions. The system of administrative responsibility cannot be used to incentivise local authorities, as they are not subject to liability under the Code of the Russian Federation on Administrative Offences. **Conclusion.** It is proposed that the Key Performance Indicators for local government bodies be supplemented by new indicators reflecting the extent of the implementation of “green waves” systems on highways with high traffic intensity where maximum permissible concentrations of pollutants are systematically exceeded. This proposal is in accordance with Decree of the President of the Russian Federation No. 607 of 28 April 2008 and Resolution of the Government of the Russian Federation No. 1317 of 17 December 2012.

Keywords:

environmental legislation, transport emissions, green wave, intelligent transport systems, performance evaluation of local authorities, ambient air, the “Ecology” national project

For citation:

Derusov A. A., Pertsova N. N. Compliance with environmental legislation: “green waves” as a tool for reducing transport emissions in megapolises // Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia. 2026. No 2 (110). P. 56–65.

The article was submitted July 13, 2025;
approved after reviewing April 17, 2026;
accepted for publication June 25, 2026.

Введение

Антропогенное воздействие автотранспорта на атмосферный воздух остается одной из наиболее острых экологических проблем современности, обладающей значительным социально-экономическим и правовым измерением. В Российской Федерации, согласно официальным данным Федеральной службы государственной статистики (далее – Росстат) и Федеральной службы по надзору в сфере природопользования (далее – Росприроднадзор), на долю автомобильного транспорта в 2024 году пришлось 22 % от общего объема выбросов загрязняющих веществ, а в урбанизированных агломерациях этот показатель достигает 45–90 %. Параллельно транспортный сектор вносит существенный вклад в изменение климата, ежегодно генерируя около 11 % всех антропогенных выбросов парниковых газов в стране. Сложившаяся ситуация создает устойчивые экологические и управленческие риски, проявляющиеся в снижении качества воздуха в десятках российских городов, что препятствует реализации конституционных прав граждан на благоприятную окружающую среду.

Осознавая масштаб вызова, государство инициировало ряд стратегических и нормативных мер в рамках национального проекта «Экология» и Федерального закона от 2 июля 2021 г. № 296-ФЗ «Об ограничении выбросов парниковых газов»¹, направленных на сокращение объема вредных выбросов и внедрение системы углеродной отчетности. Однако, как показывает анализ правоприменительной практики, действующий механизм правового регулирования в сфере охраны атмосферного воздуха имеет существенные недостатки. В частности, система административной ответственности, закреплённая в Кодексе Российской Федерации об административных

¹ Об ограничении выбросов парниковых газов : Федеральный закон от 2 июля 2021 г. № 296-ФЗ (ред. от 29.12.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). 2021. № 27 (ч. I). Ст. 5104.

правонарушениях² (далее – КоАП РФ), сфокусирована на наказании за факт превышения установленных нормативов (ст. 8.23 КоАП РФ), но при этом не содержит эффективных превентивных механизмов, стимулирующих использование современных технологических решений.

В этом контексте интеллектуальные транспортные системы (далее – ИТС), в частности, алгоритмы «зеленой волны», демонстрируют высокую техническую эффективность. Эмпирические исследования подтверждают, что их применение позволяет сократить время задержки на перекрестках на 20 %, повысить среднюю скорость потока на 5–10 %, а также добиться сопутствующего снижения выбросов CO₂, оксидов азота, твердых частиц, расхода топлива и износа транспортных средств³. Несмотря на это, правовое регулирование внедрения подобных систем носит фрагментарный характер. В законодательстве отсутствуют нормы, стимулирующие органы местного самоуправления (далее – ОМСУ) активно внедрять ИТС для минимизации экологического ущерба [1].

Анализ научной литературы позволяет констатировать, что проблематика находится на стыке нескольких исследовательских направлений. Фундаментальные труды по экологическому праву М. М. Бринчука⁴, С. А. Боголюбова заложили теоретический базис понимания правового режима охраны атмосферного воздуха [2; 3]. Исследования в области административной ответственности А. Я. Олейниковой⁵, Н. В. Ткачевой выявили системные недостатки и низкую эффективность санкций [4]. Несмотря на наличие отдельных работ, посвященных правовому регулированию ИТС (М. А. Бажина [5], И. З. Аюшеева [6]), данное научное направление находится на стадии формирования. Наблюдается дефицит комплексных исследований, которые интегрировали бы технические возможности «зеленой волны» в правовой механизм обеспечения экологического соответствия, рассматривая ее не просто как инженерное решение, а как объект правового стимулирования.

Таким образом, актуальность исследования обусловлена необходимостью совершенствования действующей модели управления, включающей меры стимулирования органов местного самоуправления к использованию современных технологических решений для снижения транспортных выбросов. Целью работы является анализ действующего правового регулирования и разработка предложений по включению индикаторов внедрения ИТС в систему оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 28 апреля 2008 г. № 607⁶ (далее – Указом Президента Российской Федерации об оценке эффективности деятельности ОМСУ).

Для достижения поставленной цели в работе решается ряд задач:

1. Раскрыть правовую природу и экологический потенциал ИТС типа «зеленая волна».
2. Провести анализ действующей системы оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления.
3. Обосновать целесообразность дополнения перечня показателей оценки эффективности ОМСУ индикаторами внедрения «зеленых волн».
4. Разработать конкретные формулировки таких индикаторов.
5. Изучить зарубежный опыт правового стимулирования внедрения ИТС.

Научная новизна исследования заключается в обосновании необходимости и разработке конкретных индикаторов внедрения «зеленых волн» для включения в систему оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления в соответствии с Указом Президента Российской Федерации об оценке эффективности деятельности ОМСУ. Впервые предлагается конкретная модель правового стимулирования муниципалитетов к использованию ИТС, основанная на объективных критериях: численность населения, интенсивность движения и длительность превышения нормативов качества воздуха. Ожидаемый научный вклад состоит в формировании теоретической основы для трансформации института муниципального управления в сфере охраны атмосферного воздуха от преимущественно карательной к превентивно-

² Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. I). Ст. 1.

³ Метелкин П. Влияние интеллектуальных транспортных систем на безопасность дорожного движения и развитие регионов // Системы безопасности. 2025. № 1 (181). С. 40–43.

⁴ Бринчук М. М. Экологическое право : учебник. Москва : Городец, 2009. С. 14

⁵ Олейникова А. Я. Административная ответственность за правонарушения в сфере охраны атмосферного воздуха : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Хабаровск, 2001. 23 с.

⁶ Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления муниципальных, муниципальных, городских округов и муниципальных районов : Указ Президента Российской Федерации от 28 апреля 2008 г. № 607 (ред. от 11.06.2021) // СЗ РФ. 2008. № 18. Ст. 2003.

стимулирующей модели, что соответствует современным тенденциям в экологическом праве и управлении.

Методы

В работе использовались общенаучные методы познания – сравнения, анализа, синтеза, абстрагирования, системного, структурного и функционального подхода. Формально-юридический метод применялся при анализе законодательных основ, закрепляющих виды административных наказаний за экологические правонарушения (в т. ч. положений: ст. 8.2, 8.23 КоАП РФ, федеральных законов от 4 мая 1999 г. № 96-ФЗ «Об охране атмосферного воздуха»⁷, от 2 июля 2021 г. № 296-ФЗ «Об ограничении выбросов парниковых газов»⁸), а также нормативной базы оценки эффективности деятельности ОМСУ (Федеральный закон от 20 марта 2025 г. № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти»⁹, Указ Президента Российской Федерации от 28 апреля 2008 г. № 607 «Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления»¹⁰, постановления Правительства Российской Федерации от 17 декабря 2012 г. № 1317¹¹). Сравнительно-правовой метод использовался для сопоставления российского и зарубежного опыта правового регулирования применения интеллектуальных транспортных систем (практика Копенгагена, Амстердама, Сан-Франциско). Системный метод позволил установить взаимосвязь между внедрением «зеленых волн» и достижением целей национального проекта «Экология». Статистический анализ применялся для оценки масштабов транспортных выбросов в российских мегаполисах на основе данных Росстата, Росприроднадзора за 2022–2024 гг.

Результаты и обсуждение

Принцип работы «зеленой волны» заключается в том, что включение разрешающих сигналов светофора происходит к моменту подхода потока транспортных средств. Система представляет собой сеть контроллеров с датчиками на подъездах к перекресткам, которые в режиме реального времени отслеживают интенсивность движения и регулируют продолжительность циклов светофоров. Интеллектуальная система рассчитана на среднюю скорость 40–50 км/ч в городских условиях. Цикл задается в пределах 45–80 секунд¹². Предполагаемая схема движения позволяет реализовать «зеленую волну» движения транспорта. Следует учесть, что оценка проводилась на основе существующей схемы расстановки светофоров. За основу взято представление о снижении времени задержки за счет возможности синхронизации светофорного регулирования, что позволяет увеличить пропускную способность и, как следствие, снизить выбросы вредных веществ¹³.

С правовой точки зрения «зеленые волны» относятся к категории ИТС, которые оптимизируют движение, сокращая число остановок и избыточных разгонов транспортных средств. Внедрение таких систем предусмотрено национальным проектом «Безопасные качественные дороги»¹⁴ и осуществляется в Москве, Воронеже, Владивостоке, Омске, Челябинске, Ярославле, Калининграде, Липецке, Саранске и других городах России с населением более 300 тысяч человек [7].

⁷ Об охране атмосферного воздуха : Федеральный закон от 4 мая 1999 г. № 96-ФЗ (ред. от 29.12.2025) // СЗ РФ. 1999. № 18. Ст. 2222.

⁸ СЗ РФ. 2021. № 27 (ч. I). Ст. 5104.

⁹ Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти : Федеральный закон от 20 марта 2025 г. № 33-ФЗ (ред. от 20.02.2026) // СЗ РФ. 2025. № 12. Ст. 1200.

¹⁰ СЗ РФ. 2008. № 18. Ст. 2003.

¹¹ О мерах по реализации Указа Президента Российской Федерации от 28 апреля 2008 г. № 607 «Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления муниципальных, городских округов и муниципальных районов» и подпункта «и» пункта 2 Указа Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 601 «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления» : постановление Правительства Российской Федерации от 17 декабря 2012 г. № 1317 (в ред. от 30.06.2021) // СЗ РФ. 2012. № 52. Ст. 7490.

¹² Алексеева А. И. Поиск оптимальной схемы движения по городу с использованием теории графов и принципа «зеленой волны» // Юный ученый. 2019. № 10 (30). С. 38–45.

¹³ Зверев Р. С. Методы управления и организации дорожного движения // Техника и технология транспорта : [электронное издание]. 2020. № 4 (19). С. 11. URL: <http://transport-kgasu.ru/files/N19-11ODD420.pdf>.

¹⁴ Национальный проект «Безопасные качественные дороги» // Безопасные качественные дороги : [официальный сайт]. URL: <https://bkdrf.ru/> (дата обращения: 10.02.2026).

Экологический эффект «зеленых волн» обусловлен снижением выбросов за счет организации равномерного дорожного движения, снижения количества остановок транспорта, поддержания оптимальной скорости. Система позволяет уменьшить количество выбросов CO₂ на 12–18 %, оксидов азота (NO_x) на 15–25 %, твердых частиц (PM 2,5) на 10–20 %, сократить расход топлива транспортных средств на 8–15 %, снизить износ компонентов транспортных средств и косвенное потребление энергии за счет их производства¹⁵ [1; 8; 9].

Однако правовое регулирование применения «зеленых волн» в контексте экологического законодательства недостаточно развито. Ни Федеральный закон «Об охране атмосферного воздуха», ни другие нормативные акты не содержат эффективных механизмов, стимулирующих органы местного самоуправления внедрять ИТС в качестве превентивной меры снижения транспортных выбросов [10].

Действующий КоАП РФ устанавливает административную ответственность за экологические правонарушения в главе 8 «Административные правонарушения в области охраны окружающей среды и природопользования». Статья 8.23 КоАП РФ предусматривает ответственность за превышение допустимых показателей шума или количества вредных выбросов при использовании транспортных средств в виде предупреждения либо штрафа в размере 500 рублей. Объектом правонарушения является соблюдение требований к сохранению чистоты воздуха при использовании различных транспортных средств. Субъектами ответственности выступают водители и собственники транспортных средств, но не органы местного самоуправления.

Статья 8.2 КоАП РФ в редакции Федерального закона от 14 июля 2022 г. № 287-ФЗ¹⁶ устанавливает ответственность за загрязнение и засорение окружающей среды, выразившееся в выгрузке или сбросе с автотранспортных средств отходов производства и потребления вне объектов размещения отходов. Размер штрафов варьируется от 10 000 до 100 000 рублей в зависимости от субъекта правонарушения, при повторном совершении предусмотрена возможность конфискации транспортного средства.

Федеральный закон от 2 июля 2021 г. № 296-ФЗ «Об ограничении выбросов парниковых газов» создает условия для устойчивого и сбалансированного развития экономики Российской Федерации при снижении уровня выбросов парниковых газов. Закон устанавливает обязательную углеродную отчетность для предприятий с объемом выбросов, эквивалентным 150 000 тонн углекислого газа в год и более [11; 12].

Вместе с тем ни КоАП РФ, ни специальное экологическое законодательство не содержат норм, которые могли бы эффективно стимулировать органы местного самоуправления к внедрению технических средств снижения транспортных выбросов, включая интеллектуальные транспортные системы. Важно отметить, что согласно главе 2 КоАП РФ, органы местного самоуправления не являются субъектами административной ответственности как юридические лица. Следовательно, прямое установление их ответственности за непринятие мер по внедрению ИТС в рамках КоАП РФ невозможно и не соответствует сложившейся правовой доктрине.

Система административных наказаний за экологические правонарушения характеризуется рядом недостатков, снижающих эффективность института административной ответственности в целом. Во-первых, размер штрафа в 500 рублей по ст. 8.23 КоАП РФ представляется несопоставимым масштабу экологического ущерба, причиняемого транспортными выбросами, особенно в условиях, когда ежегодно автомобильный транспорт производит 4,8 млн тонн загрязняющих веществ. Во-вторых, законодательство не дифференцирует ответственность в зависимости от того, приняты ли превентивные меры по снижению транспортных выбросов на муниципальном уровне¹⁷.

По статистике Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, в 2022 году судами назначено 411 687 административных штрафов на общую сумму 80 млрд 329 млн рублей, однако уплачено лишь 23,5 % от этой суммы. Такая низкая собираемость штрафов свидетельствует о нарушении принципа неотвратимости административного наказания. В контексте экологических правонарушений это означает, что система наказаний не достигает целей частной и общей превенции¹⁸.

¹⁵ Алексеева А. И. Указ. соч. ; Зверев Р. С. Указ. соч.

¹⁶ О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : Федеральный закон от 14 июля 2022 г. № 287-ФЗ // СЗ РФ. 2022. № 29 (ч. III). Ст. 5254.

¹⁷ Черняев А. С. Административная ответственность за экологические правонарушения в РФ // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2023. № 4-4 (79). С. 234-237.

¹⁸ Судебная статистика по делам, рассматриваемым федеральными арбитражными судами, федеральными судами общей юрисдикции и мировыми судьями // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации : [официальный сайт]. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=5> (дата обращения: 29.05.2025).

Как справедливо отмечается в административно-правовой доктрине, законодательное закрепление системы административных наказаний не должно сводиться к их простому перечислению в порядке увеличения строгости. Системность административных наказаний необходимо раскрыть за счет совершенствования законодательного регулирования общих правил их назначения, закрепления механизмов взаимной замены таких наказаний, возможности назначения отдельных видов наказаний сверх либо ниже установленных пределов при наличии предусмотренных законом обстоятельств [13].

Учитывая, что большинство ученых-административистов отмечают низкую эффективность модели публично-правовой ответственности органов местного самоуправления, а также то, что ОМСУ не являются субъектами административной ответственности по КоАП РФ, целесообразно обратиться к альтернативному правовому механизму – системе оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления.

Нормативная база оценки эффективности ОМСУ представлена:

– Федеральным законом от 20 марта 2025 г. № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти»¹⁹;

– Указом Президента Российской Федерации от 28 апреля 2008 г. № 607 «Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления муниципальных, городских округов и муниципальных районов»²⁰;

– постановлением Правительства Российской Федерации от 17 декабря 2012 г. № 1317²¹.

Согласно действующему законодательству, перечень показателей для оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления утверждается в порядке, определяемом Президентом Российской Федерации. Нормативными правовыми актами высшего должностного лица субъекта Российской Федерации может быть предусмотрено выделение за счет средств бюджета субъекта Российской Федерации грантов муниципальным образованиям в целях содействия достижению и (или) поощрения достижения наилучших значений показателей. Нормативными правовыми актами Правительства Российской Федерации может быть предусмотрено предоставление межбюджетных трансфертов из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации в целях содействия достижению и (или) поощрения достижения наилучших значений показателей деятельности органов местного самоуправления либо в целях поощрения лучшей практики деятельности органов местного самоуправления по организации муниципального управления и решения вопросов непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения.

Таким образом, активность муниципальных органов, в т. ч. в применении технических средств превенции экологических правонарушений, целесообразно вводить не в КоАП РФ, а в систему оценки эффективности деятельности ОМСУ.

С учетом выявленных проблем и анализа действующего законодательства представляется целесообразным дополнить систему показателей оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления следующими индикаторами (рекомендуется включить в раздел «Экология и природопользование» или новый подраздел «Снижение негативного воздействия автотранспорта на атмосферный воздух»):

«1. Доля магистралей с интенсивностью движения более 10 000 транспортных средств в сутки, на которых внедрена система синхронизированного светофорного регулирования («зеленая волна»), в общей протяженности таких магистралей городского округа (муниципального района с населением более 300 тысяч человек) при наличии систематического (не менее трех месяцев подряд) превышения предельно допустимых концентраций загрязняющих веществ (NO₂, CO, PM 2,5) в атмосферном воздухе – в процентах.

Данный показатель позволяет объективно оценить степень внедрения ИТС на наиболее загруженных участках дорожной сети в условиях неудовлетворительного качества воздуха. Пороговое значение интенсивности движения (10 000 авт. в сутки) соответствует практике применения «зеленых волн» в российских городах. Требование о систематическом превышении ПДК²² в течение трех месяцев исключает формальное применение показателя и ориентирует муниципалитеты на решение реальных экологических проблем.

2. Динамика снижения среднего времени задержки транспортных средств на регулируемых перекрестках в часы пик после внедрения ИТС (в процентах к базовому году).

¹⁹ СЗ РФ. 2025. № 12. Ст. 1200.

²⁰ СЗ РФ. 2008. № 18 Ст. 2003.

²¹ СЗ РФ. 2012. № 52. Ст. 7490.

²² ПДК – предельно допустимые концентрации.

Этот показатель отражает непосредственный эффект от внедрения «зеленых волн» и коррелирует со снижением выбросов, поскольку уменьшение времени простоя в пробках прямо влияет на объем выбросов в атмосферу.

3. Оценочное или фактическое снижение выбросов загрязняющих веществ от автотранспорта в зоне действия «зеленых волн» (по данным математического моделирования или натурных измерений с использованием стационарных или передвижных постов наблюдения) – в тоннах в год».

Данный показатель позволяет количественно оценить экологический эффект от внедрения ИТС. В случае отсутствия развитой сети мониторинга качества воздуха допускается использование верифицированных методик математического моделирования.

Достижение высоких значений по указанным индикаторам может служить основанием для:

- выделения грантов муниципальным образованиям из бюджета субъекта Российской Федерации в соответствии с Постановлением Правительства Российской Федерации № 1317²³;
- предоставления дополнительных межбюджетных трансфертов из федерального бюджета;
- поощрения должностных лиц органов местного самоуправления (глав муниципалитетов, руководителей профильных служб).

Предлагаемый подход к стимулированию внедрения интеллектуальных транспортных систем через механизм оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления обладает рядом существенных преимуществ по сравнению с попытками прямого регулирования через административную ответственность.

Прежде всего данный подход отличается юридической корректностью, поскольку не требует внесения изменений в КоАП РФ и полностью соответствует сложившейся доктрине административного права, согласно которой органы местного самоуправления не могут выступать субъектами административной ответственности в качестве юридических лиц. При этом предлагаемая модель опирается на уже действующую и доказавшую свою эффективность систему оценки деятельности ОМСУ, что позволяет избежать создания новых правовых институтов и использовать существующие механизмы управления.

Большим достоинством является стимулирующий характер предлагаемого регулирования, который ориентирует муниципалитеты на проактивное поведение в сфере охраны атмосферного воздуха, а не на простое избежание санкций, что характерно для репрессивной модели административной ответственности. Такой подход создает положительную мотивацию для должностных лиц местного самоуправления и способствует формированию культуры экологически ответственного управления на муниципальном уровне.

Кроме того, система показателей оценки эффективности позволяет учитывать объективные различия между муниципальными образованиями, включая численность населения, интенсивность транспортных потоков и специфику экологической ситуации в конкретном городе или районе. Эта дифференциация обеспечивает справедливость оценки и исключает формальный подход к внедрению «зеленых волн» там, где они не являются приоритетной мерой.

Наконец, предлагаемый механизм напрямую связывает экологическую результативность муниципального управления с возможностью получения дополнительного финансирования в виде грантов и межбюджетных трансфертов, что создает реальные экономические стимулы для внедрения интеллектуальных транспортных систем и обеспечивает ресурсную поддержку соответствующих муниципальных программ.

В зарубежной практике «зеленые волны» используются не только для оптимизации дорожного движения, но и в качестве целенаправленного инструмента экологической политики. В Копенгагене система применяется для облегчения движения велосипедистов, что способствует снижению доли автомобильного транспорта в общем потоке и сокращению выбросов, а также помогает улучшить работу скорой помощи, что подтверждает multifunctionality интеллектуальных транспортных систем [14]. В Амстердаме внедрение ИТС увязано с программами создания низкоэмиссионных зон и стимулирования использования электротранспорта. В Сан-Франциско (США) применение «зеленых волн» интегрировано в систему мониторинга качества воздуха, что позволяет в режиме реального времени оценивать экологический эффект.

Важно отметить, что в европейских странах и США внедрение ИТС часто сопровождается финансовыми стимулами для муниципалитетов в рамках климатических программ. Например, в странах Европейского союза действуют механизмы грантовой поддержки городов,

²³ СЗ РФ. 2012. № 52. Ст. 7490.

демонстрирующих наилучшие показатели в области снижения транспортных выбросов, что концептуально близко к предлагаемому в настоящей работе подходу [15].

Россия в рамках Транспортной стратегии до 2030 года²⁴ предложила меры по снижению транспортных выбросов через низкоуглеродную инфраструктуру и альтернативные виды топлива. Однако отсутствуют системные планы по стимулированию муниципалитетов к внедрению ИТС именно в экологических целях. В этих условиях применение интеллектуальных транспортных систем как инструмента снижения выбросов приобретает особое значение²⁵.

3 заключение

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы.

Во-первых, интеллектуальные транспортные системы типа «зеленая волна» представляют собой технически эффективный инструмент снижения транспортных выбросов, позволяющий сократить среднее время задержки у перекрестков на 20 %, увеличить скорость движения на 5–10 %, уменьшить выбросы CO₂ на 12–18 %, оксидов азота на 15–25 %, твердых частиц на 10–20 %.

Во-вторых, действующее законодательство не содержит специальных норм, стимулирующих органы местного самоуправления внедрять «зеленые волны» как превентивную меру снижения загрязнения атмосферного воздуха. Система административной ответственности, закрепленная в КоАП РФ, не может быть использована для этих целей, поскольку органы местного самоуправления не являются субъектами административной ответственности по действующему законодательству.

В-третьих, наиболее эффективным и юридически корректным механизмом стимулирования является включение индикаторов внедрения «зеленых волн» в перечень показателей оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 28 апреля 2008 г. № 607²⁶ и связанными нормативными актами. Это позволит напрямую увязать объем финансовой поддержки муниципалитетов с реальными усилиями по охране атмосферного воздуха.

Рекомендации для законодателя включают дополнение системы показателей оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления следующими индикаторами:

- 1) доля магистралей с высокой интенсивностью движения, оборудованных системами «зеленая волна», при систематическом превышении ПДК загрязняющих веществ;
- 2) динамика снижения времени задержки транспорта после внедрения ИТС;
- 3) оценочное или фактическое снижение выбросов в зонах действия «зеленых волн».

Направления дальнейших исследований включают: анализ конституционно-правовых аспектов распределения полномочий между Российской Федерацией, субъектами Российской Федерации и органами местного самоуправления в сфере применения интеллектуальных транспортных систем; изучение зарубежного опыта правового стимулирования внедрения «зеленых волн» в странах Европейского союза и США; разработку методик оценки экологического эффекта от применения ИТС; исследование возможностей интеграции систем мониторинга качества воздуха с системами управления дорожным движением.

На современном этапе развития экологического законодательства Российской Федерации необходим переход от преимущественно карательных механизмов к превентивно-стимулирующей модели управления, предусматривающей поощрение органов местного самоуправления за активное применение технических средств снижения экологического ущерба. Внедрение «зеленых волн» в российских мегаполисах способно обеспечить достижение целевых показателей национального проекта «Экология» по сокращению выбросов загрязняющих веществ и улучшению качества атмосферного воздуха в городах с численностью населения более 300 тысяч человек.

²⁴ Об утверждении Транспортной стратегии Российской Федерации до 2030 года с прогнозом на период до 2035 года : распоряжение Правительства Российской Федерации от 27 ноября 2021 г. № 3363-р // Правительство Российской Федерации : [официальный сайт]. URL: <http://government.ru/docs/43948/> (дата обращения: 29.05.2025).

²⁵ Принцип «зелёной волны»: Умные светофоры позволили увеличить скорость движения по улице в Чите // Государственное казенное учреждение «Управление автомобильных дорог Забайкальского края» (ГКУ ЗАБАВТОДОР) : [сайт]. URL: <https://zabavtodor.ru/novosti/printsip-zelyenoy-volny-umnye-svetofory-pozvolili-uvelichit-skorost-dvizheniya-po-ulitse-v-chite/> (дата обращения: 29.08.2025).

²⁶ СЗ РФ. 2008. № 18. Ст. 2003.

Список источников

1. Voronin V. N., Bimbinov A. A., Blagodir A. L. Strategic Legal Regulation in the Field of Implementation of Intelligent Transport Systems in Russia // *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*. 2021. Vol. 14, № 5. P. 611–620. <https://doi.org/10.17516/1997-1370-0746>
2. Боголюбов С. А. Актуальные проблемы экологического права : монография. Москва : Юрайт, 2019. 498 с.
3. Боголюбов С. А. Развитие экологического права на евразийском пространстве : монография. Москва : Инфра-М, 2020. 432 с.
4. Ткачева Н. В. Административно-правовая ответственность за экологические правонарушения в сфере охраны атмосферного воздуха (на примере Челябинской области) // *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право*. 2021. Т. 21, № 2. С. 115–120. <https://doi.org/10.14529/law210217>
5. Бажина М. А. Интеллектуальные транспортные системы – основа de lege ferenda транспортной системы Российской Федерации // *Journal of Digital Technologies and Law*. 2023. Т. 1, № 3. С. 630–649. <https://doi.org/10.21202/jdtl.2023.27>
6. Аюшеева И. З. Интеллектуальные транспортные системы: проблемы определения гражданско-правового режима // *Вестник Университета имени О. Е. Кутафина*. 2024. № 11 (123). С. 78–87.
7. Проказин Д. Л. Интеллектуальные транспортные системы (ITS): исследование возможностей применения ITS для управления потоками, мониторинга дорожной ситуации и повышения безопасности дорожного движения // *Безопасность дорожного движения*. 2025. № 2. С. 6–10.
8. Lv Zh., Shang W. Impacts of intelligent transportation systems on energy conservation and emission reduction of transport systems: A comprehensive review // *Green Technologies and Sustainability*. 2023. Vol. 1, № 1. P. 100002. <https://doi.org/10.1016/j.grets.2022.100002>
9. Selleri T. [et al.]. An Overview of Lean Exhaust deNOx Aftertreatment Technologies and NOx Emission Regulations in the European Union // *Catalysts* : [online]. 2021. Vol. 11, № 3. P. 404. <https://doi.org/10.3390/catal11030404>
10. Ворошилов Н. В. Тенденции, проблемы и перспективы реализации национального проекта России «Безопасные качественные дороги» // *Вопросы территориального развития : [электронное издание]*. 2022. Т. 10, № 2. С. 3. <https://doi.org/10.15838/tdi.2022.2.62.3>
11. Стариков Ю. Н. Концепция нового Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и «судьба» административно-деликтного права: два новейших вопроса в современной правовой теории // *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право*. 2020. № 2 (41). С. 14–41. <https://doi.org/10.17308/vsu.proc.law.2020.2/2841>
12. Шереметьева Н. В. Административная ответственность за нарушение экологических прав человека // *Экологическое право*. 2025. № 6. С. 23–26. <https://doi.org/10.18572/1812-3775-2025-6-23-26>
13. «Зеленая волна» – облако мониторинга и управления дорожным движением (Green Wave Traffic on Cloud) / Хаханов В. И., Бондаренко М. Ф., Энглез И. П. [и др.] // *Автоматизированные системы управления и приборы автоматики*. 2012. № 160. С. 4–21.
14. Ernazarov A. Mathematical justification of the movement of vehicles through an adjustable intersection // *Механика и технология*. 2023. № 4 (13). С. 136–141.
15. Yang Zh., [et al.]. Speed-Guided Intelligent Transportation System Helps Achieve Low-Carbon and Green Traffic: Evidence from Real-World Measurements // *Journal of Cleaner Production* : [online]. 2020. Vol. 268. P. 122230. <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2020.122230>

References

1. Voronin V. N., Bimbinov A. A., Blagodir A. L. Strategic Legal Regulation in the Field of Implementation of Intelligent Transport Systems in Russia // *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*. 2021. Vol. 14, № 5. P. 611–620. <https://doi.org/10.17516/1997-1370-0746>
2. Bogolyubov S. A. Aktual'nye problemy ekologicheskogo prava : monografiya. Moskva : Yurajt, 2019. 498 s.
3. Bogolyubov S. A. Razvitie ekologicheskogo prava na evrazijskom prostranstve : monografiya. Moskva : Infra-M, 2020. 432 s.
4. Tkacheva N. V. Administrativno-pravovaya otvetstvennost' za ekologicheskie pravonarusheniya v sfere ohrany atmosfernogo vozduha (na primere Chelyabinskoy oblasti) // *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo*. 2021. T. 21, № 2. S. 115–120. <https://doi.org/10.14529/law210217>
5. Bazhina M. A. Intellekturnye transportnye sistemy – osnova de lege ferenda transportnoj sistemy Rossijskoj Federacii // *Journal of Digital Technologies and Law*. 2023. T. 1, № 3. S. 630–649. <https://doi.org/10.21202/jdtl.2023.27>
6. Ayusheeva I. Z. Intellekturnye transportnye sistemy: problemy opredeleniya grazhdansko-pravovogo rezhima // *Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina*. 2024. № 11 (123). S. 78–87.
7. Prokazin D. L. Intellekturnye transportnye sistemy (ITS): issledovanie vozmozhnostej primeneniya ITS dlya upravleniya potokami, monitoringa dorozhnoj situacii i povysheniya bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya // *Bezopasnost' dorozhnogo dvizheniya*. 2025. № 2. S. 6–10.
8. Lv Zh., Shang W. Impacts of intelligent transportation systems on energy conservation and emission reduction of transport systems: A comprehensive review // *Green Technologies and Sustainability*. 2023. Vol. 1, № 1. P. 100002. <https://doi.org/10.1016/j.grets.2022.100002>
9. Selleri T. [et al.]. An Overview of Lean Exhaust deNOx Aftertreatment Technologies and NOx Emission Regulations in the European Union // *Catalysts* : [online]. 2021. Vol. 11, № 3. P. 404. <https://doi.org/10.3390/catal11030404>
10. Voroshilov N. V. Tendencii, problemy i perspektivy realizacii nacional'nogo proekta Rossii «Bezopasnye kachestvennye dorogi» // *Voprosy territorial'nogo razvitiya : [elektronnoe izdanie]*. 2022. T. 10, № 2. S. 3. <https://doi.org/10.15838/tdi.2022.2.62.3>
11. Starilov Yu. N. Konceptiya novogo Kodeksa Rossijskoj Federacii ob administrativnyh pravonarusheniyah i «sud'ba» administrativno-deliktnogo prava: dva novejsih voprosa v sovremennoj pravovoj teorii // *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo*. 2020. № 2 (41). S. 14–41. <https://doi.org/10.17308/vsu.proc.law.2020.2/2841>

12. Sheremet'eva N. V. Administrativnaya otvetstvennost' za narushenie ekologicheskikh prav cheloveka // *Ekologicheskoe pravo*. 2025. № 6. S. 23–26. <https://doi.org/10.18572/1812-3775-2025-6-23-26>
13. «Zelenaya volna» – oblako monitoringa i upravleniya dorozhnym dvizheniem (*Green Wave Traffic on Cloud*) / Hahanov V. I., Bondarenko M. F., Englezi I. P. [i dr.] // *Avtomatizirovannye sistemy upravleniya i pribory avtomatiki*. 2012. № 160. S. 4–21.
14. Ernazarov A. Mathematical justification of the movement of vehicles through an adjustable intersection // *Mekhanika i tekhnologiya*. 2023. № 4 (13). S. 136–141.
15. Yang Zh., [et al.]. Speed-Guided Intelligent Transportation System Helps Achieve Low-Carbon and Green Traffic: Evidence from Real-World Measurements // *Journal of Cleaner Production* : [online]. 2020. Vol. 268. P. 122230. <https://doi:10.1016/j.jclepro.2020.122230>

Авторами внесен равный вклад в написание статьи.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors have made an equal contribution to the writing of the article.
The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 343.03

Развитие правовых основ китайской миграционной политики в период с конца 1970-х до начала 2020-х годов

Петр Николаевич Кобец, доктор юридических наук, профессор

Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России
Москва (121069, ул. Поварская, д. 25, стр. 1), Российская Федерация
pkobets37@rambler.ru
<https://orcid.org/0000-0001-6527-3788>

Аннотация:

Введение. В Развитие правовых основ в миграционной сфере привело к тому, что властями Китайской Народной Республики (КНР) оказывается самое активное противодействие незаконным миграционным проявлениям с пресечением любых попыток несанкционированных въездов в страну нежелательных категорий мигрантов. Цель данной работы – проведение анализа генезиса эволюционирования правовых основ китайской миграционной политики в период с конца 1970-х до начала 2020-х гг. **Методы.** В процессе подготовки статьи автором был использован историко-правовой и сравнительно-правовой метод. Им также был применен контент-анализ документов и метод правового моделирования, задействованы общенаучные методы, такие как обобщение, системный анализ, моделирование. Также были всесторонне проработаны ранее опубликованные научные труды, подготовленные в рамках исследуемой проблематики. **Результаты.** Исторические решения конца 1970-х гг., способствовавшие открытости КНР для внешнего мира, расширили деловые связи с зарубежными партнерами, что в свою очередь положительно сказалось на анализируемых миграционных процессах. Произошедшие преобразования вызвали необходимость привлечения новых инвестиций и зарубежного кадрового потенциала, вызвав тем самым существенный пересмотр ранее действовавших в стране миграционных правил и установок. В рассматриваемый период китайские законодатели изменили ряд положений, ранее ограничивающих нахождение на территории КНР зарубежных квалифицированных кадров. Новый миграционный курс страны с пересмотренными ограничениями на свободу передвижения сопровождался развивающимися свободными рыночными отношениями, положительно влияющими на рост благосостояния китайских граждан. Благодаря четко выверенному миграционному законодательству миграционные процессы превратились в мощный демографический и экономический рычаг, способствуя развитию страны. В связи с этим генезис законодательных основ по регулированию китайских миграционных процессов не теряет актуальности и в процессе оценки условий и выбора средств по совершенствованию отечественной миграционной политики.

Ключевые слова:

миграционное законодательство, китайская миграционная политика, системный анализ права, миграционные процессы КНР, законодательная база, правовое реформирование Китая, миграционная открытость, свобода передвижения, правила въезда, визовый режим

Для цитирования:

Кобец П. Н. Развитие правовых основ китайской миграционной политики в период с конца 1970-х до начала 2020-х годов // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2026. № 2 (110). С. 66–76.

Статья поступила в редакцию 01.09.2025;
одобрена после рецензирования 16.06.2026;
принята к публикации 25.06.2026.

Original article

The development of the legal framework for China's migration policy from the late 1970s to the early 2020s

Peter N. Kobets, Doc. Sci. (Jurid.), Professor

National Research Institute of the MIA of Russia
25, b. 1, Povarskaya str., Moscow, 121069, Russian Federation
pkobets37@rambler.ru
<https://orcid.org/0000-0001-6527-3788>

© Кобец П. Н., 2026



Abstract:

Introduction. The development of the legal framework governing migration has led the authorities of the People's Republic of China (PRC) to take the most vigorous measures to combat illegal migration, suppressing any attempts by undesirable categories of migrants to enter the country without authorisation. The aim of this study is to analyse the genesis and evolution of the legal framework of Chinese migration policy from the late 1970s to the early 2020s. **Methods.** The author used historical-legal and comparative-legal methods in the preparation of this article. The author also employed content analysis of documents and the method of legal modelling, as well as general scientific methods such as generalisation, systems analysis and modelling. Furthermore, previously published academic works on the subject under investigation were examined in detail.

Results. The policy decisions of the late 1970s, which contributed to the PRC's opening up to the outside world, expanded business ties with foreign partners, which in turn had a positive impact on the migration processes under analysis. The transformations that took place created a need to attract new investment and foreign talent, thereby prompting a significant overhaul of the country's existing migration rules and policies. During the period under review, Chinese legislators amended a number of provisions that had previously restricted the presence of qualified foreign personnel within the PRC. The country's new migration policy, with its revised restrictions on freedom of movement, has been accompanied by the development of free-market relations, which have had a positive impact on the growth of Chinese citizens' prosperity. Thanks to carefully calibrated migration legislation, migration processes have become a powerful demographic and economic driver, contributing to the country's development. In this regard, the origins of the legislative framework governing China's migration processes remain relevant when assessing the conditions and selecting the means to improve domestic migration policy.

Keywords:

migration legislation, Chinese migration policy, systemic analysis of law, migration processes in the PRC, legislative framework, legal reform in China, openness to migration, freedom of movement, entry rules, visa regime

For citation:

Kobets P. N. The development of the legal framework for China's migration policy from the late 1970s to the early 2020s // *Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia*. 2026. № 2 (110). P. 66–76.

The article was submitted September 1, 2025;
approved after reviewing June 16, 2026;
accepted for publication June 25, 2026.

Введение

Многие годы миграция населения является одной из ключевых и наиболее динамичных международных тенденций. В условиях XXI столетия процессы глобализации и интеграции стимулируют перемещение людей в поисках работы, лучших условий жизни или безопасности. По некоторым подсчетам, примерно шестая часть населения планеты постоянно находится в движении, что делает управление миграционными потоками стратегической задачей для любого государства¹. Происходящие в настоящее время перемены во всех сферах человеческой жизнедеятельности убедительно свидетельствуют, что в большинстве стран мира миграционному законодательству отводится важнейшая роль, что тем самым не только придает ему статус основного средства регулирования процессов в сфере миграции, но делает его важнейшим элементом в системе государственного развития.

С каждым годом Китайская Народная Республика (далее – КНР, Китай) как участник международного миграционного движения все активнее набирает обороты, обладая одним из самых мощных в мире миграционным потенциалом. Стремительное экономическое развитие, начавшееся с конца 1970-х гг., существенно повлияло на положение КНР в глобальных миграционных процессах, и сегодня важнейшим из направлений китайской миграционной политики считается работа, ориентированная на привлечение в страну необходимых высококвалифицированных зарубежных трудовых ресурсов. Китайские руководители остро осознают необходимость привлечения в страну хорошо подготовленных трудовых ресурсов, без которых крайне сложно развивать не только экономические и технические сферы, но и общество. Также автор полагает, что стоит обратить внимание на одно из важнейших обстоятельств, а именно на то, что от эффективности миграционной политики напрямую зависят не только экономическое развитие и демографическая ситуация, но и национальная безопасность.

Очевидно, что исследование генезиса законодательных особенностей миграционной политики КНР актуально и значимо для нас. Международное сотрудничество Российской Федерации и Китайской Народной Республики постоянно расширяется. Хорошее знание китайского законодательства весьма способствует эффективному международному сотрудничеству. Добавим, что исследование законодательных особенностей регламентирования миграционной сферы КНР и далее останется важной задачей для успешного взаимодействия двух наших стран.

Современный Китай – это государство, притягивающее к себе миграционные потоки со всего мира, ставшее основным конкурентом двум главным центрам, многие десятилетия

¹ Хажбатилов А. Отчет ИОМ раскрыл рекордную статистику глобальной миграции за 2024 год // Информационное агентство IslamNew : [сетевое издание]. URL: <https://islamnews.ru/2024/5/11/otchet-iom-raskryl-rekordnuyu-statistiku-globalnoy-migratsii-za-2024-god?ysclid=mqjbrjn8tw914045603> (дата обращения: 25.01.2026).

традиционно принимавшим мигрантов – Соединенным Штатам Америки и Западной Европе. При этом в КНР продолжают учитывать положительный опыт в сфере реализации миграционной политики за рубежом. Именно по этой причине автор счел актуальным проанализировать развитие правовых основ китайской миграционной политики в период с конца 1970-х до начала 2020-х гг. Проведенное исследование позволит оценить возможность использования китайского положительного опыта по регулированию международных миграционных процессов в Российской Федерации.

Методы

В целях многостороннего анализа и глубокого исследования вопросов развития правового регулирования китайской миграционной политики в период с конца 1970-х до начала 2020-х гг. в настоящем исследовании были применены частнонаучные и частноправовые методы познания государственно-правовых явлений. Прежде всего были использованы историко-правовой и сравнительно-правовой методы. Кроме того, был применен контент-анализ документов, а также метод правового моделирования. Также были задействованы общенаучные методы, такие как обобщение, системный анализ, моделирование. Всесторонне были проработаны некоторые из ранее опубликованных научных изысканий, проведенных отечественными и зарубежными исследователями, в частности работы К. В. Аршина, Р. А. Балдановой, П. Ван, Ц. Ван, А. С. Веремейчика, В. А. Волох, М. И. Добрыниной, А. И. Коробеева, Н. С. Кулешовой, А. Г. Ларина, С. Ф. Литвиновой, Я. Лю, Ю. А. Морозова, А. В. Морина, А. В. Островского, Л. А. Понкратовой, А. И. Симоновой, Ф. В. Слезнова, Т. Р. Суздалевой, Н. А. Ткачевой, П. В. Трощинского, Л. Чанхай, Ч. Чжан, Ю. Чжоу, Ц. Чжуаньсунь, Е. В. Чиркова, С. Юань и др. Это способствовало проведению комплексного научного исследования проблемных аспектов, касающихся генезиса законодательных основ по регулированию китайских миграционных процессов в рассматриваемый период. Данный анализ позволил автору, основываясь на мнениях отечественных и зарубежных экспертов, предложить собственное видение по некоторым важнейшим аспектам в нормативно-правовой и институциональных сферах, связанных с совершенствованием миграционной политики КНР.

Результаты

Происходящие в настоящее время перемены во всех сферах деятельности убедительно свидетельствуют, что в большинстве стран мира миграционному законодательству отводится важнейшая роль, что придает ему статус не только основного средства регулирования процессов в сфере миграции, но и делает его важнейшим элементом в системе государственного развития. Не является исключением и Китай, который в настоящее время становится активно набирающим обороты участником международного миграционного движения, обладающим к тому же одним из самых мощных в мире миграционным потенциалом. Ранее проведенные автором исследования зарождения миграционных процессов в КНР с момента возникновения этой страны и до середины 1970-х гг. свидетельствуют, что в этот период процессы миграции были подвержены незначительным изменениям и в основном ориентировались на исторические события, происходящие в этом государстве [1, с. 25]. Во время же «культурной революции» любые миграционные процессы воспринимались властями не иначе как измена стране, а родственники эмигрировавших за рубеж могли быть репрессированы [2, с. 93].

Третий пленум ЦК КПК 11-го созыва, состоявшийся в декабре 1978 года, обсудил несколько проблемных вопросов, имевших место на тот момент в стране, и в первую очередь реализацию двухлетнего плана социального и экономического развития страны на 1979–1980 гг. В процессе обсуждения делегаты поддержали призыв Дэн Сяопина (фактически верховного лидера КНР с декабря 1978 года по ноябрь 1989 года) разрешить ряду китайских районов развиваться быстрее, чем другим, а также необходимость повышения самостоятельности различных предприятий с одновременным соблюдением единого Госплана. В принятом по итогам работы коммюнике особо были отмечены переход страны к новым ориентирам ее развития, а также необходимость активного развития сотрудничества с зарубежными государствами, изучения их опыта в сфере передовой техники и технологий. В целом работа пленума положительно отразилась на утверждении курса КНР по развитию международных отношений, а также заимствованию иностранного капитала, рабочего потенциала и технологий [3, с. 171].

Вследствие обозначенных выше перемен 1978 года, в КНР стали приезжать иностранные граждане для реализации экономических проектов, обучения в образовательных учреждениях,

проведения научных исследований, а также для участия в разнообразных бизнес-проектах. Как правило, среди иностранцев, въезжающих в Китай, – госслужащие, в т. ч. дипломаты, представители различного бизнеса, высококвалифицированные рабочие и иные специалисты, студенты, туристы, родственники китайских граждан либо их друзья, приехавшие в КНР в качестве гостей, и т. п. Китайские власти для работы в КНР также начинают активно начинать привлекать из-за рубежа различных экспертов, с чьей помощью правительство предполагало как можно быстрее подготовить страну к переходу к рыночным реформам. Зарубежных специалистов в Китае начинают рассматривать как основной элемент единого процесса, связанного с обновлением промышленного, сельскохозяйственного, научно-технического и оборонного комплексов.

Отметим, что поскольку Китай с конца 1970-х гг. остро нуждался в кадрах высшего управленческого персонала, в т. ч. ученых, техниках, инженерах и других высококвалифицированных работниках, руководство КНР в качестве мер долгосрочной стратегии пополнения страны необходимым кадровым потенциалом сочло необходимым направление групп китайской молодежи, а также молодых специалистов для обучения и повышения квалификации за рубежом. Начало реформирования КНР также повлекло за собой поэтапное изменение миграционной политики страны. Постепенно снимаемые ограничения по выезду китайского населения из страны в процессе ее реформирования после 1978 года предоставили возможность гражданам КНР стать участниками глобальных миграционных процессов. Многие заблуждаются, считая, что выходы из Китая на протяжении столетий жили вне пределов своей страны, однако, практически около половины китайцев, живущих сегодня вне КНР, в зарубежных диаспорах, оказались за границей после событий 1978 года² [4, с. 19].

Мигранты, выехавшие из Китая после 1978 года и обосновавшиеся в зарубежных диаспорах, стали оказывать заметное влияние на представителей диаспор, проживающих за рубежом многие годы, при этом сыграв положительную роль в улучшении качества жизни и дальнейшем эффективном развитии КНР. По сути мигранты, выехавшие из Китая после 1978 года, стали связующим звеном между внутренними китайскими процессами и внешними – глобализационными. События 1978 года способствовали тому, что Китай смог стремительно включиться в глобальные мировые экономические процессы, существенно увеличив потоки исходящей миграции в многочисленных зарубежных китайские диаспоры, имеющиеся в 151-ом государстве.

В 1980 году принятием Закона о гражданстве КНР определены базовые понятия в сфере китайской миграционной политики. Данным законодательным актом закреплялось также право китайских граждан на эмиграцию. Это был довольно прогрессивный законодательный акт, позволявший возвращаться в первоначальное гражданство [5, с. 28]. Государственный курс на реформирование и открытость Китая, к которому приступили в 1978 году, не только повлиял на форсирование китайской эмиграции, но и ускорил внутренние миграционные процессы в стране. Кроме того, появилась еще одна актуальная миграционная тенденция для КНР – ежегодный рост прибывающих в страну различных категорий мигрантов. Законодательный акт о выдаче удостоверений личности всем жителям Китая, принятый в сентябре 1985 года, значительно упростил режим передвижения по стране. Сложнейшие процедуры по получению разрешений от работодателей и местных органов власти были упразднены, их заменила адекватная и рациональная система, позволявшая китайцам перемещаться в пределах страны в поисках работы, имея при себе лишь документ, удостоверяющий личность.

В дальнейшем на протяжении практически тридцати лет миграционная политика КНР регламентировалась принятым 22 ноября 1985 г. Законом «О порядке въезда в страну и выезда из страны иностранцев», разделившим иностранных граждан на три категории: прибывших для краткосрочного, долгосрочного и постоянного проживания³. С принятием данного законодательного акта вопреки тому, что на протяжении многих лет к КНР относились как к государству эмиграции, с вступлением в силу рассматриваемого законодательного акта численность иностранцев, посетивших страну как на короткое время, так и на длительный период, выросла в тридцать пять раз.

В 1990 году в стране были приняты «Временные правила оформления паспорта и выезда за рубеж на работу по контракту» [6, с. 246]. При этом вступившее в силу в 1992 году «Уведомление Канцелярии Госсовета относительно лиц, обучающихся за границей» [7, с. 271] закрепило

² Афонина Д. А. Проблемы, связанные с миграцией и урбанизацией в Китае и меры по их устранению // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2025. № 1 (101). С. 255.

³ Закон КНР О порядке въезда в страну и выезда из страны иностранцев // Бизнес в Китае : [сайт]. URL: <https://asia-business.ru/law/law2/foreigner/exit/> (дата обращения: 25.01.2026).

возможность свободно пересекать государственную границу студентам, обучавшимся за рубежом. Данный документ также закрепил за учреждениями, направившими студентов на обучение, обязанность поддерживать с ними связь, а органы местного самоуправления обязывались содействовать в трудоустройстве лицам, прошедшим обучение и вернувшимся на родину.

Кроме того, в процессе реформ руководство Китая стало понимать, что нехватка высококвалифицированных работников в производстве и экономике препятствует стабильному экономическому развитию страны. Принимая во внимание имеющуюся зарубежную положительную практику в рассматриваемой области, китайское руководство приступило к политике поощрения иммиграции зарубежных высококвалифицированных специалистов различных профессий в КНР. С 1980-х годов в Китае был принят ряд документов, самым подробным образом разъясняющих, каким образом следует проводить отбор иностранных специалистов. Среди них такие, например, как «Временные положения по привлечению иностранных специалистов» (1983), «Методы стимулирования иностранных специалистов» (1990), «Меры управления иностранными инвестициями и иностранными специалистами» (1996), «Программа „Сто талантов“ по привлечению ученых и специалистов высшего уровня» [8, с. 79].

Однако, по мнению ряда экспертов, принятие указанных выше программ не дало ожидаемого эффекта: нехватка квалифицированных специалистов в КНР оставалась такой же внушительной. К тому же, несмотря на законодательно регламентированные возможности «предоставления иностранным гражданам прав на постоянное проживание в стране либо приобретения гражданства, прописанные в Законах „О гражданстве КНР“ 1980 г. и „О порядке въезда в страну и выезда из страны иностранцев“ 1985 г., указанные процедуры разработаны не были»⁴. В то же время постоянно возрастающая потребность китайского общества в регулировании миграционных процессов была официально признана в 1985 году с принятием закона, регламентирующего порядок пересечения государственной границы. Правовые подходы отразились на миграционной политике, сводившейся к снижению ограничений на въезд иностранных граждан в КНР и выезд из нее, а также существенному ослаблению контроля за деятельностью иностранцев в Китае. Сегодня в стране китайское население массово пересекает государственную границу. Невиданные до 1970-х гг. процессы прироста населения КНР сформировали механизм демографического давления, которое стало важнейшим фактором, обусловившим массовую эмиграцию за рубеж после того, как китайское руководство приступило к реализации реформ. При этом сами процессы внутренней и внешней миграции в свою очередь послужили причиной модернизации китайского общества, в т. ч. совершенствования правового регулирования.

Чтобы облегчить получение вида на жительство, 13 декабря 2003 г. Госсовет утвердил «Правила выдачи вида на постоянное жительство иностранцам в КНР»⁵, давшие право постоянно проживать в этой стране крупным инвесторам, а также членам семей, которые воссоединились (вступили в силу с 2004 года). В результате вступления Китая во Всемирную торговую организацию в 2001 году процессы снятия ограничений выездного режима активизировались. Кроме того, «была специально разработана и принята программа „Планирование и подготовка персонала специалистов в 2002–2005 гг.“ с перечислением сфер, нуждающихся в привлечении иностранных специалистов: информационно-техническая, производственно-техническая, авиакосмическая, финансовая, юридическая, а также сферы международной торговли и менеджмента»⁶.

Постоянные поиски для разрешения различных проблемных вопросов в сфере регулирования процессов миграции в стране «легли в основу китайской стратегии миграционной политики, которая стала реализовываться в КНР с 2004 г., поскольку вступили в силу новые правила, установившие категории иностранцев, имеющих право претендовать на вид на жительство» [9, с. 421]. В целях активизации работы по привлечению иностранных специалистов в КНР в 2004 году были приняты «Правила о порядке, санкциях и контроле за постоянным жительством иностранцев». Чтобы регулировать создание и деловую активность постоянных резидентских представительств иностранных предприятий, 19 ноября 2010 г. Госсовет КНР принял «Положения об управлении регистрацией представительств иностранных предприятий»⁷. В дальнейшем на протяжении ряда лет возросшим темпам миграции в Китай из различных государств мира,

⁴ Закон КНР «О гражданстве КНР» от 10.09.1980 г. // Россия и Китай : [сайт]. URL: <https://ruchina.org/china-article/china/895.html> (дата обращения: 25.01.2026).

⁵ Правила выдачи вида на постоянное жительство иностранцам в КНР // Бизнес в Китае : [сайт]. URL: <https://asia-business.ru/law/law2/foreigner/residencepermit/> (дата обращения: 25.01.2026).

⁶ См.: Анохина Е. С. «Новая» китайская миграция и политики КНР по ее регулированию в 1978–2008 гг. : автореф. дис. ... канд. истор. наук. Томск, 2010. 27 с.

⁷ Положения об управлении регистрацией представительств иностранных предприятий // Бизнес в Китае : [сайт]. URL: <https://asia-business.ru/law/law2/company/office/> (дата обращения: 21.01.2026).

в т. ч. из стран Содружества Независимых Государств (далее – СНГ), способствовали устойчивые экономические процессы, а также относительно невысокие цены обучения и проживания, в т. ч. особое гостеприимство и доброжелательность местного населения, а также мягкие условия визовой политики [10, с. 50].

Постоянные поиски разрешения различных проблемных вопросов в сфере регулирования процессов миграции в стране способствовали принятию в 2012 году нового миграционного законодательного акта – Закона КНР «Об управлении въездом в КНР и выездом из КНР»⁸, что существенно повлияло на ужесточение иммиграционной политики в стране. В то же время несмотря на то, что нормы китайского миграционного законодательства по большей части направлены на соблюдение более строгих миграционных правил, законодательный акт, принятый в 2012 году, существенно облегчил нахождение в стране ряда групп из числа иностранцев. При этом, как отмечают отечественные эксперты, проводившие сравнительно-правовой анализ китайского и зарубежного законодательства в сфере правовых основ, регулирующих правовой статус иностранцев, в китайской конституции не закреплены нормы по регулированию правового положения иностранцев в КНР, поэтому они не могут пользоваться теми же правами и выполнять обязанности наравне с китайскими гражданами [11, с. 82].

По большей части это обусловлено необходимостью укрепления взаимодействия с гражданами, рожденными в КНР и покинувшими впоследствии страну, а также теми из этнических китайцев, которые постоянно проживают за рубежом. Зарубежные китайские диаспоры имеют немало представителей, которые могут оказывать помощь КНР по реформированию экономических процессов. В связи с этим в соответствии с новыми миграционными законодательными правилами этнические китайцы получили возможность покупать в Китае недвижимость и право на использование социальных, медицинских и образовательных услуг. Также по обозначенным выше причинам китайские законодатели ввели новые виды виз, облегчающие прибытие и нахождение в КНР родственников китайских граждан, проживающих за рубежом. Поскольку среди долгосрочных планов китайского руководства – и призыв в страну квалифицированных специалистов из-за рубежа, законодателями была введена новая категория виз, которая облегчила механизм и режим прибытия и нахождения в КНР высококвалифицированных специалистов.

В целях развития законодательных механизмов, позволяющих КНР привлекать из-за рубежа необходимые для страны квалифицированные кадры, китайские власти постоянно прорабатывают имеющиеся возможности для повышения соцобеспечения рассматриваемой категории работников. В 2012 году вступил в силу «Перечень прав и социального обеспечения, предоставляемых иностранцам, имеющим вид на жительство». Данный нормативный акт распространен на все важнейшие сферы в области благосостояния – работу, учебу, приобретение недвижимости и др. [12, с. 19]. Дополнительно к основным законодательным актам, регулирующим миграционную политику страны в КНР, вступают в силу акты, обладающие точечным характером, как, например, введенная в 2017 году система выдачи мигрантам единых разрешений на работу, которая существенно упростила механизм подачи документов мигрантами. Властями также запланировано открыть зеленый коридор для квалифицированных кадров, прибывающих из-за рубежа.

Важно, что в настоящее время в КНР отсутствует специальный государственный орган исполнительной власти, который отвечал бы за все вопросы, связанные с миграцией в стране [13, с. 53]. Уже многие годы решение всех миграционных проблем поручено Министерству общественной безопасности КНР, отвечающему за вопросы въезда и выезда из страны иностранных граждан; Министерству трудовых ресурсов и социального обеспечения, в ведение которого входят вопросы по управлению соцобеспечением и трудоустройством рассматриваемой категории лиц; Бюро по делам иностранных специалистов, которое занимается привлечением квалифицированных кадров из-за рубежа⁹ [14]. Кроме того, еще ряд органов власти КНР также принимает участие в данной работе. К ним относятся следующие министерства КНР: финансов, иностранных дел, промышленности и информационных технологий, образования,

⁸ Exit and Entry Administration Law of China (2012) [Закон КНР «Об управлении въездом в КНР и выездом из КНР» от 30.06.2012 г.] // China Justice Observer : [website]. URL: <https://ru.chinajusticeobserver.com/law/x/exit-and-entry-administration-law-of-china-20120630> (дата обращения: 25.01.2026).

⁹ Данзанова В. А. Законодательное регулирование миграции в КНР / Азиатско-Тихоокеанский регион: история и современность – XV : материалы научно-практической (заочной) конференции молодых ученых, посвященной 90-летию Бурятского государственного университета имени Доржи Банзарова и 30-летию Восточного института, г. Улан-Удэ, 10 мая 2022 г. / науч. ред. С. Г. Ошоров. Улан-Удэ : Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, 2022. С. 70.

коммерции, науки и техники и др. Немаловажно, что актуальные требования к иммиграционному контролю и услугам обусловили создание в 2018 году при Министерстве общественной безопасности КНР единого учреждения центрального уровня, отвечающего за осуществление регионального пограничного контроля и иные вопросы в сфере иммиграции и интеграции иностранных граждан, которое называется Национальная иммиграционная администрация¹⁰. В ее ведении вопросы координации и разработки иммиграционной политики, а также реализации пограничного контроля, регулирования пребывания иностранцев, работы с беженцами и определения гражданства. Данный орган играет ведущую роль в координации работы с иностранцами, которые незаконно въезжают в Китай, остаются в стране или работают в ней, а также в репатриации нелегальных иммигрантов.

Несмотря на то, что большая часть наукоемкой, высокотехнологичной и передовой финансовой промышленности КНР заинтересована в пребывании в стране хорошо подготовленных квалифицированных зарубежных работников, одним из важнейших направлений китайской иммиграционной политики является деятельность по возвращению в страну граждан Китая, поэтому в настоящее время в КНР не забывают о разработке мер, стимулирующих возвращение в страну «собственных граждан, которые получили образование вне Китая, предоставляя им льготы в виде разного рода трудовых вакансий» [15, с. 193]. В числе прочего им предоставляется финансовая помощь, которой покрывается большая часть расходов по возвращению рассматриваемых лиц на родину. Развитие миграционной политики привело к тому, что современному Китаю присущи не только высокий экономический потенциал, но и большая мобильность граждан: КНР по уровню миграционной динамики находится на четвертом месте в мире [16, с. 138].

В целом среди особенностей правового регулирования китайской политики в сфере миграции особо следует отметить постоянную государственную деятельность, направленную на содействие в укреплении позиций страны на глобальном рынке услуг труда. В процессе реформирования отношений в сфере миграции китайскому правительству удалось существенно улучшить и адаптировать миграционное законодательство к складывающимся условиям глобализации в целях оказания положительного воздействия на миграционную ситуацию в стране.

Проведенное исследование свидетельствует о том, что в отличие от Российской Федерации миграционная политика КНР на протяжении исследуемого периода была ориентирована и направлена не столько на регулирование внешних миграционных потоков, сколько на решение задач внутри страны. Первоочередной и приоритетной задачей для руководства Китая на протяжении практически пяти последних десятилетий было управление колоссальными внутренними миграционными потоками, связанными с ускоренной урбанизацией, и точечное привлечение из-за рубежа высококвалифицированного кадрового потенциала. При этом внешние миграционные потоки также находились и продолжают оставаться под постоянным и весьма жестким государственным контролем. Стоит обратить внимание и на то, что государственная политика в отношении внутренней миграции на протяжении многих лет тесно связана со стратегиями экономического развития. Специально разработанные и реализованные экономические проекты, как, например, освоение западных регионов страны или создание передовых экономических кластеров в районе Большого Залива Гуандун – Гонконг – Макао¹¹, стимулировали миграционные процессы внутри КНР и способствовали интенсивному перемещению миллионов людей из сельскохозяйственных регионов в новые промышленные центры страны. Заметим, что все эти процессы законодательно регламентированы хорошо отлаженной системой регистрации по месту жительства, которая и по настоящее время в достаточной степени ограничивает мобильность населения внутри Китая¹².

Обратим внимание, что законодательная политика в отношении внешней миграции на протяжении многих лет имеет двойственный характер. С одной стороны, КНР придерживается жесткого визового режима и активно противодействует незаконным внешним миграционным потокам. С другой стороны, китайское правительство планомерно и целенаправленно претворяет в жизнь различные программы по привлечению иностранных граждан из числа ученых, инженеров, предпринимателей, предоставляя им специальные визы, различные финансовые стимулы и упрощенные условия для трудовой деятельности. Необходимо подчеркнуть, что цель

¹⁰ Китай создаст государственное управление по делам иммиграции // СИНХУА Новости : RUSSIAN.NEWS.CN : [сайт]. URL: https://russian.news.cn/2018-03/13/c_137036385.htm (дата обращения 25.01.2026).

¹¹ Регион Большого Залива крупнейшая агломерация в мире // ЭКД : [сайт]. URL: <https://ekd.me/gba/?ysclid=mkusmlvpj2996335897> (дата обращения: 25.01.2026).

¹² Объявление о реализации 10 инновационных мер по поддержке расширения открытости для высококачественного развития // Государственное управление по делам миграции КНР: [сайт]. URL: <https://ru.nia.gov.cn/n21909/c189683/content.html> (дата обращения: 25.01.2026).

данной политики – не решение демографических проблем, как, например, в Российской Федерации, а весьма активное заимствование передовых технологий и повышение глобальной конкурентоспособности на мировом рынке. Проведенный анализ также показывает, что в начале 2020-х гг. КНР столкнулась с серьезной проблемой, характерной для многих мировых держав, а именно, стремительным старением населения, угрожающим экономическому росту Китая¹³. Полагаем, что этот демографический сдвиг в будущем может заставить китайское правительство пересмотреть свои подходы и постепенно двигаться в сторону либерализации иммиграционной политики, приближая ее к российской модели, ориентированной на привлечение не только высококвалифицированных специалистов, но и иного трудового потенциала.

Российская миграционная политика стала активно развиваться в 1990-х гг. под влиянием фундаментальных изменений в различных сферах деятельности. Текущий характер миграционных процессов и состояние миграционной обстановки в нашей стране становятся определяющим фактором, играющим ведущую роль в развитии страны. Одновременно с этим миграционные процессы могут стать причиной как ослабления, так и укрепления государственной мощи, развития национального потенциала и в целом повышения возможностей всего государственного механизма. В настоящее время, после утверждения Президентом Российской Федерации В. В. Путиным в октябре 2025 года «Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026–2030 годы», ставится цель увеличить в стране число иностранцев, разделяющих «традиционные ценности», противодействовать формированию этнических анклавов и ускорить переход работодателей к целевому найму трудовых мигрантов¹⁴. В дальнейшем стратегическим направлением формирования отечественной миграционной политики должно стать расширение ее благоприятного конструктивного воздействия и уменьшение возможных угроз.

Возникает вопрос, может ли китайский опыт быть использован Российской Федерацией в дальнейшем законодательном регулировании внутренних и международных миграционных процессов. Для ответа на него необходимо провести краткий сравнительный анализ ключевых целей и инструментов миграционной политики двух стран. Тридцатилетний опыт научно-исследовательской работы, в т. ч. связанной с изучением отечественной миграционной политики, позволяет утверждать, что прямое сопоставление миграционных стратегий России и Китая выявляет фундаментальные различия в их целях, масштабах и инструментах. Однако, хотя как в России, так и Китае экономические факторы играют решающую роль, их направленность кардинально различается. Краткий сравнительный анализ ключевых целей и инструментов миграционной политики России и Китая важен для понимания специфики миграционной политики каждого государства. В частности, важнейшее направление миграционной политики Российской Федерации – компенсация демографической убыли и восполнение дефицита рабочей силы, тогда как для Китая в первую очередь важна управляемая урбанизация, стратегическое развитие регионов и привлечение зарубежных высококвалифицированных кадров. Для Российской Федерации основным типом миграции является внешняя трудовая миграция, преимущественно из государств-участников СНГ, тогда как для Китая – массовая внутренняя миграция из сельской местности в промышленно развитые города. Законодательный подход к въезду на территорию нашей страны весьма либерален. Немаловажно также наличие безвизовых режимов и упрощенных процедур для граждан государств-участников СНГ, в то время как для КНР характерна весьма жесткая визовая политика с определенными целевыми исключениями для высококвалифицированных специалистов из-за рубежа.

Наконец, экономическим двигателем и важнейшим катализатором рассматриваемых процессов в настоящее время в России выступает в первую очередь спрос на неквалифицированную рабочую силу, а в Китае – стратегическое развитие высокотехнологичных отраслей и новых экономических зон. В отличие от китайской, отечественная миграционная политика в первую очередь нацелена на уже происходящие в обществе демографические и экономические проблемы.

Проведенный краткий сравнительный анализ позволяет говорить, что в настоящее время миграционные политики России и Китая представляют собой две различные модели, сформированные под влиянием уникальных национальных задач, интересов и приоритетов. Политика нашей страны преимущественно ориентирована на решение насущных демографических

¹³ Население Китая сократилось третий год подряд. URL: <https://dzen.ru/a/Z4o90flZNQzJycY2?ysclid=mks5ix0fuy395750498> (дата обращения 25.01.2026).

¹⁴ О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026–2030 годы : Указ Президента Российской Федерации от 15 октября 2025 г. № 738 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2025. № 42. Ст. 6143.

и экономических задач по компенсации убыли населения и закрытию дефицита и острой нехватки рабочей силы на рынке труда. Политика Китая выступает инструментом долгосрочного стратегического планирования, нацеленного на управление внутренней урбанизацией и привлечение высокотехнологичных специалистов для обеспечения глобального лидерства среди мировых держав. Кроме того, для России важнейшим является законодательное регулирование потоков внешней трудовой миграции, тогда как для Китая – управление внутренними миграционными процессами. Именно вышеперечисленные факторы определяют разницу в законодательных инструментах между нашими государствами: от упрощенных режимов для граждан государств-участников СНГ в России до жесткого визового контроля с целевыми исключениями в Китае.

3 заключение

С конца 1970-х по 2020-е гг. КНР предприняла немало серьезных шагов в направлении развития и оптимизации законодательства для глубокого реформирования миграционной политики, в т. ч. ее либерализации в отношении отдельных категорий иностранных граждан и ужесточении незаконной внешней миграции. Результаты работы китайских законодателей по совершенствованию миграционного законодательства весьма существенны: эта деятельность предоставила широкие полномочия на местном уровне для работы сотрудников органов государственной власти и правоохранителей по защите населения от разного рода воздействия незаконной миграции, тем самым способствуя снижению недовольства мигрантами и протестной активности гражданского общества.

Для правового регулирования миграционной политики Китая характерна своя специфика: с одной стороны, законодательные нормы способствуют широкомасштабной экспансии из Китая неквалифицированной и избыточной рабочей силы, с другой – из-за рубежа активно привлекаются высококвалифицированные специалисты для работы в научной, технической, экономической, производственной и иных важнейших сферах.

Подводя итог, нельзя не отметить, что китайская миграционная политика превратилась в одно из грандиозных явлений глобальных миграционных процессов конца двадцатого и начала нового столетия. Законодательные инициативы по либерализации большинства областей деятельности КНР усилили поддержку, оказываемую внешним миграционным процессам.

Благодаря соответствующему законодательному регулированию в стране оказывается активное противодействие незаконным миграционным проявлениям с пресечением любых попыток несанкционированных въездов в страну нежелательных для КНР категорий мигрантов. Таким образом, важнейшее направление китайской миграционной политики в современных условиях состоит в привлечении в страну необходимой высококвалифицированной иностранной рабочей силы, поскольку руководством КНР осознается важность развития экономического потенциала, которого невозможно достичь, не привлекая высококвалифицированные кадры из-за рубежа. Благодаря стремительно развивающимся экономическим процессам Китай привлекает мигрантов со всего мира. По рассматриваемым вопросам КНР занимает ведущие позиции не только в азиатско-тихоокеанской, но и в евразийской региональной миграционной системе. В то же время КНР стремится к использованию положительного опыта развития правового регулирования, способствующего разрешению миграционных проблем в ведущих мировых державах.

Опыт влияния законодательства на миграционные процессы в КНР может быть использован в регулировании международных миграционных процессов в нашей стране. Вместе с тем анализ особенностей миграционной политики России и КНР свидетельствует о том, что Российская Федерация и Китайская Народная Республика представляют собой два уникальных и контрастных примера, поскольку подходы этих стран к регулированию миграции сформированы под влиянием различных исторических, социальных и экономических условий, и факторов. Для России, пережившей демографические последствия распада СССР, миграция стала инструментом компенсации убыли населения и решения проблемы нехватки трудового ресурса на рынке труда. Китай, напротив, исторически был сфокусирован на контроле гигантских внутренних перемещений, связанных с урбанизацией, а внешнюю миграционную политику использует для точечного привлечения высококвалифицированной рабочей силы и повышения своей конкурентоспособности.

Однако, несмотря на то, что миграционные политики России и Китая представляют собой две различные модели, Российская Федерация после детального изучения китайского опыта в рассматриваемой сфере могла бы использовать некоторые из положительных аспектов

законодательного регулирования миграционной политики. Например, чтобы, используя китайский положительный опыт, полностью избавиться от законодательных административных барьеров, ограничивающих и замедляющих развитие миграционных процессов в нужных для нашей страны направлениях. Кроме того, основываясь на позитивной китайской практике привлечения зарубежных студентов, возможно разработать законодательные основы стратегии внешней образовательной миграции в нашей стране.

Соответствующим интересам Российской Федерации, а также приносящим выгоду и пользу нашей стране может оказаться законодательный опыт КНР, направленный на экономическое инфраструктурное развитие отдаленных регионов и зон, которое базируется на внедрении новых стратегий, связанных преимущественно с миграционной политикой. Было бы нелишним проведение дополнительных исследований, которые позволят определить, насколько остро наша страна нуждается в высококвалифицированных зарубежных специалистах, и при необходимости, учитывая китайский опыт, разработать меры правового регулирования, позволяющие оценивать профессиональную пригодность, анализировать заявленные компетенции и проводить иные проверки соответствия претендентов для переселения и работы в Российской Федерации. Возможно, что дальнейшая проработка и последующее развитие законодательных миграционных основ с учетом китайского опыта позволят более эффективно организовывать и контролировать внутреннюю трудовую миграцию, а также сформировать отраслевую направленность отечественной миграционной политики, обеспечивающую мотивацию и стремление компаний и организаций бизнеса в повышении эффективности работы и оптимизации трудовых процессов именно посредством активного внедрения инновационных решений.

Полученные в процессе проведенного исследования новые научные знания в перспективе могут содействовать развитию законодательных основ отечественной миграционной политики. Для Российской Федерации основной долгосрочный вызов в рассматриваемой сфере состоит в усилении глобальной конкуренции за трудовые ресурсы. В связи с развитием собственной экономики традиционные поставщики миграционного ресурса способны переориентировать миграционные потоки из нашей страны в другие регионы мира. В этих условиях Российская Федерация может сместить акцент с количественных показателей на качественные, а развитие миграционных законодательных основ с учетом положительного опыта КНР создаст более привлекательные условия для квалифицированных специалистов.

В настоящее время Китай сосредоточен на проведении сдерживающей политики относительно разрешения широких свободных миграционных потоков на территории страны, а также на поддержке благоприятной среды для мигрантов из категорий, желательных для пребывания в стране. Положительный опыт развития миграционного законодательства КНР и его использование для реализации задач по развитию китайского государства необходимо продолжать исследовать всесторонне отечественным ученым и практикам.

Список источников

1. Кобец П. Н. Правовые основы китайской миграционной политики в период с 1949 г. по 1970-е гг. // Миграционное право. 2024. № 2. С. 23–25. <https://doi.org/10.18572/2071-1190-2024-2-23-25>
2. Морозов Ю. А., Ван П., Суздальева Т. Р. «Культурная революция» в Китае: взгляд китайских и российских исследователей // Этносоциум и межнациональная культура. 2021. № 8 (158). С. 89–95.
3. Кранина Е. Научная конференция ЦСЭИК ИДВ РАН «3-й пленум ЦК КПК: горизонты реформ» // Проблемы Дальнего Востока. 2014. № 4. С. 167–173.
4. Еэрлянь А., Бедрина Е. Б. Внутренняя мобильность населения и урбанизация Китая в свете проблемы устойчивого развития территорий // Вестник Самарского государственного экономического университета. 2025. № 6 (248). С. 17–28.
5. Балданова Р. А. Основные принципы Закона КНР «О гражданстве» 1980 г. // Миграционное право. 2018. № 2. С. 27–30.
6. Чирков Е. В. Развитие миграционных процессов и становление их правового регулирования в КНР / Синьхайская революция и республиканский Китай: век революций, эволюции и модернизации : сборник статей. Москва : Институт востоковедения РАН, 2013. С. 241–252.
7. Аришин К. В. Политика управления миграцией в КНР // Власть. 2021. Т. 29, № 3. С. 269–273. <https://doi.org/10.31171/vlast.v29i3.8196>
8. Чанхай Л., Коробеев А. И. Особенности миграционной политики современного Китая // Журнал российского права. 2010. № 9 (165). С. 77–82.
9. Понкратова Л. А., Тракова Е. В. Миграционная политика в КНР и ее роль в формировании человеческого капитала // Креативная экономика. 2018. Т. 12, № 3. С. 411–427. <https://doi.org/10.18334/ce.12.3.38921>
10. Чжуаньсунь Ц. Миграция из стран СНГ в Китай / Молодой ученый : сборник статей IX Международной научно-практической конференции, г. Пенза, 5 сентября 2024 г. Пенза : Наука и Просвещение, 2024. С. 49–51.
11. Кузнецова Н. О. Некоторые аспекты источников правового положения иностранных граждан и лиц без гражданства Российской Федерации, Китайской Народной Республики и Республики Корея // Проблемы науки. 2017. № 2 (15). С. 79–82.
12. Балданова Р. А. Вид на жительство в Китае / Современное общество, образование и наука : по материалам международной научно-практической конференции 31 октября 2017 г. // Вестник научных конференций. 2017. № 10-3 (26). Ч. 3. С. 18–19.

13. Кобец П. Н. Генезис органов государственной власти и управления Китайской Народной Республики // Государственная власть и местное самоуправление. 2020. № 7. С. 51–55. <https://doi.org/10.18572/1813-1247-2020-7-51-55>
14. Любый И. А., Мехряков И. С. Правовые аспекты борьбы с нелегальной миграцией в Китайской Народной Республике // Миграционное право. 2025. № 2. С. 28–30. <https://doi.org/10.18572/2071-1182-2025-2-28-30>
15. Medved V. A. Migration policy of Russia and China: main directions and spheres of interaction // Bulletin the National academy of sciences of the Republic of Kazakhstan. 2021. Vol. 5, № 393. P. 191–198. <https://doi.org/10.32014/2021.2518-1467.183>
16. Чжоу Ю. Миграционные потоки между Европой и Китаем в XXI веке: основные аспекты и проблемы в материалах российской и китайской историографии // Право и политика. 2023. № 8. С. 137–151. <https://doi.org/10.7256/2454-0706.2023.8.43983>

References

1. Kobec P. N. Pravovye osnovy kitajskoj migracionnoj politiki v period s 1949 g. po 1970-e gg. // Миграционное право. 2024. № 2. С. 23–25. <https://doi.org/10.18572/2071-1190-2024-2-23-25>
2. Morozov Yu. A., Van P., Suzdaleva T. R. «Kul'turnaya revolyuciya» v Kitae: vzglyad kitajskih i rossijskih issledovatelej // Etnosocium i mezhnacional'naya kul'tura. 2021. № 8 (158). S. 89–95.
3. Kranina E. Nauchnaya konferenciya CSEIK IDV RAN «3-j plenum CK KPK: gorizonty reform» // Problemy Dal'nego Vostoka. 2014. № 4. S. 167–173.
4. Eerlan' A., Bedrina E. B. Vnutrennyaya mobil'nost' naseleniya i urbanizaciya Kitaya v svete problemy ustojchivogo razvitiya territorij // Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta. 2025. № 6 (248). S. 17–28.
5. Baldanova R. A. Osnovnye principy Zakona KNR «O grazhdanstve» 1980 g // Миграционное право. 2018. № 2. С. 27–30.
6. Chirkov E. V. Razvitie migracionnyh processov i stanovlenie ih pravovogo regulirovaniya v KNR / Sin'hajskaya revolyuciya i respublikanskij Kitaj: vek revolyucij, evolyucii i modernizacii : sbornik statej. Moskva : Institut vostokovedeniya RAN, 2013. S. 241–252.
7. Arshin K. V. Politika upravleniya migracij v KNR // Vlast'. 2021. T. 29, № 3. S. 269–273. <https://doi.org/10.31171/vlast.v29i3.8196>.
8. Chanhaj L., Korobeev A. I. Osobennosti migracionnoj politiki sovremennogo Kitaya // Zhurnal rossijskogo prava. 2010. № 9 (165). S. 77–82.
9. Ponkratova L. A., Trakova E. V. Migracionnaya politika v KNR i ee rol' v formirovanii chelovecheskogo kapitala // Kreativnaya ekonomika. 2018. T. 12, № 3. S. 411–427. <https://doi.org/10.18334/ce.12.3.38921>
10. Chzhuan'sun' C. Migraciya iz stran SNG v Kitaj / Molodoj uchyonyj : sbornik statej IX Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, g. Penza, 5 sentyabrya 2024 g. Penza : Nauka i Prosveshchenie, 2024. S. 49–51.
11. Kuznecova N. O. Nekotorye aspekty istochnikov pravovogo polozheniya inostrannyh grazhdan i lic bez grazhdanstva Rossijskoj Federacii, Kitajskoj Narodnoj Respubliki i Respubliki Koreya // Problemy nauki. 2017. № 2 (15). S. 79–82.
12. Baldanova R. A. Vid na zhitel'stvo v Kitae / Sovremennoe obshchestvo, obrazovanie i nauka : po materialam mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii 31 oktyabrya 2017 g. // Vestnik nauchnyh konferencij. 2017. № 10–3 (26). Ch. 3. S. 18–19.
13. Kobec P. N. Genezis organov gosudarstvennoj vlasti i upravleniya Kitajskoj Narodnoj Respubliki // Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie. 2020. № 7. С. 51–55. <https://doi.org/10.18572/1813-1247-2020-7-51-55>
14. Lyubyy I. A., Mekhryakov I. S. Pravovye aspekty bor'by s nelegal'noj migracij v Kitajskoj Narodnoj Respublike // Миграционное право. 2025. № 2. С. 28–30. <https://doi.org/10.18572/2071-1182-2025-2-28-30>
15. Medved V. A. Migration policy of Russia and China: main directions and spheres of interaction // Bulletin the National academy of sciences of the Republic of Kazakhstan. 2021. Vol. 5, № 393. P. 191–198. <https://doi.org/10.32014/2021.2518-1467.183>
16. Chzhou Yu. Migracionnye potoki mezhdru Evropoj i Kitaem v XXI veke: osnovnye aspekty i problemy v materialah rossijskoj i kitajskoj istoriografii // Pravo i politika. 2023. № 8. С. 137–151. <https://doi.org/10.7256/2454-0706.2023.8.43983>

Научная статья

УДК 342.9

Профессиональное правосознание сотрудников органов внутренних дел в системе обеспечения кадровой безопасности: организационно-правовой аспект

Ксения Александровна Попова, кандидат социологических наук

Волгоградская академия МВД России
Волгоград (400089, ул. Историческая, д. 130), Российская Федерация
vspu.kalashnikova@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0003-1609-8906>

Аннотация:

Введение. В современных условиях эффективность функционирования ОВД напрямую зависит от качества кадрового состава и устойчивости его профессионального правосознания. Проблема обеспечения кадровой безопасности должна рассматриваться не только как управленческая задача, но и как фундаментальный фактор стабильности публично-правовой системы государства. Существующее противоречие между жесткими институциональными рамками службы и высокой профессиональной мобильностью общества (где нормой является смена не только места работы, но и самого вида деятельности), требует разработки новых подходов к анализу профессионально-правовой идентичности сотрудников. **Цель исследования:** разработка и методологическое обоснование матричного инструментария анализа профессионально-правового правосознания сотрудников органов внутренних дел (далее – ОВД), направленного на выявление системных детерминант кадровой устойчивости и профилактики нарушений служебной дисциплины. **Методы:** системно-динамический подход, метод теоретико-правового моделирования, экстраполяция теории экологических систем, структурно-функциональный анализ. **Результаты.** Разработана авторская матричная модель анализа профессионально-правового правосознания, базирующаяся на пяти уровнях системного воздействия (микро-, мезо-, экзо-, макро-, и хроносистемы) и трех структурных компонентах (когнитивном, поведенческом и ценностном). Сформирована комплексная система индикаторов, позволяющая дифференцировать состояние правовой идентичности сотрудников ОВД и выявлять критические точки деформации правосознания на различных этапах прохождения службы. Предложены научно-практические рекомендации по использованию разработанного инструментария в деятельности кадровых подразделений МВД России для повышения эффективности государственного управления и обеспечения институциональной безопасности.

Ключевые слова:

профессиональное правосознание, профессионально-правовая идентичность, кадровая безопасность, органы внутренних дел, правовая деформация

Для цитирования:

Попова К. А. Профессиональное правосознание сотрудников органов внутренних дел в системе обеспечения кадровой безопасности: организационно-правовой аспект // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2026. № 2 (110). С. 77–85.

Статья поступила в редакцию 19.11.2025;
одобрена после рецензирования 18.05.2026;
принята к публикации 25.06.2026.

Original article

Professional legal consciousness of internal affairs bodies' employees in the system of personnel security maintenance: organisational and legal aspect

Ksenia A. Popova, Cand. Sci. (Sociol.)

Volgograd Academy of the MIA of Russia
130, Istoricheskaya str., Volgograd, 400089, Russian Federation
vspu.kalashnikova@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0003-1609-8906>

© Попова К. А., 2026



Abstract:

Introduction. In modern conditions, the effectiveness of the internal affairs bodies functioning depends directly on the personnel quality and the sustainability of its professional legal awareness. The problem of ensuring personnel security should be seen not only as a managerial task, but also as a fundamental factor in the stability of the public-legal system of the state. The existing tension between the rigid institutional frameworks of the service and the high professional mobility of society (where change not only of the workplace, but also of the activity itself is a norm) requires the development of new approaches to analysis of professional legal identity of employees.

Purpose of the study: development and methodological substantiation of a matrix tool for analysing the professional-legal awareness of employees of internal affairs bodies, which is aimed at revealing the systemic determinants of personnel sustainability and preventing breaches of discipline. **Methods:** system-dynamic approach, theoretical-legal modeling method, extrapolation of ecological systems theory, structural-functional analysis. **Results.** The author has developed a matrix model of professional legal awareness analysis, based on five levels of systemic impact (micro-, mezo-, exo-, macro- and chronological systems) and three structural components (cognitive, behavioural and axiological). The complex system of indicators has been formed, which makes it possible to differentiate the status of legal identity of employees of internal affairs bodies and reveal critical points of legal awareness deformation at various stages of service. Scientific and practical recommendations on the use of developed tools in the activities of personnel departments of the Ministry of Internal Affairs of Russia to improve the efficiency of state management and maintenance of institutional security are proposed.

Keywords:

professional legal awareness, professional-legal identity, personnel security, internal affairs bodies, legal deformation

For citation:

Popova K. A. Professional legal consciousness of internal affairs bodies' employees in the system of personnel security maintenance: organisational and legal aspect // Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia. 2026. № 2 (110). P. 77–85.

The article was submitted November 19, 2025; approved after reviewing May 18, 2026; accepted for publication June 25, 2026.

Введение

В современных условиях государственного управления обеспечение национальной безопасности Российской Федерации неразрывно связано с эффективностью функционирования органов внутренних дел. В условиях нарастающей социальной турбулентности и усложнения оперативной обстановки большое значение приобретает аспект кадровой безопасности системы МВД России. Кадровая безопасность в публично-правовом аспекте – это не только укомплектованность штатов, но и качественная характеристика кадрового состава, его устойчивость и невосприимчивость к деструктивному внешнему влиянию, готовность к безусловному соблюдению законности.

Фундаментальный анализ причин дестабилизации кадрового потенциала (текучесть кадров, коррупционные проявления, формализм, правовой нигилизм)¹ [1; 2] показывает, что ключевые риски лежат в плоскости деформации внутренних регуляторов служебной деятельности в условиях высокой профессиональной нагрузки. При этом основными компонентами, детерминирующими кадровую безопасность «изнутри» и укрепляющими ее устойчивость к негативному влиянию факторов внешней среды, выступают профессиональное самосознание и профессионально-правовая идентичность сотрудника.

Обсуждение

Профессиональное правосознание представляет собой содержательную основу деятельности: оно аккумулирует знание правовых норм, понимание смысла государственного служения и принципов правопорядка. Анализ различных аспектов правосознания посвящены научные труды В. М. Реуфа [3], О. В. Пересадиной², П. Ж. Шакировой³, Д. П. Фиолевского [4], Д. А. Кунца⁴ и др. В частности, А. Е. Епифанова [5] исследует процесс возникновения профессиональных деформаций личности следователя, а такие факторы, как стереотипность выполняемых операций, взаимодействие с гражданами, ведущими асоциальный образ жизни, недостатки профессионального образования она рассматривает как риски профессиональной

¹ Мерзлякова П. О., Голубева О. А. Правовой и социально-психологический аспекты отбора кандидатов на прохождение службы в ОВД // Четвертые международные теоретико-правовые чтения имени профессора Н. А. Пянова : материалы конференций, г. Иркутск, 1 октября – 30 ноября 2022 г. Иркутск : Межрегиональная ассоциация теоретиков государства и права, 2023. С. 387–393. https://doi.org/10.47905/9785604872161_387

² Пересадина О. В. Теоретико-правовой анализ профессионального правосознания (на примере правосознания сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2017. 22 с.

³ Шакирова П. Ж. Правосознание государственных служащих. Категория сущности правосознания // Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета. 2020. Т. 20, № 3. С. 160–162.

⁴ Кунц Д. А. Правосознание: понятие и сущность. Особенности становления правосознания на примере правосознания юристов // NovaUm.Ru. 2017. № 7. С. 163–165.

деформации сотрудника. А. А. Волчок в статье «Инфантилизм правосознания: серьезная патология или пробелы правосознания?»⁵ пытается найти ответ на вопрос, является ли такая форма деформации правосознания, как правовой инфантилизм, серьезной патологией, разрушающей общество, или это обычный пробел в правосознании, восполняемый знаниями.

Само по себе наличие правосознания и знание закона как такового не гарантирует его соблюдение, если оно не подкреплено профессионально-правовой идентичностью. Поэтому в представленной работе предлагается рассматривать профессионально-правовую идентичность как движущую силу правосознания, его ценностно-смысловое ядро. Иными словами, если правосознание обеспечивает отражение правовой реальности, то профессионально-правовая идентичность обеспечивает самоопределение субъекта в этой реальности. Она выступает внутренним регулятором, который переводит внешние нормативные требования правовой идеологии в личностные установки правовой психологии, определяя тем самым вектор фактического правомерного поведения.

Данная категория в отличие от правосознания является относительно молодой. Одной из первых в отечественной науке его рассмотрела М. С. Инкижекова, отметившая, что «профессионально-правовая идентичность есть конструируемый и самоуправляемый феномен, представляющий собой индивидуальную форму рационально сформированной социальной идентичности, складывающуюся на основе когнитивного (осознанного принятия культуры, нормативных правовых актов, ценностно значимого опыта конкретного профессионального сообщества), ценностного (выстроенного в иерархической последовательности из социально значимых идеалов и эталонов должного), эмоционального (чувственно переживаемого отношения к трудовой деятельности и членам профессионального сообщества) компонентов» [6, с. 50].

Таким образом, термин «профессионально-правовая идентичность» вводится нами как интегративная категория, объединяющая два концепта – профессиональную идентичность сотрудников органов внутренних дел (далее – ОВД) и правовую идентичность личности. К фундаментальным работам по правовой идентичности можно отнести труды Н. В. Исаевой [7; 8]. Среди немногих работ, посвященных профессиональной идентичности, можно выделить научные труды Е. К. Сауковой-Сальниковой [9], Т. А. Разгуляевой [10], В. М. Жукова [11], А. М. Ивановой [12], Е. В. Резникова [13], О. В. Брезгиной и Е. В. Васильковой [14]. Особого внимания заслуживает диссертация П. С. Пухно, посвященная формированию профессиональной идентичности сотрудников МВД, однако она была написана еще в 2005 году. Резюмируя содержание указанных работ, можно отметить, что профессионально-правовая идентичность предполагает осознание государственным служащим своей социально-правовой роли и принятие профессионального статуса как ценностного ориентира. Отсутствие устойчивого смыслового фундамента в профессиональной деятельности ведет к деформации правосознания и подмене исполнения государственно значимых функций формальным алгоритмом действий. Профессионально-правовая идентичность подразумевает осознание человеком своей профессиональной роли, наличие чувства принадлежности к определенной профессиональной группе и, наверное, самое главное – ценностно ориентирующие установки, которые способствуют приданию личностного и жизненного смысла своей профессиональной деятельности. Без этого смыслового и ценностного фундамента профессиональная деятельность становится нецелесообразной, выхолощенной и формализованной. Таким образом, профессионально-правовая идентичность является смысловым ядром правосознания государственного служащего. Оно превращает внешние требования (долг, присяга, ограничения) во внутренние установки служащего. Профессиональная идентичность в системе публичного права рассматривается как фундаментальный компонент профессионального правосознания, интегрирующий совокупность ценностных установок и этико-правовых норм, детерминирующих служебную активность субъекта.

Взаимосвязь этих двух компонентов образует фундамент кадровой безопасности системы МВД России. Если профессиональное правосознание дает сотруднику понимание того, что и как должно быть исполнено согласно закону, то профессионально-правовая идентичность дает ответ на вопрос, почему это важно для него лично как субъекта правоприменения. Разрыв этой связи неизбежно ведет к кризису самоопределения, профессиональному выгоранию и, как следствие, к ослаблению кадровой безопасности всей системы.

Научный поиск механизмов гармонизации профессионального правосознания и идентичности сотрудников ОВД является насущной потребностью юридической науки и практики, формируя методологическую базу для укрепления институциональной устойчивости органов исполнительной власти.

⁵ Волчок А. А. Инфантилизм правосознания: серьезная патология или пробелы правосознания? / XLIX Огаревские чтения : материалы научной конференции : в 3 ч., г. Саранск, 7–13 декабря 2020 г. Саранск : Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева, 2021. Ч. 3. С. 839–845.

Методы

Методологической основой проведенного исследования стал комплекс общенаучных теоретических методов. Подход системной динамики позволил рассмотреть профессионально-правовое правосознание как многоуровневую систему. Метод моделирования использовался для разработки авторской матричной модели анализа профессионально-правового правосознания (5 × 3). Метод экстраполяции применялся для адаптации теории экологических систем У. Бронфенбреннера [15] к анализу государственно-служебных правоотношений, а метод структурно-функционального анализа – для дифференциации компонентов правосознания (когнитивного, поведенческого и ценностного). Кроме указанных применялся также метод междисциплинарной конвергенции, позволивший объединить социологические и публично-правовые науки для решения задач кадровой безопасности в системе МВД России. Для описания процесса изменения правосознания и профессионально-правовой идентичности использовалась теория вертикального развития (Р. Киган).

Результаты

Автором был разработан инструментарий для анализа правосознания сотрудников ОВД. Теоретической основой разработанной методики является теория экологических систем Ури Бронфенбреннера (Urie Bronfenbrenner) [15]. Именно с ее помощью, на наш взгляд, можно конкретизировать и детализировать классическую модель структуры правосознания как совокупность трех групп элементов: правовой идеологии, правовой психологии и поведенческого элемента. Очевидно, что правосознание представляет собой сложный феномен, формируемый на многих уровнях и в уникальных условиях пространства-времени конкретного индивида.

Выбор методологии У. Бронфенбреннера в качестве концептуальной основы исследования обусловлен ее высокими эвристическими возможностями анализа факторов профессионального и правового развития личности. Это особенно важно для обеспечения кадровой безопасности системы ОВД. Наличие пяти подсистем позволяет связать личные, групповые ведомственные и социокультурные факторы в единую систему, определяющую устойчивость правосознания и профессионально-правовой идентичности сотрудников во временной динамике.

С позиции государственного управления выделение данных подсистем помогает объяснить и дифференцировать факторы системных рисков. В частности, отток кадров рассматривается не как результат воздействия единичного фактора, а как кумулятивный эффект негативного влияния на различных уровнях среды (дисбаланс между личными ожиданиями сотрудника, климатом в коллективе, факторами организационного уровня, падением престижа профессии полицейского, правовым нигилизмом в обществе). Таким образом, применение разработанной на основе методологии У. Бронфенбреннера матрицы представляет собой алгоритм кадрового аудита системы МВД России.

Теория экологических систем была предложена психологом Ури Бронфенбреннером как теория социализации и развития ребенка. Однако в современном научном мире она получила широкую популярность и используется во многих сферах, в частности, в образовании, политике и социальной работе. В данном исследовании предлагается экстраполировать выделенные уровни экологических систем для конкретизации структуры правосознания сотрудников ОВД.

В представленной работе мы предлагаем конкретизировать правосознание пятью системными уровнями.

Уровень 1: Микросистема (индивидуальный) – позволяет оценить персональную глубину принятия сотрудником правовых норм и его личную готовность к исполнению профессионального долга.

Уровень 2: Мезосистема (групповой) – дает возможность выявить влияние непосредственного окружения и коллективных ценностей (в т. ч. неформальных) на устойчивость правовых установок личности.

Уровень 3: Экзосистема (организационный, ведомственный) – служит для анализа того, как качество организации службы и ведомственная среда определяют лояльность сотрудника и его доверие к системе.

Уровень 4: Макросистема (культурный и социальный) – позволяет соотнести правосознание сотрудника с государственными идеалами и общественными ожиданиями от органов правопорядка.

Уровень 5: Хроносистема (временной вектор) – дает инструмент для отслеживания динамики изменений правосознания и прогнозирования рисков профессиональной деформации.

Данная подсистема обладает определенной уникальностью: она как бы задает вектор развития всем остальным уровням, обеспечивая динамику их развития. Этот вектор заслуживает отдельного внимания, т. к. он объясняет, как именно с течением времени трансформируются правосознание и профессионально-правовая идентичность, почему одни сотрудники сохраняют верность профессии, а другие меняют сферу деятельности. В рамках представленного исследования автор исходит из положения, что содержательная сторона профессионального развития индивида может быть описана в рамках концепции вертикального развития Р. Кигана (спирали развития) [16]. Использование этой концепции позволяет предположить, что эволюция правосознания и профессионально-правовой идентичности представляет собой нелинейный процесс перехода от эгоцентрических установок к институциональным и межличностным, где формируется устойчивая идентичность и преданность государственным интересам и долгу службы.

Таблица 1

Матрица анализа структуры профессионального правосознания
сотрудников органов внутренних дел

Table 1

Matrix of analysis of the structure of professional legal awareness
of employees of internal affairs bodies

Уровни анализа	Компоненты		
	Когнитивно-смысловой компонент (правовая идеология)	Эмоционально-волевой компонент (правовая психология)	Поведенческий компонент
Микросистема (индивидуальный)	микрокогнитивный подуровень	микроэмоциональный подуровень	микropоведенческий подуровень
Мезосистема (групповой)	мезокогнитивный подуровень	мезоэмоциональный подуровень	мезоповеденческий подуровень
Экзосистема (организационный)	экзокогнитивный подуровень	экзоэмоциональный подуровень	экзоповеденческий подуровень
Макросистема (культурный и социальный)	макрокогнитивный подуровень	макроэмоциональный подуровень	макроповеденческий подуровень
Хроносистема (влияние времени и этапов)	хронокогнитивный подуровень	хроноэмоциональный подуровень	хроноповеденческий подуровень

Использование системно-экологического подхода и выделение пяти подсистем анализа позволяет существенно детализировать содержание каждого компонента правосознания (правовая идеология, правовая психология, поведенческий компонент), переводя их в плоскость конкретных индикаторов кадровой безопасности. Каждая подсистема позволяет конкретизировать объем и содержание уровней в зависимости от институциональной дистанции.

1. Уровень правовой идеологии. На индивидуальном уровне (микросистема) анализируется знание конкретных должностных полномочий; на групповом (мезосистема) – понимание этических стандартов коллектива; на ведомственном (экзосистема) – рациональная оценка организации служебной деятельности и приказов; макросоциальный уровень детализирует идеологию сквозь призму государственной политики, а хроносистема позволяет отследить трансформацию этих понятий на протяжении всего срока служебной деятельности индивида. Такой подход, с нашей точки зрения, заменяет общую «правовую грамотность» на дифференцированную карту правовой информированности субъекта.

2. Уровень правовой психологии. Представленная матрица позволяет вскрыть структуру профессионально-правовой идентичности как стержня правовой психологии. Мы получаем возможность увидеть, на каком именно уровне формируется эмоциональное отношение к праву. На микроуровне это принятие присяги и отношение к ней; на мезоуровне – психологическая солидарность с группой (коллективом); на экзоуровне – лояльность к ведомству и ощущение защищенности государством и структурой; на макроуровне – ценности государственной службы, осознание профессионального долга перед обществом. Хроносистема аналогично уровню правовой идеологии позволяет посмотреть на динамику указанных индикаторов.

3. Уровень поведенческих элементов. Матричная модель позволяет дифференцировать правомерность поведения по направлениям: соблюдение дисциплины как уважение к профессии (микросистема), соблюдение дисциплины в микрогруппе (мезосистема), активность в административно-управленческих процессах структуры МВД России (экзосистема), специфика правоприменения при взаимодействии с гражданами (макросистема). Хроносистема здесь позволяет оценить как со временем трансформируется стиль правомерного поведения – от формального следования инструкции до уровня мастерства или, наоборот, до профессиональной деформации и отчуждения.

На каждом из представленных подуровней решается конкретная задача, дается ответ на конкретный вопрос (см. таблицу 2). Представленная матричная структура позволяет создать карту областей правосознания сотрудника ОВД, выявляя те зоны, в которых оно не сформировалось или имеет проблемы, и те, которые сформированы адекватно. Кроме этого, она помогает выявить причины разрывов в правосознании, например, когда у индивида ценностные установки не совпадают с нормативным поведением на работе, мы можем констатировать разрыв между микро-когнитивным и экзо-поведенческим уровнями, что приводит к деструкции правосознания.

Таблица 2

Характеристика подуровней профессиональной идентичности

Table 2

Characteristics of professional identity sub-levels

Уровни анализа	Когнитивно-смысловой компонент (правовая идеология)	Эмоционально-волевой компонент (правовая психология)	Деятельностный компонент (реализация правового статуса)
Уровень 1. Микросистема (индивидуально-правовой)	Знание и понимание содержания правового статуса, должностных полномочий и ограничений	Глубина интериоризации (принятия) норм присяги; осознание правового долга как личностного смысла службы	Добросовестность исполнения обязанностей; соблюдение законности в ситуациях отсутствия контроля
Уровень 2. Мезосистема (групповой /коллективный)	Осознание профессионально-правовых традиций и неписанных стандартов поведения в подразделении (коллективе)	Уровень доверия к коллегам, чувство солидарности в вопросах защиты законных интересов службы	Соблюдение этики делового общения; готовность к пресечению противоправных действий внутри коллектива
Уровень 3. Экзосистема (ведомственный)	Оценка адекватности организации служебной деятельности (рациональность режима, обеспеченность, нагрузка) и исполнимости ведомственных нормативных актов	Доверие к институту министерства внутренних дел; лояльность системе управления и руководству ведомства; ощущение защищенности со стороны ведомства	Дисциплина, активность в реализации управленческих решений
Уровень 4. Макросистема (государственно-социальный)	Понимание роли ОВД в механизме правового государства; восприятие образа полиции в обществе	Государственный патриотизм; чувство ответственности перед народом как источником власти	Культура правового взаимодействия с гражданами; поведение сотрудника как представителя власти вне службы

Окончание таблицы 1

Уровни анализа	Когнитивно-смысловой компонент (правовая идеология)	Эмоционально-волевой компонент (правовая психология)	Деятельностный компонент (реализация правового статуса)
Уровень 5. Хроносистема (динамический /временной)	Ретроспективная оценка эволюции правовых взглядов и ценностей в процессе прохождения службы	Устойчивость к факторам профессиональной деформации правосознания; профилактика правового цинизма	Трансформация качества принимаемых решений и действий; переход к наставнической деятельности

С практической точки зрения для разработанную экосистемную матрицу (5 × 3) мы предлагаем использовать как инструмент выявления межуровневых диссонансов, которые ведут к деформации правосознания сотрудника ОВД. К примеру, когнитивный компонент на ведомственном уровне (экзосистема) включает в себя рациональную оценку сотрудником качества организации служебных процессов. Несоответствие между нормативно установленными гарантиями и реальной организацией повседневной деятельности (дефицит времени, материальная необеспеченность) формирует когнитивный диссонанс, разрушающий профессионально-правовую идентичность и деформирующий правосознание индивида, и в конечном счете создает угрозы кадровой безопасности. Еще один пример – проблема «ведомственной замкнутости», когда сотрудник высоко оценивает уровень организации службы (экзосистема) – достойная зарплата, порядок и прочее, но на макроуровне он чувствует дискомфорт из-за критики со стороны общества. Это может привести к развитию правового цинизма, к деформации правосознания и в конечном счете к увольнению из системы.

С помощью разработанной матрицы мы можем описать проблему профессионального выгорания как несоответствие когнитивно-смысловых компонентов индивидуального уровня (микросистема) и уровня организации (мезосистема). Когда организация процесса не соответствует или, в крайнем случае, противоречит ценностям службы, интериоризованным на индивидуальном уровне, сотрудник перестает идентифицировать себя с системой и начинает искать пути выхода из нее.

Таким образом, разработанная методология позволяет уйти от упрощенного понимания кадровых проблем системы МВД России как исключительно финансовых. Модель доказывает, что ключевой управленческий риск лежит в плоскости деформации внутренних регуляторов деятельности, которые включают в себя совокупность пяти основных подсистем (микро-, мезо-, экзо-, макро-, хроно-). Следовательно, стратегическим приоритетом становится взвешенное системное воздействие на все подсистемы. Не снижая значимости материально-технического наполнения профессиональной деятельности сотрудников ОВД, стоит отметить, что именно правосознание и профессионально-правовая идентичность выступают стержнем кадровой безопасности системы МВД России и смысловым регулятором деятельности сотрудников.

Практическая ценность предлагаемой экосистемной матрицы (5 × 3) заключается в возможности ее использования как диагностического инструмента профессионально-правовой идентичности сотрудников ОВД. Целью такой диагностики является дифференцированный анализ устойчивости сотрудника к системе МВД России, его верности профессии. Это позволит прогнозировать риски оттока кадров и разработать стратегию адресного управленческого воздействия на те уровни экосистемы, которые в данный момент являются дефицитными. С помощью разработанной модели можно: выявлять риски профессиональной деформации (своевременным анализом «проблемного» участка правосознания и идентичности); оптимизировать ротацию и кадровый резерв (оценить каждую подсистему кандидата и его готовность с требованиями новой должности); проводить профилактику оттока кадров путем выявления системных сбоев работы ведомства на экзосистемном и макроуровне (за счет обоснованного и взвешенного формирования положительного образа сотрудника правоохранительной системы).

Преимущество предложенной матричной модели заключается в возможности фиксации межуровневых диссонансов правосознания с целью минимизации указанных рисков и сохранения кадровой безопасности системы МВД России.

3 заключение

Научная новизна работы заключается в авторском рассмотрении классической структуры профессионального правосознания сотрудников ОВД через призму системно-экологического подхода. Автором проведена параллель между традиционными элементами правосознания (правовая идеология, правовая психология, поведенческие элементы) и психологическими компонентами профессиональной идентичности (когнитивный, ценностно-волевой, поведенческий)⁶. Это позволило рассматривать правовую идеологию не как абстрактный набор идей, а как личностно значимый когнитивно-смысловой каркас сотрудника.

В структуре обосновано, что переход от правовой идеологии (знаний и идей) к правомерному поведению осуществляется через механизм профессионально-правовой идентичности. Именно идентичность выступает тем «фильтром», который превращает внешние идеологические установки государства во внутренние волевые импульсы личности. При этом профессионально-правовая идентичность рассматривается нами как центростремительная сила правосознания. Именно она, с нашей точки зрения, является центральным звеном правовой психологии, придающим правосознанию сотрудника ОВД целостность и целевую направленность. Если профессионально-правовая идентичность сформирована, то сотруднику не нужен внешний контроль, чтобы соблюдать закон, потому что нарушение закона для него – это разрушение «я-профессионального». Если же идентичность не сформирована или в ней имеются существенные противоречия, то поведение становится ситуативным.

Детализация правосознания по пяти уровням обеспечивает объемное видение правосознания сотрудника: от его личных убеждений до восприятия им ведомственной среды и государственной политики в целом. Включение в матрицу параметров организации службы (мезосреды) доказывает, что кадровая безопасность – это двусторонний процесс, т. е. состояние правосознания сотрудника напрямую коррелирует с качеством административно-правового регулирования внутри ведомства.

Список источников

1. Алменбетова Г. Ж. Кадровая политика органов внутренних дел на современном этапе: понятие, содержание, принципы // International Law Journal. 2022. Т. 5, № 2. С. 150–154.
2. Кушкова А. А., Ашурилов С. М. Современные проблемы совершенствования кадрового потенциала органов внутренних дел // Естественно-гуманитарные исследования. 2025. № 3 (59). С. 267–269.
3. Реуф В. М., Сальников С. П. Правосознание как функция и функции правосознания // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. 2009. № 12. С. 50–57.
4. Фиолевский Д. П., Еропутов К. А. От научной теории правосознания до реалий правового бытия // Евразийский союз ученых. 2018. № 3–3 (48). С. 66–71.
5. Епифанов А. Е., Мохов А. Ю. Стадии деформации профессионального правосознания сотрудников правоохранительных органов (на примере правосознания следователя) // Право и практика. 2021. № 4. С. 30–35. <https://doi.org/10.24412/2411-2275-2021-4-30-35>
6. Инкижекова М. С. Профессионально-правовая идентичность как концепт и юридический феномен // Философия права. 2020. № 4 (95). С. 47–53.
7. Исаева Н. В. Правовая идентичность как категория права и теоретико-правового анализа. Москва : Юрлитинформ, 2014. 360 с.
8. Исаева Н. В. Правовая идентичность личности: к постановке проблемы // Право и государство: теория и практика. 2011. № 2 (74). С. 16–20.
9. Саукова-Сальникова Е. К. Формирование профессиональной идентичности у сотрудников оперативных подразделений системы МВД РФ // Психология человека и общества. 2025. № 5 (81). С. 88–92.
10. Разгуляева Т. А. Профессиональная идентификация сотрудников полиции при их выходе на пенсию // Этносоциум и межнациональная культура. 2025. № 2 (200). С. 40–50.
11. Жуков В. М. Задачи образовательного процесса по развитию профессиональной идентичности курсантов // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2020. Т. 25, № 1 (80). С. 71–77. <https://doi.org/10.24411/1999-6241-2020-11011>
12. Иванова А. М. Организационная приверженность и профессиональная идентичность сотрудников полиции // Человеческий капитал. 2025. № 8 (200). С. 191–201. <https://doi.org/10.25629/НС.2025.08.17>
13. Резников Е. В. Правовая идентичность личности: от теоретических основ формирования и развития к профессиональной идентичности судьи : монография . Москва : Юрлитинформ, 2015. 248 с.
14. Брезгина О. В., Василькова Е. В. Кризис идентичности как механизм развития и приобретения новой идентичности // Образование и наука: вопросы теории и практики. 2015. № 1. С. 16–21.
15. Bronfenbrenner U. The ecology of human development: Experiments by nature and design. Cambridge, MA : Harvard University Press, 1979. 330 p.
16. Емельянова С. В., Стрельникова Ю. Ю. Профессиональная идентичность: анализ работ зарубежных исследователей / Актуальные проблемы психологии правоохранительной деятельности: концепции, подходы, технологии (Васильевские чтения – 2018) : материалы международной научно-практической конференции, г. Санкт-Петербург, 29–30 марта 2018 г. / под ред.: Ю. А. Шаранова, В. А. Шаповала ; сост. М. А. Кутырёв. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2018. С. 123–128.

⁶ Шнейдер Л. Б. Профессиональная идентичность: структура, генезис и условия становления : дис. ... д-ра психол. наук. Москва, 2001. 327 с.

References

1. Almenbetova G. Zh. Kadrovaya politika organov vnutrennih del na sovremennom etape: ponyatie, sodержanie, principy // International Law Journal. 2022. T. 5, № 2. S. 150–154.
2. Kushkhova A. A., Ashurilaev S. M. Sovremennye problemy sovershenstvovaniya kadrovogo potentsiala organov vnutrennih del // Estestvenno-gumanitarnye issledovaniya. 2025. № 3 (59). S. 267–269.
3. Reuf V. M., Sal'nikov S. P. Pravosoznanie kak funkciya i funkci pravosoznaniya // Vestnik Akademii ekonomicheskoy bezopasnosti MVD Rossii. 2009. № 12. S. 50–57.
4. Fiolevskij D. P., Eroputov K. A. Ot nauchnoj teorii pravosoznaniya do realij pravovogo bytiya // Evrazijskij soyuz uchenykh. 2018. № 3–3 (48). S. 66–71.
5. Epifanov A. E., Mohov A. Yu. Stadii deformacii professional'nogo pravosoznaniya sotrudnikov pravoohranitel'nykh organov (na primere pravosoznaniya sledovatelya) // Pravo i praktika. 2021. № 4. S. 30–35. <https://doi.org/10.24412/2411-2275-2021-4-30-35>
6. Inkizhekova M. S. Professional'no-pravovaya identichnost' kak koncept i yuridicheskij fenomen // Filosofiya prava. 2020. № 4 (95). S. 47–53.
7. Isaeva N. V. Pravovaya identichnost' kak kategoriya prava i teoretiko-pravovogo analiza. Moskva : Yurlitinform, 2014. 360 s.
8. Isaeva N. V. Pravovaya identichnost' lichnosti: k postanovke problemy // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. 2011. № 2 (74). S. 16–20.
9. Saukova-Sal'nikova E. K. Formirovanie professional'noj identichnosti u sotrudnikov operativnykh podrazdelenij sistemy MVD RF // Psihologiya cheloveka i obshchestva. 2025. № 5 (81). S. 88–92.
10. Razgulyaeva T. A. Professional'naya identifikaciya sotrudnikov policii pri ih vyhode na pensiyu // Etnosocium i mezhnacional'naya kul'tura. 2025. № 2 (200). S. 40–50.
11. Zhukov V. M. Zadachi obrazovatel'nogo processa po razvitiyu professional'noj identichnosti kursantov // Psihopedagogika v pravoohranitel'nykh organah. 2020. T. 25, № 1 (80). S. 71–77. <https://doi.org/10.24411/1999-6241-2020-11011>
12. Ivanova A. M. Organizacionnaya priverzhennost' i professional'naya identichnost' sotrudnikov policii // Chelovecheskij kapital. 2025. № 8 (200). S. 191–201. <https://doi.org/10.25629/HC.2025.08.17>
13. Reznikov E. V. Pravovaya identichnost' lichnosti: ot teoreticheskikh osnov formirovaniya i razvitiya k professional'noj identichnosti sud'i : monografiya . Moskva : Yurlitinform, 2015. 248 s.
14. Brezgina O. V., Vasil'kova E. V. Krizis identichnosti kak mekhanizm razvitiya i priobreteniya novoj identichnosti // Obrazovanie i nauka: voprosy teorii i praktiki. 2015. № 1. S. 16–21.
15. Bronfenbrenner U. The ecology of human development: Experiments by nature and design. Cambridge, MA : Harvard University Press, 1979. 330 p.
16. Emel'yanova S. V., Strel'nikova Yu. Yu. Professional'naya identichnost': analiz rabot zarubezhnykh issledovatelej / Aktual'nye problemy psihologii pravoohranitel'noj deyatel'nosti: koncepcii, podhody, tekhnologii (Vasil'evskie chteniya – 2018) : materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, g. Sankt-Peterburg, 29–30 marta 2018 g. / pod red.: Yu. A. Sharanova, V. A. Shapovalova ; sost. M. A. Kutiryov. Sankt-Peterburg : Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii, 2018. S. 123–128.

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

CIVIL LAW SCIENCES

Научная статья
УДК 347.2

Цель изъятия имущества как критерий дифференциации способов и оснований принудительного прекращения права собственности

Жаныбек Назаркулович Назаркулов, адъюнкт

Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя
Москва (117437, ул. Академика Волгина, д. 12), Российская Федерация
mr.nazarkulov@mail.ru
<https://orcid.org/0009-0008-1114-9157>

Аннотация:

Введение. Принудительное прекращение права собственности традиционно рассматривается как исключение из основополагающего принципа неприкосновенности собственности. В доктрине все еще сохраняется дискуссия о соотношении «оснований» и «способов» принудительного прекращения права собственности, поскольку гражданское законодательство не оперирует термином «способ прекращения права собственности», закрепляя основания прекращения права собственности. В современных условиях основанием принудительного прекращения права собственности является не только формальная определенность таких случаев законом, но и четко установленная цель изъятия имущества, позволяющая оценить целесообразность и необходимость выбранного способа прекращения.

Методы. В основе исследования лежит применение формально-юридического метода, методов системно-структурного анализа и сравнительно-доктринального анализа. Основным методом исследования является формально-юридический метод, который позволил исследовать понятийно-категориальный аппарат оснований и способов принудительного прекращения права собственности, провести анализ соответствующих норм, закрепляющих изъятие имущества. С помощью метода системно-структурного анализа выделены основные способы принудительного прекращения права собственности, осуществлена классификация целей изъятия имущества.

Результаты. При исследовании механизма принудительного прекращения права собственности обосновано, что именно цель изъятия имущества является критерием допустимости ограничения (прекращения) права собственности, выбора необходимого и строго обусловленного этими целями способа прекращения права собственности (принудительное изъятие имущества, продажа имущества, выплата компенсации) и объема гарантий.

Ключевые слова:

право собственности, изъятие имущества, способы прекращения права собственности, основания прекращения права собственности, государственные нужды, публичный интерес, интересы общества

Для цитирования:

Назаркулов Ж. Н. Цель изъятия имущества как критерий дифференциации способов и оснований принудительного прекращения права собственности // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2026. № 2 (110). С. 86–94.

Статья поступила в редакцию 24.12.2025;
одобрена после рецензирования 18.03.2026;
принята к публикации 25.06.2026.

Original article

The purpose of property seizure as a differentiation criterion in the means and grounds for compulsory termination of property rights

Zhanybek N. Nazarkulov, Postgraduate

Moscow University of the MIA of Russia named after V. Ya. Kikot
12, Academician Volgina str., Moscow, 117437, Russian Federation
mr.nazarkulov@mail.ru
<https://orcid.org/0009-0008-1114-9157>

Abstract:

Introduction. Compulsory termination of ownership's rights has traditionally been viewed as an exception from the fundamental principle of property inviolability. The debate in the doctrine about the relationship between "grounds" and "methods" of compulsory termination of ownership is kept, because civil law does not employ the term "mode of termination", providing the grounds for this termination. In modern circumstances, the basis for compulsory termination of ownership is not only the formal definiteness of such cases by law, but also a clearly established purpose of property seizure, that makes it possible to assess the appropriateness and necessity of the chosen method of termination. **Methods.** The research is based on the application of a formal-legal method, systems-structural analysis methods and comparative doctrinal analysis. The main method of research is a formal-legal method, which allowed to explore the conceptual and categorical apparatus of grounds and ways of coercive termination of ownership, to conduct an analysis of the relevant norms that provide the property seizure. With the help of the system-structural analysis method, the main methods of coercive termination of property right were identified and the purposes of property seizure were classified. **Results.** While studying the mechanism of compulsory termination of ownership, it is justified that the purpose of property seizure is the criterion for the permissibility of ownership restriction (termination), choosing the necessary and strictly conditioned by these purposes method of terminating the right of ownership (compulsory property seizure, sale of property, compensation payment) and guarantee amount.

Keywords:

property right, seizure of property, methods of termination of property right, grounds for termination of property right, state needs, public interest, interests of society

For citation:

Nazarkulov Zh. N. The purpose of property seizure as a differentiation criterion in the means and grounds for compulsory termination of property rights // Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia. 2026. № 2 (110). P. 86–94.

The article was submitted December 24, 2025;
approved after reviewing March 18, 2026;
accepted for publication June 25, 2026.

Введение

Проблематика принудительного прекращения права собственности обусловлена сочетанием в данном институте частноправовых и публично-правовых начал. С одной стороны, собственность является основой имущественной самостоятельности физических и юридических лиц, что предполагает устойчивость гражданского оборота. С другой стороны, правопорядок допускает исключительные случаи, когда собственник может быть лишен своего имущества для обеспечения таких охраняемых законом ценностей, как государственные нужды, интересы общества (общественные интересы), безопасность государства, охрана культурного наследия и окружающей среды, а также обеспечения частных интересов, включая кредиторов, собственников, соседей.

На конституционном уровне предусмотрен запрет принудительного прекращения права собственности иначе как по решению суда и допускается только для государственных нужд (ч. 3 ст. 35 Конституции Российской Федерации¹). В Гражданском кодексе Российской Федерации² (далее – ГК РФ) уточняется, что изъятие имущества осуществляется не только для государственных, но и муниципальных нужд (ст. 279), при этом официального определения понятия «государственные и муниципальные нужды» законодательство не содержит.

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации (pravo.gov.ru) : [сайт]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202210060013> (дата обращения: 29.06.2025).

² Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). 1994. № 32. Ст. 3301.

Анализ российской судебной практики показывает, что, несмотря на использование законодателем указанной терминологии, суды более широко понимают государственные или муниципальные нужды, отождествляя их с интересами самого общества [1].

Основные законы других государств закрепляют положения о возможности изъятия имущества у собственника при наступлении иных определенных законом обстоятельств. При этом некоторые страны используют общие формулировки, такие как «в интересах общества», «для общего блага», «в целях общественной необходимости» [2]. В Конституции Турецкой Республики³ закреплён целый раздел, посвящённый общественным интересам, среди которых интересы, связанные с: использованием зоны побережья; земельной собственностью; защитой сельского хозяйства и животноводства, а также лиц, занятых в этих сферах; конфискацией; национализацией [3]. В других странах установлен четкий перечень того, что может быть обоснованием изъятия имущества [1].

Соответственно в рамках исследования цели изъятия имущества при принудительном прекращении права собственности методологическое значение имеет установление соотношения таких разноуровневых юридических категорий, как «публичный интерес», «интересы общества» (общественные интересы) и «интересы государства» (государственные интересы).

Законодатель в нормативных актах использует понятие «интерес» с различной целью, обозначая как потребность субъекта, для удовлетворения которой он приобретает и осуществляет соответствующие субъективные права (п. 2 ст. 1 ГК РФ), а также как определенные ограничения субъективных прав других лиц (интересы общества) (ст. 242 ГК РФ). Кроме того, упоминаются также «государственные, общественные или иные публичные интересы» (ст. 152.1, 152.2, 168, 431.1 ГК РФ).

Применительно к принудительному изъятию имущества Конституционный суд Российской Федерации неоднократно указывал на то, что оно должно осуществляться в соответствии с публичными интересами, перечисленными в ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации, и с учетом требований справедливости, адекватности, пропорциональности и соразмерности⁴.

В цивилистической литературе понятие «публичный интерес» рассматривается как родовое, которое включает в себя общественные и государственные интересы, «где первые представляют интересы общества, его членов (преимущественно – интересы общества), а вторые – интересы государства, общества и частных лиц (преимущественно – интересы государства)» [4, с. 101]. Специалисты в сфере публичного права рассматривают публичные интересы как интересы государства, которые выражают интересы общества, а также государственной власти непосредственно [5]. В исследованиях встречается подход, в соответствии с которым публичные интересы нельзя отождествлять ни с государственным, ни с общественным интересами [6].

Наряду с указанным отмечается еще одна методологическая проблема, обусловленная тем, что ГК РФ не использует термин «способ прекращения права собственности», закрепляя основания принудительного прекращения права собственности в п. 2 ст. 235 и в ряде специальных норм. Указанное обстоятельство порождает научную дискуссию относительно определения способов принудительного прекращения права собственности, в т. ч. их соотношения с основаниями прекращения права собственности. Часть авторов фактически отождествляет основания со способами, перечисляя национализацию, реквизицию, конфискацию, выкуп культурных ценностей как способы прекращения права собственности [7]. Другие авторы предлагают различать основание как юридический факт (или состав) и способ как механизм реализации прекращения (выкуп, обращение взыскания на имущество должника, конфискация), подчеркивая, что каждому способу соответствует свое основание⁵.

³ Конституция Турецкой Республики // Великое национальное собрание Турции : [сайт]. URL: <https://global.tbmm.gov.tr/constitution> (дата обращения: 29.06.2025).

⁴ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Бородаева Александра Дмитриевича и Бородаева Алексея Александровича на нарушение их конституционных прав статьей 49, подпунктом 3 пункта 2 статьи 56.3, подпунктом 3 пункта 1 статьи 56.4 Земельного кодекса Российской Федерации и статьей 25.2 Закона Российской Федерации «О недрах» : определение Конституционного Суда Российской Федерации от 29 октября 2020 г. № 2501-О // Легалакт – законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации (ЮИС Легалакт) : [сайт]. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-29102020-n-2501-o/> (дата обращения: 29.06.2025) ; Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы сельскохозяйственного производственного кооператива «Красноармеец» на нарушение конституционных прав и свобод подпунктом 3 пункта 2 статьи 56.3, подпунктом 4 пункта 4 статьи 56.11 Земельного кодекса Российской Федерации, а также частью второй статьи 25.2 Закона Российской Федерации «О недрах» : определение Конституционного Суда Российской Федерации от 2 октября 2019 г. № 2619-О // ЮИС Легалакт : [сайт]. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-02102019-n-2619-o/> (дата обращения: 29.06.2025).

⁵ Спиркина А. Н. Обращение взыскания на имущество по обязательствам как основание прекращения права собственности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2003. С. 11 ; Бутаева Э. С. Прекращение права собственности помимо воли собственника : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2008. С. 7.

Цель настоящего исследования заключается в том, чтобы, во-первых, разграничить основания и способы принудительного прекращения права собственности, исходя из нормативной конструкции п. 2 ст. 235 ГК РФ; во-вторых, выделить и обосновать основные способы принудительного прекращения права собственности, учитывая, что в рамках установления методологических основ оценки значения тех или иных юридических фактов основополагающее значение имеет цель изъятия имущества.

Методы

Формально-юридический метод использован для анализа нормативных конструкций ГК РФ, закрепляющих возможности изъятия имущества. Метод системно-структурного анализа позволил установить связь между основаниями и способами принудительного прекращения права собственности. В исследовании под основанием прекращения права собственности понимается правопрекращающий юридический факт (их совокупность), который в силу требований законодательства является условием прекращения права собственности. Способ прекращения права собственности рассматривается непосредственно как механизм (порядок) прекращения такого права. Существенную роль сыграл сравнительно-доктринальный анализ научных позиций, в т. ч. о государственных нуждах, общественном интересе, как цели изъятия имущества.

Результаты

На законодательном уровне закреплено, что принудительное изъятие имущества у собственника не допускается, кроме случаев, когда по основаниям, предусмотренным законом, производятся: обращение взыскания на имущество по обязательствам; отчуждение имущества, которое не может принадлежать данному лицу; отчуждение недвижимости в связи с изъятием земельного участка в предусмотренных законом случаях; выкуп бесхозно содержимых культурных ценностей и домашних животных; реквизиция; конфискация; а также ряд иных случаев и специальные механизмы обращения имущества в доход Российской Федерации (п. 2 ст. 235 ГК РФ). Тем самым закон говорит именно об основаниях, т. е. о юридически значимых обстоятельствах и предусмотренных законом составах, а не о способах.

Анализ положений ГК РФ в качестве способов принудительного прекращения права собственности позволяет выделить следующие:

1) принудительное изъятие имущества – этот способ характерен для изъятия земельного участка для государственных (муниципальных) нужд, отчуждения недвижимого имущества в связи с изъятием земельного участка для государственных (муниципальных) нужд; изъятия земельного участка, который не используется по целевому назначению или используется с нарушением законодательства; выкупа бесхозно содержимых культурных ценностей, домашних животных при ненадлежащем обращении с ними; изъятия имущества при обстоятельствах, носящих чрезвычайный характер (реквизиция); изъятия имущества в виде санкции за совершение преступления или иного правонарушения (конфискация); обращения в государственную собственность имущества, находящегося в собственности граждан и юридических лиц (национализация); обращения в доход государства имущества при отсутствии подтверждения законности его приобретения;

2) принудительная продажа имущества (включая публичные торги) – используется при обращении взыскания на имущество по обязательствам собственника; отчуждении имущества, которое не может принадлежать лицу в силу закона; отчуждении недвижимого имущества в связи с изъятием земельного участка, на котором оно находится; отчуждении объекта незавершенного строительства, расположенного на земельном участке, находящемся в государственной или муниципальной собственности, в связи с прекращением действия договора аренды такого земельного участка; выкупа бесхозно содержимых культурных ценностей; прекращении права собственности на бесхозно содержимое жилое помещение;

3) выплата компенсации – в случае принудительного прекращения права собственности на долю в общем имуществе.

Необходимо отметить, что относительно такого способа принудительного прекращения права собственности, как «выплата компенсации», в юридической доктрине существует дискуссия, обусловленная тем, что прекращение права собственности осуществляется не вследствие публичного интереса или совершения правонарушения, а в результате оценки «существенного интереса» в использовании общего имущества и незначительности доли [8, с. 55].

Подчеркивается, что принудительное прекращение права собственности на долю в общем имуществе соответствует интересам собственников лишь отчасти и нарушает основные начала гражданского права [8, с. 51].

Следует согласиться с У. Б. Филатовой в том, что такой способ принудительного прекращения права собственности может быть применим в случае, если «собственник злоупотребляет своим правом долевой собственности, чем нарушает субъективное право собственности других участников правоотношения» [8, с. 55]. В этом смысле цель прекращения права собственности на долю в общем имуществе должна быть определена как восстановление нормального режима осуществления общей собственности при невозможности иными средствами обеспечить баланс интересов. Дискуссионность этой цели требует применения принципа соразмерности и справедливой компенсации участнику долевой собственности, который утрачивает право на долю в общем имуществе. Компенсация здесь выступает центральным элементом конструкции, а не факультативной гарантией обеспечения неприкосновенности собственности. Именно поэтому в классификации способов принудительного прекращения собственности выплата компенсации выделяется как самостоятельный способ.

Таким образом, процесс изъятия имущества может быть схожим в разных способах принудительного прекращения права собственности, но их цель всегда будет различной.

В юридической литературе на протяжении последних десятилетий развивается тезис о том, что в качестве цели изъятия имущества должны быть закреплены не только государственные нужды, но и интересы общества (общественные интересы) как самостоятельная категория [9; 10]. Обосновывается это положение тем, что использование конструкции «государственные и муниципальные нужды» не отражает в полной мере всех тех целей, для которых может быть изъято имущество [11, с. 349], не всегда совпадает с действительными потребностями общества [12, с. 69].

Верховный Суд Российской Федерации, рассматривая толкование категории государственных или муниципальных нужд, признал, что они имеют в своей основе потребности публично-правового образования, удовлетворение которых направлено на достижение интересов общества (общественно полезных целей)⁶.

Следует согласиться с тем, что у государства нет и не может быть интересов, качественно отличающихся от общественных [13]. Е. В. Вавилин и В. А. Бабаков, исследуя особенности гражданско-правовой защиты интересов государства, подчеркивают, что «поскольку государство представляет собой институт, существующий за счет общества, постольку и выражать он должен интересы общества как некую результирующую разнонаправленных интересов различных сил» [14, с. 7]. В то же время государственный интерес может быть связан не только с общими потребностями. Государство участвует в гражданско-правовых отношениях, приобретает соответствующие права и обязанности и соответственно может защищать свои права и интересы (главы 5 и 6 ГК РФ). Участие в гражданских отношениях государства как субъекта гражданского права, как правило, основывается на единообразных принципах.

В сфере собственности, несмотря на то, что интерес государства заключается в достижении общего блага, ученые отмечают ошибочность вывода об исключительном положении государства как собственника, преследующего общий интерес, поскольку это может привести к ущемлению прав прочих собственников [15, с. 131]. По мнению В. Г. Голубцова, государство как самостоятельная политическая организация, осуществляющая функции публичной власти, действует в своих интересах, пусть даже и имеющих целью общественное благо [15, с. 154].

Считаем целесообразным выделение видов интересов в зависимости от носителя интереса – интересов физических лиц, юридических лиц, публично-правовых образований. В свою очередь в зависимости от режима реализации и степени значимости – публичных (публично-правовых) интересов и частных (частно-правовых) интересов.

Поэтому расширение цели изъятия имущества до «общественных интересов» требует точной определенности, поскольку в ином случае это может создать основу для юридического обоснования любого изъятия имущества, в т. ч. неправомерного. Научная и практическая задача состоит в том, чтобы для каждого основания принудительного прекращения собственности выявить и формализовать цель изъятия имущества, что позволит установить гарантии обеспечения неприкосновенности собственности.

Так, например, национализация в конструкции ГК РФ определяется как «обращение в государственную собственность имущества, находящегося в собственности граждан и юридических лиц, на основании закона с возмещением стоимости имущества и иных убытков в порядке,

⁶ Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2016) (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 13.04.2016) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2016. № 11, 12.

установленном ст. 306 ГК РФ» (абз. 3 п. 2 ст. 235 ГК РФ). О. А. Кузнецова справедливо полагает, что термин «обращение в государственную собственность» раскрывает юридическую судьбу изъятого имущества, а не сущность правоограничительного действия государства [16].

Отсутствие легального определения национализации и ее целей приводит к тому, что в доктрине цель национализации описывается также неоднозначно [17–19]. Традиционно ее связывают с государственными нуждами в широком смысле: перевод стратегически значимых объектов в государственную собственность, обеспечение контроля над системообразующими инфраструктурами, предотвращение угроз экономической безопасности. Современная научная дискуссия, особенно на фоне усложнения социально-экономических задач государства, все чаще приходит к выводу, что причинами национализации являются глобальные задачи, стоящие перед государством [20].

В отличие от других видов принудительного изъятия имущества, национализация затрагивает не отдельные объекты частной собственности, а конкретную отрасль национальной экономики, имеет стратегический характер. Именно поэтому оптимальным является законодательное закрепление цели национализации, связанной с защитой конституционно значимых публичных интересов в сфере безопасности и устойчивого социально-экономического развития.

В соответствии с законодательством реквизиция допускается «в случаях стихийных бедствий, аварий, эпидемий, эпизоотий и при иных обстоятельствах, носящих чрезвычайный характер» (п. 1 ст. 242 ГК РФ). Имущество может быть изъято у собственника «в интересах общества». Толкование указанных положений позволяет сделать вывод, что целью реквизиции является не приобретение имущества государством, а обеспечение возможности оперативно преодолеть чрезвычайную ситуацию и защитить общество от последствий угрозы. Следует согласиться с Е. Г. Семеновой, что основное различие между национализацией и реквизицией заключается в том, что для осуществления реквизиции требуется наличие обстоятельств, носящих чрезвычайный характер [9, с. 368], т. е. целью изъятия имущества является общественная необходимость. Именно поэтому преимущественным способом осуществления реквизиции является «принудительное изъятие» с обязательной выплатой стоимости имущества, а основное требование к процедуре – оперативность ее проведения при сохранении возможности судебного оспаривания стоимости изъятых имущества, а также возврата сохранившегося имущества.

Закон устанавливает, что собственник «вправе по своему усмотрению совершать в отношении принадлежащего ему имущества любые действия, не противоречащие законодательству и не нарушающие права и охраняемые законом интересы других лиц» (п. 2 ст. 209 ГК РФ). В некоторых случаях, когда это крайне важно для защиты интересов, законодатель предусматривает возможность применения к недобросовестному собственнику ряда специальных мер, к которым можно отнести и возможность принудительного прекращения права собственности. Речь идет, прежде всего, о прекращении права собственности на объекты недвижимости, которые используются с нарушением требований законодательства (ст. 239.1, 284, 285, ст. 287.7 ГК РФ), а также иные объекты гражданских прав (бесхозно содержимые культурные ценности, домашние животные при ненадлежащем обращении с ними) (ст. 240, 241 ГК РФ).

Так, допускается изъятие земельного участка, используемого с нарушением законодательства (ст. 284 ГК РФ). Цель изъятия имущества здесь состоит в обеспечении рационального землепользования и предотвращении неиспользования ресурсов в ущерб публичным интересам.

На законодательном уровне предусмотрен порядок прекращения права собственности на жилое помещение, если собственник «использует его не по назначению, систематически нарушает права и интересы соседей либо бесхозно содержит жилье, допуская его разрушение» (абз. 2 п. 1 ст. 287.7 ГК РФ). Целью изъятия здесь является не только защита прав третьих лиц (соседей), а в первую очередь обеспечение надлежащего использования жилья как социально значимого объекта.

Похожую конструкцию имеют нормы, допускающие изъятие бесхозно содержимых культурных ценностей (ст. 240 ГК РФ). Ценность таких объектов выходит за рамки интересов отдельного лица, поскольку затрагивает историческую, художественную, научную и культурную сферу общества. Характерно, что законодатель допускает альтернативу в способах принудительного прекращения права собственности на бесхозно содержимые культурные ценности (принудительное изъятие или продажа с публичных торгов). Указанная альтернативность демонстрирует, что основополагающим является не режим государственной собственности, а обеспечение сохранности культурной ценности в интересах общества.

Особое место среди оснований принудительного прекращения права собственности занимает выкуп домашних животных при ненадлежащем обращении с ними (ст. 241 ГК РФ). Животные в гражданском праве обладают особым правовым режимом, обусловленным их биологической

природой и этическим характером отношений человека и животного. Хотя эта конструкция законодателем описывается как «выкуп», данное основание представляет собой пример социально ориентированного ограничения права собственности, направленного на защиту нематериальных благ и общественной морали.

Таким образом, для рассматриваемых объектов (земельные участки, жилые помещения, культурные ценности, животные) цель изъятия может быть определена как защита прав и интересов других лиц и общества.

Особую группу оснований составляют конструкции прекращения права собственности, которые направлены не на защиту публичных интересов, а на прекращение нарушения прав и защиту интересов субъектов гражданских отношений (частных интересов) (обращение взыскания на имущество по обязательствам собственника (ст. 237 ГК РФ), принудительное прекращение права собственности на долю в имуществе (п. 4 ст. 252 ГК РФ)).

Современное развитие института принудительного прекращения права собственности характеризуется усилением его антикоррупционной и антитеррористической направленности. В этом контексте особого внимания заслуживают положения подп. 8 и 9 п. 2 ст. 235 ГК РФ, предусматривающие обращение в доход государства имущества, потенциально связанного коррупционной или террористической деятельностью, законность приобретения которого не подтверждена. Данные основания по своей цели отличаются от конфискации, поскольку могут применяться независимо от уголовного наказания и направлены в основном на восстановление публичного интереса и прежде всего безопасности государства [21, с. 44; 22].

В данном случае ключевое значение имеет позиция Конституционного Суда Российской Федерации, подтвердившего конституционность механизма обращения имущества в доход государства, принадлежащего государственному (муниципальному) служащему и перечисленным в законе членам его семьи, если оно приобретено на доходы, законность которых не подтверждена, как средства защиты конституционно значимых ценностей, при условии соблюдения установленных законом процедур и цели такого ограничения (прекращения) права собственности⁷.

3 заключение

Можно сделать вывод, что основополагающим при принудительном прекращении права собственности является законность изъятия имущества, которая должна быть определена четко установленной целью. Именно цель изъятия имущества должна служить критерием классификации оснований и одновременно критерием допустимости и целесообразности применяемого способа принудительного прекращения права собственности.

В качестве цели изъятия имущества целесообразно выделить:

1) реализации интересов общества (для изъятия для общественных и государственных (муниципальных) нужд; отчуждения недвижимого имущества в связи с изъятием земельного участка, на котором оно находится);

2) общественной необходимости (для реквизиции);

3) защиты публичных интересов в сфере безопасности и устойчивого социально-экономического развития (для национализации; изъятия незаконных доходов и имущества в связи с незаконным обогащением);

4) прекращения нарушения прав и защиты интересов других лиц и общества (для изъятия земельного участка, используемого не по целевому назначению, используемого с нарушением законодательства; изъятие объекта незавершенного строительства, расположенного на земельном участке, находящемся в государственной или муниципальной собственности, в связи с прекращением действия договора аренды такого земельного участка; отчуждения имущества, которое не может принадлежать лицу в силу закона; выкупа бесхозно содержимых культурных ценностей, животных, жилого помещения);

5) прекращения нарушения прав и защиты интересов субъектов гражданских отношений (для обращения взыскания на имущество по обязательствам собственника; принудительного прекращения права собственности на долю в имуществе);

6) санкции за совершение лицом преступления или иного правонарушения (для конфискации).

⁷ По делу о проверке конституционности подпункта 8 пункта 2 статьи 235 Гражданского кодекса Российской Федерации и статьи 17 Федерального закона «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» в связи с запросом Верховного суда Республики Башкортостан : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2016 г. № 26-П // СЗ РФ. 2016. № 50. Ст. 7169.

Список источников

1. Макин Р. Изъятие имущества для публичных нужд. Часть I: публично-правовые аспекты изъятия // Цивилистика. 2024. Т. 2, № 4. С. 3–59.
2. Щенникова Л. В. Система оснований прекращения (лишения) права собственности как необходимое условие эффективной реализации принципа неприкосновенности собственности // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2019. Вып. 44. С. 329–351. <https://doi.org/10.17072/1995-4190-2019-44-329-351>
3. Мальцев В. А. Виды интересов субъектов правоотношений в сферах обеспечения безопасности, закрепленные в конституционном законодательстве зарубежных стран // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2017. № 3 (30). С. 50–57.
4. Андреев Ю. Н. Интересы в современном российском праве: теория и практика : монография. Москва : Проспект, 2023. 496 с.
5. Шаров Д. В. Нормы объективного права как средство удовлетворения законных интересов // Вестник экономической безопасности. 2025. № 3. С. 174–177. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2025-3-174-177>
6. Андрианов В. М. К вопросу о соотношении личных, коллективных, общественных и публичных интересов в гражданском праве России // Журнал правовых и экономических исследований. 2023. № 2. С. 69–72. <https://doi.org/10.26163/GIEF.2023.60.14.010>
7. Афанасьева Е. Н. Реквизиция: гражданско-правовые проблемы / науч. ред. Р. П. Мананкова. Томск : Томский государственный университет, 2009. 176 с.
8. Филатова У. Б. Прекращение права общей долевой собственности на незначительную долю в праве собственности на жилое помещение: проблемы теории и правоприменения // Сибирский юридический вестник. 2013. № 2 (61). С. 49–55.
9. Семенова Е. Г. Правовое обеспечение защиты интересов лиц при принудительном прекращении права собственности: проблемы и перспективы совершенствования // Научные труды : Российская академия юридических наук. Москва : Юрист, 2025. С. 365–372.
10. Синицын С. А. Институт экспроприации иностранной собственности: de facto & de jure // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2023. № 3. С. 33–54.
11. Крассов О. И. Право частной собственности на землю. Москва : Юрист, 2000. 379 с.
12. Сыроедов Н. А. Возникновение права на землю // Государство и право. 2004. № 10. С. 65–72.
13. Девцкий Э. И. Публичный и частный интерес в правотворчестве: критерии ограничения // Пролог: журнал о праве. 2020. № 1 (25). С. 2–16.
14. Вавилин Е. В., Бабаков В. А. Гражданско-правовая защита интересов государства в реалиях цифровой трансформации общественных отношений : монография. Москва : Статут, 2025. 426 с.
15. Голубцов В. Г. Российская Федерация как субъект гражданского права. Москва : Статут, 2019. 272 с.
16. Кузнецова О. А., Степанов В. В. Межотраслевая правовая природа конфискации имущества // Журнал российского права. 2018. № 2 (254). С. 27–37. https://doi.org/10.12737/art_2018_2_3
17. Усатая Е. С. Национализация как способ прекращения права собственности // Государственная власть и местное самоуправление. 2025. № 12. С. 11–15. <https://doi.org/10.18572/1813-1247-2025-12-11-15>
18. Мазаев В. Д. Конституционализация национализации // Законодательство. 2024. № 4. С. 37–43. https://doi.org/10.58741/16818695_2024_4_37
19. Карпов М. Ю. Национализация: тенденции развития доктрины и законодательства // Lex Russica. 2016. № 5 (14). С. 133–146. <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2016.114.5.133-146>
20. Ситдикова Л. Б., Помазкова С. И., Еникеев И. С. Национализация как институт гражданского права // Юрист. 2023. № 2. С. 40–44. <https://doi.org/10.18572/1812-3929-2023-2-40-44>
21. Алтенгова О. Л. Гражданско-правовая конфискация как основание принудительного прекращения права собственности // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2016. № 2 (37). С. 44–48.
22. Потапова Л. А. Гражданско-правовой механизм изъятия объекта недвижимости у лиц, включенных в перечень причастных к экстремизму и терроризму // Правовые вопросы недвижимости. 2024. № 1. С. 5–9.

References

1. Makin R. Iz'yatiye imushchestva dlya publichnyh nuzhd. Chast' I: publichno-pravovye aspekty iz'yatiya // Civilistika. 2024. T. 2, № 4. S. 3–59.
2. Shchennikova L. V. Sistema osnovaniy prekrashcheniya (lisheniya) prava sobstvennosti kak neobhodimoe uslovie effektivnoy realizatsii principa neprikosnovennosti sobstvennosti // Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki. 2019. Vyp. 44. S. 329–351. <https://doi.org/10.17072/1995-4190-2019-44-329-351>
3. Mal'tsev V. A. Vidy interesov sub'ektov pravoотношений v sferah obespecheniya bezopasnosti, zakreplennye v konstitucionnom zakonodatel'stve zarubezhnyh stran // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo. 2017. № 3 (30). S. 50–57.
4. Andreev Yu. N. Interesy v sovremennom rossijskom prave: teoriya i praktika : monografiya. Moskva : Prospekt, 2023. 496 s.
5. Sharov D. V. Normy ob'ektivnogo prava kak sredstvo udovletvoreniya zakonnyh interesov // Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti. 2025. № 3. S. 174–177. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2025-3-174-177>
6. Andrianov V. M. K voprosu o sootnoshenii lichnyh, kollektivnyh, obshchestvennyh i publichnyh interesov v grazhdanskom prave Rossii // Zhurnal pravovyh i ekonomicheskikh issledovaniy. 2023. № 2. S. 69–72. <https://doi.org/10.26163/GIEF.2023.60.14.010>
7. Afanas'eva E. N. Rekviziitsiya: grazhdansko-pravovye problemy / nauch. red. R. P. Manankova. Tomsk : Tomskij gosudarstvennyj universitet, 2009. 176 s.
8. Filatova U. B. Prekrashchenie prava obshchej dolevoj sobstvennosti na neznachitel'nuyu dolyu v prave sobstvennosti na zhiloe pomeshchenie: problemy teorii i pravoprimereniya // Sibirskij yuridicheskij vestnik. 2013. № 2 (61). S. 49–55.
9. Semenova E. G. Pravovoe obespechenie zashchity interesov lic pri prinuditel'nom prekrashchenii prava sobstvennosti: problemy i perspektivy sovershenstvovaniya // Nauchnye trudy : Rossijskaya akademiya yuridicheskikh nauk. Moskva : Yurist, 2025. S. 365–372.
10. Sinicyan S. A. Institut ekspropriatsii inostrannoj sobstvennosti: de facto & de jure // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11: Pravo. 2023. № 3. S. 33–54.
11. Krassov O. I. Pravo chastnoj sobstvennosti na zemlyu. Moskva : Yurist, 2000. 379 s.

12. Syroedov N. A. Vozniknovenie prava na zemlyu // Gosudarstvo i pravo. 2004. № 10. S. 65–72.
13. Devickij E. I. Publichnyj i chastnyj interes v pravotvorchestve: kriterii otgranicheniya // Prolog: zhurnal o prave. 2020. № 1 (25). S. 2–16.
14. Vavilin E. V., Babakov V. A. Grazhdansko-pravovaya zashchita interesov gosudarstva v realiyah cifrovoj transformacii obshchestvennyh otnoshenij : monografiya. Moskva : Statut, 2025. 426 s.
15. Golubcov V. G. Rossijskaya Federaciya kak sub'ekt grazhdanskogo prava. Moskva : Statut, 2019. 272 s.
16. Kuznecova O. A., Stepanov V. V. Mezhotraslevaya pravovaya priroda konfiskacii imushchestva // Zhurnal rossijskogo prava. 2018. № 2 (254). S. 27–37. https://doi.org/10.12737/art_2018_2_3
17. Usataya E. S. Nacionalizaciya kak sposob prekrashcheniya prava sobstvennosti // Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie. 2025. № 12. S. 11–15. <https://doi.org/10.18572/1813-1247-2025-12-11-15>
18. Mazaev V. D. Konstitucionalizaciya nacionalizacii // Zakonodatel'stvo. 2024. № 4. S. 37–43. https://doi.org/10.58741/16818695_2024_4_37
19. Karpov M. Yu. Nacionalizaciya: tendencii razvitiya doktriny i zakonodatel'stva // Lex Russica. 2016. № 5 (14). S. 133–146. <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2016.114.5.133-146>
20. Sitdikova L. B., Pomazkova S. I., Enikeev I. S. Nacionalizaciya kak institut grazhdanskogo prava // Yurist. 2023. № 2. S. 40–44. <https://doi.org/10.18572/1812-3929-2023-2-40-44>
21. Altengova O. L. Grazhdansko-pravovaya konfiskaciya kak osnovanie prinuditel'nogo prekrashcheniya prava sobstvennosti // Vestnik Volgogradskoj akademii MVD Rossii. 2016. № 2 (37). S. 44–48.
22. Potapova L. A. Grazhdansko-pravovoj mekhanizm iz'yatiya ob'ekta nedvizhimosti u lic, vkluchennyh v perechen' prichastnyh k ekstremizmu i terrorizmu // Pravovye voprosy nedvizhimosti. 2024. № 1. S. 5–9.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

CRIMINAL LAW SCIENCES

Научная статья
УДК 343.2

О неоднозначном понимании общественной опасности преступного посягательства

Сергей Владимирович Векленко, доктор юридических наук, профессор

Калининградский филиал Санкт-Петербургского университета МВД России
Калининград (236006, ул. Генерала Галицкого, д. 30), Российская Федерация
veklenkosv@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-8625-8656>

Аннотация:

Введение. В соответствии с положениями ст. 2 действующего Уголовного кодекса Российской Федерации 1996 года (далее – УК РФ) под его охраной от преступных посягательств находятся «права и свободы человека и гражданина, собственность, общественный порядок и общественная безопасность, окружающая среда, конституционный строй Российской Федерации»¹. Вполне естественно, что краеугольным камнем современной уголовно-правовой теории является правильное определение понятия и основных признаков преступных посягательств. Закрепляя в статье 14 УК РФ понятие преступления, законодатель акцентирует внимание на таком обязательном к установлению признаке, как общественная опасность деяния, однако в настоящее время ни в законе, ни в уголовно-правовой теории не выработано единого подхода к пониманию данной правовой категории. **Методы.** Сущность общественной опасности и ее терминологическое определение были выявлены с помощью диалектического метода познания. В ходе научного поиска использовался метод системного анализа. Такие общенаучные методы, как синтез, индукция, обобщение и абстрагирование, составили методологическое ядро данного научного исследования. Контент-анализ доктринальных концепций, позиций и точек зрения позволил определить отличительные признаки видов общественной опасности. **Результаты.** В ходе изучения положений современного уголовного законодательства, их применения в деятельности судебно-следственных органов, концепций и позиций отечественной уголовно-правовой доктрины выявлены неоднозначные подходы к использованию в процессах криминализации и декриминализации, привлечения конкретных нарушителей закона к уголовной ответственности и, наконец, научного обоснования и формулирования самого понятия общественной

Ключевые слова:

уголовно-правовой запрет, общественная опасность, перспектива и ретроспектива, эффективность законотворчества и правоприменения

Для цитирования:

Векленко С. В. О неоднозначном понимании общественной опасности преступного посягательства // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2026. № 2 (110). С. 95–101.

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). 1996. № 25. Ст. 2954.

опасности преступления. Для повышения эффективности использования указанной правовой категории в борьбе с преступностью автором сформулировано собственное видение общественной опасности, которую следует рассматривать в зависимости от субъекта, осуществляющего ее оценку, в таких самостоятельных видах, как перспективная, реальная и ретроспективная.

Статья поступила в редакцию 28.08.2025;
одобрена после рецензирования 26.03.2026;
принята к публикации 25.06.2026.

Original article

On the ambiguous interpretation of the public danger of criminal encroachment

Sergey V. Veklenko, Doc. Sci. (Jurid.), Professor

Kaliningrad Branch of the Saint Petersburg University of the MIA of Russia
30, Generala Galitskogo str., Kaliningrad, 236006, Russian Federation
veklenkosv@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-8625-8656>

Abstract:

Introduction. In accordance with Article 2 of the current Criminal Code of the Russian Federation of 1996, it protects "the rights and freedoms of the individual and the citizen, property, public order and public safety, the environment, and the constitutional order of the Russian Federation" from criminal encroachment. It is only natural that the cornerstone of modern criminal law theory lies in the correct definition of the concept and key characteristics of criminal offences. By enshrining the concept of a crime in Article 14 of the Criminal Code of the Russian Federation, the legislator emphasises the public danger of the act as an essential element that must be established. At present, neither the law nor criminal law theory has developed a unified approach to understanding this legal category. **Methods.** The essence of public danger and its terminological definition were identified using the dialectical method of cognition. The method of systems analysis was employed during the course of the research. General scientific methods such as synthesis, induction, generalisation and abstraction formed the methodological core of this study. Content analysis of doctrinal concepts, positions and viewpoints made it possible to identify the distinctive features of types of public danger. **Results.** An examination of the provisions of modern criminal legislation, their application in the work of judicial and investigative authorities, and the concepts and positions of domestic criminal law doctrine has revealed inconsistent approaches to the processes of criminalisation and decriminalisation, the prosecution of specific offenders, and, finally, the scientific justification and formulation of the very concept of the social danger of a crime. In order to enhance the effectiveness of this legal concept in the fight against crime, the author has formulated his own conception of public danger, which should be considered – depending on the entity carrying out the assessment – in the following distinct categories: prospective, actual and retrospective.

Keywords:

criminal law prohibition, public danger, prospective and retroactive, effectiveness of law-making and law enforcement

For citation:

Veklenko S. V. On the ambiguous interpretation of the public danger of criminal encroachment // Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia. 2026. № 2 (110). P. 95–101.

The article was submitted August 28, 2025;
approved after reviewing March 26, 2026;
accepted for publication June 25, 2026.

Введение

Уголовное законодательство Российской Федерации термины, так или иначе относящиеся к понятию «общественная опасность», использует весьма активно, причем, как правило, в сочетании с другими словами, что не способствует их однозначному пониманию. Например, в части 2 статьи 2 Уголовного кодекса Российской Федерации¹ (далее – УК РФ) преступлениями признаются «опасные для личности, общества или государства деяния». Во многих статьях УК РФ (ст. 5, ч. 2 ст. 9, ст. 14, ч. 3 ст. 20, ч. 1 ст. 22, ч. 2–3 ст. 25, ч. 2–3 ст. 26, ст. 28, ч. 1 ст. 81) законодатель использует формулу «общественно опасные действия (бездействие) и наступившие общественно опасные последствия». Достаточно часто в законе закреплены такие категории, как «характер и степень общественной опасности» (ст. 6, 15, ч. 2 ст. 38, ч. 3 ст. 60, ч. 1.1 ст. 63, ч. 1 ст. 64, ч. 1 ст. 68 УК РФ). В части 2 статьи 21 УК РФ законодатель использует термин «общественно опасное деяние». В статье 23 УК РФ при определении уголовной ответственности лиц, совершивших преступление в состоянии опьянения, говорится о «потенциально опасных психоактивных веществах». Понятие «общественно опасное посягательство» закреплено при формулировании положений правомерности необходимой обороны (ст. 37 УК РФ), которое в свою очередь

¹ ЦЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

делится на посягательство, сопряженное с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия, и на посягательство, не сопряженное с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия. В статье 39 УК РФ при разъяснении условий правомерности данного обстоятельства, исключающего преступность деяния, используется словосочетание «опасность, непосредственно угрожающая личности и правам данного лица или иных лиц, охраняемым законом интересам общества или государства»². Даже при описании в ч. 1 ст. 75 УК РФ оснований освобождения от уголовной ответственности упоминается утрата лицом признака общественной опасности, а согласно положению ст. 80¹ УК РФ для того, чтобы освободить виновное лицо от уголовного наказания, правоприменителям необходимо установить, что «лицо или совершенное им преступление перестали быть общественно опасными»³.

Неопределенность в понимании сущности и содержания общественной опасности имеет место и в уголовно-правовой доктрине. Так, по мнению Е. Р. Азаряна, «любое противоправное деяние всегда в той или иной мере потенциально и (или) реально общественно опасно, т. е. способно причинить вред социально значимым ценностям и отношениям» [1, с. 24–25]. М. И. Ковалев вполне аргументированно предлагал искать общественную опасность за пределами уголовного права, в социальной действительности [2, с. 59]. Ю. И. Ляпунов, напротив, определял общественную опасность как «объективное антисоциальное состояние преступления, обусловленное всей совокупностью его отрицательных свойств и признаков и заключающееся в себе реальную возможность причинения вреда (ущерба) социалистическим общественным отношениям, поставленным под охрану закона»⁴. Взяв за основу диалектику Г. В. Ф. Гегеля⁵, А. И. Марцев пришел к выводу, что общественная опасность посягательства является сущностью любого преступления [3, с. 36]. С этим выводом, правда, не все ученые солидарны и порой подвергают его позицию не вполне обоснованной, на наш взгляд, критике [4, с. 42].

А. П. Козлов дает определение общественной опасности через «угрозу возникновения вреда или создание вреда существующим общественным отношениям» [5, с. 709]. По его мнению, об общественной опасности следует говорить как о категории объективной, потому что она «существует помимо сознания каждого члена общества, помимо государственной или судебной оценки, государство или суд лишь оценивают ... криминальную значимость общественной опасности» [5, с. 710].

Р. Р. Галиакбаров и Г. П. Новоселов предлагают определять общественную опасность как «основополагающий, материальный признак преступного деяния, который носит объективный характер и реально существует в действительности вне зависимости от того, познана эта опасность и подвергалась она чьей-либо оценке»⁶.

Ю. Е. Пудовочкин вполне обоснованно и аргументированно, на наш взгляд, считает, что деяние оценивается как опасное «на уровне законодателя при принятии решения о криминализации и на уровне правоприменителя при решении вопроса о выборе оптимальной формы реализации ответственности субъекта»⁷. При этом «законодатель и правоприменитель не наделяют деяние свойством общественной опасности, не создают общественно опасных деяний, они лишь закрепляют в своих решениях оцененный ими реально существующий уровень опасности этого деяния»⁸.

А. Э. Жалинский предлагал не смешивать уголовно-правовую оценку общественной опасности деяния, не получившего закрепления в законе, и общественной опасности преступления, которое должно было быть материально опасно еще до признания его законодателем [6, с. 336–339].

По мнению большинства ученых, «именно общественная опасность выступает в роли признака, позволяющего отграничить преступления от иных правонарушений: административные правонарушения, гражданско-правовые деликты являются вредными для общества или конкретного лица, асоциальными, но не общественно опасными» [7, с. 47].

² СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

³ Там же.

⁴ Ляпунов Ю. И. Общественная опасность деяния как универсальная категория советского уголовного права : учебное пособие. Москва : Издательство ВЮЗШ, 1989. С. 39.

⁵ Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук : в 3 т. / отв. ред. Е. П. Ситковский. Москва : Мысль, 1974. Т. 1. С. 128.

⁶ Уголовное право России. Общая часть : учебник / отв. ред. Л. Л. Кругликов. 3-е изд., перераб. и доп. Москва : Проспект, 2013. С. 92.

⁷ Пудовочкин Ю. Е. Оценка судом общественной опасности преступления : научно-практическое пособие. Москва : Российский государственный университет правосудия, 2019. С. 7.

⁸ Пудовочкин Ю. Е. Учение о преступлении : избранные лекции. Москва : Юрлитинформ, 2008. С. 22–23.

Заслуживает внимания и позиция авторов, которые предлагают считать общественную опасность «сущностным ориентиром межотраслевой правовой дифференциации, свойством, которое выделяет преступления и потенциально уголовные проступки среди иных правонарушений, подчеркивает их качественное своеобразие, придает самостоятельность уголовному праву как отрасли права» [8, с. 209].

Методы

Для правильного понимания сущностных характеристик общественной опасности и ее терминологического определения был использован диалектический метод познания. Являясь одним из основных критериев криминализации, общественная опасность непосредственно связана с экономическими, политическими, социальными и другими процессами, динамично протекающими в жизни современного общества и отражающими уровень его развития. В ходе научного поиска использовался метод системного анализа, который позволил рассмотреть общественную опасность с позиций законодателя, правоприменителя, правонарушителя и лица, находящегося в опасном для его жизненно важных интересов состоянии. Такие общенаучные методы, как синтез, индукция, обобщение и абстрагирование, составили методологическое ядро данного научного исследования. Контент-анализ доктринальных концепций, позиций и точек зрения позволил определить отличительные признаки видов общественной опасности.

Результаты

Термин «опасность» в толковом словаре русского языка определен как «возможность, угроза чего-либо очень плохого, какого-либо несчастья»⁹. Ключевыми словами в данном определении представляются «возможность» и «угроза», которые направлены в будущее, к прогнозируемым и еще не ставшими настоящими событиям или явлениям.

С пониманием общественной опасности как возможности или способности причинять вред согласны многие ученые. Так, по мнению В. В. Мальцева, общественная опасность преступления является «существенным социальным свойством, выражающимся в направленности общественно опасного деяния на причинение значимого для уголовного законодательства вреда охраняемым им общественным отношениям» [9, с. 185]. А. В. Наумов считает, что «причинение существенного вреда интересам личности и общества, по сути дела, есть синоним признака общественной опасности деяния, его расшифровка (едва ли не безупречная)»¹⁰. По мнению Н. А. Лопашенко и коллектива ее соавторов, общественную опасность следует понимать как «возможность негативных изменений в обществе или общества, возможность негативных последствий, вреда, причиняемых обществу, или же, наоборот, как продуцируемую обществом возможность негативных изменений в нем же или возможность негативных последствий для членов и нечленов общества, для государства, для природных объектов, для мира и безопасности человечества» [8, с. 128]. И. А. Солодков в ходе проведения диссертационного исследования общественной опасности преступления отмечает, что «кроме вреда общественная опасность включает в себя злонамеренность лица, его совершившего, то есть потенциальную возможность причинения нового вреда в будущем лицом, совершившим преступление»¹¹. В своем научном исследовании Н. Г. Иванов пришел к достаточно обоснованному и аргументированному выводу о том, что «основанием криминализации деяния может выступать только его общественная опасность, которая складывается из совокупности двух фундаментизирующих ее признаков – ценности объекта посягательства и вреда, ему причиняемого» [10, с. 69].

По мнению известного русского философа И. А. Ильина, юристы должны исследовать правовые категории с разных сторон: с одной стороны, закон как правило (форму), как отвлеченное понятие; с другой – жизненное явление, как предусмотренное, так и не предусмотренное этим правилом¹².

С точки зрения современной философии, опасность представляет собой возможность возрастания энтропии в системе, обладающей ценностью, которая способна реализовывать свое разрушительное воздействие на трех уровнях:

⁹ Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / под ред. С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой. Москва : АЗЪ, 1995. С. 444.

¹⁰ Наумов А. В. Российское уголовное право. Общая часть : курс лекций. Москва : БЕК, 1996. С. 157.

¹¹ Солодков И. А. Общественная опасность преступления и ее уголовно-правовое измерение : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2013. С. 12.

¹² Ильин И. А. Собрание сочинений : в 10 т. / сост., вступ. ст. и коммент. Ю. Т. Лисицы. Москва : Русская книга, 1994. Т. 4. С. 419.

- 1) деструктивном – исключающем сохранение данной системы в рамках ее качественной определенности;
- 2) дисфункциональном – исключающем ее функционирование и развитие;
- 3) стагнационном – исключающем развитие этой системы¹³.

Данный подход вполне применим, на наш взгляд, и к системе общественных отношений, находящихся под охраной уголовного законодательства: одни преступные посягательства (например, направленные на причинение смерти) способны безвозвратно разрывать социальные связи между субъектами этих отношений; другие (их перечень представляется наиболее объемным) создают угрозу нормальному функционированию охраняемых общественных отношений; третьи (например, в сфере экономической деятельности [11]) препятствуют развитию этих отношений.

С. И. Винокуров предлагает рассматривать внешнюю сторону общественной опасности как «множество взаимосвязанных между собой деструктивных элементов материального мира, отрицательно характеризующих состояние, динамику и перспективы развития конкретной жизненной ситуации», а внутреннюю сущностную сторону общественной опасности как «негативное свойство этих же элементов, создающую реальную угрозу либо причинившее существенный вред охраняемым уголовным законом отношениям» [12, с. 47]. Мы согласны с позицией ученых, которые вполне обоснованно полагают, что если «уголовно-правовой запрет сформулирован таким образом, что распространяется и на деяния, не обладающие „криминальной общественной опасностью“, то он несовершенен, а легитимность его восполнения смыслами, лежащими за пределами состава, вызывает сомнение» [13, с. 82]. По мнению Н. Н. Артеменко, общественная опасность деяния, под которым следует понимать действие (бездействие) в совокупности с объектом и предметом посягательства, последствиями, способом и др., «характеризуется реальным причинением вреда, а опасность действия (бездействия) – способностью (угрозой) причинения вреда» [14, с. 117].

Законодатель, определяя необходимость криминализации тех или иных деяний, вынужден руководствоваться именно возможными, еще не наступившими, потенциальными угрозами причинения вреда интересам личности, общества или государства, т. е. презюмируемой или перспективной общественной опасностью действия или бездействия.

Однако опасность может быть не только гипотетической, но и вполне реальной, имеющей наибольшее распространение при совершении покушения на преступление. Именно поэтому мы согласны с мнением тех авторов, которые считают, что «основанием возникновения права на необходимую оборону, а в отдельных случаях и права на причинение вреда при задержании преступника или крайней необходимости, является наличная и действительная опасность причинения вреда конкретным государственным, общественным или индивидуальным интересам» [15, с. 242]. Более того, и преступник при подготовке и совершении преступления, как правило, оценивает не потенциальную или перспективную, а именно действительную, наличную опасность своего поведения. В данных случаях уместнее, на наш взгляд, вести речь о реальной общественной опасности.

И наконец, оценивая фактически наступивший вред от уже совершенного умышленного или неосторожного деяния, запрещенного уголовным законом под угрозой наказания, правоприменитель, опираясь на соответствующую доказательственную базу и воссоздавая произошедшее, вынужден обращать свой взгляд не вперед, а назад, к тем событиям, явлениям и последствиям, которые уже наступили. Соответственно, уместнее в данном случае вести речь не о перспективной или реальной, а о ретроспективной общественной опасности содеянного. В связи с этим нельзя не согласиться с выводом А. В. Иванчина: «Презумпция общественной опасности деяния, которое соответствует всем признакам состава, является опровержимой» [16, с. 221–222]. Фактическим основанием подобного опровержения будет явное несоответствие между тем объемом потенциальной вредоносности деяния, который был заложен законодателем в уголовно-правовой запрет при его формулировании, и установленными правоприменителем фактическими обстоятельствами дела. Юридическое основание опровержения общественной опасности сформулировано законодателем в ч. 2 ст. 14 УК РФ.

3 **Заключение**

Резюмируя вышеизложенное, общественную опасность преступного посягательства в уголовном праве, на наш взгляд, следует рассматривать в зависимости от субъекта, осуществляющего ее оценку, в трех самостоятельных видах:

¹³ Векленко П. В. Опасность : сущность, структура, онтологические смыслы : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Омск, 2006. С. 11–12.

1) с позиции законодателя, формулирующего уголовно-правовой запрет, такая опасность представляется потенциальной, презюмируемой или перспективной, т. к. направлена к будущим, еще не наступившим событиям и последствиям;

2) с позиций преступника, совершающего преступное посягательство, или законопослушного лица, находящегося в ситуации криминального конфликта в качестве потерпевшего или очевидца, правильнее вести речь о ситуационной или реальной общественной опасности совершаемого деяния;

3) с позиции правоприменителя, оценивающего фактические и юридические последствия совершенного нарушения уголовно-правового запрета, уместнее говорить об оценке ретроспективной общественной опасности.

Основным объективным критерием любого вида общественной опасности преступного посягательства, безусловно, является величина вреда – возможного, причиняемого или уже причиненного охраняемым уголовным законом отношениям. Однако без его субъективной оценки, о которой свидетельствуют многочисленные обозначенные выше законодательные формулировки, общественная опасность как правовое явление не существует. Указанный подход к объективно-субъективному содержанию общественной опасности подтверждается мнением практикующих юристов [8, с. 133].

Взяв за основу вывод Г. В. Ф. Гегеля о том, что явление не показывает ничего такого, чего не было бы в сущности, и в сущности нет ничего такого, что не являлось бы¹⁴, следует констатировать, что именно оценка величины вреда, наряду с потенциальным, причиняемым или уже причиненным вредом, характерна для всех разновидностей исследуемого явления и составляет сущностную основу общественной опасности преступного посягательства.

Список источников

1. Азарян Е. Р. Преступление. Наказание. Правопорядок : [монография]. Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2004. 227 с.
2. Ковалев М. И. Понятие преступления в советском уголовном праве. Свердловск : Издательство Уральского университета, 1987. 203 с.
3. Марцев А. И. Диалектика и вопросы теории уголовного права : монография. Красноярск : Издательство Красноярского университета, 1990. 128 с.
4. Семченков И. П. Признание общественной опасности конструктивным признаком понятия преступления методологически несостоятельно // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2019. № 1 (55). С. 41–44.
5. Козлов А. П. Понятие преступления : монография. Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2004. 817 с.
6. Жалинский А. Э. Уголовное право в ожидании перемен : теоретико-инструментальный анализ : монография. 2-е изд., перераб. и доп. Москва : Проспект, 2009. 400 с.
7. Епифанова Е. В. Общественная опасность как научная категория, законодательная дефиниция: история и современность : монография. Москва : Юрлитинформ, 2012. 146 с.
8. Общественная опасность преступления: понятие и критерии верификации / Лопашенко Н. А., Голикова А. В., Кобзева Е. В., Ковлагина Д. А. [и др.] // Правоприменение. 2020. Т. 4, № 4. С. 124–140. [https://doi.org/10.24147/2542-1514.2020.4\(4\).124-140](https://doi.org/10.24147/2542-1514.2020.4(4).124-140)
9. Мальцев В. В. Общественно опасное поведение в уголовном праве : монография. Москва : Юрлитинформ, 2014. 648 с.
10. Иванов Н. Г. Общественная опасность деяния как онтологическая основа криминализации : монография. Москва : Проспект, 2016. 80 с.
11. Переверзева Е. С., Плотников В. А. Проблемы противодействия теневой экономике и обеспечение социально-экономической безопасности // Экономическая политика и национальная безопасность. 2025. № 2 (2). С. 88–100.
12. Винокуров С. И. К вопросу об общественной опасности и иных парадоксах уголовно-правовой сферы // Российский следователь. 2024. № 9. С. 45–50. <https://doi.org/10.18572/1812-3783-2024-9-45-50>
13. Борков В. Н., Алгазин И. И. Учет характера и степени общественной опасности преступлений при квалификации преступлений // Алтайский юридический вестник. 2020. № 4 (32). С. 80–84.
14. Артеменко Н. Н. Общественная опасность как фактор, влияющий на изменение ответственности за преступления против собственности // Современное право. 2009. № 11. С. 117–120.
15. Милуков С. Ф., Никуленко А. В. Причинение вреда при задержании лица, совершившего общественно опасное деяние : монография / отв. ред. А. И. Коробеев. 2-е изд., перераб. и доп. Санкт-Петербург : Юридический центр, 2020. 768 с.
16. Иванчин А. В. О сущности состава преступления (в связи с учением А. И. Марцева и новейшими исследованиями омских ученых) / Актуальные проблемы учения о преступлении : тезисы докладов и сообщений международной научной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения А. И. Марцева, г. Омск, 28 февраля 2020 г. Омск : Омская академия МВД России, 2020. С. 219–224.

References

1. Azaryan E. R. Prestuplenie. Nakazanie. Pravoporyadok : [monografiya]. Sankt-Peterburg : Yuridicheskij centr Press, 2004. 227 s.
2. Kovalev M. I. Ponyatie prestupleniya v sovetskom ugolovnom prave. Sverdlovsk : Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, 1987. 203 s.

¹⁴ Гегель Г. В. Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 307.

3. Marcev A. I. Dialektika i voprosy teorii ugovnogo prava : monografiya. Krasnoyarsk : Izdatel'stvo Krasnoyarskogo universiteta, 1990. 128 s.
4. Semchenkov I. P. Priznanie obshchestvennoj opasnosti konstruktivnym priznakom ponyatiya prestupleniya metodologicheski nesostoyatel'no // Vestnik Kaliningradskogo filiala Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. 2019. № 1 (55). S. 41–44.
5. Kozlov A. P. Ponyatie prestupleniya : monografiya. Sankt-Peterburg : Yuridicheskij centr Press, 2004. 817 s.
6. Zhalinskij A. E. Ugolovnoe pravo v ozhidanii peremen : teoretiko-instrumental'nyj analiz : monografiya. 2-e izd., pererab. i dop. Moskva : Prospekt, 2009. 400 s.
7. Epifanova E. V. Obshchestvennaya opasnost' kak nauchnaya kategoriya, zakonodatel'naya definiciya: istoriya i sovremennost' : monografiya. Moskva : Yurlitinform, 2012. 146 s.
8. Obshchestvennaya opasnost' prestupleniya: ponyatie i kriterii verifikacii / Lopashenko N. A., Golikova A. V., Kobzeva E. V., Kovlagina D. A. [i dr.] // Pravoprimerenie. 2020. T. 4, № 4. S. 124–140. [https://doi.org/10.24147/2542-1514.2020.4\(4\).124-140](https://doi.org/10.24147/2542-1514.2020.4(4).124-140)
9. Mal'cev V. V. Obshchestvenno opasnoe povedenie v ugolovnom prave : monografiya. Moskva : Yurlitinform, 2014. 648 s.
10. Ivanov N. G. Obshchestvennaya opasnost' deyaniya kak ontologicheskaya osnova kriminalizacii : monografiya. Moskva : Prospekt, 2016. 80 s.
11. Pereverzeva E. S., Plotnikov V. A. Problemy protivodejstviya tenevoj ekonomike i obespechenie social'no-ekonomicheskoy bezopasnosti // Ekonomicheskaya politika i nacional'naya bezopasnost'. 2025. № 2 (2). S. 88–100.
12. Vinokurov S. I. K voprosu ob obshchestvennoj opasnosti i inyh paradokсах ugolovno-pravovoj sfery // Rossijskij sledovatel'. 2024. № 9. S. 45–50. <https://doi.org/10.18572/1812-3783-2024-9-45-50>
13. Borkov V. N., Algazin I. I. Uchet haraktera i stepeni obshchestvennoj opasnosti prestuplenij pri kvalifikacii prestuplenij // Altajskij yuridicheskij vestnik. 2020. № 4 (32). S. 80–84.
14. Artemenko N. N. Obshchestvennaya opasnost' kak faktor, vliyayushchij na izmenenie otvetstvennosti za prestupleniya protiv sobstvennosti // Sovremennoe pravo. 2009. № 11. S. 117–120.
15. Milyukov S. F., Nikulenko A. V. Prichinenie vreda pri zaderzhanii lica, sovershivshego obshchestvenno opasnoe deyanie : monografiya / otv. red. A. I. Korobeev. 2-e izd., pererab. i dop. Sankt-Peterburg : Yuridicheskij centr, 2020. 768 s.
16. Ivanchin A. V. O sushchnosti sostava prestupleniya (v svyazi s ucheniem A. I. Marceva i novejsimi issledovaniyami omskih uchenyh) / Aktual'nye problemy ucheniya o prestuplenii : tezisy dokladov i soobshchenij mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvyashchennoj 90-letiyu so dnya rozhdeniya A. I. Marceva, g. Omsk, 28 fevralya 2020 g. Omsk : Omskaya akademiya MVD Rossii, 2020. S. 219–224.

Научная статья
УДК 343.7

Дифференциация уголовной ответственности в зависимости от принадлежности предмета хищения

Евгений Игоревич Губарев, аспирант

Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург (199106, 22-я линия Васильевского острова, д. 7), Российская Федерация
gubareff1432@gmail.com
<https://orsid.org/0009-0005-4860-5783>

Аннотация:

Введение. Вопрос усовершенствования уголовного законодательства в сфере обеспечения уголовно-правовой охраны имущества в целях его адаптации к современному уровню развития общественных отношений в сфере права собственности тесно связан с возникшей правоприменительной практикой и количеством совершенных преступлений против собственности. На основании статистических данных Министерства внутренних дел Российской Федерации следует вывод, что за период с января по декабрь 2024 года из всего количества общественно опасных деяний более половины составляют имущественные преступления. Немалую часть из этого количества составляют хищения. Однако выявить количество совершенных преступлений, являющихся хищениями, предметом которых является государственное имущество, не представляется возможным ввиду отсутствия специальных уголовно-правовых норм, предусматривающих такой предмет. Научная новизна обуславливается предложенными в рамках статьи изменениями уголовного законодательства, предполагающими дифференциацию уголовной ответственности в зависимости от принадлежности предмета хищений. В отличие от отечественного исторического опыта предлагается закрепить квалифицированный состав преступления, предусматривающий уголовную ответственность за хищение государственного имущества, повлекшего за собой нарушение обороноспособности или безопасности населения и (или) государства. **Целью исследования** является выявление особенностей предмета хищений, анализ сложившейся судебной практики, решение вопроса целесообразности дифференциации уголовной ответственности в зависимости от принадлежности предмета хищения. **Методы.** В ходе исследования применены следующие методы: метод сравнительного анализа и синтеза, с помощью которого выявлены сходства и различия нормативных актов, регламентирующих правовую охрану имущества, метод абстрагирования, который позволил обозначить особенности предмета имущественных преступлений, содержание понятий, которые используются в современном уголовном законодательстве Российской Федерации, эмпирический метод, с помощью которого проведен анализ судебной практики по теме исследования, а также выявлены особенности предмета хищений. **Результаты.** Исследована сложившаяся судебная практика по привлечению к уголовной ответственности за совершение хищений государственного имущества, выявлены особенности предмета хищений, проанализированы характер и степень общественной опасности преступлений, предметом которых является государственное имущество.

Ключевые слова:

уголовно-правовая охрана имущества, предмет преступлений, общественная опасность, государственное имущество

Для цитирования:

Губарев Е. И. Дифференциация уголовной ответственности в зависимости от принадлежности предмета хищения // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2026. № 2 (110). С. 102–109.

Статья поступила в редакцию 18.11.2025;
одобрена после рецензирования 18.03.2026;
принята к публикации 25.06.2026.

Original article

Differentiation of criminal liability depending on the ownership of the stolen property

Evgeny I. Gubarev, Postgraduate

Saint-Petersburg State University
7, 22nd Line Vasilievsky Island, Saint Petersburg, 199106, Russian Federation
gubareff1432@gmail.com
<https://orsid.org/0009-0005-4860-5783>

© Губарев Е. И., 2026



Abstract:

Introduction. The issue of improving criminal legislation regarding the criminal protection of property through criminal law, to adapt it to the contemporary level of development of social relations in the field of property rights, is closely linked to the emerging law enforcement practices and the number of crimes committed against property. Based on statistical data from the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, it can be concluded that from January to December 2024, more than half of all socially dangerous acts were property crimes. A significant portion of this total consists of thefts. However, it is impossible to ascertain the number of crimes classified as thefts involving state property due to the absence of specific criminal law norms covering such property. The scientific novelty is determined by the proposed changes to criminal legislation within this article, suggesting a differentiation of criminal liability depending on the ownership of the stolen property. Unlike domestic historical experience, it is proposed to establish a qualified composition of the crime that provides for criminal liability for the theft of state property, which has led to a violation of the country's defence capability or public safety and/or the security of the state. **The aim of the research** is to identify the characteristics of the subject of thefts, to analyse established judicial practices, and to address the feasibility of differentiating criminal liability based on the ownership of the stolen property. **Methods.** The following methods were applied during the research: comparative analysis and synthesis, which revealed similarities and differences in the regulatory acts governing the legal protection of property; abstraction, which highlighted the characteristics of the subject of property crimes and the content of concepts used in modern criminal legislation of the Russian Federation; and empirical methods, which facilitated the analysis of judicial practices related to the research topic and identified the characteristics of the subject of thefts. **Results.** The established judicial practices regarding the prosecution for the theft of state property were explored, the characteristics of the subject matter of thefts were identified, and the nature and degree of the public danger of crimes involving state property were analysed.

Keywords:

criminal protection of property, subject matter of crimes, public danger, state property

For citation:

Gubarev T. I. Differentiation of criminal liability depending on the ownership of the stolen property // Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia. 2026. № 2 (110). P. 102–109.

The article was submitted November 18, 2025; approved after reviewing March 18, 2026; accepted for publication June 25, 2026.

Введение

Стремительное изменение экономических отношений, а также общественных отношений по поводу имущества влекут за собой уязвимость таких отношений.

Сложившаяся судебная практика приводит к выводу, что предметом преступлений против собственности может являться государственное имущество, которое изначально направлено на обеспечение безопасности населения и государства, а также обороноспособности страны. Однако деяние, предметом которого является государственное имущество, не является квалифицированным составом преступления. Иными словами, в уголовном законодательстве не предусматривается дифференциация уголовной ответственности в зависимости от принадлежности предмета.

В научном сообществе отмечается, что государственное имущество обладает особой спецификой и ценностью. Это связано с некоторыми факторами, к которым относится в т. ч. цель, для которой это имущество предназначено.

Одним из аргументов, который используется при решении вопроса дифференциации уголовной ответственности в зависимости от принадлежности предмета преступления, является возможное нарушение принципа равной защиты всех форм собственности, который закреплён в Конституции Российской Федерации¹.

Изменения, предложенные в рамках данного исследования, не предполагают привилегированного положения государственного имущества. Они направлены на обеспечение должной уголовно-правовой охраны, учитывая особую значимость и специфику общественных отношений по поводу такого имущества.

Методы

В ходе исследования применены следующие методы: метод сравнительного анализа и синтеза, с помощью которого выявлены сходство и различия нормативных актов, закрепляющих правовую охрану имущества. Применение данного метода позволило определить специфику общественных отношений по поводу государственного имущества и их значимость. В совокупности с методом сравнительного анализа и синтеза применены метод абстрагирования и эмпирический метод, что позволило выявить особенности отдельных нормативных положений, касающихся предмета имущественных преступлений, а также смоделировать практическое применение уголовного закона.

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изм., одобр. в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru): [сайт]. URL: <http://pravo.gov.ru/constitution/> (дата обращения: 27.12.2025).

Результаты

Ввиду значительного сходства понятийного аппарата, используемого законодателем в главе 21 УК РФ, с гражданско-правовой терминологией в области регулирования отношений собственности, а также иных имущественных прав и имущества в целом, а также понятиями, используемыми в Конституции Российской Федерации, следует обратиться к научной литературе, исследующей такие правоотношения.

В соответствии с положениями Конституции Российской Федерации каждая форма собственности регулируется совокупностью правовых норм, которые содержатся в различных отраслях права (гражданском, земельном, административном, уголовном и т. п.).

Роль Конституции Российской Федерации заключается не только в признании всех форм собственности, но и в обеспечении равной защиты, исходя из специфики их правового регулирования как основы конституционного строя Российской Федерации [1, с. 54].

Основу конституционного строя государства составляют в т. ч. многообразие способов хозяйствования, суверенитет государства, а конституционная сущность собственности заключается в признании частных и общественных сторон в развитии экономической системы общества [2].

Иными словами, на уровне Конституции Российской Федерации формируются наиболее общие положения, являющиеся фундаментальными для отношений, которые выступают объектом, но при этом в различных отраслях права отражается определенная специфика собственности, исходя из ее выражения (частная, публичная /государственная).

Многообразие форм собственности с характерными правами и гарантиями государства по обеспечению их защиты составляет экономическую основу конституционного строя [3].

В научной литературе по конституционному праву подчеркивается особая значимость государственной собственности, т. к. именно такая собственность является одним из основополагающих условий функционирования и развития экономики, повышения благосостояния граждан, обеспечения взятых на себя государством гарантий, обязанностей. Выделение публичной формы собственности на фоне частной является необходимым шагом для преодоления законодательной асимметрии. По своей сущности частная и публичная формы собственности не равны, т. к. государственная собственность является экономической основой любого государства, которая выполняет важные экономические, социальные и политические функции государства [4, с. 138].

В научной литературе делается акцент на особую ценность объектов государственной и муниципальной собственности. Часть ученых придерживается мнения, что для объектов государственной собственности характерны правовые особенности, касающиеся порядка управления и охраны публичной собственности, а также специальный правовой статус [5, с. 52–53].

Другие авторы придерживаются мнения, что придание особого статуса государственной собственности необходимо исключительно в целях обеспечения эффективного механизма ее защиты [6, с. 106].

Однако исследователи не отрицают особой значимости государственной собственности, особый характер которой выражается в двух основополагающих качествах, а именно:

1) ресурс, с помощью которого органы государственной власти осуществляют возложенные на них задачи;

2) экономическая база, обеспечивающая самостоятельность прав государства и населения [7, с. 55–56].

Именно в связи с характерными особенностями государственной собственности, ее значимостью законодатель допускает более существенные ограничения прав пользования и распоряжения таким имуществом [8, с. 32–33].

Но можно ли при этом говорить о нарушении равенства форм собственности? Очевидно, что усиление мер, направленных на обеспечение защиты того или иного имущества, не являются нарушением принципа равенства, поскольку такие действия законодателя обусловлены определенной спецификой собственности, которая выражается в разных способах управления, приобретения и отчуждения.

Например, в рамках гражданского законодательства Российской Федерации права собственников защищаются равным образом, вне зависимости от формы собственности, что зафиксировано в п. 4 ст. 212 Гражданского кодекса Российской Федерации².

² Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). 1994. № 32. Ст. 3301.

Это не исключают особенностей, характерных для каждой из форм собственности, включая особенности приобретения, прекращения права собственности, владения и распоряжения имуществом.

В соответствии с действующим уголовным законодательством лицо, совершая хищение, причиняет общественно опасный вред общественным отношениям в сфере права собственности. В Уголовном кодексе Российской Федерации³ (далее – УК РФ) закреплены квалифицированные составы преступлений, предусматривающие уголовную ответственность за совершение таких деяний в крупном, особо крупном размере, с причинением значительного ущерба и т. д.

Законодателем не предусмотрена градация уголовной ответственности в зависимости от принадлежности предмета преступления, несмотря на явную необходимость таких изменений. Об этом свидетельствуют правоприменительная практика, а также мнения научного сообщества.

Действующее уголовное законодательство содержит ст. 159² УК РФ, предусматривающую уголовную ответственность за совершение мошенничества при получении пособий, компенсаций, субсидий и иных социальных выплат. Несмотря на закрепление такой нормы, вопрос дифференциации уголовной ответственности в зависимости от принадлежности предмета остается актуальным. В приведенной норме за совершение хищения в крупном размере предусмотрено наказание в виде лишения свободы сроком до шести лет со штрафом до 80 000 рублей. Аналогичный размер наказания предусмотрен за совершение мошенничества (ст. 159 УК РФ) в крупном размере. За совершение хищения при получении социальных выплат в особо крупном размере предусматривается наказание в виде лишения свободы на срок до 10 лет со штрафом до одного миллиона рублей, как и при совершении мошенничества в особо крупном размере.

Таким образом, установленная законодателем градация норм не дифференцирует уголовную ответственность. Размер наказания аналогичен общей уголовно-правовой норме (мошенничество). Соответственно, предусмотренные в ст. 159² УК РФ общественные отношения хотя и подлежат уголовно-правовой охране по отдельной уголовно-правовой норме, но их особая значимость не подчеркивается путем увеличения размера уголовного наказания. В рамках исследования предлагается введение квалифицированного состава преступления, а не специальной уголовно-правовой нормы, дублирующей размер уголовного наказания, предусмотренного в общей норме.

В истории Российской Федерации предпринималась попытка закрепления квалифицированных составов преступлений, предусматривающих уголовную ответственность за хищение бюджетных средств и средств государственных внебюджетных фондов⁴.

Верховный Суд Российской Федерации в официальном отзыве отметил, что необходимость повышения эффективности борьбы с хищениями бюджетных средств и средств государственных внебюджетных фондов не вызывает сомнений⁵.

Тем не менее в числе недостатков, отраженных в официальном отзыве, были указаны не отнесение к предмету преступления иных видов государственного имущества, а также введение особого режима уголовно-правовой охраны одного из видов государственного имущества, т. к. это противоречит конституционному принципу равной защиты различных форм собственности⁶.

Полагаем, что повышение эффективности уголовно-правовой охраны имущества путем закрепления специальных составов преступлений, предметом которых является государственное имущество, возможно при достаточной аргументации таких изменений.

В научной литературе предлагалось обратить внимание на принадлежность имущества как предмета преступлений, ответственность за совершение которых предусмотрена главой 21 УК РФ [9].

Эта позиция обосновывалась тем, что при совершении хищения имущества, находившегося в государственной собственности, действия следует квалифицировать по отдельной части соответствующей статьи, т. е. совершение такой кражи является квалифицированным составом преступления.

³ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 15.10.2025) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

⁴ Проект Федерального закона № 834729-6 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // Система обеспечения законодательной деятельности Государственной автоматизированной системы «Законотворчество» (СОЗД ГАС «Законотворчество»): [сайт]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/834729-6> (дата обращения: 09.10.2025).

⁵ Официальный отзыв заместителя Председателя Верховного Суда Российской Федерации на проект федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.01.2015 г. № 2-BC-49/15 // Там же. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/834729-6> (дата обращения: 09.10.2025).

⁶ Там же.

Признаком, обуславливающим необходимость градации ответственности в зависимости от принадлежности имущества, является общественная опасность. Иными словами, при совершении хищения имущества, принадлежащего государству, общественная опасность значительно выше ввиду того, что объектом такого преступления выступают не просто отношения в сфере права собственности в целом, а отношения, касающиеся государственного имущества, соблюдения интересов государства, государственной власти, соблюдения основ конституционного строя, а также обеспечения государственных гарантий, закрепленных в Конституции Российской Федерации.

Это мнение отражено и в научной литературе. Подчеркивается, что объект при совершении хищения государственного имущества более многогранен, т. е. затронуто большее количество общественных отношений, которым причиняется общественно опасный вред, в результате чего степень общественной опасности такого деяния повышается [10].

Однако ссылаться исключительно на многогранность объекта такого деяния, определяя его общественную опасность, несколько неверно, поскольку такая опасность имеет обязательные признаки, исходя из которых и следует делать вывод о ее повышенной степени в отличие от иных хищений.

При назначении наказаний суды учитывают характер и степень общественной опасности.

Характером общественной опасности преступления принято считать принадлежность общественно опасного деяния к определенному роду преступлений [11, с. 39].

Равенство при назначении наказания достигается с учетом характера общественной опасности, определение которого – прерогатива законодателя при конструировании санкций и дифференциации уголовной ответственности. Равенство заключается в том, что все деяния, которые квалифицируются по одной и той же статье Особенной части УК РФ, наказываются в соответствии с одной и той же санкцией. Следовательно, для различных деяний санкции разнятся.

Соответственно, равенство защиты всех форм собственности должно выражаться и пониматься не в том, что совершение абсолютно любого хищения следует квалифицировать по общей уголовно-правовой норме, а в характере общественной опасности каждого из них.

Иными словами, законодатель, дифференцируя уголовную ответственность за совершение хищения различных видов имущества, руководствуется и должен руководствоваться характером общественной опасности.

Примером является установление уголовной ответственности за совершение кражи из нефтепровода или газопровода, которая отличается от простой кражи по характеру опасности, что и отражено законодателем в уголовном законе.

В соответствии с Конституцией Российской Федерации равным образом защищаются частная, государственная, муниципальная и иные формы собственности. Равенство защиты необходимо рассматривать с той точки зрения, что за совершение преступления, объектом которого являются отношения собственности, предусматривается уголовная ответственность вне зависимости от того, отношениям какой именно формы собственности причинен общественно опасный вред.

Отвечая на вопрос о целесообразности дифференциации уголовной ответственности в зависимости от принадлежности предмета преступлений против собственности, необходимо учитывать, что при совершении хищения государственного имущества общественно опасный вред причиняется множественности общественных отношений, что также подтверждается сложившейся судебной практикой.

Например, при совершении хищения денежных средств, принадлежащих государству в лице Фонда социального и пенсионного страхования Российской Федерации, вред от преступления причиняется в сфере права собственности в отношении законного владельца государственного имущества, соблюдения интересов государства, исполнения бюджета, а также соблюдения гарантий государства и конституционных прав.

Точно также при совершении хищения имущества, принадлежащего Министерству обороны Российской Федерации, причиняется вред не только общественным отношениям в сфере права собственности как при простом хищении, но и отношениям в области соблюдения гарантий безопасности населения, исполнения иных обязанностей государства, включая поддержание обороноспособности государства.

Право публичной собственности признается на конституционном уровне, при этом такое право не равно праву частной собственности. Это связано с особой значимостью такого имущества, а также с определенной спецификой общественных отношений в рассматриваемой сфере.

Разделение права публичной и частной собственности произошло в связи с конституционным признанием государственной собственности наряду с частной [12, с. 100].

Таким образом, каждая из форм собственности обладает своей спецификой, которая заключается в нормативно-правовом регулировании общественных отношений по поводу каждой из них, в наличии конкретных целей и задач, сущности.

В литературе верно замечено, что дифференциация правовых режимов имущества должна не приводить к привилегированности положения какой-либо из форм собственности, а лишь отражать специфику, отвечать современным требованиям развития общественных отношений и обеспечивать их всестороннее правовое регулирование [13, с. 20–28].

Подобная дифференциация не означает применения уже имеющегося исторического опыта нашего государства без учета конкретных изменений и специфики, характерных для настоящего времени, а предполагает некий аналог, опирающийся, в т. ч. и на исторический и на международный опыт [14].

В научной литературе высказывалась позиция, в соответствии с которой дифференциация уголовной ответственности является методом повышения эффективности борьбы с преступностью [15, с. 25].

В соответствии с правоприменительной практикой действия лица, совершившего хищение имущества, принадлежащего государству (в т. ч. электронных денежных средств), в случае если в таких действиях отсутствуют признаки иных составов преступлений, квалифицируются по общему правилу, т. е. по статьям Особенной части УК РФ, предусматривающих ответственность за хищение имущества, без акцентирования внимания на предмете деяния.

Например, лицо признано виновным в совершении преступлений, предусмотренных ч. 4 ст. 159 УК РФ. Виновный, будучи генеральным директором организации, занимающейся строительством жилых и нежилых зданий, совершил хищение денежных средств путем обмана. Денежные средства перечислялись федеральным государственным унитарным предприятием «Главное управление специального строительства» в счет оплаты строительно-монтажных работ по строительству объекта базы перевооружения воинской части.

Реализуя единый продолжаемый корыстный преступный умысел, направленный на хищение чужого имущества, а именно, денежных средств, принадлежащих Главному управлению специального строительства, виновный заключил договор на выполнение указанных работ стоимостью 92 541 990 рублей.

Виновный осознал, что фактически у него отсутствует возможность выполнить обязанности, предусмотренные договором, но, руководствуясь преступным умыслом, заключил договор в целях хищения денежных средств, перечисляемых в счет оплаты указанных работ. В результате реализации своего умысла виновным были похищены денежные средства в общем размере 23 200 510 рублей 44 копейки⁷.

Суд при вынесении приговора сделал акцент на том, что денежные средства были выделены на исполнение государственного контракта. Перевооружение воинских частей является вторым этапом освоения вооружения и военной техники (неотъемлемый этап). Соответственно неисполнение государственного оборонного заказа, хищение денежных средств причиняет общественно опасный вред не только общественным отношениям, охватывающим государственную собственность, но и общественным отношениям в области освоения вооружения и военной техники, обеспечения военной безопасности государства.

Осуществив визирование документации, а также представив фактически ложные сведения руководителю УМВД, Д. В. Чуваев совершил действия, являющиеся мошенничеством⁸.

Такой вывод связан с тем, что руководитель УМВД был подвергнут информационному воздействию, то есть обману, так как документы, подписанные виновным, были представлены в качестве законных и содержащих информацию об истинной действительности. В результате осуществления обмана, были перечислены денежные средства в общем размере 32 002 506,42 рублей в счет оплаты работ по капитальному строительству объекта.

Таким образом, предметом хищения являются денежные средства, перечисленные УМВД в счет оплаты работ. Виновный осознал общественную опасность своих действий, что документы содержат ложную информацию, а также факт того, что денежные средства будут

⁷ Приговор Дзержинского районного суда города Волгограда от 10 апреля 2025 г. по делу № 1-48/2025 // Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт): [сайт]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/RIVBuRkRE4YR/> (дата обращения: 20.09.2025).

⁸ Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 25 апреля 2024 г. № 84-УД24-4-КЗ // Юридическая информационная система «Легалакт – законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации» (ЮИС Легалакт): [сайт]. URL: <https://legalacts.ru/sud/kassatsionnoe-opredelenie-sudebnoi-kolleгии-po-ugolovnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-25042024-n-84-ud24-4-k3/> (дата обращения: 10.10.2025).

выплачиваться с учетом сведений документации. Вместе с этим, Д. В. Чуваев знал, что в результате его действий предмет хищения будет изъят в пользу иного лица, фактически не являющегося его собственником.

На практике также часто встречаются дела о хищения денежных средств с использованием банковских карт, принадлежащих государственному учреждению, а именно Отделению Фонда пенсионного и социального страхования Российской Федерации. Суть таких дел сводится, например, к тому, что осужденный использует банковскую карту умершего лица, на расчетный счет которого Фондом зачислялись денежные средства. В таких делах важно устанавливать факты осознания осужденным принадлежности денежных средств государству, отсутствия законных оснований на владение, а также распоряжение такими средствами. Таким образом, требуется установление умысла, направленного на хищение не просто имущества, а того, которое принадлежит государству⁹.

Примером хищения также являются случаи, когда на расчетный счет банковской карты поступают денежные средства в размере, превышающем законно установленную сумму ошибочно, если такие средства, предназначены в качестве выплаты по временной нетрудоспособности, т. к. осужденный находился на излечении. Таким образом, осуществление снятия денежных средств в наличной форме, распоряжение ими по своему собственному усмотрению, при этом с осознанием отсутствия на то законных оснований, а также принадлежности указанного имущества, является хищением государственного имущества, т. к. оно принадлежит государству¹⁰.

Хищением государственного имущества, которое подрывает обороноспособность страны, что прямо отмечается в приговорах судов, являются также случаи хищения денежных средств, принадлежащих предприятиям оборонного комплекса Российской Федерации. Так, лицо признано виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК РФ, за совершение хищения денежных средств путем обмана в особо крупном размере в отношении предприятий оборонного комплекса Российской Федерации¹¹. Данное преступление причинило общественно опасный вред общественным отношениям, касающимся имущества, а также обороноспособности государства.

Денежные средства, принадлежащие Министерству сельского хозяйства Российской Федерации, Министерству строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации, иным органам государственной власти, также признаются государственным имуществом, в связи с чем их хищение тоже должно рассматриваться как хищение государственного имущества¹².

Денежные средства предприятий оборонного комплекса государства, государственных органов имеют целевое назначение. Соответственно, хищение денежных средств или иного имущества государства в ряде случаев причиняет общественно опасный вред не только отношениям, касающимся имущества, но и обороноспособности государства, функционирования органов государственной власти, выполнения конституционных обязанностей и гарантий государства.

3 заключение

Исходя из приведенных примеров судебной практики, можно сделать вывод об определенной распространенности совершения хищений, предметом которых является государственное имущество, в т. ч. выраженное в денежной форме.

Вместе с этим следует сказать о недостаточности действующего механизма уголовно-правовой охраны общественных отношений по поводу имущества в случаях совершения хищения государственного имущества.

Несомненно, признавать всякое хищение имущества, принадлежащего государству, квалифицированным хищением нецелесообразно ввиду того, что на практике возможно совершение имущественного преступления, в результате которого общественно опасный вред общественным отношениям, касающимся обороноспособности государства, конституционного строя, исполнения конституционных обязанностей и гарантий государства, не причиняется.

⁹ Приговор Беляевского районного суда Оренбургской области от 25 марта 2025 г. по делу № 1-20/2025 // СудАкт : [сайт]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/BWroveEv2omO/> (дата обращения: 03.09.2025).

¹⁰ Приговор Центрального районного суда Прокопьевска от 19 февраля 2025 г. № 1-186/2024 по делу № 1-24/2025 // Там же. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/97UktbflmtU8/> (дата обращения: 03.09.2025).

¹¹ Приговор Пермского краевого суда от 27 апреля 2025 г. по делу № 22-1406/2025 // Там же. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/2slkPFvfO4mp/> (дата обращения: 30.10.2025).

¹² Приговор Петропавловск-Камчатского городского суда Камчатского края от 14 апреля 2025 г. № 1-33/2025 по делу № 1-442/2024 // Там же. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/guRdPU275gHq/> (дата обращения: 05.11.2025); приговор Кызылского городского суда Республики Тыва от 5 февраля 2025 г. № 1-1542/2023 по делу № 1-49/2025 // Там же. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/8p45rC8GScbN/> (дата обращения: 23.10.2025).

Полагаем возможным дифференцировать уголовную ответственность лишь в тех случаях, когда хищение государственного имущества не только причиняет вред общественным отношениям, касающимся имущества, но и подрывает безопасность или обороноспособность государства.

Иными словами, предлагается введение квалифицированного состава преступления, а именно, хищения государственного имущества, повлекшего за собой нарушение обороноспособности или безопасности населения и (или) государства.

Предложенные изменения позволяют обеспечить дифференциацию уголовной ответственности в зависимости от принадлежности предмета преступлений против собственности, а также повысить эффективность уголовно-правовой охраны имущества.

Такие изменения обуславливаются сложившейся правоприменительной практикой, отражением специфики имущества, принадлежащего государству, касающихся его отношений, а также необходимостью обеспечения его всесторонней уголовно-правовой охраны, отвечающей современному уровню развития общества и государства, соблюдения гарантий государства, являющихся по своей сути частью основ конституционного строя Российской Федерации.

Список источников

1. Андреев В. К. О федеральной собственности как особой форме публичной собственности // Журнал российского права. 2025. Т. 29, № 5. С. 53–62. <https://doi.org/10.61205/S160565900032230-7>
2. Мазаев В. Д. Публичная форма собственности как инструмент конституционно-правового регулирования экономики // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2017. № 3. С. 19–33. <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2017.2.19.33>
3. Гранкин М. И. К вопросу о сущности безопасности экономической основы конституционного строя // Конституционное и муниципальное право. 2010. № 4. С. 31–34.
4. Голубцов В. Г. Российская Федерация как субъект гражданского права : монография. Москва : Статут, 2019. 272 с.
5. Синдеева И. Ю., Воробьева И. О., Черникова Е. В. Способы защиты права государственной и муниципальной собственности // Современное право. 2014. № 12. С. 51–54.
6. Рыбкина М. В., Каюмова А. Г. Публичная собственность в Российской Федерации: понятие и формы // Вестник Санкт-Петербургского университета Государственной противопожарной службы МЧС России. 2013. № 4. С. 104–110.
7. Мазаев В. Д. Разграничение собственности и публичная власть // Юридический мир. 2012. № 12. С. 55–59.
8. Гаджиев Г. А. Конституционные основы современного права собственности // Журнал российского права. 2006. № 12 (120). С. 30–41.
9. Векленко В. В. Квалификация хищений : монография. Омск : Омская академия МВД России, 2001. 256 с.
10. Чумаков А. В. Хищения в бюджетной сфере как объект криминалистического исследования // Сибирское юридическое обозрение. 2025. Т. 22, № 2. С. 294–309. <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2025-22-2-294-309>
11. Благов Е. В. Применение общих начал назначения уголовного наказания : монография. Москва : Юрлитинформ, 2013. 192 с.
12. Винницкий А. В. Публичная собственность : монография. Москва : Статут, 2013. 732 с.
13. Мозолин В. П. Право собственности в Российской Федерации в период перехода к рыночной экономике. Москва : ИГПАН, 1992. 175 с.
14. Мозолин В. П. Модернизация права собственности в экономическом измерении // Журнал российского права. 2011. № 1 (169). С. 26–30.
15. Шульга А. В. Уголовная ответственность за хищение на современном этапе // Российский следователь. 2007. № 12. С. 24–27.

References

1. Andreev V. K. O federal'noj sobstvennosti kak osoboj forme publichnoj sobstvennosti // Zhurnal rossijskogo prava. 2025. T. 29, № 5. S. 53–62. <https://doi.org/10.61205/S160565900032230-7>
2. Mazaev V. D. Publichnaya forma sobstvennosti kak instrument konstitucionno-pravovogo regulirovaniya ekonomiki // Pravo. Zhurnal Vyshej shkoly ekonomiki. 2017. № 3. S. 19–33. <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2017.2.19.33>
3. Grankin M. I. K voprosu o sushchnosti bezopasnosti ekonomicheskoy osnovy konstitucionnogo stroya // Konstitucionnoe i municipal'noe pravo. 2010. № 4. S. 31–34.
4. Golubcov V. G. Rossijskaya Federaciya kak sub"ekt grazhdanskogo prava : monografiya. Moskva : Statut, 2019. 272 s.
5. Sindeeva I. Yu., Vorob'eva I. O., CHernikova E. V. Sposoby zashchity prava gosudarstvennoj i municipal'noj sobstvennosti // Sovremennoe pravo. 2014. № 12. S. 51–54.
6. Rybkina M. V., Kayumova A. G. Publichnaya sobstvennost' v Rossijskoj Federacii: ponyatie i formy // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta Gosudarstvennoj protivopozharnoj sluzhby MCHS Rossii. 2013. № 4. S. 104–110.
7. Mazaev V. D. Razgranichenie sobstvennosti i publichnaya vlast' // Yuridicheskij mir. 2012. № 12. S. 55–59.
8. Gadzhiev G. A. Konstitucionnye osnovy sovremennogo prava sobstvennosti // Zhurnal rossijskogo prava. 2006. № 12 (120). S. 30–41.
9. Veklenko V. V. Kvalifikaciya hishchenij : monografiya. Omsk : Omskaya akademiya MVD Rossii, 2001. 256 s.
10. Chumakov A. V. Hishcheniya v byudzhetnoj sfere kak ob"ekt kriminalisticheskogo issledovaniya // Sibirskoe yuridicheskoe obozrenie. 2025. T. 22, № 2. S. 294–309. <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2025-22-2-294-309>
11. Blagov E. V. Primenenie obshchih nachal naznacheniya ugovalnogo nakazaniya : monografiya. Moskva : YurLitinform, 2013. 192 s.
12. Vinnickij A. V. Publichnaya sobstvennost' : monografiya. Moskva : Statut, 2013. 732 s.
13. Mozolin V. P. Pravo sobstvennosti v Rossijskoj Federacii v period perekhoda k rynochnoj ekonomike. Moskva : IGPAN, 1992. 175 s.
14. Mozolin V. P. Modernizaciya prava sobstvennosti v ekonomicheskom izmerenii // Zhurnal rossijskogo prava. 2011. № 1 (169). S. 26–30.
15. Shul'ga A. V. Ugolovnaya otvetstvennost' za hishchenie na sovremennom etape // Rossijskij sledovatel'. 2007. № 12. S. 24–27.

Научная статья
УДК 343.237

Дропперство как специальный вид пособничества преступлению, совершенному с использованием информационно-телекоммуникационных средств

Ирина Анатольевна Копьёва, кандидат юридических наук

Тульский государственный университет
Тула (300012, пр. Ленина, д. 92), Российская Федерация
kopyovairinaclid@yandex.ru
<https://orcid.org/0009-0006-4642-9314>

Аннотация:

Введение. Дополнение статьи 187 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) ч. 3–6 обуславливает необходимость проведения комплексного анализа признаков составов преступлений, в них предусмотренных, образующих так называемое дропперство как специальный вид пособничества, и выявление особенностей его квалификации. **Методы.** Методологическую основу научного исследования составил всеобщий диалектический метод научного познания. Кроме того, в ходе исследования применялись системно-структурный, формально-логический методы, анализ и синтез, индукция и дедукция, аналогия. **Результаты.** В работе представлен комплексный анализ объективных и субъективных признаков дропперства как специального вида пособничества и проанализированы вопросы его квалификации. Сделан вывод, что уголовная ответственность за дропперство при негативной ошибке лица в характере деяния исключается, в таком случае имеет место опосредованное дропперство, осуществляемое дроповодом. В случаях, когда дропперство входит в цепочку деяний по совершению другого преступления, дроппер должен нести ответственность по соответствующей части (ч. 3–5 или 6) ст. 187 УК РФ в качестве пособника такому преступлению, либо в качестве его исполнителя, если его деяние образует объективную сторону состава этого преступления. В последнем случае дроппер является участником группы лиц по предварительному сговору. Дроповод, выполняя деяние, образующее объективную сторону состава соответствующего преступления, и осуществляя руководство действиями дроппера, является исполнителем такого преступления и организатором дропперства, т. е. отвечает по правилам квалификации совокупности преступлений. Если дроповод не выполняет деяние, образующее объективную сторону соответствующего преступления, а только руководит совершением дропперства, то он является пособником такого преступления, а при наличии к тому оснований – его организатором и помимо этого организатором дропперства. Если дроповод руководит лицом, по ошибке не оценивающим свои действия как общественно опасные, то дроповод является опосредованным дроппером и несет ответственность за совершение соответствующего преступления с учетом выполненной роли (исполнителя, организатора или пособника) и за дропперство, т. е. по совокупности преступлений.

Ключевые слова:

дропперство, дроппер, дроповод, состав преступления, квалификация преступлений

Для цитирования:

Копьёва И. А. Дропперство как специальный вид пособничества преступлению, совершенному с использованием информационно-телекоммуникационных средств // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2026. № 2 (110). С. 110–116.

Статья поступила в редакцию 11.11.2025;
одобрена после рецензирования 17.04.2026;
принята к публикации 25.06.2026.

Original article

Money muling as a special form of aiding and abetting a cybercrime

Irina A. Kopyova, Cand. Sci. (Jurid.)

Tula State University
92, Lenin ave., Tula, 300012, Russian Federation
kopyovairinaclid@yandex.ru
<https://orcid.org/0009-0006-4642-9314>

© Копьёва И. А., 2026



Abstract:

Introduction. The addition of Parts 3–6 to Article 187 of the Criminal Code of the Russian Federation (hereinafter the CC RF) necessitates a comprehensive analysis of the elements of money muling as a special form of aiding and abetting, as well as the identification of the specific features of its qualification. **Methods.** The methodological basis of this study is the universal dialectical method of scientific cognition. In addition, the study employed systemic structural and formal logical methods, analysis and synthesis, induction and deduction, and analogy. **Results.** This paper offers a comprehensive analysis of the objective and subjective elements of money muling as a special form of aiding and abetting, and examines issues pertaining to its legal qualification. It is concluded that criminal liability for money muling is excluded in the event of a negative mistake by the person concerning the nature of the act. In such a case, indirect money muling occurs carried out by a money mule operator. When money muling forms part of a chain of acts preceding the commission of another offence, the money mule incurs criminal liability under the relevant part (Parts 3–5 or 6) of Article 187 of the CC RF as an aider and abettor to that offence, or as a principal perpetrator if their conduct constitutes the *actus reus* of the offence. In the latter case, the money mule is a member of a group of persons acting with prior conspiracy. The money mule operator, by performing an act that constitutes the *actus reus* of the relevant offence and by directing the money mule's actions, is deemed the principal offender of such an offence and the organiser of the money muling, thereby incurring liability under the rules for the cumulation of offences. If the money mule operator does not perform the act constituting the *actus reus* of the relevant offence but merely directs the commission of the money muling, he or she is an aider and abettor to such an offence and, where grounds exist, its organiser, in addition to being the organiser of the money muling. If the money mule operator directs a person who mistakenly fails to perceive their actions as criminally unlawful, the money mule operator acts as an indirect perpetrator and incurs liability for the commission of the relevant offence according to the role performed (principal, organiser, or aider and abettor), as well as for the money muling - i. e., under the cumulation of offences.

Keywords:

money muling, money mule, money mule operator, elements of a criminal offence, legal qualification of crimes

For citation:

Kopyova I. A. Money muling as a special form of aiding and abetting a cybercrime // *Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia*. 2026. № 2 (110). P. 110–116.

The article was submitted November 11, 2025; approved after reviewing April 17, 2026; accepted for publication June 25, 2026.

Введение

Сленговые слова «дроппер» («дроп») и «дроповод» сегодня широко распространены в литературе. В большинстве случаев дроппер рассматривается как подставное лицо, используемое в преступной схеме [1, с. 78; 2, с. 52; 3, с. 52; 4, с. 28]. 5 июля 2025 г. вступил в силу Федеральный закон «О внесении изменений в статью 187 Уголовного кодекса Российской Федерации»¹, которым ст. 187 Уголовного кодекса Российской Федерации² (далее – УК РФ) дополнена частями третьей – шестой. Анализ пояснительной записки к проекту этого закона³ дает возможность обозначить дроппера с точки зрения уголовно-правовой характеристики как держателя электронного средства платежа (далее – ЭСП), открывающего платежные карты, электронные кошельки и счета на свое имя с целью их дальнейшей передачи или предоставления доступа к ним за денежное вознаграждение третьим лицам, либо для неправомерного осуществления операции по приему, переводу денежных средств, выдаче и (или) получению наличных денежных средств. Дроппер может вовлекаться в преступную цепочку дроповодом либо использовать ЭСП без ведома законного пользователя (например, получить данные ЭСП путем обмана или злоупотребления доверием), т. е., будучи дроповодом, совершить дропперство опосредованно. Дроповодом является лицо, которое руководит совершением дропперства (выполняет роль организатора). В тех случаях, когда дроповод использует для совершения дропперства лицо, не осознающее преступного характера своих действий, он является опосредованным дроппером (опосредованным исполнителем дропперства), подобно тому, как, по общему правилу, признается опосредованным исполнителем преступления организатор, который использовал для совершения деяния, образующего объективную сторону состава преступления, лицо, не подлежащее уголовной ответственности. Распространенными способами вовлечения в цепочку преступлений с использованием информационно-телекоммуникационных средств являются объявления на сайтах по поиску работы или в телеграм-каналах об удаленной работе для лиц, имеющих карту любого банка Российской Федерации, связанной с переводом и обналичиванием

¹ О внесении изменений в статью 187 Уголовного кодекса Российской Федерации : Федеральный закон от 24 июня 2025 г. № 176-ФЗ // *Собрание законодательства Российской Федерации* (далее – СЗ РФ). 2025. № 26 (ч. I). Ст. 3506.

² Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 15.10.2025) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

³ Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в статью 187 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Система обеспечения законодательной деятельности Государственной автоматизированной системы «Законотворчество» : [официальный сайт]. URL : <https://sozd.duma.gov.ru/bill/909076-8> (дата обращения: 10.11.2025).

денежных средств. Так, согласно информации пресс-службы прокуратуры г. Москвы, в суд для рассмотрения по существу было направлено дело по ч. 4 ст. 187 УК РФ. Согласно материалам дела обвиняемая, имея финансовые трудности, нашла в интернете подработку, по условиям которой зарегистрировалась как индивидуальный предприниматель, открыла счет с дистанционным обслуживанием и передала логин и пароль другим лицам, которые использовали счет для зачисления денежных средств, полученных преступным путем, а также оформила услугу «самоинкассации» и пересылала им сообщения банка с кодами подтверждения расходных операций⁴.

Специальным пособничеством является предусмотренное отдельной статьей Особенной части УК РФ деяние, имеющее признаки роли пособника. В частях 3–6 статьи 187 УК РФ законодатель определил различные дропперские действия в качестве отдельных составов преступлений, каждое из которых может способствовать совершению преступления с использованием информационно-телекоммуникационных средств. В связи с этим дропперство может рассматриваться как специальный вид пособничества такому преступлению.

Методы

Методологическую основу научного исследования составил всеобщий диалектический метод научного познания. Кроме того, в ходе исследования применялись иные методы. На основе системно-структурного метода был проведен анализ объективных и субъективных признаков дропперства как специального вида пособничества. С помощью формально-логического метода, а именно приемов в виде индукции, дедукции и аналогии, а также анализа и синтеза осуществлено толкование норм, предусмотренных ч. 3–6 ст. 187 УК РФ, и выявлены особенности квалификации дропперства.

Результаты

На основании анализа ч. 3–6 ст. 187 УК РФ можно охарактеризовать следующие объективные и субъективные признаки дропперства.

Объектом дропперства является порядок использования ЭСП, установленный договором между оператором и клиентом, и основанный на положениях Федерального закона от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ «О национальной платежной системе»⁵. Предметом дропперства является ЭСП. В пункте 2 примечания к ст. 187 УК РФ законодатель дает определение ЭСП применительно к этой норме, которое дублирует понятие ЭСП, предусмотренное в п. 19 ст. 3 указанного Закона.

К дропперству относятся следующие деяния:

1) передача клиентом оператора по переводу денежных средств (далее – клиент) ЭСП, предоставленных ему оператором по переводу денежных средств (далее – оператор), другому лицу для осуществления последним неправомерных операций (ч. 3 ст. 187 УК РФ);

2) передача клиентом доступа к ЭСП, предоставленного ему оператором, другому лицу для осуществления последним неправомерных операций (ч. 3 ст. 187 УК РФ);

3) неправомерные операции, совершенные клиентом с использованием ЭСП, предоставленного ему оператором, по указанию другого лица и (или) в интересах такого лица (при отсутствии признаков преступления, предусмотренного ст. 172 УК РФ) (ч. 4 ст. 187 УК РФ);

4) приобретение лицом ЭСП для осуществления неправомерных операций, не являющимся стороной договора об использовании этого ЭСП, заключенного с оператором (ч. 5 ст. 187 УК РФ);

5) передача другому лицу ЭСП и (или) доступа к нему для осуществления неправомерных операций лицом, не являющимся стороной договора об использовании этого ЭСП, заключенного с оператором (ч. 5 ст. 187 УК РФ);

6) приобретение ЭСП и (или) доступа к нему лицом, не являющимся стороной договора об использовании ЭСП, заключенного с оператором, для последующей их передачи другому лицу (ч. 5 ст. 187 УК РФ);

7) неправомерная операция с использованием ЭСП, совершенная лицом, не являющимся стороной договора об использовании этого ЭСП, заключенного с оператором (при отсутствии признаков преступления, предусмотренного ст. 172 УК РФ (ч. 6 ст. 187 УК РФ)).

⁴ Прокуратура Москвы направила в суд первое дело в отношении дроппера. Российское агентство правовой и судебной информации // Российское агентство правовой и судебной информации : [сетевое издание]. URL : https://rapsinews.ru/incident_news/20250801/311060975.html (дата обращения: 10.11.2025).

⁵ О национальной платежной системе : Федеральный закон от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ (ред. от 20.02.2026) // СЗ РФ. 2011. № 27. Ст. 3872.

Дропперство характеризуется формальным составом, т. е. считается оконченным с момента совершения деяния.

Для целей частей 3–6 ст. 187 УК РФ неправомерная операция определяется законодателем в примечании к этой статье как операция, лишенная оснований, предусмотренных законом, иными правовыми актами или сделкой. При этом законодатель исключает признание операции неправомерной, если она осуществляется по согласию клиента на проведение такой операции в отношении принадлежащих ему денежных средств.

В случае привлечения к ответственности за дропперство в форме деяний, предусмотренных ч. 4 и 6 ст. 187 УК РФ, следует установить наличие негативных признаков – отсутствие признаков преступления, предусмотренного ст. 172 УК РФ. Так, если лицо совершает незаконные банковские операции, т. е. без регистрации или без обязательного для банковской деятельности специального разрешения (лицензии), в форме переводов денежных средств с использованием ЭСП, то его действия содержат признаки незаконной банковской деятельности. В таком случае усматривается конкуренция норм в виде конкуренции части (ч. 4 или 6 ст. 187 УК РФ) и целого (ст. 172 УК РФ), которая по общему правилу разрешается в пользу целого [5, с. 225; 6, с. 297–298; 7, с. 226; 8, с. 124].

Субъектом преступлений, предусмотренных ч. 3 и 4 ст. 187 УК РФ, является вменяемое лицо, достигшее 16-летнего возраста, обладающее специальным позитивным признаком – являющееся клиентом оператора. Субъектом преступлений, предусмотренных ч. 5 и 6 ст. 187 УК РФ, является вменяемое лицо, достигшее 16-летнего возраста, обладающее специальным негативным признаком – не являющееся стороной договора об использовании ЭСП, заключенного с оператором.

С субъективной стороны деяния, составляющие дропперство, характеризуются прямым умыслом. Для деяний, предусмотренных ч. 3–5 ст. 187 УК РФ, характерна корыстная заинтересованность.

Если лицо не осознает преступного характера операции с ЭСП (например, лицо верит в действительность трудоустройства и получение законного дохода либо вводит в заблуждение на основе дружественных, семейных или иных личных отношений и не оценивает собственное деяние как общественно опасное), то привлечение к уголовной ответственности исключается. В таком случае лицо именуется в литературе «разводным дропом» [4, с. 29; 9, с. 380]. Лицо, допустившее негативную ошибку в характере деяния, т. е. имеющее неправильное представление об отсутствии общественной опасности совершенного деяния, может по общему правилу подлежать ответственности только за неосторожное причинение вреда [10, с. 143; 11, с. 439]. Поскольку неосторожное дропперство в уголовном законе не предусмотрено, ответственность при такой ошибке исключается. Такой подход подтверждается также практикой Верховного Суда Российской Федерации по применению ч. 1 ст. 187 УК РФ. Так, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации указала, что по смыслу ст. 187 УК РФ предметом данного преступления, помимо поддельного предмета, являются электронные средства, электронные носители информации, технические устройства, компьютерные программы, которые изначально предназначены для осуществления неправомерных операций без ведома владельца счета (клиента банка) и (или) в обход используемых банком систем идентификации клиента и (или) защиты компьютерной информации. При этом данная норма предполагает уголовную ответственность лишь при условии доказанности умысла лица на совершение неправомерных действий, в т. ч. включающего осознание им предназначения предмета преступления для совершения неправомерных действий⁶. Дроповод, который использует ошибку лица, использует его как «орудие» совершения дропперства, поэтому является опосредованным дроппером. Используемое лицо нередко отождествляется в научной литературе со своеобразным орудием (средством) совершения преступления⁷ [12, с. 14; 13, с. 128].

В пункте 4 примечания к ст. 187 УК РФ предусмотрены условия освобождения от уголовной ответственности за дропперство. Лицо должно:

- 1) являться клиентом оператора;
- 2) впервые совершить дропперство, предусмотренное ч. 3 или ч. 4 ст. 187 УК РФ;
- 3) активно способствовать раскрытию и (или) расследованию преступления;
- 4) добровольно сообщить о лицах, совершивших другие преступления с использованием предоставленного ему оператором ЭСП.

⁶ Определение Верховного Суда Российской Федерации от 3 апреля 2025 г. по делу № 66-УДП25-11-К8 // Верховный Суд Российской Федерации : [официальный сайт]. URL : https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/2454058 (дата обращения: 10.11.2025).

⁷ Спасович В. Д. Учебник уголовного права. Санкт-Петербург : Типография Иосафата Огризко, 1863. Т. 1, вып. 1. С. 172 ; Таганцев Н. С. Курс русского уголовного права : Часть общая : Кн. 1: Учение о преступлении : Вып. 1–3 / [Сочинения] Н. С. Таганцева. Санкт-Петербург : типография М. Стасюлевича, 1880. [Вып. 1]. С. 75.

Если «разводной дроп» осознал преступный характер совершенных действий, ему достаточно прекратить эти действия, чтобы не подлежать уголовной ответственности. Факт осознания не влечет обязанность выполнить указанные условия освобождения от уголовной ответственности за дропперство, т. к. лицо является «орудием» в руках дроповода, который опосредованно совершил дропперство. При этом «разводной дроп» не подлежит ответственности за несообщение о преступлении, поскольку ст. 187 УК РФ не указана в перечне преступлений, предусмотренных в ст. 205⁶ УК РФ.

В случаях, когда дропперство входит в цепочку деяний по совершению другого преступления, дроппер может знать о конкретных признаках такого преступления, а может и не быть осведомленным о них, а осознавать только наличие двусторонней субъективной связи с другим соучастником. Эта связь означает, что каждый из соучастников должен быть осведомлен, что действует не один [14, с. 92]. Так, например, клиент передает за материальное вознаграждение ЭСП другому лицу для осуществления преступления с использованием этого ЭСП, не будучи осведомленным о конкретных признаках такого преступления. Понимание преступного характера использования ЭСП влечет признание дроппера соучастником другого преступления. Соучастник может не знать подробности деятельности каждого из других соучастников [15, с. 157]. Достаточно того, чтобы он был осведомлен о преступной деятельности ближайшего «звена» хотя бы в общих (родовых) чертах. В таком случае дроппер должен нести ответственность по соответствующей части (ч. 3–6) ст. 187 УК РФ и в качестве пособника тому преступлению, совершению которого он способствовал, либо в качестве исполнителя преступления, если его деяние образует объективную сторону состава этого преступления. В последнем случае дроппер является участником группы лиц по предварительному сговору. Будучи соучастником, дроппер отвечает за общий преступный результат и, создавая условия для успешного совершения деяния исполнителем, преследует две цели: корыстную при совершении собственного деяния и цель совместно совершенного преступления. Причиняя вред различным непосредственным объектам, деяние дроппера образует идеальную совокупность преступлений.

Дроповод, выполняя деяние, образующее объективную сторону состава соответствующего преступления, совершаемого с использованием ЭСП, и осуществляя руководство действиями дроппера, является исполнителем такого преступления и организатором дропперства, т. е. отвечает по правилам квалификации совокупности преступлений. Если деяние дроппера образует объективную сторону состава такого преступления, то дроповод и дроппер являются участниками группы лиц по предварительному сговору. Помимо этого дроповод может быть отдельным звеном преступления, совершаемого с использованием ЭСП, а именно осуществлять только руководство совершением дропперства, не принимая участия в совершении деяния, образующего объективную сторону состава такого преступления. В этом случае дроповод является пособником такого преступления, а при наличии к тому оснований – организатором и, помимо этого, организатором дропперства.

Если дроповод руководит лицом, по ошибке не оценивающим свои действия как общественно опасные, то дроповод является опосредованным дроппером и подлежит ответственности за совершение соответствующего преступления с учетом выполненной роли (исполнителя, организатора или пособника) и за дропперство, т. е. по совокупности преступлений.

Если дроповод и дроппер являются участниками устойчивой преступной группы, то, согласно общепринятому подходу в теории и судебной практике, их преступная деятельность оценивается как соисполнительство. При этом помимо участия в устойчивой преступной группе они подлежат ответственности также за дропперство в качестве соисполнителей.

3 заключение

Таким образом, деяние дроппера, являющееся одним из звеньев в преступной цепочке деяний по реализации преступления с использованием информационно-телекоммуникационных средств, приобрело уголовную противоправность в ч. 3–6 ст. 187 УК РФ. В силу того, что дропперство способствует совершению указанного преступления, оно является специальным видом пособничества такому преступлению, поскольку предусмотрено Особенной частью УК РФ. Уголовная ответственность за дропперство при негативной ошибке лица в характере деяния исключается, в таком случае имеет место опосредованное дропперство, осуществляемое дроповодом. В случаях, когда дропперство входит в цепочку деяний по совершению другого преступления, дроппер должен нести ответственность по соответствующей части (ч. 3–6) ст. 187 УК РФ и в качестве пособника такому преступлению, либо в качестве его исполнителя, если его деяние образует объективную сторону состава этого преступления. В последнем

случае дроппер является участником группы лиц по предварительному сговору. Дроповод, выполняя деяние, образующее объективную сторону состава соответствующего преступления, и осуществляя руководство действиями дроппера, является исполнителем такого преступления и организатором дропперства, т. е. отвечает по правилам квалификации совокупности преступлений. Если дроповод не выполняет деяние, образующее объективную сторону состава соответствующего преступления, а только руководит совершением дропперства, то дроповод является пособником такого преступления, а при наличии к тому оснований – его организатором и помимо этого организатором дропперства. Если дроповод руководит лицом, по ошибке не оценивающим свои действия как общественно опасные, то дроповод является опосредованным дроппером и подлежит ответственности за совершение соответствующего преступления с учетом выполненной роли (исполнителя, организатора или пособника) и за дропперство, т. е. по совокупности преступлений.

Список источников

1. Артеменко Н. А. Кардинг как вид мошеннической деятельности // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2018. № 8. С. 77–80. <https://doi.org/10.23672/SAE.2018.2018.16750>
2. Богацкая У. И. Особенности привлечения к уголовной ответственности дропов за совершение преступлений с использованием информационно-телекоммуникационных технологий / Уголовное законодательство: вчера, сегодня, завтра : материалы ежегодной международной научно-практической конференции, г. Санкт-Петербург, 7–8 июня 2024 г. / сост. Ю. А. Шутова. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2024. С. 51–54.
3. Газимуллин И. Ю. Некоторые организационно-тактические особенности противодействия преступлениям, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных технологий // Право: ретроспектива и перспектива. 2022. № 1 (9). С. 50–54.
4. Зажигалкин В. Е. «Дропы» – инструмент организации и исполнения контрабанды подконтрольных психоактивных веществ с использованием современных телекоммуникационных ресурсов // Наркоконтроль. 2018. № 3. С. 28–30. <https://doi.org/10.18572/2072-4160-2018-3-28-30>
5. Благов Е. В. Общая теория применения уголовного права : монография. Ярославль : Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, 2003. 258 с.
6. Гаухман Л. Д. Квалификация преступлений : закон, теория, практика. Москва : Центр ЮрИнфоР. 2001. 315 с.
7. Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений : монография. 2-е изд., перераб. и доп. Москва : Юрист. 2004. 304 с.
8. Дуюнов В. К., Хлебушкин А. Г. Квалификация преступлений: законодательство, теория, судебная практика : монография. 2-е изд. Москва : Инфра-М, 2015. 384 с.
9. Желудков М. А. Дропперство как новый вид соучастия в хищении денежных средств // Право : история и современность. 2025. Т. 9, № 3. С. 378–388. <https://doi.org/10.17277/pravo.2025.03.pp.378-388>
10. Рарог А. И. Проблемы квалификации преступлений по субъективным признакам : монография : [Основы общей теории квалификации преступлений, основы учения о субъективной стороне преступления, квалификация преступлений по признакам субъективной стороны, квалификация преступлений по признакам субъекта]. Москва : Проспект, 2015. 232 с.
11. Бохан А. П. Фактическая ошибка в признаках объективной стороны // Заметки ученого. 2021. № 6-1. С. 439–441.
12. Ковалев М. И. Соучастие в преступлении : [монография] : в 2 ч. Свердловск : Уральский рабочий, 1962. Ч. 2: Виды соучастников и формы участия в преступной деятельности. 275 с.
13. Тер-Акопов А. А. Преступление и проблемы нефизической причинности в уголовном праве : [монография]. Москва : Юрникга, 2003. 478 с.
14. Иванов Н. Г. Понятие и формы соучастия в советском уголовном праве. Онтологический аспект. Саратов : Издательство Саратовского университета, 1991. 127 с.
15. Кризгер Г. А. Ответственность за хищение государственного и общественного имущества по советскому уголовному праву. Москва : Издательство Московского университета, 1957. 208 с.

References

1. Artemenko N. A. Karding kak vid moshennicheskoy deyatel'nosti // Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki. 2018. № 8. S. 77–80. <https://doi.org/10.23672/SAE.2018.2018.16750>
2. Bogackaya U. I. Osobennosti privlecheniya k ugolovnoy otvetstvennosti dropov za sovershenie prestuplenij s ispol'zovaniem informacionno-telekommunikacionnyh tekhnologij / Ugolovnoe zakonodatel'stvo: vchera, segodnya, zavtra : materialy ezhegodnoj mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, g. Sankt-Peterburg, 7–8 iyunya 2024 g. / sost. Yu. A. Shutova. Sankt-Peterburg : Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii, 2024. S. 51–54.
3. Gazimullin I. Yu. Nekotorye organizacionno-takticheskie osobennosti protivodejstviya prestupleniyam, sovershaemym s ispol'zovaniem informacionno-telekommunikacionnyh tekhnologij // Pravo: retrospektiva i perspektiva. 2022. № 1 (9). S. 50–54.
4. Zazhigalkin V. E. «Dropy» – instrument organizacii i ispolneniya kontrabandy podkontrol'nyh psihoaktivnyh veshchestv s ispol'zovaniem sovremennyh telekommunikacionnyh resursov // Narkokontrol'. 2018. № 3. S. 28–30. <https://doi.org/10.18572/2072-4160-2018-3-28-30>
5. Blagov E. V. Obshchaya teoriya primeneniya ugolovnogo prava : monografiya. Yaroslavl' : Yaroslavskij gosudarstvennyj universitet im. P. G. Demidova, 2003. 258 s.
6. Gauhman L. D. Kvalifikaciya prestuplenij : zakon, teoriya, praktika. Moskva : Centr Yurinfor. 2001. 315 s.
7. Kudryavcev V. N. Obshchaya teoriya kvalifikacii prestuplenij : monografiya. 2-e izd., pererab. i dopoln. Moskva : Yurist". 2004. 304 s.
8. Duyunov V. K., Hlebushkin A. G. Kvalifikaciya prestuplenij: zakonodatel'stvo, teoriya, sudebnaya praktika : monografiya. 2-e izd. Moskva : Infra-M, 2015. 384 s.

9. Zheludkov M. A. Dropperstvo kak novyj vid souchastiya v hishchenii denezhnyh sredstv // *Pravo : istoriya i sovremennost'*. 2025. T. 9, № 3. S. 378–388. <https://doi.org/10.17277/pravo.2025.03.pp.378-388>
10. Rarog A. I. Problemy kvalifikacii prestuplenij po sub"ektivnym priznakam : monografiya : [Osnovy obshchej teorii kvalifikacii prestuplenij, osnovy ucheniya o sub"ektivnoj storone prestupleniya, kvalifikaciya prestuplenij po priznakam sub"ektivnoj storony, kvalifikaciya prestuplenij po priznakam sub"ekta]. Moskva : Prospekt, 2015. 232 s.
11. Bohan A. P. Fakticheskaya oshibka v priznakah ob"ektivnoj storony // *Zametki uchenogo*. 2021. № 6–1. S. 439–441.
12. Kovalev M. I. Souchastie v prestuplenii : [monografiya] : v 2 ch. Sverdlovsk : Ural'skij rabochij, 1962. Ch. 2: Vidy souchastnikov i formy uchastiya v prestupnoj deyatel'nosti. 275 s.
13. Ter-Akopov A. A. Prestuplenie i problemy nefizicheskoy prichinnosti v ugovnom prave : [monografiya]. Moskva : Yurkniga, 2003. 478 s.
14. Ivanov N. G. Ponyatie i formy souchastiya v sovetskom ugovnom prave. Ontologicheskij aspekt. Saratov : Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta, 1991. 127 s.
15. Kriger G. A. Otvetstvennost' za hishchenie gosudarstvennogo i obshchestvennogo imushchestva po sovetskomu ugovnomu pravu. Moskva : Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1957. 208 s.

Научная статья
УДК 343.01

Общепреventивное воздействие норм уголовного и уголовно-исполнительного законодательств

Алексей Александрович Кузнецов, кандидат юридических наук, доцент

Сочинский филиал Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)
Сочи (Краснодарский край, 354000, ул. Дагомысская, д. 42), Российская Федерация
omsklaw07@mail.ru
<https://orcid.org/0009-0008-7894-338X>

Аннотация:

Введение. Меры государственного принуждения, применяемые к лицам, совершившим преступление, не могут быть эффективными без сформированной идеологии противодействия преступности, которая в равной степени пронизывает как уголовное, так и уголовно-исполнительное законодательство. Общепреventивное воздействие, в отличие от специального, традиционно связывается в доктрине преимущественно с нормами уголовного права, тогда как средства уголовно-исполнительного характера принято рассматривать как инструмент, ориентированный исключительно на осужденных. Между тем подобное разделение представляется искусственным, не учитывающим исторической традиции единства карательного и пенитенциарного регулирования, а также современных реалий формирования общественного сознания. В настоящей статье предпринята попытка пересмотреть устоявшиеся представления об оказании общего превентивного влияния на население применения норм уголовно-исполнительного законодательства. **Методы.**

Для достижения целей исследования применялись различные научные методы: материалистическая диалектика как универсальный метод познания, общенаучные методы познания (системно-структурный, анализ, синтез, индукция, дедукция), исторический метод в сочетании с герменевтическим, а также частнонаучные методы, такие как сравнительно-правовой, метод правового моделирования и экстраполяции, опросы и анкетирование как разновидность социологического метода.

Результаты. Вопреки распространенному в отечественной доктрине мнению о второстепенной роли уголовно-исполнительного права в общей превенции, автором обосновывается положение, согласно которому сама возможность реализации общепреventивного воздействия заложена в исторически сложившемся негативном отношении общества к наказанию и процессу его отбывания. Результаты проведенного анкетирования свидетельствуют о наличии у населения устойчивого представления о тяготах и лишениях, сопровождающих реализацию уголовного наказания. Опрос сотрудников уголовно-исполнительной системы показал, что большинство из них скептически оценивают общепреventивный потенциал применяемых мер, что во многом обусловлено догматическим разделением уголовного и уголовно-исполнительного права в советской и постсоветской науке. Автор приходит к выводу, что искусственное размежевание двух отраслей привело к недооценке роли стадии исполнения наказания в формировании общественного правосознания. Возврат к пониманию единой природы уголовно-правового принуждения, где наказание и его реализация представляют собой неразрывные элементы, способен повысить эффективность общего предупреждения преступлений без расширения репрессивного аппарата.

Ключевые слова:

ответственность, уголовное право, уголовно-исполнительное право, государственное принуждение, уголовно-правовое воздействие, общее предупреждение, превенция

Для цитирования:

Кузнецов А. А. Общепреventивное воздействие норм уголовного и уголовно-исполнительного законодательства // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2026. № 2 (110). С. 117–126.

Статья поступила в редакцию 20.03.2026;
одобрена после рецензирования 25.05.2026;
принята к публикации 25.06.2026.

Original article

The general preventive impact of provisions of criminal and penal legislation

Alexey A Kuznetsov, Cand. Sci. (Jurid.), Docent

Sochi Branch of the All-Russian State University of Justice
42, Dagomysskaya str., Sochi, Krasnodar region, 354000, Russian Federation
omsklaw07@mail.ru
<https://orcid.org/0009-0008-7894-338X>

Abstract:

Introduction. The effectiveness of state coercive measures applied to individuals who have committed crimes depends on the existence of a well-defined ideology of crime control, which is consistently reflected in both criminal law and penal legislation. The principle of general deterrence, as distinguished from specific deterrence, is conventionally linked in legal doctrine primarily with the provisions of criminal law. At the same time, penal enforcement measures are generally regarded as instruments focused only on convicted offenders. Nevertheless, this distinction seems somewhat artificial, as it fails to take into account the historical tradition of treating penal and correctional regulation as a unified system, as well as the contemporary realities of formation of public opinion and legal consciousness. The present article seeks to re-examine the prevailing understanding of the general preventive impact of implementing provisions of correctional legislation. **Methods.** To achieve the research objectives, various scientific methods were applied, including dialectical materialism as a universal method of cognition, general scientific (such as system-structural analysis, synthesis, induction, deduction), the historical method combined with the hermeneutic method, as well as specialized research methods, including comparative legal analysis, legal modelling, extrapolation, and socio-logical methods in the form of surveys and questionnaires. **Results.** The prevailing Russian legal doctrine, which assigns a secondary role to penal enforcement law in achieving general prevention is contradicted by the author's argument that the possibility of achieving a general preventive impact is grounded in society's historically established negative attitude and perception towards punishment and the process of serving a sentence. The findings of the questionnaire survey indicate that the public has a firmly established perception of the hardships and deprivations associated with the enforcement of criminal punishment. The survey of personnel within the penal system has revealed that the majority of respondents are sceptical about the preventative potential of measures being implemented. This perspective is primarily attributable to the rigid dichotomy between criminal law and penal law, which has been traditionally upheld in Soviet and post-Soviet academic discourse. The author concludes that the artificial distinction of these two branches has led to an underestimation of the role played by the enforcement of punishment in shaping public legal consciousness. A return to the principle of a unified system of law and law enforcement, in which the punishment and its law enforcement are inextricably linked and inseparable, has the potential to improve and enhance the effectiveness of general crime prevention without expanding the law enforcement apparatus.

Keywords:

liability, criminal law, penal law, state coercion, criminal law impact, general deterrence, prevention

For citation:

Kuznetsov A. A. The general preventive impact of provisions of criminal and penal legislation // *Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia*. 2026. № 2 (110). P. 117–126.

The article was submitted March 20, 2026;
approved after reviewing May 25, 2026;
accepted for publication June 25, 2026.

Введение

Любые меры принуждения отображают позицию государства в отношении тех, кто совершил общественно опасные деяния. Эти средства так или иначе максимально политизированы, неся в себе основной посыл власти как к тем, кто уже совершил преступление, так и к тем, кто еще не преступил черту уголовного закона. Сущность такого посыла содержит (или должна содержать) идеологический заряд, позволяющий донести в первую очередь до практических органов и до населения в целом центральную идею противодействия преступности, которая актуальна для данного временного отрезка. Именно эта идея и несет в себе основной заряд общепреventивного воздействия в отношении населения в целом, представляя собой начала общего противодействия преступности, которым сегодня в отечественной доктрине внимания уделяется не так много [1, с. 131–138; 2, с. 85–88].

Методы

Исследование общепреventивного воздействия норм уголовного и уголовно-исполнительного законодательства проводилось с использованием как общенаучных, так и частнонаучных методов познания. Универсальной методологической основой выступила материалистическая диалектика, позволившая рассмотреть эволюцию представлений о превентивной функции наказания и его исполнения в историческом развитии. Применение системно-структурного метода, анализа, синтеза, индукции и дедукции дало возможность выявить взаимосвязи между уголовно-правовыми и уголовно-исполнительными средствами принуждения в их влиянии на общественное сознание. Исторический метод, дополненный герменевтическим подходом, обеспечил понимание трансформации законодательных формулировок целей исполнения наказания от Исправительно-Трудового кодекса РСФСР 1924 г.¹ до современного Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации² (далее – УИК РФ). Сравнительно-правовой метод использовался для сопоставления доктринальных позиций относительно роли общей и частной превенции в обеих отраслях права. С помощью метода правового моделирования и экстраполяции сформулированы выводы о потенциальной эффективности объединенного механизма предупредительного воздействия. Наконец, социологический метод, реализованный через анкетирование и опросы граждан (1 250 респондентов) и сотрудников уголовно-исполнительной системы (123 респондента), позволил эмпирически подтвердить наличие у населения сформированного, хотя и не основанного на юридических знаниях, представления о карательной сущности исполнения наказания, что составляет основу реального общепреventивного эффекта.

Результаты

Между тем идеология противодействия преступности не может концентрироваться в пределах той или иной правовой отрасли, представляя собой основу единого механизма превенции. Невозможно отдельно разрабатывать и тем более внедрять в жизнь совершенно самостоятельные идеи в уголовном и уголовно-исполнительном законодательствах. Так же, как это, кстати, невозможно и применительно к другим сферам правового регулирования: административно-правовой, гражданско-правовой и т. д. Общепреventивное воздействие на то и общее, что не может реализовываться в пределах одной группы норм или одного направления воздействия. В этом отношении ответственность применительно к исследуемым в настоящей работе сферам правового регулирования, представляя собой по своей сути одно явление – принуждение в отношении тех, кто совершил преступление, идеологически, политически и даже экономически не может иметь разнонаправленный характер. Более того, при наличии разнонаправленных векторов как внутри каждой из отраслей, так и между ними, получение общепреventивного эффекта становится крайне затруднительным. Общее предупреждение преступлений, о котором так много в свое время было написано отдельными авторами, может быть реализовано исключительно при межотраслевом взаимодействии и совершенно неэффективно в случае приложения усилий в рамках отдельно взятой отрасли правового регулирования общественных отношений [3, с. 24]. В свою очередь та разобщенность, которая сегодня характерна для уголовного и уголовно-исполнительного права и законодательства, не может способствовать реализации данной задачи государства в его деятельности по противодействию преступности.

В основе такого разделения лежит сформировавшееся и в какой-то мере абсолютизированное представление относительно того, что все средства, применяемые в рамках уголовно-исполнительного права, способны оказывать лишь специально-преventивное воздействие, т. к. они остаются за пределами восприятия абсолютного большинства граждан и сконцентрированы на отдельно взятой категории – на тех, кто уже совершил преступление и признан в этом виновным³. Такой взгляд при безусловно серьезной доктринальной основе и традициях

¹ Об утверждении Исправительно-Трудового Кодекса РСФСР : постановление Всесоюзного центрального исполнительного комитета от 16 октября 1924 г. // Собрание узаконений РСФСР. 1924. № 86. Ст. 870. Утратил силу.

² Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 8 января 1997 г. № 1-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. № 2. Ст. 198.

³ Так, Е. Ю. Евстигнеева, исследующая механизм реализации норм уголовно-исполнительного права, считает, что основной задачей норм, закрепляющих реализацию наказания в виде лишения свободы, является формирование у осужденных уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития, т. е. исправление осужденных (Евстигнеева Е. Ю. Механизм реализации норм уголовно-исполнительного права, регулирующих исполнение наказания в виде лишения свободы : дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2008. с. 23). Вторит ей в этом отношении и И. Н. Коробова, которая отмечает, что перед нормами уголовно-исполнительного законодательства стоит совершенно самостоятельная цель формирования правомерного поведения осужденного (Коробова И. Н. Эффективность норм уголовно-исполнительного права : дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2010. С. 98).

не всегда объясняет правовую природу средств принуждения, применяемых в рамках уголовно-исполнительного законодательства. Важно при этом отметить, что его преобладание в доктрине происходит несмотря на то, что сам УИК РФ в ч. 1 ст. 1 так или иначе содержит указание на обязательность общей превенции. В частности, закон говорит: «Уголовно-исполнительное законодательство Российской Федерации имеет своими целями исправление осужденных и предупреждение совершения новых преступлений как осужденными, так и иными лицами». Впрочем, сама формулировка, в которой очередность видов предупреждения (на первом месте специальное), а также тональность законодателя (расстановка акцентов – «так и иными лицами»), при отсутствии указания на общество в целом как раз и позволяет вести речь об абсолютизированной позиции в пользу специального предупреждения преступлений. Все это, по мнению В. В. Бочкарева, «не позволяет в полном объеме сформировать единую юридическую конструкцию профилактики преступлений на уровне уголовно-исполнительного закона», оставляя его на традиционных позициях крайне узконаправленного действия [4, с. 20].

Отметим, что Исправительно-трудовой кодекс РСФСР 1924 г. в ст. 2 определял, что, например, такой вид наказания, как лишение свободы, имеет целью как общее предупреждение преступлений со стороны неустойчивых элементов общества, так и предупреждение дальнейших посягательств преступника. «Исправительно-трудовые учреждения создаются для приспособления преступника к условиям общежития путем исправительно-трудового воздействия, соединенного с лишением свободы, для предотвращения возможности совершения дальнейших преступлений». Более того, отмечают В. В. Бочкарев и Д. В. Горбань, законодатель этого периода в ст. 10 Исправительно-трудового кодекса РСФСР 1924 г. закрепил, что для наиболее успешной борьбы с преступностью и предупреждения развития рецидива исправительно-трудовую систему РСФСР дополняют учреждения, оказывающие различные виды помощи освобождаемым из мест заключения [5, с. 17–18; 6, с. 155–156]. В свою очередь, уже Исправительно-трудовой кодекс РСФСР от 18 декабря 1970 г.⁴ определял своей задачей обеспечение исполнения уголовного наказания с тем, чтобы оно не только являлось карой за совершенное преступление, но исправляло и перевоспитывало осужденных в духе честного отношения к труду, точного исполнения законов и уважения к правилам социалистического общежития, предупреждало совершение новых преступлений как осужденными, так и иными лицами, а также способствовало искоренению преступности. Видно, что идея общего предупреждения хотя и не была исключена законодателем полностью, но оказалась завуалированной в формулировке «так и иными лицами, а также способствовало искоренению преступности»⁵.

Обращая внимание на эту проблему, специалисты отмечают: «Несмотря на столь значимую роль предупреждения преступлений со стороны осужденных в деле функционирования учреждений и органов УИС⁶, а также длительный период законодательного развития предупредительного направления в пенитенциарном праве, в УИК РФ не предусмотрены задачи и принципы уголовно-исполнительного законодательства, связанные с предупредительным воздействием на осужденных, не обозначена конструкция системы средств предупредительного воздействия на осужденных, не закреплено специальное понятие „предупреждение совершения осужденными новых преступлений“» [5, с. 18].

Важно отметить, что уже сложившаяся ситуация также не отвечает предлагаемой нами идее ответственности в уголовно-правовой сфере. Единство ее механизма предполагает возможность участия в обоих уровнях превенции всех средств воздействия независимо от разделения на уголовно-правовой или уголовно-исполнительный блоки (либо такое разделение должно носить условный характер). И здесь, во-первых, крайне важно определить общепревентивный потенциал тех мер, которые отражены в уголовно-исполнительном законодательстве, а во-вторых, установить их связь со средствами в чистом виде уголовно-правового характера, обозначив таким образом их взаимозависимость друг от друга, в т. ч. и в вопросе общего предупреждения преступлений. Все это позволит в целом определить, каковы вообще перспективы общего предупреждения у всей отрасли, независимо от ее разделения на сферы и тем более статуса субъектов, в отношении которых происходит само регулирование и принуждение. От этого во многом будет зависеть и выбор конкретных средств, которыми эта отрасль должна будет наполняться.

В свое время Аристотель говорил, что «толпа воздерживается от дурных поступков не из высоких побуждений, а из страха перед наказанием; она повинуетя необходимости и карам

⁴ Исправительно-трудовой кодекс РСФСР (утв. Верховным Советом РСФСР 18.12.1970) (ред. от 21.12.1996) // Свод законов РСФСР. Т. 8. С. 753. Утратил силу.

⁵ Там же.

⁶ УИС – уголовно-исполнительная система (прим. авт.).

больше, чем советам и голосу совести...» [7, с. 76]. По большому счету вся суть общей превенции, именно стадии исполнения наказания, выражена в одном кратком, но емком суждении великого философа, хотя современные исследователи с ним не всегда соглашались. Так, Л. К. Еськова отмечает, что устрашение выступает важнейшим элементом как раз специальной превенции, доминируя именно в данном виде предупреждения, оказывая при этом незначительное влияние на превенцию общую [8, с. 13–18]. В этом высказывании вся суть противоречия между уголовным и уголовно-исполнительным правом, т. к. вопрос общего предупреждения преступлений – один из ключевых, способный как объединить, так и разделить все средства государственного принуждения. Однако за общепреventивное воздействие средств, регламентируемых уголовно-исполнительным правом, сегодня высказываются не так много специалистов. «Общее предупреждение как цель уголовно-исполнительного законодательства, отмечается авторами, реализуется опосредованно. Предусмотренные законом меры принуждения, достаточно жесткие условия отбывания наказания, ограничение прав и свобод осужденных должны воздействовать на неустойчивых граждан. Однако в данном случае имеет место психологическое воздействие не только на неустойчивых, но и на правопослушных граждан, поскольку в их сознании таким образом реализуется социальная справедливость и формируется уважение к закону»⁷. И это так же верно, как утверждение, согласно которому сама позиция относительно роли уголовно-исполнительного права в общей превенции, крайне зыбка. В. В. Лунеев прямо отмечал, что вся мировая пенитенциарная практика свидетельствует об отсутствии реальных механизмов перевоспитания, а ее показатель колеблется в пределах 30–50 %⁸. В то же время А. А. Пионтковский, анализируя исправительно-воспитательные институты Северной Америки конца позапрошлого столетия, делает вывод о значительно большем эффекте общепреventивных мер на перевоспитание осужденных, отмечая при этом их увлеченность чтением и обсуждением литературы, интеллектуальным развитием, получением профессиональных навыков, а также изучением и принятием общих нравственных начал и моральных установок. Акцент со стороны администрации учреждения именно на этом позволяет добиться больших успехов, чем применение мер принудительного характера⁹ [9].

Несмотря на доминирование в отечественной доктрине позиции о преобладании частной превенции в средствах воздействия уголовно-исполнительного характера¹⁰ [9, с. 25–26], мнение специалистов в данном вопросе нельзя назвать единым. Так, из 123 сотрудников уголовно-исполнительной системы, которым был задан вопрос о возможности общепреventивного воздействия средств, применяемых к лицам, осужденным за совершение преступлений, 109 указали на спорность самой возможности такого воздействия средствами уголовно-исполнительного принуждения. 12 человек сочли допустимой общую превенцию в ходе реализации средств принуждения, предусмотренных уголовно-исполнительным законодательством. Два респондента не имели по данному вопросу собственного мнения, но заявили, что оба вида превенции вполне допустимы для уголовно-исполнительного права и законодательства.

Общее представление населения об исследуемом явлении было получено в ходе опроса граждан, никак не связанных с уголовно-исполнительной системой, причем уровень образования и социальный статус опрашиваемых в расчет не принимались. Всего за период 2022–2025 гг. было опрошено 1 250 граждан на территории г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области, городов Краснодар, Сочи и Ростова-на-Дону, в возрасте от 25 до 60 лет. Респондентам были заданы всего два вопроса: знают ли они, какие меры могут применяться к лицам, отбывающим наказание за допущенные нарушения, а также откуда они это знают (если ответ на первый вопрос был утвердительным)?

Интересно, что 100 % опрошенных полагают, что при нарушении правил отбывания наказания должны следовать какие-либо меры ответственности. При этом разброс мнений

⁷ Уголовно-исполнительный кодекс РФ : [сайт]. URL: <https://uikod.ru/obshchaya-chast/razdel-1/glava-1/st-1-uikod/kommentarii> (дата обращения: 26.12.2025).

⁸ Лунеев В. В. Курс мировой и российской криминологии : учебник : [в 2 т.]. Москва : Юрайт, 2011. Т. 1: Общая часть. С. 961–962.

⁹ В частности, автор пишет, что: «Весь механизм Эльмирского института направлен на создание для заключенных условий, могущих благотворно отразиться на их физическом и духовном я, развить в них человеческое достоинство, привычки к честной и трудовой жизни и убить преступные наклонности» (См.: Пионтковский А. А. Исправительно-воспитательные институты в Северной Америке // [Сочинения] А. А. Пионтковского. Ярославль : типо-лит. Э. Г. Фальк, 1897, 26 с.).

¹⁰ См.: Бочкаврев В. В. Уголовно-исполнительные средства предупреждения преступлений со стороны осужденных в местах лишения свободы // Право и политика : [сетевое издание]. 2016. № 8. С. 1014–1023. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=52679. <https://doi.org/10.7256/1811-9018.2016.8.15545> ; Марцев А. И. Специальное предупреждение преступлений : учебное пособие. Омск : Омская высшая школа милиции, 1977. 84 с.

в данной части был достаточно широк: от назначения нового наказания или увеличения объема ранее назначенного вплоть до физических наказаний. Также крайне важно, что нередко респонденты достаточно верно называли те средства принуждения, которые сегодня фактически существуют. В основном это относится к помещению нарушителей в какие-либо специализированные помещения на определенный срок. В какие учреждения и на какой срок, значения не имеет, поскольку опрашиваемая категория респондентов не осведомлена о подробностях содержания заключенных. А вот ответы на вопросы – почему они так думают и существует ли вообще источник информации, из которого они черпали такие данные – весьма и весьма разнообразны. Их разброс – от личного проявления интереса к данной тематике (2–3 % респондентов) до кинематографа; художественной (в основном детективной либо исторической) литературы, общения с другими людьми (не обязательно осужденными за совершение преступлений) и др.

Можно сделать вывод, что общее представление у граждан о тяготах и лишениях, сопровождающих реализацию уголовного наказания, безусловно, присутствует. Это представление носит однозначно негативный, лишенный романтизма, характер. В связи с этим говорить о том, что средства принуждения, типичные для уголовно-исполнительной системы, не способны оказывать влияния на общественное сознание, а соответственно, и на общее предупреждение преступлений, не совсем корректно. В этом отношении абсолютно прав законодатель, который в рамках ст. 1 УИК РФ, хотя и косвенно, но тем не менее на данное направление действия норм уголовно-исполнительного права все же указывает.

С. В. Максимов в своей работе, посвященной общему предупреждению преступлений, одну из глав назвал «От страха к привычке» [3, с. 4], и это именно то самое состояние, которое характерно для любого человека применительно к каре и возмездию. Это исторически воспитанное и отчасти генетически переданное чувство, объяснить которое ни один из обывателей-респондентов по сути логически не способен, но при этом давая все основания полагать, что оно носит откровенно бессознательный характер. Нельзя не согласиться с автором, что первичным универсальным источником общепреventивного воздействия выступает весь криминально-правовой комплекс, порождающий существование криминально-правового сознания, включающего соответствующие знания, представления, требования, оценки, эмоции и др. [3, с. 37]. Только при таком видении могло сформироваться то отношение к исполнению наказания, которое мы увидели в ходе опроса обычных граждан. Впрочем, с учетом того, что исторически разделение на отдельные правовые сферы не было типичным, иной позиции по данному вопросу, скорее всего, быть не может.

Единое законодательство обеспечивало и централизацию в формировании общественного сознания, которое базировалось на общем представлении о каре со стороны государства. Отсюда и тот, на первый взгляд, не совсем объяснимый, но уже сформировавшийся подход к отбыванию наказания как к негативному явлению. В этом и суть общей превенции, мощным фундаментом которой является ее историческая обусловленность. Общее понимание и общее представление о наказании и процессе его реализации среди простых граждан при отсутствии искусственного культивирования идеи их романтизации неизбежно влечет возникновение общепреventивного эффекта.

Психология общественного сознания такова, что его формирование строится на значительном количестве факторов, от исторического до ситуативного, и зависит от целого ряда субъективных обстоятельств: видений, представлений, предубеждений, установок и предубеждений, моды (неважно на что) и многого другого. Например, применительно к средствам уголовно-правового воздействия М. В. Бавсун пишет, что в его содержании имеется информационное начало, способное оказывать влияние на общественное сознание, в меньшей степени ориентируясь на отдельно взятую личность. Отсюда, отмечает автор, спорной видится и концепция уголовно-правового воздействия, подразумевающая в качестве ее центрального элемента наказание, а все остальные средства уголовно-правового характера – в качестве вспомогательных составляющих, способных лишь определять, усиливать или смягчать его применение¹¹. И. Э. Звечаровский, например, не наделяет статусом уголовно-правовых средств принудительные меры медицинского характера в связи с отсутствием у лица в момент совершения деяния осознания общественной опасности своего поведения [10, с. 20]. Поддерживает его и С. И. Курганов, полагающий, что основанием для применения мер уголовно-правового характера может выступать только правонарушающее поведение, которое при этом соотносится с наказанием (принуждением) [11, с. 62].

¹¹ Бавсун М. В. Уголовно-правовое воздействие (идеология, цели и средства реализации) : дис. ... д-ра юрид. наук. Омск, 2013. С. 49.

«Опираясь на обозначенную позицию, часто сводимую в отечественной доктрине к представлению об уголовно-правовом воздействии как о перечне мер, способных оказать влияние только на лиц, уже совершивших преступление, можно увидеть его полное отождествление с наказанием. Между тем, учитывая толкование термина „воздействие“, нужно отметить, что его оценка исключительно с позиции карательного содержания выглядит искусственно зауженной и непродуктивной. Полагаю, что именно такое представление о содержании уголовно-правового реагирования на преступность значительным образом, во-первых, отличает ее от подхода, сформировавшегося к данной проблеме за рубежом, а во-вторых, создает существенные ограничения в установлении конкретных средств противодействия преступности в России. Перечень средств для получения положительного эффекта от подобной деятельности должен, наоборот, двигаться в направлении его расширения и не сводиться к одному способу реагирования на преступность – наказанию.

На основании этого при формировании комплекса мер уголовно-правового воздействия важен не только учет правонарушающего поведения виновного или соответствие выбираемых мер критерию специального предупреждения преступлений, но и их возможность оказывать влияние в целом на общество, а также способность находиться в рамках нормативно закрепляемых целей и задач их реализации. Нет сомнений в том, что указанные выше критерии имеют немалое значение при определении того, что конкретно должно составлять содержание института уголовно-правового воздействия, однако следует признать их второстепенную роль по отношению к целям и задачам, от которых напрямую зависит наполнение содержания любого явления. Сам факт включения какого-либо элемента в структуру исследуемого института зависит от наличия потребности противодействия тому или иному явлению, желания достичь определенных результатов, что и обуславливает не только само содержание воздействия, но и направленность используемых при этом средств»¹².

То же самое можно сказать и о способности средств уголовно-исполнительного характера, которые в действительности оказывают гораздо большее влияние на сознание человека, чем те функции, которыми их привыкли наделять. Во многом это обусловлено современными условиями жизни, в частности, появившимися возможностями коммуникации как таковой. Недаром «современная философия вновь стала обращаться к теме intersubjectивности как отражения происходящих в современных коммуникативных реалиях перемен» [12, с. 23]. Intersubjectивность так же, как и современная коммуникация как таковая, начала приобретать элементы открытости, сохраняя социальность и межличностность. Одновременно массовая коммуникация и межличностное общение взаимопересекаются и взаимообогащаются [13]. «Сегодня массовой коммуникации подвластна не только эта реальность, но ею создан новый мир...» [12, с. 23].

Прогресс серьезно повлиял на психологический фактор, который всегда присущ коллективному сознанию, чутко реагирующему на любые трансформации. С учетом их управляемости и целенаправленности в большинстве случаев общее восприятие начинает носить всеобъемлющий характер. Отсюда и тезис, согласно которому средства принуждения, применяемые к ограниченному числу лиц, отбывающих наказание, способны оказывать соответствующее влияние на коллективное сознание. И дело в данном случае не в распространенности их самих или той негативной информации о них, которая была бы способна оказывать такое влияние. Достаточно самого отношения к наказанию как к наиболее репрессивному средству принуждения, априори не способному избежать негативных последствий, по отношению к тому, кто был признан виновным в совершении преступления. Наказание изначально, т. е. исторически, относится к категории явлений, реализация которых в реальности носит однозначно отрицательный характер с точки зрения отдельно взятого субъекта правоотношения. Собственно, именно об этом говорят и данные опроса граждан, которые были приведены выше.

Данной категории респондентов был задан и другой вопрос, касающийся исключительно их отношения к наказанию как к средству принуждения государством тех, кто допустил общественно опасное поведение. Все опрошенные отметили однозначно негативную окраску самого термина – наказание, не говоря уже о его содержательной части, включающей элементы принуждения, кары и возмездия, каждый из которых способен иметь отрицательные последствия, причем эти последствия обладают отрицательным характером как для самого виновного, так и для общества в плане социально-психологических реакций на такое принуждение со стороны осужденного или их отдельных групп.

Что интересно, даже если провести анкетирование подростков и детей, то с большой долей вероятности можно предположить, что отношение к данной категории будет если и не

¹² Бавсун М. В. Указ. соч. С. 198.

аналогичным, то вряд ли принципиально иным, хотя образование и уровень их развития по идее этого не предполагает. У данных субъектов правоотношений серьезное влияние на восприятие именно наказания оказывает прямая зависимость (во всех смыслах этого слова) от родителей, и их восприятие зачастую оценивается через категорию – должное [14, с. 96–100], что с возрастом и трансформацией психики в чистом виде перерастает в негативное. Процесс взросления личности в данном случае напрямую влияет на ее отношение к исследуемому нами явлению, но важно совсем другое, а именно, что отношение к наказанию и, что важно, его содержанию, формируется с началом реализации минимального уровня социализации и общения. Наряду с исторической обусловленностью процесса, его институциональной поддержкой со стороны государства и субъективной значимостью для индивида, социально-психологический аспект выступает неотъемлемой частью общего механизма формирования отношения личности как к принуждению, так и к его реализации. Скрытность этих процессов для большей части населения не столь значима по сравнению с историческими и социально-психологическими процессами, которые и обеспечивают общепреventивный эффект любых средств, применяемых в уголовно-исполнительной системе.

В связи с этим С. В. Максимов делает следующий вывод: «На основе психологической концепции о борьбе мотивационных факторов можно выработать принципиально более правильный подход к изменению эффективности общепредупредительного воздействия уголовного закона и практики его применения» [3, с. 142]. В. Н. Кудрявцев считает, что «элементы поведения личности определяются не самими правовыми нормами и содержащимися в них предписаниями, а скорее представлениями об этих нормах и предписаниях, сложившимися в правосознании личности равно как и в ее нравственном сознании» [15, с. 81]. Поддерживает его и И. С. Ной, полагающий, что в том и суть общепредупредительного эффекта, что благодаря ему у субъекта правоотношения имеется вполне отчетливое понимание того, что он совершает, что за этим последует и что это будет иметь именно негативную окраску [16, с. 156]. Как правило, это не юридические знания, а общее представление об отрицательном характере последствий совершаемого преступления для виновного, которое возможно при его выявлении, основанное на историческом, социальном, психологическом и, даже генетическом факторах. При этом их эффективность многократно возрастает в случае четкого понимания неизбежности кары или возмездия за совершенное общественно опасное деяние. Речь в данном случае идет не только о наказании как таковом, и даже, наверное, не столько о нем, сколько о тех тяготах и лишениях, которые сопровождают его исполнение. Именно это страшит, и именно этот страх делает неизбежность наказания одним из наиболее жестких и репрессивных принципов всего уголовно-правового воздействия (в доктрине – лишь наказания).

«Установлено, что расчет на безнаказанность, неверие в реальность, нежелательных последствий преступного поведения входит в состав мотивационного комплекса большинства преступлений... мотивирующая роль наказания тем выше, чем неизбежнее оно представляется субъекту... Мнение о низкой раскрываемости преступлений создает неверие в действенность уголовно-правовых запретов и санкций, что делает маловероятным риск нежелательных последствий противоправного поведения, вследствие чего уголовный закон и его санкции теряют предупредительную силу...» [17, с. 31–32]. Отмечая масштабность данной проблемы, М. Д. Шаргородский пишет: «Когда остаются безнаказанными преступления, крупные или мелкие, а иногда даже такие о которых стало широко известно, т. к. о них писали газеты, это приводит к созданию в обществе представления о безнаказанности, т. е. к самому опасному с точки зрения эффективности наказания явлению» [18, с. 69]. В условиях высокой безнаказанности эффективность общего предупреждения существенно снижается, что сводит на нет результативность всей системы правосудия, в которой наказание, как известно, занимает центральное место. Как общее предупреждение, так и общее неверие в закон, кару и возмездие имеют одинаковые психологические предпосылки и установки, связь между которыми не может игнорироваться при разработке системы средств их реализации. В свою очередь система эта не может включать лишь само наказание или даже уголовно-правовое воздействие в целом, без их реализации невозможно добиться каких-либо успехов ни в общей, ни тем более, в частной превенции.

3 заключение

Искусственное разделение уголовного и уголовно-исполнительного права так же, как и законодательства, изменило отношение и к предупреждению преступлений, а точнее, к представлению о его содержании в зависимости от принадлежности к той или иной отрасли.

Исключение уголовно-исполнительной отрасли из сферы общепреventивного воздействия на общественное сознание происходило наряду с процессом разделения обеих отраслей уголовно-правового регулирования, начавшимся еще в середине позапрошлого столетия. Укрепление этой тенденции в начале двадцатого века и доминирующее культивирование в советский период обособления (разграничения предметных отраслей) различных правовых сфер в конечном итоге привело и к доктринальному разделению (по сути, тотальной специализации). В свою очередь дифференциация, которая произошла в теории, повлекла за собой создание многих догм, глубоко проработанных и серьезно обоснованных, прошедших более чем полувековую апробацию в практической деятельности государственных (включая и правоохранительные) органов. Между тем преодоление этих (как и других) догм всегда представляет собой целенаправленную деятельность, основанную на глубоком понимании тупиковости возникшей ситуации, ее опасности для дальнейшего положения вещей, отсутствии возможности прогресса или хотя бы минимального развития на том месте, где догма создала четкое представление о верности и неизбежности когда-то избранного подхода. В свою очередь признание факта равнозначности обеих отраслей права в общем предупреждении преступлений есть не что иное, как возврат к историческим тенденциям, формирование которых происходило не одно столетие и имеет общемировой характер. Это факт признания центральной роли наказания в данном процессе, роль которого не может сводиться исключительно к статусности, минуя стадию его реализации, содержащую основную часть тех тягот и лишений (репрессий), которые претерпеваются лицом, совершившим преступление и признанным в нем виновным.

Список источников

1. Бавсун М. В., Векленко В. В. Идеологические основы уголовно-правового воздействия // Российский юридический журнал. 2013. № 5 (92). С. 131–138.
2. Стебенева Е. В. Идеология в структурной модели противодействия коррупции / Актуальные вопросы обеспечения национальной безопасности : материалы III международной научно-практической конференции, г. Санкт-Петербург, 13 декабря 2024 г. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургская академия Следственного комитета, 2025. С. 85–88.
3. Максимов С. В., Марцев А. И. Общее предупреждение преступлений и его эффективность : монография. Томск : Национальный исследовательский Томский государственный университет, 1989. 235 с.
4. Бочкарев В. В. Предупредительная функция норм уголовно-исполнительного законодательства // Вестник Кузбасского института. 2015. № 4 (25). С. 19–25.
5. Бочкарев В. В., Горбань Д. В. К вопросу о предупреждении совершения осужденными к лишению свободы новых преступлений как цели уголовно-исполнительного законодательства // Вестник Кузбасского института. 2022. № 4 (53). С. 16–24. [https://doi.org/10.53993/2078-3914/2022/4\(53\)/16-24](https://doi.org/10.53993/2078-3914/2022/4(53)/16-24)
6. Теохаров А. К. О целях и назначении уголовно-исполнительного законодательства // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 9 (70). С. 151–158. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2016.70.9.151-158>
7. Аристотель. Риторика : Поэтика : [сборник] / [перевод с древнегреческого Н. Платоновой («Риторика»), В. Аппельрота («Поэтика»)]. Москва : АСТ, 2018. 348 с.
8. Еськова Л. К. Устрашение как элемент общей превенции // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2022. № 4 (239). С. 13–17. <https://doi.org/10.51522/2307-0382-2022-239-4-13-17>
9. Пионтковский А. А. Избранные труды : монография : [в 2 т.]. Казань : Казанский государственный университет, 2004. Т. 1. 343 с.
10. Звечаровский И. Э. Понятие мер уголовно-правового характера // Законность. 2007. № 1 (867). С. 19–21.
11. Курганов С. И. Меры уголовно-правового характера // Уголовное право. 2007. № 2. С. 59–63.
12. Ильченко Д. А. Факторы формирования общественного сознания как открытой системы в современной России // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2017. № 3. С. 22–30. <https://doi.org/10.18384/2310-7227-2017-3-22-30>
13. Интерсубъективность в науке и философии / Алексеев А. Ю., Антоновский А. Ю., Аршинов В. И. [и др.] ; отв. ред. Н. М. Смирнова. Москва : Канон+, 2014. 415 с.
14. Маслова Т. Ф., Смагина М. В. Наказание детей // Социологические исследования. 2011. № 7 (327). С. 96–100.
15. Кудрявцев В. Н. Право и поведение : монография. Москва : Юридическая литература, 1978. 191 с.
16. Ной И. С. Сущность и функции уголовного наказания в Советском государстве : Политико-юридическое исследование. Саратов : Издательство Саратовского университета, 1973. 193 с.
17. Ефремова Г. Х., Ратинов А. Р. Правовая психология и преступное поведение. Теория и методология исследования : монография. Красноярск : Издательство Красноярского университета, 1988. 256 с.
18. Шаргородский М. Д. Наказание, его цели и эффективность. Ленинград : Издательство Ленинградского университета, 1973. 160 с.

References

1. Bavsun M. V., Veklenko V. V. Ideologicheskie osnovy ugovolno-pravovogo vozdejstviya // Rossijskij juridicheskij zhurnal. 2013. № 5 (92). S. 131–138.
2. Stebeneva E. V. Ideologiya v strukturnoj modeli protivodejstviya korrupcii / Aktual'nye voprosy obespecheniya nacional'noj bezopasnosti : materialy III mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, g. Sankt-Peterburg, 13 dekabrya 2024 g. Sankt-Peterburg : Sankt-Peterburgskaya akademiya Sledstvennogo komiteta, 2025. S. 85–88.
3. Maksimov S. V., Marcev A. I. Obshchee preduprezhdenie prestuplenij i ego effektivnost' : monografiya. Tomsk : Nacional'nyj issledovatel'skij Tomskij gosudarstvennyj universitet, 1989. 235 s.

4. Bochkarev V. V. Predupreditel'naya funkciya norm ugovolno-ispolnitel'nogo zakonodatel'stva // Vestnik Kuzbasskogo instituta. 2015. № 4 (25). S. 19–25.
5. Bochkarev V. V., Gorban' D. V. K voprosu o preduprezhdenii soversheniya osuzhdennymi k lisheniyu svobody novyh prestuplenij kak celi ugovolno-ispolnitel'nogo zakonodatel'stva // Vestnik Kuzbasskogo instituta. 2022. № 4 (53). S. 16–24. [https://doi.org/10.53993/2078-3914/2022/4\(53\)/16-24](https://doi.org/10.53993/2078-3914/2022/4(53)/16-24)
6. Teoharov A. K. O celyah i naznachenii ugovolno-ispolnitel'nogo zakonodatel'stva // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. 2016. № 9 (70). S. 151–158. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2016.70.9.151-158>
7. Aristotel'. Ritorika : Poetika : [sbornik] / [perevod s drevnegrecheskogo N. Platonovoj («Ritorika»), V. Appel'rota («Poetika»)]. Moskva : AST, 2018. 348 s.
8. Es'kova L. K. Ustrashenie kak element obshchej prevencii // Vedomosti ugovolno-ispolnitel'noj sistemy. 2022. № 4 (239). S. 13–17. <https://doi.org/10.51522/2307-0382-2022-239-4-13-17>
9. Piontkovskij A. A. Izbrannye trudy : monografiya : [v 2 t.]. Kazan' : Kazanskij gosudarstvennyj universitet, 2004. T. 1. 343 s.
10. Zvecharovskij I. E. Ponyatie mer ugovolno-pravovogo haraktera // Zakonnost'. 2007. № 1 (867). S. 19–21.
11. Kurganov S. I. Mery ugovolno-pravovogo haraktera // Uголовное право. 2007. № 2. S. 59–63.
12. Il'chenko D. A. Faktory formirovaniya obshchestvennogo soznaniya kak otkrytoj sistemy v sovremennoj Rossii // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki. 2017. № 3. S. 22–30. <https://doi.org/10.18384/2310-7227-2017-3-22-30>
13. Intersub"ektivnost' v nauke i filosofii / Alekseev A. Yu., Antonovskij A. Yu., Arshinov V. I. [i dr.] ; otv. red. N. M. Smirnova. Moskva : Kanon+, 2014. 415 s.
14. Maslova T. F., Smagina M. V. Nakazanie detei // Sociologicheskie issledovaniya. 2011. № 7 (327). S. 96–100.
15. Kudryavcev V. N. Pravo i povedenie : monografiya. Moskva : Yuridicheskaya literatura, 1978. 191 s.
16. Noj I. S. Sushchnost' i funkcii ugovolnogo nakazaniya v Sovetskom gosudarstve : Politiko-yuridicheskoe issledovanie. Saratov : Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta, 1973. 193 s.
17. Efremova G. H., Ratinov A. R. Pravovaya psihologiya i prestupnoe povedenie. Teoriya i metodologiya issledovaniya : monografiya. Krasnoyarsk : Izdatel'stvo Krasnoyarskogo universiteta, 1988. 256 s.
18. Shargorodskij M. D. Nakazanie, ego celi i effektivnost'. Leningrad : Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta, 1973. 160 s.

Научная статья
УДК 343.13

Особенности представления результатов оперативно-розыскной деятельности при возобновлении производства по уголовному делу

Исфандиер Ахмад Одиназода, кандидат юридических наук, докторант

Академия МВД Республики Таджикистан
Душанбе (734024, ул. Мاستонгулов, д. 3), Республика Таджикистан
Кубанский государственный университет
Краснодар (350040, ул. Ставропольская, д. 149), Российская Федерация
diyor-13@mail.ru
<http://orcid.org/0009-0003-5406-3090>

Аннотация:

Введение. В статье рассматриваются особенности представления результатов оперативно-розыскной деятельности при возобновлении производства по уголовному делу ввиду новых обстоятельств или вновь открывшихся обстоятельств. Исследование опирается на анализ нормативных положений уголовно-процессуального и оперативно-розыскного законодательства Российской Федерации и законодательства Республики Таджикистан, а также на материалы судебной практики. Показано, что результаты оперативно-розыскных мероприятий, рассматриваемые в процессе пересмотра судебных решений при возобновлении производства по уголовному делу, занимают промежуточное положение между доказательством и источником информации, предназначенным для проверки достоверности ранее установленных обстоятельств. В ходе анализа выявлено отсутствие в законодательстве разграничения форм представления оперативных материалов в зависимости от стадии уголовного судопроизводства, что приводит к неоднородности правоприменительной практики. **Методы.** Методологический инструментарий исследования включает системный подход, применяемый для анализа взаимодействия институтов уголовного судопроизводства и оперативно-розыскной деятельности; формально-юридический метод, обеспечивающий выявление логических и понятийных связей между нормами указанных источников; а также сравнительно-правовой анализ, позволяющий установить общие черты и различия в регулировании процедур представления результатов оперативно-розыскной деятельности в России и Республике Таджикистан. **Результаты.** Автор вводит концепт «двойного стандарта процессуальной приемлемости» результатов оперативно-розыскной деятельности. В доказательственной плоскости сохраняется жесткий режим допустимости, основанный на проверке законности получения и документального оформления материалов. В информационно-оценочной плоскости, когда данные оперативно-розыскной деятельности используются для пересмотра дел или принятия иных процессуальных решений, применяется более гибкий подход, ориентированный на содержательную достоверность сведений. Это различие не закреплено нормативно, но фактически сложилось в судебной практике и отражает адаптацию процессуальных механизмов к ее потребностям судебного контроля. **Заключение.** Сделан вывод о формировании особого правового режима представления результатов оперативно-розыскной деятельности при возобновлении уголовных дел ввиду новых обстоятельств или вновь открывшихся обстоятельств, в котором объединяются элементы доказательственного и контрольного начала. Данный режим требует дальнейшего теоретического осмысления и уточнения его места в системе уголовного судопроизводства.

Ключевые слова:

оперативно-розыскная деятельность, возобновление производства по уголовному делу, допустимость доказательств, судебная оценка, процессуальные гарантии

Для цитирования:

Одиназода И. А. Особенности представления результатов оперативно-розыскной деятельности при возобновлении производства по уголовному делу // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2026. № 2 (110). С. 127–135.

Статья поступила в редакцию 14.11.2025;
одобрена после рецензирования 18.03.2026;
принята к публикации 25.06.2026.

Original article

Features of the presentation of the results of operational and investigative activities in the resumption of criminal proceedings

Isfandiyyor A. Odinzoda, Cand. Sci (Jurid.), Doctoral Student

Academy of the MIA of the Republic of Tajikistan
3, Mastongulov str., Dushanbe, 734024, Republic of Tajikistan
Kuban State University
149, Stavropolskaya str., Krasnodar, 350040, Russian Federation
diyor-13@mai.ru
<http://orcid.org/0009-0003-5406-3090>

Abstract:

Introduction. The article discusses the features of the presentation of the results of operational and investigative activities in the resumption of criminal proceedings due to new circumstances or newly discovered circumstances. The study is based on the analysis of the regulatory provisions of the criminal procedure and operational-search legislation of the Russian Federation and the legislation of the Republic of Tajikistan, as well as on the materials from judicial practice. It is shown that the results of operational-search activities, which are considered in the process of reviewing court decisions when the criminal case is resumed, occupy an intermediate position between evidence and a source of information intended to verify the reliability of previously established circumstances. The analysis reveals that the legislation does not distinguish between the forms of presentation of operational materials depending on the stage of criminal proceedings, which leads to the lack of uniformity in law enforcement practice.

Methods. The research methodology includes a systematic approach used to analyse the interaction between the institutions of criminal proceedings and operational investigative activities; a formal legal method that identifies logical and conceptual connections between the norms of these sources; and a comparative legal analysis that allows to identify common features and differences in the regulation of the procedures for presenting the results of operational investigative activities in Russia and in the Republic of Tajikistan. **Results.** The author introduces the concept of a "double standard of procedural admissibility" for the results of operational investigative activities. In the evidence-based plan a strict admissibility regime is maintained, based on the verification of the legality of obtaining and documenting materials. In the information-based plan, when data from operational and investigative activities are used to review cases or make other procedural decisions, a more flexible approach is applied, focusing on the substantive reliability of the information. This distinction is not legally established, but it has actually developed in judicial practice and reflects the adaptation of procedural mechanisms to the needs of judicial control. **Conclusion.** The article concludes that a special legal regime has been formed for presenting the results of operational and investigative activities when criminal cases are resumed due to new or newly discovered circumstances, which combines elements of evidence and control. This regime requires further theoretical analysis and clarification of its place in the system of criminal proceedings.

Keywords:

operational and investigative activities, resumption of criminal proceedings, admissibility of evidence, judicial assessment, procedural guarantees

For citation:

Odinazoda I. A. Features of the presentation of the results of operational and investigative activities in the resumption of criminal proceedings // Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia. 2026. № 2 (110). P. 127–135.

The article was submitted November 14, 2025; approved after reviewing March 18, 2026; accepted for publication June 25, 2026.

Введение

Возобновление производства по уголовному делу ввиду новых обстоятельств или вновь открывшихся обстоятельств представляет собой стадию, в которой наиболее отчетливо проявляется зависимость между оперативно-розыскной деятельностью и судебным пересмотром. На этом этапе возможна актуализация ранее собранных сведений, их повторное обращение в процессуальный оборот и проверка их достоверности уже в иной доказательственной среде.

Результаты оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД), нередко остававшиеся вспомогательным элементом при возбуждении или расследовании уголовного дела, в ситуации пересмотра судебного решения могут приобретать самостоятельное значение, становясь тем

основанием, которое ставит под сомнение обоснованность приговора или иного судебного акта. Тем самым именно в стадии возобновления производства ввиду новых обстоятельств или вновь открывшихся обстоятельств выявляется реальное взаимодействие двух правовых систем – уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной, поскольку «уголовно-процессуальная и оперативно-розыскная виды деятельности находятся в тесной связи между собой, обусловленной единством цели и общностью решаемых задач по защите прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений» [1, с. 121].

Однако на практике использование и представление результатов оперативно-розыскной деятельности в механизме пересмотра судебных решений остаются внутренне противоречивыми. С одной стороны, результаты ОРД способны выявлять новые факты и обстоятельства, ранее неизвестные суду. С другой стороны, их процессуальная форма не всегда отвечает требованиям допустимости, закрепленным в ст. 89 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации¹ (далее – УПК РФ). Отсюда вытекает основной исследовательский вопрос: Каким образом и в каком объеме результаты оперативно-розыскной деятельности могут быть представлены и использованы при пересмотре вступивших в законную силу судебных решений, если сама их природа не предполагает публичности и процессуальной верификации?

Цель настоящей статьи заключается в анализе правовой природы, процессуальных оснований и судебной практики представления результатов оперативно-розыскной деятельности при возобновлении производства по уголовному делу ввиду новых обстоятельств или вновь открывшихся обстоятельств. В рамках этой цели решаются задачи: определить соотношение представления и использования результатов оперативно-розыскной деятельности; выявить пределы их процессуальной допустимости при пересмотре судебных решений; проанализировать судебные подходы к оценке таких материалов, сложившиеся в практике российских судов и сопоставимые с положениями законодательства Республики Таджикистан.

Материалы и методы

Методологическая и источниковая база исследования опирается на комплекс нормативных, доктринальных и эмпирических источников, обеспечивающих целостное понимание порядка представления результатов оперативно-розыскной деятельности в стадии возобновления производства по уголовному делу. Нормативную основу составляют положения Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»² (далее – Закон об ОРД), регулирующего цели, принципы и пределы использования полученных в ходе ОРД материалов; Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд³, а также п. 36¹ ст. 5, ст. 89, ст. 413–415 УПК РФ, определяющие правовой режим представления и допустимости оперативных материалов в процессе пересмотра судебных решений. В сравнительно-правовом измерении использовано законодательство Республики Таджикистан – Закон «Об оперативно-розыскной деятельности»⁴ (далее – Закон об ОРД РТ) и положения Уголовно-процессуального кодекса⁵ (далее – УПК РТ), устанавливающие правила документирования и оценки результатов оперативной работы.

Эмпирическую основу составляют судебные решения, отражающие практическое применение указанных норм, которые демонстрируют подходы к оценке представленных результатов оперативно-розыскной деятельности: исключение материалов из доказательственной базы из-за нарушений порядка их представления и, напротив, принятие непроверенной справки-меморандума как допустимого источника сведений. Их сопоставление позволяет выявить противоречия в судебной практике и обозначить тенденцию к формированию гибридной модели восприятия оперативной информации в процессе пересмотра дел.

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4929.

² Об оперативно-розыскной деятельности : Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ (ред. от 29.12.2022) // СЗ РФ. 1995. № 33. Ст. 3349.

³ Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд : приказ МВД России, Министерства обороны Российской Федерации, Федеральной службы безопасности Российской Федерации, Федеральной службы охраны Российской Федерации, Федеральной таможенной службы, Службы внешней разведки Российской Федерации, Федеральной службы исполнения наказаний, Федеральной службы Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков, Следственного комитета Российской Федерации от 27 сентября 2013 г. № 776/703/509/507/1820/42/535/398/68 (зарег. в Минюсте России 05.12.2013, № 30544) // Российская газета. 2013. 13 декабря.

⁴ Об оперативно-розыскной деятельности : Закон Республики Таджикистан от 25 марта 2011 г. № 687 (с изм. и доп. на 18.07. 2017) // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. 2011. № 3. Ст. 155.

⁵ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан от 3 декабря 2009 г. № 564 (с изм. и доп. на 03.01.2024) // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. 2009. № 12. Ст. 816.

Методологический инструментарий исследования включает системный подход, применяемый для анализа взаимодействия институтов уголовного судопроизводства и оперативно-розыскной деятельности; формально-юридический метод, обеспечивающий выявление логических и понятийных связей между нормами указанных источников; а также сравнительно-правовой анализ, позволяющий установить общие черты и различия в регулировании процедур представления результатов ОРД в России и Республике Таджикистан.

Результаты

Представление результатов оперативно-розыскной деятельности при возобновлении уголовного дела ввиду новых обстоятельств или вновь открывшихся обстоятельств формирует особое звено связи между предварительным расследованием и судебным контролем. На этой стадии результаты ОРД перестают быть лишь вспомогательным инструментом выявления преступления и приобретают значение источника, способного поставить под сомнение достоверность установленных судом фактов.

Правовая природа такого представления носит двойственный характер. С одной стороны, результаты ОРД остаются элементом непроцессуальной деятельности, регулируемой специальным законом; с другой стороны, в момент их передачи суду они вовлекаются в сферу уголовного судопроизводства и подчиняются требованиям относимости, допустимости и достоверности [2].

В российском праве соотношение этих режимов закреплено в ст. 89 УПК РФ, предусматривающей возможность использования результатов ОРД в доказывании при условии соблюдения закона при их получении и оформлении. Однако указанная норма не устанавливает самостоятельной процессуальной формы их представления вообще и при пересмотре судебных актов в частности.

В результате складывается ситуация, при которой суды вынуждены оценивать такие материалы, исходя из внутреннего убеждения и требования о достаточности доказательств.

Так, в решении Ворошиловского районного суда г. Волгограда суд прямо указал на необходимость соблюдения установленного порядка представления результатов ОРД⁶. Отсутствие постановления руководителя органа, осуществлявшего оперативно-розыскные мероприятия, послужило основанием для исключения из доказательственной базы рапорта и CD-диска с видеозаписью, представленных в ходе предварительного следствия. Суд отметил: их использование противоречит требованиям ст. 11 Закона об ОРД и ст. 89 УПК РФ. Такой подход демонстрирует ориентацию на формально-правовую модель, при которой любое отклонение от установленного порядка влечет утрату доказательственного значения представленных материалов.

Иная ситуация сложилась в рамках судебного разбирательства в Краснодарском краевом суде⁷. В материалах дела фигурировала справка-меморандум, содержащая оперативно значимую информацию о намерении обвиняемого скрыться от следствия. Защита указывала, что данный документ представляет собой результат оперативно-розыскной деятельности и не отвечает критериям допустимости, закрепленным в ст. 89 УПК РФ, поскольку его источник и метод получения не были проверены.

Несмотря на эти доводы, суд первой инстанции принял справку-меморандум в качестве доказательства, обосновывающего необходимость заключения обвиняемого под стражу, а апелляционная инстанция признала это решение законным и обоснованным.

Выводы судебных инстанций отражают детали правоприменения: отсутствие критериев разграничения между допустимостью и информативностью результатов ОРД. На стадии возобновления уголовного дела ввиду новых обстоятельств или вновь открывшихся обстоятельств эта проблема приобретает особую значимость, поскольку в подобных ситуациях результаты ОРД используются не для формирования новой доказательственной базы, а для проверки достоверности уже установленных фактов и выявления новых обстоятельств [3; 4].

Следовательно, правовая природа представления оперативных материалов в случае пересмотра уголовного дела определяется не столько формой их получения, сколько процессуальной целью их использования.

Процессуальный режим представления результатов ОРД при возобновлении производства опирается на общие принципы доказательственного права. Согласно статье 413 УПК РФ,

⁶ Приговор Ворошиловского районного суда г. Волгограда от 16 февраля 2025 г. по делу № 1-82/2025 // Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт) : [сайт]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/e0FZ3cwwUmmg/> (дата обращения: 29.10.2025).

⁷ Апелляционное постановление Краснодарского краевого суда от 23 апреля 2025 г. № 22-2951/2025 по делу № 3 /1-7/2025 // Там же. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/yWgFk7ah2QrS/> (дата обращения: 29.10.2025).

пересмотр приговора или иного судебного решения возможен при наличии новых либо вновь открывшихся обстоятельств. Если основанием для возобновления выступают сведения, полученные в ходе ОРД, то они подлежат представлению в суд только при условии соблюдения требований закона к их происхождению и документальному оформлению.

В упомянутом деле Ворошиловского районного суда г. Волгограда суд отметил, что рапорт оперативного сотрудника и CD-диск с записью, переданные следователю без соответствующего постановления руководителя органа, осуществляющего ОРД, не могут рассматриваться как допустимые доказательства. Суд мотивировал свое решение прямым указанием на ст. 89 УПК РФ, запрещающую использование в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности, если они не отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам⁸.

Вместе с тем в другом деле – № 3/1-7/2025⁹, суд первой инстанции принял справку-меморандум как документ, содержащий сведения, влияющие на вопрос о мере пресечения. Несмотря на отсутствие процессуальной проверки источника информации, суд признал ее достоверной на основании внутреннего убеждения и ссылок следствия на иные материалы. Такое толкование нарушает установленный баланс между требованиями оперативной секретности и принципами гласности и состязательности уголовного процесса.

Инструкция о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд¹⁰ подчеркивает необходимость документального оформления представления таких результатов. Материалы должны передаваться посредством акта приема-передачи на основании постановления руководителя органа либо сопроводительного письма, что обеспечивает возможность установить законность их происхождения. Указанные требования нередко соблюдаются формально. В отсутствие единых процедур суды вынуждены самостоятельно определять, может ли тот или иной документ (рапорт, справка, служебное сообщение) рассматриваться как допустимая форма представления результатов оперативно-розыскной деятельности [5, с. 50].

При этом подходы к оценке таких документов варьируются: одни суды придают значение лишь надлежащему оформлению акта передачи, другие исходят из содержательной значимости представленных сведений, фактически приравнивая их к доказательствам без проверки источника.

Отсутствие унифицированных критериев приводит к тому, что в судебный оборот включаются материалы, не обладающие признаками процессуальной проверяемости и воспроизводимости. Это особенно заметно при пересмотре уголовных дел, когда вновь представленные документы не содержат данных о лицах, их составивших, или не сопровождаются постановлением о передаче [6, с. 36]. В таких случаях суд ограничен в возможности проверить законность происхождения сведений, что снижает уровень достоверности используемой информации. Неопределенность формы представления результатов ОРД создает риск фактического слияния оперативных и доказательственных источников, ослабляя грань между непроцессуальной информацией и доказательством в том смысле, который придает этому обстоятельству уголовно-процессуальный закон.

Судебная оценка представленных результатов является завершающим этапом их вовлечения в пересмотр уголовного дела. Она направлена на определение относимости, допустимости и достоверности сведений, а также на установление их влияния на возможность пересмотра судебного решения [7, с. 40]. В отличие от оценки доказательств, где применяются строго регламентированные критерии, проверка оперативных материалов носит смешанный характер и сочетает элементы формального контроля и внутреннего убеждения суда.

В существующей практике сложилось несколько моделей восприятия оперативной информации. Первая ориентирована на принцип формальной допустимости, когда суд признает результаты ОРД частью процессуального материала только при наличии доказательств их законного получения и надлежащего оформления. Вторая модель основана на функциональном подходе, при котором решающее значение придается содержательной обоснованности представленных сведений и их значению для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по делу, даже при отсутствии полного набора процессуальных атрибутов.

Обе модели соотносятся с двумя направлениями использования оперативной информации в теории уголовного процесса. Формальная модель опирается на презумпцию недопустимости доказательств, если не доказано соблюдение закона при их получении, и не обеспечивается

⁸ URL: <https://sudact.ru/regular/doc/e0FZ3cwwUmmg/> (дата обращения: 29.10.2025).

⁹ Апелляционное постановление Краснодарского краевого суда от 3 марта 2025 г. № 22-1585/2025 22К-1585/2025 по делу № 3/1-7/2025 // Там же. URL <https://sudact.ru/regular/doc/TEuO6UR9lXgT/> (дата обращения: 25.11.2025).

¹⁰ Российская газета. 2013. 13 декабря.

максимальный уровень процессуальных гарантий. Функциональная модель исходит из приоритета фактической достоверности и допустимости использования информации, способной восстановить справедливость, даже если она не полностью легализована. На практике именно сочетание этих подходов формирует современный характер судебного восприятия оперативных материалов.

При возобновлении уголовного дела ввиду новых обстоятельств или вновь открывшихся обстоятельств эти различия приобретают особое значение. Представленные результаты ОРД нередко становятся единственным источником сведений, способным выявить обстоятельства, не известные суду ранее [8, с. 20]. Поэтому суду приходится соотносить необходимость исправления возможной судебной ошибки с риском нарушения процессуальных гарантий [9, с. 44]. В результате складывается дифференцированная модель судебной оценки: для материалов, вводимых в доказательственную базу, применяется строгий контроль допустимости, а для сведений, используемых в целях проверки или уточнения фактов, – более гибкий режим [10, с. 11].

Такое разграничение демонстрирует тенденцию к формированию особого статуса результатов ОРД в пересмотре уголовных дел. Они не всегда рассматриваются как доказательства в традиционном понимании, но все чаще используются в качестве инструмента внутренней проверки достоверности уже установленных фактов [11]. Именно эта трансформация определяет современное понимание пределов использования результатов ОРД: их значение заключается не в замещении доказательственной базы, а в обеспечении механизма судебной ревизии выводов, сформированных на основе ранее исследованных доказательств [12, с. 87].

Сравнительный анализ российского и таджикского регулирования показывает их близость по структуре правового режима представления результатов оперативно-розыскной деятельности. В обеих правовых системах используется сходная законодательная техника: результаты ОРД упоминаются как источник сведений, которые могут быть использованы при производстве по уголовному делу, если получены и оформлены в соответствии с законом [13].

В положениях статей 89 УПК РФ и 84 УПК РТ сформулировано идентичное условие допустимости – проверка законности получения и документальной формы представления. Аналогичным образом в Законе об ОРД и Законе об ОРД РТ закреплено требование соблюдения конституционных гарантий личности при обращении с материалами, полученными в результате негласных мероприятий.

Законодатель обеих стран не выделяет специальных правил, определяющих форму представления результатов ОРД на разных стадиях уголовного судопроизводства, в т. ч. при возобновлении производства по делу ввиду новых обстоятельств или вновь открывшихся обстоятельств. Подобная конструкция отражает общий для постсоветской правовой системы подход, при котором институт оперативно-розыскной деятельности тесно интегрирован в систему доказывания, но не имеет обособленных процедурных механизмов легализации результатов для целей возобновления производства по уголовному делу¹¹.

Изложенное позволяет обозначить границы конструкции, отражающей специфику современного подхода к использованию результатов ОРД. Проверка результатов ОРД в уголовном судопроизводстве осуществляется по-разному в зависимости от целей их применения. Когда представленные материалы используются в качестве доказательств, их правовая оценка требует подтверждения законности получения, соблюдения установленного порядка оформления и документального воспроизведения источников сведений [14]. Если же данные оперативно-розыскного характера привлекаются для анализа обстоятельств дела или для обоснования необходимости пересмотра судебного решения, суды нередко исходят, прежде всего, из их содержательной достоверности и значимости для проверки ранее установленных фактов.

Такое расхождение в подходах постепенно складывается в правоприменительной практике. С одной стороны, это придает судебной деятельности гибкость, позволяя учитывать оперативную информацию при оценке полноты и законности уже состоявшихся решений. С другой стороны, отсутствие единых критериев повышает риск включения в процесс данных, не прошедших надлежащей процессуальной проверки, что ослабляет гарантии достоверности и может повлиять на устойчивость судебных выводов.

Суды воспринимают результаты ОРД как показатели достоверности иных доказательственных материалов, что формирует особый режим их использования – между доказательством и служебной информацией. В результате представление оперативных материалов в механизме пересмотра дел ввиду новых обстоятельств или вновь открывшихся обстоятельств, становится

¹¹ См.: Рахимзода Р. Х. Оперативно-розыскная политика по обеспечению экономической безопасности Республики Таджикистан: проблемы теории, методологии и практики (историко-правовой и общетеоретический анализ) : дис. ... д-ра юрид. наук. Душанбе, 2018. 582 с.

инструментом внутренней ревизии судебных выводов, где критерием допустимости выступает не форма, а функциональная пригодность сведений.

Институт представления результатов оперативно-розыскной деятельности при возобновлении производства по уголовному делу находится на этапе правовой и концептуальной эволюции. Практика демонстрирует формирование подхода, в рамках которого решающее значение придается содержательной обоснованности представленных сведений, в т. ч. полученных в результате проведения оперативно-розыскных мероприятий.

Обсуждение

Представление результатов ОРД при возобновлении производства по уголовному делу ввиду новых обстоятельств или вновь открывшихся обстоятельств отражает сложную взаимосвязь между двумя правовыми механизмами – оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной деятельностью. В теории они рассматриваются как относительно самостоятельные институты, но не составляет труда обнаружить зависимость судебного контроля от информации, добытой вне рамок процессуального доказывания.

Правоприменение уголовно-процессуального закона развивается на пересечении двух тенденций. Первая – стремление обеспечить безусловное соблюдение формальных гарантий допустимости, закрепленных в уголовно-процессуальном законе. Вторая – готовность правоприменителя учитывать фактическую ценность оперативных сведений при решении вопроса о законности, обоснованности и справедливости судебного решения.

Законодатель не дифференцирует формы представления материалов ОРД по стадиям уголовного судопроизводства, хотя при предварительном расследовании представление оперативных материалов подчинено логике формирования доказательственной базы, а при возобновлении дела их использование связано с функцией проверки достоверности уже исследованных фактов. Отсутствие нормативного разграничения этих режимов заставляет суды применять аналогичные критерии допустимости в ситуациях, где требуется иной, более специализированный подход.

В научном плане эта особенность указывает на формирование промежуточной зоны между доказательством и информацией, где материалы ОРД выполняют функцию проверки и уточнения, не подменяя собой доказательственную систему. Содержание таких материалов нередко становится катализатором процессуальной активности: именно они побуждают к пересмотру судебных решений, хотя формально не обладают статусом доказательства [15]. Поэтому представление результатов ОРД при возобновлении дела ввиду новых обстоятельств или вновь открывшихся обстоятельств выступает не столько актом передачи доказательственной информации, сколько механизмом инициирования судебного контроля над достоверностью выводов, сделанных ранее.

Расширение пределов допустимости оперативных данных влечет риск подмены доказательственной проверки ссылками на материалы, происхождение которых не получило процессуального подтверждения. Это ослабляет гарантии достоверности и может привести к смещению акцентов между задачей восстановления справедливости и требованием процессуальной законности. Сохранение равновесия между этими целями становится центральной проблемой современного применения результатов оперативно-розыскной деятельности в стадии пересмотра уголовных дел.

Обобщая выявленные закономерности, можно утверждать, что представление результатов ОРД при возобновлении производства ввиду новых обстоятельств или вновь открывшихся обстоятельств формирует особый правовой режим, в котором границы между оперативной информацией и доказательством становятся подвижными. Этот режим опирается не столько на формальные предписания закона, сколько на судебную интерпретацию и внутренние стандарты оценки достоверности. В результате оперативные материалы выполняют функцию дополнительного звена контроля над обоснованностью судебных решений, обеспечивая связь между непроцессуальной и процессуальной формами проверки достоверности ранее установленных обстоятельств.

3 Заключение

Проведенный анализ выявил устойчивую тенденцию к существованию двойного стандарта процессуальной приемлемости результатов оперативно-розыскной деятельности. Этот феномен проявляется в том, что одна и та же информация, полученная в ходе оперативно-розыскных

мероприятий, оценивается судами по-разному в зависимости от целей ее использования. Когда результаты представляются в доказательственных целях, рассматривается вопрос о допустимости, предполагающий обязательную проверку законности получения сведений, соблюдения порядка документального оформления и идентификации источников.

В иных случаях, когда оперативные сведения используются для решения процессуальных вопросов, не связанных напрямую с установлением виновности (при рассмотрении вопросов о мерах пресечения, пересмотре судебных решений, проверке оснований для возобновления производства ввиду новых обстоятельств или вновь открывшихся обстоятельств), суды склонны оценивать эти материалы на предмет содержательной достоверности и значимости информации для достижения назначения уголовного судопроизводства.

Двойной стандарт процессуальной приемлемости предлагается рассматривать как форму развития процессуального механизма, обеспечивающего интеграцию оперативных материалов в судебное познание. Его исследование представляет теоретическую и практическую значимость, поскольку именно этот механизм определяет границу между оперативной информацией и доказательством, а также формирует современное понимание роли результатов ОРД в обеспечении справедливости уголовного судопроизводства.

Список источников

1. Семенцов В. А. О недопустимости использования в доказывании сведений, полученных при негласном опросе подозреваемого, обвиняемого // Уголовное право. 2018. № 54. С. 118–121.
2. Рахмаджонзода Р. Р., Ализода П. Х., Таджали Д. А. Теоретическая модель уголовно-процессуального законодательства Республики Таджикистан : монография. Душанбе : ЭР-граф, 2019. 236 с.
3. Гуськова А. В. Институт возобновления производства по уголовным делам ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств как воплощение принципов уголовного судопроизводства и как отступление от них // Альманах № 1 : Дискуссионные аспекты развития и применения уголовно-процессуального законодательства : / под ред. М. П. Полякова, В. В. Терехина. Казань : БуК, 2018. С. 52–63.
4. Перетятко Н. М., Федюнин А. Е. Правовые проблемы возобновления производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств // Актуальные проблемы государства и права. 2024. Т. 8, № 1 (29). С. 130–139. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-1-130-139>
5. Алексеева Т. М. Правовая определенность судебных решений в уголовном судопроизводстве: понятие, значение и пределы : монография. Москва : Юрлитинформ, 2016. 208 с.
6. Романюк Д. А., Рыбак С. В. Теоретико-правовое наследие и современный опыт расследования нераскрытых преступлений прошлых лет : монография. Москва : Юрлитинформ, 2023. 224 с.
7. Калматов К. В., Чащина И. В., Великая Е. В. Возобновление производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств : монография. Москва : Проспект, 2016. 144 с.
8. Бажанов С. В. Методологические основы розыска : монография. Москва : Юрлитинформ, 2016. 176 с.
9. Ежова Е. В. Стадия возобновления производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств : проблемы и перспективы реформирования // Право и государство : теория и практика. 2025. № 8. С. 590–592. https://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_590
10. Алексеева Т. М. Возобновление производства по уголовному делу ввиду новых и вновь открывшихся обстоятельств: актуальные проблемы на примере конкретного дела // Уголовное судопроизводство. 2023. № 2. С. 33–37. <https://doi.org/10.18572/2072-4411-2023-2-33-37>
11. Валеев А. Т., Белов О. А., Софийчук Н. В. Стадия возобновления производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств: назначение и основания производства // Пенитенциарная наука. 2019. Т. 13, № 4 (48). С. 523–530. <https://doi.org/10.24411/2686-9764-2019-10012>
12. Францифоров Ю. В., Николайченко О. В., Смушкин А. Б. Возобновление и пересмотр дел ввиду новых и вновь открывшихся обстоятельств : монография. Москва : Русайнс, 2025. 138 с.
13. Махмудов И. Т. Понятие и сущность прокурорского надзора за исполнением законов в оперативно-розыскной деятельности (на тадж. яз.) // Вестник Таджикского национального университета. Серия социально-экономических и общественных наук. 2019. № 3-1. С. 183–191.
14. Доля Е. А. Формирование доказательств на основе результатов оперативно-розыскной деятельности : монография. Москва : Проспект, 2014. 376 с.
15. Стельмах В. Ю., Титов П. М. Результаты оперативно-розыскных мероприятий в уголовном судопроизводстве : монография. Москва : Юрлитинформ, 2020. 344 с.

References

1. Semencov V. A. O nedopustimosti ispol'zovaniya v dokazyvanii svedenij, poluchennyh pri neglasnom oprose podozrevaemogo, obvinyаемого // Ugolovnoe pravo. 2018. № 54. S. 118–121.
2. Rahmadzhonzoda R. R., Alizoda P. H., Tadzhal D. A. Teoreticheskaya model' ugolovno-processual'nogo zakonodatel'stva Respubliki Tadjzhikistan : monografiya. Dushanbe : ER-graf, 2019. 236 s.
3. Gus'kova A. V. Institut vozobnovleniya proizvodstva po ugolovnym delam vvidu novyh ili vnov' otkryvshih'sya obstoyatel'stv kak voploshchenie principov ugolovnogogo sudoproizvodstva i kak otstuplenie ot nih // Al'manah № 1 : Diskussionnye aspekty razvitiya i primeneniya ugolovno-processual'nogo zakonodatel'stva : / pod red. M. P. Polyakova, V. V. Terekhina. Kazan' : Buk, 2018. S. 52–63.
4. Peretyat'ko N. M., Fedyunin A. E. Pravovye problemy vozobnovleniya proizvodstva po ugolovnomu delu vvidu novyh ili vnov' otkryvshih'sya obstoyatel'stv // Aktual'nye problemy gosudarstva i prava. 2024. T. 8, № 1 (29). S. 130–139. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-1-130-139>
5. Alekseeva T. M. Pravovaya opredelennost' sudebnyh reshenij v ugolovnom sudoproizvodstve: ponyatie, znachenie i predely : monografiya. Moskva : Yurлитinform, 2016. 208 s.

6. Romanyuk D. A., Rybak S. V. Teoretiko-pravovoe nasledie i sovremennyy opyt rassledovaniya neraskrytyh prestuplenij proshlyh let : monografiya. Moskva : Yurlitinform, 2023. 224 s.
7. Kamchatov K. V., Chashchina I. V., Velikaya E. V. Vozobnovlenie proizvodstva po ugolovnomu delu vvidu novyh ili vnov' otkryvshihsya obstoyatel'stv : monografiya. Moskva : Prospekt, 2016. 144 s.
8. Bazhanov S. V. Metodologicheskie osnovy rozyska : monografiya. Moskva : Yurlitinform, 2016. 176 s.
9. Ezhova E. V. Stadiya vozobnovleniya proizvodstva po ugolovnomu delu vvidu novyh ili vnov' otkryvshihsya obstoyatel'stv : problemy i perspektivy reformirovaniya // Pravo i gosudarstvo : teoriya i praktika. 2025. № 8. S. 590–592. https://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_8_590
10. Alekseeva T. M. Vozobnovlenie proizvodstva po ugolovnomu delu vvidu novyh i vnov' otkryvshihsya obstoyatel'stv: aktual'nye problemy na primere konkretnogo dela // Ugolovnoe sudoproizvodstvo. 2023. № 2. S. 33–37. <https://doi.org/10.18572/2072-4411-2023-2-33-37>
11. Valeev A. T., Belov O. A., Sofijchuk N. V. Stadiya vozobnovleniya proizvodstva po ugolovnomu delu vvidu novyh ili vnov' otkryvshihsya obstoyatel'stv: naznachenie i osnovaniya proizvodstva // Penitenciarnaya nauka. 2019. T. 13, № 4 (48). S. 523–530. <https://doi.org/10.24411/2686-9764-2019-10012>
12. Franciforov Yu. V., Nikolajchenko O. V., Smushkin A. B. Vozobnovlenie i peresmotr del vvidu novyh i vnov' otkryvshihsya obstoyatel'stv : monografiya. Moskva : Rusajns, 2025. 138 s.
13. Mahmudov I. T. Ponyatie i sushchnost' prokurorskogo nadzora za ispolneniem zakonov v operativno-rozysknoj deyatel'nosti (na tadzh. yaz.) // Vestnik Tadzhijskogo nacional'nogo universiteta. Seriya social'no-ekonomicheskikh i obshchestvennykh nauk. 2019. № 3–1. S. 183–191.
14. Dolya E. A. Formirovanie dokazatel'stv na osnove rezul'tatov operativno-rozysknoj deyatel'nosti : monografiya. Moskva : Prospekt, 2014. 376 s.
15. Stel'mah V. Yu., Titov P. M. Rezul'taty operativno-rozysknykh meropriyatij v ugolovnom sudoproizvodstve : monografiya. Moskva : Yurlitinform, 2020. 344 s.

Уголовно-правовое противодействие сексуальной эксплуатации несовершеннолетних родителями и лицами, обязанными обеспечивать их безопасность

Николай Михайлович Паршин, кандидат юридических наук

Московский областной филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации
Красногорск (Московская область, 143402, ул. Речная, д. 8, корп. 1), Российская Федерация
n.m.parshin@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0001-6933-9326>

Аннотация:

Введение. Актуальность темы обусловлена необходимостью переосмысления конструкции ст. 240 «Вовлечение в занятие проституцией», ст. 241 «Организация занятия проституцией» Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ). Их действующая редакция содержит системный пробел: она не предусматривает дифференциации ответственности в зависимости от специального статуса субъекта преступления. Это ставит в одинаковое положение действия сутенера и родителя или опекуна, вовлекших и эксплуатирующих собственного ребенка в сексуальных целях, что вступает в противоречие с логикой построения уголовного закона, историческим опытом отечественного права, статистикой тяжких преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы детей и международными обязательствами Российской Федерации. Анализируются имеющиеся в международном праве и зарубежной практике подходы к криминализации деяний, связанных с сексуальной эксплуатацией детей, совершенных родителями, опекунами и иными лицами, обязанными обеспечивать их безопасность. **Методы.** Для решения поставленных задач в работе применяется комплекс научных методов в соответствии с характером исследуемой проблемы. В работе были задействованы методы: историко-правовой – для реконструкции генезиса ответственности специальных субъектов; формально-юридический – для догматической критики конструкции ст. 240–241 УК РФ; сравнительно-правовой – для выявления эффективных зарубежных законодательных моделей; анализ международных актов – для верификации соответствия национальных норм международным стандартам; анализ судебной практики – для подтверждения теоретических положений материалами уголовных дел. **Результаты** носят теоретико-прикладной характер. Автором выявлены исторический прецедент уголовной ответственности родителей и опекунов в дореволюционном праве и его утрата в советском праве; констатируется наличие внутреннего системного противоречия между ст. 240–241 УК РФ и смежными составами преступлений против несовершеннолетних (ст. 127¹, 150, 151 УК РФ); подтверждена эмпирическими данными и судебной практикой высокая степень общественной опасности деяний специальных субъектов; установлено несоответствие отечественных норм императивам международного права; предложена оригинальная редакция рассматриваемого отягчающего обстоятельства для его дополнения в ст. 240–241 УК РФ.

Ключевые слова:

детская проституция, сексуальная эксплуатация, вовлечение в занятие проституцией, организация занятия проституцией, ребенок, родители, опекуны, конвенции, сравнительное уголовное право

Для цитирования:

Паршин Н. М. Уголовно-правовое противодействие сексуальной эксплуатации несовершеннолетних родителями и лицами, обязанными обеспечивать их безопасность // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2026. № 2 (110). С. 136–150.

Статья поступила в редакцию 10.02.2026;
одобрена после рецензирования 31.03.2026;
принята к публикации 25.06.2026.

Original article

Criminal law counteraction to the sexual exploitation of minors by parents and individuals responsible for their safety

Nikolai M. Parshin, Cand. Sci. (Jurid)

Moscow Regional Branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration
8, build. 1, Rechnaya str., Krasnogorsk, Moscow Region, 143402, Russian Federation
n.m.parshin@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0001-6933-9326>

Abstract:

Introduction. The relevance of the topic is determined by the need to reconsider the provisions of Article 240 "Involvement in Prostitution" and Article 241 "Organisation of Prostitution" of the Criminal Code of the Russian Federation (hereinafter – CC RF). The current version contains a systemic gap: it does not provide for the differentiation of responsibility depending on the special status of the perpetrator of the crime. This places the actions of a pimp and a parent or guardian, who involve and exploit their own child for sexual purposes, on the same level, which contradicts the logic of criminal law, the historical experience of domestic law, statistics on serious crimes against the sexual inviolability and freedom of children, as well as the international obligations of the Russian Federation. The existing approaches in international law and foreign practice regarding the criminalisation of acts related to the sexual exploitation of children committed by parents, guardians, and other individuals responsible for their safety are analysed. **Methods.** To address the tasks set, a range of scientific methods has been employed in accordance with the nature of the problem under investigation. The methods utilised include: historical-legal – for reconstructing the genesis of the responsibility of special subjects; formal-legal – for doctrinal criticism of the provisions of Articles 240–241 CC RF; comparative-legal – for identifying effective foreign legislative models; analysis of international acts – to verify the compliance of national norms with international standards; and analysis of judicial practice – to substantiate theoretical propositions with materials from criminal cases. **The results** are both theoretical and applied in nature. The author has identified a historical precedent for the criminal responsibility of parents and guardians in pre-revolutionary law and its loss in Soviet law; confirmed the existence of an internal systemic contradiction between Articles 240–241 CC RF and related offences against minors (Articles 127¹, 150, 151 CC RF); established, through empirical data and judicial practice, a high degree of social danger posed by the actions of special subjects; and demonstrated the inconsistency of domestic norms with the imperatives of international law. An original amendment to the aggravating circumstance under consideration has been proposed for inclusion in Articles 240–241 CC RF.

Keywords:

child prostitution, sexual exploitation, involvement in prostitution, organisation of prostitution, child, parents, guardians, conventions, comparative criminal law

For citation:

Parshin N. M. Criminal law counteraction to the sexual exploitation of minors by parents and individuals responsible for their safety // Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia. 2026. № 2 (110). P. 136–150.

The article was submitted February 10, 2026; approved after reviewing March 31, 2026; accepted for publication June 25, 2026.

Введение

Современная уголовно-правовая политика в сфере защиты несовершеннолетних от криминальных посягательств актуализирует необходимость пересмотра традиционных подходов к конструированию составов преступлений, когда потерпевший находится в отношениях зависимости или особого доверия с виновным. В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, провозглашающей защиту детства как национальный приоритет, говорится о том, что повышение ее эффективности является одной из ключевых задач¹. В этом смысле вовлечение ребенка в занятие проституцией либо организация занятия им проституцией родителем или лицом, обязанным о нем заботиться, представляет собой деяние, требующее отдельной уголовно-правовой оценки ввиду специфики субъекта и механизма совершения преступления. Проблема, по нашему убеждению, видится в отсутствии в диспозициях двух составов – ст. 240

¹ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). 2021. № 27 (ч. II). Ст. 5351.

«Вовлечение в занятие проституцией» и ст. 241 «Организация занятия проституцией» Уголовного кодекса Российской Федерации² (далее – УК РФ) квалифицирующих признаков, учитывающих совершение этих деяний родителем, опекуном, педагогом или иным лицом, на которое законом возложены обязанности по воспитанию ребенка. Подобный подход, как демонстрирует исследование, вступает в противоречие с историческим опытом отечественного права, внутренней логикой УК РФ, статистическими данными и международными обязательствами нашей страны как подписавшей ряд соглашений по защите детей от насилия, в т. ч. сексуального.

Проблема эксплуатации детской проституции и личности преступника – вовлекателя и сутенера – становились предметом активного обсуждения в юридической литературе. Е. Н. Худжаева верно подмечает: «Довольно часто проститутками становятся не только пятнадцатилетние, но и девочки моложе десяти лет <...> большинство – путем обмана, применения угроз и даже насилия, причем ставят их на этот путь не только чужие „дяди“ и „тети“, но и собственные родители» [1, с. 104]. В связи с этим возникает необходимость комплексного анализа обозначенного законодательного пробела с позиций истории права, догматики, криминологии, международного права и сравнительного правоведения. Отсюда целью настоящей работы является исследование уголовно-правовых средств противодействия сексуальной эксплуатации детей близкими родственниками, лицами, осуществляющими надзор, и иными специальными субъектами, а также разработка на этой основе концептуальных предложений по совершенствованию ст. 240 и 241 УК РФ.

Методы

Для достижения поставленной цели и решения обозначенных задач в работе использован методологический аппарат, соответствующий междисциплинарному характеру изучаемой проблемы. Формально-юридический (догматический) метод лег в основу углубленного анализа конструкции уголовно-правовых норм, предусмотренных ст. 127¹, 150, 151, 240, 241 УК РФ, с целью выявить и сопоставить признаки составов преступлений. В контексте данного исследования догматический метод направлен на выявление системного пробела, выражающегося в отсутствии в ст. 240 и 241 УК РФ такого квалифицирующего признака, как совершение деяния специальным субъектом (родителем, опекуном, педагогом), который последовательно используется законодателем в иных составах.

Историко-правовой метод использовался для реконструкции эволюции отечественного уголовного закона в сфере противодействия вовлечению несовершеннолетних в занятие проституцией и сутенерства. Метод обеспечивает анализ правовых источников разных исторических периодов, начиная с дореволюционных кодификаций, что позволило проследить преемственность или, напротив, разрыв правовых традиций, понять причины и условия формирования современной редакции нормы. Сравнительно-правовой метод стал инструментом изучения опыта зарубежных государств в области криминализации деяний, аналогичных предусмотренным ст. 240, 241 УК РФ. Метод предполагает сопоставление национального законодательства с нормами уголовного права стран других государств для выявления эффективных законодательных моделей, лучших практик и возможных путей реформирования отечественного Уголовного кодекса. Метод анализа международных правовых актов применялся для определения степени соответствия российского законодательства международным стандартам в области защиты прав ребенка. Он был ориентирован на изучение положений ключевых универсальных и региональных конвенций, ратифицированных нашей страной, которые устанавливают обязательства по обеспечению особой защиты ребенка от сексуальной эксплуатации, в т. ч. лицами, осуществляющими заботу о нем.

Метод анализа судебной практики и криминологических данных обеспечивает полноту эмпирической основы исследования. Он использовался для обобщения и осмысления материалов уголовных дел, судебной статистики, а также результатов криминологических и социологических исследований. Это позволяет оценить распространенность, специфику и общественную опасность деяний, совершаемых специальными субъектами, и тем самым доказать практическую значимость выявленного теоретического пробела.

² Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 15.10.2025) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

Результаты

1. Историческая ретроспектива: от дореволюционных источников уголовного права к советскому «правовому молчанию»

Проблема коммерческой сексуальной эксплуатации детей, включая случаи, инициированные семьей или близкими родственниками, имеет глубокие исторические корни. Исследователи указывают, что уже в обществах Древней Месопотамии существовали «религиозные и социальные практики <...>, содержавшие элементы подобной эксплуатации в рамках храмовых ритуалов» [2, с. 59]. Они, хотя и имели сакральное обоснование, по сути представляли собой ранние формы коммерциализации детской сексуальности, где тело несовершеннолетнего выступало в качестве инструмента для достижения социальных или экономических целей общины. В более поздние периоды, как отмечает Р. Таннахилл, псевдомедицинские заблуждения, в частности, миф об исцелении от сифилиса через половой контакт с девственницей, создали в Европе XIX века экономически мотивированный спрос на детей, что не могло не стимулировать их вовлечение в занятие проституцией и сутенерство, в т. ч. внутри семьи [3, с. 124]. В начале XIX века высокая стоимость сексуальных услуг несовершеннолетних, не имевших опыта, формировала устойчивую экономическую мотивацию к их эксплуатации. В совокупности с бедностью и социальной маргинализацией это обуславливало случаи принуждения несовершеннолетних к занятию проституцией со стороны родителей.

Законодатель Российской империи, начиная с Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года (в ред. 1866 и 1885 гг.) (далее – Уложение), демонстрировал осознание особой общественной опасности злоупотребления статусом лиц, близких ребенку. Отдельная ответственность по ст. 1296–1298 устанавливалась для родителей, принуждавших к сожительству своих детей, а также для опекунов и учителей, торговавших опекаемыми³. Уложение 1866 года развило и ужесточило этот подход. Статья 993 прямо возлагала на родителей, опекунов или родственников ответственность не только за непосредственное вовлечение несовершеннолетнего в разврат внушением или обольщением, но и за содействие их занятию проституцией. За это предусматривалось наказание в виде тюремного заключения на срок от двух до четырех месяцев с последующим пожизненным лишением их права на надзор в отношении детей. Статья 998 главы 4 Уложения закрепляла ответственность за сводничество в отношении детей, карая родителей ссылкой в Сибирь на срок от двух до трех лет [4, с. 58]. Для иных лиц, осуществлявших надзор за детьми (опекунов, учителей), уголовная ответственность устанавливалась в более мягкой форме и предусматривала лишение свободы на срок от одного до двух лет либо направление в исправительные арестантские отделения. При этом все виновные лица «лишались всех особенных, лично и по состоянию присвоенных прав и преимуществ» (ст. 1000 Уложения). Такая подробная регламентация наказания за проституцию детей с согласия родителей или других близких людей не была случайной: экономические и социальные условия царской России способствовали их эксплуатации. Например, А. А. Панов, описывая каторжную жизнь на Сахалине в 1905 году, отмечал, что «нищета доводит до того, что родители продают своих малолетних дочерей. Девочки 12–13 лет открыто живут на содержании у тюремных надзирателей, писцов и различных чинов администрации» [5, с. 112]. Современный анализ Ю. В. Хармаева подтверждает системный характер детской проституции и ее зависимость от экономических условий: «Кому известно, до какой степени доходит иногда нищета на Сахалине, тому не придет в голову объяснять эти явления нравственной испорченностью родителей» [6, с. 240].

Коренной перелом в борьбе со сводничеством и иными формами организованной сексуальной коммерции наступил после 1917 года. Как следует из архивных материалов, первоначальный проект Уголовного Кодекса РСФСР 1922 года⁴ (далее – УК РСФСР 1922 г.) содержал положения о криминализации сутенерства и вовлечения в занятие проституцией детей их родителями, опекунами или попечителями [7, с. 256–259]. Однако в окончательной редакции указанное отягчающее обстоятельство было исключено по решению сессии Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета. Это создало пробел в защите детей от сексуальной эксплуатации со стороны лиц, осуществляющих надзор за ними и использующих зависимое положение ребенка для корыстной выгоды. В УК РСФСР 1922 г. деяния, связанные с проституцией, были отнесены

³ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. // Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. / под общ. ред. О. И. Чистякова. Москва : Юридическая литература, 1988. Т. 6: Законодательство первой половины XIX века. С. 174–276.

⁴ О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р. вместе с «Уголовным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.»): постановление Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета от 1 июня 1922 г. (ред. от 25.08.1924) // Собрание узаконений РСФСР. 1922. № 15. Ст. 153. Утратил силу.

к категории преступлений против половых отношений, не нравственности. В разделе 4 главы 5 «Преступления в области половых отношений» (глава 5 «Преступления против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности») закреплялись два самостоятельных состава: принуждение к занятию проституцией из корыстных или иных личных мотивов (ст. 170) и сводничество, содержание притонов разврата (ст. 171). Санкции указанных норм предусматривали лишение свободы до трех лет со строгой изоляцией, при этом ст. 171 впервые вводила возможность конфискации всего или части имущества осужденного. Притоны разврата, по Циркуляру Наркомздрава от 26 сентября 1923 г. № 21, включали квартиры, номера, бани и другие помещения, используемые для организации сутенерской деятельности. Уголовная ответственность наступала и за содержание притона, когда в таких заведениях пребывали несовершеннолетние или лица, не достигшие половой зрелости⁵ (ст. 166–168 УК РСФСР). Кроме притоносодержательства, деяния виновных могли быть квалифицированы как растление и развратные действия в отношении детей и подростков. Другими словами, первый уголовный закон нового государства отказался от усиленной защиты несовершеннолетних от сексуальной эксплуатации со стороны лиц, их опекающих или родных. Идеологически («Тезисы по борьбе с проституцией») признавалось, что «коммунизм – могила проституции...»⁶, а потому продажа своего тела при социализме как пережиток прошлого будет полностью ликвидирована. В материалах Межведомственной комиссии по борьбе с проституцией ее толковали как форму «социального паразитизма», в связи с чем уголовная репрессия, если и предусматривалась, то направлялась не на родителей, вовлекавших в проституцию своих детей, а на организаторов притонов и сводников.

При этом, несмотря на проводимую государством агитационно-пропагандистскую работу и меры общественного воздействия, к началу 1930-х гг. в СССР фиксировался устойчивый рост числа лиц, занимающихся проституцией. А вовлечение подростков в сферу коммерческих сексуальных отношений приобрело массовый характер. Для пресечения безнравственности постановлением ЦИК и СНК СССР от 7 апреля 1935 г. № 598 «О мерах борьбы с преступностью несовершеннолетних»⁷ вступление несовершеннолетних в половую связь за плату, равно как и понуждение их к занятию проституцией, было признано антиобщественной деятельностью. За вовлечение в нее в уголовные кодексы союзных республик была введена ответственность в виде лишения свободы на срок не менее пяти лет. Последующие кодификации, включая УК РСФСР 1960 года⁸, так и не восстановили специальной ответственности для родителей или опекунов, ограничившись общей нормой о вовлечении детей в антиобщественные действия (ст. 210).

2. Уголовно-правовой анализ ст. 240 и 241 Уголовного кодекса Российской Федерации: пробелы конструкции

Воспроизводя советскую законодательную традицию, действующий уголовный закон в составах о проституции не содержит квалифицирующих составов, учитывающих особый статус субъекта в отношении потерпевшего. Статья 240 «Вовлечение в занятие проституцией» и ст. 241 «Организация занятия проституцией» УК РФ сконструированы как нормы с общим субъектом. Данный пробел создает ряд сложностей.

Во-первых, особую доказательную силу и убедительность он приобретает при системном сопоставлении с другими нормами. Законодатель в других диспозициях составов, охраняющих интересы семьи, а также обеспечивающих защиту детства, надлежащее воспитание и нормальное развитие несовершеннолетних, последовательно выделяет совершение преступления против них специальным субъектом в отдельный квалифицированный состав. Так часть 2 статьи 150 УК РФ устанавливает повышенную ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления, когда оно осуществляется родителем, педагогическим работником либо иным лицом, на которое законом возложены обязанности по воспитанию несовершеннолетнего (п. «а»). Подобная конструкция используется и в части 2 ст. 151 УК РФ «Вовлечение несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий», однако, исходя из буквального толкования текста ч. 1 этой нормы, проституция не вошла в перечень

⁵ См.: Полный курс уголовного права : в 5 т. / под ред. А. И. Коробеева. Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2008. 949 с.

⁶ Тезисы по борьбе с проституцией // Материалы Межведомственной комиссии по борьбе с проституцией. Москва : Государственное издательство, 1921. Вып. 1. С. 7.

⁷ О мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних : постановление Центрального Исполнительного Комитета СССР № 3, Совета Народных Комиссаров СССР № 598 от 7 апреля 1935 г. // Собрание законов СССР. 1935. № 19. Ст. 155. Утратил силу.

⁸ Уголовный кодекс РСФСР (утв. Верховным Советом РСФСР 27.10.1960) (ред. от 30.07.1996) // Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40. Ст. 591. Утратил силу.

асоциального, девиантного поведения. Таковым, по мнению правотворца, признается только систематическое употребление (распитие) алкогольной и спиртосодержащей продукции, одурманивающих веществ, занятие бродяжничеством или попрошайничеством. На этом фоне полное игнорирование аналогичного подхода в ст. 240 УК РФ выглядит как внутреннее системное противоречие, нарушающее логику и последовательность всей главы 20 УК РФ «Преступления против семьи и несовершеннолетних». Возникает неразрешимое правовое и логическое несоответствие: государство через уголовный закон заявляет, что злоупотребление статусом родителя или воспитателя является отягчающим (квалифицирующим) фактором, когда речь идет о попрошайничестве. Применительно к статьям 240 и 241 УК РФ, регламентирующим не разовое, а систематическое коммерческое сексуальное использование ребенка, предполагающее его вступление в половую связь многократно, эта логика отчего-то не работает. Ведь занятие проституцией по своей объективной природе представляет собой не единичный, а продолжаемый во времени, коммерциализированный, глубоко травмирующий процесс сексуальной эксплуатации. Получается, что для менее опасного деяния законодатель предусматривает усиленную защиту от «своих», а для несопоставимо более опасного – нет. Это противоречие деформирует систему уголовно-правовой охраны, создавая ситуацию, при которой закон не соответствует иерархии общественных ценностей и опасностей. А между тем, как справедливо отмечает Д. А. Калужский, злоупотребление статусом родителя и воспитателя представляет собой не просто отягчающее вину обстоятельство, а качественно иной вид общественно опасного деяния, посягающего на сам институт охраны детства [8, с. 258].

Во-вторых, в теории уголовного права подчеркивается, что привлечение к ответственности по ст. 240, 241 УК РФ в отношении родителей сопряжено с серьезными проблемами доказывания и квалификации [9, с. 36]. Как полагают специалисты, латентность данных преступлений крайне высока в силу замкнутости семейной системы, полной зависимости ребенка от родителя-эксплуататора и отсутствия у потерпевшего возможности или понимания необходимости обратиться за помощью [10, с. 22]. Вовлечение в занятие проституцией и его организация носят зачастую скрытый, манипулятивный характер, не сопровождаясь прямым физическим насилием против ребенка, что требует от следствия особых тактических и психологических методов при сборе доказательств. Кроме того, возникает сложность в разграничении рассматриваемых составов со смежными. Действия родителя, вовлекшего и систематически извлекающего материальную выгоду из проституции ребенка, но не являющегося сутенером, фактически образуют совокупность преступлений: вовлечение (ст. 240 УК РФ) и торговлю людьми (ст. 127¹ УК РФ). Ведь родитель, получая доход от нелегальных секс-услуг несовершеннолетнего, тем самым выразил согласие на его сексуальную эксплуатацию, использование занятия проституцией. Однако на практике следователи ограничиваются только квалификацией содеянного как вовлечения, если продажу услуг детей осуществляют третьи лица. А ведь пункт «b» Конвенции Совета Европы о защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуальных злоупотреблений⁹ и ратифицированной Россией в 2013 году¹⁰ как раз требует криминализации не только прямого принуждения, но и «извлечения выгоды» из занятия ребенка проституцией. В пояснительном докладе к Конвенции оговаривается, что выгода может быть не только финансовой, но и иной (например, получение жилья, покровительства) и что извлекать выгоду может «третье лицо». Это напрямую касается ситуации, когда родитель или опекун получает деньги или иные блага от сексуальной эксплуатации ребенка, которого они обязаны его защищать. Полагаем, что без учета специального статуса виновного в диспозициях рассматриваемых норм повышенная общественная опасность его поведения не находит своего отражения. Попытка его предусмотреть через общее отягчающее обстоятельство (п. «п» ч. 1 ст. 63 УК РФ – совершение преступления в отношении несовершеннолетнего (несовершеннолетней) родителем или иным лицом, на которое возложены обязанности по содержанию, воспитанию, обучению и (или) защите прав и законных интересов несовершеннолетнего (несовершеннолетней), либо лицом, проживающим совместно с несовершеннолетним (несовершеннолетней), либо педагогическим работником или другим работником образовательной организации, медицинской организации, организации, оказывающей социальные услуги, либо иной организации, обязанным осуществлять надзор за несовершеннолетним (несовершеннолетней), либо иным лицом, осуществляющим трудовую деятельность в сфере образования, воспитания, развития несовершеннолетних, организации их отдыха и оздоровления, медицинского обеспечения, социальной защиты и социального обслуживания,

⁹ Конвенция Совета Европы о защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуальных злоупотреблений (CETS N 201) (закл. в г. Лансароте 25.10.2007) // СЗ РФ. 2014. № 7. Ст. 632.

¹⁰ О ратификации Конвенции Совета Европы о защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуальных злоупотреблений : Федеральный закон от 7 мая 2013 г. № 76-ФЗ // СЗ РФ. 2013. № 19. Ст. 2303.

в сфере детско-юношеского спорта, культуры и искусства с участием несовершеннолетних) методологически несостоятельна.

Обстоятельство, отягчающее наказание, в отличие от квалифицирующего признака состава преступления, является факультативным, вспомогательным элементом. Оно *может быть* учтено судом при назначении наказания, влияя лишь на вид и размер наказания в пределах санкции одной и той же статьи, не меняя юридической сущности и квалификации самого деяния. Это означает, что качественная разница в степени общественной опасности, в характере нарушения социальных связей и в глубине причиняемого вреда не находит адекватного отражения в уголовно-правовой оценке содеянного. С позиции формальной логики уголовного права действия матери, которая на протяжении нескольких лет систематически принуждает свою несовершеннолетнюю дочь к коммерческим сексуальным контактам, применяя физическое насилие и психологическое давление, и действия случайного знакомого, который впервые склонил к подобному знакомому подростка, подпадают под одну и ту же диспозицию ч. 3 ст. 240 УК РФ. Иначе говоря, действия родителя-сутенера, склонившего своего ребенка к занятию проституцией, и постороннего вовлечателя и сутенера формально квалифицируются одинаково, что не соответствует принципу справедливости и дифференциации ответственности. Этот пробел в законе не является абстрактным и требует внимания законодателя. Ведь уголовная статистика преступлений, сопряженных с проституцией, где жертвами были дети и подростки, не дифференцирует эти случаи по признаку родства с субъектом преступления, поскольку такого отягчающего обстоятельства в двух нормах нет. А применение пункта «п» по усмотрению правоприменителя никак не отражается в регистрируемых карточках учета, что негативно влияет на их профилактику и предупреждение.

3. Криминологическая оценка ответственности родителей-эксплуататоров

Изучение современных форм сексуальной эксплуатации несовершеннолетних, проведенное М. М. Русаковой и В. А. Одиноквой, свидетельствует о том, что среди преступников находятся лица из ближайшего окружения ребенка, а наиболее распространенную категорию среди них составляют родители, отчимы и опекуны¹¹. Их исключительный доступ к ребенку, обусловленный родственными или законными отношениями зависимости, а также бытовая изоляция жертвы создают условия для длительной и латентной эксплуатации. Криминологический анализ подтверждает и другую особенность таких преступлений: она заключена в двойственной роли родителя-эксплуататора. Он одновременно выступает и как вовлечатель, и как организатор-сутенер, непосредственный получатель дохода. Для иллюстрации приведем пример из судебной практики. Авторы выделяют несколько типичных моделей поведения таких субъектов. Первая модель связана с сочетанием сексуального насилия и последующего шантажа: совершив первоначальное преступление против половой неприкосновенности, виновный использует психологическую травму и зависимость ребенка для его систематического принуждения к оказанию сексуальных услуг третьим лицам уже на коммерческой основе. Вторая модель характеризуется прямой предпринимательской активностью родителя, который самостоятельно выступает организатором, выполняя функции вербовщика, переговорщика с клиентами, производителя запрещенного контента или сутенера. Так, из обвинительного заключения по уголовному делу, расследованному в Москве в 2023 году, следует, что гражданка Н., 1988 года рождения, мать 14-летней девочки, склонила дочь к занятию проституцией под предлогом пополнения семейного бюджета. Начиная с 2019 года, она «самостоятельно вела все переговоры с клиентами через мессенджеры, назначала цены за услуги (от 1,5 до 3 тысяч рублей), организовывала места для встреч (снимала квартиры посуточно) и осуществляла полный контроль над финансами, забирая всю выручку». После получения формального согласия подростка, обвиняемая создала на нескольких специализированных интернет-ресурсах анкету с эротическими фотографиями. Эксплуатация носила систематический характер на протяжении трех лет¹². В данном случае действия матери подпадают под признаки как вовлечения (ст. 240 УК РФ), так и организации занятия проституцией (ст. 241 УК РФ), поскольку она выполняла все функции сутенера, извлекая от этой деятельности стабильный доход. Третья, более пассивная, но не менее виновная форма поведения выражается в сознательном предоставлении своего ребенка для эксплуатации, когда родитель или родственник, не будучи инициатором, становится пособником,

¹¹ См.: Сексуальное насилие и эксплуатация детей: выявление, оказание помощи и профилактика : научно-методическое пособие / под ред. М. М. Русаковой, В. А. Одиноквой. Санкт-Петербург : Скифия-Принт, 2020. 294 с.

¹² В Москве женщина заставила дочь-подростка заниматься проституцией // ИЗ.РУ : [сетевое издание]. URL: <https://iz.ru/1441268/2022-12-15/v-moskve-zhenshchina-zastavila-doch-podrostka-zanimatsia-prostitutciei> (дата обращения: 25.12.2025).

обеспечивая доступ к жертве в онлайн- или офлайн-среде¹³. Эксперты обращают внимание и на интернационализацию этого криминального явления. Согласно данным Европола, наблюдается рост транснациональных схем, при которых преступники, находящиеся в одной стране, дистанционно вступают в сговор с родителями несовершеннолетних из другой страны. Предметом такого сговора становится организация в режиме реального времени демонстрации сексуальных действий с детьми посредством видеосвязи. Благодаря Глобальной сети появились и другие формы эксплуатации детской сексуальности – т. н. виртуальная проституция, когда ребенок принуждают заниматься веб-камингом или секс-позированием с имитацией полового акта [11, с. 162]. Подобные схемы не только расширяют географию преступлений, но и формируют у родителя-преступника ложное чувство безопасности и безнаказанности, дополнительно стимулируя совершение новых деяний.

Девиантологические исследования подтверждают особую опасность проституции детей и подростков [12, с. 154]. Д. А. Калужский утверждает, что последствия такой длительной, систематической эксплуатации со стороны самых близких людей носят тотально деструктивный, «пожизненный» характер, выходящий далеко за рамки физического ущерба. К ним относятся, по его мнению, высокий риск получения травм, заражения социально значимыми заболеваниями, развития зависимостей (алкогольной, наркотической), посттравматическое стрессовое расстройство, тяжелые депрессивные и тревожные состояния. Формируется искаженная самооценка, чувство собственной «испорченности» и вины, нарушаются способности к установлению здоровых, доверительных отношений. Часто происходит вторичная социальная и криминальная маргинализация. Жертва, сбежав от эксплуататоров, может сама вовлекаться в криминальную среду, не имея опыта иных социальных навыков и связей. Наиболее тяжелым, но, к сожалению, распространенным следствием являются устойчивые суицидальные мысли, попытки и завершённые суициды. Они вытекают из ощущения полной беспомощности, безнадежности и утраты смысла жизни [8, с. 258]. Этот вывод подтверждает и правоприменительная практика. Так, отчим несовершеннолетней О., проживавший с ее матерью, когда девочке исполнилось 15 лет, спаивал ее и систематически насиловал. При активном пособничестве и участии матери, которая не только не препятствовала преступлениям, но и склоняла дочь к оказанию секс-услуг, а также фиксировала происходящее на фото- и видеоаппаратуру, был организован преступный бизнес. Используя созданный архив изображений в качестве «портфолио», взрослые занимались сводничеством, предлагая подростка знакомым и клиентам по объявлению для вступления в половую связь, устанавливая плату и получая денежные средства. Преступная деятельность прекратилась лишь после попытки суицида несовершеннолетней и ее последующего обращения в полицию¹⁴.

В числе негативных проявлений детской проституции следует выделить и раннюю беременность несовершеннолетних, вовлеченных в занятие проституцией по воле либо при участии родителей, а также криминальные аборт с осложнениями для деторождения. По резонансному делу в Нижегородской области мать несовершеннолетней С., являющейся инвалидом II группы с детства, обвинялась в систематическом принуждении дочери к занятию проституцией с применением насилия. По данным следствия, женщина, пользуясь беспомощным и зависимым положением ребенка, с момента достижения дочери 14-летнего возраста заставляла ее вступать в половые контакты с различными мужчинами за денежное вознаграждение. В случаях отказа или сопротивления потерпевшая подвергалась избиениям, ее запирали в неотапливаемом подвале частного дома на длительное время. За годы эксплуатации девушка родила ребенка от одного из клиентов, после чего несколько раз принуждалась матерью к нелегальному аборту. Потерпевшая не обращалась в правоохранительные органы, будучи полностью подавленной психологически и физически, и лишь спустя несколько лет, сбежав из дома, смогла дать показания¹⁵.

Монографические работы и статьи ученых, а также материалы уголовных дел, обвинительные приговоры раскрывают специфические детерминанты и механизмы сексуальной эксплуатации детей родителями, близкими родственниками или теми, кто должен был проявлять заботу о жертвах. Исследуя подобные случаи, криминологи обращают внимание на то, что семейные и клановые связи могут использоваться для создания особо устойчивых и конспиративных

¹³ См.: Сексуальное насилие и эксплуатация детей...

¹⁴ Мать заставила дочку заниматься проституцией // Комсомольская правда (www.kp.ru) : [сайт]. URL: <https://www.kp.ru/daily/24463/624230/> (дата обращения: 25.12.2025).

¹⁵ Кожедубов А. Россиянку заподозрили в сексуальном рабстве в отношении дочери-инвалида // Московский комсомолец : [электронное издание]. URL: <https://www.mk.ru/incident/2020/09/22/rossiyanku-zapodozrili-v-seksualnom-rabstve-v-otnoshenii-docheriinvalida.html?ysclid=mjy9m7nhcm317100735> (дата обращения: 28.12.2025).

преступных структур. В контексте сексуальной эксплуатации это означает, что родители или иные родственники могут выступать не как одиночные преступники, а как звенья организованной группы, где роли распределены: один обеспечивает «живой товар», другой занимается поиском клиентов (в т. ч. через интернет), третий обеспечивает безопасность и контролирует финансы. Такие «семейные бизнесы» крайне сложно выявить и доказать, так как они основаны на круговой поруке, а жертва находится в абсолютной зависимости и изоляции [13, с. 22]. Приведенные примеры наглядно показывают, что преступления специальных субъектов характеризуются не эпизодичностью, а продуманной системностью, когда виновные используют полную психологическую и физическую зависимость жертвы. Эти качественные характеристики, остающиеся «за кадром» сухой статистики, и обуславливают необходимость их отдельной уголовно-правовой оценки.

Говоря о криминогенных факторах, оказывающих влияние на включение ребенка в секс-бизнес, Е. Н. Курилова как ключевой выделяет семейное неблагополучие, отмечая, что в маргинализированных, «криминогенных» семьях происходит кардинальная деформация традиционных социальных ролей и ценностных ориентаций. Родительская функция заботы и защиты замещается утилитарным, потребительским отношением. Ребенок в девиантных, алкоголизированных семьях перестает восприниматься как личность, нуждающаяся в развитии и охране; его личность и телесность превращаются в объект, вещь, «инструмент для извлечения материальной выгоды». В такой искаженной системе координат целенаправленное вовлечение собственного сына или дочери в проституцию перестает быть немыслимым, запредельным актом. Оно может рационализироваться виновным как «вынужденная мера» в условиях финансового кризиса, как «семейный бизнес» или даже как «воспитание самостоятельности»¹⁶. Это подтверждается и другими эмпирическими данными. К примеру, результаты исследования В. А. Одиноквой, К. Ю. Ерицян, М. М. Русаковой, Н. М. Усачевой показывают, что «около 10% респондентов из числа взрослых женщин, занятых в сфере коммерческого секса, начали эту деятельность в несовершеннолетнем возрасте, причём для 50 % из них первый опыт был вынужденным и связан с применением принуждения». Контекстом выступали «побеги из дома вследствие конфликтов или насилия, а также ранняя наркотизация» [14, с. 269]. Иными словами, действия родителей и других родственников жертв причиняют комплексный, тотальный ущерб охраняемым уголовным законом интересам – здоровью, психическому развитию, нормальному формированию личности несовершеннолетнего. Это акт разрушения личности, жизненного мира и будущего ребенка, в котором комбинируется физическое насилие, психологическое уничтожение и глубокое социальное предательство, что объективно требует более строгой правовой оценки. Игнорирование этой качественной специфики действий самых близких ребенку людей в уголовном законе является не только правовой ошибкой, но и формой моральной несправедливости.

В то же время субъектами преступного вовлечения несовершеннолетних в занятие проституцией могут выступать не только родители, но и иные лица, которым вверены обязанности по воспитанию, обучению и охране здоровья детей. К их числу относятся педагоги, воспитатели, медицинские работники, сотрудники детских домов, интернатов и иных учреждений для несовершеннолетних, злоупотребляющие своим служебным положением и доверием ребенка. Такие лица способны не только выявлять и использовать психологическую уязвимость жертв, но и эффективно маскировать противоправные действия под процесс воспитания, обучения или оказания помощи, что существенно осложняет своевременное выявление преступлений. Так, преподаватель основ безопасности жизнедеятельности одной из школ города Екатеринбурга, используя свой служебный статус и доверительные отношения с учащимися, систематически вовлекал несовершеннолетних учеников мужского пола в занятие проституцией в интересах преступной группы, в которую он входил. Совместными действиями участников группы в отношении вовлеченных подростков совершались насильственные действия сексуального характера, осуществлялись съемки порнографических материалов, а также производилась их продажа для дальнейшей эксплуатации в коммерческих сексуальных предприятиях города Санкт-Петербурга. Преступная деятельность была прекращена в результате оперативно-розыскных мероприятий¹⁷. Полагаем, что уголовно-правовая охрана должна быть распространена и на данную категорию специальных субъектов, поскольку использование профессионального доступа к детям для их совращения и сексуальной эксплуатации представляет повышенную общественную опасность и грубо нарушает специальное доверие.

¹⁶ Курилова Е. Н. Проституция как социально-правовое явление и факторы, способствующие сексуальной эксплуатации несовершеннолетних // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2015. № 4 (68). С. 117–120.

¹⁷ Учитель ОБЖ заставлял своих учеников заниматься проституцией // Комсомольская правда (www.kp.ru) : [сайт]. URL: <https://www.ural.kp.ru/daily/23749/252171/> (дата обращения: 25.12.2025).

4. Международно-правовые императивы и обязательства Российской Федерации

Обозначенный пробел в национальном уголовном законодательстве вступает в противоречие с системой международно-правовых обязательств, которые формируют четкие стандарты защиты детей от сексуальной эксплуатации, и добровольно принятых на себя нашей страной [15, с. 160]. Современное международное право выработало целостную последовательную парадигму, которая требует от государств установления особого, усиленного режима защиты детей от насилия и эксплуатации, исходящих от лиц, входящих в так называемый «круг доверия» (circle of trust) – тех, кто в силу закона, семейных связей или профессиональных обязанностей призван заботиться о ребенке. И. С. Алихаджиева в своем комплексном исследовании подчеркивает, что смещение фокуса международного права с защиты от «чужих» на защиту от «своих» стало одним из ключевых достижений в данной области [16, с. 160].

Базовым документом, заложившим этот принцип, стала Конвенция о правах ребенка¹⁸, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1989 г. и ратифицированная СССР (правопреемником которого является Российская Федерация) в 1990 году¹⁹. Статья 19 Конвенции устанавливает обязанность государств защищать ребенка от всех форм «физического или психологического насилия, оскорбления или злоупотребления, отсутствия заботы или небрежного обращения, грубого обращения или эксплуатации, включая сексуальное злоупотребление, со стороны родителей, законных опекунов или любого другого лица, заботящегося о ребенке»²⁰. Эта формулировка прямо указывает на источник угрозы и государства-участники обязуются защищать ребенка прежде всего от этих лиц. Статьи 34 и 35 Конвенции конкретизируют это требование применительно к сексуальной эксплуатации и торговле детьми, обязывая государства предотвращать склонение или принуждение ребенка к любой незаконной сексуальной деятельности.

Дальнейшее развитие и конкретизацию это положение получило в Факультативном протоколе к Конвенции о правах ребенка, касающемся торговли детьми, детской проституции и детской порнографии²¹, принятом Генеральной Ассамблеей ООН 25 мая 2000 г. и ратифицированном Россией в 2004 году. Пункт «b» статьи 2 Протокола дает легальное определение понятию «детская проституция», которая означает использование ребенка в деятельности сексуального характера за вознаграждение или любую иную форму вознаграждения. Согласно его статье 3(1) (b), государства-участники обязаны криминализировать «использование ребенка для занятия проституцией». Принципиальное уголовно-правовое значение имеет положение статьи 3(2): «Согласие ребенка не является обстоятельством, освобождающим от уголовной ответственности». Это означает, что правовая оценка деяния зависит исключительно от факта эксплуатации, а не от формального волеизъявления несовершеннолетнего, что особенно важно в случаях манипуляций со стороны родителей²².

На первом Всемирном конгрессе в Стокгольме (27–31 августа 1996 г.), организованном по инициативе Международной сети ЕСПАТ International при поддержке ООН, коммерческая сексуальная эксплуатация детей (КСЭД) была верифицирована как самостоятельное явление, относимое к числу форм насилия над ребенком и одновременно квалифицируемое как тяжелое нарушение его прав. В Стокгольмской декларации подчеркивается, что в условиях коммерческой эксплуатации ребенок используется не как носитель прав, а как объект сексуального обращения и экономической выгоды²³. Под эксплуатацией понимаются действия, предполагающие сексуальное насилие либо использование ребенка взрослым лицом при наличии возмещения – в денежной или иной форме – направленного самому ребенку либо третьим лицам. Данные практики рассматриваются как основанные на принуждении и насилии и в связи с этим приравниваются к принудительному труду и современным формам рабства. Стокгольмской декларацией выделяются базовые и взаимосвязанные формы коммерческой сексуальной эксплуатации детей, включая вовлечение в проституцию, использование в порнографии и торговлю детьми в сексуальных целях.

¹⁸ Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) // Сборник международных договоров СССР. 1993. Вып. XLVI.

¹⁹ О ратификации Конвенции о правах ребенка : постановление Верховного Совета СССР от 13 июня 1990 г. № 1559-1 // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1991. № 26. Ст. 497.

²⁰ Сборник международных договоров СССР. 1993. Вып. XLVI.

²¹ Факультативный протокол к Конвенции о правах ребенка, касающегося торговли детьми, детской проституции и детской порнографии (принят Генеральной Ассамблеей ООН 25.05.2000) // СЗ РФ. 2014. № 7. Ст. 633.

²² СЗ РФ. 2014. № 7. Ст. 633.

²³ The Stockholm Declaration and Agenda for Action = [Стокгольмская Декларация и Повестка дня для действий] // Deutsches Jugendinstitut E.V. : [webseite]. URL: https://www.dji.de/fileadmin/user_upload/izkk/StockholmAgenda1996.pdf (дата обращения: 25.12.2025).

Следующим актом, который сосредоточил внимание на проблеме сексуальной эксплуатации детей, стал Протокол о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее²⁴ от 15 ноября 2000 г., дополняющий Конвенцию ООН против транснациональной организованной преступности²⁵. Он известен в международной практике как Палермский протокол. Важно, что это первый документ, который специально обратил внимание на сексуальную коммерческую эксплуатацию женщин и детей как самостоятельное явление, отдельно от торговли людьми или рабства. Пункт 5 статьи 9 называет проституцию и другие формы сексуальной эксплуатации формой насилия, требующей отдельного нормативного и уголовного реагирования.

В Бюллетене Генеральной Ассамблеи ООН о специальных мерах по защите от сексуальной эксплуатации и полового насилия 2013 года (ST/AB/2003/13) закреплено, что существует ряд преступлений, которые составляют сексуальную эксплуатацию детей: это детская порнография, вовлечение малолетних в половые отношения, детский секс-туризм и детская проституция. Под последней понимается не просто секс с детьми до 18 лет, а любое пользование их услугами, принуждение к проституции, продажа таких услуг или сводничество²⁶. И это не исчерпывающий список, потому что формы сексуальной эксплуатации могут быть самыми разными, модифицироваться, меняться со временем, так что бюллетень дает рамку, а не окончательный перечень.

Наиболее детализированный и императивный механизм защиты установлен Конвенцией Совета Европы о защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуальных злоупотреблений²⁷. Она была разработана именно для того, чтобы закрыть пробелы в национальных законодательствах и создать универсальные минимальные стандарты. Статья 19 Конвенции, озаглавленная «Преступления, касающиеся детской проституции», обязывает государства криминализировать три группы деяний: а) вовлечение ребенка в проституцию; б) принуждение ребенка к занятию проституцией или извлечение выгоды из нее; в) использование услуг детской проституции.

Ратификация Лансаротской конвенции создала для России прямое и безусловное обязательство имплементировать ее нормы в национальное законодательство. Частичной имплементацией можно считать введение в УК РФ в 2009 году ст. 240¹ «Получение сексуальных услуг несовершеннолетнего», что в определенной степени соответствует пункту «с» статьи 19 Конвенции (использование услуг). Однако императив пункта «б» в части криминализации извлечения выгоды из детской проституции (сутенерства) лицом, пользующимся доверием ребенка, в национальном законодательстве не реализован, т. к. в ст. 240–241 УК РФ не выделяется специальный субъект. Другими словами, Россия формально выполнила ратификацию, но не обеспечила полной реализации взятых на себя обязательств в национальном праве. Как отмечает И. С. Алихаджиева в своем анализе имплементации международных норм, «российское уголовное законодательство в части борьбы с сексуальной эксплуатацией детей демонстрирует выборочный подход, реализуя лишь те стандарты, которые касаются внешних по отношению к семье угроз, и оставляя без внимания императив специальной защиты от злоупотреблений внутри круга доверия» [16, с. 162].

5. Сравнительно-правовой анализ: зарубежные модели криминализации действий специальных субъектов

В сравнении с российским Уголовным кодексом различные модели криминализации вовлечения и организации занятия проституцией несовершеннолетних специальными субъектами – родителями, воспитателями и иными лицами, кто обязан проявлять заботу о ребенке, – имеются и в зарубежных уголовных законах. Например, белорусский законодатель в Уголовном кодексе от 9 июля 1999 г. № 275-З проводит четкую границу между двумя видами преступной деятельности родителей, выделяя их в качестве специального субъекта сексуальной эксплуатации детей²⁸. Нормы о вовлечении в занятие проституцией либо принуждении к продолжению

²⁴ Протокол по профилактике, пресечению и наказанию торговли людьми, особенно женщинами и детьми, дополняющий Конвенцию ООН против транснациональной организованной преступности // СЗ РФ. 2004. № 40. Ст. 3884.

²⁵ Конвенция против транснациональной организованной преступности (принята Генеральной Ассамблеей ООН 15.11.2000) (с изм. от 15.11.2000) // СЗ РФ. 2004. № 40. Ст. 3882.

²⁶ Специальные меры по защите от сексуальной эксплуатации и сексуальных надругательств : Бюллетень Генерального секретаря от 9 октября 2003 г. (ST/SGB/2003/13) // Организация Объединенных Наций : [официальный сайт]. URL: <https://docs.un.org/ru/st/SGB/2003/13> (дата обращения: 25.12.2025).

²⁷ СЗ РФ. 2014. № 7. Ст. 632.

²⁸ Уголовный кодекс Республики Беларусь от 09.07.1999 № 275-З (в ред. от 20.10.2025) // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь : [сайт]. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=Hk9900275> (дата обращения: 25.12.2025).

занятия проституцией (ст. 171¹ Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК РБ)) и организации занятия проституцией (ст. 171 УК РБ) сосредоточены в главе 20 «Преступления против половой неприкосновенности или половой свободы». Они, в отличие от отечественного права, образуют взаимосвязанную конструкцию, которая охватывает весь спектр действий родителя-эксплуататора. Белорусский уголовный закон криминализировал в т. ч. использование проституции, как того требует Конвенция Совета Европы о защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуальных злоупотреблений, принятой в г. Лансароте 25 октября 2007 года. В части 3 статьи 171¹ УК РБ закрепляетсяотягчающее обстоятельство: наказание ужесточается, если вовлечение или принуждение совершаются родителем в отношении своего ребенка. Максимальная санкция за это деяние в рамках главы – лишение свободы на срок от семи до десяти лет со штрафом, что свидетельствует о признании злоупотребления родительским доверием и сексуальной эксплуатации заведомо несовершеннолетнего особо тяжким преступлением. Как отдельную категорию субъекта по ч. 3 ст. 171¹ УК РБ выделяет и педагогических работников и иных лиц, на которых возложены обязанности по воспитанию несовершеннолетнего.

Уголовный кодекс Республики Казахстан (далее – УК РК) от 3 июля 2014 г. № 226-V устанавливает стройную систему уголовно-правовых запретов, направленных на защиту несовершеннолетних от вовлечения в занятие проституцией, придавая особое значение фигуре родителя как субъекту преступления²⁹. Позиция законодателя четко выражена в систематизации норм, когда сама структура закона указывает на приоритет охраны интересов ребенка. Статья 134 «Вовлечение несовершеннолетнего в занятие проституцией, оказание иных услуг сексуального характера» расположена не среди преступлений против общественной нравственности, а в главе 3 «Преступления против семьи и несовершеннолетних». Это прямо указывает на основной объект охраны – интересы семьи и условия для нормального развития ребенка, а не абстрактные моральные устои. В этом контексте вовлечение ребенка в занятие проституцией родителем приобретает качественно иной смысл: речь идет не просто о сексуальной эксплуатации, а о разрушении тех социальных и семейных связей теми, кто должен обеспечивать защиту и безопасность несовершеннолетнего. А потому УК РК последовательно усиливает ответственность в зависимости от статуса виновного. Согласно пункту 2 части 4 ст. 134 УК РК, совершение преступления родителем, педагогом или иным лицом, на которое законом возложены обязанности по воспитанию несовершеннолетнего, влечет лишение свободы на срок от семи до двенадцати лет с конфискацией имущества и пожизненным лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью. Конфискация имущества направлена на устранение корыстной мотивации, лишая преступника материальной выгоды, полученной от эксплуатации ребенка. Пожизненный запрет на профессиональную деятельность служит цели специального предупреждения, навсегда исключая возможность злоупотребления доверительным статусом в будущем.

Уголовный кодекс Королевства Испания (далее – УК Испании), вступивший в силу 24 мая 1996 г.³⁰, демонстрирует другой подход ужесточения наказания за эксплуатацию детской проституции. Во-первых, законодатель разграничивает ответственность за вовлечение в занятие детской проституцией (ст. 187) и проституцией взрослых (ст. 188), устанавливая для первого случая более строгие санкции. Соответствующие нормы помещены в главу IV «Преступления, связанные с занятием проституцией» Раздела VIII «Преступления против половой свободы». Родство (*parentesco*) с потерпевшим признается особо отягчающим обстоятельством вовлечения несовершеннолетнего в занятие проституцией. В соответствии со статьей 187 содействие или принуждение к занятию проституцией, совершенные родителем или опекуном, лицом, обязанным заботиться о ребенке, означает существенное повышение верхнего предела лишения свободы. Во-вторых, УК Испании содержит самостоятельный состав за преступное попустительство – статью 192. В ней говорится, что родители, опекуны или лица, осуществляющие попечение над несовершеннолетним, которые, зная о том, что несовершеннолетний занимается проституцией, не примут всех зависящих от них мер для его прекращения, подлежат уголовной ответственности. Уголовный закон тем самым возлагает на родителей и воспитателей не только запрет вовлекать ребенка в занятие проституцией, но и позитивную обязанность активно вмешиваться и прекращать сексуальную эксплуатацию, если о ней им стало известно.

²⁹ Уголовный кодекс Республики Казахстан от 03.07.2014 № 226-V (ред. от 16.09.2025) // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Әділет» : [сайт]. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000226> (дата обращения: 25.12.2025).

³⁰ Código Penal de España (Уголовный кодекс Республики Испания (ред. от 28.10.2025)) // Noticias Juridicas : [website]. URL: http://noticias.juridicas.com/base_datos/Penal/Io10-1995.html (дата обращения 12.12.2025).

3 заключение

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы:

1. Уголовно-правовая охрана несовершеннолетних от вовлечения в занятие проституцией и сексуальной эксплуатации (сутенерство и извлечение дохода) близкими лицами и лицами, осуществляющими надзор за ними, в России прошла сложную эволюцию. Дореволюционное законодательство, в частности Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года³¹ (в редакциях 1866 и 1885 гг.), содержало четкие нормы со специальной ответственностью для родителей, опекунов и воспитателей, что свидетельствовало об осознании законодателем особой опасности злоупотребления доверием и зависимостью ребенка. В советский период, начиная с исключения названного квалифицирующего признака из проекта УК РСФСР 1922 г.³², сложилась традиция «правового умолчания» в отношении специального субъекта преступлений, связанных с проституцией, по признаку родства с несовершеннолетним потерпевшим. Этот подход был механически перенесен разработчиками и в Уголовный кодекс 1926 года, УК РСФСР 1960 года³³ и действующий Уголовный кодекс Российской Федерации³⁴.

2. Конструкция статей 240–241 УК РФ не содержит квалифицирующего признака специального субъекта, что создает внутреннее логическое противоречие в системе Особенной части УК РФ. Ведь в других составах преступлений, направленных на противодействие вовлечению детей в антиобщественную деятельность (ч. 2 ст. 150, ч. 3 ст. 151 УК РФ), совершение деяния родителем, педагогом или иным воспитателем признается обстоятельством, влекущим более строгую уголовную ответственность. Игнорирование этого же подхода в отношении более опасного, систематического и коммерциализированного деяния – сексуальной эксплуатации и содействия ей путем вовлечения и принуждения к занятию проституцией, пользуясь авторитетом и доверием ребенка – влияет на эффективность уголовно-правовой защиты детства.

3. Криминологические данные, включая результаты эмпирических исследований, материалы судебной практики и официальную статистику, подтверждают распространенность и качественную специфику преступлений, совершаемых специальными субъектами. Эти деяния характеризуются не эпизодичностью, а системностью, использованием полной зависимости ребенка-жертвы, глубоким травмированием, последствия которого носят тотально деструктивный характер, затрагивая все сферы его жизни.

4. Действующая редакция статьи 240 УК РФ не соответствует императивным обязательствам Российской Федерации, вытекающим из ратифицированных международных договоров. Конвенция о правах ребенка и особенно Лансаротская конвенция 2007 года³⁵ (ст. 19) требуют от государств-участников криминализировать извлечение выгоды из занятия проституцией ребенком лицом, пользующимся доверием. Отсутствие в национальном законе квалифицированного состава для таких случаев является неполной имплементацией международных стандартов.

5. Сравнительно-правовой анализ демонстрирует, что криминализация деяний специальных субъектов за содействие детской проституции является распространенной и эффективной законодательной практикой в современном мире. Уголовные кодексы многих государств содержат различные, но единые по своей сути модели, направленные на усиление ответственности за злоупотребление статусом родителя, опекуна или воспитателя, прочими отношениями зависимости, что соответствует логике международного права.

6. На основании синтеза полученных результатов и в целях реализации государственных приоритетов в сфере защиты детства, устранения внутренних противоречий УК РФ, приведения национального законодательства в соответствие с международными стандартами и обеспечения принципа социальной справедливости представляется научно обоснованным и практически необходимым внести соответствующие поправки в ст. 240 и 241 УК РФ. Предлагается проект изменений в УК РФ: ч. 3 ст. 240 УК РФ после слов «в отношении несовершеннолетнего» дополнить пунктом «в» следующего содержания: «в) родителем или иным лицом, на которое законом возложены обязанности по воспитанию несовершеннолетнего, а равно педагогическим работником или другим работником образовательной, медицинской, социальной организации, обязанным осуществлять надзор за несовершеннолетним»; ч. 2 ст. 241 УК РФ дополнить пунктом «г» в этой же редакции.

³¹ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. ...

³² Собрание узаконений РСФСР. 1922. № 15. Ст. 153. Утратил силу.

³³ Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40. Ст. 591. Утратил силу.

³⁴ СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

³⁵ СЗ РФ. 2014. № 7. Ст. 632.

Список источников

1. Худжаева Е. Н. Детская проституция: способ зарабатывания денег в условиях рынка или уголовно наказуемое деяние? / Право и рынок : материалы Всероссийской научной конференции / редкол.: В. Я. Музыкин (отв. ред.) [и др.]. Барнаул : Издательство Алтайского университета, 1994. С. 104–107.
2. История Древнего Востока: зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации / Дьяконов И. М., Афанасьева В. К., Массон В. М. [и др.] ; под ред И. М. Дьяконова. Москва : Наука, 1983. Ч. 1: Месопотамия. 534 с.
3. Tannahill R. Sex in history. New York : Stein and Day, 1980. 480 с.
4. Мяханова А. Н., Гунзынов Ж. П., Буинов Ю. Е. Современные и дореволюционные аспекты вовлечения несовершеннолетних в занятие проституцией в России (на примере Республики Бурятия) // Вестник Бурятского государственного университета. Гуманитарные исследования Внутренней Азии. 2022. № 1. С. 55–63. <https://doi.org/10.18101/2305-753X-2022-1-55-63>
5. Панов А. А. Сахалин, как колония : Очерки колонизации и современного положения Сахалина. Москва : Типография товарищества И. Д. Сытина, 1905. 234 с.
6. Хармаев Ю. В. Влияние ссылки и каторги на распространение криминальной субкультуры среди местного населения окраинных территорий Российской империи XIX века / Уголовная ответственность и наказание : материалы Международной научно-практической конференции, г. Рязань, 18 мая 2018 г. / под ред. В. Ф. Лапшина. Рязань : Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, 2018. С. 239–245.
7. История советского уголовного права / Герцензон А. А., Грингауз Ш. С., Дурманов Н. Д., Исаев М. М. и [др.]. Москва : Юридическое издательство Министерства Юстиции СССР, 1948. 465 с.
8. Калужский Д. А. Детская проституция: проблемы правопонимания // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2015. № 5 (145). С. 257–259.
9. Царев Е. В. Вовлечение несовершеннолетнего в занятие проституцией: проблемы квалификации и технико-юридического конструирования нормы // Проблемы правоохранительной деятельности. 2015. № 4. С. 34–38.
10. Некоторые аспекты вовлечения несовершеннолетних в занятие проституцией по уголовному законодательству Китая и Монголии (сравнительно-правовой анализ с отдельными нормами законодательства России) / Синьков Д. В., Бальчиндоржиева О. Б., Мяханова А. Н., Цэнгэл С. Д. [и др.] // Baikal Research Journal : [сетевое издание]. 2022. Т. 13, № 4. [https://doi.org/10.17150/2411-6262.2022.13\(4\).22](https://doi.org/10.17150/2411-6262.2022.13(4).22)
11. Алихаджиева И. С. О новых тенденциях современной секс-индустрии и ее криминологических рисках // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16, № 4 (125). С. 160–173. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2021.125.4.160-173>.
12. Гилинский Я. И. Девиантность, преступность и социальный контроль в «новом мире» : сборник статей. Санкт-Петербург : Алеф-Пресс, 2013. 347 с.
13. Коваленко В. И. Криминологические проблемы борьбы с торговлей людьми в Российской Федерации : монография. Москва : ВНИИ МВД России, 2011. 175 с.
14. Одинокоева В. А., Ерицян К. Ю., Русакова М. М., Усачева Н. М. Факторы вовлечения в проституцию в несовершеннолетнем возрасте: результаты эмпирического исследования взрослых женщин // Журнал исследований социальной политики. 2019. № 17 (2). С. 267–280. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2019-17-2-267-280>
15. Рыжов В. Б. Взаимодействие государств-участников Европейского Союза в борьбе с сексуальной эксплуатацией детей и детской порнографией // Международное право и международные организации. 2021. № 2. С. 77–91. <https://doi.org/10.7256/2454-0633.2021.2.35484>
16. Алихаджиева И. С. О понятии сексуальной эксплуатации в международном праве // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 10 (83). С. 159–167. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2017.83.10.159-167>

References

1. Hudzhaeva E. N. Detskaya prostituciya: sposob zarabatyvaniya deneg v usloviyah rynka ili ugodovno nakazuemoe deyanie? / Pravo i rynek : materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii / redkol.: V. Ya. Muzyukin (otv. red.) [i dr.]. Barnaul : Izdatel'stvo Altajskogo universiteta, 1994. S. 104–107.
2. Istoriya Drevnego Vostoka: zarozhdenie drevnejshih klassovyh obshchestv i pervye ochagi rabovladel'cheskoj civilizacii / D'yakonov I. M., Afanas'eva V. K., Masson V. M. [i dr.] ; pod red I. M. D'yakonova. Moskva : Nauka, 1983. Ch. 1: Mesopotamiya. 534 s.
3. Tannahill R. Sex in history. New York : Stein and Day, 1980. 480 p.
4. Myahanova A. N., Gunzynov Zh. P., Buinov Yu. E. Sovremennye i dorevolucionnye aspekty вовлечения несовершеннолетних в занятие проституцией в России (на примере Республики Бурятия) // Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya Vnutrennej Azii. 2022. № 1. S. 55–63. <https://doi.org/10.18101/2305-753X-2022-1-55-63>
5. Panov A. A. Sahalin, kak koloniya : Ocherki kolonizacii i sovremennogo polozheniya Sahalina. Moskva : Tipografiya tovarishchestva I. D. Sytina, 1905. 234 s.
6. Harmaev Yu. V. Vliyanie ssylki i katorgi na rasprostranenie kriminal'noj subkul'tury sredi mestnogo naseleniya okrainnyh territorij Rossijskoj imperii XIX veka / Ugodovnaya otvetstvennost' i nakazanie : materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, g. Ryazan', 18 maya 2018 g. / pod red. V. F. Lapshina. Ryazan' : Akademiya prava i upravleniya Federal'noj sluzhby ispolneniya nakazaniy, 2018. S. 239–245.
7. Istoriya sovetskogo ugodovnogo prava / Gercenzon A. A., Gringauz Sh. S., Durmanov N. D., Isaev M. M. i [dr.]. Moskva : Yuridicheskoe izdatel'stvo Ministerstva Yusticii SSSR, 1948. 465 s.
8. Kaluzhskij D. A. Detskaya prostituciya: problemy pravoponimaniya // Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki. 2015. № 5 (145). S. 257–259.
9. Carev E. V. Vovlechenie nesovershennoletnego v zanyatie prostitucij: problemy kvalifikacii i tekhniko-yuridicheskogo konstruirovaniya normy // Problemy pravoohranitel'noj deyatel'nosti. 2015. № 4. S. 34–38.
10. Nekotorye aspekty вовлечения несовершеннолетних в занятие проституцией по уголовному законодательству Китая и Монголии (sravnitel'no-pravovoj analiz s otdel'nymi normami zakonodatel'stva Rossii) / Sin'kov D. V., Bal'chindorzhieva O. B., Myahanova A. N., Cengel S. D. [i dr.] // Baikal Research Journal : [setevoe izdanie]. 2022. T. 13, № 4. [https://doi.org/10.17150/2411-6262.2022.13\(4\).22](https://doi.org/10.17150/2411-6262.2022.13(4).22)

11. Alihadzhieva I. S. O novyh tendetsiyah sovremennoj seks-industrii i ee kriminologicheskikh riskah // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. 2021. T. 16, № 4 (125). S. 160–173. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2021.125.4.160-173>.
12. Gilinskij Ya. I. Deviantnost', prestupnost' i social'nyj kontrol' v «novom mire» : sbornik statej. Sankt-Peterburg : Alef-Press, 2013. 347 s.
13. Kovalenko V. I. Kriminologicheskie problemy bor'by s trgovlej lyud'mi v Rossijskoj Federacii : monografiya. Moskva : VNII MVD Rossii, 2011. 175 s.
14. Odinkova V. A., Ericyan K. Yu., Rusakova M. M., Usacheva N. M. Faktory vovlecheniya v prostitutsiyu v nesovershennoletnem vozraste: rezul'taty empiricheskogo issledovaniya vzroslykh zhenshchin // Zhurnal issledovanij social'noj politiki. 2019. № 17 (2). S. 267–280. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2019-17-2-267-280>
15. Ryzhov V. B. Vzaimodejstvie gosudarstv-uchastnikov Evropejskogo Soyuza v bor'be s seksual'noj ekspluataciej detej i detskoj pornografiej // Mezhdunarodnoe pravo i mezhdunarodnye organizacii. 2021. № 2. S. 77–91. <https://doi.org/10.7256/2454-0633.2021.2.35484>
16. Alihadzhieva I. S. O ponyatii seksual'noj ekspluatacii v mezhdunarodnom prave // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. 2017. № 10 (83). S. 159–167. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2017.83.10.159-167>

Научная статья
УДК 343.13

Основание и условия прекращения уголовного дела в связи с компромиссом сторон

Галина Александровна Рукавишникова, адъюнкт

Уральский юридический институт МВД России
Екатеринбург (620057, ул. Корепина, д. 66), Российская Федерация
9089133977@mail.ru

Аннотация:

Введение. Нормы Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и Уголовного кодекса Российской Федерации, регламентирующие порядок прощения лица, совершившего преступление, но загладившего вред, им причиненный, по своей сути представляют собой определенный компромисс между интересами публичными (государственными) и частными (личными), однако условия и основания возникновения такого компромисса должны быть четко разграничены, исключая тем самым возможность двоякого толкования отдельных элементов уголовно-процессуальных норм и неоднородной судебной практики. В статье анализируется проблема отсутствия четкого разграничения понятий «условие» и «основание» освобождения от уголовной ответственности, что влечет риски двоякого толкования норм, субъективизма правоприменителей и потенциальных нарушений принципа равенства перед законом. Особое внимание уделяется трем аспектам: пробелам в законодательном определении терминов, разночтениям в доктринальных трактовках (от отождествления до жесткого разграничения понятий) и противоречиям в позициях различных судебных инстанций. **Методы.** В исследовании применен комплекс общенаучных методов познания: анализ, дедукция, обобщение, системно-структурный метод, а также частнонаучные: формально-юридический и сравнительно-правовой метод. В качестве метода эмпирического исследования использовалось сравнение. **Результаты.** По итогам исследования была разработана система предпосылок освобождения лица от уголовной ответственности, которая необходима для обеспечения четкого и структурированного понимания института для всех участников уголовно-процессуальной сферы – от студентов юридических образовательных организаций высшего образования до практикующих юристов, научных исследователей и законодателя.

Ключевые слова:

компромиссные основания, освобождение от уголовной ответственности, компромисс, прекращение уголовного дела, система, условия и основания

Для цитирования:

Рукавишникова Г. А. Основание и условия прекращения уголовного дела в связи с компромиссом сторон // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2026. № 2 (110). С. 151–160.

Статья поступила в редакцию 29.03.2026;
одобрена после рецензирования 11.06.2026;
принята к публикации 25.06.2026.

Статья заняла I место в международном конкурсе адъюнктов и аспирантов на лучшую научную статью 2026 года, проведенном Санкт-Петербургским университетом МВД России.

Original article

Grounds and conditions for the termination of criminal proceedings due to a compromise between the parties

Galina A. Rukavishnikova, Postgraduate

Ural Law Institute of the MIA of Russia
66, Korepina str., Yekaterinburg, 620057, Russian Federation
9089133977@mail.ru

© Рукавишникова Г. А., 2026



Abstract:

Introduction. The provisions of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation and the Criminal Code of the Russian Federation that regulate the release from liability of a person who has committed a crime but has redressed the harm caused essentially represent a specific compromise between public (state) and private (personal) interests. However, the conditions and grounds for the emergence of such a compromise must be clearly delineated, thereby excluding the possibility of ambiguous interpretations of individual elements of criminal procedural norms and inconsistent judicial practice. This article analyses the problem of the lack of a clear distinction between the concepts of "condition" and "ground" for exemption from criminal liability, which entails risks of ambiguous interpretation of norms, discretionary decision-making by law enforcement officials, and potential violations of the principle of equality before the law. Special attention is given to three aspects: gaps in the legislative definition of terms, discrepancies in doctrinal interpretations (ranging from conflation to strict differentiation of the concepts), and contradictions in the positions of various courts. **Methods.** The research employs a comprehensive set of general scientific methods of cognition: analysis, deduction, generalisation, and a systemic-structural method, as well as specific scientific methods: formal-legal and comparative-legal methods. Comparison was used as an empirical research method. **Results.** As a result of the study, a system of elements for releasing a person from criminal liability was developed, which is necessary for ensuring a clear and structured understanding of the institution for all participants in criminal proceedings – from law students to practising lawyers, researchers, and legislators.

Keywords:

compromise grounds, exemption from criminal liability, compromise, termination of criminal proceedings, system, conditions and grounds

For citation:

Rukavishnikova G. A. Grounds and conditions for the termination of criminal proceedings due to a compromise between the parties // *Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia*. 2026. № 2 (110). P. 151–160.

The article was submitted March 29, 2026;
approved after reviewing June 11, 2026;
accepted for publication June 25, 2026.

The article was awarded first place in an international competition for adjuncts and postgraduates for the best scientific article of 2026, held by Saint Petersburg University of the MIA of Russia.

Введение

Освобождение от уголовной ответственности в случаях, предусмотренных ст. 75, 76, 76¹, 76² Уголовного кодекса Российской Федерации¹ (далее – УК РФ), имеет ясно выраженный компромиссный характер, поскольку в ответ на заглаживание вреда, причиненного преступлением, государство освобождает лицо, совершившее преступление, от уголовного преследования, что представляет собой «способ разрешения конфликтов <...>, достигаемый посредством взаимодопустимых уступок сторон обвинения и защиты» [1, с. 31].

Компромисс в контексте уголовного производства следует понимать как согласованное решение, при котором каждая из сторон отказывается от части своих первоначальных требований ради достижения общего результата. Компромисс не сводится к односторонней уступке интересам какой-либо из сторон, а представляет собой «баланс частных и публичных интересов» [2, с. 83]. В данном случае государство экономит временные ресурсы, потерпевший получает возмещение вреда, уголовно преследуемое лицо избегает судимости и связанных с ней правовых последствий.

При этом для прекращения уголовного дела в связи с компромиссом сторон необходим ряд юридических обстоятельств. В статье 75 УК РФ указано: «Лицо, впервые совершившее преступление небольшой или средней тяжести, может быть освобождено от уголовной ответственности, если после совершения преступления добровольно явилось с повинной, способствовало раскрытию и расследованию этого преступления, возместило ущерб или иным образом заглавило вред...»². Аналогичные требования содержатся в других указанных статьях УК РФ – законодатель в качестве необходимых юридических предпосылок освобождения от уголовной ответственности называет три обстоятельства:

- а) совершение преступления впервые;
- б) совершение преступления небольшой или средней тяжести;
- в) заглаживание вреда, причиненного преступлением.

Правовые предпосылки освобождения от уголовной ответственности являются объектом научного анализа и систематизации. По этому поводу ученые высказывают различные точки зрения.

Некоторые исследователи не дифференцируют эти обстоятельства и ограничиваются их упоминанием. Например, Е. Л. Козлова пишет: «Применение института освобождения

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). 1996. № 25. Ст. 2954.

² СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

от уголовной ответственности требует наличия определенных обстоятельств» [3, с. 9]. Однако чаще авторы группируют указанные предпосылки, используя для этого понятия «условия» и «основания».

М. Ю. Скрипченко полагает, что все указанные в ст. 76² УК РФ обстоятельства следует считать условиями, а их совокупность именуется основанием [4, с. 108]. Аналогичной точки зрения придерживается и Н. И. Мацнева, которая утверждает, что «основание освобождения от уголовной ответственности есть всегда совокупность условий, которые определены уголовным законом об освобождении от уголовной ответственности, и только при их наличии оно может быть применено»³.

На иной позиции стоит П. С. Яни, который считает, что «возмещение ущерба или иное заглаживание причиненного преступлением вреда есть условие освобождения от уголовной ответственности» [5, с. 30]. В то же время Н. Н. Апостолова рассматривает аналогичные действия в качестве основания [6, с. 34].

Некоторые авторы (Р. А. Сабитов [7, с. 52], Х. Д. Аликперов, О. Н. Кузьмина и др.) вместо термина «основание» используют понятие «позитивное посткриминальное поведение» [8, с. 89]. С. П. Андреев полагает, что: «условиями освобождения <...> являются юридические факты <...>, а именно – совершение преступления небольшой или средней тяжести, а также совершение его впервые, основанием же <...> позитивная посткриминальная деятельность виновного, которая выражена в возмещении ущерба и заглаживании иного вреда, нанесенного преступлением»⁴.

Анализ доктринальных подходов позволяет сделать вывод: в уголовно-правовой науке правовые предпосылки освобождения от уголовной ответственности традиционно дифференцируются на «условия» и «основания», однако их содержательное наполнение остается предметом научной полемики [9, с. 167].

Такая же картина наблюдается в решениях судов различных инстанций.

Так, в пункте 16.1 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. № 19 совершение преступления впервые небольшой или средней тяжести, а также заглаживание вреда отнесены к условиям, тогда как в п. 25.1 того же постановления эти предпосылки названы основаниями прекращения уголовного дела⁵.

Президиум Верховного Суда Российской Федерации в своем решении не оперирует понятием «условия», а использует термин «основания», называя таковым «заглаживание вреда, причиненного преступлением»⁶. Далее в том же решении указано, что «суд не установил факт соблюдения подсудимой обязательного условия о возмещении ущерба либо заглаживания иным образом вреда, причиненного преступлением»⁷.

Из позиции Президиума Верховного Суда Российской Федерации следует, что эта судебная инстанция так же, как и Пленум Верховного Суда Российской Федерации, не придает собственного смысла понятиям «основания» и «условия» и использует их как синонимы. Это отмечают и некоторые ученые [10, с. 110].

Конституционный Суд Российской Федерации также не дифференцирует рассматриваемые понятия, когда указывает на «обстоятельства, служащие основанием для освобождения от уголовной ответственности»⁸.

И в решениях судов по конкретным уголовным делам термины «условия» и «основания» трактуются неоднозначно.

³ Мацнев Н. И. Освобождение от уголовной ответственности с привлечением к административной ответственности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ленинград, 1981. С. 14.

⁴ Андреев С. П. Обеспечение принципа справедливости при освобождении от уголовной ответственности в связи с назначением судебного штрафа : дис. ... канд. юрид. наук. Санкт-Петербург, 2022. С. 91.

⁵ О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. № 19 (ред. от 29.11.2016) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации (далее – Бюллетень ВС РФ). 2013. № 8.

⁶ Обзор судебной практики освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (статья 76² УК РФ) (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 10.07.2019) // Бюллетень ВС РФ. 2019. № 12.

⁷ Там же.

⁸ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Гафитулиной Таисии Ивановны на нарушение ее конституционных прав пунктом 1 статьи 1 Федерального закона от 3 июля 2016 года № 323-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» : определение Конституционного Суда Российской Федерации от 26 октября 2017 г. № 2257-О // Легалакт – законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации» (ЮИС Легалакт) : [сайт]. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnog-suda-rf-ot-26102017-n-2257-o/> (дата обращения: 04.02.2026).

К примеру, в постановлении Анжеро-Судженского городского суда отмечено: «Судом установлено наличие оснований для прекращения уголовного дела <...> в отношении Р., при этом не усматривается оснований, препятствующих прекращению уголовного дела, поскольку все необходимые условия для освобождения Р. от уголовной ответственности имеются»⁹. В данном случае суд использует понятия «условие» и «основание», но применяет их как синонимы.

Троицкий районный суд использовал иную формулировку: «Все необходимые условия для прекращения уголовного дела в отношении У. имеются. Он подозревается в совершении преступления, относящегося к категории средней тяжести, ранее не судим, вину признал в полном объеме, раскаялся в содеянном, активно способствовал расследованию преступления...»¹⁰. В этом решении суд расценивает все перечисленные обстоятельства как условия прекращения уголовного дела.

В некоторых случаях суды не применяют термины «условия» и «основания», ограничиваясь перечислением обстоятельств, предусмотренных в законе¹¹.

Анализ правоприменительной практики подтверждает отсутствие унифицированного подхода к разграничению категорий «основания» и «условия». В судебных актах наблюдаются разночтения: от отождествления данных понятий и перечисления соответствующих обстоятельств без их четкой квалификации до последовательного разделения материальных предпосылок и процессуальных требований.

Разнообразие мнений в трактовке понятий «условия» и «основания» как в науке, так и в правоприменительной практике во многом способствует позиция законодателя.

Так, согласно статье 25 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации¹² (далее – УПК РФ) прекращение уголовного дела в связи с примирением сторон производится «на основании заявления потерпевшего или его законного представителя».

В части 4 статьи 28, ч. 1, 2, 3, 3¹, 4, 5 ст. 28¹ УПК РФ термин «основание» отсылает к ст. 75 и 76¹ УПК РФ, т. е. указанные в них положения уголовного закона обозначены как основания прекращения уголовного дела. При этом применительно к институту освобождения от уголовной ответственности законодатель не использует понятие «условия».

Однако «связка» этих терминов в тексте закона встречается. Например, в части 1 статьи 226¹ УПК РФ речь идет об основаниях и условиях в следующей формулировке: «Дознание в сокращенной форме производится на основании ходатайства подозреваемого о производстве по уголовному делу дознания в сокращенной форме и при наличии одновременно следующих условий»¹³.

Значительно чаще законодатель использует термин «основание», как правило, в названиях статей: «Основание задержания подозреваемого» (ст. 91 УПК РФ), «Основание и порядок производства обыска» (ст. 182 УПК РФ), «Основание и порядок производства выемки» (ст. 183 УПК РФ) и др.

Таким образом, понятия «условия» и «основания» являются нормативными, однако применяются они в тексте закона в разных значениях, что следует расценивать как научную проблему, решение которой может способствовать структурированию правовых конструкций, в частности системному построению юридических предпосылок освобождения лица от уголовной ответственности в связи с компромиссом сторон.

Актуальность исследования обусловлена наличием существенных противоречий в доктринальных трактовках указанных категорий, неоднородностью судебной практики по применению норм об освобождении от уголовной ответственности, негативными последствиями правовой неопределенности для единства правоприменения и защиты прав участников уголовного производства, а также необходимостью совершенствования механизмов реализации уголовно-правовых норм в контексте гуманизации уголовной политики.

⁹ Постановление Анжеро-Судженского городского суда (Кемеровская область) от 29 июля 2024 г. по делу № 1-292/2024 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации (СудАкт.Ру) : [сайт]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/gSYMBmN7UXX/#top> (дата обращения: 09.02.2026).

¹⁰ Постановление Троицкого районного суда (Челябинская область) от 9 сентября 2020 г. по делу № 1-118/2020 // Судебные Решения.рф : [сайт]. URL: <https://xn--90afdbaa0bd1afy6eub5d.xn--plai/53754850> (дата обращения: 09.02.2026).

¹¹ Постановление Луховицкого районного суда (Московская область) от 19 мая 2020 г. по делу № 1-90/2020 // Актофакт : [сетевое издание]. URL: <https://actofact.ru/case-50RS0024-1-90-2020-2020-04-10-2-0/> (дата обращения: 09.02.2026).

¹² Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4929.

¹³ Там же.

Проблема исследования заключается в отсутствии четкого понятийного аппарата, позволяющего однозначно разграничить «условия» и «основания» освобождения от уголовной ответственности, что приводит к разночтениям как в теории, так и на практике.

Цель исследования – не просто обозначить контуры этой проблемы, но возвести прочный понятийный мост между двумя ключевыми категориями. Речь идет о создании целостной системы, которая превратит разрозненные нормы в логически выверенный механизм применения института освобождения от ответственности. Такой подход позволит устранить терминологическую двусмысленность в доктрине, обеспечить единообразие судебной практики, повысить правовую определенность для всех участников уголовного процесса и создать предпосылки для дальнейшего совершенствования законодательства.

Для достижения поставленной цели необходимо решить ряд задач, включая анализ философской основы понятий «основание» и «условие» и предложение структурированной системы условий и оснований с учетом материально-правовых и процессуальных аспектов, а также разработку рекомендаций по совершенствованию правоприменительной практики в данной сфере.

Объектом исследования выступают общественные отношения, возникающие в процессе применения норм об освобождении от уголовной ответственности. Предметом исследования являются не просто отдельные элементы механизма освобождения, а их внутренняя архитектура: как «условия» и «основания» соотносятся между собой, какие функции выполняют в правовой конструкции, по каким принципам могут быть систематизированы для обеспечения единообразия правоприменения.

Методы

В исследовании применен комплекс взаимодополняющих методов, обеспечивающих комплексное изучение правовой природы понятий «основание» и «условие» прекращения уголовного дела.

При проведении исследования использовались общенаучные методы познания. При помощи анализа выявлены структурные различия между категориями «основание» и «условие» в их философском и правовом понимании, а также противоречия в нормативной регламентации их применения. Метод дедукции позволил вывести следствие из общих философских концепций применительно к уголовно-процессуальному регулированию, что дало возможность обосновать иерархическое соотношение оснований и условий в механизме правового воздействия. Благодаря системно-структурному методу определены взаимосвязи элементов института освобождения от уголовной ответственности: установлено, что основание выступает ядром механизма, а условия – обеспечивающими его реализацию факторами. Обобщение позволило сформулировать универсальные признаки оснований и условий, применимые к различным нормам УПК РФ (ст. 25, 25¹, 28, 28¹) и УК РФ (ст. 75, 76, 76¹, 76²).

Из числа частнонаучных применен формально-юридический метод, с помощью которого возможно интерпретировать нормы УПК РФ и УК РФ, регламентирующие основания и условия прекращения уголовного преследования, а также позиции Пленума Верховного Суда Российской Федерации, Президиума Верховного Суда Российской Федерации и Конституционного Суда Российской Федерации по данному вопросу. Сравнительно-правовой метод способствовал выявлению различий в использовании анализируемых терминов в нормах уголовного и уголовно-процессуального закона.

В качестве метода эмпирического исследования использовалось сравнение, которое позволило определить неоднозначное толкование терминов «условия» и «основания» в решениях судов по конкретным уголовным делам.

Результаты

Четкое разграничение оснований и условий позволяет участникам правоотношений заранее понимать, при каких обстоятельствах и на каком основании могут наступить те или иные юридические последствия. Это создает предсказуемую правовую среду, в которой граждане и организации могут планировать свои действия, зная, какие условия должны быть соблюдены, а какие обстоятельства являются непосредственными основаниями для возникновения, изменения или прекращения прав и обязанностей. Если основания и условия не разграничены, возникает риск того, что правовое положение лица будет определено не на основе четких критериев, а в результате субъективного усмотрения.

В связи с этим система условий и оснований – ключевой элемент правового регулирования, который обеспечивает точность, справедливость и единообразие правоприменения. Она позволяет разграничить факты, непосредственно порождающие правовые последствия (основания), и обстоятельства, которые делают их реализацию возможной или ограничивают ее (условия). Это способствует правовой определенности, защите прав граждан и поддержанию целостности правовой системы.

Для формирования системы анализируемых понятий первостепенное значение имеет четкое определение терминов «основание» и «условие». В связи с этим целесообразно исследовать их семантику в общеупотребительном, философском и правовом контекстах.

Согласно толковому словарю С. И. Ожегова, под «основанием» понимается «причина, достаточный повод, оправдывающие что-нибудь», а «условие» – это данные, требования, из которых следует исходить¹⁴.

В учебнике философии для высших учебных заведений дается следующее определение условий: «Это внутренние связи предмета и внешние факторы, представляющие среду, в которой возможно развитие причинных явлений и связей»¹⁵. Условие чаще всего рассматривается как нечто внешнее для явления в отличие от более широкого понятия причины, включающего как внешние, так и внутренние факторы. При этом условия могут быть как внешними, так и внутренними по отношению к обуславливаемому объекту, но они не порождают явление непосредственно, а лишь делают его возможным или невозможным в зависимости от своей совокупности.

Категорию «основание» Г. В. Гегель определил как коренную причину, логический или реальный фундамент, который делает возможным существование или реализацию какого-либо явления, действия или суждения. Основание объясняет, почему что-то существует, происходит или является истинным [11, с. 127].

Аристотель в «Метафизике» и «Физике» подчеркивал необходимость различать действующую причину (аналог «основания») – непосредственный импульс, запускающий процесс, и условия, при которых причина может действовать (например, материал, среда, обстоятельства).

Таким образом, «основания» и «условия» – это взаимосвязанные, но не равнозначные категории. Основание – это сущностная причина, которая порождает явление, тогда как условие – фактор, который обеспечивает или ограничивает реализацию основания. Основание объясняет, почему, а условие – при каких обстоятельствах что-то происходит.

В правоприменительной деятельности основанием выступают юридические факты или совокупность обстоятельств, которые прямо предусмотрены законом как необходимая база принятия процессуальных решений. Однако одного такого фундамента во многих случаях недостаточно, поскольку принятие решения связано с рядом сопутствующих обстоятельств (условий) и потому, во избежание негативных последствий требуется сочетание, согласованность основания и условий.

В. В. Груздев полагает, что «юридические факты влекут наступление юридических последствий непосредственно, напрямую, между ними не существует никаких дополнительных элементов, в то время между юридическими условиями, с одной стороны, и правовыми последствиями – с другой, существует промежуточное звено – юридический факт, которое и является тем рычажком, который приводит к возникновению правовых последствий» [12, с. 88].

Основание – это юридически закрепленное обстоятельство, которое делает возможным определенное правовое последствие, действие, состояние или правоотношение. Это достаточный или необходимый факт (или их совокупность), прямо предусмотренный законом, который объясняет, почему что-то происходит, существует или является правомерным. Условия – это сопутствующие требования, которые подтверждают возможность реализации основания. Сами по себе условия не формируют права или обязанности, но их наличие или отсутствие определяет, будет ли реализовано основание.

Таким образом, философский подход позволяет определить, что основание – это юридический факт или совокупность обстоятельств, которые прямо предусмотрены законом как достаточные для принятия определенного процессуального решения. Это ключевая основа, без которой решение не может быть принято в принципе. Основание выступает непосредственной правовой причиной для совершения процессуального действия. И лишь в случае наличия

¹⁴ См.: Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка : 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. Москва : Азбуковник, 1997. 939 с.

¹⁵ Введение в философию : учебник : 2-х ч. // Фролов И. Т., Араб-Оглы Э. А., Арефьева Г. С. [и др.]. Москва : Политиздат, 1989. Ч. 2. С. 132.

основания возникает необходимость в проверке наличия условий. Условия же – это сопутствующие обстоятельства, которые должны быть соблюдены для реализации основания. Условия создают рамки, в которых может быть применено основание, но сами по себе они не являются самостоятельными причинами для принятия решения.

Как отмечалось ранее, освобождение от уголовной ответственности в связи с компромиссом сторон является сложным правовым институтом, состоящим из ряда юридических предпосылок, что требует их научного анализа и систематизации. Методологической основой такого анализа выступают философские категории «условия» и «основания» поскольку эти термины широко используются в тексте УПК РФ в т. ч. и применительно к рассматриваемому институту.

Формулировки в статьях 75, 76, 76¹, 76² УК РФ дают достаточно ясный ответ, какие обстоятельства выступают в качестве условий, а какие – оснований. Во всех этих положениях прослеживается единая схема: «Освобождение от уголовной ответственности допускается, если лицо впервые совершило преступление небольшой или средней тяжести после чего загладило причиненный преступлением вред»¹⁶.

В институте освобождения от уголовной ответственности основанием выступает заглаживание вреда, причиненного преступлением. Поскольку оно является материальной причиной юридического решения, его правовая и социальная задача – ответить на вопрос, почему возможно освобождение лица, совершившего преступление. При освобождении от уголовной ответственности уголовно преследуемое лицо желает исправиться, нейтрализовать последствия совершенного им преступления и загладить вред.

Само по себе основание не может реализовываться без соответствующей совокупности обстоятельств (условий).

В уголовно-правовой литературе многие авторы ограничиваются нормами, содержащимися в статьях УК РФ, и ведут речь лишь о двух указанных условиях.

Так, Н. С. Луценко считает, что «под условиями предполагается понимать: 1) совершение преступления впервые; 2) совершение преступного деяния небольшой и (или) средней тяжести. Под основанием <...> возмещение ущерба или заглаживание вреда иным образом» [13, с. 334]. В. В. Полтавец считает так же: «Обязательными условиями <...> являются совершение лицом впервые преступления небольшой или средней тяжести. Основанием выступает возмещение ущерба или заглаживание причиненного преступлением вреда» [14, с. 193].

Однако представители уголовно-процессуальной науки не ограничиваются указанными в УК РФ уголовно-правовыми условиями освобождения от уголовной ответственности, а называют еще два условия уголовно-процессуального характера.

В. Ю. Стельмах отмечает, что «процессуальными условиями прекращения уголовного преследования являются: 1) наличие у лица процессуального статуса обвиняемого или подозреваемого; 2) согласие лица на прекращение уголовного преследования...» [15, с. 120]. Данную позицию разделяет также А. Д. Смыр [16, с. 237].

Действительно, поскольку от уголовной ответственности освобождается лицо, совершившее преступление, то возникает вопрос о его процессуальном статусе.

Согласно статьям 25, 25¹, 28, 28¹ УПК РФ прекращение уголовного дела допускается «в отношении лица подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления». Если в данном контексте следовать букве закона, то это означает признание равной юридической значимости обоих процессуальных статусов для целей прекращения уголовного дела. Данная позиция принципиально отличается от ряда иных процессуальных механизмов, где наличие статуса обвиняемого выступает обязательным условием для реализации тех или иных процессуальных действий. Такой подход законодателя разделяют и некоторые ученые. В частности, В. Ю. Стельмах полагает, что данная позиция законодателя «обеспечивает процессуальную экономию, позволяя принимать решение без прохождения процедуры предъявления обвинения» [15, с. 120].

Но есть и другие мнения. Н. П. Кириллова и П. А. Каматесов высказывают такую точку зрения: «Необходимость закрепления нормы, в соответствии с которой завершать предварительное расследование в порядке Главы 51.1 УПК РФ следует только после предъявления обвинения при расследовании в форме следствия» [17, с. 36]. Применительно к дознанию, отмечают ученые, необходимо проводить расследование в полном объеме и завершать его итоговым постановлением, содержащим соответствующее ходатайство, обращенное к суду. И. В. Овсянников, рассматривая данный вопрос, отмечает, что «следует говорить не о лице, совершившем преступление <...>, а о лице, обвиняемом в совершении преступления» [18, с. 203].

¹⁶ СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

Данная точка зрения представляется обоснованной, т. к. от уголовной ответственности освобождается лицо, совершившее преступление, т. е. виновное в деянии, что предполагает, во-первых, доказанность данного факта, а во-вторых, предъявление лицу обвинения в преступлении. На этапе подозрения лицо предстает лишь как причастное к преступлению, а доказанность совершения им деяния еще остается под сомнением. Поэтому данное условие освобождения от уголовной ответственности нуждается, на наш взгляд, в уточнении, а именно, в указании на то, что уголовное дело может быть прекращено лишь в отношении обвиняемого.

Второе процессуальное условие определено в УПК РФ формулировкой: «если подозреваемый и обвиняемый против этого не возражает» (ч. 2 ст. 27, ч. 4 ст. 28, ч. 5 ст. 28¹ ч. 3 ст. 28³ УПК РФ).

Пленум Верховного Суда Российской Федерации в данном случае использует термин «согласие», когда указывает, что «...обязательным условием принятия такого решения является согласие на это лица, совершившего преступление»¹⁷.

Различие формулировок «не возражает» и «согласие» создает определенную правовую неоднозначность. На первый взгляд, эти обороты предполагают, что инициатива о прекращении уголовного дела исходит от органов предварительного расследования или суда, а подозреваемому либо обвиняемому остается лишь выразить свое отношение к предложению – согласиться или возразить. Такая трактовка формирует пассивную роль уголовно преследуемого лица: оно выступает не инициатором процедуры, а лишь реагирует на инициативу властных субъектов уголовного судопроизводства.

Однако анализ практической реализации данного механизма показывает иную картину. Фактически в исходе дела – освобождении от уголовной ответственности – заинтересован прежде всего сам подозреваемый или обвиняемый, поскольку это позволяет ему избежать судимости и связанных с ней правовых последствий. Следовательно, дознаватель, прокурор или суд не имеют прямой заинтересованности в прекращении дела по нереабилитирующим основаниям: для них это не процессуальная обязанность, а право, реализуемое при наличии законных предпосылок.

Поэтому на практике процедура освобождения от уголовной ответственности чаще всего инициируется именно волеизъявлением подозреваемого или обвиняемого, оформленным заявлением или ходатайством. Это обусловлено самой природой данных правовых механизмов: они предполагают активную позицию лица, привлекаемого к ответственности, – готовность загладить причиненный вред, примириться с потерпевшим, содействовать расследованию. Без инициативы со стороны подозреваемого или обвиняемого компетентные органы, как правило, не начинают проверку возможности применения норм об освобождении от уголовной ответственности.

Прокурор Свердловской области Е. В. Ряпосова отмечает, что подозреваемый, обвиняемый и их защитники вправе обратиться к следователю с ходатайством о направлении уголовного дела в суд для назначения штрафа и прекращения уголовного дела¹⁸.

Аналогичное мнение высказывает адвокат А. Антонов¹⁹. Такая же точка зрения имеется в юридической науке. Например, А. Г. Маркелов считает целесообразным закрепить в УПК РФ механизм, позволяющий обвиняемому инициировать процедуру освобождения от уголовной ответственности посредством подачи соответствующего ходатайства [19, с. 85].

Представляется, что специального процессуального механизма для этого не требуется, т. к. действующие положения УПК РФ дают возможность большинству участников уголовно-процессуальной деятельности, в т. ч. уголовно преследуемому лицу, выражать свое волеизъявление посредством ходатайств и заявлений. Для решения данной проблемы достаточно вместо слов «не возражает» внести в УПК РФ норму – «прекращение уголовного дела по нереабилитирующим основаниям допускается по заявлению уголовно преследуемого лица с просьбой освободить его от уголовной ответственности в связи с наличием обстоятельств, предусмотренных законом».

¹⁷ Бюллетень ВС РФ. 2013. № 8.

¹⁸ Судебный штраф в качестве меры уголовно-правовой ответственности. Аппарат прокуратуры Свердловской области // Прокуратура Свердловской области : [официальный сайт]. URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/proc_66/activity/legal-education/explain/e1215294/ (дата обращения: 15.02.2026).

¹⁹ Антонов А. Адвокат по уголовным делам: применение меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа и последствия его неуплаты // Антонов и партнеры : [сайт]. URL: <https://pravo163.ru/advokat-po-ugolovnym-delam-primenenie-mery-ugolovno-pravovogo-karaktera-v-vide-sudebnogo-shtrafa-i-posledstviya-ego-neuplaty/> (дата обращения: 17.02.2026).

3 заключение

Проведенное исследование показало, что отсутствие четкого разграничения между понятиями «условие» и «основание» приводит к противоречиям в науке и судебной практике. Термины «условие» и «основание» не являются синонимами. Основание представляет собой непосредственную причину для принятия правового решения, тогда как условия – это обстоятельства, обеспечивающие возможность реализации основания.

Для создания целостного и практически применимого правового инструментария, учитывающего всю совокупность предпосылок, наиболее эффективен метод иерархической систематизации, предполагающий упорядочение элементов по уровням значимости и подчиненности: на верхнем уровне располагаются основания как ключевые юридические факты, непосредственно порождающие право на освобождение от уголовной ответственности и выступающие «пусковым механизмом» правовой нормы, а на нижнем уровне – условия как обстоятельства, подлежащие выполнению для реализации основания и выполняющие функцию фильтров, проверяющих соответствие ситуации требованиям закона. Научно и методологически обоснованный подход требует систематизации ключевых элементов по ряду критериев: функциональной роли (порождающая у оснований и обеспечивающая у условий), юридической силе (основание создает правовую возможность, а условие ее верифицирует), последовательности учета (сначала устанавливается наличие основания, затем проверяются условия) и степени обязательности (отсутствие основания исключает применение нормы, а невыполнение условия блокирует ее реализацию). Практическая значимость подобного разграничения выражается в повышении точности юридической квалификации, снижении количества судебных ошибок из-за неверного толкования норм, обеспечении единообразия судебной практики, упрощении процедуры принятия решений правоприменителями, а также в формировании четких ориентиров для подозреваемых и обвиняемых относительно возможности освобождения от ответственности.

В связи с вышеизложенным система правовых предпосылок прекращения уголовного дела в связи с компромиссом сторон складывается из ряда условий и оснований. В качестве основания выступает факт заглаживания вреда, причиненного преступлением. Условия дифференцируются на уголовно-правовые и уголовно-процессуальные. Уголовно-правовыми условиями являются: 1) совершение преступления впервые; 2) совершение преступления небольшой или средней тяжести, а уголовно-процессуальными: а) наличие у лица процессуального статуса обвиняемого; б) заявление обвиняемого о его освобождении от уголовной ответственности в связи с заглаживанием вреда, причиненного преступлением.

Список источников

1. Янина Я. Ю. Законность как критерий допустимости компромисса в разрешении конфликтов уголовного судопроизводства // Право и политика. 2007. № 9. С. 83–86.
2. Давлетов А. А., Азаренок Н. В. Баланс публичного и частного интересов как основополагающий фактор формирования современного российского уголовного процесса // Законы России: опыт, анализ, практика. 2021. № 6. С. 31–37.
3. Козлова Е. Л., Барина Е. Д. Судебный штраф как мера освобождения от уголовной ответственности несовершеннолетних // Российский судья. 2021. № 4. С. 8–11. <https://doi.org/10.18572/1812-3791-2021-4-8-11>
4. Скрипченко М. Ю. Судебный штраф: проблемы реализации законодательных новелл // Журнал российского права. 2017. № 7. С. 106–114.
5. Яни П. С. Назначение судебного штрафа как обязанность суда // Законность. 2021. № 7 (1041). С. 27–31.
6. Апостолова Н. Н. Прекращение уголовного дела или уголовного преследования с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа // Российская юстиция. 2016. № 10. С. 34–37.
7. Сабитов Р. А. Посткриминальное поведение : (Понятие, регулирование, последствия) : [монография] / под ред. Р. Р. Галиакбарова. Томск : Издательство Томского университета, 1985. 193 с.
8. Кузьмина О. Н. Основания и условия освобождения от уголовной ответственности // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. № 6. С. 87–91. <https://doi.org/10.23672/SAE.2019.6.32983>
9. Хлебницына Е. А., Чугунов А. А. «Основание» и «условие» освобождения от уголовной ответственности: соотношение понятий (на примере ст. 76.2 УК РФ) // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 8. С. 166–170. <https://doi.org/10.24411/2073-0454-2020-10474>
10. Соколова О. В., Степанова И. Б. Судебный штраф: теоретические и практические подходы к определению целей и основания его применения // Право и практика. 2021. № 4. С. 107–113. <https://doi.org/10.24412/2411-2275-2021-4-107-113>
11. Гегель Г. В. Ф. Учение о бытии // Наука логики : в 3 т. / [отв. ред. и авт. вступ. статьи М. М. Розенталя]. Москва : Мысль, 1970. Т. 1. 501 с.
12. Груздев В. В. Юридические факты, юридические условия и правовые состояния в механизме правового регулирования // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. 2011. № 5. С. 82–89.
13. Луценко Н. С. Основания и условия освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа в теоретическом и прикладном контекстах // Вопросы российского и международного права. 2019. Т. 9, № 4-1. С. 332–340.

14. Полтавец В. В. Проблемные аспекты освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа / 30 лет юридической науки КУБГАУ : сборник научных трудов по материалам Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, г. Краснодар, 10 декабря 2021 г. / под ред. В. Д. Зеленского. Краснодар : Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина, 2021. С. 192–197.

15. Стельмах В. Ю. Процессуальные аспекты прекращения уголовного преследования с назначением судебного штрафа // Российский юридический журнал. 2018. № 6 (123). С. 117–129.

16. Смир А. Д. Конкуренция оснований прекращения уголовного дела и уголовного преследования, связанных с позитивным посткриминальным поведением обвиняемого и подозреваемого // Вестник Воронежского института МВД России. 2019. № 3. С. 234–243.

17. Кириллова Н. П., Каматесов П. А. Процессуальные проблемы освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа на стадии предварительного расследования // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2021. № 2 (32). С. 34–43.

18. Овсянников И. В. Кого можно освободить от уголовной ответственности? // Человек: преступление и наказание. 2023. Т. 31, № 2. С. 199–204. [https://doi.org/10.33463/2687-1238.2023.31\(1-4\).2.199-204](https://doi.org/10.33463/2687-1238.2023.31(1-4).2.199-204)

19. Маркелов А. Г. О компромиссе при прекращении уголовного дела или уголовного преследования в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа // Вестник Воронежского института МВД России. 2017. № 2. С. 83–88.

References

1. Yanina Ya. Yu. Zakonnost' kak kriterij dopustimosti kompromissa v razreshenii konfliktov ugolovnogo sudoproizvodstva // Pravo i politika. 2007. № 9. S. 83–86.

2. Davletov A. A., Azarenok N. V. Balans publicnogo i chastnogo interesov kak osnovopolagayushchij faktor formirovaniya sovremennoego rossijskogo ugolovnogo processa // Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika. 2021. № 6. S. 31–37.

3. Kozlova E. L., Barinova E. D. Sudebnyj shtraf kak mera osvobozhdeniya ot ugolovnoj otvetstvennosti nesovershennoletnih // Rossijskij sud'ya. 2021. № 4. S. 8–11. <https://doi.org/10.18572/1812-3791-2021-4-8-11>

4. Skripchenko M. Yu. Sudebnyj shtraf: problemy realizacii zakonodatel'nyh novell // Zhurnal rossijskogo prava. 2017. № 7. S. 106–114.

5. Yani P. S. Naznachenie sudebnogo shtrafa kak obyazannost' suda // Zakonnost'. 2021. № 7 (1041). S. 27–31.

6. Apostolova N. N. Prekrashchenie ugolovnogo dela ili ugolovnogo presledovaniya s naznacheniem mery ugolovno-pravovogo haraktera v vide sudebnogo shtrafa // Rossijskaya yusticiya. 2016. № 10. S. 34–37.

7. Sabitov R. A. Postkriminal'noe povedenie : (Ponyatie, regulirovanie, posledstviya) : [monografiya] / pod red. R. R. Galiakbarova. Tomsk : Izdatel'stvo Tomskogo universiteta, 1985. 193 s.

8. Kuz'mina O. N. Osnovaniya i usloviya osvobozhdeniya ot ugolovnoj otvetstvennosti // Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki. 2019. № 6. S. 87–91. <https://doi.org/10.23672/SAE.2019.6.32983>

9. Hlebnicya E. A., Chugunov A. A. «Osnovanie» i «uslovie» osvobozhdeniya ot ugolovnoj otvetstvennosti: sootnoshenie ponyatij (na primere st. 76.2 UK RF) // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2020. № 8. S. 166–170. <https://doi.org/10.24411/2073-0454-2020-10474>

10. Sokolova O. V., Stepanova I. B. Sudebnyj shtraf: teoreticheskie i prakticheskie podhody k opredeleniyu celej i osnovaniya ego primeneniya // Pravo i praktika. 2021. № 4. S. 107–113. <https://doi.org/10.24412/2411-2275-2021-4-107-113>

11. Gegel' G. V. F. Uchenie o bytii // Nauka logiki : v 3 t. / [otv. red. i avt. vstup. stat'i M. M. Rozental']. Moskva : Mysl', 1970. T. 1. 501 s.

12. Gruzdev V. V. Yuridicheskie fakty, yuridicheskie usloviya i pravovye sostoyaniya v mekhanizme pravovogo regulirovaniya // Vestnik Akademii ekonomicheskoy bezopasnosti MVD Rossii. 2011. № 5. S. 82–89.

13. Lucenko N. S. Osnovaniya i usloviya osvobozhdeniya ot ugolovnoj otvetstvennosti s naznacheniem sudebnogo shtrafa v teoreticheskom i prikladnom kontekstah // Voprosy rossijskogo i mezhdunarodnogo prava. 2019. T. 9, № 4-1. S. 332–340.

14. Poltavec V. V. Problemnye aspekty osvobozhdeniya ot ugolovnoj otvetstvennosti s naznacheniem sudebnogo shtrafa / 30 let yuridicheskoy nauki KUBGAU : sbornik nauchnyh trudov po materialam Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii s mezhdunarodnym uchastiem, g. Krasnodar, 10 dekabrya 2021 g. / pod red. V. D. Zelenskogo. Krasnodar : Kubanskij gosudarstvennyj agrarnyj universitet imeni I. T. Trubilina, 2021. S. 192–197.

15. Stel'mah V. Yu. Processual'nye aspekty prekrashcheniya ugolovnogo presledovaniya s naznacheniem sudebnogo shtrafa // Rossijskij yuridicheskij zhurnal. 2018. № 6 (123). S. 117–129.

16. Smir A. D. Konkurenciya osnovanij prekrashcheniya ugolovnogo dela i ugolovnogo presledovaniya, svyazannyh s pozitivnym postkriminal'nyim povedeniem obvinyaemogo i podozrevaemogo // Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii. 2019. № 3. S. 234–243.

17. Kirillova N. P., Kamatesov P. A. Processual'nye problemy osvobozhdeniya ot ugolovnoj otvetstvennosti s naznacheniem sudebnogo shtrafa na stadii predvaritel'nogo rassledovaniya // Sibirskie ugolovno-processual'nye i kriminalisticheskie chteniya. 2021. № 2 (32). S. 34–43.

18. Ovsyannikov I. V. Kogo mozžno osvobozhdat' ot ugolovnoj otvetstvennosti? // Chelovek: prestuplenie i nakazanie. 2023. T. 31, № 2. S. 199–204. [https://doi.org/10.33463/2687-1238.2023.31\(1-4\).2.199-204](https://doi.org/10.33463/2687-1238.2023.31(1-4).2.199-204)

19. Markelov A. G. O kompromisse pri prekrashchenii ugolovnogo dela ili ugolovnogo presledovaniya v svyazi s naznacheniem mery ugolovno-pravovogo haraktera v vide sudebnogo shtrafa // Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii. 2017. № 2. S. 83–88.

Научная статья
УДК 351.745.7

Априорные основания конфиденциального содействия граждан полиции в борьбе с преступностью

Дмитрий Александрович Симоненко, кандидат юридических наук

Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя
Москва (117437, ул. Академика Волгина, д. 12), Российская Федерация
simonenkoda@buimvd.ru

Аннотация:

Введение. Актуальность темы обусловлена отсутствием в отечественной оперативно-розыскной науке комплексных исследований априорных оснований конфиденциального содействия лиц полиции в борьбе с преступностью. Ранее соответствующие вопросы рассматривались фрагментарно в рамках изучения иных аспектов оперативно-розыскной деятельности, что не позволяло сформировать целостное представление о природе и функциях априорных оснований. Проблема заключается в необходимости разграничения понятий «априорные основания» и «социально-правовая обусловленность» содействия, которые нередко отождествляются. Также остается дискуссионным вопрос о связи априорных оснований с доктриной естественного права. **Методы.** Исследование основано на общенаучных методах: системном анализе, формально-логическом и сравнительно-правовом. Применен понятийно-категориальный анализ для разграничения смежных понятий. Использован историко-правовой метод для оценки эволюции взглядов на конфиденциальное содействие. Методологическую основу также составили принципы оперативно-розыскной науки, включая подходы к выделению априорных (доопытных) предпосылок правового регулирования. **Результаты.** Впервые в отечественной науке комплексно исследована проблема априорных оснований конфиденциального содействия. Обосновано, что «априорные основания» и «социально-правовая обусловленность» являются автономными объектами исследования, требующими самостоятельного изучения. Доказано, что априорные основания не могут быть жестко увязаны с доктриной естественного права, однако их частичное пересечение в отдельных аспектах допустимо. Ключевые выводы могут быть использованы для совершенствования теории оперативно-розыскной деятельности и правоприменительной практики.

Ключевые слова:

априорные основания, конфиденциальное содействие, оперативно-розыскная деятельность, полиция, борьба с преступностью, социальная обусловленность, правовая обусловленность, естественное право, теория познания, оперативный работник

Для цитирования:

Симоненко Д. А. Априорные основания конфиденциального содействия граждан полиции в борьбе с преступностью // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2026. № 2 (110). С. 161–169.

Статья поступила в редакцию 20.03.2026;
одобрена после рецензирования 09.06.2026;
принята к публикации 25.06.2026.

Original article

A priori foundations for citizens' provision of confidential assistance to the police in combatting crime

Dmitriy A. Simonenko, Cand. Sci. (Jurid.)

Moscow University of the MIA of Russia named after V. Ya. Kikot
12, Academician Volgina str., Moscow, 117437, Russian Federation
simonenkoda@buimvd.ru



Abstract:

Introduction. The relevance of the study is rooted in the absence of comprehensive studies within the operational and investigative science, addressing a priori foundations for confidential cooperation with the police in the context of combatting crime and crime prevention. Previously, these issues were examined fragmentarily as part of studies into other aspects of operational and investigative activities. This approach did not allow for the formation of a comprehensive understanding of the nature and functions of a priori foundations. The problem lies in the necessity to distinguish between the concepts of "a priori foundations" and the "socio-legal foundation" for cooperation, which are frequently conflated. The issue of the connection between a priori foundations and the doctrine of natural law remains a subject of debate. **Methods.** The study is based on general scientific methods, including systems analysis, formal-logical analysis and comparative legal analysis. Conceptual and categorical analysis was applied in order to distinguish between related concepts. The historical-legal method was used to assess the evolution of perspectives on confidential cooperation. The methodological framework was also based on the principles of operational and investigative science, including approaches to identifying a priori premises of legal regulation. **Results.** This study represents a significant development in the field of academia, as it is the first to comprehensively investigate the a priori foundations for confidential cooperation. It has shown that "a priori foundations" and "socio-legal foundation" are autonomous objects of research requiring independent study. It has been demonstrated that a priori foundations cannot be rigidly linked to the doctrine of natural law, however, a partial overlap in certain aspects is admissible. The key conclusions of the study can be used to improve the theory of operational and investigative activities and law enforcement practice.

Keywords:

a priori foundations, confidential cooperation, operational and investigative activities, police, combating crime, social determinism, legal determinism, natural law, theory of knowledge, operational officer

For citation:

Simonenko D. A. A priori foundations for citizens' provision of confidential assistance to the police in combatting crime // Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia. 2026. № 2 (110). P. 161–169.

The article was submitted March 20, 2026;
approved after reviewing June 9, 2026;
accepted for publication June 25, 2026.

Введение

Конфиденциальное содействие граждан¹ оперативным подразделениям полиции (далее – КС) традиционно рассматривается в оперативно-розыскной науке функционально, т. е. как средство получения информации, как информационный элемент оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД), как условие эффективности выявления и раскрытия преступлений, как зона правовых рисков и гарантий² [1–3]. При этом в научной литературе КС почти всегда «встроено» в обсуждение иных тем – законности и этики ОРД, защиты сведений, тактической значимости информации, организационно-тактических основ раскрытия преступлений и т. п.

Однако проблема априорных оснований КС фактически не исследовалась. Под априорными знаниями понимаются знания, не зависящие от опыта. И. Кант писал: «В нашем сознании есть что-то априорное, что предшествует опыту и делает его возможным» [4, с. 45]. В оперативно-розыскной науке априорных оснований КС касались лишь фрагментарно в контексте социальной потребности в содействии, правовой допустимости и пределов содействия, мотивов участия отдельных лиц в противодействии преступности, но не выделяли именно априорный слой как самостоятельный объект теоретико-методологического анализа.

Между тем именно априорные основания отвечают на первичный вопрос: почему конфиденциальное содействие существовало и существует как социально-правовой феномен до и независимо от конкретных правовых норм, ведомственной практики, состояния преступности и организационно-тактических моделей борьбы с ней. Предлагаемая статья – это первая в оперативно-розыскной науке попытка постановки проблемы априорности КС, для разрешения которой мы намереваемся предложить, во-первых, авторский вариант определения понятия «априорные основания КС» применительно к борьбе с преступностью; во-вторых, обоснование того, что априорные основания и социальная, а также правовая обусловленность КС – разные стороны одной большой проблемы, требующие автономного исследования; в-третьих,

¹ В контексте оперативно-розыскного содействия термины «граждане» и «лица» рассматриваются нами как синонимы (прим. авт.).

² Достаточно подробно эти вопросы рассмотрены в трудах основоположников оперативно-розыскной науки: Д. В. Гребельского (См.: Гребельский Д. В. Сущность и социальное значение раскрытия преступлений оперативно-розыскными аппаратами органов внутренних дел : Лекция. Москва : [Академия МВД СССР], 1981. 32 с.), В. А. Лукашова (См.: Лукашов В. А. Организация и методика информационно-аналитической работы в сфере оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел : лекция. Омск : Омская высшая школа милиции МВД СССР, 1983. 35 с. ; Его же. Оперативно-розыскная деятельность: проблемы и пути совершенствования / Проблемы теории и практики в оперативно-розыскной деятельности в современных условиях : Межвузовский сборник научных трудов. Москва : Московская высшая школа милиции МВД России, 1993. С. 14–21), А. Г. Лекаря, В. Г. Самойлова, Г. К. Синилова (См.: Синилов Г. К. Основы оперативно-розыскной деятельности советской милиции. Москва: ВНИИ МВД СССР, 1975. 244 с.), Ю. С. Блинова, В. Г. Боброва и др. (прим. авт.).

аргументацию ошибочности жесткой увязки априорных оснований КС с идеями естественного права (хотя частичные пересечения мы допускаем); в-четвертых, исследовательскую программу и направления дальнейшей работы по изучению проблемы.

Предварительно оговоримся, что в статье сознательно не обсуждаются организационно-тактические приемы и технологии работы с конфиденциальными источниками, поскольку предмет исследования – базовые теоретические основания, а не практические рекомендации. Конфиденциальное содействие в контексте обсуждаемой проблемы нами понимается как форма добровольного участия физического лица в обеспечении целей охраны правопорядка и безопасности, при которой: факт содействия или сведения о конфиденсте не разглашаются; взаимодействие осуществляется в режимах, допускающих ограничения публичности; результатом выступает информация, используемая оперативными подразделениями для решения задач ОРД.

При анализе априорной составляющей конфиденциального содействия оперативным подразделениям полиции в борьбе с преступностью мы исходим из двойной субъектности отношений: с одной стороны, сотрудник оперативного подразделения, с другой – лицо, оказывающее содействие. Причем в таких отношениях наблюдается асимметрия ролей и присутствие властных отношений³ [5, с. 16; 6 и др.]. Что касается конфиденциальности, то здесь она присутствует не как свойство личности, а как правовой режим отношений, обеспечивающий безопасность и эффективность информационного обеспечения ОРД. Действительно, без конфиденциальности отношений с конфиденстом получение от него информации о процессах, протекающих в криминогенной среде, невозможно.

Термин *априорный* в оперативно-розыском контексте не следует понимать узко как кантовскую категорию⁴. В прикладной юридической теории его уместно использовать шире: как предпосылки возможности явления, которые логически предшествуют конкретным правовым моделям и практикам; не выводятся напрямую из состояния преступности; описывают условия, без которых феномен КС не мог бы быть устойчиво воспроизводимым.

Иными словами, априорные основания КС – это фундаментальные предпосылки: антропологические, социально-коммуникативные, эпистемологические, ценностные и институциональные. Именно они объясняют, почему граждане изначально готовы и способны содействовать оперативным подразделениям в условиях конфиденциальности, а полиция остро нуждается в таком содействии. Мы не можем согласиться с мнением А. И. Тамбовцева о том, что «сам институт негласного содействия является своего рода девиацией, отклонением от неких условно положительных и отрицательных норм, свойственных различным социальным группам, причем девиацией двойственного характера» [76, с. 471].

Комментируя подобные мнения об оперативно-розыскной деятельности, В. Ф. Луговик и В. В. Важенин обращают внимание на характерный для них оправдывающий ОРД и в то же время скептический дискурс. Авторы подобных суждений, сетуя на «вынужденность» ОРД, как бы заранее извиняются за ее существование. Они облачают свою позицию в общепринятую формулу: ОРД допустима лишь в качестве крайней меры, когда другие способы раскрытия преступления неэффективны. Однако за этой внешне нейтральной констатацией явственно звучит скрытое ценностное суждение: ОРД по своей сути – это нечто предосудительное, некий компромисс с идеалами правового государства, на который оно вынуждено идти в борьбе с преступностью. Таким образом, даже в попытках легитимировать ОРД воспроизводится ее стигматизация [8].

Методы

Учитывая методологическую основу исследования, которую составляют общенаучные методы (системный анализ, формально-логический, диалектический), специально-юридические методы (сравнительно-правовой, понятийно-категориальный анализ, историко-правовой метод), а также философско-правовой подход и поддерживая изложенную выше позицию, обратим внимание еще на одно обстоятельство, а именно: общество осознает потребность и даже предполагает существование конфиденциальных механизмов противодействия криминальным проявлениям.

³ Мы не разделяем тиражируемую точку зрения, что в оперативно-розыскной деятельности отсутствуют отношения власти и подчинения (прим. авт.).

⁴ Веретенников А. Кант и Крипке об априорных необходимых истинах / Форум молодых кантоведов : (По материалам Международного конгресса, посвященного 280-летию со дня рождения и 200-летию со дня смерти Иммануила Канта) / отв. ред: Т. Б. Длугач, В. А. Жучков. Москва : [Институт философии РАН], 2005. С. 201–206.

Результаты

Далее изложим суждения о содержании предложенных нами уровнях априорных оснований конфиденциального содействия граждан оперативным подразделениям полиции.

Итак, *антропологический* уровень в оперативно-розыскной сфере предполагает повышенное внимание к правовому бытию человека [9], представлен преимущественно побудительной составляющей полимотивного человеческого поведения. Он не сводится исключительно к страху наказания (содействие из желания избежать наказания) или альтруизму (идейная мотивированность), и может объяснять конфиденциальное содействие:

- инстинктом самосохранения (например, желанием устранить угрозу себе, близким людям, обществу);
- потребностью в справедливости (восстановление нарушенного порядка);
- социальной принадлежностью (лояльность к «своим» – семье, двору, коллективу – и готовностью их защищать);
- рациональным интересом (стремлением к стабильности, иногда к поощрению);
- нормативной интериоризацией (внутренней перестройкой, принятием концепции «так правильно»).

При этом априорно задан и предел содействия: человек склонен минимизировать риск, избегать стигмы доносчика, защищать приватность и вполне объяснимо опасаться мести. Отсюда следует важный вывод: конфиденциальное сотрудничество – не прихоть и не выдумка оперативно-розыскного органа, а антропологически обусловленная потребность.

Социально-коммуникативный слой отражает потенциал доверия и логику скрытых информационных договоренностей (торга). Конфиденциальное содействие оперативным подразделениям полиции возможно потому, что общество устроено как сеть формальных и неформальных коммуникаций, в которой информация распределена неравномерно, часть ее циркулирует в криминально закрытых средах, а фетиш доверия и страх утраты репутации существенно влияют на то, что человек говорит публично, а что приватно.

Конфиденциальность представляет собой не искусственное установление, а фундаментальный социально-коммуникативный формат организации социальных связей. Она возникает как естественный модус части социальных взаимодействий, в основе которого лежит базовое различие индивидами сфер коммуникации на публичные и приватные. Это различие структурирует отношения доверия, формирует групповые границы и обеспечивает безопасность личных и коллективных интересов в рамках семьи, профессионального сообщества или криминальной группы.

В данном контексте конфиденциальное содействие оперативным подразделениям предстает не просто как уникальное явление, а как специфическая институционализация одной из многих изначально существующих закрытых коммуникативных сфер. Государство, признавая утилитарную ценность таких доверительных каналов для обеспечения общественной безопасности и правопорядка, легализует и формализует их, причем процесс институционализации заключается в наделении подобного взаимодействия формально-правовым смыслом, т. е. во встраивании его в систему оперативно-розыскных норм, определяющих статусы, права и обязанности сотрудников оперативных подразделений и конфиденентов. Следовательно, данный феномен можно рассматривать как точку пересечения стихийной социальной практики и целенаправленной государственной рационализации, переводящей эту практику в легальное русло для достижения публичных целей.

Эпистемологический уровень детерминирован скрытностью криминальной среды и необходимостью получения информации о протекающих в ней процессах (внутреннее наблюдение⁵ [10, с. 79]). Преступность, особенно организованная и профессиональная, преимущественно латентна. Она маскируется под легальные формы деятельности, использует конспирацию, строится на устранении или запугивании свидетелей, обеспечивает сокрытие доказательственной информации [11]. Отсюда априорно вытекает потребность не только в очевидных «внешних» применительно к криминальным процессам данных (следы, видеозаписи, документы), но и во внутренней, контекстной, ориентирующей информации, которая часто доступна лишь участникам преступной среды или криминальной периферии (скупщики краденного, проститутки и др.). Конфиденциальное сотрудничество граждан с оперативными подразделениями полиции – один из немногих информационных мостов между внутренними криминальными процессами и уголовным правоприменением.

⁵ В дореволюционной России конфиденты именовались агентами внутреннего наблюдения, в отличие от филеров, осуществлявших наружное наблюдение (прим. авт.).

Ценностно-нормативный (аксиологический) уровень представляет конфиденциальное содействие граждан оперативным подразделениям полиции не просто как полезную практику, а как актуализацию фундаментальной общественной ценности, облакаемую в форму социально одобряемого действия. Этот слой конституируется системой моральных императивов и коллективных представлений о должном, которые предшествуют конкретным правовым нормам и обосновывают их [12].

Основой данного слоя выступает априорная социальная истина: безопасность и порядок есть базовые условия возможности существования самого общества. Они формируют аксиоматический фундамент общественного договора. Безотносительно к текущему законодательству существует глубинная, часто невербализованная коллективная установка, признающая высшими благами предсказуемость, стабильность и физическую неприкосновенность, без которых невозможны ни свобода, ни развитие, ни доверие (обзор точек зрения по этой проблеме см.: [13]). Из этой аксиомы логически вытекают императивные общественные ожидания: криминальные угрозы – будь то насилие, терроризм, хищения – должны быть пресечены и нейтрализованы. Соответственно, государство как центральный социальный институт априори наделяется обществом монопольной легитимной функцией – обязанностью обеспечивать антикриминальную безопасность.

Возможность конфиденциального содействия возникает именно в точке пересечения и конвергенции этих априорных оснований. С одной стороны, индивид, являясь носителем коллективных ценностей, в большинстве случаев принимает и разделяет базовую ценность охраняемого порядка. С другой – государство в лице оперативных подразделений полиции признается обществом монопольным субъектом, уполномоченным обществом на реализацию этой ценности правовыми методами.

В одной из публикаций мы уже обращали внимание на то, что конфиденциальное содействие граждан оперативным подразделениям полиции в борьбе с преступностью с этой точки зрения – это акт доверия к институту, воплощающему априорную общественную волю к порядку [14]. Гражданин, передавая соответствующую информацию, совершает не только рациональный или эмоциональный поступок, но и аксиологический акт: он подтверждает свою солидарность с фундаментальной ценностью безопасности и делегирует ее защиту легитимному субъекту. Тайный характер коммуникации здесь служит не только прагматической защите, но и символически маркирует действие как относящееся к сфере «охраняемых» общественных интересов.

Следовательно, в рамках аксиологического слоя конфиденциальное содействие предстает как практическая реализация априорной социальной истины о ценности порядка. Оно возможно потому, что существует глубинный ценностный консенсус между обществом и государством по поводу этой истины. Данный уровень обеспечивает моральную легитимацию самой практики, превращая ее из простого информирования в социально значимый поступок, укорененный в самой основе общественного бытия. Без этого априорного ценностного фундамента любое содействие, даже стимулируемое законом, лишилось бы внутреннего смысла и устойчивой мотивационной основы в сознании граждан.

Институциональный уровень отражает сущность полиции как органа государственной власти, базирующегося на монопольном праве легитимного принуждения. Однако эта монополия сталкивается с системными пределами, налагаемыми правовым государством, требованиями эффективности и самой природой преступности. Открытые, формализованные полицейские методы, ориентированные на реакцию и публичное вмешательство, зачастую недостаточны для решения всего спектра задач по обеспечению безопасности. Они нередко срабатывают постфактум, могут быть грубыми и деструктивными для социальной ткани, а также уязвимы для противодействия со стороны криминальных структур.

Следовательно, полицейская деятельность априори не может и не должна сводиться исключительно к принуждению и использованию только открытых источников информации. Ее стратегическая эффективность требует развития иной, дополняющей оперативной парадигмы, в основе которой лежит *конфиденциальное содействие граждан*. Это не ситуативная практика, а институциональная необходимость, вытекающая из следующих фундаментальных предпосылок.

Во-первых, необходимость предварительной верификации сигналов. В потоке открытой информации (заявления, жалобы, публикации СМИ, слухи) критически важна способность отделить достоверную угрозу от ложной. Конфиденциальные источники, интегрированные в криминальную или маргинальную среду, предоставляют возможность для перепроверки и оценки намерений до момента публичного, а значит, потенциально конфликтного и необратимого вмешательства полиции.

Во-вторых, потребность глубинного понимания криминогенной среды. Преступность коренится в конкретных социальных контекстах, связях, неформальных правилах и иерархиях. Открытые методы дают лишь поверхностную, формальную картину. Конфиденциальное взаимодействие с лицами, находящимися внутри этой среды, позволяет полиции распознать их внутреннюю логику, выявлять реальные центры влияния и скрытые конфликты, что невозможно при исключительно внешнем наблюдении.

В-третьих, необходимость раннего предупреждения и проактивных действий. Борьба с наиболее опасными формами преступности (терроризм, организованная преступность, коррупционные схемы) требует упреждающего подхода [15, с. 181]. Конфиденциальные источники являются ключевым, а зачастую и единственным каналом получения информации о формирующихся угрозах, планируемых преступлениях и латентных процессах, позволяя предотвратить ущерб, а не просто зафиксировать его.

В-четвертых, обеспечение минимальной достаточности вмешательства. Публичное полицейское присутствие всегда сопровождается стрессом для социальной системы, может провоцировать конфликты. Конфиденциальное содействие позволяет минимизировать «социальную цену» правоохранительной деятельности. Полиция получает возможность точно дозировать свое вмешательство, действовать точно и в оптимальный момент, снижая уровень публичной конфронтации и сохраняя общественное спокойствие.

Институт конфиденциального содействия граждан оперативным подразделениям полиции функционирует в гибридном информационном пространстве. Он должен управлять потоками разной степени публичности: от официальных заявлений до абсолютно закрытых оперативных данных. Способность создавать, поддерживать и защищать каналы для конфиденциального содействия является не вспомогательным инструментом, а важным признаком современной эффективной полиции. Это механизм, преодолевающий разрыв между формальной монополией на принуждение и реальной возможностью упреждающе влиять на криминальную динамику с минимальными издержками для общества.

Таким образом, конфиденциальное содействие граждан полиции является не просто допустимой или желательной практикой, но априорным, системообразующим условием для выполнения полицией своих функций в правовом государстве. Оно напрямую вытекает из институциональных ограничений монополии на принуждение и объективной потребности во взвешенном, точном и социально-бережном реагировании. Без развитой системы такого доверительного взаимодействия с гражданами полиция обречена либо на неэффективное запаздывающее применение силы, либо на чрезмерное публичное вмешательство, подрывающее социальную стабильность, которую она призвана охранять, поэтому развитие и правовая защита института конфиденциального содействия граждан оперативным подразделениям полиции – это вопрос стратегической дееспособности государства в сфере безопасности.

Учитывая, что априорные основания конфиденциального содействия граждан оперативным подразделениям полиции в качестве научной проблемы исследуются впервые, считаем целесообразным разграничить эту проблему и проблемы социальной и правовой обусловленности КС.

На первый взгляд, если КС существует в обществе, значит оно социально детерминировано, и если имеет нормативную базу, то законодательно обусловлено. Казалось бы, из этого вытекает, что основания и обусловленность почти одно и то же. Однако это методологическая ошибка. Представим свои суждения по этому поводу.

Априорные основания отвечают на вопрос: какие условия делают конфиденциальное содействие граждан оперативным подразделениям полиции возможным как феномен вообще? Что касается социальной обусловленности, то она объясняет, какие социальные факторы конкретного общества делают КС распространенным либо редким, приемлемым или осуждаемым, безопасным или опасным явлением. Правовая обусловленность показывает нормы, правовые гарантии, юридические процедуры и пределы, делающие КС допустимым и легитимным в данной правовой системе. Можно сказать, что это три разных логических плана: возможность, вариативность и допустимость (регуляция).

Априорные основания нельзя рассматривать в качестве одного из видов причин: это лишь условия и возможности КС. Относительно институтов социальной и правовой обусловленности можно сказать, что они имеют ярко выраженный причинный потенциал. Социальные носят контекстный характер (культура доверия, уровень насилия, стигма, медиа, традиции), правовые – нормативный (разрешено/запрещено, гарантировано/не гарантировано, ответственность/иммунитет). Соответственно, априорный слой требует философско-правового и теоретико-методологического инструментария, социальный – эмпирического (социологических,

криминологических исследований), правовой – догматики, компаративистики, анализа правоприменения.

Априорные, социальные и правовые аспекты конфиденциального содействия граждан полиции в борьбе с преступностью взаимосвязаны, но все-таки имеют автономный характер. Дело в том, что при смешении понятий неизбежны искажения. Так, если априорное свести к правовой обусловленности, появится иллюзия, что «правильная» норма автоматически обеспечит готовность граждан содействовать. Но готовность упирается в риск, моральные установки, социальные связи и возможную стигматизацию (приобретение статуса «стукача») – т. е. в то, что не создается правовой нормой или по команде. Если же априорное уравнивать с социальной обусловленностью, то КС можно объяснить исключительно культурой или экономикой, игнорируя необходимость получения информации, циркулирующей внутри криминогенной среды (внутреннее наблюдение). При отождествлении априорности и эффективности возникнет опасная логика целью оправдать средства, где исчезают границы допустимого, а сами основания подменяются прагматикой.

Исследование априорных оснований конфиденциального содействия граждан полиции в противодействии преступности представляется методологически значимым. Подобный подход позволяет не только осуществить операционализацию и уточнение базовых понятий оперативно-розыскной деятельности – таких как основания, условия и причины конфиденциального содействия, – но и выстроить иерархическую систему аргументации в дискуссиях о его правовой и этической допустимости. В результате формируются более строгие критерии легитимности данного института, которые раскрываются не только в позитивно-правовом поле («что разрешено законом»), но и в аспекте соразмерности потенциальным антропологическим рискам и долгосрочным социальным последствиям.

Рассмотрим еще один аспект проблемы априорных оснований конфиденциального содействия граждан полиции в борьбе с преступностью, а именно, взаимосвязь с естественно-правовой доктриной. Интуитивная привлекательность обоснования конфиденциального содействия через апелляцию к естественному праву, в частности, справедливости и праву на безопасность, не отменяет существенных методологических рисков утверждения о подобной жесткой корреляции. Здесь мы сталкиваемся с различием нормативного и фактического понимания. Естественное право по своей природе является нормативной теорией, устанавливающей критерии должного. В то же время априорные основания КС имманентно включают в себя элементы фактичности и мотивационный блок (страх, корыстный интерес, лояльность, конформизм, стигматизация). Данные феномены не поддаются прямому дедуктивному выведению из универсальных норм естественного права без существенной редукции их социальной сложности. К тому же естественно-правовая аргументация тяготеет к универсальным и внеисторическим принципам. Однако априорные основания КС неизбежно предполагают историческую и социокультурную вариативность конкретных форм конфиденциальности, формы коммуникации и модели доверия между гражданином и оперативными подразделениями полиции.

Представляется, что жесткое привязывание априорных оснований к естественному праву создает риск их моральной абсолютизации, например, если некая практика объявляется «естественной», она может рассматриваться как априори легитимная и не требующая дальнейшей конкретизации. Между тем, институт КС для своего правомерного функционирования требует строгих, формально определенных процедурных и процессуальных гарантий. В противном случае возникает опасность его деградации в инструмент произвола и злоупотребления властью.

Таким образом, хотя между естественно-правовыми идеями (например, о ценности жизни, безопасности и человеческого достоинства) и аксиологическим компонентом оснований КС возможны определенные пересечения, эти области не являются тождественными. Частичное совпадение ценностных ориентиров не может служить основанием для методологического сведения сложного социально-правового феномена к доктрине естественного права.

Безусловно, представленное исследование носит ограниченный характер и затрагивает лишь отдельные аспекты комплексной проблемы априорных оснований конфиденциального содействия граждан полиции в противодействии преступности. Обозначенная проблематика, лежащая на стыке философии права, теории оперативно-розыскной деятельности и социологии доверия, обладает значительным эвристическим потенциалом и, по нашему мнению, заслуживает дальнейшей глубокой разработки. При этом исследование не должно сводиться к примитивному обзору законодательства.

В связи с этим, предвзято итоговые выводы, представляется методологически оправданным наметить перспективные направления для последующего научного анализа. Исследование

целесообразно продолжить, опираясь на: метатеоретический анализ (сравнительное исследование априорных оснований в рамках различных правовых теорий (позитивизм, неокантианство, коммуникативная теория) для выявления их универсальных и контекстуальных компонентов; эмпирическую социологию доверия (изучение конкретных мотивационных структур, социальных условий и институциональных факторов, которые фактически обуславливают готовность граждан к КС в различных социокультурных контекстах); компаративистику априорности КС в борьбе с преступностью (анализ моделей и практик КС в различных национальных правовых порядках с целью выявления общих принципов и культурно обусловленных различий); анализ этико-правовой проблематики (детальная разработка системы сбалансированных критериев легитимности, позволяющих разграничить правомерное КС от практик, ведущих к стигматизации, социальной розни или нарушению фундаментальных прав граждан).

3 заключение

Завершая изложение суждений относительно априорных оснований конфиденциального содействия полиции в борьбе с преступностью, считаем возможным сделать следующие выводы. Проблема априорных оснований конфиденциального содействия полиции в борьбе с преступностью в оперативно-розыскной науке в явном виде практически не выделялась и рассматривалась преимущественно контекстно – через эффективность, законность или организацию ОРД. Априорные основания КС – это условия возможности феномена, включающие антропологический, социально-коммуникативный, эпистемологический, ценностный и институциональный уровни, причем априорные основания и социально-правовая обусловленность выступают как разные стороны общей проблемы. Их смешение ведет к методологическим и практическим искажениям (юридизация мотивации, социологизация легитимности, подмена оснований эффективностью). Жесткая привязка априорных оснований к естественному праву некорректна: естественное право – о должном, тогда как априорные основания включают также фактичность человеческого поведения и эпистемическую необходимость внутренней информации. Пересечения возможны, но тождество – нет.

В целом же исследование априорных оснований конфиденциального содействия полиции в борьбе с преступностью способно повысить качество теории ОРД: уточнить понятийный аппарат, выстроить иерархию аргументов о легитимности и усилить рискоориентированное понимание гарантий.

Список источников

1. Бобров В. Г. К вопросу о гласности и негласности оперативно-розыскной деятельности // Оперативник (сыщик). 2007. № 1 (10). С. 21–27.
2. Бобров В. Г. Некоторые суждения по поводу негласного характера оперативно-розыскной деятельности // Труды Академии управления МВД России. 2010. № 1 (13). С. 97–104.
3. Лекарь А. Г., Безруких Р. К. Организационно-тактические основы раскрытия преступлений. Москва : Юридическая литература, 1977. 119 с.
4. Кант И. Критика чистого разума / пер. с нем. Н. О. Лосского. Москва : Наука. 1999. 655 с.
5. Курченко В. Н. Обоснование прокурором законности проверочной закупки наркотиков в суде первой инстанции // Законность. 2023. № 7 (1065). С. 15–19.
6. Борков В. Н. Квалификация преступлений, совершаемых в сфере оперативно-розыскной деятельности // Уголовное право. 2018. № 1. С. 15–22.
7. Тамбовцев А. И. Содействие лиц органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, как проявление социальных девиаций // Российский девиантологический журнал. 2023. Т. 3, № 4. С. 464–475. <https://doi.org/10.35750/2713-0622-2023-4-464-475>
8. Луговик В. Ф., Важенкин В. В. Развитие осведомительства как мировая тенденция // Общество и право. 2020. № 4. С. 71–75.
9. Павлов В. И. Энергийно-правовой дискурс как постклассическая антропология права. К началам деконструкции классической модели юридической ответственности // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2012. № 2 (301). С. 14–39.
10. Доронин А. М. Особенности агентурной работы государственной политической полиции Российской империи во второй половине XIX – начале XX вв. // Право и государство: теория и практика. 2024. № 9 (237). С. 78–81. https://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_7879
11. Давишадзе М. Д. Коррупция как негативное социальное явление // Криминологический журнал. 2025. № 2. С. 60–65. <https://doi.org/10.24412/2687-0185-2025-2-60-65>
12. Луговик В. Ф. Аксиологические дефекты правового регулирования оперативно-розыскной деятельности / Актуальные проблемы теории и практики оперативно-розыскной деятельности : материалы XI Всероссийской научно-практической конференции, г. Краснодар, 27 октября 2022 г. / редкол.: А. А. Сафронов, А. Н. Горбунов, В. В. Стукалов [и др.]. Краснодар : Краснодарский университет МВД России. 2023. С. 91–94.
13. Любчик А. А., Максименко М. Н. Свободы человека: философский фетиш или юридическая реальность // Актуальные проблемы российского права. 2023. Т. 18, № 3 (148). С. 11–22. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2023.148.3.011-022>

14. Симоненко Д. А. Факторы, влияющие на активность конфиденциального содействия граждан оперативным подразделениям органов внутренних дел // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2023. № 4 (97). С. 254–261.

15. Шхагапсоев З. Л. Совершенствование методов противодействия экстремизму и терроризму в Российской Федерации // Пробелы в российском законодательстве. 2024. Т. 17, № 3. С. 177–184. <https://doi.org/10.33693/2072-3164-2024-17-3-177-184>

References

1. Bobrov V. G. K voprosu o glasnosti i neglasnosti operativno-rozysknoj deyatel'nosti // Operativnik (syshchik). 2007. № 1 (10). S. 21–27.

2. Bobrov V. G. Nekotorye suzheniya po povodu neglasnogo haraktera operativno-rozysknoj deyatel'nosti // Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii. 2010. № 1 (13). S. 97–104.

3. Lekar' A. G., Bezrukih R. K. Organizacionno-takticheskie osnovy raskrytiya prestuplenij. Moskva : Yuridicheskaya literatura, 1977. 119 s.

4. Kant I. Kritika chistogo razuma / per. s nem. N. O. Losskogo. Moskva : Nauka. 1999. 655 s.

5. Kurchenko V. N. Obosnovanie prokurorom zakonnosti proverchoj zakupki narkotikov v sude pervoj instancii // Zakonnost'. 2023. № 7 (1065). S. 15–19.

6. Borkov V. N. Kvalifikaciya prestuplenij, sovershaemyh v sfere operativno-rozysknoj deyatel'nosti // Ugolovnoe pravo. 2018. № 1. S. 15–22.

7. Tambovcev A. I. Sodejstvie lic organam, osushchestvlyayushchim operativno-rozysknuyu deyatel'nost', kak proyavlenie social'nyh deviacij // Rossijskij deviantologicheskij zhurnal. 2023. T. 3, № 4. S. 464–475. <https://doi.org/10.35750/2713-0622-2023-4-464-475>

8. Lugovik V. F., Vazhenin V. V. Razvitie osvedomitel'stva kak mirovaya tendenciya // Obshchestvo i pravo. 2020. № 4. S. 71–75.

9. Pavlov V. I. Energijno-pravovoj diskurs kak postklassicheskaya antropologiya prava. K nachalam dekonstrukcii klassicheskoy modeli yuridicheskoy otvetstvennosti // Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Pravovedenie. 2012. № 2 (301). S. 14–39.

10. Doronin A. M. Osobennosti agenturnoj raboty gosudarstvennoj politicheskoy policii Rossijskoj imperii vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vv. // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. 2024. № 9 (237). S. 78–81. https://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_7879

11. Davitadze M. D. Korrupciya kak negativnoe social'noe yavlenie // Kriminologicheskij zhurnal. 2025. № 2. S. 60–65. <https://doi.org/10.24412/2687-0185-2025-2-60-65>

12. Lugovik V. F. Aksiologicheskie defekty pravovogo regulirovaniya operativno-rozysknoj deyatel'nosti / Aktual'nye problemy teorii i praktiki operativno-rozysknoj deyatel'nosti : materialy XI Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii, g. Krasnodar, 27 oktyabrya 2022 g. / redkol.: A. A. Safronov, A. N. Gorbunov, V. V. Stukalov [i dr.]. Krasnodar : Krasnodarskij universitet MVD Rossii. 2023. S. 91–94.

13. Lyubchik A. A., Maksimenko M. N. Svobody cheloveka: filosofskij fetish ili yuridicheskaya real'nost' // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. 2023. T. 18, № 3 (148). S. 11–22. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2023.148.3.011-022>

14. Simonenko D. A. Faktory, vliyayushchie na aktivnost' konfidencial'nogo sodejstviya grazhdan operativnym podrazdeleniyam organov vnutrennih del // Nauchnyj vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V. V. Luk'yanova. 2023. № 4 (97). S. 254–261.

15. Shkhagapsoev Z. L. Sovershenstvovanie metodov protivodejstviya ekstremizmu i terrorizmu v Rossijskoj Federacii // Probely v rossijskom zakonodatel'stve. 2024. T. 17, № 3. S. 177–184. <https://doi.org/10.33693/2072-3164-2024-17-3-177-184>

Научная статья
УДК 343.9

Генезис преступной мотивации у граждан стран Содружества Независимых Государств при подготовке и совершении преступлений экстремистской направленности

Ирина Олеговна Трушина, адъюнкт

Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя
Москва (117437, ул. Академика Волгина, д. 12), Российская Федерация
Trushinairisha17@gmail.com
<https://orcid.org/0009-0009-3659-5011>

Аннотация:

Введение. Увеличение количества зарегистрированных преступлений экстремистской направленности, совершаемых гражданами стран Содружества Независимых Государств (далее – СНГ), повышает тревогу в обществе, в связи с чем необходимо доктринальное изучение механизма формирования преступной мотивации, возникающей у граждан стран СНГ при подготовке и совершении преступлений экстремистской направленности. В статье анализируется соотношение понятий «мотив» и «мотивация», приводятся мнения ведущих криминологов по исследуемому вопросу. Обозначаются особенности формирования преступной мотивации при подготовке и совершении преступлений экстремистской направленности, а также рассматривается формирование мотивации к совершению преступлений экстремистской направленности у лиц, являющихся гражданами стран СНГ, обосновывается, что мотивация определяет мотив экстремистской преступной деятельности. **Методы.** Методологической базой исследования являлись общенаучные методы (анализ, систематизация, обобщение), а также формально-юридический метод. **Результаты.** В ходе изучения формирования мотивации в процессе совершения преступлений экстремистской направленности гражданами стран СНГ выявлено соотношение понятий «мотив» и «мотивация», проанализирована научно-юридическая литература по теме исследования, определены особенности формирования мотивации в совершении преступлений экстремистской направленности.

Ключевые слова:

преступления экстремистской направленности, мотив, мотивация, гражданин страны-участницы СНГ, генезис, формирование преступной мотивации

Для цитирования:

Трушина И. О. Генезис преступной мотивации у граждан стран Содружества Независимых Государств при подготовке и совершении преступлений экстремистской направленности // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2026. № 2 (110). С. 170–178.

Статья поступила в редакцию 18.03.2026;
одобрена после рецензирования 01.06.2026;
принята к публикации 25.06.2026.

Original article

The origins of criminal motivation among citizens of the Commonwealth of Independent States in planning and committing extremist crimes

Irina O. Trushina, Postgraduate

Moscow University of the MIA of Russia named after V. Ya. Kikot
12, Academician Volgina str., Moscow, 117437, Russian Federation
Trushinairisha17@gmail.com
<https://orcid.org/0009-0009-3659-5011>

© Трушина И. О., 2026



Abstract:

Introduction. The rise in the number of recorded extremist crimes committed by citizens of the Commonwealth of Independent States (hereinafter referred to as the CIS) is causing growing concern within society; consequently, a doctrinal analysis of the mechanism underlying the formation of criminal motivation among citizens of the CIS countries when planning and committing extremist crimes is required. The article provides an in-depth comparison of the concepts of 'motive' and 'motivation', and presents the views of leading criminologists on the subject under consideration. The article identifies the characteristics of the development of criminal motivation when planning and committing extremist crimes, and examines the development of such motivation among citizens of the CIS countries; it argues that motivation determines the motive behind extremist criminal activity. **Methods.** The methodological framework of the research was based on general scientific methods (analysis, systematisation, generalisation), as well as the formal-legal method. **Results.** When examining the development of motivation in committing extremist crimes by citizens of the CIS countries, the correlation between the concepts of 'motive' and 'motivation' was determined, the academic and legal literature on the subject was analysed, and the features of the development of motivation in committing extremist crimes were specified.

Keywords:

extremist crimes, motive, motivation, citizen of a CIS member country, origin, development of criminal motivation

For citation:

Trushina I. O. The origins of criminal motivation among citizens of the Commonwealth of Independent States in planning and committing extremist crimes // Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia. 2026. № 2 (110). P. 170–178.

The article was submitted March 18, 2026;
approved after reviewing June 1, 2026;
accepted for publication June 25, 2026.

Введение

Современный экстремизм относят к числу «самых опасных и трудно прогнозируемых социальных явлений» [1, с. 135–136]. Подтверждая актуальность исследования указанной проблемы, отметим, что «многогранность и сложность феномена экстремизма, его ежегодное увеличение в общей структуре преступности, изменение качественной структуры преступлений экстремистской направленности, повышенная общественная опасность преступной деятельности, имеющая транснациональный характер» [2, с. 82], отрицательная динамика, связанная с вовлечением в совершение таких преступных деяний лиц, являющихся гражданами стран Содружества Независимых Государств (далее – СНГ), определяют необходимость изучения отдельного ее элемента – механизма формирования преступной мотивации экстремистской деятельности. Темпы прироста зарегистрированных преступлений экстремистской направленности в 2025 году в соответствии со статистикой, представленной ГИАЦ МВД России, достигли отметки + 30,4 % по сравнению с 2024 года, а общее количество предварительно расследованных преступлений, совершенных гражданами государств – участников СНГ, увеличилось на 6 % в 2025 году и составило 34 655 преступлений (в 2024 году – 32 706 преступлений). Качественная эволюция преступности экстремистской направленности произошла в 2023 году: спонтанность и ситуативность преступных деяний экстремистской направленности сменилась на организованные формы экстремистской деятельности. Националистические мотивы совершения преступлений экстремистской направленности фигурируют в сводках по наиболее резонансным преступлениям. Националистический экстремизм и открытые проявления ксенофобии обычно сопряжены с совершением тяжких и особо тяжких преступлений против жизни и здоровья личности, общественного порядка и общественной безопасности. Так, в 2023 году на территории Российской Федерации была пресечена деятельность 13 законспирированных ячеек террористических организаций, имевших международный характер и признанных Верховным Судом Российской Федерации запрещенными на территории России. В состав запрещенных организаций входили граждане Республик Таджикистан, Узбекистан и Кыргызстан¹. По данным Судебного Департамента при Верховном Суде Российской Федерации, по ст. 282¹ и 282² Уголовного кодекса Российской Федерации² (далее – УК РФ) в 2023 году были осуждены 48 граждан государств, входящих в СНГ, что на 21 % превышает аналогичный показатель 2022 года³.

Прослеживается явная тенденция увеличения количества преступлений, совершаемых лицами, имеющими гражданство стран СНГ, о которой в своем исследовании писали С. В. Иванцов и С. В. Борисов⁴. Также к проблеме изучения формирования преступной мотивации в механизме

¹ Заседание Национального антитеррористического комитета 20 декабря 2023 г. // Национальный антитеррористический комитет : [официальный сайт]. URL: <https://nac.gov.ru/doklady> (дата обращения: 20.05.2026).

² Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 15.10.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). 1996. № 25. Ст. 2954.

³ Отчет по работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел первой инстанции за 2023 год // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации : [официальный сайт]. URL: <https://cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 21.05.2026).

⁴ Необходимо отметить, что преступления, совершаемые гражданами, приобретшими гражданство Российской Федерации, хотя ранее имеющими гражданство стран, входящих в СНГ, учитываются в официальной статистике как преступления, совершаемые гражданами России (прим. авт.).

совершения преступления обращались Ю. М. Антонян [3], В. Н. Кудрявцев [4], А. И. Долгова [5], В. В. Лунеев [6], А. В. Варданян [7], Р. В. Кулешов [7] и др. Отдельные вопросы возникновения и распространения экстремизма в России в своем исследовании рассматривали С. Я. Лебедев и С. А. Буткевич, которые связывали это с как с «внутренними социальными, экономическими, политическими, межнациональными, межконфессиональными, межэтническими противоречиями, так и с внешними детерминантами» [8, с. 84]. Изучению криминологического портрета личности посвящено исследование И. М. Мацкевича, который отмечал, что «решающее значение имеет выявление особенностей становления, развития и выявления механизмов личности преступника» [9, с. 1425], которые приводят к совершению конкретного преступления. Актуальность в изучении формирования мотивации к совершению преступления, помимо пристального внимания криминологов, подтверждается и материалами исследованных уголовных дел: количество тяжких и особо тяжких преступлений, совершаемых гражданами стран СНГ, с 2022 года стремительно растет, а граждане Республики Таджикистан, Республики Узбекистан, Украины чаще всего становятся субъектами указанных общественно опасных деяний. Вышеизложенные факты позволяют увидеть актуальность и критическую необходимость научного обоснования генезиса преступной мотивации у граждан стран СНГ при подготовке и совершении ими преступлений экстремистской направленности на территории Российской Федерации [10, с. 429]. Целью исследования является изучение генезиса преступной мотивации у лиц, имеющих гражданство стран СНГ, при подготовке и совершении преступлений экстремистской направленности и их особенностей. Достижение поставленной цели исследования позволит в дальнейшем выявить перспективные направления совершенствования уголовно-правовой политики и криминологического предупреждения преступлений экстремистской направленности, совершаемых гражданами стран СНГ.

Методы

Исследование проводилось с использованием метода систематизации научных знаний по теме, анализа нормативных правовых актов и научных работ авторов, исследовавших формирование преступной мотивации, особенности формирования преступной мотивации при совершении преступлений экстремистской направленности.

Результаты

Мотивационная сфера личности, которая является основополагающей при подготовке и совершении преступлений экстремистской направленности у граждан, являющихся членами государств – участников СНГ, представляет собой многоуровневую систему. Специфическое воздействие общества и индивидуально-психологические характеристики субъекта преступления находятся в постоянном диалектическом взаимодействии при подготовке и совершении преступлений. Особенности генезиса криминальной мотивации применительно к преступлениям экстремистской направленности выражаются в таких устойчивых признаках, как анти-социальная направленность, преобладание материально-потребительских побуждений над духовно-нравственными ориентирами, доминирование импульсивных влечений (в противовес чувству долга и социальной ответственности). Физические или психические аномалии, имеющиеся у человека, могут в определенных условиях выступать фоном, на котором формируется искаженная преступная мотивация.

Понятия «мотив» и «мотивация» хотя семантически и близки, но отнюдь не тождественны. Мотив (от лат. *movere* – приводить в движение) определяется в психологии как «побуждения к деятельности, связанные с удовлетворением потребностей субъекта»⁵. Производный термин «мотивация» интерпретируется как «побуждения, вызывающие активность организма и определяющие ее направленности» [11]. Исходя из анализа терминов, можно констатировать, что понятие «мотивация» более широко по смыслу.

Мотивация преступного поведения – важный криминологический и уголовно-правовой признак преступного деяния, составная часть субъективной стороны преступления [6, с. 46]. В. В. Лунеев отмечал, что привлечение к уголовной ответственности за ту или иную мотивацию без бесспорной связи с объективной стороной, объектом и субъектом посяательства невозможно, с чем мы полностью согласны, т. к. мотив и мотивация характеризуют субъективную сторону любого уголовно-наказуемого деяния, являющуюся одним из системообразующих

⁵ Краткий психологический словарь / под общ. ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. 2-е изд., расш., испр. и доп. Ростов-на-Дону, 1998. С. 209.

элементов состава преступления. В анализе механизма преступного поведения значима также потребностно-мотивационная сфера личности. А. И. Долгова под ней понимала «совокупность ее мотивов, формирующихся и развивающихся в течение ее жизни» [5, с. 4]. Мотив является составной частью общей мотивации любой деятельности, присущей человеку. Мотивация постоянно присутствует в человеке и порождает определенные мотивы, в т. ч. и преступные. Иными словами, можно описать мотив как внутренний психологический механизм, представляющий комплекс потребностей, желаний и целей, инициирующих и побуждающих человека к совершению определенной деятельности. Мотивация же – мыслительная деятельность, основанная на личных целях, социальных нормах и контекстуальных факторах, приводящих к выполнению мотива общественно опасного деяния, воплощенная в анализ и выбор наиболее подходящего действия или совокупности действий.

Одним из дискуссионных вопросов является положение о существовании мотивации как таковой. Современные психологические концепции определяют мотивацию как особое необыкновенное состояние человека, резко отличающееся от других событий в его организме, т. е. мотивация возникает внезапно и пропадает при удовлетворении желания. Такое мнение является не совсем точным, т. к. как абсолютно каждое действие или бездействие человека чем-то объясняется, даже в условиях бессознательного их совершения. Бессознательное – это процессы, свойства и состояния, оказывающие влияние на поведение человека, но не осознающиеся им. Мотивация не является единым процессом и складывается из разнородных поведенческих актов. В процессе деятельности человек руководствуется собственной иерархией мотивов, сформированной у него в процессе социализации, и ожидает наступления желаемых последствий от самого поведения, а не от возникшего желания.

Мотивация преступного поведения, несомненно, имеет собственные отличительные черты, которые отделяют ее от непроступного поведения. Одной из ключевых функций мотивационной сферы выступает гносеологическая: посредством актуализации и реализации мотивов субъект осуществляет познание как собственной личности, так и окружающей социальной действительности. Результаты криминологических исследований убедительно свидетельствуют о том, что любая попытка объяснить криминальное поведение вне раскрытия системы мотивов, которыми руководствовался субъект преступления, лишены научной обоснованности и эвристической ценности. Особенность мотивации преступного поведения в первую очередь связана с идеологически обусловленной деструктивной природой такого поведения [11, с. 94–97]. Деструктивность преступной мотивации заключается в формировании идей, побуждающих человека к совершению общественно опасного деяния. Процесс формирования мотива преступления в контексте изучения механизма формирования мотивации не является чем-то преступным. Изучение мотивации преступного поведения должно заключаться в фактическом анализе мотивов совершенного деяния в контексте криминологической характеристики личности преступника, объяснять отдельные поступки человека, а не описывать их. Ю. М. Антонян, говоря о мотивах преступной деятельности, пишет, что «учет подлинных мотивов преступной деятельности чрезвычайно важен для правильной квалификации преступлений и справедливого обоснованного приговора, раскрытия преступлений и установления преступника, эффективного исправления осужденных и прогнозирования поведения» [3, с. 23]. В большинстве случаев при совершении определенных действий, в т. ч. преступных, человек ставит перед собой только цель, являющуюся структурным элементом всей мотивации и подразумевающей представление о результатах деятельности, но не конечный результат действий. Поскольку цель преступления находится в диалектическом единстве с мотивом совершения преступления, то она может быть осознаваемой или неосознаваемой. В праве существует неоднозначное положение о том, что бессознательный элемент поведения человека имеет правовое значение только при возможности контролировать его сознанием и волей лица [4, с. 82]. Мы не разделяем данную точку зрения, придерживаясь позиции, что даже нерефлексируемые мотивы преступного поведения являются уголовно наказуемыми.

Отличительные черты имеют мотив и мотивация преступлений у граждан стран СНГ, совершающих преступления экстремистской направленности, основанные на общетеоретическом подходе к пониманию указанных понятий. Мотив преступлений экстремистской направленности у граждан стран СНГ представляет собой конкретное внутреннее побуждение, основанное на экстремизме как идеологии, лежащей в основе экстремистской деятельности. Мотивация выражена динамической системой, включающей комплекс социально-экономических, политических, культурных и психологических детерминант, формирующих устойчивую готовность гражданина стран СНГ к совершению преступления экстремистской направленности.

Детерминационный комплекс преступлений экстремистской направленности представлен внутренними и внешними причинами. Среди внешних детерминант, обуславливающих генезис криминальной мотивации, выделяют причины и условия, связанные с деструктивными аспектами социально-экономических процессов. Помимо этого существенное значение имеют противоречия, возникающие в различных сферах общественной деятельности, которые порождаются взаимодействием указанных неблагоприятных факторов с материальными и духовными потребностями как социума в целом, так и отдельных социальных групп, а также конкретных индивидов. Также к числу объективных предпосылок формирования преступной мотивации следует отнести недостаточный уровень общей и правовой грамотности, дефицит культуры межличностных отношений, бытовую и досуговую неразвитость, социально-правовую инфантильность, ксенофобию и пороки семейного и общественного воспитания у определенных групп населения. Особую значимость в формировании мотивации граждан стран СНГ к совершению ими преступлений приобретает рассогласование между официально провозглашаемыми идеологическими, политическими и нравственными нормами принимающего общества и теми нормами, которые реально функционируют в замкнутой этнокультурной среде – земляческих объединениях, диаспоральных структурах, неформальных религиозных группах.

Говоря о влиянии мотивационной сферы на личность человека, мы в полной степени разделяем мнение А. И. Долговой [5] и В. В. Лунеева [6], поскольку именно она является детерминирующим фактором активности индивида при первичной подготовке к совершению общественно опасного деяния, имеющего признаки экстремистской направленности. Формирование такой преступной мотивации чаще всего сопровождается внешним влиянием на человека. В настоящее время наиболее распространенным способом вовлечения в преступную деятельность является вербовка граждан стран СНГ государствами западного блока. Отметим, что на Коллегии ФСБ России Президент Российской Федерации В. В. Путин отметил необходимость «усиления работы в тыловых районах зоны специальной военной операции, о контрразведывательном прикрытии боевых частей, критически значимых объектов промышленности, инфраструктуры, технологических и научных центров, о более активном выявлении и пресечении деятельности кадровых сотрудников зарубежных специальных служб и завербованных ими агентов»⁶. Такие действия чаще всего приводят к устойчивому формированию в Российской Федерации неофашистских движений и сообществ, основанных на экстремистских началах, связанных с религиозно-экстремистской и иной общественно опасной деятельностью [12, с. 131]. Содействие западного сообщества лицам, совершающим преступления на основе экстремистских побуждений, выражается в финансовом поощрении, подготовке и сопровождении их в реализации объективной стороны общественно опасного деяния. Отправной точкой в процессе формирования преступной мотивации в таком случае является внутреннее желание иностранного гражданина получить «легкий заработок», не имея при этом специальных способностей. Наиболее подверженные воздействию и влиянию граждане Содружества, находящиеся в финансовой ловушке и имеющие низкий доход, не позволяющий им нормально существовать в обществе и удовлетворять первичные личные потребности, оказываются под влиянием международных террористических и экстремистских организаций, реализующих преступные идеи, направленные на пересмотр российской истории и оправдание фашистской идеологии. Для вовлечения граждан СНГ в совершение преступлений прозападные структуры пользуются наиболее удобными и доступными для использования социальными сетями, доступ к которым осуществляется посредством информационно-коммуникационных сетей и интернета, публично пропагандируя в них насилие, разжигая межнациональную ненависть и рознь [13, с. 197]. Активная деструктивная деятельность многочисленных общественных формирований показывает, что по многим направлениям она противоречит установленным нормам: проведение пропагандистских акций непосредственно создает угрозу общественному порядку и безопасности, подрывает межнациональное согласие и содержит отчетливо выраженные экстремистские признаки. В такие интернет-сообщества вовлекаются лица с уже частично сформированной мотивацией, выражающейся в непринятии российской идеологии, осквернении всего русского, отвержении российской государственности. Такие лица ввиду своей легкой управляемости, потери контроля над своим поведением, подверженности влиянию «слова», сказанного от лица уважаемого в экстремистских и террористических сообществах человека, становятся орудием совершения преступлений экстремистской направленности на территории Российской Федерации.

Членство в экстремистском формировании порождает самостоятельный устойчивый мотивационный импульс к дальнейшему совершению преступлений экстремистской направленности.

⁶ Заседание коллегии ФСБ России 24.02.2026 г. // Президент Российской Федерации : [официальный сайт]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/79216> (дата обращения: 31.05.2026).

Разделение участниками преступного объединения коллективной идеологии играет заметную роль, но в действительности редко выступает в качестве первичного побуждения, толкающего индивида на вступление в подобные криминальные структуры. Как правило, идеологическая конструкция выполняет функцию вторичного, рационально оформленного оправдания, которое субъект способен осознанно и публично предъявлять окружающим. Истинный глубинный мотив преступлений экстремистской направленности имеет ярко выраженную личностную природу и коренится в стремлении человека укрепить собственную идентичность, а также обрести чувство причастности к референтной группе, которая обеспечивает его защитой, социальным статусом и ценностно-смысловыми ориентирами, причем острота дефицита этих составляющих особенно проявляется в условиях инокультурного окружения. Преступная мотивация таких лиц заключается в желании противопоставить себя российскому обществу путем совершения наиболее тяжких и особо тяжких преступлений. Аргументируя свою позицию, экстремисты обращаются к чувствам и предрассудкам людей, не акцентируя при этом особого внимания на разумном понимании действительности и своих поступков. Стоит отметить, что в большинстве случаев иностранные граждане не осознают противозаконности совершаемых ими действий, что говорит о низком уровне правовой грамотности и знания нормативно-правового регулирования в области уголовной ответственности за преступления экстремистской направленности. Значимость коллективной мотивации в преступлениях экстремистской направленности объясняется преимущественно групповым характером таких деяний, нередко сопровождающимся элементами сплоченности, устойчивости и организационной упорядоченности, что свойственно организованной преступности. Подавляющее большинство деяний экстремистской направленности совершается в соучастии, что дает основание квалифицировать их в соответствии с УК РФ как совершенные группой лиц по предварительному сговору, организованной группой либо преступным сообществом. Многие подобные преступления отличаются тщательной предварительной подготовкой: внутри группы распределяются функциональные роли, выделяются выраженный идеолог, организатор, непосредственные исполнители, создается «общак», поддерживается строгая внутригрупповая дисциплина.

Анализ сведений о лицах, являющихся гражданами стран СНГ и совершающих преступления экстремистской направленности на территории России, позволяет выявить два основных вида исполнителей: спонтанный – мотивация к совершению преступления у лица появляется в процессе нахождения на территории России; подготовленный – «обученный» за границей граждан, прибывший на территорию России с целью совершения преступления [10, с. 431]. Сложность формирования мотивационной составляющей каждого из видов заключается в том, что, прибывая на территорию Российской Федерации, иностранный гражданин не указывает реальной цели посещения страны, преступную деятельность осуществляет латентно, не привлекая внимания правоохранительных органов. Независимо от вида сформированности мотивации лица пресечение преступной деятельности уполномоченными органами (МВД России, ФСБ России) не всегда, но в подавляющем большинстве происходит на стадии приготовления к совершению преступления. К этому моменту у иностранного гражданина уже полностью сформирована преступная мотивация к совершению определенного деяния. Необходимо отметить, что мотивация к совершению деяния, содержащего признаки преступного, находится у такого лица на бессознательном уровне, что не исключает вины при совершении преступления.

Законодательством Российской Федерации до 2030 года определены основные тенденции привлечения иностранных граждан, в т. ч. из государств, с которыми установлен визовый режим въезда, к трудовой деятельности на территории Российской Федерации⁷. Принятые нормы о расширении обязательных требований для осуществления трудовой деятельности в России для иностранных граждан носят позитивный характер, требуют безукоризненного выполнения комплекса мер, обеспечивающих миграционную безопасность России. В условиях реализации положений, направленных на упрощение порядка получения отдельными категориями иностранных граждан разрешительных документов, качество предоставляемых услуг должно оставаться на высоком уровне, а установление действительных целей пребывания на территории Российской Федерации обязательным. Государственная дактилоскопическая регистрация, фотографирование, медицинское освидетельствование, иной сбор биометрических персональных данных иностранных граждан при пересечении ими государственной границы Российской Федерации является важной, но в современных геополитических условиях – вынужденной мерой.

⁷ О концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026–2030 годы : Указ Президента Российской Федерации от 15 октября 2025 г. № 738 // СЗ РФ. 2025. № 42. Ст. 6143.

Указанные правила – эффективное средство фиксации въезжающих на территорию Российской Федерации граждан стран СНГ, позволяющее своевременно выявлять лиц, совершивших преступления экстремистской направленности.

Обобщая вышесказанное, обозначим ключевые детерминанты, обуславливающие генезис экстремистской мотивации у граждан из стран СНГ, находящихся на территории Российской Федерации.

1. К числу экономических детерминант мотивации преступлений экстремистской направленности у иностранных граждан в первую очередь относится имущественное расслоение, выступающее базовой предпосылкой устойчивой неудовлетворенности жизненным положением среди лиц, обладающих низким уровнем материальной обеспеченности. Результаты криминологических исследований, а также анализ публикаций в средствах массовой информации свидетельствуют о том, что значительная часть населения, включая выходцев из государств – участниц СНГ, переживает острое чувство социальной несправедливости, обусловленное колоссальным разрывом в доходах различных групп населения. Применительно к гражданам стран СНГ указанное ощущение несправедливости дополнительно обостряется их правовой незащищенностью и систематической эксплуатацией со стороны работодателей.

2. Политические детерминанты генезиса экстремистской мотивации выражаются в отчужденности граждан стран СНГ от процессов управления государственными и общественными делами. В современных условиях значительная часть лиц независимо от их политических воззрений утратила веру в способность властных структур результативно осуществлять управление страной, противодействовать преступности и коррупции, решать проблемы безработицы и межнациональных противоречий. Иностранные граждане, находящиеся на российской территории, склонны искать ответственных за сложившееся неблагополучие, и лидеры экстремистских сообществ предлагают им предельно упрощенную версию: виновными объявляются лица иной расовой, национальной или религиозной принадлежности, а также любые иные социальные группы. Именно такое позиционирование выступает непосредственным криминогенным импульсом, способствующим формированию и распространению экстремистских настроений в общественной среде.

3. Значимую роль в детерминации экстремистского поведения играют нравственно-духовные факторы, корнящиеся в сфере семейного воспитания и системе ценностных ориентаций личности. В частности, чрезмерная родительская привязанность, выражающаяся в некритичном отношении к поступкам ребенка, убежденности в его абсолютной невинности и безоговорочном потакании любым капризам, способствует формированию гипертрофированного эгоцентризма, а также пренебрежительного отношения к общепринятым социальным нормам и правилам поведения. С другой стороны, жестокое обращение в семье – насилие, издевательства, побои, иные действия, причиняющие вред здоровью – порождает у подростка озлобленность, обиду и формирует агрессивность, что создаёт питательную среду для развития девиантного поведения.

4. Образовательные факторы относятся к сфере формального и неформального обучения и характеризуются хроническим преобладанием «трансляции знаний» над воспитательной функцией. Современная система образования, особенно на постсоветском пространстве, почти утратила инструменты ценностного воздействия на сознание обучающихся. Следствием этого становится то, что система образования не вырабатывает у молодого поколения ни когнитивно-поведенческих компетенций, ни способности к терпимому восприятию нетрадиционных духовно-нравственных ориентиров, как и представителей иных этнических групп. Несистемный характер межкультурного воспитания провоцирует девиантное, а в ряде случаев и криминальное поведение лиц, включая несовершеннолетних из семей граждан стран СНГ, которые демонстрируют недостаточное усвоение общепринятых социальных регуляторов государства своего проживания.

5. К числу правовых детерминант, связанных с генезисом экстремистской мотивации, относятся пробелы и недостатки законодательного регулирования в области противодействия преступлениям экстремистской направленности, а также отсутствие единой правовой позиции и практики в правоприменительной деятельности, используемой для противодействия экстремизму. В частности, следует указать на отсутствие у правоохранительных органов реальных инструментов и ресурсов, позволяющих отслеживать поведение лиц без одновременного нарушения их конституционных прав и свобод; на трудности квалификации отдельных деяний в качестве экстремистских, обусловленные нормативной неопределенностью и размытостью признаков такого рода активности; недостаточный уровень установления подлинных целей въезда граждан стран СНГ при пересечении государственной границы Российской Федерации.

6. Шестую группу детерминант образуют социально-психологические факторы, непосредственно коррелирующие с мотивацией экстремистской преступной деятельности. В отличие от обычных подростково-молодежных сообществ, которые совершают хулиганские поступки и акты вандализма, как правило, руководствуясь гедонистическими побуждениями и стремлением к получению острых впечатлений, неформальные экстремистские молодежные объединения (в т. ч. диаспоры, состоящие из граждан стран СНГ) реализуют противоправные действия, опираясь на четко выраженную идеологическую мотивацию. Центральным тезисом такой идеологии – положение о том, что преодоление всего комплекса политических и экономических проблем невозможно без построения «этнически чистого» государства, которое в представлении адептов станет универсальной гарантией от любых внешних и внутренних угроз. Примечательно, что концепция «чистого государства» разделяется не только националистическими группами, но и религиозными экстремистами исламского толка, провозглашающими необходимость создания теократического халифата. Поведение, мотивированное экстремистскими установками, отличается жесткой направленностью против лиц иной национальной или религиозной принадлежности. Именно эти идеологические конструкты становятся основой формирования маргинальной молодежной субкультуры, институциональным воплощением которой оказываются неформальные экстремистские группировки. Влияние этих группировок на общее состояние экстремистской преступности, включая деяния, совершаемые гражданами стран СНГ, весьма значительно.

Установление процесса формирования мотивации и мотива преступления экстремистской направленности, совершенного гражданином Содружества, позволяет ограничивать их от смежных составов преступлений, посягающих на общественную безопасность, по субъективным признакам (например, от хулиганства, ответственность за совершение которого наступает по ст. 213 УК РФ). Н. В. Кузьмина отметила, что «в определенных случаях экстремизм „исчезал“ после определения мотива совершенного преступления и видоизменялся в состав „хулиганства“» [14, с. 19]. В своем исследовании О. В. Карягина и Н. И. Авакова отмечали, что в виду латентности преступлений экстремистской направленности зачастую мотив их совершения «смешивают с хулиганским либо иным побуждением» [15, с. 82], что выступает юридической неточностью и ошибкой в правоприменительной практике. В связи с затруднительным или ошибочным выявлением действительных целей совершения преступлений экстремистской направленности необходимо выделять доминирующую, на основе которой будет выделен мотив, определяющий квалификацию содеянного.

3 заключение

Мотив и мотивация не тождественны, но отмечается их тесная взаимосвязь в процессе совершения человеком преступного деяния. Мотив преступления – это элемент мотивации, присущей любому человеку, которая является постоянным мыслительным процессом. Мотивация может быть как преступной, так и не преступной. Преступная мотивация определяет мотив совершения общественно опасного деяния. Особенности генезиса преступной мотивации у граждан стран СНГ при подготовке и совершении преступлений экстремистской направленности связаны с последовательным проведением вербовочных мероприятий в отношении конкретных лиц, являющихся гражданами стран – участниц СНГ. При этом используются внутренние и внешние детерминанты для формирования мотивов, связанных с возбуждением и поддержанием устойчивой ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы или по политическим, идеологическим, расовым, национальным или религиозным мотивам. В мотивации преступного поведения экстремистской направленности (особенно у иностранных граждан из государств СНГ) преобладающее значение имеют негативные явления социально-экономического, культурно-идеологического и социально-психологического характера, неблагоприятные условия нравственного формирования личности, конкретные криминогенные ситуации жизни в чужой стране, а также иные обстоятельства, способствующие переходу от латентной неудовлетворенности к совершению преступления экстремистской направленности.

Список источников

1. Игнатов А. Н., Кашикаров А. А. Тенденции проявлений экстремизма и терроризма в Крымском федеральном округе и пути повышения эффективности деятельности правоохранительных органов по противодействию им // Библиотека уголовного права и криминологии. 2016. № 2 (14). С. 127–137.
2. Иванцов С. В., Борисов С. В. Актуальные вопросы уголовно-правового противодействия диверсионной деятельности // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 3. С. 78–84. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-3-78-84>

3. Антонян Ю. М. Мотивация преступного поведения : монография. Москва : Юрлитинформ, 2018. 376 с.
4. Кудрявцев В. Н. Правовое поведение : Норма и патология : [монография]. Москва : Наука, 1982. 287 с.
5. Долгова А. И. Личность преступника как криминологическая проблема / Личность преступника и ее криминологическое изучение : сборник статей / под ред.: А. И. Долговой, О. Р. Афанасьевой, В. И. Коваленко, Д. А. Соколова [и др.]. Москва : Российская криминологическая ассоциация, 2018. С. 3–16.
6. Лунеев В. В. Проблемы криминализации и противодействия экстремизму // Государство и право. 2009. № 9. С. 44–64.
7. Варданян А. В., Кулешов Р. В. Соотношение понятий экстремистской и террористической деятельности: гносеологический и правовой аспекты // «Черные дыры» в российском законодательстве. 2015. № 4. С. 94–97.
8. Лебедев С. Я., Буткевич С. А. Инновационное развитие системы предупреждения преступлений террористического характера и экстремистской направленности: постановка проблемы / Общество и право. 2017. № 2 (60). С. 83–89.
9. Мацкевич И. М. Криминологической портрет преступника (теоретические проблемы составления) // Lex Russica (Русский закон). 2008. Т. 67, № 6. С. 1424–1444.
10. Трушина И. О. Криминологический портрет личности граждан стран СНГ, совершающих преступления экстремистской направленности / Криминологическая политика и практика противодействия преступности (памяти профессора кафедры В. А. Уткина) : сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции, г. Москва, 27 марта 2025 г. Москва : Московский университет МВД России им. В. Я. Кикотя, 2025. С. 429–433.
11. Варданян А. В., Куйко Л. Н. Мотивация тяжких насильственных преступлений против личности как элемент криминалистической характеристики / Научные труды SWORLD : сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции. Иваново : Научный мир, 2013. Т. 29, № 1. С. 45–49.
12. Вихляев А. А. Оперативно-розыскная характеристика преступлений религиозно-экстремистского характера, совершаемых в закрытых религиозных объединениях // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2026. № 26. С. 131–132.
13. Трушина И. О. Социально-деструктивная информация, распространяемая посредством информационно-телекоммуникационных технологий и сети «Интернет»: криминологический анализ // Союз криминалистов и криминологов. 2025. № 3. С. 196–203. <https://doi.org/10.31085/2310-8681-2025-3-288-196-203>
14. Кузьмина Н. В. Установление мотивов при квалификации преступлений экстремистской направленности: проблемы практики правоприменения // Российский следователь. 2010. № 24. С. 18–23.
15. Карягина О. В., Авакова Н. И. Роль мотива в совершении преступлений экстремистской направленности // Вестник Таганрогского института управления и экономики. 2016. № 2 (24). С. 79–83.

References

1. Ignatov A. N., Kashkarov A. A. Tendencii proyavlenij ekstremizma i terrorizma v Krymskom federal'nom okruge i puti povysheniya effektivnosti deyatel'nosti pravoohranitel'nyh organov po protivodeystviyu im // Biblioteka ugovnogo prava i kriminologii. 2016. № 2 (14). S. 127–137.
2. Ivancov S. V., Borisov S. V. Aktual'nye voprosy ugovno-pravovogo protivodeystviya diversionnoj deyatel'nosti // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2024. № 3. S. 78–84. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-3-78-84>
3. Antonyan Yu. M. Motivaciya prestupnogo povedeniya : monografiya. Moskva : Yurlitinform, 2018. 376 s.
4. Kudryavcev V. N. Pravovoe povedenie : Norma i patologiya : [monografiya]. Moskva : Nauka, 1982. 287 s.
5. Dolgova A. I. Lichnost' prestupnika kak kriminologicheskaya problema / Lichnost' prestupnika i ee kriminologicheskoe izuchenie : sbornik statej / pod red.: A. I. Dolgovo, O. R. Afanas'evoy, V. I. Kovalenko, D. A. Sokolova [i dr.]. Moskva : Rossijskaya kriminologicheskaya asociaciya, 2018. S. 3–16.
6. Luneev V. V. Problemy kriminalizacii i protivodeystviya ekstremizmu // Gosudarstvo i pravo. 2009. № 9. S. 44–64.
7. Vardanyan A. V., Kuleshov R. V. Sootnoshenie ponyatij ekstremistskoj i terroristicheskoy deyatel'nosti: gnoseologicheskij i pravovoj aspekty // «Chernye dyry» v rossijskom zakonodatel'stve. 2015. № 4. S. 94–97.
8. Lebedev S. Ya., Butkevich S. A. Innovacionnoe razvitie sistemy preduprezhdeniya prestuplenij terroristicheskogo haraktera i ekstremistskoj napravlenosti: postanovka problemy / Obshchestvo i pravo. 2017. № 2 (60). S. 83–89.
9. Mackevich I. M. Kriminologicheskij portret prestupnika (teoreticheskie problemy sostavleniya) // Lex Russica (Russkij zakon). 2008. T. 67, № 6. S. 1424–1444.
10. Trushina I. O. Kriminologicheskij portret lichnosti grazhdan stran SNG, sovershayushchih prestupleniya ekstremistskoj napravlenosti / Kriminologicheskaya politika i praktika protivodeystviya prestupnosti (pamyati professora kafedry V. A. Utkina) : sbornik nauchnyh trudov Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii, g. Moskva, 27 marta 2025 g. Moskva : Moskovskij universitet MVD Rossii im. V. Ya. Kikoty, 2025. S. 429–433.
11. Vardanyan A. V., Kijko L. N. Motivaciya tyazhkih nasil'stvennyh prestuplenij protiv lichnosti kak element kriminalisticheskoy harakteristiki / Nauchnye trudy SWORLD : sbornik nauchnyh trudov po materialam Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Ivanovo : Nauchnyj mir, 2013. T. 29, № 1. S. 45–49.
12. Vihlyayev A. A. Operativno-rozysknaya harakteristika prestuplenij religiozno-ekstremistskogo haraktera, sovershaemyh v zakrytyh religioznyh ob'edineniyah // Aktual'nye problemy bor'by s prestupleniyami i inymi pravonarusheniyami. 2026. № 26. S. 131–132.
13. Trushina I. O. Social'no-destruktivnaya informaciya, rasprostranyaemaya posredstvom informacionno-telekommunikacionnyh tekhnologij i seti «Internet»: kriminologicheskij analiz // Soyuz kriminalistov i kriminologov. 2025. № 3. S. 196–203. <https://doi.org/10.31085/2310-8681-2025-3-288-196-203>
14. Kuz'mina N. V. Ustanovlenie motivov pri kvalifikacii prestuplenij ekstremistskoj napravlenosti: problemy praktiki pravoprimeneniya // Rossijskij sledovatel'. 2010. № 24. S. 18–23.
15. Karyagina O. V., Avakova N. I. Rol' motiva v sovershenii prestuplenij ekstremistskoj napravlenosti // Vestnik Taganrogskego instituta upravleniya i ekonomiki. 2016. № 2 (24). S. 79–83.

Научная статья
УДК 343.13

Институт депонирования показаний потерпевших и свидетелей: нужен ли он российскому уголовному процессу?

Татьяна Владимировна Чеботарева, кандидат юридических наук

Саратовская государственная юридическая академия
Саратов (410056, ул. Чернышевского, д. 104), Российская Федерация
t.v.chebot@gmail.com
<https://orcid.org/0009-0000-4734-7093>

Аннотация:

Введение. В ходе расследования возникают ситуации, в которых свидетели и потерпевшие не могут по объективным причинам продолжать участвовать в производстве по уголовному делу и явиться в последующем для дачи показаний в судебном разбирательстве. Для решения этой проблемы во многих странах применяется институт депонирования показаний. В статье автор анализирует процессуальный порядок депонирования показаний, существующий в настоящее время в ряде стран, а также рассуждает о возможности внедрения его в российский уголовный процесс. **Методология.** В ходе исследования автором применялись обще- и частнонаучные методы познания: формально-юридический, сравнительно-правовой, исторический, а также анализ и синтез. **Результаты.** Проанализировав порядок депонирования показаний, действующий в зарубежных странах, а также мнения иностранных и отечественных ученых-процессуалистов, автор пришел к следующим выводам: тема досудебного депонирования показаний является весьма актуальной для современного уголовного процесса и имеет как сторонников, так и ярых противников; депонирование показаний потерпевших и свидетелей уже в некотором роде существует в российском уголовном процессе, однако требует законодательного урегулирования; депонирование имеет право на существование только в случаях действительно исключительной ситуации, когда есть веские основания для утраты показаний, оно не должно иметь массовый характер, а также стать инструментом для злоупотреблений со стороны как обвинения, так и защиты.

Ключевые слова:

депонирование показаний, потерпевший, свидетель, сдача показаний на хранение, уголовно-процессуальное доказывание, состязательность, защита по уголовным делам, защита потерпевших и свидетелей

Для цитирования:

Чеботарева Т. В. Институт депонирования показаний потерпевших и свидетелей: нужен ли он российскому уголовному процессу? // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2026. № 2 (110). С. 179–185.

Статья поступила в редакцию 24.12.2025;
одобрена после рецензирования 30.03.2026;
принята к публикации 25.06.2026.

Original article

The institute of recording the testimony of victims and witnesses: is it needed in the Russian criminal justice system?

Tatyana V. Chebotareva, Cand. Sci (Jurid.)

Saratov State Law Academy
104, Chernishevskogo str., Saratov, 410056, Russian Federation
t.v.chebot@gmail.com
<https://orcid.org/0009-0000-4734-7093>

© Чеботарева Т. В., 2026



Abstract:

Introduction. During the course of an investigation, situations arise in which witnesses and victims are unable, for objective reasons, to continue participating in criminal proceedings and to appear subsequently to give evidence at trial. To address this issue, many countries utilise the institution of depositing evidence. In the article, the author analyses the procedural framework for depositing evidence currently in place in a number of countries, and discusses the possibility of introducing it into Russian criminal procedure. **Methodology.** In the course of the study, the author employed general and discipline-specific research methods, including formal legal analysis, comparative legal analysis, historical analysis, as well as analysis and synthesis. **Results.** Having analysed the procedures for the pre-trial recording of evidence in foreign countries, as well as the views of foreign and Russian procedural law scholars, the author has concluded that: the issue of pre-trial recording of evidence is highly relevant to modern criminal procedure and has both supporters and staunch opponents; the taking of statements from victims and witnesses already exists to some extent in Russian criminal procedure, but requires legislative regulation; deposition is justified only in truly exceptional circumstances where there are compelling grounds for the loss of testimony; it should not be used on a mass scale, nor should it become a tool for abuse by either the prosecution or the defence.

Keywords:

depositing of evidence, victim, witness, depositing of evidence for safekeeping, criminal procedural evidence, adversarial system, defence in criminal cases, protection of victims and witnesses

For citation:

Chebotareva T. V. The institute of recording the testimony of victims and witnesses: is it needed in the Russian criminal justice system? // Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia. 2026. № 2 (110). P. 179–185.

The article was submitted December 24, 2025; approved after reviewing March 30, 2026; accepted for publication June 25, 2026.

Введение

Одним из самых распространенных и значимых доказательств в уголовном судопроизводстве являются показания свидетелей и потерпевших. В российском уголовно-процессуальном законе урегулирован порядок допроса данных участников, его предмет, а также регламентированы их права и обязанности, возникающие в процессе получения показаний.

Однако в ходе расследования возникают ситуации, когда свидетели и потерпевшие не могут по объективным причинам продолжать участвовать в производстве по уголовному делу и явиться в последующем для дачи показаний в судебное разбирательство (тяжелая болезнь с неблагоприятным прогнозом, переезд в другую страну и т. п.). В такой ситуации возникает вопрос, можно ли «узаконить» даваемые ими в досудебном производстве показания для использования в судебном разбирательстве в контексте состязательности уголовного судопроизводства? Существующий ныне порядок оглашения показаний потерпевших и свидетелей (ст. 281 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации¹ (далее – УПК РФ)) позволяет воспроизвести посредством зачитывания данные ими ранее показания, однако не дает возможности подсудимому очно состязаться с лицом, показывающим против него, что является существенным ограничением его права на защиту. Как утверждают некоторые исследователи, «доказательственное значение оглашенных показаний свидетеля и потерпевшего вызывают сомнения по той причине, что при их получении не было соблюдено право на конфронтацию» [1, с. 118], а значит не был реализован принцип состязательности [2, с. 88].

Для решения этой проблемы во многих странах применяется институт депонирования показаний. Депонирование (от лат. *Depono* – класть, оставлять). В зависимости от сферы деятельности данный термин используют в качестве определения хранения ценностей, документов, ценных бумаг; передачи на хранение чего-либо². Используя смысловое значение термина «депонирование», ученые-процессуалисты нашли возможным применить его к сохранению значимой информации по уголовному делу, в частности показаний участников процесса. В статье автор анализирует процессуальный порядок депонирования показаний, существующий в настоящее время в ряде стран, и рассуждает о возможности внедрения его в российский уголовный процесс.

Методы

Для достижения целей исследования автором применялись общие и частно-научные методы. В частности, метод анализа был использован для уяснения сущности понятия «депонирование показаний» в уголовном процессе. Формально-юридический метод применялся автором для анализа нормативных актов зарубежных стран, применяющих досудебное хранение показаний, что позволило выявить основания, порядок и последствия процедуры депонирования. Сравнительно-правовой метод использовался для изучения мнений как отечественных,

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4929.

² См.: Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка : около 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / под общ. ред. Л. И. Скворцова. 28-е изд., перераб. Москва : Мир и Образование, 2012. 1375 с.

так и иностранных ученых-процессуалистов о досудебном допросе свидетелей и потерпевших в целях использования их показаний в судебном разбирательстве. Исторический метод представил возможность говорить об актуальности депонирования показаний еще в XVIII веке не только в зарубежных государствах, но и в Российской империи. Примененный в последующем метод синтеза изученных нормативных положений, мнений процессуалистов, исторического опыта позволил автору выявить как положительные, так и отрицательные стороны процедуры депонирования показаний, а также сделать вывод о том, что в российском уголовном процессе уже есть «зачатки» процедуры депонирования показаний.

Результаты

Депонирование показаний в уголовном судопроизводстве используют в настоящее время такие страны, как Грузия, Кыргызстан, Казахстан, Эстония, Украина, Армения, Молдова, Литва и др. Для лучшего понимания сущности «депонирования» показаний проанализируем соответствующие нормы уголовно-процессуального законодательства некоторых из этих стран.

Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики³ (далее – УПК Кыргызстана) содержит Главу 26 «Депонирование показаний». Анализ данной главы позволяет выделить следующие особенности процедуры депонирования:

1. Наличие оснований. Под таковыми понимаются:

– ходатайство следователя, адвоката или участников процесса со стороны защиты, которые заявляются непосредственно в суд;

– наличие оснований полагать, что более поздний допрос свидетеля и потерпевшего может стать невозможным (опасность для здоровья и жизни, тяжелая болезнь, выезд за пределы страны).

2. Строго определенная процедура. При наличии соответствующих оснований, следователь заявляет ходатайство перед следственным судьей, который в течение 3 суток рассматривает данное ходатайство, и в случае его удовлетворения проводит допрос, уведомляя при этом прокурора, адвоката и сторону защиты.

Сам допрос потерпевшего или свидетеля проводится судьей в судебном заседании по месту производства расследования или, например, месту нахождения тяжелооболетного потерпевшего (в этом случае проводится выездное судебное заседание) с участием лиц, ходатайствующих о депонировании показаний. Обвиняемый не присутствует при допросе, только если это угрожает безопасности участников процесса. После окончания допроса, судья направляет протокол судебного заседания следователю для приобщения к материалам уголовного дела.

3. Последствия процедуры депонирования: лица, допрошенные в таком порядке, не допрашиваются при судебном рассмотрении уголовного дела, за исключением случаев, когда судьей не были выяснены значимые для дела обстоятельства.

Необходимо отметить, что допрос в целях депонирования показаний производится исключительно на добровольной основе, поскольку уголовно-процессуальный закон Кыргызской Республики не предполагает принудительное доставление участников допроса к судье.

Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан (далее – УПК Казахстана) также содержит правила депонирования показаний потерпевших и свидетелей⁴ (ст. 217). Основания сдачи на хранение показаний аналогичны уголовно-процессуальному закону Кыргызской Республики, однако к лицам, имеющим право ходатайствовать о депонировании показаний, отнесены также прокурор, начальник органа дознания и представитель потерпевшего. Интересным является тот факт, что закон позволяет судье отказать в удовлетворении ходатайства о депонировании показаний за исключением случаев, когда речь идет о несовершеннолетних – такие ходатайства подлежат безусловному удовлетворению. В остальном процессуальный порядок депонирования показаний аналогичен порядку, предусмотренному УПК Кыргызстана.

Статья 114 Уголовно-процессуального кодекса Грузии⁵ «Порядок допроса лица в качестве свидетеля в ходе следствия» не содержит самого термина «депонирование», но также предполагает допрос свидетеля судьей-магистратом по ходатайству сторон в досудебном

³ Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики от 28 октября 2021 г. (ред. от 22.11.2024) // Министерство внутренних дел Кыргызской Республики : [официальный сайт]. URL: <https://mvd.gov.kg/rus/ministry/normative-bases/23> (дата обращения: 20.12.2025).

⁴ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 года № 231-V ЗПК // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Әділет» : [сайт]. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000231> (дата обращения: 20.12.2025).

⁵ Уголовно-процессуальный кодекс Грузии от 9 октября 2009 г. // Законодательный вестник Грузии : [сайт]. URL: <https://matsne.gov.ge/ru/document/view/90034?publication=171> (дата обращения: 20.12.2025).

производстве в целях использования данных показаний в судебном разбирательстве. Интересным представляется, что кроме оснований, используемых в УПК Кыргызстана и Казахстана, уголовно-процессуальный закон Грузии предусматривает еще одно основание депонирования – в случае, если получение данной информации из других источников потребует «неразумных усилий».

Институт депонирования показаний был известен еще в XIX веке уголовному процессу Англии, который предполагал дачу показаний перед судьей в ходе досудебного производства по уголовному делу в целях закрепления свидетельских показаний, если нет уверенности, что данный свидетель в силу состояния здоровья сможет прибыть в судебное разбирательство. Полученные таким образом сведения имели силу доказательств в судебном производстве, только если были взяты судьей в присутствии обвиняемого при подтверждении врачом действительно тяжелого состояния свидетеля [3, с. 143].

Досудебный допрос в целях сохранения показаний свидетелей был известен и русскому праву еще в XVIII веке. Краткое изображение процессов и судебных тяжб (1715 г.) предусматривало возможность получения показаний от свидетеля судьей при получении возражений ответчика в случаях, если свидетель покидает данное место жительства или «тяжело заболит» [4, с. 191]. С появлением в XIX веке должности судебного следователя, который по смыслу закона являлся должностным лицом судебной системы, в Уставе уголовного судопроизводства была предусмотрена возможность допроса свидетеля в присутствии обвиняемого в досудебном производстве, что также можно считать аналогом современного депонирования показаний [5, с. 145].

Советскому, как и современному российскому уголовно-процессуальному закону не известен институт депонирования, однако возможность его внедрения активно обсуждается учеными и практиками, имеющими на этот счет диаметрально противоположные взгляды.

Так, А. Ю. Терехов и В. С. Латыпов полагают, что институт депонирования показаний необходим российскому уголовному процессу при производстве по «сложным уголовным делам» с участием нескольких обвиняемых, поскольку в них высока вероятность отказа от дачи показаний свидетелями и потерпевшими в силу опасения оказания на них посткриминального воздействия [1, с. 117]. М. А. Никонов предлагает закрепить в уголовно-процессуальном законе возможность депонирования показаний по ходатайству защитника, если следователь в удовлетворении такового отказал [6, с. 65].

В свою очередь Л. А. Воскобитова считает депонирование показаний «одним из способов придания фактам, добытым защитником законной силы», что особенно актуально, «когда следователь применяет незаконные методы воздействия на свидетеля в виде угроз», в следствии чего защитник понимает, что не сможет обеспечить явку данного свидетеля в судебное разбирательство [7, с. 291]. А. В. Верещагина и С. Ю. Салин считают возможным применить опыт депонирования показаний, наработанный в постсоветском пространстве, применить в российском уголовном процессе [8, с. 71]. С. Д. Шестакова также считает процедуру депонирования перспективным направлением в развитии уголовно-процессуального права [9, с. 107]. Названные авторы связывают необходимость внедрения института депонирования показаний свидетелей и потерпевших с развитием состязательности российского уголовного процесса, а именно, с усилением позиции стороны защиты в доказывании на досудебном производстве, а также возвращением в российское уголовное судопроизводство должности следственного судьи. Подобный порядок уже устоялся в ряде стран (Германия, Швейцария, Нидерланды, Франция и др.) и апробируется в настоящее время в некоторых постсоветских государствах (Кыргызстан, Казахстан, Молдова и др.).

Представляется интересным проанализировать мнения тех процессуалистов, в чьих странах с недавнего времени действует институт депонирования показаний. Так, кыргызские исследователи положительно оценивают введенный в их стране порядок «сдачи на хранение» показаний, считая его «судебным форматом досудебного допроса, который в отличие от дознания обеспечивает состязательный порядок получения и закрепления доказательств, увеличивая возможность стороны защиты участвовать в доказывании» [10, с. 129; 11, с. 41]. Некоторые из них считают возможность получения показаний судьей в досудебном производстве инструментом, «приближающим государство к мировым стандартам защиты прав и свобод человека» [12, с. 106].

Есть и противники внедрения института депонирования показаний. Например, казахский ученый Ч. Д. Кенжетов подвергает резкой критике введенный в Казахстане институт депонирования свидетельских показаний, считая его «помехой в достижении целей правосудия» [13, с. 45]. А. С. Гамбарян в свою очередь высказывает опасения, что депонирование показаний может превратиться в «суррогат судебного следствия», что повлечет грубое нарушение прав

обвиняемого, который на момент расследования еще не обладает всей информацией о содержании материалов уголовного дела и не сможет осуществить «конфронтацию в полном объеме» [4, с. 195].

На наш взгляд, «зачатки» депонирования показаний уже содержатся в нашем уголовно-процессуальном законе. Так, часть 5 статьи 191 УПК РФ предусматривает обязательность видеозаписи следственных действий, связанных с дачей показаний несовершеннолетних потерпевших или свидетелей⁶. В свою очередь ч. 6 ст. 281 УПК РФ позволяет заменить допрос несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля в судебном разбирательстве видеозаписью его показаний, данных на стадии предварительного расследования, без вызова несовершеннолетнего в судебное заседание.

Данное положение было разработано в рамках совершенствования прав потерпевших в уголовном судопроизводстве и основано на внедрении в отечественное законодательство международных стандартов защиты прав и законных интересов детей в уголовном процессе, в частности, о правиле однократного допроса несовершеннолетнего при производстве по уголовному делу [14, с. 95]. Как справедливо отмечают исследователи, повторный допрос несовершеннолетнего потерпевшего является, как минимум, негуманным, а также может повлечь «размытость, замещение, вытеснение реальных событий», а значит может влиять на достоверность показаний [15, с. 52]. Многочисленные повторные допросы несовершеннолетних потерпевших, привлечение их к участию в таких следственных действиях, как проверка показаний на месте, очная ставка, предъявление для опознания чревато причинением серьезных нравственных страданий ребенку, а порой и вреда его здоровью, что прямо запрещено ст. 9 УПК РФ, закрепляющей принцип уважения чести и достоинства личности, в соответствии с которым не допускается осуществление процессуальных действий, создающих опасность для жизни и здоровья участников уголовного судопроизводства [14, с. 125].

О необходимости однократного допроса несовершеннолетних потерпевших и свидетелей говорит и Верховный Суд Российской Федерации: «если сторона возражает против оглашения показаний несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля и ходатайствует о вызове этого участника для допроса в судебном заседании, суд, ориентируясь на благополучие и интересы детей как основополагающие ценности, вправе отказать в удовлетворении заявленного ходатайства, в частности при наличии оснований опасаться за психическое здоровье и психологическое состояние несовершеннолетнего»⁷.

Однако, к сожалению, норма ст. 281 УПК РФ до сих пор содержит возможность очного допроса несовершеннолетнего в судебном заседании, например, по ходатайству подсудимого, что фактически сводит на нет положительные сдвиги в защите прав несовершеннолетних потерпевших в уголовном процессе.

Очевидно, что в данной плоскости сталкиваются два важнейших права равноценных участников уголовного процесса: право подсудимого на защиту и право несовершеннолетнего избежать дополнительной психологической травмы при повторных допросах в присутствии подсудимого. Думается, эту проблему можно было бы решить, закрепив в ст. 191 УПК РФ «Особенности проведения допроса, очной ставки, опознания и проверки показаний с участием несовершеннолетнего» возможность досудебного допроса несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля судьей в ходе предварительного расследования (депонирование) в целях сохранения его показаний для использования в судебном разбирательстве вместо очного допроса. Полагаем, что процедуру депонирования показаний несовершеннолетних потерпевших или свидетелей целесообразно проводить по тяжким и особо тяжким насильственным преступлениям при наличии заключения эксперта о невозможности их участия в следственном действии без вреда для здоровья. Соответствующие поправки, запрещающие судебный допрос несовершеннолетнего в случае депонирования его показаний на досудебном производстве, следует внести и в ст. 281 УПК РФ «Оглашение показаний потерпевшего и свидетеля».

В целях недопущения травматизации несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля очной встречей с обвиняемым, допрос несовершеннолетнего целесообразно проводить в условиях, исключающих визуальный контакт между ними, например, с помощью видеонаблюдения за допросом ребенка из соседнего помещения. Право на конфронтацию между обвиняемым и потерпевшим или свидетелем можно обеспечить посредством передачи вопросного листа, сформулированного обвиняемым, через защитника для постановки этих вопросов судьей.

⁶ СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4929.

⁷ О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства): постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2017 г. № 51 (ред. от 09.12.2025) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2018. № 3.

Протокол досудебного допроса должен быть приобщен к материалам уголовного дела, заменяя в последующем вызов несовершеннолетнего в судебное разбирательство. На наш взгляд, такой порядок «сдачи на хранение» показаний установит разумный баланс между процессуальными интересами обвиняемого и потерпевшего (свидетеля), а также позволит апробировать депонирование показаний для решения вопроса о его необходимости в российском уголовном процессе.

3 заключение

Таким образом, проанализировав порядок депонирования показаний зарубежных стран, а также мнения иностранных и отечественных ученых-процессуалистов, можно сделать ряд выводов:

1. Тема досудебного депонирования показаний является весьма актуальной для современного уголовного процесса, имея как сторонников, так и ярых противников. Причины такого положения дел видятся в несовершенстве правового регулирования досудебного допроса, что порождает у ученого сообщества и практиков множество вопросов: от оснований депонирования и процессуального порядка до статуса судьи, который может брать на хранение показания участников уголовного судопроизводства.

2. Депонирование показаний потерпевших и свидетелей уже в некотором роде существует в российском уголовном процессе, однако в целях усиления гарантий прав и законных интересов несовершеннолетних потерпевших и свидетелей по тяжким и особо тяжким насильственным преступлениям необходимо законодательно закрепить возможность «сдачи на хранение» показаний названных участников с целью замены допроса в судебном разбирательстве для недопущения их повторной виктимизации.

3. Депонирование имеет право на существование только в случаях действительно исключительной ситуации, в которой есть весомые основания для утраты показаний (тяжелое состояние здоровья, риск смерти, подтвержденные медицинскими документами; защита психического состояния несовершеннолетних потерпевших и свидетелей). Другими словами, когда польза от сдачи на хранение показаний потерпевшего или свидетеля превышает вред от невозможности конфронтации между подсудимым и показывающим против него лицом в судебном разбирательстве.

4. Депонирование не должно иметь массовый характер; не должно стать инструментом для злоупотреблений со стороны как обвинения, так и защиты; не должно нарушать непосредственность судебного разбирательства. Очевидно, что вопрос о внедрении депонирования показаний в российский уголовный процесс требует продолжения научной дискуссии и осмысления силами практиков и ученого сообщества.

Список источников

1. Терехов А. Ю., Латыпов В. С. Необходимость депонирования показаний свидетелей и потерпевших по сложным уголовным делам // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2021. Т. 12, № 1 (43). С. 115–121. <https://doi.org/10.37973/KUI.2021.20.58.018>
2. Багаутдинов Ф. Н. Актуальные вопросы оглашения в суде показаний потерпевших и свидетелей // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2024. № 3 (101). С. 87–94.
3. Стифен Дж. Очерк доказательного права / пер. с 8-го англ. изд., с вступ. ст. П. И. Люблинского. Санкт-Петербург : Сенатская типография, 1910. 155 с.
4. Гамбарян А. С. Судебное депонирование показаний: старый процессуальный институт под новым названием // Судебная власть и уголовный процесс. 2018. № 2. С. 184–198.
5. Шкаплеров Ю. П. Регламентация проведения допроса на предварительном следствии и дознании в Уставе уголовного судопроизводства Российской империи // Алтайский юридический вестник. 2021. № 4 (36). С. 142–146.
6. Никонов М. А. Депонирование доказательств в уголовном судопроизводстве // Законодательство. 2016. № 10. С. 60–69.
7. Теория уголовного процесса: состязательность : монография : в 2 ч. / Белкин А. Р., Боруленков Ю. П., Воскобитова Л. А., Головкин Л. В. [и др.] ; под ред. Н. А. Колоколова. Москва : Юрлитинформ, 2013. Ч. 1. 368 с.
8. Верещагина А. В., Салин С. Ю. Уголовно-процессуальное законодательство государств постсоветского пространства: сущность и цели процедуры депонирования // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2025. № 3 (73). С. 65–72.
9. Шестакова С. Д. Роль компаративистики в развитии российской уголовно-процессуальной доктрины // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2022. № 3 (62). С. 103–109. <https://doi.org/10.25724/VAMVD.A024>
10. Алымкулова Э. С. Депонирование показаний потерпевшего в уголовном процессе Кыргызской Республики // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2024. № 8-1 (95). С. 127–130. <https://doi.org/10.24412/2500-1000-2024-8-1-127-130>
11. Примкулов А. А. Особенности депонирования показаний потерпевшего и свидетеля по законодательству Кыргызской Республики // Гуманитарные науки. Высшая школа. 2025. № 2. С. 41–46. <https://doi.org/10.24412/cl-37382-2025-2-41-46>

12. Иманалиева У. Э. Развитие состязательных начал досудебного производства в новом уголовно-процессуальном законодательстве постсоветских государств // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2022. № 1 (60). С. 102–107. <https://doi.org/10.25724/VAMVD.ZABC>

13. Кенжеттаев Ч. Д. Особенности депонирования показаний в уголовном процессе Республики Казахстан // Вестник Института законодательства Республики Казахстан. 2016. № 2 (43). С. 43–46.

14. Чеботарева Т. В. Уголовно-процессуальный статус потерпевших от преступлений против половой неприкосновенности: теоретический и прикладной аспекты : монография / под ред. Н. С. Мановой. Москва : Юрлитинформ, 2024. 168 с.

15. Макуха Г. М., Курганова Н. И., Назарова Е. А. Защита прав несовершеннолетних потерпевших в уголовном процессе по делам о преступлениях против половой неприкосновенности // Судья. 2015. № 7 (55). С. 51–55.

References

1. Terekhov A. Yu., Latypov V. S. Neobhodimost' deponirovaniya pokazanij svidetelej i poterpevshih po slozhnym ugovolnym delam // Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2021. T. 12, № 1 (43). S. 115–121. <https://doi.org/10.37973/KUI.2021.20.58.018>

2. Bagautdinov F. N. Aktual'nye voprosy oglasheniya v sude pokazanij poterpevshih i svidetelej // Vestnik Universiteta prokuratury Rossijskoj Federacii. 2024. № 3 (101). S. 87–94.

3. Stifen Dzh. Ocherk dokazatel'nogo prava / per. s 8-go angl. izd., s vstup. st. P. I. Lyublinskogo. Sankt-Peterburg : Senatskaya tipografiya, 1910. 155 s.

4. Gambaryan A. S. Sudebnoe deponirovanie pokazanij: staryj processual'nyj institut pod novym nazvaniem // Sudebnaya vlast' i ugovolnyj process. 2018. № 2. S. 184–198.

5. Shkaplerov Yu. P. Reglamentaciya provedeniya doprosa na predvaritel'nom sledstvii i doznanii v Ustave ugovolnogo sudoproizvodstva Rossijskoj imperii // Altajskij yuridicheskij vestnik. 2021. № 4 (36). S. 142–146.

6. Nikonov M. A. Deponirovanie dokazatel'stv v ugovolnom sudoproizvodstve // Zakonodatel'stvo. 2016. № 10. S. 60–69.

7. Teoriya ugovolnogo processa: sostyazatel'nost' : monografiya : v 2 ch. / Belkin A. R., Borulnikov Yu. P., Voskobitova L. A., Golovko L. V. [i dr.] ; pod red. N. A. Kolokolova. Moskva : YurLitinform, 2013. CH. 1. 368 s.

8. Vereshchagina A. V., Salin S. Yu. Ugolovno-processual'noe zakonodatel'stvo gosudarstv postsovetskogo prostranstva: sushchnost' i celi procedury deponirovaniya // Yuridicheskaya nauka i pravoohranitel'naya praktika. 2025. № 3 (73). S. 65–72.

9. Shestakova S. D. Rol' komparativistiki v razvitii rossijskoj ugovolno-processual'noj doktriny // Vestnik Volgogradskoj akademii MVD Rossii. 2022. № 3 (62). С. 103–109. <https://doi.org/10.25724/VAMVD.A024>

10. Alymkulova E. S. Deponirovanie pokazanij poterpevshego v ugovolnom processe Kyrgyzskoj Respubliki // Mezhdunarodnyj zhurnal gumanitarnyh i estestvennyh nauk. 2024. № 8-1 (95). S. 127–130. <https://doi.org/10.24412/2500-1000-2024-8-1-127-130>

11. Primkulov A. A. Osobennosti deponirovaniya pokazanij poterpevshego i svidetelya po zakonodatel'stvu Kyrgyzskoj Respubliki // Gumanitarnye nauki. Vysshaya shkola. 2025. № 2. S. 41–46. <https://doi.org/10.24412/cl-37382-2025-2-41-46>

12. Imanalieva U. E. Razvitie sostyazatel'nyh nachal dosudebnogo proizvodstva v novom ugovolno-processual'nom zakonodatel'stve postsovetskikh gosudarstv // Vestnik Volgogradskoj akademii MVD Rossii. 2022. № 1 (60). С. 102–107. <https://doi.org/10.25724/VAMVD.ZABC>

13. Kenzhetaev Ch. D. Osobennosti deponirovaniya pokazanij v ugovolnom processe Respubliki Kazahstan // Vestnik Instituta zakonodatel'stva Respubliki Kazahstan. 2016. № 2 (43). С. 43–46.

14. Chebotareva T. V. Ugolovno-processual'nyj status poterpevshih ot prestuplenij protiv polovoj neprikosnovennosti: teoreticheskij i prikladnoj aspekty : monografiya / pod red. N. S. Manovoj. Moskva : YurLitinform, 2024. 168 s.

15. Makuha G. M., Kurganova N. I., Nazarova E. A. Zashchita prav nesovershennoletnih poterpevshih v ugovolnom processe po delam o prestupleniyah protiv polovoj neprikosnovennosti // Sud'ya. 2015. № 7 (55). С. 51–55.

Научная статья
УДК 343.34

Вандализм: эволюция понятия и проблемы уголовно-правовой квалификации в XXI веке

Мария Сергеевна Чудинова, аспирант

Прокуратура Калининградской области
Калининград (236001, ул. Горького, д. 4), Российская Федерация
Университет прокуратуры Российской Федерации
Москва (117638, ул. Азовская, д. 2, корп. 1), Российская Федерация
mashagus@icloud.com
<http://orcid.org/0009-0000-8050-0942>

Аннотация:

Введение. Актуальность статьи обусловлена трансформацией вандальных действий от обыкновенной порчи имущества до сложного многогранного явления, появлением новых форм вандализма, таких, как кибервандализм, AR-вандализм, экологический вандализм, что создает вызовы действующему правовому регулированию. Цель статьи – проследить генезис и эволюцию понятия «вандализм» от античности до современности, проанализировать актуальные формы и проявления вандализма, в т. ч. в цифровом пространстве, а также провести критическую оценку адекватности трактовки вандализма, закрепленной в уголовном законе, проанализировать охватываемые составом предметы преступных деяний и проблемы квалификации вандальных действий. **Методы.** В исследовании применен комплекс методов научного познания. В основе исследования лежит диалектический метод познания. Историко-правовой анализ использован для изучения эволюции понятия, герменевтический – для исследования общепринятого понимания вандализма, догматический метод – для оценки норм уголовного закона, сравнительно-правовой и статистический – для выявления проблем квалификации и эффективности противодействия вандализму, социокультурный анализ проведен для определения объекта посягательства, формально-логический метод применен для формулирования выводов о необходимости совершенствования законодательства. Автором изучена историческая и научная литература по тематике исследования, проанализированы статистические данные. **Результаты.** В результате проведенного исследования автор приходит к выводу, что установленное уголовным законодательством определение вандализма носит архаичный характер, оторвано от исторического контекста, не соответствует реалиям современных общественных отношений, содержит терминологию, влекущую неопределенность при правоприменении. Сформулирована необходимость совершенствования уголовно-правовой нормы.

Ключевые слова:

вандализм, осквернение, повреждение имущества, объекты культурного и исторического наследия, предмет преступления

Для цитирования:

Чудинова М. С. Вандализм: эволюция понятия и проблемы уголовно-правовой квалификации в XXI веке // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2026. № 2 (110). С. 186–194.

Статья поступила в редакцию 15.03.2026;
одобрена после рецензирования 16.06.2026;
принята к публикации 25.06.2026.

Original article

Vandalism: the evolution of the concept and issues of criminal classification in the 21st century

Mariya S. Chudinova, Postgraduate

Prosecutor's office of the Kaliningrad region
4, Gorky str., Kaliningrad, 236001, Russian Federation
University of prosecutor's office of the Russian Federation
2, build. 1, Azovskaya str., Moscow, 117638, Russian Federation
mashagus@icloud.com
<http://orcid.org/0009-0000-8050-0942>

© Чудинова М. С., 2026



Abstract:

Introduction. The relevance of the article is due to the transformation of acts of vandalism from mere damage to property into a complex, multifaceted phenomenon, and the emergence of new forms of vandalism, such as cyber-vandalism, AR-vandalism and environmental vandalism, which pose challenges to the current legal framework. The research aims to trace the origins and evolution of the concept of 'vandalism' from antiquity to the present day, to analyse current forms and manifestations of vandalism, including in the digital sphere, and to conduct a critical assessment of the adequacy of the definition of vandalism enshrined in criminal law, as well as to analyse the scope of criminal offences covered by this definition and the problems associated with the classification of acts of vandalism.

Methods. A range of scientific research methods was employed in the study. The research is based on the dialectical method of inquiry. Historical and legal analysis was used to examine the evolution of the concept; hermeneutic analysis was used to investigate the generally accepted understanding of vandalism; the dogmatic method was used to assess the provisions of criminal law; and comparative legal and statistical methods were used to identify problems relating to the classification of offences and the effectiveness of measures to combat vandalism; a socio-cultural analysis was carried out to determine the object of the offence, and the formal-logical method was applied to formulate conclusions regarding the need to improve legislation. The author has studied historical and academic literature on the subject of the research and analysed statistical data. **Results.** As a result of the study, the author concludes that the definition of vandalism set out in criminal law is archaic, detached from its historical context, does not correspond to the realities of contemporary social relations, and contains terminology that gives rise to uncertainty in the application of the law. The need to improve the criminal law was formulated.

Keywords:

vandalism, desecration, damage to property, cultural and historical heritage sites, subject matter of the offence

For citation:

Chudinova M. S. Vandalism: the evolution of the concept and issues of criminal classification in the 21st century // Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia. 2026. № 2 (110). P. 186–194.

The article was submitted March 15, 2026;
approved after reviewing June 16, 2026;
accepted for publication June 25, 2026.

Введение

Вандализм в XXI веке вышел за рамки простой порчи материальных объектов, приобрел новые, сложные формы. Технологический прогресс и социальные изменения породили такие явления, как цифровой вандализм (провокации в интернете), AR-вандализм (*augmented reality* – дополненная реальность, использование дополненной реальности для искажения цифровых объектов), экологический вандализм (умышленное разрушение экологических систем).

Сегодня это сложный социально-правовой феномен, требующий переосмысления юридического определения и поиска более эффективных мер противодействия.

Существующая в Уголовном кодексе Российской Федерации¹ (далее – УК РФ) ст. 214 трактует вандализм слишком узко и неопределенно, что создает сложности при правовой оценке действий, связанных с вандальным повреждением объектов, и приводит к незначительному количеству возбуждаемых уголовных дел, несмотря на увеличение числа актов вандализма.

Целью данной статьи является анализ феномена вандализма в его историческом развитии и современном состоянии для выявления проблем уголовно-правового регулирования и обоснования необходимости совершенствования законодательства.

Для достижения этой цели в статье решаются следующие задачи: проследить историческую эволюцию понятия «вандализм» от античности до наших дней, выявив его зависимость от культурного и идеологического контекста; проанализировать современные формы и проявления вандализма, в т. ч. в цифровом пространстве; исследовать уголовно-правовую норму (ст. 214 УК РФ), предмет данного преступления, выявить недостатки трактовки вандализма в уголовном законе и проблемы правоприменительной практики; на основе проведенного анализа обосновать необходимость совершенствования уголовно-правовой нормы.

Методы

Методология исследования построена на принципах междисциплинарного подхода, объединяющего право, историю и социологию.

Основным является диалектический метод познания, позволивший рассмотреть понимание вандализма в его историческом развитии и взаимосвязи с изменяющимися общественными отношениями. С его помощью изучена эволюция понятия «вандализм», выявлены новые формы проявления вандализма на современном этапе развития общества, установлена необходимость изменения уголовного закона.

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). 1996. № 25. Ст. 2954.

Историко-правовой анализ использован для выяснения исторических условий появления нарицательного термина «вандализм» и установления уголовно-правового запрета вандальных действий.

В целях анализа диспозиции ст. 214 УК РФ с точки зрения ее соотношения с общепринятым пониманием данного явления применен метод толкования правовых норм (герменевтический метод).

Догматический и сравнительно-правовой методы применены для оценки нормы уголовного закона, выявления проблем квалификации, отграничения вандализма от смежных составов.

С помощью статистического метода исследуется правовая статистика рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях данной категории для оценки эффективности противодействия вандализму.

Структурно-функциональный и социокультурный анализ проведен для определения предмета посягательства, формально-логический метод применен для формулирования выводов о необходимости совершенствования законодательства.

Результаты

Восприятие вандализма исторически изменчиво. Это явление, определение которого целиком и полностью зависит от культурного, морального и идеологического контекста эпохи.

В античный период уничтожение культурных символов врага не считалось асоциальным в современном понимании. Данная практика существовала в рамках установленных норм и государственной идеологии.

Так, в Древнем Риме при совершении отдельных видов преступлений, связанных с захватом власти, политическими заговорами, применялся такой вид наказания, как *“Damnatio memoriae”* (с лат. – «проклятие памяти»). Данное наказание предполагало уничтожение после смерти преступника его статуй, настенных и надгробных надписей, упоминаний в письменных документах [1]. Подобное наказание встречалось и в иных государствах и культурах и не считалось актами вандализма. При захвате территорий происходило разграбление храмов, разрушение культурных ценностей. Такие действия не считались преступлениями против культуры, а воспринимались как законное право победителя, в т. ч. на получение трофеев.

В период Средневековья с приходом монотеистических религий уничтожение религиозных изображений иной веры считалось священным, а посягательство на атрибуты религии, одобряемой властью, – тяжким преступлением.

В Византии в VIII–IX вв. государство официально поддерживало иконоборческое движение – борьбу с почитанием религиозных изображений. В тот же период крестоносцы считали уничтожение языческих святынь во время походов своим священным долгом².

Оценка таких действий как преступных или допустимых напрямую определялась господствующими в государстве религиозными нормами и идеологией.

В эпоху Просвещения и Романтизма с развитием интеллектуальных и духовных ценностей начала формироваться идея сохранения культурных ценностей для человечества.

К этому периоду исследователи относят появление правового документа, в котором закреплено понятие вандализма как преступного деяния [2].

В связи с многочисленными разрушениями, уничтожением объектов искусства, литературы, архитектуры в период Великой Французской революции в 1794 году Грегуаром Анри представлен отчет о разрушениях, нанесенных вандализмом, и о средствах борьбы с ним. В данном отчете объекты культуры и искусства признаны народным достоянием, подпадающим под защиту уголовного закона от вандальных действий: «Библиотеки и все другие памятники науки и искусства принадлежат нации. Те, кто будет признан виновным в злонамеренном уничтожении или унижении достоинств науки и искусства, будут приговорены к двум годам тюремного заключения...» [3, с. 27].

Таким образом, впервые в законодательство было введено уголовно-правовое понятие вандализма как преступления против объектов общественного достояния. Это было вызвано рядом деструктивных тенденций во французском обществе, которые приобрели значительный размах. Возникла необходимость создать правовые механизмы для защиты культурных и исторических объектов от уничтожения и повреждения. Главной целью было не допустить необратимой утраты элементов культурно-исторического наследия.

² Православная энциклопедия под ред. Патриарха Московского и всея Руси Алексия II // Православная энциклопедия : [сайт]. URL: <https://www.pravenc.ru/text/2459033.html> (дата обращения: 26.08.2025).

Что касается самого термина, то этноним «вандалы» возник от наименования племен восточных германцев «вандалы» (лат. *Vandali*), которые населяли территорию современной Европы и известны разрушительными походами на Рим в V веке нашей эры³.

После этих событий понятие «вандалы» стало нарицательным и получило широкое распространение. Вандалами стали называть варваров, людей, разрушающих культурные ценности в ходе политических катаклизмов и военных действий.

С развитием цивилизации данный термин обрел новые смысловые оттенки, слово «вандал» обогатилось дополнительными коннотативными значениями.

В настоящее время в общепринятом понимании вандализм ассоциируется не только с разрушением памятников истории, культуры, но и с повреждением объектов благоустройства, инфраструктуры, находящихся в зданиях, на территориях, доступных неопределенному кругу лиц.

Согласно определениям С. И. Ожегова и В. И. Даля, вандализм представляет собой бессмысленное уничтожение исторических памятников и культурных ценностей⁴, проявление варварства, грубости нравов и невежества⁵.

При таком понимании вандализма акцент ставится на бесцельное уничтожение имущества, деструктивную агрессию и аморальность действий.

В XX–XXI веках вандализм приобрел новые формы. Памятники идеологических противников разрушаются в целях уничтожения наследия враждебного режима (уничтожение памятников В. И. Ленину в постсоветских государствах, снос памятников конфедератам в США, разрушение талибами статуй Будды), разрушение памятников героям Великой Отечественной войны на Украине преследует также цель пересмотреть итоги Второй мировой войны, предать забвению решающую роль советского народа в Великой Победе.

Маркером современной эпохи также является вандализм как проявление индивидуального протеста, девиантного поведения, отсутствия связи с общественными ценностями (граффити на памятниках, повреждение витрин и стекол, разрушение остановок общественного транспорта, светофорных объектов, общего имущества в многоквартирных домах).

С развитием технологий акты вандализма стали появляться в цифровом и виртуальном пространстве – кибервандализм и AR-вандализм.

Широкое распространение получило намеренное уничтожение объектов цифровой собственности: порча веб-сайтов, атаки с целью заражения компьютеров и сети вредоносным программным обеспечением или создания препятствий в доступе пользователей к интернет-ресурсам.

Возможности вандализма в дополненной реальности продемонстрировал инцидент 2017 года, когда компанией Snapchat в Центральном парке Нью-Йорка была размещена AR-инсталляция. В ответ на критику этой инициативы художник Себастиан Эррасурис создал виртуальный объект-пародию – точную копию указанной работы, но изрисованную граффити, призывав к тем же координатам на местности⁶.

Исследователи выделяют также форму духовного вандализма, нацеленного «на уничтожение духовных смыслов и ценностей собственной национальной социокультуры, на обесценивание ее традиций, на вытеснение из массового сознания символических образов, знаковых событий социокультурной истории, подвергая их ревизии»⁷.

Анализ исторически сложившегося, общепринятого понятия вандализма и современных форм его проявления позволяет определить сущность вандализма.

Вандализм как социальное явление – это действия, выражающиеся в разрушении, повреждении, порче памятников истории, культуры, объектов благоустройства, инфраструктуры, виртуальных и цифровых объектов без определенной цели либо с целью проявления протеста, пренебрежения к общественному порядку и общественным ценностям.

При этом правовая оценка фактов вандализма вызывает сложности на практике, поскольку в уголовном законе круг объектов материального мира, которые подлежат уголовно-правовой охране от вандализма, ограничен.

³ Вандалы // Большая российская энциклопедия : [сайт]. URL: <https://bigenc.ru/c/vandaly-b0c379> (дата обращения: 02.09.2025).

⁴ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка / [Сочинения] Владимира Даля. Москва : Русский язык, 1981. Т. 1: А–З. С. 163.

⁵ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка : 72 500 слов и 7 500 фразеологических выражений. 2-е изд., испр. и доп. Москва : Азъ, 1994. С. 68.

⁶ Сорока Е. AR – дополненная реальность в культуре и искусстве // МТС Лайв : [сайт]. URL: <https://live.mts.ru/lifestyle/article/ar-v-kulture-i-iskusstve/> (дата обращения: 24.08.2025).

⁷ Ганиев Н. Р. Духовный вандализм как социальное явление : автореф. дис...канд. филос. наук. Уфа, 2020. С. 3.

В УК РФ термин «вандализм» использован в диспозиции ст. 214 для описания признаков состава преступления и трактуется как «осквернение зданий или иных сооружений, порча имущества на общественном транспорте или в иных общественных местах»⁸.

Правовая оценка фактов вандализма вызывает сложности на практике, поскольку в уголовном законе круг объектов материального мира, которые подлежат уголовно-правовой охране от вандализма, ограничен, к вандализму как уголовно-наказуемому деянию не отнесено разрушение, повреждение, порча виртуальных и цифровых объектов. Разрушение и уничтожение памятников истории и культуры законодателем не включено в состав вандализма.

Вместе с тем содержание уголовно-правовых норм должно определяться в т. ч. изменениями, происходящими в окружающей действительности. Об этом говорит Н. С. Таганцев: «Сумма таких правоохраненных интересов, обрисовка каждого из них в отдельности, их взаимное отношение и т. п. изменяются в истории каждого народа сообразно с изменением условий государственной и общественной жизни, с развитием культуры»⁹.

С учетом появления новых форм вандализма требуется пересмотр охватываемых уголовно-правовой нормой о вандализме предметов данного преступного деяния. С точки зрения правильной квалификации деяния как вандализма по ст. 214 УК РФ имеет значение определение предмета посягательства. Рассмотрим предметы вандализма, указанные в уголовном законе.

В действующей редакции ст. 214 УК РФ уголовно-правовой охране от вандализма подлежат при осквернении – «здания и иные сооружения», при порче – «имущество на общественном транспорте и в иных общественных местах»¹⁰. Будет ли квалифицироваться как вандализм осквернение недостроенного здания, строений вспомогательного значения, порча имущества на территории, прилегающей к зданиям государственных, муниципальных учреждений, доступ к которым ограничен.

Для установления характеристик предметов вандализма необходимо исследование норм отраслевого законодательства (гражданского и градостроительного).

Исходя из части 1 ст. 130 и ст. 141.3 Гражданского кодекса Российской Федерации¹¹ (далее – ГК РФ), здания и сооружения являются недвижимыми вещами (имуществом), созданными в результате строительства. При этом к зданиям и сооружениям не относятся объекты незавершенного строительства. Кроме того, с учетом п. 10, 13 ст. 1 Градостроительного кодекса Российской Федерации¹² существуют три разных вида объектов строительства – здание, строение, сооружение. Исходя из текста ч. 1 ст. 214 УК РФ, такие виды объектов капитального строительства, как строения, предметом вандализма в форме осквернения не являются.

К капитальным строениям правовые акты, регламентирующие кадастровый учет и кадастровую оценку объектов недвижимости, относят «иные объекты недвижимости», не имеющие характеристики зданий, капитальных сооружений (например, хозяйственные постройки, выполняющие вспомогательную или обслуживающую функции)¹³. Попробуем разобраться, какие фактически объекты законодатель квалифицирует как здания и сооружения.

Соотношение понятий «здание» и «сооружение» нормативно не раскрыто. Этот вопрос уже поднимался исследователями [4; 5].

Основными отличительными признаками зданий и сооружений от капитальных строений является их функциональное назначение. Здания предназначены для проживания и (или) деятельности людей, размещения производства, хранения продукции или содержания животных, сооружения – для выполнения производственных процессов различного вида, хранения продукции, временного пребывания людей, перемещения людей и грузов. К сооружениям относятся в т. ч. мосты, эстакады, башни, фонтаны, инженерные сети, гидротехнические сооружения¹⁴.

⁸ СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

⁹ Таганцев Н. С. Русское уголовное право Часть общая : лекции Н. С. Таганцева, доктора уголовного права : в 2-х т. 2-е изд., пересм. и доп. Санкт-Петербург : Государственная типография, 1902. Т.1. С. 48.

¹⁰ СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

¹¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

¹² Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 2004 г. № 190-ФЗ (ред. от 23.03.2026) // СЗ РФ. 2005. № 1 (ч. 1). Ст. 16.

¹³ Об утверждении Сборника классификаторов, используемых Федеральной службой государственной регистрации, кадастра и картографии в федеральной государственной информационной системе ведения Единого государственного реестра недвижимости : приказ Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии (Росреестр) от 24 декабря 2018 г. № П/0510 (ред. от 22.05.2023) // Легалакт – законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации (ЮИС Легалакт) : [сайт]. URL: <https://legalacts.ru/doc/prikaz-rosreestra-ot-24122018-n-p0510-ob-utverzhdenii-sbornika/> (дата обращения: 20.09.2025).

¹⁴ Технический регламент о безопасности зданий и сооружений : Федеральный закон от 30 декабря 2009 г. № 384-ФЗ (ред. от 25.12.202) // СЗ РФ. 2010. № 1. Ст. 5 ; Об утверждении Методических указаний о государственной кадастровой

Таким образом, предметом вандализма, совершаемого в форме осквернения, являются завершенные строительством объекты недвижимости, подпадающие под признаки зданий и сооружений; к предметам вандализма не относятся недостроенные объекты и капитальные строения вспомогательного, обслуживающего значения.

При решении вопроса о возбуждении уголовных дел и формулировке обвинения по ст. 214 УК РФ важно верно указать предмет преступления – какой вид объекта капитального строительства осквернен в результате совершения акта вандализма. Определение статуса объекта строительства, в отношении которого совершены соответствующие действия, необходимо для решения вопроса, имеется ли состав преступления, предусмотренного указанной статьей.

Терминология, используемая в уголовном законе, должна отвечать критериям ясности и определенности. Вместе с тем формулировка уголовно-правовой нормы в части предмета преступления в ст. 214 УК РФ – «осквернение зданий и иных сооружений» не отвечает данным критериям, что может повлечь ошибки в деятельности дознавателей при квалификации деяний.

В целях устранения неопределенности при правоприменении полагаем необходимым внесение изменений в ч. 1 ст. 214 УК РФ путем исключения из текста слова «иных», изложив рассматриваемую формулировку в следующей редакции: «осквернение зданий и сооружений».

Дефекты правовой нормы имеются и в регламентации предмета вандализма при порче имущества. Законодателем определено, что предметом уголовно-правовой охраны при вандальной порче имущества является «имущество на общественном транспорте и иных общественных местах». При этом в российском законодательстве не дано определение термину «общественный транспорт». К примеру, возникает вопрос, будут ли являться общественным транспортом автомобили такси.

В статье 789 ГК РФ¹⁵, федеральных законах, регулирующих правоотношения в сфере железнодорожных, автотранспортных, воздушных, водных и иных видов перевозок, используется термин «транспорт общего пользования», который в каждом случае юридически определен. Перевозкой транспортом общего пользования являются перевозки грузов, пассажиров и багажа, осуществляемые на основании публичного договора (по обращению любого обратившегося гражданина или юридического лица).

При этом автомобили такси не относятся к транспорту общего пользования, поскольку к перевозкам транспортом общего пользования отнесены только регулярные перевозки пассажиров и багажа, которые осуществляются на основании публичного договора перевозки пассажира по маршруту регулярных перевозок. Также юридически в уголовном законе не определено понятие «общественное место», а также какие виды имущества в общественных местах являются предметом вандализма, что создает сложности при квалификации действий, связанных с порчей имущества в общественных местах.

Поддерживаем позицию исследователей, полагающих, что общественное место – это место, доступ к посещению которого имеет неопределенный круг лиц [6]. Верно и то, что данное место может быть открытым для доступа неопределенного круга лиц как постоянно, так и в определенный период [7]. «Предмет преступления всегда есть нечто, подвергающееся преступному воздействию со стороны виновного <...> основным свойством предмета является его способность удовлетворять различного рода потребности людей» [8, с. 48].

Понятие «место» включает в себя как территории земельных участков, так и здания, помещения в них, сооружения, строения, иные объекты имущества.

Дискуссионным остается вопрос о перечне, признаках территорий, объектов движимого, недвижимого имущества, которые могут быть отнесены к общественным местам: могут ли быть отнесены к ним земельные участки, объекты, находящиеся в частной собственности, владении (не принадлежащие публичным образованиям, государственным, муниципальным учреждениям).

В. Г. Павлов отмечает, что имуществом, порча которого образует состав вандализма, являются «недвижимые объекты, находящиеся в коллективном или индивидуальном пользовании» [9, с. 194].

Полагаем, что данная позиция неверна. Законодатель в статье 214 УК РФ не ограничивает круг имущества только недвижимостью: при отнесении к предмету вандализма только недвижимых вещей без уголовно-правовой оценки останутся факты вандализма в отношении движимых объектов, находящихся в парках, скверах и иных общедоступных местах.

оценке : приказ Росреестра от 4 августа 2021 г. № П/0336 (ред. от 15.09.2025) (зарег. в Минюсте России 17.12.2021, № 66421) // ЮИС Легалакт : [сайт]. URL: <https://legalacts.ru/doc/prikaz-rosreestra-ot-04082021-n-p0336-ob-utverzhdenii-metodicheskikh/> (дата обращения: 20.09.2025).

¹⁵ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ (ред. от 24.06.2025) // СЗ РФ. 1996. № 5. Ст. 410.

Указание на индивидуальность использования имущества также не согласуется с основным признаком имущества, охраняемого уголовным правом от вандализма – его предназначением для общественного использования. О. С. Пашутина также отмечает, что предметом данного преступления «служит имущество, предназначенное для общего пользования» [10, с. 123].

В судебной практике достаточно распространена квалификация по ст. 214 УК РФ действий, связанных с порчей имущества в подъездах многоквартирных домов.

Исследование содержания понятия «общественное место», содержащегося в нормах, не относящихся к уголовно-правовым, показало следующее.

Общественными местами при совершении таких административных правонарушений, как появление в общественных местах в состоянии опьянения, являются улицы, стадионы, скверы, парки, транспортные средства общего пользования и иные общественные места, при этом данный перечень оставлен законодателем открытым¹⁶.

При установлении запрета на распитие спиртных напитков в общественных местах законодатель отнес к общественным местам здания, строения, сооружения, помещения, используемые для осуществления образовательной, медицинской, спортивной деятельности, деятельности в сфере культуры, рынки, автозаправочные станции, дворы, подъезды, лестницы, лестничные площадки, лифты жилых домов, детские площадки, зоны рекреационного назначения¹⁷.

Вместе с тем, перечень общественных мест, определенный законодателем при установлении запрета для распития спиртных напитков, не в полной мере применим при квалификации таких уголовно наказуемых деяний, как вандализм.

Необходимо четкое определение критериев, характеристик имущества в общественных местах, порча которого влечет уголовную ответственность за вандализм.

В исследованиях высказываются различные предложения относительно определения понятия «общественное место» в уголовном законе: «любые места, свободные для разового, периодического либо постоянного доступа и использования неопределенным кругом лиц, в том числе места проведения массовых мероприятий, обслуживания и отдыха людей, при этом не являющиеся объектом частного пользования либо местом пребывания, не разрешенным законодательством для пребывания граждан» [11, с. 226]; «территория, предназначенная для многочисленного доступа неопределенного круга лиц, либо иное место, доступное для проведения законных мероприятий, где удовлетворяются различные жизненные потребности людей» [12, с. 95].

Об отсутствии четкого понятийного аппарата, влекущего сложности в понимании предмета вандализма, говорят и В. В. Бабурин, Н. А. Черемнова [13, с. 57].

Кроме того, законодателем в состав вандализма не включены посяательства, которые исторически обусловили возникновение уголовной ответственности за вандальные действия, а также до настоящего времени воспринимаются как вандализм в общественном сознании.

Так, к вандализму не отнесены уничтожение или повреждение объектов культурного наследия (памятников истории и культуры), природных комплексов, объектов, взятых под охрану государства, или культурных ценностей, уничтожение либо повреждение воинских захоронений, а также памятников, стел, обелисков, других мемориальных сооружений или объектов, увековечивающих память погибших при защите Отечества или его интересов либо посвященных дням воинской славы России, надругательство над телами умерших и местами их захоронения. Уголовная ответственность за перечисленные действия установлена законодателем в ст. 243, 243⁴, 244 УК РФ.

Е. Д. Болотова и Р. С. Пашутина пишут о двойственном понимании (так называемой подмене понятий) вандализма, когда называемые в обществе, средствах массовой информации вандализмом акты повреждения объектов исторического и культурного наследия не могут быть квалифицированы как вандализм по уголовному закону, поскольку предметом данного преступления указанные объекты не являются [14; 15].

Отмеченные недостатки уголовно правовой нормы, закрепленной в ст. 214 УК РФ, приводят к неэффективности уголовно-правового запрета, сложностям квалификации общественно опасных деяний, проблемам при разграничении со смежными составами преступлений. Основным критерием разграничения вандализма со смежными составами преступлений, такими, как повреждение чужого имущества (ст. 167), хулиганство (ст. 213), уничтожение или повреждение

¹⁶ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

¹⁷ О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции : Федеральный закон от 22 ноября 1995 г. № 171-ФЗ (ред. от 23.03.2026) // СЗ РФ. 1995. № 48. Ст. 4553.

объектов культурного наследия (памятников истории и культуры), природных комплексов, объектов, взятых под охрану государства, или культурных ценностей (ст. 243), является объект преступления – правоотношения, для защиты которых установлен уголовно-правовой запрет.

Непосредственным объектом вандализма при порче имущества в общественных местах является общественная безопасность и общественный порядок, факультативным – отношения собственности. При этом основным объектом в составе преступления, предусмотренного ст. 167 УК РФ, являются отношения в сфере собственности: данное преступление направлено на нарушение имущественных прав, предметом данного преступления, на который посягает преступник, как правило, является имущество, предназначенное для конкретных лиц.

Основным объектом при совершении преступлений, предусмотренных ст. 243, 243⁴, 244 УК РФ, являются отношения, связанные с сохранением культурных ценностей, мест захоронения, в т. ч. объектов, увековечивающих память погибших при защите Отечества.

Проведенное исследование позволяет констатировать, что ст. 214 УК РФ нуждается в изменении, поскольку не учитывает исторически заложенное понимание вандализма как деяний, посягающих на объекты, составляющие культурную, историческую ценность, а также новых форм вандальных действий, требующих правовой оценки, влечет неопределенность при применении в связи с допущенными дефектами при описании предмета преступления.

Результаты проведенного исследования подчеркивают актуальность детального изучения общественных отношений, правовая охрана которых обеспечивается нормой об уголовной ответственности за вандализм, что послужит основой для разработки предложений об изменении уголовного закона в целях устранения проблем в уголовно-правовой квалификации преступных деяний.

3 заключение

Историческое исследование наглядно демонстрирует, что юридическое определение вандализма не может быть статичным и должно эволюционировать вместе с обществом. Смысловая и историческая сущность вандализма как социального явления не находит отражения в структуре уголовного закона, что требует унификации разрозненных составов преступлений, предусмотренных ст. 214, 243, 243⁴, 244 УК РФ.

В XXI веке наблюдается качественная трансформация вандальных практик. На смену традиционной «бессмысленной» порче имущества приходят сложные формы кибервандализма, AR-вандализма, которые либо не охватываются действующей нормой УК РФ, либо квалифицируются по иным составам, что приводит к разобщенности и отсутствию системности в правовом регулировании.

В целях обеспечения определенности правовой нормы, согласования уголовно-правовой нормы с отраслевым законодательством при описании предмета преступления необходимо внесение изменений в ст. 214 УК РФ: в ч. 1, для чего следует исключить из текста слово «иных», изложив рассматриваемую формулировку в редакции «осквернение зданий и сооружений»; термин «общественный транспорт» заменить на термин «транспорт общего пользования», а также нормативно определить критерии имущества в общественных местах, порча которого влечет уголовную ответственность за вандализм.

Узкая конструкция состава, а также искусственное разграничение со смежными деяниями (ст. 243, 243⁴, 244 УК РФ), создают правовой дуализм, нарушают принцип формальной определенности закона и сводят практическое применение нормы к минимуму, несмотря на рост числа деструктивных актов.

Таким образом, актуальность и цель исследования подтверждены. Налицо объективная необходимость модернизации уголовно-правовой концепции вандализма в российском законодательстве, что требует как корректировки положений ст. 214 УК РФ, так и внесения изменений, направленных на создание единого комплексного состава, адекватно отражающего современные проявления вандализма.

Список источников

1. Brand P. J. The Monuments of Seti I : Epigraphic, Historical, and Art Historical Analysis. Leiden : BRILL, 2000. 602 p. <https://doi.org/10.1086/431687>
2. Шельшакова Н. Н. История происхождения вандализма и его сущность // Вопросы российского и международного права. 2021. Т. 11, № 1А. С. 216–222. <https://doi.org/10.34670/AR.2020.50.72.032>
3. Grégoire H. Rapport sur les destructions opérées par le vandalisme, et sur les moyens de le réprimer / [in French]. [Paris] : De l'Imprimerie nationale, 1794, 32 p.
4. Наумов Е. Л. О понятиях «строение», «здание» и «сооружение» в российском и германском праве // Законодательство. 2015. № 3. С. 16–24.

5. Братухина Е. В. Соотношение понятий «здание» и «сооружение» по законодательству РФ // Право и государство: теория и практика. 2021. № 1 (193). С. 96–98. https://doi.org/10.47643/1815-1337_2021_1_96
6. Налимов Ю. Д. Общественное место как конструктивный признак объективной стороны вандализма // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2020. Т. 11, № 3 (41). С. 297–300. <https://doi.org/10.37973/KUI.2020.41.3.006>
7. Ганмягмар Б. Общественное место как правовая категория // Сибирское юридическое обозрение. 2017. № 3 (14). С. 327–332. <https://doi.org/10.19073/2306-1340-2017-14-3-95-100>
8. Новоселов Г. П. Учение об объекте преступления. Методологические аспекты : монография. Москва : Норма, 2001. 208 с.
9. Павлов В. Г. Уголовная ответственность за хулиганство и вандализм : монография. Санкт-Петербург : Юридический центр-Пресс, 2011. 282 с.
10. Папутина О. С. Предмет вандализма: понятие и проблемы законодательного определения // Бизнес в законе. 2008. № 2. С. 123–125.
11. Никоноров Е. А., Никоноров А. А. Понятие общественного места в российском законодательстве // Вестник экономической безопасности. 2018. № 2. С. 222–227.
12. Иванова Е. В. К вопросу о законодательном закреплении понятия «общественное место» // Научный портал МВД России. 2017. № 3 (39). С. 89–97.
13. Бабуринов В. В., Черемнова Н. А. Осквернение, уничтожение или повреждение в некоторых статьях уголовного кодекса Российской Федерации // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2020. № 1 (51). С. 55–64.
14. Болотова Е. Д. О необходимости установления уголовной ответственности за осквернение памятников истории и культуры // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2020. № 1. С. 115–121. <https://doi.org/10.18384/2310-6794-2020-1-115-121>
15. Папутина О. С. Вандализм: понятие и виды его проявлений // Общество и право. 2008. № 2 (20). С. 144–146.

References

1. Brand P. J. The Monuments of Seti I : Epigraphic, Historical, and Art Historical Analysis. Leiden : BRILL, 2000. 602 p. <https://doi.org/10.1086/431687>
2. Shel'shakova N. N. Istoriya proiskhozhdeniya vandalizma i ego sushchnost' // Voprosy rossijskogo i mezhdunarodnogo prava. 2021. T. 11, № 1A. S. 216–222. <https://doi.org/10.34670/AR.2020.50.72.032>
3. Grégoire H. Rapport sur les destructions opérées par le vandalisme, et sur les moyens de le réprimer / [in French]. [Paris] : De l'Imprimerie nationale, 1794, 32 p.
4. Naumov E. L. O ponyatiyah «stroenie», «zdanie» i «sooruzhenie» v rossijskom i germanskom prave // Zakonodatel'stvo. 2015. № 3. S. 16–24.
5. Bratuhina E. V. Sootnoshenie ponyatij «zdanie» i «sooruzhenie» po zakonodatel'stvu RF // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. 2021. № 1 (193). p. 96–98. https://doi.org/10.47643/1815-1337_2021_1_96
6. Nalimov Yu. D. Obshchestvennoe mesto kak konstruktivnyj priznak ob"ektivnoj storony vandalizma // Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2020. T. 11, № 3 (41). S. 297–300. <https://doi.org/10.37973/KUI.2020.41.3.006>
7. Ganmyagmar B. Obshchestvennoe mesto kak pravovaya kategoriya // Sibirskoe yuridicheskoe obozrenie. 2017. № 3 (14). S. 327–332. <https://doi.org/10.19073/2306-1340-2017-14-3-95-100>
8. Novoselov G. P. Uchenie ob ob"ekte prestupleniya. Metodologicheskie aspekty : monografiya. Moskva : Norma, 2001. 208 s.
9. Pavlov V. G. Ugolovnaya otvetstvennost' za huliganstvo i vandalizm : monografiya. Sankt-Peterburg : Yuridicheskij centr-Press, 2011. 282 s.
10. Pashutina O. S. Predmet vandalizma: ponyatie i problemy zakonodatel'nogo opredeleniya // Biznes v zakone. 2008. № 2. S. 123–125.
11. Nikonorov E. A., Nikonorov A. A. Ponyatie obshchestvennogo mesta v rossijskom zakonodatel'stve // Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti. 2018. № 2. S. 222–227.
12. Ivanova E. V. K voprosu o zakonodatel'nom zakreplenii ponyatiya «obshchestvennoe mesto» // Nauchnyj portal MVD Rossii. 2017. № 3 (39). S. 89–97.
13. Baburin V. V., Cheremnova N. A. Oskvernenie, unichtozhenie ili povrezhdenie v nekotoryh stat'yah ugolovnogo kodeksa Rossijskoj Federacii // Yuridicheskaya nauka i pravoohranitel'naya praktika. 2020. № 1 (51). S. 55–64.
14. Bolotova E. D. O neobkhodimosti ustanovleniya ugolovnoj otvetstvennosti za oskvernenie pamyatnikov istorii i kul'tury // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Yurisprudenciya. 2020. № 1. S. 115–121. <https://doi.org/10.18384/2310-6794-2020-1-115-121>
15. Pashutina O. S. Vandalizm: ponyatie i vidy ego proyavlenij // Obshchestvo i pravo. 2008. № 2 (20). S. 144–146.

ОБЩАЯ ПЕДАГОГИКА, ИСТОРИЯ ПЕДАГОГИКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

PEDAGOGY, HISTORY OF PEDAGOGY AND EDUCATION

Научная статья
УДК 37

Гражданское образование 2.0

Маргарита Алексеевна Юрченко, кандидат педагогических наук

Сибирский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
Новосибирск (630102, ул. Нижегородская, зд. 6), Российская Федерация
Новосибирский государственный технический университет
Новосибирск (630073, пр. К. Маркса, д. 20), Российская Федерация
Новосибирский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии
Новосибирск (630114, ул. Ключ-Камышенское плато, д. 6/2), Российская Федерация
yurchenko-maa@ranepa.ru
<https://orcid.org/0000-0002-6886-7431>

Аннотация:

Введение. Актуальность исследования обусловлена системными вызовами современности – глобальной демократической рецессией, антиглобализмом, эпистемическим кризисом «постправды» и цифровизацией, которые делают традиционную модель гражданского образования («Гражданское образование 1.0»), ориентированную на знание институтов и законопослушность, неадекватной. Ставится проблема необходимости перехода к новой парадигме, способной формировать активного, критически мыслящего гражданина-агента. **Методы.** Методологическую основу составили теоретический анализ и синтез современных отечественных и зарубежных исследований, сравнительно-сопоставительный метод для изучения практик в разных странах, а также контент-анализ эмпирических данных. На этой основе была разработана структурно-содержательная модель «Гражданского образования 2.0». **Результаты.** Предложена архитектура новой парадигмы, построенная вокруг четырех смысловых линий (медиаграмотность и информационная безопасность, гуманитарная культура, дидактизация Другого, проектное обучение) и трех векторов трансформации гражданственности: от ответственности перед законом к ответственности за сообщество; от эпизодического включения к систематической агентности; от индивидуальной осведомленности к коллективной действительности. Выявлены ключевые организационно-педагогические условия успешной интеграции модели (кадровые, структурные, дидактические) и системные барьеры ее внедрения, такие как политизация образовательной повестки и фрагментарность усилий.

Ключевые слова:

гражданское образование, гражданская агентность, демократия, постправда, медиаграмотность, дидактизация Другого, проектное обучение, эпистемический кризис, цифровое гражданство, национальная идентичность

Для цитирования:

Юрченко М. А. Гражданское образование 2.0 // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2026. № 2 (110). С. 195–209.

Статья поступила в редакцию 14.11.2025;
одобрена после рецензирования 05.05.2026;
принята к публикации 25.06.2026.

© Юрченко М. А., 2026



Original article

Civic education 2.0

Margarita A. Yurchenko, Cand. Sci. (Ped.)

Siberian Institute of Management – a branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration
6, Nizhegorodskaya str., Novosibirsk, 630102, Russian Federation
Novosibirsk State Technical University
20, Karl Marx ave., Novosibirsk, 630073, Russian Federation
Novosibirsk Military Order of Zhukov Institute of the National Guard Troops
6/2, Klyuch-Kamyshenskoye plato str., Novosibirsk, 630114, Russian Federation
yurchenko-maa@ranepa.ru
<https://orcid.org/0000-0002-6886-7431>

Abstract:

Introduction. The relevance of the research is due to the systemic challenges of our time – the global democratic recession, anti-pluralism, the epistemic crisis of “post-truth” and digitalisation, which render the traditional model of civic education (“Civic Education 1.0”), focused on knowledge of institutions and law-abiding behaviour, inadequate. This raises the issue of the need to transition to a new paradigm capable of fostering active, critically thinking citizens who act as agents of change. **Methods.** The methodological framework was based on a theoretical analysis and synthesis of contemporary domestic and international research, a comparative method for studying practices in different countries, and a content analysis of empirical data. On this basis, a structural and content-based model of “Civic Education 2.0” was developed. **Results.** An architecture for a new paradigm has been proposed, centred on four thematic strands (media literacy and information security, humanities culture, the didactisation of the other, and project-based learning) and three vectors of transformation in citizenship: from accountability to the law to accountability to the community; from sporadic engagement to systematic agency; from individual awareness to collective reality. The key organisational and pedagogical conditions for the successful integration of the model (staffing, structural and didactic) have been identified, as well as systemic barriers to its implementation, such as the politicisation of the educational agenda and the fragmentation of efforts.

Keywords:

civic education, civic agency, democracy, post-truth, media literacy, the didactisation of the Other, project-based learning, epistemic crisis, digital citizenship, national identity

For citation:

Yurchenko M. A. Civic education 2.0 // Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia. 2026. № 2 (110). P. 195–209.

The article was submitted November 14, 2025;
approved after reviewing May 5, 2026;
accepted for publication June 25, 2026.

Введение

В современной научной дискуссии констатируется глубокий кризис демократических институтов в глобальном масштабе. Исследователи и международные организации, такие как V-Dem Institute¹, фиксируют тревожную тенденцию: достижения в области демократии за последние 35 лет были фактически нивелированы [1, р. 6]. Этот феномен, характеризующийся как «постдемократия» [2; 3], представляет собой ситуацию, когда формальные демократические процедуры сохраняются, но их сущностное содержание – широкое участие, плюрализм и подотчетность власти – выхолащивается под влиянием новых угроз [2–4].

Ключевыми угрозами демократии в современном контексте выступают несколько взаимосвязанных явлений: антиплюралистские движения, гражданская пассивность (disengagement), а также эпистемический кризис, выраженный в феномене «постправды» и усугубляемый цифровой средой.

Во-первых, эмпирические исследования показывают, что главную опасность сегодня представляют не внешние силы, а внутренняя эрозия демократических норм избранными правительствами и режимами [4; 5]. Антиплюралистские движения, для которых характерен отказ от фундаментальных демократических ценностей, используют недовольство граждан для прихода к власти с последующим ослаблением институтов сдержек и противовесов [5]. Как подчеркивает Х. Лаудер, правый авторитаризм целенаправленно использует «национализм катастрофы», подмену фактов и правовой инструментализм, чтобы размыть конституционные «ограждения»

¹ Varieties of Democracy (V-Dem) : [website]. URL: <https://www.v-dem.net/about/v-dem-institute/> (дата обращения: 05.11.2025).

демократии [6]. По мнению исследовательской группы П. Микандера, именно антиплюрализм является маркером движений, угрожающих демократии, поскольку их идеология направлена на последовательное сужение круга голосов, допущенных к процессу принятия решений [5, p. 557].

Во-вторых, пассивность граждан, проявляющаяся в политической среде в низкой электро-альной явке и разочаровании в политических институтах, сама по себе ослабляет демократию. Однако, как показало исследование М. В. Сволика и его коллег, именно «незаинтересованные» граждане в стабильных демократиях зачастую становятся «спящими» сторонниками иллиберальной правой повестки, проявляя большую терпимость к политикам, пренебрегающим демократическими принципами [5, p. 7]. Эта проблема усугубляется неолиберальным сдвигом в образовании, который сузил его цели до подготовки «человека рынка труда», вытеснив личностное развитие и гражданскую компетентность, что напрямую связано с ростом неравенства и снижением включенности граждан в демократический процесс [6–8]. Таким образом, отстраненность создает питательную среду для антиплюралистских сил.

В-третьих, современный контекст, безусловно, характеризуется кризисом самого знания. Феномен «постправды», при котором объективные факты оказывают меньшее влияние на общественное мнение, чем апелляции к эмоциям и личным убеждениям, становится серьезным вызовом [9]. Этот вызов усугубляется цифровой средой, где децентрализованные сети социальных медиа раскрывают власть нефильтрованного контента над общественным мнением [10, p. 1], что приводит к взрывному распространению фейковых новостей. Х. Лаудер добавляет к этому критику «войны с памятью» – целенаправленного переписывания феноменов прошлого (фашизм, колониализм, рабство), которое лишает учеников доступа к знанию, создавая «эпистемическую несправедливость» [6]. Как отмечается в рецензии на сборник “Pedagogies of Post-Truth”, в эпоху, когда базовые факты подвергаются сомнению, ключевая задача образования – развитие критического мышления и медиаграмотности, чтобы студенты могли распознавать дезинформацию и противостоять ей [9, p. 6420; 10, p. 9–10].

В ответ на эти вызовы возникает настоятельная необходимость в переосмыслении парадигмы гражданского образования. Традиционные модели, сфокусированные на передаче знаний об институтах и процедурах, оказываются неадекватны для противодействия современным угрозам. Так, анализ финских исследователей П. Микандер и Х. Сатокангасом демонстрирует, что учебники по обществознанию представляют демократию как статичную, преимущественно институциональную систему, игнорируя антиплюрализм как угрозу и сводя проблему к недостатку знаний о политике у самих граждан [5, p. 564]. Х. Лаудер характеризует такой подход как «поверхностную педагогику» (shallow pedagogy), которая, формально рассказывая об устройстве демократии, уклоняется от спорных тем, обсуждения власти, неравенства и глобальных угроз, оставляя учеников без фактов и, что важнее, без инструментов критического анализа [6]. Такой подход не только не способствует демократической вовлеченности, но и может усугублять проблему, возлагая всю вину за последствия на самих обучающихся.

Теоретический анализ угроз, связанных с дезинформацией, находит убедительное эмпирическое подтверждение в международных исследованиях. Наблюдается прямая и положительная корреляция между уровнем медиаграмотности и развитием активного и ответственного цифрового гражданства² [11]. Исследования в Европе и Латинской Америке подтверждают, что образовательные программы, целенаправленно развивающие медиаграмотность, значительно повышают способность студентов критически оценивать информацию, этично участвовать в цифровых пространствах и эффективно управлять своей цифровой идентичностью, что является краеугольным камнем безопасности в сети³ [12]. Эти данные подкрепляют тезис о том, что развитие медиаграмотности – не факультативная задача, а необходимое условие для формирования агентности в постцифровую эпоху.

Аналогичные выводы о ключевой роли образования в противодействии социальной поляризации и дезинформации подтверждаются эмпирическими исследованиями в других национальных контекстах. Так, качественное исследование, проведенное в Индонезии – стране с одним из крупнейших в мире пользовательских интернет-сообществ, – выявило прямую зависимость между уровнем интеграции медиаграмотности и цифровой этики в учебные планы и устойчивостью обучающихся к манипулятивному контенту. В школах Джакарты, где медиаграмотность и цифровая этика были структурно интегрированы в обучение, обучающиеся демонстрировали значительно более высокую осведомленность о механизмах социальной поляризации

² UNESCO. Reimagining our futures together : A new social contract for education : International Commission on the Futures of Education. Paris : United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization, 2021. 184 p. URL: <https://ifap.ru/library/book641.pdf> (дата обращения: 20.05.2024).

³ Там же.

(69 баллов из 100), тогда как в сельских районах с менее развитой образовательной инфраструктурой этот показатель был существенно ниже (47 баллов) [13, р. 4]. Это свидетельствует о том, что без целенаправленной образовательной политики, направленной на преодоление цифрового разрыва, школа может невольно усугублять социальное расслоение.

Более того, исследование практик гражданского образования в индонезийских старших классах показывает, что, несмотря на высокий уровень этической осведомленности обучающихся в вопросах безопасности и противодействия дезинформации, их реальное гражданское участие онлайн остается пассивным и ограничивается в основном потреблением контента [14, р. 9–10]. Этот разрыв между осознанием и действием (*awareness-action gap*) указывает на недостаточность простого информирования и требует педагогических моделей, ориентированных на развитие активной гражданственности, способной трансформировать знание в практическое участие. Преподаватели в этом исследовании отмечают использование проектного обучения и критического анализа средств массовой информации (далее – СМИ) в качестве педагогических решений указанной проблемы, однако сталкиваются и с системными барьерами их внедрения: отсутствием стандартизированной учебной программы, недостатком подготовки и слабой институциональной поддержкой [14, р. 11–12].

Проблема негативного информационно-психологического воздействия в цифровой среде, ведущего к манипуляции сознанием и потере критического мышления, является предметом изучения не только в контексте педагогики, но и национальной безопасности. Исследования в области информационной безопасности подчеркивают, что современное информационное противоборство характеризуется целенаправленным использованием скрытых методов воздействия на бессознательную сферу психики (например, с помощью «непроявленного изображения», аудиального воздействия, низкочастотных изменений яркости света) для навязывания определенных идей и моделей поведения. В этом контексте задачи гражданского образования и обеспечения информационной безопасности личности тесно переплетаются, поскольку ключевыми мерами защиты становятся не технические решения, а развитие самой личности: повышение ее информационной и психологической культуры, критичности мышления и способности к рефлексии [15; 16].

Практическим ответом на вызовы становятся диалогические и кооперативные решения критической педагогики⁴ [2; 9]. Х. Лаудер предлагает конкретные шаги: отказ от «ложного баланса» в вопросах, где факты однозначны (например, в разговорах о климате), и развитие «эпистемического доверия»; обучение на основе «мест памяти» (*place-based learning*); поддержку молодежного активизма как учебного действия и демократизацию «скрытой учебной программы» самой школы [6]. Предлагаемый дискурс сталкивается с мощным внешним вызовом – целенаправленной политизацией и манипуляцией образовательной повесткой. Исследование К. Хеггарта на примере Австралии показывает, что учебные программы становятся «политическим объектом» в «стратегических играх знаний» (*knowledge games*), где различные акторы используют идеологическое заимствование, «отмывание» идеологий (*ideology laundering*) и идеологическое приобретение (*ideological acquisition*) для достижения политических целей [17]. Ярким примером является импорт из США и нагнетание моральной паники вокруг «критической расовой теории» (CRT), которая не входила в учебный план Австралии, но была успешно использована правыми политиками и СМИ для переформатирования публичной дискуссии о гражданском образовании и оказания давления на правительство [16]. Этот случай иллюстрирует, как демократический процесс разработки образовательной политики может быть подорван конъюнктурными манипуляциями, что создает дополнительный барьер для внедрения критических и плюралистических подходов в гражданском образовании. Лишь модели, основанные на принципах *action civics* [18], позволяют преодолеть разрыв между знанием и действием, переводя обучающихся из категории «лично ответственного гражданина» в категорию «гражданина-участника» и даже «гражданина, ориентированного на справедливость» [19].

Анализ международных вызовов требует их сопряжения с отечественной педагогической традицией и современной образовательной политикой. В российском научном и нормативном дискурсе сложилась устойчивая парадигма, которую мы называем «Гражданское образование 1.0». Ее теоретико-методологический каркас, сформированный в конце XX – начале XXI века, опирается на три ключевых ориентира: *моральный* (усвоение нравственных ценностей), *правовой* (формирование законопослушания) и *политико-культурный* (интеграция в политическую культуру) [20, с. 148]. Эта триада, как отмечает В. В. Кузнецов, возникла как ответ на вызовы транзитивного периода и направлена на обеспечение стабильности общества через воспитание

⁴ URL: <https://ifap.ru/library/book641.pdf> (дата обращения: 20.05.2024).

лояльного законопослушного гражданина [20]. Она же задает установку на трансляцию обучающимся устойчивого комплекса одобряемых обществом и государством знаний и поведенческих моделей, конечной целью которых является формирование гражданственности как *интегративного качества личности* [21, с. 58]. Т. А. Нигматуллина определяет гражданственность в этой парадигме как синтез правовой культуры, патриотических чувств и социальной ответственности, обеспечивающий гармоничную интеграцию индивида в общество [21]. Гражданственность понимается не только как личностное качество, но и как фундаментальный атрибут зрелого гражданского общества, образуя с ним систему взаимозависимых отношений: общество невозможно без гражданственности его членов, а гражданственность в свою очередь формируется и проявляется в пространстве гражданского общества [22, с. 61]. И. Ф. Габидуллин подчеркивает, что именно система образования является ключевым агентом формирования такой гражданственности, выполняя социальный заказ государства на воспитание личности, готовой к жизни в современных условиях, что напрямую связывается с задачами обеспечения национальной безопасности страны через развитие правовой культуры и профессионально-духовной готовности граждан [22].

Без общегосударственной стратегии, объединяющей этическое рассуждение, критический анализ медиа и гражданские ценности, образовательная система не только не может противостоять поляризации, но и рискует стать ее невольным соучастником [13]. Опираясь на международную типологию гражданственности (Дж. Бэнкс), можно утверждать, что «модель 1.0» в ее российском варианте направлена преимущественно на формирование «*признанного*» (*recognized*) и «*участнического*» (*participatory*) типа гражданства [23]. На практике она тесно сближается, а зачастую и отождествляется с патриотическим воспитанием, что находит прямое отражение в государственных стратегиях и программах [23]. В Указе Президента Российской Федерации «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2036 года» в качестве ключевой цели закрепляется «укрепление общероссийской гражданской идентичности... на основе традиционных российских духовно-нравственных и культурно-исторических ценностей», а также «формирование <...> гражданского самосознания, воспитание патриотизма» и «защита исторической правды»⁵. Содержательно это приводит к доминированию эмоционально-ценностного компонента и работе над формированием лояльности, гражданской и патриотической идентичности [24; 25]. И. Н. Каланчина отмечает, что современный подход к формированию национально-гражданской идентичности делает акцент на ее эмоционально-символических основаниях – исторической памяти, культурных героях и чувстве принадлежности к «большой Родине» [25]. Более того, она обосновывает эффективность лингвокультурологического подхода, при котором изучение ключевых концептов национальной языковой картины мира («справедливость», «правда», «соборность», «Родина-мать») способствует воспроизводству аутентичных представлений об истории и культуре, формируя защитные механизмы против манипулятивных технологий, направленных на размывание идентичности [25]. Реализация этих установок на местах часто принимает форму воспитательных программ, интегрирующих национально-культурный компонент. Ярким примером служит авторская программа «Концепция становления и развития системы гражданского воспитания обучающихся средствами национальных традиций», разработанная и апробированная на муниципальном уровне. В ее основе лежит проектирование целостной педагогической системы, где цели гражданского воспитания достигаются через обращение к локальным культурным кодам и традициям, что соответствует общему культурно-историческому вектору парадигмы 1.0 [26, с. 239]. Как пишет К. А. Тоторкулова, подобные программы нацелены прежде всего на создание условий для успешной социализации личности, ее адаптации, освоения базовых социальных компетенций и воспитания гражданской ответственности, что должно способствовать формированию гражданской позиции и гражданской компетентности [26]. Правовой компонент выступает стержневым, поскольку именно знание законов, по мнению исследователей, не только формирует рамки допустимого поведения, но и является основой для построения гражданского общества, требуя для своей реализации как массового юридического просвещения, так и развития личной правовой культуры граждан [22, с. 63]. Анализ современных стратегий, проведенный Н. И. Джегутановой, показывает, что акцент на правовом просвещении и воспитании законопослушания остается доминирующим ответом на вызовы формирования гражданской идентичности в образовательном пространстве России [27].

⁵ О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2036 года : Указ Президента Российской Федерации от 25 ноября 2025 г. № 858 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2025. № 48 (ч. IV). Ст. 7312.

Несмотря на то, что гражданская компетентность модели 1.0 рассматривается как комплексный результат, ее структура зачастую остается традиционной, с акцентом на правовой, политический и культурно-исторический компоненты [23; 28]. S. A. Dianov и Yu. V. Dianova в своем исследовании отмечают, что в вузовской практике гражданское образование часто сводится к правовому просвещению, а формирование навыков критического анализа социально-политических процессов и реального участия остается периферийной задачей. Авторы констатируют формальный характер многих программ адаптации и правового воспитания, их оторванность от реальных проблем образовательной среды и студенческих сообществ [28].

Осознание важности преодоления разрыва между знанием и действием присутствует в рамках модели 1.0 и находит отражение в попытках создания комплексных воспитательных систем, а также в особом внимании к подготовке кадров. В русле этой парадигмы появляются инновационные программы, такие как «обучение служением» (service-learning), интегрирующее учебную деятельность с социальной практикой. Как указывает С. А. Белая, этот подход, сочетая теорию с решением реальных общественных проблем, способствует формированию у обучающихся эмпатии, навыков командной работы и, что наиболее важно, чувства гражданской ответственности за происходящее в обществе [27].

Эмпирические исследования, проведенные в системе повышения квалификации педагогов, показывают, что целенаправленная подготовка, включающая освоение новых методик и технологий гражданского воспитания, проектирование авторских программ, положительно влияет на профессиональное мастерство педагогов и их способность решать актуальные воспитательные задачи [26]. Таким образом, в традиционной парадигме признается, что успех зависит не только от содержания, но и от компетентности агента его передачи.

При этом анализ российского опыта выявляет системную проблему, унаследованную от позднесоветского периода и усугубленную трансформациями 1990-х гг.: разрыв между формальным усвоением ценностных установок и реальными практиками гражданского участия. С одной стороны, исторический опыт демонстрировал эффективность массовых организаций (пионерская, комсомольская) в формировании коллективной идентичности и социальной сплоченности, а с другой – зачастую воспроизводил патерналистскую модель, где молодые люди выступали скорее объектами воспитательного воздействия, чем субъектами-инициаторами [21, с. 60]. Эта двойственность привела к тому, что после распада СССР снижение идеологической составляющей оставило молодежь без устойчивых социальных ориентиров, а разрушение прежних форм социализации обнажило неготовность к самостоятельному и ответственному гражданскому выбору [21, с. 61]. Исторический разрыв усугубляется в современном контексте, где формирование национальной идентичности и гражданственности зачастую носит декларативный характер и слабо связано с развитием реальной способности к диалогу, критической оценке информации и коллективному действию для решения общественных проблем [30].

Несмотря на отдельные успешные практики и программы, их воздействие часто остается локальным, а системный эффект ограничен. Даже качественная подготовка педагогов и разработка методик, направленных на использование национальных традиций, в рамках старой парадигмы не решают фундаментальной проблемы – неспособности модели 1.0 массово формировать навыки критического мышления, медиаграмотности и систематической агентности, необходимые для навигации в цифровой среде и противостояния манипуляциям. В ней остается недостаточно проработанным переход от информирования и формирования установок к реальной практике, что ведет к разрыву между осознанием и действием (awareness-action gap) [26; 31].

Ключевая педагогическая проблема сегодня заключается в том, как сформировать не просто информированного и законопослушного субъекта, а активного, ответственного агента демократических изменений.

От эпизодического включения – к систематической агентности. Участие в выборах раз в несколько лет должно быть дополнено повседневными практиками гражданского участия.

В данной статье мы предпринимаем попытку ответить на следующие исследовательские вопросы.

1. Как именно должно выглядеть гражданское образование 2.0?
2. Как интегрировать его в широкие контексты обучения?
3. Каковы факторы успешности (организационно-педагогические условия)?

Цель данного исследования – разработать и обосновать структурно-содержательную модель гражданского образования 2.0, адекватную вызовам XXI века.

Объектом выступила дидактика гражданского образования современной России, предметом же стали концептуальные основания реализации модели гражданского образования 2.0.

Наша гипотеза заключалась в том, что переход от модели гражданского образования 1.0 к модели 2.0, построенной на интеграции медиаграмотности, гуманитарной культуры, дидактизации Другого и проектного обучения, будет способствовать формированию активной гражданственности в противовес (пассивной) законопослушности.

Методология и методы

Комплексная методологическая основа исследования сочетает теоретический анализ и синтез современных научных концепций для построения новой теоретической модели. Исследование опирается на принципы культурологического подхода, рассматривающего культуру как системообразующую основу образовательного процесса, и критической педагогики, акцентирующей роль образования в преодолении социального неравенства и формировании агентности.

Для достижения цели исследования и ответа на поставленные исследовательские вопросы был применен ряд взаимодополняющих методов.

1. Теоретический анализ и синтез: нами проведен всесторонний анализ широкого корпуса современных источников и литературы, включая научные монографии, статьи в рецензируемых журналах и материалы международных организаций (V-Dem Institute⁶, ЮНЕСКО⁷). Анализ был направлен на выявление ключевых тенденций, угроз демократии и инновационных педагогических ответов, что позволило синтезировать концептуальные основания модели «Гражданского образования 2.0».

2. Сравнительно-сопоставительный метод использован для анализа и сравнения эффективности различных подходов к гражданскому образованию и развитию медиаграмотности в разных национальных контекстах (Финляндия, Индонезия, страны Латинской Америки, Австралия), что позволило выявить универсальные принципы и контекстно-зависимые факторы успеха.

3. На основе результатов теоретического анализа непосредственно была разработана целостная структурно-содержательная модель «Гражданского образования 2.0», включающая ее целевые ориентиры, смысловые линии, векторы трансформации гражданственности, а также условия и механизмы ее интеграции в образовательное пространство.

4. Контент-анализ. Вторичный анализ данных эмпирических исследований, представленных в рецензируемых научных публикациях, был использован для верификации теоретических положений. В частности, анализировались количественные и качественные данные, подтверждающие эффективность методов развития медиаграмотности, проектного обучения и диалогических практик в формировании гражданских компетенций.

Таким образом, методология исследования обеспечила многоаспектное рассмотрение проблемы, позволив не только диагностировать кризис традиционной парадигмы, но и разработать обоснованную альтернативу.

Результаты

Как именно должно выглядеть гражданское образование 2.0?

Современный научный дискурс свидетельствует о сдвиге от «Гражданского образования 1.0», ориентированного на знание политических институтов и механизмов их функционирования, к комплексной модели «Гражданского образования 2.0». В реалиях Российской Федерации новая парадигма должна быть нацелена:

1) на формирование плюралистической гражданственности и инклюзивной (общероссийской) национальной идентичности, готовой к участию в постоянно меняющемся демократическом процессе, что включает поддержку социально смешанной школьной среды;

2) развитие цифровой и медиаграмотности как неотъемлемого компонента гражданственности, обеспечивающего способность противостоять эпистемическому кризису и дезинформации в цифровой среде;

3) критическое осмысление колониальных оснований самой демократии с целью ее радикального обновления через обязательное изучение «трудных тем» и «слепых пятен»;

⁶ URL: <https://www.v-dem.net/about/v-dem-institute/> (дата обращения: 05.11.2025).

⁷ Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО) : [сайт]. URL: <https://www.unesco.org/ru> (дата обращения: 05.11.2025).

4) активную роль педагога в проектировании образовательной среды, использующей новую дидактику (включая аудиовизуальные интервенции, диалогические практики, обучение на основе мест памяти и отказ от «ложного баланса») для подготовки граждан к вызовам постцифровой эпохи.

Предлагаемая модель строится вокруг четырех взаимосвязанных смысловых линий, образующих ее ценностно-содержательное ядро, и трех векторов трансформации ключевой целевой установки – гражданственности.

Первая линия: индивидуальная информационная безопасность, критическое мышление и медиаграмотность. Наша авторская технология представляет собой модульную систему практико-ориентированных заданий, интегрируемых в дисциплины социально-гуманитарного цикла (например, иностранный язык). Она направлена на формирование устойчивых навыков критического анализа информации, верификации источников и распознавания манипулятивных техник в цифровой среде.

Ключевыми компонентами являются два последовательных модуля:

– Модуль 1: Поиск, отбор и первичная оценка достоверности источников.

– Модуль 2: Систематизация, сравнительный анализ и критическое осмысление собранной информации.

Модули реализованы с помощью практических заданий по распознаванию фейковых новостей, проверке изображений, анализу медиаконтента, групповых дискуссий и командной работы с использованием цифровых инструментов (Google Scholar, Crossref, сервисы проверки изображений).

Диагностика и оценка навыков автоматизирована за счет разработанных первичного и итогового тестирования на платформе Яндекс.Формы. Производится измерение динамики формирования навыка на основе объективных данных (средний балл, стандартное отклонение).

Технология обеспечивает не только рост медиаграмотности, но и развитие системного критического мышления, умения аргументировано отбирать информацию и применять навыки индивидуальной информационной безопасности, в т. ч. в профессиональном контексте [32].

Вторая линия: гуманитарная культура как познание и развитие духовного мира человека. Формирование гражданственности неотделимо от развития культурной компетентности через систематическое погружение в национальный культурный код, глубокое понимание мировой культуры и признание культурного многообразия народов России. В основе педагогической «упаковки» погружения в национальный культурный код лежит многоуровневая модель последовательного и личностно-ориентированного перехода от поверхностного восприятия к глубинному осмыслению. Этот процесс выстроен как восхождение от внешних, часто стереотипных представлений к внутреннему, ценностному присвоению культурных смыслов через теоретическое освоение, личную рефлексию и проектное творчество. Изначально культурный код предстает перед обучающимися в виде набора бытовых клише и эмоциональных образов, что фиксируется как отправная точка – простое, нерелексивное отождествление. Затем, через введение теоретических концепций, код раскрывается как сложный социальный конструкт, создаваемый символами, языком и коллективной памятью, что позволяет студентам увидеть его условность и многомерность. Ключевым поворотом становится этап личной рефлексии, где абстрактные теории примеряются на собственный опыт: обучающиеся ищут отражение общих понятий в своей биографии, переводя культурный код из области изучения в плоскость личного переживания и самоанализа. Сравнительный анализ идентичности других стран выполняет роль зеркала, позволяющего увидеть особенности собственного кода со стороны, выделить его уникальные компоненты и одновременно понять его место в мировом культурном разнообразии. Дальнейшая контекстуализация в условиях глобализации дает возможность воспринимать культурный код не как нечто застывшее, а как динамическую систему, проявляющую определенную устойчивость перед внешними влияниями. Путь сопровождается диагностикой и обратной связью, которые фиксируют не только итоговый результат, но и саму траекторию внутренней трансформации: от стереотипа к осознанной, многогранной идентичности. Таким образом, педагогическая «упаковка» превращает пассивное усвоение культурных норм в активный процесс конструирования смыслов, где национальный культурный код становится не догмой, а живым текстом, который нужно прочитать, интерпретировать и творчески переосмыслить для формирования зрелой, ответственной гражданской позиции [33].

Третья линия: дидактизация Другого как способ преодоления отчуждения [34]. Еще одной ключевой педагогической технологией становится целенаправленное обучение через рассказывание историй, изучение биографий, литературных текстов и исторических событий на

разных учебных предметах и дисциплинах, в т. ч. с позиции людей, исторически маргинализированных, подавляемых или полностью исключенных из основного нарратива победителей. Дидактизация Другого способствует развитию эмпатии, критическому осмыслению колониальных и имперских оснований современной демократии, преодолению «войн с памятью» и формированию деколонизального сознания. Это предполагает обязательное включение в содержание образования трудных и болезненных тем (колониализма, рабства, расизма, социального неравенства) с применением деколонизирующих перспектив, которые признают систематический характер несправедливости.

Четвертая линия: проектное обучение как средство развития гражданской агентности. Проектное обучение (project-based learning) выступает как комплексная процессуальная основа, обеспечивающая одновременно систематическое присвоение культурного содержания, развитие критического мышления и активизацию гражданской агентности. Через участие в реальных проектах решения локальных и глобальных проблем – от очистки водоемов до противодействия дезинформации в чатах – обучающиеся развивают ответственность, самостоятельность, способность к коллективному действию и трансформируют абстрактное знание в практическое гражданское участие. Отличительной чертой этого подхода является то, что обучающиеся видят реальные последствия своих инициатив, что усиливает мотивацию к дальнейшему участию [14; 35].

Гражданское образование 2.0 должно осуществлять трансформацию гражданственности по трем взаимосвязанным векторам, преодолевая ограничения традиционной парадигмы.

Вектор 1. От ответственности перед законом к ответственности за сообщество. Традиционное гражданское образование, сосредоточенное исключительно на знании законов и норм, воспроизводит пассивную позицию, при которой гражданин видит себя в роли исполнителя внешних предписаний, не несущего личной инициативы. Новая парадигма переворачивает эту логику: гражданственность становится внутренней ориентацией на заботу о локальном и глобальном сообществе, его благополучии, справедливости и инклюзивности. Это требует принятия ответственности не только за собственные действия, но и за последствия бездействия, за молчаливое согласие с нарушениями прав других, за «эпистемическую несправедливость». Такая переориентация требует педагогических условий, при которых школа демонстрирует заботу о сообществе через свои действия, а не только учит об этом в теории.

Вектор 2. От эпизодического включения к систематической агентности. Участие в выборах раз в несколько лет, традиционно считавшееся вершиной гражданской активности в образовательных парадигмах 1.0, должно быть дополнено повседневными практиками гражданского участия. Агентность понимается как способность человека не просто реагировать на события, но инициировать изменения, влиять на принятие решений, выстраивать коалиции и критически оценивать действия власти на постоянной основе. Это переход от гражданственности как события к гражданственности как процессу. Развитие систематической агентности требует создания в образовательных организациях всех уровней структур, в которых голос обучающихся имеет реальное значение (советов с реальной властью принятия решений, студенческих инициатив и пр.).

Вектор 3. От индивидуальной осведомленности к коллективной действительности. Преодоление «поверхностной педагогики» требует вывести обучающихся из роли пассивных потребителей информации о демократии в позицию соавторов демократической реальности. Это подразумевает работу со спорными и болезненными темами, проживание демократии через открытый диалог, участие в проектных инициативах и активизме как внутри школьной среды, так и за ее пределами.

Как интегрировать его в широкие контексты обучения?

Успешная интеграция гражданского образования 2.0 требует не фрагментарных и эпизодических добавлений к существующему содержанию, а радикального переосмысления всей архитектуры образовательного процесса на основе культурологического подхода как методологической основы.

При таком подходе содержание каждого предмета – от истории и литературы до математики и естественных наук – переосмысливается с позиции его культурной обусловленности и ценностного содержания. Педагог выступает не как транслятор готовых знаний, а как фасилитатор и культурный посредник, организующий встречу обучающегося с национальной и мировой культурой, со спорными историческими событиями и многоголосными интерпретациями прошлого, со знанием, воплощенным в произведениях искусства. Образовательная среда при этом организуется как пространство, способствующее присвоению культуры, т. е. интериоризации культурного кода через живое, эмоционально насыщенное взаимодействие.

Успешная интеграция гражданского образования 2.0 происходит на нескольких взаимодополняющих и взаимозависимых уровнях.

1. Предметная интеграция в социально-гуманитарный цикл. Элементы гражданского образования 2.0 встраиваются в преподавание истории, литературы, обществознания, иностранных языков, географии и других гуманитарных дисциплин через единую культурологическую логику. На уроках истории это реализуется через анализ колониализма и рабства с деколониальной перспективой, признающей человечность и полноту жизненного опыта пораженных народов; на уроках литературы – через дидактизацию Другого посредством художественных текстов и биографий писателей, выходцев из маргинализированных групп; при изучении иностранных языков – через развитие подлинной межкультурной компетенции, а не просто языковых навыков; на уроках обществознания – через отказ от «ложного баланса» в вопросах, где факты являются неоднозначными, и обучение на основе «мест памяти», связывающих глобальные процессы с локальной историей. Такая интеграция должна охватывать разные уровни образования: среднее общее образование, профессиональное образование, высшее образование, обеспечивая преемственность и активизацию гражданственности.

2. Внеучебная деятельность и использование пространств неформального образования. Проектное обучение, кружки по развитию медиаграмотности и цифровой этики, клубы обсуждения спорных вопросов, волонтерские инициативы, молодежные советы и участие в решении локальных проблем должны стать неотъемлемой частью образовательной среды школы и организаций высшего образования. Ключевое значение имеет использование мест культуры – музеев, библиотек, культурных центров, театров – не как периферийных ресурсов, а как основных образовательных сред, способствующих формированию национальной идентичности и гражданственности и переосмыслению национального нарратива.

3. Демократизация скрытого куррикулума. Содержательная интеграция гражданского образования 2.0 должна быть дополнена трансформацией самой организации школьной жизни. Демократизация скрытой учебной программы означает, что правила, структуры принятия решений, процедуры разрешения конфликтов и повседневные практики школы должны воплощать демократические принципы и не противоречить формальному содержанию, преподаваемому на занятиях. Если школа учит о правах человека, а сама функционирует авторитарно, это создает когнитивный диссонанс и подрывает доверие обучающихся. Наоборот, когда правила создаются совместно с обучающимися, когда существуют механизмы обжалования решений администрации, когда решения принимаются на основе обсуждения, это создает условия для развития систематической агентности и практического проживания демократии.

4. Персонализация обучения в рамках единой ценностной системы. Интеграция гражданского образования 2.0 требует одновременного соблюдения двух потенциально напряженных условий: с одной стороны, обучение должно быть персонализировано с учетом индивидуальных особенностей, интересов, жизненного опыта и культурного происхождения обучающихся; с другой стороны, должна сохраняться целостность ценностного ядра, обеспечивающего единство общероссийской национальной идентичности и инклюзивного плюрализма. Это сложное балансирование требует от педагога высокого уровня профессионального мастерства и глубокого понимания как отечественной и мировой культуры, так и психологии развития обучающихся разных возрастов.

5. Поддержка непрерывного обучения (lifelong learning). Формирование гражданственности и национальной идентичности не ограничивается детским, подростковым или молодым возрастом. Интеграция предполагает развитие системы непрерывного образования, в которой взрослые люди (родители, работающие граждане, пенсионеры) также имеют возможность развиваться в рассматриваемом русле, что может реализовываться через программы дополнительного образования, открытые лекции, цифровые курсы и участие в гражданских инициативах.

Каковы факторы успешности (организационно-педагогические условия)?

Внедрение гражданского образования 2.0 требует скоординированного воздействия на несколько групп условий, работающих как единая система.

В связи с тем, что деятельность педагога является первым и наиболее важным компонентом, определяющим качество реализации гражданского образования 2.0, требуется *переосмысление подходов к отбору, подготовке и поддержке педагогических кадров*:

1. Новая модель отбора и подготовки педагогических кадров, ориентированная не только на передачу предметных знаний, но на развитие способности организовать встречу обучающегося с национальной и мировой культурой, на развитие сензитивности к голосам Других. Подготовка педагогов должна включать углубленное изучение национального культурного кода в контексте

мировой культуры, развитие практик деколониального мышления, умение работать со спорными и болезненными историческими темами, критический анализ информации и ее источников. Педагог должен понимать не только чему учить, но глубоко осмыслить, почему это знание важно и какое отношение оно имеет к жизни обучающихся.

2. Непрерывное профессиональное развитие педагогов, охватывающее не только методические навыки и обновление предметного содержания, но и собственное развитие педагога как культурного субъекта и гражданина. Программы повышения квалификации должны обучать конкретным методикам внедрения проектного обучения, дидактизации Другого, развитию медиаграмотности. Педагоги должны постоянно обновлять свое понимание вызовов, стоящих перед демократией, и способов их педагогического разрешения.

Организационно-структурные условия, влияющие на успешность внедрения, включают:

- целостную государственную стратегию интеграции критических компетенций;
- сокращение инфраструктурных разрывов, в т. ч. технологического характера;
- культивацию вовлеченности всех субъектов образовательного процесса (администрации, педагогов, родителей, самих обучающихся, представителей местных сообществ в общую работу по внедрению новой парадигмы).

Дидактические условия. Внедрение гражданского образования 2.0 требует качественного обновления самих методов и форм обучения:

1. Операционализация проектного обучения как главной организационной формы, позволяющей одновременно обеспечить систематическое присвоение культурного содержания и развитие гражданской агентности. Проектное обучение должно быть хорошо структурировано, с четкими критериями оценки и стандартизированными процедурами реализации модулей, чтобы его применение не зависело исключительно от инициативы и творчества отдельного педагога.

2. Применение аудиовизуальных интервенций для развития медиаграмотности, учитывая, что исследования демонстрируют значительно большую эффективность таких методов по сравнению с традиционными текстовыми форматами в критическом анализе медиа.

3. Методика дидактизации Другого как основной механизм формирования национальной идентичности, гражданственности и межкультурного диалога. Это требует разработки конкретных педагогических сценариев, включающих работу с историческими источниками, биографиями представителей маргинализированных групп, литературными текстами и документальными материалами.

4. Специализированная методология измерения социокультурных процессов в образовательной среде для объективной оценки эффективности внедрения концепции, т. е. целостная архитектура измерений, включающая личностно ориентированную оценку, критериальное оценивание активной гражданской ответственности и многостороннюю валидизацию результатов.

Обсуждение

В научной литературе все еще недостаточно работ, комплексно рассматривающих интеграцию обозначенных нами четырех смысловых линий и трех векторов одновременно. Мы солидарны с плюралистическими моделями гражданского образования, восходящими к Дж. Дьюи, который понимал демократию не как форму правления, а как «образ совместной жизни», основанный на «совместном обсуждаемом опыте» [5]. С этой точки зрения суть демократии – это не просто «власть народа», а идеология, нацеленная на постоянное расширение плюрализма.

Заполняющая этот пробел предложенная нами позиция доказывает, что формирование устойчивой, критически мыслящей личности является универсальным ответом на множественные вызовы эпохи «постправды». Хотя полученные результаты подтверждают нашу исходную гипотезу о необходимости принципиального переосмысления целей, содержания и методов гражданского образования в контексте современных демократических вызовов, реализация предложенной архитектуры гражданского образования 2.0 в настоящее время встречает существенные препятствия как на концептуальном, так и на практическом уровне.

На концептуальном уровне существует напряженность между стремлением к формированию инклюзивной общероссийской национальной идентичности и риском воспроизводства культурного гегемонизма определенных групп населения. Разрешение этого противоречия требует развития методологии, признающей полноценность всех культурных традиций российского общества, без нивелирования их особенностей. Культурологический подход, предложенный в исследовании, должен быть понят не как навязывание единого нарратива, а как создание пространства диалога, где голоса Других интегрируются в ткань национального дискурса.

На практическом уровне реализация встречает серьезные системные препятствия: недостаточное финансирование, нехватка квалифицированных кадров, технологический разрыв

между регионами и центром, существующие структурные неравенства в системе образования, отсутствие кристаллизировавшейся политической воли и общественного консенсуса по вопросам запуска масштабных реформ делают внедрение парадигмы 2.0 чрезвычайно сложной задачей.

3 заключение

Итак, гражданское образование 2.0 представляет не просто инновационный подход, а необходимый ответ на вызовы времени. Без трансформации образовательной парадигмы в предложенном направлении школа будет продолжать воспроизводить пассивность, неравенство и уязвимость к манипуляциям граждан. Вместе с тем внедрение новой модели требует не только педагогических инноваций, но и политической воли, государственной поддержки и общественного консенсуса вокруг ценности критического, инклюзивного и деятельного гражданства.

Основные выводы исследования заключаются в следующем:

а) гражданское образование 2.0 должно быть построено вокруг четырех ключевых смысловых линий: медиаграмотности и информационной безопасности, гуманитарной культуры, дидактизации Другого и проектного обучения, реализующихся через три вектора:

– расширения гражданственности от ответственности перед законом к ответственности за сообщество;

– от эпизодического включения к систематической агентности;

– от индивидуальной осведомленности к коллективной действительности;

б) интеграция требует культурологического переосмысления всей образовательной системы, охватывающего предметную интеграцию, внеучебную деятельность, демократизацию скрытой программы и поддержку LLL (Life-Long Learning – концепция непрерывного образования на протяжении всей жизни) на всех уровнях образования;

в) успешность зависит от согласованного воздействия на кадровые, организационно-структурные, дидактические, содержательные и методологические условия, при этом педагог остается первичным и критическим звеном системы;

г) эмпирические исследования в разных национальных контекстах подтверждают эффективность отдельных компонентов, однако реализация полной парадигмы требует государственной стратегии, превышающей возможности отдельных инициатив.

На основе проведенного анализа нами сформулированы следующие рекомендации:

1. На уровне содержания и стандартов предлагается инициировать процесс актуализации федеральных государственных образовательных стандартов и примерных образовательных программ по предметам социально-гуманитарного цикла (история, обществознание, литература, география) с целью интеграции четырех ключевых смысловых линий модели 2.0. Это предполагает:

а) включение сквозных модулей по медиаграмотности в обязательную программу;

б) разработку методических рекомендаций по работе с «трудными темами» истории и культуры в рамках «дидактизации Другого»;

в) закрепление проектной деятельности как формы, направленной на развитие агентности.

2. На уровне подготовки и поддержки педагогов считаем необходимым переориентировать программы повышения квалификации учителей на развитие компетенций, необходимых для реализации новой модели: организация диалогических практик, фасилитация проектной деятельности, методы верификации информации и противодействия дезинформации, навыки работы в инклюзивной и социально смешанной среде.

3. На уровне образовательной среды и управления важно стимулировать создание в образовательных организациях (школах, колледжах, вузах) реальных механизмов ученического и студенческого соуправления с делегированием права голоса по вопросам, затрагивающим интересы обучающихся. Это ключевое условие для демократизации «скрытого учебного плана» и перехода от эпизодического включения к систематической агентности.

4. На уровне государственной образовательной политики мы выступаем за разработку и принятие целевой межведомственной программы (стратегию) развития гражданского образования, которая согласовала бы усилия Министерства просвещения Российской Федерации, Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, институтов развития образования, представителей гражданского общества и экспертного сообщества. Такая программа должна быть направлена на преодоление фрагментарности, обеспечение ресурсной и кадровой поддержки, особенно в сельских и удаленных школах, и создание единого ценностно-смыслового поля, объединяющего задачи воспитания патриотизма, гражданской ответственности и критического мышления и может опираться авторскую модель.

Представленная нами концептуальная модель открывает новые вопросы для научного поиска в части эмпирической верификации модели, изучения специфики внедрения модели «Гражданское образование 2.0» в различных национально-культурных контекстах субъектов Российской Федерации, а также на разных уровнях образования (общее, среднее профессиональное, высшее), разработки и апробации конкретных педагогических инструментов (учебных кейсов, проектных заданий, аудиовизуальных интервенций) в рамках каждой смысловой линии.

Список источников

1. Papada E. [et al.]. Democracy Report Team // Democracy Report 2023 : Defiance in the Face of Autocratization. Gothenburg, Sweden : V-Dem Institute, 2023. P. 6–38.
2. Gozálvéz V., Calandín J. G. Civic education in a new post-democratic context: The need to revitalize a dialogic and cooperative pedagogy for global citizenship // Prospects. 2025. Vol. 55. P. 17–30. <https://doi.org/10.1007/s1125-025-09741-z>
3. Jore M. K. Postcolonial and Decolonial Perspectives on Democratic Citizenship Education // Nordisk tidsskrift for pedagogikk og kritikk. 2024. Vol. 10, № 3. P. 14–29. <https://doi.org/10.23865/ntpk.v10.5361>
4. Mikander P., Satokangas H. Addressing Democracy and Its Threats in Education: Exploring a Pluralist Perspective in Light of Finnish Social Studies Textbooks // Studies in Philosophy and Education. 2024. Vol. 43, № 5. P. 573–573. <https://doi.org/10.1007/s11217-024-09934-7>
5. Svobik M. W. [et al.]. In Europe, Democracy Erodes from the Right // Journal of Democracy. 2023. Vol. 34, № 1. P. 5–20. <https://doi.org/10.1353/jod.2023.0000>
6. Lauder H. Authoritarianism and Democratic Education: A Paper for Martin Thrupp // New Zealand Journal of Educational Studies. 2024. Vol. 59, № 25. P. 671–689. <https://doi.org/10.1007/s40841-024-00369-9>
7. Young I. M. Inclusion and Democracy. Oxford [etc.] : Oxford University Press, 2000. 304 p.
8. Allen D. Justice by Means of Democracy. Chicago, USA : University of Chicago Press, 2023. 228 p. <https://doi.org/10.7208/chicago/9780226777122>
9. Zweig N. Book Review: Kahl D. H. Jr., Atay A. (eds.). Pedagogies of Post-Truth // International Journal of Communication. 2023. Vol. 17. P. 6420–6423. URL: https://www.academia.edu/108140178/Book_review_Pedagogies_of_Post_Truth.
10. Zhao H. [et al.]. The effectiveness of using audio-visual based media intervention for promoting social media literacy skills to curtail fake news on social media: A quasi-experimental investigation // Information Development. 2023. Vol. 41, № 1. P. 92–105. <https://doi.org/10.1177/02666669231217236>
11. Örtengren A. Digital citizenship in teacher education. Exploring conceptualizations in a postdigital era // Jaldemark J. [et al.] (eds.). Proceedings for the Thirteenth International Conference on Networked Learning 2022 (NLC2022). Sundsvall, Sweden. P. 348–357.
12. Guzman J. C. V. [et al.]. Media Literacy and Digital Identity Management: Impact on Digital Citizenship of Graduate Students // Lex Localis –Journal of Local Self-Government. 2025. Vol. 23, № S5. P. 2609–2614. <https://doi.org/10.52152/801623>
13. Zuhriyah N. F. Digital Ethics and Media Literacy: Assessing the Role of Education in Preventing Social Polarization in the Post-Truth Era // Injury: Journal of Interdisciplinary Studies. 2025. Vol. 4, № 2. P. 96–101. <https://doi.org/10.58631/injury.v4i2.1419>
14. Agus A. A. [et al.]. From awareness to action: rethinking high school civic education for the digital generation in Indonesia // Cogent Education. 2025. Vol. 12, № 1. P. 2534156. <https://doi.org/10.1080/2331186X.2025.2534156>
15. Гузенко А. Ю., Завьялова А. Н. Защита личности от негативного информационно-психологического воздействия как направление обеспечения информационной безопасности // Военно-правовые и гуманитарные науки Сибири. 2025. № 2 (24). С. 102–111.
16. Gordon N. Democracy and Colonialism // Theory and Event. 2010. Vol. 13, № 2. <https://doi.org/10.1353/tae.0.0138>
17. Heggart K. [et al.]. The Australian Curriculum gambit: playing knowledge games with education policy // Curriculum Perspectives. 2024. Vol. 44, № 2. P. 181–191. <https://doi.org/10.1007/s41297-023-00222-x>
18. Levine P. We are the ones we have been waiting for: The promise of civic renewal in America. New York, USA : Oxford University Press, 2013. 239 p.
19. Westheimer J., Kahne J. What kind of citizen? The politics of educating for democracy // American Educational Research Journal. 2004. Vol. 41, № 2, P. 237–269. <https://doi.org/10.3102/00028312041002237>
20. Кузнецов В. В. Методологические ориентиры гражданского образования в отечественной педагогике конца XX – начала XXI века // Ценности и смыслы. 2021. № 4 (74). С. 146–156. <https://doi.org/10.24412/2071-6427-2021-4-146-156>
21. Низматуллина Т. А. Гражданское образование в России: состояние, проблемы, перспективы // Этнодиалоги. 2023. № 1 (70). С. 55–67. <https://doi.org/10.37492/ETNO.2023.70.1.003>
22. Габидуллин И. Ф. Гражданское общество и ориентиры гражданственности в образовании // Юридическая наука: история и современность. 2022. № 6. С. 59–67.
23. Fakhretdinova A. P. Citizenship education and citizenship competence formation: development trends in international and Russian educational practice // Perspectives of Science and Education. 2022. Vol. 56, № 2. P. 62–76. <https://doi.org/10.32744/pse.2022.2.4>
24. Маджуга А. Г., Гадаборшева З. И. Формирование общероссийской гражданской идентичности обучающихся как приоритет современного образования // Образование: традиции и инновации. 2025. № 2 (49). С. 8–14.
25. Каланчина И. Н. Формирование национально-гражданской идентичности в образовании: современный подход // Философские, социологические и психолого-педагогические проблемы современного образования. 2024. № 6. С. 27–30. <https://doi.org/10.37386/2687-0576-2024-6-27-30>
26. Тоторкулова К. А. Содержание гражданского воспитания в современной системе образования // Проблемы современного педагогического образования. 2023. № 79–4. С. 238–241.
27. Джегутанова Н. И. Современные стратегии образования в контексте поиска модели воспитания гражданской идентичности обучающихся // Kant. 2025. № 3 (56). С. 315–320. <https://doi.org/10.24923/2222-243X.2025-56.48>
28. Дианов С. А., Дианова Ю. В. Совершенствование системы правового просвещения и гражданского воспитания обучающихся в образовательных организациях высшего образования // Педагогика и просвещение. 2023. № 1. P. 30–40. <https://doi.org/10.7256/2454-0676.2023.1.39912>

29. Беляя С. А. Обучение служением в традиционном образовании: перспективы в развитии гражданской ответственности // Гуманитарная парадигма : [сетевое издание]. 2025. № 2 (33). С. 65–72. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_82415715_20650918.pdf.

30. Бигнова М. Р., Путькина О. В. Гражданская идентичность в образовании: грани проблемы // Бизнес и общество : [электронное издание]. 2023. № 4 (40). С. 92. URL: http://business-society.ru/2023/4-40-2/94_bignova.pdf.

31. Семерник С. З., Капалыгина И. И., Лапа О. В. Образование как фактор развития гражданского самосознания личности // Проблемы современного педагогического образования. 2025. № 87-3. С. 248–251.

32. Юрченко М. А., Бобер А. Е., Устищенко Я. И. Валидация технологии формирования навыков индивидуальной информационной безопасности студентов вуза // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2025. Т. 30, № 1. С. 148–166. <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2025-30-1-148-166>

33. Юрченко М. А., Бобер А. Е., Устищенко Я. И. Качественный анализ трансформаций национальной идентичности обучающихся // Ярославский педагогический вестник. 2025. № 4 (145). С. 52–63. <https://doi.org/10.20323/1813-145X-2025-4-145-52>

34. Yurchenko M. A. Didactising the Other via story-telling when teaching humanities and social sciences / Иноязычное образование в современных реалиях: проблемы и векторы развития : материалы международной научно-практической конференции, г. Казань, 7–8 ноября 2024 г. / под общ. ред. Э. Ю. Абдуллазянова. Казань : Казанский государственный энергетический университет, 2025. Р. 603–606.

35. Юрченко М. А. Измерение гражданственности в проектном обучении // Мир психологии. 2025. № 2 (121). С. 265–283. https://doi.org/10.51944/20738528_2025_2_265

References

1. Papada E. [et al.]. Democracy Report Team // Democracy Report 2023 : Defiance in the Face of Autocratization. Gothenburg, Sweden : V-Dem Institute, 2023. P. 6–38.

2. Gozálvéz V., Calandín J. G. Civic education in a new post-democratic context: The need to revitalize a dialogic and cooperative pedagogy for global citizenship // Prospects. 2025. Vol. 55. P. 17–30. <https://doi.org/10.1007/s11125-025-09741-z>

3. Jore M. K. Postcolonial and Decolonial Perspectives on Democratic Citizenship Education // Nordisk tidsskrift for pedagogikk og kritikk. 2024. Vol. 10, № 3. P. 14–29. <https://doi.org/10.23865/ntpk.v10.5361>

4. Mikander P., Satokangas H. Addressing Democracy and Its Threats in Education: Exploring a Pluralist Perspective in Light of Finnish Social Studies Textbooks // Studies in Philosophy and Education. 2024. Vol. 43, № 5. P. 573–573. <https://doi.org/10.1007/s11217-024-09934-7>

5. Svobik M. W. [et al.]. In Europe, Democracy Erodes from the Right // Journal of Democracy. 2023. Vol. 34, № 1. P. 5–20. <https://doi.org/10.1353/jod.2023.0000>

6. Lauder H. Authoritarianism and Democratic Education: A Paper for Martin Thrupp // New Zealand Journal of Educational Studies. 2024. Vol. 59, № 25. P. 671–689. <https://doi.org/10.1007/s40841-024-00369-9>

7. Young I. M. Inclusion and Democracy. Oxford [etc.] : Oxford University Press, 2000. 304 p.

8. Allen D. Justice by Means of Democracy. Chicago, USA : University of Chicago Press, 2023. 228 p. <https://doi.org/10.7208/chicago/9780226777122>

9. Zweig N. Book Review: Kahl D. H. Jr., Atay A. (eds.). Pedagogies of Post-Truth // International Journal of Communication. 2023. Vol. 17. P. 6420–6423. URL: https://www.academia.edu/108140178/Book_review_Pedagogies_of_Post_Truth.

10. Zhao H. [et al.]. The effectiveness of using audio-visual based media intervention for promoting social media literacy skills to curtail fake news on social media: A quasi-experimental investigation // Information Development. 2023. Vol. 41, № 1. P. 92–105. <https://doi.org/10.1177/02666669231217236>

11. Örtengren A. Digital citizenship in teacher education. Exploring conceptualizations in a postdigital era // Jaldemark J. [et al.] (eds.). Proceedings for the Thirteenth International Conference on Networked Learning 2022 (NLC2022). Sundsvall, Sweden. P. 348–357.

12. Guzman J. C. V. [et al.]. Media Literacy and Digital Identity Management: Impact on Digital Citizenship of Graduate Students // Lex Localis -Journal of Local Self-Government. 2025. Vol. 23, № S5. P. 2609–2614. <https://doi.org/10.52152/801623>

13. Zuhriyah N. F. Digital Ethics and Media Literacy: Assessing the Role of Education in Preventing Social Polarization in the Post-Truth Era // Injuriy: Journal of Interdisciplinary Studies. 2025. Vol. 4, № 2. P. 96–101. <https://doi.org/10.58631/injuriy.v4i2.1419>

14. Agus A. A. [et al.]. From awareness to action: rethinking high school civic education for the digital generation in Indonesia // Cogent Education. 2025. Vol. 12, № 1. P. 2534156. <https://doi.org/10.1080/2331186X.2025.2534156>

15. Guzenko A. Yu., Zav'yalova A. N. Zashchita lichnosti ot negativnogo informacionno-psihologicheskogo vozdeystviya kak napravlenie obespecheniya informacionnoj bezopasnosti // Voenno-pravovye i gumanitarnye nauki Sibiri. 2025. № 2 (24). S. 102–111.

16. Gordon N. Democracy and Colonialism // Theory and Event. 2010. Vol. 13, № 2. <https://doi.org/10.1353/tae.0.0138>

17. Heggart K. [et al.]. The Australian Curriculum gambit: playing knowledge games with education policy // Curriculum Perspectives. 2024. Vol. 44, № 2. P. 181–191. <https://doi.org/10.1007/s41297-023-00222-x>

18. Levine P. We are the ones we have been waiting for: The promise of civic renewal in America. New York, USA : Oxford University Press, 2013. 239 p.

19. Westheimer J., Kahne J. What kind of citizen? The politics of educating for democracy // American Educational Research Journal. 2004. Vol. 41, № 2, P. 237–269. <https://doi.org/10.3102/00028312041002237>

20. Kuznecov V. V. Metodologicheskie orientiry grazhdanskogo obrazovaniya v otechestvennoj pedagogike konca XX – nachala XXI veka // Cennosti i smysly. 2021. № 4 (74). S. 146–156. <https://doi.org/10.24412/2071-6427-2021-4-146-156>

21. Nigmatullina T. A. Grazhdanskoe obrazovanie v Rossii: sostoyanie, problemy, perspektivy // Etnodialogi. 2023. № 1 (70). S. 55–67. <https://doi.org/10.37492/ETNO.2023.70.1.003>

22. Gabidullin I. F. Grazhdanskoe obshchestvo i orientiry grazhdanstvennosti v obrazovanii // Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'. 2022. № 6. S. 59–67.

23. Fakhretdinova A. P. Citizenship education and citizenship competence formation: development trends in international and Russian educational practice // Perspectives of Science and Education. 2022. Vol. 56, № 2. P. 62–76. <https://doi.org/10.32744/pse.2022.2.4>

24. Madzhuga A. G., Gadaborsheva Z. I. Formirovanie obshcherossiyskoj grazhdanskoj identichnosti obuchayushchihsya kak prioritet sovremennogo obrazovaniya // Obrazovanie: tradicii i innovacii. 2025. № 2 (49). S. 8–14.

25. Kalanchina I. N. Formirovanie nacional'no-grazhdanskoj identichnosti v obrazovanii: sovremennyy podhod // *Filosofskie, sociologicheskie i psihologo-pedagogicheskie problemy sovremennogo obrazovaniya*. 2024. № 6. S. 27–30. <https://doi.org/10.37386/2687-0576-2024-6-27-30>
26. Totorkulova K. A. Soderzhanie grazhdanskogo vospitaniya v sovremennoj sisteme obrazovaniya // *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya*. 2023. № 79–4. S. 238–241.
27. Dzhegutanova N. I. Sovremennye strategii obrazovaniya v kontekste poiska modeli vospitaniya grazhdanskoj identichnosti obuchayushchihsya // *Kant*. 2025. № 3 (56). S. 315–320. <https://doi.org/10.24923/2222-243X.2025-56.48>
28. Dianov S. A., Dianova Yu. V. Sovershenstvovanie sistemy pravovogo prosveshcheniya i grazhdanskogo vospitaniya obuchayushchihsya v obrazovatel'nyh organizatsiyah vysshego obrazovaniya // *Pedagogika i prosveshchenie*. 2023. № 1. P. 30–40. <https://doi.org/10.7256/2454-0676.2023.1.39912>
29. Belaya S. A. Obuchenie sluzheniem v tradicionnom obrazovanii: perspektivy v razvitii grazhdanskoj otvetstvennosti // *Gumanitarnaya paradigma* : [setevoe izdanie]. 2025. № 2 (33). S. 65–72. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_82415715_20650918.pdf.
30. Bignova M. R., Putina O. V. Grazhdanskaya identichnost' v obrazovanii: grani problemy // *Biznes i obshchestvo* : [elektronnoe izdanie]. 2023. № 4 (40). S. 92. URL: http://business-society.ru/2023/4-40-2/94_bignova.pdf.
31. Semernik S. Z., Kapalygina I. I., Lapa O. V. Obrazovanie kak faktor razvitiya grazhdanskogo samosoznaniya lichnosti // *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya*. 2025. № 87–3. S. 248–251.
32. Yurchenko M. A., Bober A. E., Ustimenko Ya. I. Validatsiya tekhnologii formirovaniya navykov individual'noj informacionnoj bezopasnosti studentov vuza // *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*. 2025. T. 30, № 1. S. 148–166. <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2025-30-1-148-166>
33. Yurchenko M. A., Bober A. E., Ustimenko Ya. I. Kachestvennyy analiz transformacij nacional'noj identichnosti obuchayushchihsya // *Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik*. 2025. № 4 (145). S. 52–63. <https://doi.org/10.20323/1813-145X-2025-4-145-52>
34. Yurchenko M. A. Didactising the Other via story-telling when teaching humanities and social sciences / *Inoyazychnoe obrazovanie v sovremennyh realiyah: problemy i vektory razvitiya* : materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, g. Kazan', 7–8 noyabrya 2024 g. / pod obshch. red. E. Yu. Abdullazyanova. Kazan' : Kazanskij gosudarstvennyy energeticheskij universitet, 2025. P. 603–606.
35. Yurchenko M. A. Izmerenie grazhdanstvennosti v proektnom obuchenii // *Mir psihologii*. 2025. № 2 (121). S. 265–283. https://doi.org/10.51944/20738528_2025_2_265

МЕТОДОЛОГИЯ И ТЕХНОЛОГИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

METHODOLOGY AND TECHNOLOGY OF PROFESSIONAL EDUCATION

Научная статья
УДК 37.022

Место и роль духовно-нравственного воспитания в политико-воспитательной работе

Марина Римантасовна Илакавичус, доктор педагогических наук

Санкт-Петербургский университет МВД России
Санкт-Петербург (198206, ул. Летчика Пилутова, д. 1), Российская Федерация
marinaorlova_99@inbox.ru
<https://orcid.org/0000-0003-4706-2877>

Аннотация:

Введение. В условиях общественного заказа на возвращение воспитательного аспекта в деятельность по педагогическому проектированию непрерывного образования взрослых, на глубокое освоение сотрудниками органов внутренних дел традиционных ценностей актуализируется исследовательское направление духовно-нравственной тематики. Включение духовно-нравственного воспитания (далее – ДНВ) в политико-воспитательную работу (далее – ПВР) в органах внутренних дел требует переосмысления самой ПВР, места и роли в ней ДНВ. Эти результаты станут основанием для моделирования ПВР, сообразного современному представлению о непрерывном профессиональном образовании. **Методы исследования.** На основании анализа и обобщения результатов педагогических исследований области теории и проектирования духовно-нравственного воспитания в общей педагогике и педагогике высшей школы при использовании системного и гуманитарно-антропологического подходов, философии культуры и традиции осуществлены понятийная работа и педагогическое моделирование. **Результаты.** Выявлены результаты гуманитарных исследований в области духовно-нравственного воспитания, полученные в период с 1990-х гг. по настоящее время, которые легли в основу описания механизма взаимосвязи духовно-нравственной культуры народа и духовно-нравственной культуры личности профессионала, авторского определения ПВР, обоснования духовно-нравственного воспитания как системообразующего направления системы ПВР. **Заключение.** На основании анализа и синтеза теоретико-педагогических представлений ПВР и ДНВ определены как инструменты поддержки самовоспитания и самообразования полицейского, ориентированной на принцип непрерывного образования. Определено перспективное направление исследований – системный анализ на

Ключевые слова:

духовно-нравственное воспитание, политико-воспитательная работа в органах внутренних дел, образование взрослых, непрерывное образование, гуманитарно-антропологический подход

Для цитирования:

Илакавичус М. Р. Место и роль духовно-нравственного воспитания в политико-воспитательной работе // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2026. № 2 (110). С. 210–218.

внешнем контуре ПВР как подсистемы морально-психологического обеспечения деятельности органов внутренних дел. Данный шаг позволит оптимизировать практику.

Статья поступила в редакцию 19.01.2026;
одобрена после рецензирования 21.04.2026;
принята к публикации 25.06.2026.

Original article

The place and role of spiritual and moral education in political and educational work

Marina R. Ilakavichus, Doc. Sci. (Ped.)

Saint Petersburg University of the MIA of Russia
1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation
marinaorlova_99@inbox.ru
<https://orcid.org/0000-0003-4706-2877>

Abstract:

Introduction. There is a growing call, both from society and the state, to reintegrate the educative (upbringing) function into the pedagogical design of continuing adult education and to ensure the profound internalisation of traditional values by personnel of law enforcement agencies. Consequently, research into spiritual and moral education has gained considerable relevance and urgency. Integrating spiritual and moral education (hereinafter SME) into the political and educational work (hereinafter PEW) of law enforcement agencies necessitates a reconceptualisation of PEW and of the place and role of SME within it. These findings will provide a basis for modeling PEW in line with the current understanding of continuing professional education. **Methods.** This study drew on an analysis and generalisation of pedagogical research findings in the field of the theory and design of spiritual and moral education within general pedagogy and higher education pedagogy. Employing systemic and humanitarian-anthropological approaches alongside the philosophy of culture and tradition, we conducted conceptual work and pedagogical modeling. **Results.** This study systematised humanitarian research findings in spiritual and moral education from the 1990s to the present. These findings formed the basis for: (a) a description of the mechanism linking the spiritual and moral culture of the people to the spiritual and moral culture of the professional's personality; (b) the author's definition of PEW; and (c) a substantiation of SME as a system-forming basis within the PEW system. **Conclusion.** Based on an analysis and synthesis of theoretical and pedagogical concepts, PEW and SME are defined as tools that support the self-education and self-cultivation of police officers within a system grounded in the principle of continuing education. The study identifies a promising research direction, namely, a systemic analysis of the external environment of PEW, viewed as a subsystem of moral and psychological support for the activities of law enforcement agencies. This step will facilitate the optimisation of practical work.

Keywords:

spiritual and moral education, political and educational work in law enforcement agencies, adult education, continuing education, humanitarian-anthropological approach

For citation:

Ilakavichus M. R. The place and role of spiritual and moral education in political and educational work // Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia. 2026. № 2 (110). P. 210–218.

The article was submitted January 19, 2026;
approved after reviewing April 21, 2026;
accepted for publication June 25, 2026.

Введение

Базовой традицией отечественного образования взрослых является педагогическая поддержка ориентации человека на ценности российской культуры в течение всей его жизни. Смысложизненные вопросы и ответы на них определяют наполненность, общую значимость бытия каждого из нас. Социальным институтом, оказывающим такую поддержку, помимо прочих традиционно является профессиональное сообщество. Его значимость возрастает в сообществах профессий служения, к которым относится и полиция. Сегодня, когда «против нашей страны развязана настоящая информационная война, особая роль отводится морально-психологической работе с личным составом. Она должна быть нацелена на сплочение коллективов, укрепление дисциплины и строиться на принципах, которые остаются неизменными во все времена – верность долгу и Присяге» [1, с. 212]. Зоной повышенного внимания к качеству морально-психологической работы являются подразделения, находящиеся в новых субъектах Российской Федерации. Специалисты указывают на риски недостаточной сформированности российской идентичности и культурно-исторической памяти прежде всего у молодых представителей населения [2]; наличие у части граждан «гибридной и украинской идентичностей, <...>

недостаточное развитие политических и экономических институтов, а также институтов гражданского общества» [3, с. 22]; незавершенность формирования российской государственности и освоения традиционных ценностей «новыми» россиянами [4, с. 22]. Современное видение организации данного процесса определяются ведомственным приказом от 2024 года¹ (далее – приказ № 500). В нем политико-воспитательная работа определена как вид морально-психологического обеспечения (далее – МПО) деятельности органов внутренних дел (далее – ОВД), сформированы ее цель, ресурсы, методы, средства и формы.

ПВР в силовых ведомствах имеет свою историю и традиции, описанные и обоснованные в многочисленных трудах, среди которых отметим работы А. В. Барабанщикова, В. Я. Кикотя, В. А. Кудина, Н. И. Мусиной, Т. Г. Мухиной, В. И. Хальзова, Д. Д. Ярковой, и др. На протяжении столетия менялись политический строй, идеологическая база, наименования министерств, структура направлений этой работы, однако неизменным оставалось внимание к ценностным ориентациям личности сотрудника при выполнении служебных задач [5]. Эта традиция продолжена в приказе № 500, в котором направлениями ПВР, помимо патриотического, профессионального, правового и этического, указано и духовно-нравственное. Данный факт обусловлен, на наш взгляд, во-первых, актуализацией всей полноты воспитательного дискурса в социально-политической сфере страны, о чем свидетельствует корпус тематических нормативных актов последнего пятилетия; во-вторых, постоянным ростом научной базы в сфере проектирования духовно-нравственного воспитания для всех видов непрерывного образования.

Возвращение к воспитательной тематике в российском обществе конца 1990-х – начала 2000-х гг. было поддержано представителями всех традиционных религий. Стал активно обогащаться дискурс об образовательной области ДНК – духовно-нравственной культуры как системообразующем элементе содержания образования. Понимание приоритетной роли воспитания в профессиональном образовании традиционно для научного сообщества силовых ведомств. Отметим значимые для воспитательной проблематики научные результаты таких его представителей, как Л. Т. Бородавко, Н. Ф. Гейжан, И. А. Жуков, А. Т. Иваницкий, А. А. Кочин, В. Н. Новиков, В. С. Олейников и др. Исследовательские вопросы конкретно в области духовно-нравственного воспитания в силовых структурах разрешались в социально-философском контексте (Ю. Н. Акимов, И. В. Манерко, А. А. Штоппель и др.), в области педагогики высшей школы (З. В. Васильева, Н. А. Игошев, В. А. Сидорчук, Н. И. Татаркина и др.). Разрабатывались понятия «духовно-нравственная культура», «духовно-нравственные ценности», «духовно-нравственное развитие».

Обращение руководства МВД России к духовно-нравственной проблематике в настоящее время объясняется противоречиями между:

- объективной потребностью общества в сотруднике ОВД, руководствующемся в жизни в целом и при решении служебных задач в частности помимо законности традиционными для отечественной культуры ценностями и кадрово-управленческими дефицитами в данном направлении;

- принципами научности, системности, гуманизации политико-воспитательной работы и тенденцией формализма в практике ее проектирования и реализации, нередким отсутствием у ответственных лиц понимания сущностного отличия воспитания и обучения, гуманитарно-антропологических основ духовно-нравственного воспитания, соответствующего субъектно-педагогического опыта;

- общественным и государственным заказом образовательным организациям высшего образования системы МВД России на профессиональную подготовку к такой поддержке сотрудников подразделений по работе с личным составом и недостаточной разработанностью методологии проектирования результативного образовательного процесса.

Одним из первых шагов по разрешению обозначенных противоречий в педагогическом проектировании является определение места и роли духовно-нравственного направления в политико-воспитательной работе.

Методы

На основании методологии системного (Л. фон Берталанфи, П. Анохин, И. Блауберг, В. Садовский, Э. Юдин, А. Уемов) и гуманитарно-антропологического (В. И. Слободчиков, Е. И. Исаев, М. В. Захарченко, М. Р. Илакавичус и др.) подходов, опоры на философию культуры и традиции

¹ Об утверждении Положения о порядке организации морально-психологического обеспечения деятельности органов внутренних дел Российской Федерации : приказ МВД России от 27 августа 2024 г. № 500 (зарег. в Минюсте России 20.09.2024, № 79534) // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru) : [сайт]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202409200024> (дата обращения: 12.01.2026).

(Г.-Г. Гадамер, М. В. Захарченко, М. С. Каган, Ю. М. Лотман, Е. Шацкий) были применены анализ и обобщение результатов педагогических исследований области теории и проектирования духовно-нравственного воспитания в общей педагогике и педагогике высшей школы, понятийный анализ, моделирование, что позволило выявить место и роль духовно-нравственного направления в ПВР как вида морально-психологического обеспечения деятельности ОВД.

Результаты и обсуждение

Поступательное движение научной мысли возможно при опоре на достигнутые ранее результаты. Это положение обладает крайне высокой степенью актуальности в воспитательной области педагогики, глубина и специфика которой до сих пор остаются не понятыми многими, обращающимися к ней сегодня в силу «моды», злободневности. Нельзя не согласиться с П. В. Степановым, который констатирует нарастание тенденции включения в этот дискурс дилетантов, движимых желанием быстро, алгоритмично и незатратно отвечать на высокий запрос общества и государства на развитие воспитательной практики [6]. В условиях цивилизационного противостояния нам действительно остро необходимо обратиться, наконец, к задаче развития воспитательного пространства страны, но не в пропагандистской модальности «борьбы за или против», а в глубоко педагогической модальности антропологически и исторически сообразной долгосрочной стратегии организации условий для реализации изначально данной человеку свободы, осуществляемой во взаимодействии с другими в лоне культурной традиции через обусловленные ею нравственные, волевые, познавательные выборы [7]. Очень кратко опишем теоретический базис, оформившийся в последнее двадцатилетие в отечественной науке.

Основываясь на анализе работ Г. Д. Никандрова, М. В. Захарченко, Ф. Н. Козырева, И. А. Колесниковой, В. И. Слободчикова, Г. Шестуна, Т. В. Скларовой, М. С. Яницкого, О. Л. Янушквичене и др., к консенсусным итогам научно-педагогических дискуссий о судьбах отечественной педагогической культуры конца 1990-х – 2000-х гг. отнесем:

- акцентирование в воспитании проблемы ценностного самоопределения, условиями для которого является осмысление идеалов и ценностей культуры в диалоге и ситуации выбора – в событийном сообществе [8];

- разведение феноменов «духовно-нравственное воспитание» и «религиозное образование» [9];

- переосмысление понятия «нравственное воспитание» на основе культурологического и цивилизационного подходов путем дополнения компонентой «духовное» [10];

- обоснование принадлежности традиционных российских ценностей к духовно-нравственной культуре (далее – ДНК) России, на основании принципа фрактала признание результатом духовно-нравственного воспитания ДНК личности: осмысление духовной компоненты, определяющей смысл жизни человека, ядром духовно-нравственной культуры личности [8];

- признание принципиальной незавершенности духовно-нравственного воспитания, неразрывного единства воспитания и самовоспитания (воспитание есть создание условий для самовоспитания), что определяет основание выбора средств и форм [11];

- введение в педагогический тезаурус понятия «ценностно-смысловая сфера личности», позволяющего описать взаимодействие внутреннего мира человека и аксиосферы культуры [11];

- признание содержанием духовно-нравственного воспитания многосоставного опыта: содержательного, смыслопорождающего диалога, переживания высокодуховных состояний, понимание самоценности духовного мира другого; его средством – узнавание норм и традиций российской культуры, соотнесение своего опыта с опытом персонифицированных идеалов отечественной культуры [12];

- в условиях «расчеловечивания человека», нарастания глобальных угроз смещение воспитательного вектора с цели «мораль» на цель «нравственность», что определяет необходимость проектирования особых условий для наращивания человеческого качества – антропопрактик²;

- выявление зависимости профессиональной культуры от развитости духовно-нравственной культуры личности [13];

- обоснование и формирование категориального поля данной области посредством прежде всего таких элементов, как цивилизационная традиция, традиционные ценности отечественной культуры, событийное сообщество, субъективная реальность, ценностно-смысловая сфера личности, самоопределение, свобода выбора, диалог, антропопрактика.

² Слободчиков В. И., Исаев Е. И. Основы психологической антропологии. Психология развития человека: развитие субъективной реальности в онтогенезе : учебное пособие. Москва : Издательство Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, 2013. 395 с. ; Хрестоматия по общей педагогике : в 2 ч. / сост. А. Н. Сендер, С. Н. Северин. Брест : Брестский государственный университет им. А. С. Пушкина, 2010. Ч. 1. С. 151–167.

В области воспитания сотрудников ОВД для определения позиции автора статьи приоритетно значимы результаты исследований А. Т. Иваницкого и Л. Т. Бородавко (сфера профессионального образования), а также А. В. Толкачева, (воспитание сотрудников ОВД в процессе выполнения ими профессиональных обязанностей):

- признание важнейшим результатом профессионального образования готовности к непрерывному духовному и профессиональному росту, обоснование значимости создания организационно-педагогических условий для развития опыта самовоспитания, основанного на рефлексии своих действий и их последствий, актуализации потенциала профессионального сообщества, трансляции идеалов исполнения профессионального долга³;

- требование постоянной сверки практики с достижениями современной гуманитаристики; выделение такой педагогической задачи, как создание условий для наращивания личного опыта в профессии, интерпретация этого опыта как субъективной формы отражения истории практического освоения профессии⁴;

- обоснования значимыми для жизнедеятельности взрослого в целом и профессионала в частности таких субъектных качеств, как целеустремленность, автономность (относительная независимость от внешних обстоятельств), инициативность, креативность, самостоятельность и ответственность за последствия принятых решений, формирование индивидуального стиля деятельности для преодоления нормативно задаваемых способов решения служебных задач⁵.

Для определения современных позиций представителей научного сообщества системы образования силовых структур о сущности духовно-нравственного воспитания, его проектировании и реализации обратимся к результатам исследований Ю. Н. Акимова, З. В. Васильевой, Н. Ф. Гейжан, Н. А. Игошева, И. В. Манерко, А. А. Рожкова, В. А. Сидорчук, Н. И. Татаркиной, А. А. Штоппеля и др. и отметим следующие аспекты:

- констатация либо несформированности ценностных ориентаций (прежде всего обучающихся в образовательных организациях высшего образования), размытости их структуры, либо отсутствие в них культуросообразности⁶; определение системы духовно-нравственных качеств личности профессий служения⁷;

- обоснование междисциплинарности как базового условия формирования духовно-нравственной культуры в учебно-служебном процессе⁸;

- признание духовно-нравственного направления воспитания инструментом реализации и гуманитаризации ведомственного образования, поскольку оно требует отказа от приоритетности знаниевого подхода, перехода на интерактивные методы в учебно-служебной деятельности, повышения педагогической культуры руководящего и преподавательского состава образовательных организаций⁹;

- обоснование актуальности духовно-нравственного воспитания для выполнения служебных обязанностей сотрудниками ОВД вследствие признания его базой для их взаимодействия с гражданами¹⁰.

Принимая во внимание изложенное выше, обратимся к предмету статьи. Сегодня термин «политико-воспитательная работа в ОВД» должен осмысливаться не только с учетом политических и социокультурных реалий, но и на основании современных представлений об образовании взрослых. Рассмотрим его в двух ракурсах, логика описания которых позволит получить эффект

³ См.: Бородавко Л. Т. Профессиональное воспитание сотрудников правоохранительных органов в вузах МВД России : дис. ... д-ра пед. наук. Санкт-Петербург, 2005. 300 с.

⁴ См.: Толкачев А. В. Теория и практика воспитания сотрудников органов внутренних дел: дис. ... д-ра пед. наук. Москва, 2002. 230 с.

⁵ См.: Иваницкий А. Т. Организационно-педагогическая система профессионального развития и саморазвития курсантов (слушателей) вузов МВД России : дис. ... д-ра пед. наук. Санкт-Петербург, 2000. 354 с.

⁶ См.: Татаркина Н. И. Формирование духовно-нравственной культуры личности курсантов вузов МВД России : дис. ... д-ра пед. наук. Елец, 2006. 547 с.; Штоппель А. А. Духовно-нравственные ценности профессиональной деятельности офицера внутренних войск МВД России в современных условиях : дис. ... канд. филос. наук. Москва, 2017. 178 с.

⁷ См.: Манерко И. В. Духовно-нравственные качества личности военнослужащих современной Российской армии : дис. ... канд. филос. наук. Москва, 2011. 179 с.

⁸ См.: Васильева З. В. Духовно-нравственного развития курсантов образовательных организаций высшего образования МВД России : дис. ... канд. пед. наук. Челябинск, 2025. 198 с.

⁹ См.: Сидорчук В. А. Духовно-нравственное воспитание курсантов военных институтов на традициях российской армии : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Рязань, 2008, 32 с.; Акимов Ю. Н. Ценностные основания профессиональной деятельности военнослужащих МЧС России : дис. ... канд. филос. наук. Москва, 2005. 176 с.

¹⁰ См.: Игошев Н. А. Духовно-нравственное становление личности курсанта в процессе его воспитания в вузе МВД России : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Нижний Новгород, 2003. 21 с.

остранения¹¹. В первом ракурсе используем лексико-семантическую логику. Политика – «сфера жизнедеятельности общества, связанная с отношениями между социальными группами, по поводу обретения, организации, использования власти и управления социальными процессами»¹². Политический – «обращенный к проблемам политики и деятельности по ее проведению; основанный на интересах политики»¹³. Таким образом, первая часть определения указывает на связь с государственно-правовым контекстом существования общества. Воспитательная составляющая термина фиксирует педагогическую принадлежность к трансляции норм и ценностей. Тогда устанавливается связь традиционных ценностных оснований российского общества и правоохранительной деятельности полиции, в которой реализуется правоохранительная функция власти. «В педагогическом тезаурусе имеется термин „воспитательная работа“. Она связана с целевым выполнением воспитательных функций, это деятельность, направленная на организацию воспитания. <...> Слово „работа“ подчеркивает прикладной аспект воспитательной деятельности, профессиональный оттенок деятельности и позиций»¹⁴. При определении понятия «политико-воспитательная работа» следует иметь в виду и андрагогический аспект, и аспект жизненной константы современного человека – непрерывности образования, которые нацеливают на создание условий для активации у сотрудников полиции мотивации самобразования (знаниевый компонент) и самовоспитания (компонент отношения, определяющий умения). В теоретико-педагогическом контексте это управление развитием образовательного пространства в том смысле, который обоснован в работах Л. Н. Новиковой и представителей ее научной школы: освоенная субъектом в событийной логике социокультурная среда. Данный ракурс дает возможность рассматривать способы, средства и формы осуществления данного вида МПО.

Во втором ракурсе термин «политико-воспитательная работа» может быть интерпретирован в логике спирали развития, которая возвращает внимание исследователя к идеологической проблематике. В постперестроечное время само понятие «идеология» попало под добровольный запрет [14, с. 5]. Однако сложно представить и политику, и воспитание в суверенной стране вне связи с ней [15]. В структуре человеческого знания идеология есть продукт духовного производства, «основной целью которой является теоретическое обоснование, формулирование, защита и распространение определенной системы ценностей, а тем самым и борьба с противостоящими ей враждебными системами»¹⁵. Для всех граждан страны, особенно сотрудников ОВД, в современных условиях агрессивной информационной войны с применением средств искусственного интеллекта важно иметь ясное понимание текущего политического процесса, осознанной мировоззренческой поддержки государства, понимать «глубинные основания решений: откуда происходят идеологические ориентиры, которые мы, граждане страны, воспринимаем как правильные и справедливые, какие ценности и стратегические цели важны для государства при принятии решений» [16, с. 17]. Как было сказано выше, данное направление политико-воспитательных усилий особенно важно при осуществлении МПО на новых территориях. Описанный ракурс позволяет определить квинтэссенцию содержания ПВР.

Системность есть основание морально-психологического обеспечения деятельности ОВД в целом и политико-воспитательной работы в частности. ПВР, являясь частью системы более высшего порядка (МПО), составлена из элементов – патриотического, профессионального, правового, духовно-нравственного, этического направлений. Все они совокупно призваны реализовать цель, указанную в приказе № 500: «формирование личности сотрудника как гражданина, патриота и профессионала, закрепление в его сознании соответствующих знаний, ценностных ориентиров, взглядов, убеждений, установок и чувств»¹⁶.

Для определения места и роли духовно-нравственного направления в ПВР обратимся к сущности духовно-нравственного воспитания как неразрывного единства двух элементов – духовности и нравственности. Согласно выбранной методологии, триада структуры бытия

¹¹ В литературоведении остранение (от «странный») – прием, позволяющий автору описать привычное, обыденное явление как будто впервые увиденным, что активизирует рефлексию читателя. Термин введен В. Шкловским в работе «Искусство как прием» (Шкловский В. Б. Искусство как прием // Из истории советской эстетической мысли : 1917–1932 : Сборник материалов. Москва : Искусство, 1980. С. 334–342).

¹² Мустафин А. А. Политология: словарь современных терминов и выражений. Ангарск : Издательство Ангарской государственной технической академии, 2012. С. 95.

¹³ Политический // Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка / общ. ред. С. А. Кузнецова. Санкт-Петербург : НОРИНТ, 2000. С. 902.

¹⁴ Воспитательная деятельность педагога : [учебное пособие] / под общ. ред. В. А. Сластенина, И. А. Колесниковой. Москва : ИЦ «Академия», 2008. С. 34.

¹⁵ Каган М. С. Философия культуры : [учебное пособие]. Санкт-Петербург : Петрополис, 1996. С. 163.

¹⁶ URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202409200024> (дата обращения: 12.01.2026).

выглядит так: «общество – человек – культура» и по образному выражению М. С. Кагана является уникальной нишей в бескрайнем просторе природы. Существование конкретной историко-культурной общности базируется на сформированной предками аксиосфере, ядром которой являются смысложизненные ценности (так называемые «вечные ценности» – ответы на вечные вопросы человеческого бытия). В педагогическом аспекте указанные ценности являются, говоря словами С. И. Гессена, сущностно «неисчерпаемыми задачами», «проблемами без разрешения», целями-заданиями – «задачами высшего порядка, неисчерпаемыми по самому существу своему и открывающими для стремящегося к ним человечества путь бесконечного развития <...>. Они указывают нам на некий бесконечный путь, по которому можно подвигаться вперед в бесконечном прогрессе, но пройти который до конца никому не дано»¹⁷. Данные ценности опредмечены в культуре: индивидуальная историко-культурная традиция формирует свою ДНК – духовно-нравственную культуру народа. В ней помимо идеалов и ценностей (высокий уровень абстракции) хранятся эталоны их реализации в социальном взаимодействии, запечатленные в искусстве, предании: это истории жизни лучших представителей общности (жизнь как череда судьбоносных выборов). В ней же хранится «собственный неповторимый способ поддержки духовно-нравственного становления человека на протяжении жизни» [17, с. 54], оформленный в воспитательных практиках. Распредмечивание (трансляция) описанного богатства происходит в социальном действии – в воспитании, посредством которого создаются специальные условия для смыслопорождающего диалога, взаимодействия представителей разных поколений. Благодаря мотивирующему потенциалу указанных ценностей (недаром специалисты метафорически называют их «горячими»), народ продолжает существование в веках в череде поколений: каждое последующее поколение делает на их основе жизненные выборы.

В реализации принципа фрактала ДНК народа при эффективном функционировании институтов воспитания напрямую обуславливает формирование ДНК личности своего субъекта в каждом представителе нового поколения; ДНК народа – матрица содержания воспитания/самовоспитания. В воспитании устанавливается связь конкретной личности и аксиосферы общности – вертикаль духовного становления личности, вертикаль ее устремленности к целям-задачам, путь к которым определен длиною в жизнь. На основе признания возможности воздействия на свою природу (самовоспитания) онтологически укорененным качеством человеческого способа «быть» выявляется нравственная горизонталь двухчастной структуры духовно-нравственного воспитания. Это деятельное воспроизведение ценностно обусловленных стратегий жизнестроительства и установления социальных отношений. ДНК личности – «культура реализации высших даров человека: свободы, творчества, нравственного действия, познания и самопознания, выражения мирозерцания в слове. Свобода эта реализуется во взаимодействии с другими в лоне культурной традиции через последовательные выборы – познавательные, волевые, нравственные» [8, с. 42]. Именно ДНК личности, которую составляют умения различать Добро и Зло, волевым усилием следовать Добру и уклоняться от Зла, напрямую обуславливает ее самоопределение в дихотомиях патриотизм – космополитизм/сетевая эмиграция, профессионализм – пожизненное дилетанство в постоянно сменяемых сферах труда, правопослушность – правовой нигилизм, гедонизм – признание и соблюдение универсального нравственного закона.

На данном основании духовно-нравственное направление в структуре ПВР имеет основания быть признанным в качестве элемента, обуславливающего все остальные составляющие ее структуры (патриотическое, профессиональное, правовое, этическое). В составе системы ПВР взаимосвязь указанных направлений с духовно-нравственным реализует важнейший потенциал системы – эмерджентность. Идеальные представления о патриотизме как родовом качестве человека, соединяющем его с исторической судьбой народа, о себе как части социального государства – носителя цивилизационной константы справедливости, о выбранной профессии как месте личного государственного служения, аккумулируемые в ДНК, продуцируют социальное действие сотрудника полиции как субъекта историко-культурной традиции по патриотическому, профессиональному, правовому, этическому направлениям в ориентации на идеалы культуры и в опоре на сохраненные в ней эталоны жизненно важных выборов. Отметим, что человек – существо цельное, указанное разделение его социального действия по направлениям в антропологическом и педагогическом контекстах крайне условно, оно необходимо лишь для исследования реальности и проектирования практики. Наполненные личностным смыслом социальные действия разной направленности (при указанной условности логики разъятия деятельности взрослого человека как целого на части) обогащают его ДНК.

¹⁷ Гессен С. И. Основы педагогики. Введение в прикладную философию : учебное пособие. Москва : Школа-Пресс, 1995. С. 33.

3 заключение

Проведенный на основании системного и гуманитарно-антропологического подходов, положений теории культуры и традиции анализ научных источников в области духовно-нравственного воспитания, явления ПВР как системы (в ее внутреннем контуре), а также понятийная работа позволили определить духовно-нравственное направление как системообразующий элемент ПВР. Взаимосвязь духовно-нравственного воспитания и других ее составляющих в реализации эмерджентности определяет источники и направления непрерывного личностно-профессионального развития сотрудников ОВД, ориентированного ценностями отечественной культуры и проявляющегося в последовательных выборах, общезначимые результаты которых служат укреплению ценностной базы личности. Таким образом, духовно-нравственное воспитание в частности и ПВР в целом рассматриваются как инструмент поддержки самовоспитания и самообразования и реализуют принцип непрерывности образования.

Перспективой дальнейших исследований видится анализ ПВР на внешнем контуре как подсистемы МПО. Решение этой задачи позволит продолжить создание научно обоснованной базы для проектирования оптимальной практики в условиях дефицита ресурсов.

Список источников

1. Кофтина Ю. Н. Профессиональная мотивация сотрудников органов внутренних дел как условие эффективного обеспечения кадровой политики МВД России: вопросы правового регулирования // Право и государство: теория и практика. 2023. № 8 (224). С. 210–213. https://doi.org/10.47643/1815-1337_2023_8_210
2. Исследование гражданской идентичности и культурно-исторической памяти молодежи Донецкой и Луганской народных республик / Николина В. В., Лощилова А. А., Фролова С. В. [и др.] // Перспективы науки и образования. 2023. № 6 (66). С. 10–31. <https://doi.org/10.32744/pse.2023.6.1>
3. Самаркина И. В., Сазантович А. Б. Интеграция новых субъектов в политическое и социокультурное пространство Российской Федерации: риски и стратегии их преодоления // Социально-политические исследования. 2025. № 2 (27). С. 21–42. <https://doi.org/10.20323/2658-428X-2025-2-27-21>
4. Лустенко А. Ю., Проскурина Е. А., Сундуков Д. Д. Механизмы формирования патриотизма в Луганской Народной Республике // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2023. № 3. С. 57–65. <https://doi.org/10.24412/2071-6141-2023-3-57-65>
5. Мусина Н. И., Мухина Т. Г., Яркова Д. Д. Историко-педагогический анализ развития системы профессиональной подготовки сотрудников российской полиции (милиции): XVIII–XXI вв. // Вестник Мининского университета: [электронное издание]. 2021. Т. 9, № 3 (36). С. 2. URL: <https://www.minin-vestnik.ru/jour/article/viewFile/1250/840> (дата обращения: 12.01.2026). <https://doi.org/10.26795/2307-1281-2021-9-3-2>
6. Степанов П. В. Научная школа академика Л. И. Новиковой: современные исследования и разработки в области воспитания // Отечественная и зарубежная педагогика. 2024. № 4 (100). С. 185–197. <https://doi.org/10.24412/2224-0772-2024-100-185-197>
7. Воропаев М. В. Отечественное воспитание: симулякры и смерть реальности // Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири. 2012. № 1-1. С. 77–84.
8. Захарченко М. В., игумен Георгий (Шестун), игумен Киприан (Яценко). Методологические основы образовательной области «Духовно-нравственная культура» // Педагогика. 2008. № 9. С. 40–46.
9. Козырев Ф. Н. Религия в современном образовании: основные понятия и типологии // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2013. Т. 14, № 1. С. 222–237.
10. Янушкявичене О. Л. Духовно-нравственное воспитание как педагогическая категория // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия IV: Педагогика. Психология. 2025. Вып. 77. С. 36–44. <https://doi.org/10.15382/sturIV202577.36-44>
11. Яницкий М. С., Серый А. В. Основные методологические подходы к изучению ценностно-смысловой сферы личности // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2012. № 19-1. С. 82–97.
12. Колесникова И. А. Педагогическая реальность в зеркале межапарадигмальной рефлексии. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский государственный университет педагогического мастерства, 1999. 242 с.
13. Слободчиков В. И. Антропологический смысл профессионального образования (экспертное мнение) // Организационная психоллингвистика : [электронное издание]. 2020. № 4 (12). С. 91–98. URL: <https://psycholinguistic.ru/elektronii-naychnii-shynal/rybriki/hronika-obzori/antropologicheskij-smysl-professionalnogo-obrazovaniya-ekspertnoe-mnenie/> (дата обращения: 12.12.2025).
14. Юнацкевич П. И., Чизурев В. А., Ведмечка Л. В. Теоретическое и методическое обеспечение организации нравственного воспитания в процессе профессионального образования : научный доклад. Санкт-Петербург : Институт образования взрослых Петровской академии наук и искусств, 2009. 44 с.
15. Сухоруков В. А. О важности политического воспитания сотрудников правоохранительных органов // Актуальные исследования. 2023. № 25-2 (155). С. 82–84.
16. Рапопорт Б. Я. Политические вызовы России: история и современность // Блокнот гражданского просвещения. 2025. Вып. 14 (ноябрь – декабрь). С. 16–21. URL: <https://gos.znanierussia.ru/> (дата обращения: 14.12.2025).
17. Захарченко М. В. Культура и образование в перспективе традиции. Традиция как предмет теоретического осмысления : монография. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургская академия постдипломного педагогического образования, 2007. 164 с.

References

1. Koftina Yu. N. Professional'naya motivaciya sotrudnikov organov vnutrennih del kak uslovie effektivnogo obespecheniya kadrovoj politiki MVD Rossii: voprosy pravovogo regulirovaniya // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. 2023. № 8 (224). S. 210–213. https://doi.org/10.47643/1815-1337_2023_8_210

2. *Issledovanie grazhdanskoj identichnosti i kul'turno-istoricheskoy pamyati molodezhi Doneckoj i Luganskoj narodnyh respublik* / Nikolina V. V., Loshchilova A. A., Frolova S. V. [i dr.] // *Perspektivy nauki i obrazovaniya*. 2023. № 6 (66). S. 10–31. <https://doi.org/10.32744/pse.2023.6.1>
3. Samarkina I. V., Sazantovich A. B. Integraciya novyh sub"ektov v politicheskoe i sociokul'turnoe prostranstvo Rossijskoj Federacii: riski i strategii ih preodoleniya // *Social'no-politicheskie issledovaniya*. 2025. № 2 (27). S. 21–42. <https://doi.org/10.20323/2658-428H-2025-2-27-21>
4. Lustenko A. Yu., Proskurina E. A., Sundukov D. D. Mekhanizmy formirovaniya patriotizma v Luganskoj Narodnoj Respublike // *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki*. 2023. № 3. S. 57–65. <https://doi.org/10.24412/2071-6141-2023-3-57-65>
5. Musina N. I., Muhina T. G., Yarkova D. D. Istoriko-pedagogicheskij analiz razvitiya sistemy professional'noj podgotovki sotrudnikov rossijskoj policii (milicii) : XVIII–XXI vv. // *Vestnik Mininskogo universiteta : [elektronnoe izdanie]*. 2021. T. 9, № 3 (36). S. 2. URL: <https://www.minin-vestnik.ru/jour/article/viewFile/1250/840> (data obrashcheniya: 12.01.2026). <https://doi.org/10.26795/2307-1281-2021-9-3-2>
6. Stepanov P. V. Nauchnaya shkola akademika L. I. Novikovoj: sovremennye issledovaniya i razrabotki v oblasti vospitaniya // *Otechestvennaya i zarubezhnaya pedagogika*. 2024. № 4 (100). S.185–197. <https://doi.org/10.24412/2224-0772-2024-100-185-197>
7. Voropaev M. V. Otechestvennoe vospitanie: simulyakry i smert' real'nosti // *Vestnik po pedagogike i psihologii Yuzhnoj Sibiri*. 2012. № 1-1. S. 77–84.
8. Zaharchenko M. V., igumen Georgij (Shestun), igumen Kiprian (Yashchenko). Metodologicheski osnovy obrazovatel'noj oblasti «Duhovno-nravstvennaya kul'tura» // *Pedagogika*. 2008. № 9. S. 40–46.
9. Kozyrev F. N. Religiya v sovremenom obrazovanii: osnovnye ponyatiya i tipologii // *Vestnik Russkoj hristianskoj gumanitarnoj akademii*. 2013. T. 14, № 1. S. 222–237.
10. Yanushkyavichene O. L. Duhovno-nravstvennoe vospitanie kak pedagogicheskaya kategoriya // *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tihonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya IV: Pedagogika. Psihologiya*. 2025. Vyp. 77. S. 36–44. <https://doi.org/10.15382/sturIV202577.36-44>
11. Yanickij M. S., Seryj A. V. Osnovnye metodologicheskie podhody k izucheniyu cennostno-smyslovoj sfery lichnosti // *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*. 2012. № 19-1. S.82–97.
12. Kolesnikova I. A. Pedagogicheskaya real'nost' v zerkale mezhpardigmal'noj refleksii. Sankt-Peterburg : Sankt-Peterburgskij gosudarstvennyj universitet pedagogicheskogo masterstva, 1999. 242 s.
13. Slobodchikov V. I. Antropologicheskij smysl professional'nogo obrazovaniya (ekspertnoe mnenie) // *Organizacionnaya psiholingvistika : [elektronnoe izdanie]*. 2020. № 4 (12). S. 91–98. URL: <https://psycholinguistic.ru/elektronii-naychnii-shynal/rybriki/hronika-obzori/antropologicheskij-smysl-professionalnogo-obrazovaniya-ekspertnoe-mnenie/> (data obrashcheniya: 12.12.2025).
14. Yunackevich P. I., Chigirev V. A., Vedmeckaya L. V. Teoreticheskoe i metodicheskoe obespechenie organizacii npravstvennogo vospitaniya v processe professional'nogo obrazovaniya : nauchnyj doklad. Sankt-Peterburg : Institut obrazovaniya vzroslyh Petrovskoj akademii nauk i iskusstv, 2009. 44 s.
15. Suhorukov V. A. O vazhnosti politicheskogo vospitaniya sotrudnikov pravoohranitel'nyh organov // *Aktual'nye issledovaniya*. 2023. № 25-2 (155). S. 82–84.
16. Rapoport B. Ya. Politicheskie vyzovy Rossii: istoriya i sovremennost' // *Bloknot grazhdanskogo prosveshcheniya*. 2025. Vyp. 14 (noyabr' – dekabr'). S. 16–21. URL: <https://gos.znanierussia.ru/> (data obrashcheniya: 14.12.2025).
17. Zaharchenko M. V. Kul'tura i obrazovanie v perspektive tradicii. Tradiciya kak predmet teoreticheskogo osmysleniya : monografiya. Sankt-Peterburg : Sankt-Peterburgskaya akademiya postdiplomnogo pedagogicheskogo obrazovaniya, 2007. 164 s.

Научная статья
УДК 343.242

Опыт воспитательной работы с осужденными исламистами в уголовно-исполнительной системе Федеративной Республики Германии

Татьяна Васильевна Кириллова¹, доктор педагогических наук, профессор
Ирина Вячеславовна Васильева², кандидат педагогических наук

¹ Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний
Москва (125130, ул. Нарвская, д. 15 а, стр. 1), Российская Федерация

² Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний
Рязань (390000, ул. Сенная, д. 1), Российская Федерация

¹ tatiana-kirillova@rambler.ru, ² irina-vas2009@yandex.ru

¹ <https://orcid.org/0000-0001-8394-897X>, ² <https://orcid.org/0000-0002-5709-7718>

Аннотация:

Введение. Международный характер радикализма, экстремизма и терроризма делает изучение зарубежного опыта борьбы с этими явлениями общественно значимым. В статье рассматриваются проблемы экстремизма и терроризма в международном контексте, проводится анализ немецкого опыта изменения радикальных взглядов и убеждений осужденных в уголовно-исполнительной системе. Актуальность исследования обусловлена ростом числа террористических актов, совершенных политическими и религиозными радикалами, в т. ч. исламистами, а также необходимостью поиска эффективных воспитательных механизмов преодоления радикализации в исправительных учреждениях. В качестве центральной проблемы ставится вопрос о том, как законодательно закрепленные принципы воспитания и ресоциализации реализуются на практике в работе педагогов и социальных педагогов с исламистами в пенитенциарной системе ФРГ. **Методы.** Исследование основано на анализе статистических данных Федеральной службы уголовной полиции, материалов официального портала Федеральной службы по защите конституционного строя, а также нормативно-правовых актов ФРГ (Федеральный закон «Об исполнении наказаний», Закон о судопроизводстве по делам несовершеннолетних и др.). Используются биографический анализ, анализ научной литературы и программ немецких негосударственных организаций (в т. ч. «Denkzeit-Gesellschaft», «Violence Prevention Network», «Exit Germany» и др.). В работу включены примеры конкретных терактов (в частности, атака в Берлине 2016 года), а также методы социально когнитивного и рефлексивного воздействия, применяемые в пенитенциарной педагогике. Проведен анализ конкретных терактов, описание социально когнитивных методов («Denkzeit-Methode»), а также методологический анализ концепций социальной теологии и диалога конфессий в поликультурном обществе. **Результаты.** На основе проведенного анализа установлено, что воспитательная работа с исламистами в уголовно-исполнительной системе (далее – УИС) ФРГ опирается на гуманистические, холистические, индивидуальные и рефлексивные подходы, а также на принципы социальной теологии и межконфессионального диалога. Ключевыми компонентами системы являются анализ биографии заключенного, толкование религиозных текстов, выявление различий между исламом и исламизмом, а также социально-когнитивные тренинги, направленные на развитие эмпатии, терпимости и способности прогнозировать последствия собственного поведения. Системообразующим методом признана рефлексия, стимулирующая переосмысление радикального мировоззрения и формирование общечеловеческих ценностей. Эффективность воспитательной работы оценивается по критериям: отказ от радикальных взглядов, соблюдение дистанции с экстремистской средой, отсутствие рецидивов, а также реинтеграция в семью и трудовую деятельность, что подтверждает значимость взаимодействия пенитенциарной системы, науки и негосударственных организаций в решении задач дерадикализации. В результате исследования воспитательной работы с исламистами в УИС ФРГ установлены функции педагогов и социальных педагогов, систематизирован опыт и выявлены основы этой работы, определены методологические подходы

Ключевые слова:

воспитательная работа, радикализация, дерадикализация, исламизм, исламист, заключенный, исправительные учреждения, уголовно-исполнительная система ФРГ, педагог, социальный педагог, методологические подходы, формы, методы, критерии

Для цитирования:

Кириллова Т. В., Васильева И. В. Опыт воспитательной работы с осужденными исламистами в уголовно-исполнительной системе Федеративной Республики Германии // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2026. № 2 (110). С. 219–228.

к процессу их воспитания, раскрыта сущность теологических подходов, как неотъемлемой основы процесса дерадикализации мерами психолого-педагогической и социально-педагогической поддержки; раскрыты формы, методы и критерии эффективности воспитательной работы с исламистами.

Статья поступила в редакцию 03.03.2026;
одобрена после рецензирования 27.05.2026;
принята к публикации 25.06.2026.

Original article

Experience of educational work with convicted Islamists in the penal system of the Federal Republic of Germany

Tatiana V. Kirillova¹, Doc. Sci. (Ped.), Professor
Irina V. Vasilyeva², Cand. Sci. (Ped.)

¹ Federal State Institution Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia
15a, build. 1, Narvskaya str., Moscow, 125130, Russian Federation

² The Academy of the FPS of Russia
1, Sennaya str., Ryazan, 390000, Russian Federation

¹ tatiana-kirillova@rambler.ru, ² irina-vas2009@yandex.ru

¹ <https://orcid.org/0000-0001-8394-897X>, ² <https://orcid.org/0000-0002-5709-7718>

Abstract:

Introduction. The international nature of radicalism, extremism and terrorism makes the study of foreign experience in combating these phenomena of significant social importance. The article examines the problems of extremism and terrorism in the international context and analyses the German experience of changing the radical views and beliefs of prisoners within the penal system. The relevance of the research stems from the rise in the number of terrorist acts committed by political and religious radicals, including Islamists, as well as the need to identify effective educational mechanisms to counter radicalisation within the correctional institutions. The central issue addressed is how the legally enshrined principles of education and resocialisation are implemented in real practice in the work of educators and social workers with Islamists within the penitentiary system of the Federal Republic of Germany. **Methods.** The study is based on the analysis of statistical data from the Federal Criminal Police Office, materials from the official portal of the Federal Office for the Protection of the Constitutional Order, as well as German legislation (the Federal Act on the Enforcement of Sentences, the Juvenile Court Act, etc.). The study utilises biographical analysis, analysis of the academic literature, and programmes run by German non-governmental organisations (including "Denkzeit-Gesellschaft", "Violence Prevention Network", "Exit Germany" and others). The study includes the examples of specific terrorist attacks (in particular, the 2016 attack in Berlin), as well as methods of socio-cognitive and reflective intervention, applied in penitentiary pedagogy. The analysis of specific terrorist attacks as well as the methodological analysis of the concepts of social theology and interfaith dialogue in a multicultural society are carried out, the description of socio-cognitive methods ("Denkzeit-Methode") is presented. **Results.** Based on the analysis carried out, it has been established that educational work with Islamists within the German penal system (hereinafter referred to as the "penal system") is based on humanistic, holistic, individualised and reflective approaches, as well as on the principles of social theology and interfaith dialogue. The key components of the system are the analysis of the prisoner's life story, interpretation of religious texts, identification of differences between Islam and Islamism, as well as socio-cognitive trainings aimed at developing empathy, tolerance and the ability to anticipate the consequences of one's behaviour. Reflection is recognised as the core method, stimulating the re-evaluation of radical worldviews and the formation of universal human values. The effectiveness of the educational work is assessed according to the following criteria: renunciation of radical views, maintaining distance from extremist circles, the absence of relapses, as well as reintegration into family life and working practice, which confirms the importance of collaboration between the penitentiary system, academia and non-governmental organisations in addressing deradicalisation challenges. As a result of research into educational work with Islamists in the German penal system the roles of educators and social workers have been established, experience has been systematised and the foundations of this work identified, methodological approaches to the educational process have been defined, and the essence of the theological approaches has been revealed as an integral foundation of the deradicalisation process through psychological, pedagogical and socio-pedagogical support measures; the forms, methods and criteria for the effectiveness of educational work with Islamists have been examined.

Keywords:

educational work, radicalisation, deradicalisation, Islamism, Islamist, prisoner, correctional institutions, the penal system of the Federal Republic of Germany, educator, social worker, methodological approaches, forms, methods, criteria

For citation:

Kirillova T. V., Vasilyeva I. V. Experience of educational work with convicted Islamists in the penal system of the Federal Republic of Germany // *Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia*. 2026. № 2 (110). P. 219–228.

The article was submitted March 3, 2026;
approved after reviewing May 27, 2026;
accepted for publication June 25, 2026.

Введение

Проблемы радикализма, экстремизма и терроризма в современном обществе имеют международный характер, поэтому решение задач предотвращения преступлений по радикальным религиозным и политическим мотивам, дерадикализации преступников требует международного сотрудничества. В связи с этим актуальность изучения зарубежного опыта неоспорима. Масштабный материал для исследований предлагает богатый опыт борьбы с радикализацией в Германии, обусловленный, к сожалению, трагическими событиями. Так, в новейшей истории ФРГ пережила семнадцать террористических атак, совершенных политическими и религиозными радикалами, что не могло не активизировать теорию и практику преодоления проблем политической и религиозной радикализации. На основе анализа статистики Федеральной службы уголовной полиции, данных официального портала Федеральной службы по защите конституционного строя¹, обстоятельств террористических актов в Германии очевидна связь роста преступлений в стране с увеличением количества иммигрантов, придерживающихся радикальных исламистских взглядов, многие из которых, по данным ведомства, характеризуются «индивидуальной исламистско-террористической ориентацией»². В качестве центральной проблемы выделяется вопрос о том, как законодательно закрепленные принципы воспитания и ресоциализации реализуются на практике в работе педагогов и социальных педагогов с исламистами в пенитенциарной системе ФРГ.

В немецкой уголовно-исполнительной системе задача по ресоциализации заключенных, которая в контексте исполнения наказания исламистов включает их дерадикализацию, в значительной мере возложена на педагогов и социальных педагогов, действующих в тесном взаимодействии с психологами и социальными работниками. Таким образом, объектом исследования является процесс дерадикализации в уголовно-исполнительной системе (далее – УИС) ФРГ. Предмет исследования составляет воспитательная работа с исламистами с целью их дерадикализации в УИС ФРГ.

Цель исследования – анализ опыта воспитательной работы с исламистами в УИС ФРГ, направленной на дерадикализацию преступников. Задачи исследования: выявить основы воспитательной работы в УИС ФРГ, систематизировать опыт воспитательной работы с исламистами; определить сущность ее методологии, раскрыть формы, методы и критерии эффективности воспитательной работы с исламистами.

Методы

Методологической основой исследования являются системно-структурный и диалектический подходы, позволяющие рассматривать дерадикализацию исламистов как комплексный социокультурный и педагогический процесс, встроенный в правовую и институциональную систему УИС ФРГ. В рамках данного подхода воспитательная работа с исламистами анализируется как целостная система, включающая законодательные предпосылки, нормативно-правовые регуляторы, педагогические технологии, взаимодействие различных институтов (исправительные учреждения, научные организации, негосударственные ассоциации) и социально-психологические механизмы переосмысления радикальной идеологии.

На теоретическом уровне использованы нормативный и социологический подходы, ориентированные на анализ социально правовой обусловленности процессов радикализации и дерадикализации в поликультурном обществе, а также на выявление роли миграционных процессов, межрелигиозных и межкультурных отношений в формировании радикально настроенных контингентов в пенитенциарной системе. В качестве методологической опоры применялись концепции социальной теологии и диалога конфессий в поликультурном обществе, а также идеи гуманистической, холистической и рефлексивной педагогики, которые позволяют интерпретировать воспитательную деятельность с исламистами как воздействие, направленное на формирование общечеловеческих ценностей и отказ от радикального мировоззрения.

Для систематизации законодательных актов ФРГ, материалов официальной статистики, отчетов Федеральной службы уголовной полиции и Федеральной службы по защите конституционного

¹ Zahlen und Fakten : Gewaltorientiertes islamistisches Personenpotenzial : Anschläge in Deutschland : Gefährdungslage in Deutschland // Bundesamt für Verfassungsschutz : [website]. URL: https://www.verfassungsschutz.de/DE/themen/islamismus-und-islamistischer-terrorismus/zahlen-und-fakten/zahlen-und-fakten_node.html#doc678982bodyText2 (дата обращения: 30.08.2025); Radikalisierung // Bundeskriminalamt : [website]. URL: https://www.bka.de/DE/IhreSicherheit/RichtigesVerhalten/Radikalisierung/radikalisierung_node.html (дата обращения: 03.07.2025).

² Kriminalität im Kontext von Zuwanderung : Fokus: Fluchtmigration. Wiesbaden : Bundeslagebild, 2023. 54 S.

строая, а также программ немецких негосударственных организаций, ориентированных на дерадикализацию и профилактику экстремизма использованы научные методы анализа и синтеза. Биографический метод, позволяющий выявить ключевые этапы радикализации, маргинальные факторы, роль семьи, школы, окружения и тюремной среды, применялся при анализе биографий заключенных-исламистов (в т. ч. террористов, совершивших тяжкие теракты). Для реконструкции содержания и структуры воспитательных программ, тренингов, религиозных и социально-когнитивных методов (в т. ч. социально-когнитивного метода "Denkzeit-Methode"), а также для сопоставления их с российской и зарубежной практикой дерадикализации использовались описательный и сравнительно-сопоставительный анализ. Метод моделирования и ситуационного анализа применялся при описании ролевых игр, дискуссий и тренингов, направленных на восстановление социальных связей, преодоление радикального образа мышления, осознание последствий собственного поведения и выработку конструктивных стратегий социального взаимодействия в поликультурном обществе.

Критериальной базой оценки эффективности воспитательной работы с исламистами выступают социально психологические и социальные индикаторы (отказ от радикальных взглядов, снижение риска рецидива, реинтеграция в семью и трудовую деятельность), что соответствует методологии оценки результатов программ дерадикализации, применяемой в международной практике.

Результаты

Основы воспитательной деятельности в уголовно-исполнительной системе ФРГ

Воспитательная работа при исполнении наказаний лишением свободы регламентирована законодательно. Федеральный закон ФРГ «Об исполнении наказаний» ("Strafvollzugsgesetz")³ предписывает «предоставление заключенному возможности для усвоения социально ответственного образа жизни без преступлений в будущем, интеграции в общество» [1, с. 234; 2], что невозможно без целенаправленной системной воспитательной работы с заключенными. Законодательства Федеральных земель ставят эквивалентные задачи [2], по сути дублируя Федеральный закон с незначительной разницей в формулировках.

Конкретнее необходимость воспитательной деятельности в исправительных учреждениях разъясняет Закон о судопроизводстве по делам несовершеннолетних⁴ (Jugendgerichtsgesetz, § 9–12), регламентирующий исполнение наказания несовершеннолетних преступников⁵, что обусловлено объективными причинами, поскольку несовершеннолетние преступники часто испытывают элементарную необходимость в получении образования, а главное, проживая активную фазу становления личности, нуждаются в воспитательной поддержке. Необходимо отметить, что Закон о судопроизводстве по делам несовершеннолетних дополняет решение Федерального конституционного суда ФРГ от 4 апреля 2006 г., прямо определяющее примат воспитания при исполнении наказания данной категории⁶.

Особо сложным контингентом закономерно считаются представители радикальных идеологий, совершившие преступления по религиозным или политическим мотивам, поскольку вербуемые экстремистскими организациями лица, как правило, отличаются маргинальностью, низким уровнем или отсутствием образования, деформацией ценностно-потребностной сферы личности, что делает их удобными объектами для внушения радикального политического и религиозного мировоззрения, религиозного фанатизма, формирующих готовность к насилию и терроризму и оправдывающих экстремистские действия. Это обстоятельство расширяет сферу ответственности педагогов и социальных педагогов и детерминирует необходимость включения в систему воспитательной работы религиозного просвещения исламистов, демонстрирующих благоприятные предпосылки к исправлению. Отсюда наряду с реализацией гуманистического, холистического, индивидуального и рефлексивного подходов вытекает необходимость методологической опоры на концепцию социальной теологии, детерминирующей внедрение

³ Strafvollzugsgesetz // JUSLINE : [website]. URL: <https://www.jusline.at/gesetz/stvg> (дата обращения: 30.08.2025).

⁴ Jugendgerichtsgesetz (JGG) // Bundesministerium für Justiz : [website]. URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/stvollzg/> (дата обращения: 30.08.2025).

⁵ Gesetze im Internet : Verordnungen // Bundesministerium für Justiz : [website]. URL: <https://www.gesetze-im-internet.de.html> (дата обращения: 20.09.2025).

⁶ Entscheidung des Bundesverfassungsgerichts der Bundesrepublik Deutschland vom 4. April 2006 // Bundesverfassungsgericht : [website]. URL: https://www.bundesverfassungsgericht.de/DE/Home/home_node.html (дата обращения: 20.09.2025).

нравственного содержания любой религии⁷ (в контексте нашего исследования – ислама) в общественное пространство, экстраполяцию нравственных принципов духовной жизни человека, обеспечивающих стабильную и справедливую жизнедеятельность общества; а также на концепцию диалога конфессий в поликультурном обществе. Необходимо отметить, что теологическое просвещение является основой воспитательной работы с исламистами, поскольку без глубокого понимания заключенным фундаментальных отличий между исламом и исламомизмом, без преодоления религиозного фанатизма, определяющего приоритет исламистских догм над законами правового государства усвоение заключенным абсолютных общечеловеческих ценностей и его возвращение в правовое поле едва ли возможно. В связи с этим многие учреждения привлекают к воспитательной работе с исламистами имамов. Учитывается принадлежность социальных педагогов и педагогов к религиозным конфессиям, предпочтение отдается мусульманам [3, с. 77–79]. Также приветствуется теологическая подготовка педагогического состава воспитательной, научной и социальной служб. В рамках религиозного воспитания выявляются типы религиозной мотивации радикализации: прагматический и эмоциональный [4]. Прагматический тип оправдывает свои взгляды и поведение исламистским толкованием определенных догм Корана и Сунны; у эмоционального типа под внешними религиозными мотивами скрываются социально-психологические причины радикализации, в частности, поиск смысла жизни, чрезмерные требования в повседневной жизни; пережитый опыт дискриминации и социальной изоляции; неблагополучная семья, что детерминирует необходимость привлечения имама к работе с заключенным.

Необходимо подчеркнуть, что практическая деятельность исправительных учреждений по дерадикализации исламистов, значительную долю которой составляет воспитательная работа, обеспечивается серьезной поддержкой науки и гражданского общества. Так, например, Берлинский институт экономики и права проводит ежегодный симпозиум в память о жертвах террористического акта⁸, совершенного в Берлине в 2016 году исламистом из Туниса Анисом Амри. Участники симпозиума предлагают к обсуждению результаты исследований по вопросам дерадикализации, профилактики экстремизма и терроризма, международного сотрудничества по противодействию терроризму, взаимодействия с политическими институтами. Значительный вклад в борьбу с радикальными и экстремистскими движениями оказывают неправительственные организации, в частности, гражданское движение Pax Europa, некоммерческое общество с ограниченной ответственностью “Violence Prevention Network” («Центр профилактики насилия»), ассоциация “Exit Germany” («Германия предлагает выход»), Федеральная рабочая группа “Ausstieg zum Einstieg” («Выход как начало»⁹), объединившая многие неправительственные организации, которые сотрудничают с исправительными учреждениями, научная ассоциация «Время для размышлений» (“Denkzeit-Gesellschaft”), созданное для дерадикализационной работы с несовершеннолетними¹⁰. Важно заметить, что слаженная работа научного и гражданского сообществ, связывающих проблемы радикализации, исламизации, исламистского экстремизма с миграционной политикой прежнего канцлера ФРГ А. Меркель, оказывает влияние на деятельность политических институтов ФРГ. Так, в 2025 году кабинетом министров были приняты решения по ужесточению пограничного контроля и процедуры натурализации¹¹.

Таким образом, основы воспитательной деятельности с исламистами составляют требования как Федерального законодательства, так и законов отдельных Федеральных земель, научная поддержка, взаимодействие с научным сообществом, негосударственными организациями и гражданскими движениями, нацеленными на профилактику экстремизма и терроризма и дерадикализацию. Методологической опорой служат положения холистического, индивидуального и рефлексивного подходов, концепции социальной теологии, концепции диалога конфессий в поликультурном обществе.

⁷ Urteil des Zweiten Senats vom 31. Mai 2006 : 2 BvR 1673/04 : Rn. (1-77) // Bundesverfassungsgericht (BVerfG) : Federal Constitutional Court : [website]. URL: http://www.bverfg.de/e/rs20060531_2bvr16730.html (дата обращения: 30.08.2025).

⁸ Ülger C., Çelik H. Praxisbericht: Deradikalisierung im Strafvollzug : Pädagogisches Arbeiten mit religiös motivierten, gewaltbereiten und delinquenten Inhaftierten // Bundeszentrale für politische Bildung : [website]. URL: <https://www.bpb.de/themen/innere-sicherheit/dossier-innere-sicherheit/301624/> (дата обращения: 03.09.2025).

⁹ Имеется в виду выход из экстремистских движений и группировок (прим. авт.).

¹⁰ Fachsymposium zum Terroranschlag auf dem Berliner Breitscheidplatz: 2017–2024 // Hochschule für Wirtschaft und Recht Berlin : [website]. URL: <https://www.hwr-berlin.de> (дата обращения: 30.08.2025) ; Ausstieg zum Einstieg // Bundesarbeitsgemeinschaft : [website]. URL: <https://bag-ausstieg.de> (дата обращения: 30.08.2025) ; EXIT-Deutschland // ZDK Gesellschaft Demokratische Kultur gGmbH : [website]. URL: <https://www.exit-deutschland.de/> (дата обращения: 30.08.2025) ; Violence Prevention Network // gGmbH – NGO : [website]. URL: <https://violence-prevention-network.de> (дата обращения: 30.08.2025).

¹¹ Für den Schutz und Erhalt europäischer Werte und Freiheiten! // Bürgerbewegung : Pax Europa (BPE) : [website]. URL: <https://bpe-paxeuropa.de> (дата обращения: 30.08.2025).

Система воспитательной работы с исламистами в уголовно-исполнительной системе ФРГ

На указанных основах в исправительных учреждениях для несовершеннолетних в сотрудничестве с социальными педагогами действуют педагоги воспитательной научной службы, в задачи которых входят участие в планировании исполнения наказания; оценка индивидуальных потребностей заключенных; разработка и реализация программ воспитания и обучения несовершеннолетних; организация и оценивание эффективности досуга заключенных в учреждении; сотрудничество с персоналом учреждения и внешними специалистами. Социальные педагоги социальной службы осуществляют свои воспитательные функции при исполнении наказаний как взрослых, так и несовершеннолетних преступников. В сферу их компетенций входят профессиональная диагностика и консультирование, помощь в восстановлении позитивных социальных связей и оказание социальной поддержки, работа с иностранными заключенными, консультирование заключенных по правовым, семейным вопросам, помощь в преодолении конфликтов, организация социальных тренингов и подготовка к освобождению [4]. Социальные педагоги также сотрудничают с персоналом и внешними специалистами, имеют право участвовать в составлении плана и организации исполнения наказания, выявлять предпосылки для смягчения наказания или условно-досрочного освобождения¹². Таким образом, многоаспектность задач, решаемых педагогами и социальными педагогами, обеспечивает эффективность ресоциализации и реинтеграции заключенных в общество после освобождения.

Начальным этапом и вместе с тем первичным методом воспитательной работы с радикально настроенным лицом следует считать анализ его биографии, который становится ключом к пониманию процесса радикализации и перспективам его исправления в русле общечеловеческих гуманистических ценностей. В контексте данного исследования показателем приведенный профессором Шонрок пример анализа биографии преступника, совершившего один из самых жестоких терактов в новейшей истории ФРГ, повлекший за собой массу жертв, обнаруженный в рамках посвященного упомянутой выше террористической атаке в Берлине симпозиума [5, с. 27]. Для лучшего понимания целесообразности биографического анализа приведем обстоятельства трагедии. 19 декабря 2016 г. на рождественской ярмарке в Берлине тунисец Анис Амри, которому было отказано в статусе беженца, убив водителя, угнал грузовик и задавил насмерть 12 человек, покалечив 55 мирных посетителей ярмарки. Преступнику удалось бежать, но в ходе розыскных мероприятий он был обнаружен на севере Италии, где был уничтожен итальянским полицией в перестрелке. Впоследствии информационное агентство самопровозглашенного Исламского государства* опубликовало видео, на котором тунисец присягал на верность ИГИЛ*.

Жестокость, цинизм и безжалостность преступления, степень фанатичной и воинствующей решимости преступника, необходимость предотвращения подобных бесчеловечных преступлений в будущем обусловили необходимость тщательного анализа биографии уничтоженного террориста. Анализ процесса радикализации Аниса Амри позволил выявить некоторые типичные характеристики: взросление в нищете, ограниченные возможности родителей, отчисление из школы, совершение первых преступлений, радикализация во время тюремного заключения, присоединение к исламистам и, в конечном итоге, готовность к насилию и террору.

Анализ биографии преступника дает ответы на важнейшие вопросы, которые позволяют оптимизировать профилактическую дерадикализационную деятельность соответствующих органов, служб и учреждений, способствует выявлению мотивации совершения преступления и приобщения преступника к исламизму, периода жизни исследуемого, когда гипотетически существовала возможность предотвратить его вступление на путь преступности, анализируется его окружение на этом этапе жизни, способное вмешаться и оградить его от радикализации, в частности, семья, школа, друзья; на каком этапе органы безопасности могли бы предпринять профилактические мероприятия, которые предотвратили бы теракт, повлекший за собой гибель людей, и в случае если преступник не был уничтожен в ходе антитеррористических мероприятий, предпринятых органами безопасности, позволяет разработать план исполнения наказания.

На основе анализа биографии и диагностики личности заключенного формируется программа воспитательной работы. Анализ научной литературы и практической деятельности педагогов и социальных педагогов, а также педагогического состава негосударственных организаций

¹² Kabinettsbeschlüsse : Migrationspolitik soll verschärft werden // Tagesschau [website]. URL: <https://www.tagesschau.de/inland/innenpolitik/kabinett-beschluesse-migrationspolitik-drogenbeauftragter-100.html> (дата обращения: 30.06.2025) ; Berufe in der Justiz // Justiz NRW : [website]. URL: <https://www.justiz.nrw> (дата обращения: 30.09.2025).

* Международная исламистская террористическая организация, деятельность которой запрещена на территории Российской Федерации по решению Верховного Суда Российской Федерации от 29 декабря 2014 г.

позволил выявить основные формы и методы воспитательной деятельности с заключенными-исламистами [4; 6–11].

Воспитательные меры в отношении исламистов осуществляются в традиционных индивидуальных и групповых формах работы. Формы групповой работы, например, тренинги социальных компетенций, тренинги по усвоению ненасильственных способов поведения, семинары по политическому и религиозному просвещению, на начальном этапе дают педагогу возможность установить контакт с каждым членом группы и наметить перспективы индивидуальной работы. Состав групп определяется персоналом исправительного учреждения, приветствуется добровольное участие заключенных в программах дерадикализации. Участниками групповых программ являются не только исламисты, но и лица, имеющие склонность к экстремизму и находящиеся под угрозой радикализации. Диагностика осуществляется на этапе формирования группы до начала занятий. Выбор форм работы определяется ответственным за воспитательную работу персоналом учреждения, в частности, педагогами и социальными педагогами, в случае привлечения внешних специалистов – совместно.

В рамках различных программ [6] немецкая практика воспитательной работы в УИС предлагает значительное разнообразие методов воспитательной работы с исламистами – от традиционных, таких как наблюдение, беседа, дискуссия, сократический диалог и пр., до нестандартных. Следует отметить, что в контексте религиозного воспитания в немецкой пенитенциарной науке воспитательные методы недостаточно конкретизированы. Тем не менее анализ содержания воспитательной деятельности позволил определить следующие [3–6]: на основе концепции социальной теологии главными методами являются толкование религиозных текстов, выявление их истинного смысла, разъяснение отличий между исламом и исламизмом¹⁴. В рамках концепции диалога конфессий в поликультурном обществе, с нашей точки зрения, идентичной по смыслу отечественной концепции диалога культур М. М. Бахтина и В. С. Библера, используется метод сравнения духовных ценностей разных религиозных конфессий с целью выявления общечеловеческих духовных оснований деятельности человека, направленный на формирование уважительного отношения к представителям иных религий и способности к конструктивному межкультурному взаимодействию в поликультурном пространстве.

Научная ассоциация «Время для размышлений» (“Denkzeit-Gesellschaft”) в форме тренинга (“Denkzeit-Training”) реализует одноименный социально-когнитивный метод (“Denkzeit-Methode”), разработанный основателем ассоциации профессором Ю. Кернером на методологических основах теории психоанализа и стимулирующий усвоение заключенным ценностей и норм социума через активизацию его способности управления когнитивными процессами, наблюдение, имитацию, моделирование, преобразование негативного образа мышления и моделей поведения [12; 13]. Метод используется как в работе с заключенными и клиентами службы пробации, так и с целью дерадикализации склонных к радикальному поведению лиц, находящихся на свободе, а также предлагает возможности для освоения данного метода педагогическим составом. Тренинг нацелен на дерадикализацию девиантных детей и подростков через развитие когнитивных и социальных компетенций, в частности, способности к эмпатии, способности терпимо принимать иную точку зрения, прогнозировать, анализировать социальные конфликты и избегать их, оценивать последствия своих действий и контролировать эмоции. Впоследствии целевая аудитория программ ассоциации была расширена взрослым контингентом. Следует отметить, что участие несовершеннолетнего в программе “Denkzeit” зачастую предписывается приговором суда, что обусловлено эффективностью когнитивно-социального метода программ “Denkzeit”, подтверждаемой снижением рецидивов, повышением количества условно-досрочных освобождений участников тренингов [14].

В рамках групповых занятий активно используется метод дискуссий, где обсуждаются реальные события, в т. ч. и трагические, причиной которых стала радикальная идеология, например, совершенные преступления и теракты, освещавшиеся в средствах массовой информации (далее – СМИ), или собственные преступления заключенных, если они дают согласие на публичное обсуждение и анализ своего участия в преступной деятельности и оснований для наказания. Содержание дискуссий способствует политическому и религиозному просвещению заключенных, разрушению радикального образа мышления и моделей поведения, формированию способности конструктивного взаимодействия, терпимости к иному мнению.

Активно используются такие методы, как моделирование, блиц-опрос, позволяющий выявить истинную мотивацию радикализации и мотивы преступления; ролевые игры, в ходе которых моделируются ситуации и обстоятельства, которые могли бы предотвратить

¹⁴ Friedmann R. Praxisrelevante Differenzierung der Handlungsmotive von Gewalttätern : Dissertationen : Doctoral. Berlin : Humboldt-Universität zu Berlin, 2015. URL: <https://edoc.hu-berlin.de/handle/18452/17949>. <https://doi.org/10.18452/17297>

радикализацию заключенного, его присоединение к экстремистским организациям и преступление, как итог радикализации; например, ролевая игра «замедленная съемка», в которой, фигурально выражаясь, заключенный, будучи главным героем и режиссером «кинофильма» о своей судьбе, отматывает назад киноленту своей жизни, вырезает эпизоды, которые привели его к преступной деятельности, и конструирует новые благоприятные обстоятельства жизни.

Системная воспитательная работа включает восстановление позитивных социальных связей, семейных и дружеских, и дистанцирование от окружения, пагубно повлиявшего на судьбу заключенного, даже если к этому окружению относятся друзья и члены семьи. При этом используются методы составления психологического портрета и генеалогического древа. Составление генеалогического древа заключенного в трех поколениях способствует визуализации семейных связей и осознанию истинного содержания отношений с членами семьи. Метод позволяет визуализировать и охарактеризовать семейные связи и отношения, определить проблемные зоны, проработать конфликты [15]. Составление психологического портрета членов семьи, друзей, а также лиц, способствовавших радикализации заключенного и его приобщению к преступному миру, позволяет заключенному объективно оценить свое окружение, определить тех, кто способен его сопровождать на пути к достойной жизни в свободном обществе, и тех, кто стал первопричиной его вовлечения в преступную деятельность, приведшую к закономерному наказанию. Анализ психологических портретов способствует восстановлению положительных связей, достижению взаимопонимания с родными и дистанцированию от разрушительных контактов.

Важно подчеркнуть, что системообразующим методом, пронизывающим все аспекты воспитательной работы, является метод рефлексии, стимулирующий заключенного к анализу и самоанализу, активизирующий процессы его саморазвития.

Как уже упоминалось, характерной особенностью УИС ФРГ является активное взаимодействие исправительных учреждений с высшими учебными заведениями, негосударственными организациями, обеспечивающими сотрудничество внешних специалистов с персоналом воспитательной научной службы и социальными педагогами социальной службы учреждений. При этом педагогическая поддержка заключенного внешними специалистами продолжается в течение года после окончания срока заключения, воспитательная работа вне учреждения также осуществляется по запросу или приговору суда, службы поддержки несовершеннолетних осужденных, службы социальной защиты детей и юношества, а также службы пробации. Интенсивность педагогической поддержки, формы и методы воспитательной работы зависят от индивидуальных характеристик, степени радикализации отбывших наказание или представителей групп риска. В связи с этим сеансы могут проводиться от одного до трех раз в неделю или раз в две недели по два-три часа каждый [15].

Необходимо отметить, что воспитательная работа с заключенными в некоторой степени обладает отложенным эффектом, т. е. полноценная эвалюация эффективности воспитательных мер возможна лишь по истечении определенного срока после освобождения, достаточного для демонстрации освобожденным реинтеграции в общество. Анализ научной литературы [7; 12–18] позволил систематизировать критерии эффективности воспитательной работы с исламистами: доброжелательное принятие профессиональной поддержки; активность в построении субъект-субъектного взаимодействия с педагогами; сформированность способности к диалогу; соблюдение дистанции с экстремистской средой (группами, отдельными лицами, СМИ), выход из экстремистских организаций; отказ от радикальных взглядов; планирование будущего вне радикальной среды; терпимость к представителям разных культур и конфессий; готовность к самостоятельной жизни; отсутствие рецидивов; создание нового круга общения за пределами экстремистской среды; интеграция и реинтеграция в значимые сферы жизни, в семью, в трудовую деятельность.

3 **Заключение**

Результаты исследования позволяют констатировать следующее. Приверженцы исламистской идеологии представляют собой группу риска и несут угрозу для благополучия гражданского общества ФРГ, что доказано фактами террористических актов в новейшей истории ФРГ, данными статистики преступности среди иммигрантов из мусульманских стран, аналитикой Федеральной службы уголовной полиции Федеральной службы по защите конституционного строя, научными исследованиями. Значительная доля работы по дерадикализации и ресоциализации исламистов возлагается на педагогов и социальных педагогов исправительных учреждений и внешних организаций. Предпочтение отдается специалистам, исповедующим ислам.

Система воспитательной работы с исламистами представляет собой синтез социально-педагогической деятельности и религиозного просвещения исламистов. Установлено, что воспитательная работа с исламистами в УИС ФРГ опирается на гуманистические, холистические, индивидуальные и рефлексивные подходы, а также на концепции социальной теологии и диалога конфессий в поликультурном обществе. Система включает анализ биографии заключенного, толкование религиозных текстов, разъяснение различий между исламом и исламизмом, а также социально когнитивные тренинги (в т. ч. метод "Denkzeit-Methode"), направленные на развитие эмпатии, терпимости и умения прогнозировать последствия поведения. Эффективность системы воспитательной работы, нацеленной на дерадикализацию заключенных, с нашей точки зрения, определяется поддержкой научного и гражданского сообщества ФРГ, обоснованностью исходных методологических позиций, гуманистическими принципами педагогического взаимодействия, реализуемыми персоналом учреждений в сотрудничестве с внешними специалистами, симбиозом религиозного просвещения и мер педагогической поддержки, осуществляемых интерактивными методами. Системообразующим методом является метод рефлексии, активизирующий саморазвитие заключенного, осознание разрушительности радикального исламистского мировоззрения и его трансформацию через усвоение гуманистических ценностей в процессе воспитательной работы. В качестве критериев эффективности выделены: отказ от радикальной идеологии, соблюдение дистанции с экстремистской средой, отсутствие рецидивов, реинтеграция в семью и трудовую деятельность.

Эффективность воспитательной работы с исламистами оценивается в соответствии с критериями, часть которых подлежит оцениванию во время отбывания наказания. Главными критериями являются отсутствие рецидивов и реинтеграция в общество, оцениваемые социальными педагогами службы пробации и негосударственных обществ и ассоциаций в течение года после освобождения.

В заключение необходимо отметить, что теоретические основания воспитательной работы в ФРГ не являются инновационной методологией для отечественной пенитенциарной педагогики, поскольку идентичны методологическим подходам отечественной гуманистической парадигмы, однако некоторые практические аспекты, в частности, участие негосударственных ассоциаций и их специалистов в дерадикализационной воспитательной деятельности, дополнительная теологическая подготовка пенитенциарных педагогов, нетривиальные интерактивные методы воспитательной работы с исламистами, вопросы пробации и социально-педагогического сопровождения исламиста после освобождения могут быть небезынтересны отечественным специалистам, занимающимся теорией и практикой данной проблематики.

Список источников

1. Васильева И. В., Булгакова И. В. Холистический подход к ресоциализации заключенных (опыт УИС ФРГ) // Вопросы российского и международного права. 2023. Т. 13, № 12-1. С. 232–238. <https://doi.org/10.34670/AR.2024.47.62.026>
2. Васильева И. В., Кириллова Т. В. Некоторые методологические аспекты воспитания радикально настроенных заключенных в УИС ФРГ // Российский научный вестник. 2025. № 11. С. 472–477. <https://doi.org/10.24412/2782-3830-2025-11-472-477>
3. Peuckmann N. Gefängnisseelsorge: Annäherung an ein komplexes Handlungsfeld // AndersOrt. 2020. № 2. S. 8–19.
4. Hoffmann A., Illgner Ch., Leuschner F., Rettenberger M. Extremismus und Justizvollzug: Literaturauswertung und empirische Erhebungen : (Berichte und Materialien (BM-Online), 10). Wiesbaden : Kriminologische Zentralstelle e.V., 2017. 136 S. URL: <https://nbn-resolving.org/urn:nbn:de:0168-ssao-53596-0>
5. Borchert J. Pädagogik im Strafvollzug. Grundlagen und reformpädagogische Impulse. 2nd ed. Weinheim, Germany : Juventa Verlag (Weinheim und Basel), 2021. 190 p.
6. Schönrock S., Geißler S. 6. Fachsymposium zum Terroranschlag auf dem Berliner Breitscheidplatz : Übergangsmanagement im Bereich des islamistischen Extremismus – Chancen, Risiken, Perspektiven. Berlin, Germany : Richard Boorberg Verlag GmbH & Co KG, 2023. 120 p.
7. Булгакова И. В., Васильева И. В., Мамюгина А. В. Борьба с радикализацией заключенных в исправительных учреждениях (опыт УИС Германии) // Вестник Воронежского института ФСИН России. 2024. № 3. С. 151–162.
8. Кириллова Т. В., Рожков А. А. Профилактика экстремизма и терроризма среди осужденных: опыт регионов // Перспективы науки. 2023. № 12 (171). С. 199–201.
9. Сысоев А. М. Подходы к пенитенциарной дерадикализации осужденных за проявления религиозного экстремизма в странах Ближнего Востока и Азии // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2014. № 1 (25). С. 83–86.
10. Сысоев А. М. Содержание осужденных за проявления экстремизма в пенитенциарных учреждениях Израиля и проблемы их дерадикализации // Уголовно-исполнительное право. 2014. № 1 (17). С. 84–86.
11. Казберов П. Н. Рассмотрение основных аспектов содержания психологического сопровождения лиц, осужденных за совершение преступлений экстремистской направленности // Вестник Пермского института ФСИН России. 2024. № 1 (52). С. 41–49. <https://doi.org/10.34988/2226-2326.2024.22.52.005>
12. Tosun C. Interreligiöse Erziehung als Herausforderung für die Islamische Religionspädagogik // Interreligiöse Erziehung – Islamische Religionspädagogik. 2021. № 6. P. 165–178. URL: https://www.evrel.phil.fau.de/files/2021/06/3-4-tosun_07-07-26-1.pdf
13. Körner J. Wirksamkeit ambulanter Arbeit mit delinquenten Jugendlichen – Erste Ergebnisse einer vergleichenden Studie // Zeitschrift für Jugendkriminalrecht und Jugendhilfe. 2006. Vol. 17, № 3. S. 267–275.

14. Mücke Th. Pädagogische Handlungsansätze zur Deradikalisierung im Arbeitsfeld des religiös begründeten Extremismus // Möller K., Neuscheler F. (Hrsg.). "Wer will die hier schon haben?" Ablehnungshaltungen und Diskriminierung in Deutschland. Stuttgart, Germany : Kohlhammer, 2018. S. 242–257.
15. Körner J., Friedmann R. Denkzeit für delinquente Jugendliche : ein sozialkognitives Trainingsprogramm // Schröder A., Rademacher H. & Merkle A. (Hrsg.): Handbuch Konflikt- und Gewaltpädagogik : Verfahren für Schule und Jugendhilfe. Schwalbach /Ts. : Wochenschau-Verlag, 2008. S. 227–239.
16. Möller K., Neuscheler F. Abschlussbericht zur Evaluation der Beratungsstelle Hessen – Religiöse Toleranz statt Extremismus. Esslingen, Germany. 2018. 252 S.
17. Tosun C. Suende, Reue und Vergebung // Grundlagen muslimischer Seelsorge. 2020. S. 293–302. https://doi.org/10.1007/978-3-658-29572-1_18
18. Kemmesies U. E. Monitoring der Radikalisierungsforschung – ein Entwurf und mögliche Perspektiven // Kemmesies [et al.] (Hrsg.). MOTRA-Monitor. Wiesbaden, 2020. S. 262–327.

References

1. Vasil'eva I. V., Bulgakova I. V. Holisticheskij podhod k resocializacii zaklyuchennyh (opyt UIS FRG) // Voprosy rossijskogo i mezhdunarodnogo prava. 2023. T. 13, № 12-1. S. 232–238. <https://doi.org/10.34670/AR.2024.47.62.026>
2. Vasil'eva I. V., Kirillova T. V. Nekotorye metodologicheskie aspekty vospitaniya radikal'no nastroyennyh zaklyuchennyh v UIS FRG // Rossijskij nauchnyj vestnik. 2025. № 11. S. 472–477. <https://doi.org/10.24412/2782-3830-2025-11-472-477>
3. Peuckmann N. Gefängnisseelsorge: Annäherung an ein komplexes Handlungsfeld // AndersOrt. 2020. № 2. S. 8–19.
4. Hoffmann A., Illgner Ch., Leuschner F., Rettenberger M. Extremismus und Justizvollzug: Literaturauswertung und empirische Erhebungen : (Berichte und Materialien (BM-Online), 10). Wiesbaden : Kriminologische Zentralstelle e.V., 2017. 136 S. URL: <https://nbn-resolving.org/urn:nbn:de:0168-ssor-53596-0>
5. Borchert J. Pädagogik im Strafvollzug. Grundlagen und reformpädagogische Impulse. 2nd ed. Weinheim, Germany : Juventa Verlag (Weinheim und Basel), 2021. 190 p.
6. Schönrock S., Geißler S. 6. Fachsymposium zum Terroranschlag auf dem Berliner Breitscheidplatz : Übergangsmanagement im Bereich des islamistischen Extremismus – Chancen, Risiken, Perspektiven. Berlin, Germany : Richard Boorberg Verlag GmbH & Co KG, 2023. 120 p.
7. Bulgakova I. V., Vasil'eva I. V., Malyugina A. V. Bor'ba s radikalizaciej zaklyuchennyh v ispravitel'nyh uchrezhdeniyah (opyt UIS Germanii) // Vestnik Voronezhskogo instituta FSIN Rossii. 2024. № 3. S. 151–162.
8. Kirillova T. V., Rozhkov A. A. Profilaktika ekstremizma i terrorizma sredi osuzhdennyh: opyt regionov // Perspektivy nauki. 2023. № 12 (171). S. 199–201.
9. Sysoev A. M. Podhody k penitenciarnoj deradikalizacii osuzhdennyh za proyavleniya religioznogo ekstremizma v stranah Blizhnego Vostoka i Azii // Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie. 2014. № 1 (25). S. 83–86.
10. Sysoev A. M. Soderzhanie osuzhdennyh za proyavleniya ekstremizma v penitenciarnyh uchrezhdeniyah Izrailya i problemy ih deradikalizacii // Ugolovno-ispolnitel'noe pravo. 2014. № 1 (17). S. 84–86.
11. Kazberov P. N. Rassmotrenie osnovnyh aspektov sodержaniya psihologicheskogo soprovozhdeniya lic, osuzhdennyh za sovershenie prestuplenij ekstremistskoj napravlenosti // Vestnik Permskogo instituta FSIN Rossii. 2024. № 1 (52). S. 41–49. <https://doi.org/10.34988/2226-2326.2024.22.52.005>
12. Tosun C. Interreligiöse Erziehung als Herausforderung für die Islamische Religionspädagogik // Interreligiöse Erziehung – Islamische Religionspädagogik. 2021. № 6. P. 165–178. URL: https://www.evrel.phil.fau.de/files/2021/06/3-4-tosun_07-07-26-1.pdf
13. Körner J. Wirksamkeit ambulanter Arbeit mit delinquenten Jugendlichen – Erste Ergebnisse einer vergleichenden Studie // Zeitschrift für Jugendkriminalrecht und Jugendhilfe. 2006. Vol. 17, № 3. S. 267–275.
14. Mücke Th. Pädagogische Handlungsansätze zur Deradikalisierung im Arbeitsfeld des religiös begründeten Extremismus // Möller K., Neuscheler F. (Hrsg.). "Wer will die hier schon haben?" Ablehnungshaltungen und Diskriminierung in Deutschland. Stuttgart, Germany : Kohlhammer, 2018. S. 242–257.
15. Körner J., Friedmann R. Denkzeit für delinquente Jugendliche : ein sozialkognitives Trainingsprogramm // Schröder A., Rademacher H. & Merkle A. (Hrsg.): Handbuch Konflikt- und Gewaltpädagogik : Verfahren für Schule und Jugendhilfe. Schwalbach /Ts. : Wochenschau-Verlag, 2008. S. 227–239.
16. Möller K., Neuscheler F. Abschlussbericht zur Evaluation der Beratungsstelle Hessen – Religiöse Toleranz statt Extremismus. Esslingen, Germany. 2018. 252 S.
17. Tosun C. Suende, Reue und Vergebung // Grundlagen muslimischer Seelsorge. 2020. S. 293–302. https://doi.org/10.1007/978-3-658-29572-1_18
18. Kemmesies U. E. Monitoring der Radikalisierungsforschung – ein Entwurf und mögliche Perspektiven // Kemmesies [et al.] (Hrsg.). MOTRA-Monitor. Wiesbaden, 2020. S. 262–327.

Авторами внесен равный вклад в написание статьи.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors have made an equal contribution to the writing of the article.
The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья
УДК 371.385.3

Кейс-стади и облачная технология в преподавании поведенческих дисциплин в образовательной организации высшего образования Министерства внутренних дел Российской Федерации

Юрий Юрьевич Комлев¹, доктор социологических наук, профессор
Суфия Загитовна Еникеева², кандидат педагогических наук, доцент
Ольга Николаевна Рябцева³, кандидат педагогических наук

^{1,3} Казанский юридический институт МВД России

Казань (420108, ул. Магистральная, д. 35), Российская Федерация

² Университет управления «ТИСБИ»

Казань (420012, ул. Муштары, д. 13), Российская Федерация

¹ levkom@list.ru, ² uki777@mail.ru, ³ ryabceva_kfvui@mail.ru

¹ <https://orcid.org/0009-0005-5394-8385>, ² <https://orcid.org/0009-0000-9909-1042>,

³ <https://orcid.org/0009-0003-3979-2172>

Аннотация:

Введение. На основании содержательного анализа большого числа источников, раскрывающих специфику современного педагогического дискурса по интерактивным методам обучения и облачным технологиям, обосновывается актуальность поиска, апробации и внедрения в образовательных организациях высшего образования системы МВД России новых технологических решений для повышения качества, антропоцентричности и практической направленности учебного процесса. Авторским коллективом выдвигается гипотеза и ставится цель исследования, которая состоит в обобщении положительного опыта эмпирического изучения и внедрения кейс-стади в сочетании с облачной технологией для хранения и использования видеокейсов с элементами геймификации в преподавании поведенческих дисциплин, накопленного в Казанском юридическом институте МВД России. **Методы.** В работе использованы: педагогический эксперимент, развернутый в три этапа; неформализованный контент-анализ новых научных публикаций по теме исследования; неформальное интервьюирование практических работников органов внутренних дел, сплошной опрос курсантов в методической форме полуструктурированной анкеты; прямое включенное наблюдение на практических занятиях с обучающимися на четвертом курсе очной формы обучения. **Результаты.** На основе обобщения оригинального педагогического опыта, итогов трехлетнего педагогического эксперимента, данных других собственных эмпирических исследований сделан вывод, что использование в преподавании поведенческих дисциплин комбинации кейс-стади, облачной технологии и игровых элементов определенно повышает антропоцентричность и практическую направленность обучения и, следовательно, качество учебного процесса, поскольку позволяет лучше готовить обучающихся к работе не только в профессиональной, но и цифровой среде. Преподаватель как фасилитатор и игровой дизайнер, использующий кейс-метод в сочетании с облачной технологией хранения и видеоконтент с элементами геймификации, вызывает интерес обучающихся к изучаемому предмету, стимулирует их активность и вовлеченность, мотивацию к учебе, развивает самостоятельность в суждениях, дает возможность проявить себя в дискуссиях и научиться работать в команде над решением практических задач. Авторы полагают, что предложенная модель как успешно протестированное технологическое решение может применяться в образовательных организациях высшего образования системы МВД России путем создания необходимых педагогических условий. Среди них конструирование «живых» тематически ориентированных видеокейсов; увеличение объема их учебного комpendиума с использованием отечественных облачных платформ с большой емкостью хранилищ для видеоматериалов и широким набором цифровых инструментов; подготовка и переподготовка преподавателей, практикующих кейс-метод, цифровые технологии и геймификация познавательного процесса.

Ключевые слова:

кейс-стади, облачная технология, интерактивная образовательная технология, цифровая трансформация образования, геймификация, видеокейс, комpendиум, антропоцентричность, практическая направленность обучения

Для цитирования:

Комлев Ю. Ю., Еникеева С. З., Рябцева О. Н., Кейс-стади и облачная технология в преподавании поведенческих дисциплин в образовательной организации высшего образования Министерства внутренних дел Российской Федерации // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2026. № 2 (110). С. 229–241.

Статья поступила в редакцию 10.02.2026;
одобрена после рецензирования 07.05.2026;
принята к публикации 25.06.2026.

Original article

Case study and cloud technology in teaching behavioural disciplines at a higher educational institution of the Russian Ministry of the Interior

Yuri Yu. Komlev¹, Doc. Sci. (Sociol.), ProfessorSufiya Z. Enikeeva², Cand. Sci. (Ped.), DocentOlga N. Ryabtseva³, Cand. Sci. (Ped.)^{1,3} Kazan Law Institute of the MIA of Russia

35, Magistralnaya str., Kazan, 420108, Russian Federation

² The University of Management "TISBI"

13, Mushatari str., Kazan, 420012, Russian Federation

¹ levkom@list.ru, ² uki777@mail.ru, ³ ryabceva_kfvui@mail.ru¹ <https://orcid.org/0009-0005-5394-8385>, ² <https://orcid.org/0009-0000-9909-1042>,³ <https://orcid.org/0009-0003-3979-2172>

Abstract:

Introduction. A substantive analysis of numerous sources on modern pedagogical discourse regarding interactive teaching methods and cloud technologies provides the basis for substantiating the relevance of seeking, testing, and implementing new technological solutions in higher educational institutions of the Russian Ministry of the Interior to improve the quality, anthropocentricity, and practical focus of the learning process. The authors put forward a hypothesis and set a research goal: to summarise the positive experience of empirical study and implementation of case studies, combined with cloud technology for storing and using video cases with game elements, in teaching behavioural disciplines at Kazan Law Institute of the Russian Ministry of the Interior. **Methods.** The study employed the following methods: a pedagogical experiment conducted in three stages; an informal content analysis of recent scientific publications on the research topic; informal interviews with serving police officers; a comprehensive survey of cadets using a semi-formalized questionnaire; and direct participant observation during practical classes with full-time fourth-year students. **Results.** Summarising the authors' original pedagogical experience, the results of a three-year pedagogical experiment, and data from other empirical studies, the paper concludes that integrating case studies with cloud-based gamification technology in teaching behavioural disciplines significantly improves anthropocentricity, practice-oriented learning, and overall educational quality. This approach better prepares students for work in both professional and digital environments. The teacher, acting as a facilitator and game designer, combines the case method with cloud-based storage and use of gamified video content. This stimulates student interest, encourages active involvement, strengthens motivation, develops independent judgment, enables participation in discussions, and teaches collaboration in solving practical problems. The authors believe that the proposed model, having been successfully tested as a technological solution, can be implemented in higher educational institutions of the Russian Ministry of the Interior through creation of necessary pedagogical conditions. They can include creating dynamic thematic video cases; expanding the educational compendium via domestic cloud platforms with large-scale video storage and a diverse set of digital tools; and training and retraining instructors in the case method, digital technologies, and gamified learning.

Keywords:

case study, cloud technology, interactive educational technology, digital transformation of education, gamification, video case, educational compendium, anthropocentricity, practice-oriented learning

For citation:

Komlev Yu. Yu., Enikeeva S. Z., Ryabtseva O. N. Case study and cloud technology in teaching behavioural disciplines at a higher educational institution of the Russian Ministry of the Interior // *Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia*. 2026. № 2 (110). P. 229–241.

The article was submitted February 10, 2026;
approved after reviewing May 7, 2026;
accepted for publication June 25, 2026.

Введение

Одно из парадигмальных оснований отечественной системы высшего образования – это реализация компетентностного подхода, характерного для педагогической теории и практики последних лет. Формирование набора заданных образовательными стандартами и потребностями практики компетенций сочетается с «традиционными» для нашей страны парадигмами в теории и практике высшего образования (знаниевая, деятельностно-ориентированная, личностно-ориентированная) и одновременно дополняет их. В ходе реформ высшей школы разработаны и внедрены федеральные государственные образовательные стандарты высшего образования (З++), а ожидаемый результат обучения раскрывается через совокупность компетенций выпускника (УК, ОПК, ПК). В 2026/27 учебном году состоится переход высших учебных

заведений на новую отечественную трехуровневую модель высшего образования, которая должна обеспечить более высокое качество российского образования и последующее гарантированное трудоустройство выпускников.

На рынке труда быстро меняются требования к молодым специалистам. В обществе первой четверти XXI века стремительно развиваются и внедряются цифровые и сетевые технологии. Идет активная цифровая трансформация высшего образования, как показано в работе А. Ю. Уварова, на пути перехода от «прохождения материала» к формированию у каждого обучаемого требуемых компетенций [1].

В новом, быстро меняющемся мире от выпускника образовательной организации требуются уже не только сформированные компетенции (знания, умения, навыки), но и то, что особенно ценится на практике: владение способами поиска и решения, как правило, нетривиальных служебных задач. Все большую актуальность в современных условиях приобретает широкое внедрение в учебный процесс интерактивных, цифровых образовательных технологий и инструментов, направленных на развитие у обучающихся практических навыков креативного, самостоятельного решения профессиональных проблем [2]. Отечественная модель высшего образования создает необходимый для этого потенциал, который раскрывается за счет конструирования профессиональных компетенций, в творческом развитии образовательного процесса, в выборе содержания, форм, методов, технологий и средств обучения.

Реформирование российской высшей школы ставит задачи и перед образовательными организациями высшего образования (далее – ООВО) системы МВД России, многие из которых определены приказами МВД России от 19 сентября 2022 г. № 689 «Об утверждении Порядка организации и осуществления образовательной деятельности по образовательным программам среднего профессионального образования, программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры, реализуемым в интересах обеспечения законности и правопорядка в федеральных государственных образовательных организациях, находящихся в ведении Министерства внутренних дел Российской Федерации»¹ и от 2 февраля 2024 г. № 44 «Об утверждении Порядка организации подготовки кадров для замещения должностей в органах внутренних дел Российской Федерации»².

В научно-педагогической литературе последних лет представлено большое число авторских исследований, направленных на повышение качества и иных аспектов профессионального образования в ООВО системы МВД России (В. В. Карпов, А. М. Столяренко, А. Н. Сивак, В. И. Коваленко, Т. Е. Хижняк, Д. С. Мольков, Е. Н. Мацнева, А. А. Блонская, Е. А. Федорова, В. В. Васильев, Ю. Н. Русскова, Е. С. Иванченко, М. В. Соловейчик и многие др.). Вместе с тем исследований по разработке и внедрению в учебный процесс интерактивных образовательных технологий (кейс-стади, вебинар, тренинг, дискуссия, мозговой штурм, деловая игра, компьютерные симуляции и др.) еще недостаточно. Для повышения качества ведомственного образования в теории и педагогической практике, с нашей точки зрения, особенно актуальны технология кейс-стади и другие интерактивные методы обучения, реализуемые в сочетании с цифровыми технологиями (облачные вычисления, мобильное обучение, онлайн-курсы, геймификация, веб-квест машинного обучения и др.).

Из зарубежного и отечественного опыта применения кейс-стади в высшей школе известно, что разбор и решение учебных кейсов – основа практических занятий с обучающимися. Например, за время учебы в Гарварде современный студент в среднем разбирает около 700 кейсов³. В настоящее время кейс-метод занимает ведущие позиции в подготовке специалистов и считается одним из самых эвристически эффективных способов обучения студентов практическим навыкам решения типичных служебных задач в области правоприменения, разрешения конфликтов, в других областях деятельности, связанных с выработкой и принятием решений.

В 20-е годы XX века советский педагог-экспериментатор С. Т. Шацкий предпринял попытку внедрить метод «казусов» в отечественную образовательную систему [3]. В 1926 году

¹ Об утверждении Порядка организации и осуществления образовательной деятельности по образовательным программам среднего профессионального образования, программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры, реализуемым в интересах обеспечения законности и правопорядка в федеральных государственных образовательных организациях, находящихся в ведении Министерства внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 19 сентября 2022 г. № 689 (зарег. в Минюсте России 25.10.2022, № 70690) // Официальный интернет-портал правовой информации (<http://pravo.gov.ru>) : [сайт]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202210250047> (дата обращения: 05.01.2025).

² Об утверждении Порядка организации подготовки кадров для замещения должностей в органах внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 2 февраля 2024 г. № 44 (зарег. в Минюсте России 12.03.2024, № 77488) // Там же. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202403130011?pageSize=100&index=1> (дата обращения: 05.01.2025).

³ См.: Бахтина А. С. Проблема использования кейс-стади в образовательном процессе // Вестник науки Сибири. 2016. № 2 (21). С. 23–31.

состоялась первая конференция, на которой с его подачи рассматривались вопросы применения различных образовательных технологий, в т. ч. кейс-метода. Однако уже в 1930-е гг. подход к образованию изменился и произошел возврат к традиционному варианту лекционного и семинарского обучения. Возрождение метода кейс-стади в отечественном высшем образовании произошло только в 70-е гг. прошедшего века на экономическом факультете Московского государственного университета. Значительный вклад в его развитие и внедрение внесли Г. А. Брянский, Ю. Ю. Екатеринославский, О. В. Козлова, Ю. Д. Красовский, В. Я. Платов, Д. А. Пospelов, О. А. Овсянников, В. С. Раппопорт и другие. В российском бизнес-образовании кейс-метод стал широко использоваться в 90-е гг. XX века, что в определенной степени было связано с поддержкой международных образовательных программ и фондов, переходом к рыночной экономике. Его активное продвижение началось в Школе бизнеса МГУ в рамках проектов по линии TACIS⁴ благодаря инициативе ряда преподавателей-энтузиастов.

Интерес к кейс-стади как образовательной технологии в российском высшем образовании заметно усилился в XXI веке. С 2004 года начинает функционировать первый кейс-клуб в ГУ-ВШЭ, с 2006 года – A-club при МГИМО(У). В 2007 году Высшая школа менеджмента Санкт-Петербургского государственного университета выступила инициатором и учредителем проекта «Российский центр учебных кейсов». Она стала первой в России бизнес-школой, которая в последующем создала солидную коллекцию учебных кейсов, раскрывающих практику ведения успешного бизнеса и инноваций в менеджменте. В настоящее время в России проходят регулярные чемпионаты по решению бизнес-кейсов, приумножается число кейс-клубов.

Реализация кейс-метода в отечественном образовании традиционно осуществляется с использованием текстового формата и ограничена малым объемом коллекций кейсов. Большинство исследователей и практиков справедливо считают, что кейс-метод создает позитивный эффект «в комбинации с традиционными методами обучения» [4], поскольку они дополняют друг друга [5]. При этом сдерживает ее распространение в российских образовательных организациях недостаточное по объему и качеству коллекционирование учебных текстовых кейсов. Еще реже используются компендиумы учебных видеокейсов по поведенческим дисциплинам, потенциал которых еще недостаточно изучен.

Закономерный интерес к использованию кейс-метода в образовательной практике проявляется в педагогическом сообществе образовательных организаций высшего образования системы МВД России на примере работ Л. В. Кузнецовой, Л. М. Осинцевой (2019); Д. Д. Мухтарова, Д. Б. Кумаховой (2021); П. В. Разбегаева (2022); Е. В. Пигановой (2023); А. А. Камагуровой, В. В. Шахова (2023); Ю. Ю. Комлева (2023); М. П. Щербаковой, А. А. Кислухина (2023); Л. В. Кузнецовой, И. Ю. Лазаревой (2023); А. Н. Бессарабова, А. Г. Семиглазова, С. И. Иванова (2025); В. В. Шабаева, М. А. Таранина, Н. С. Дудина (2025) и многих других авторов. Так, Л. В. Кузнецова и Л. М. Осинцева обобщают опыт использования кейс-метода для формирования универсальных компетенций обучающихся в Барнаульском юридическом институте МВД России при проведении занятий по дисциплине «Специальная техника органов внутренних дел»⁵. В Белгородском юридическом институте МВД России А. А. Камагурова и В. В. Шахов подчеркивают роль, преимущества и потенциал инновационных педагогических технологий, интерактивных учебных платформ в обеспечении повышения качества обучения, адаптации выпускников ведомственных учебных заведений к современным вызовам и киберугрозам [6]. Е. В. Пиганова из Санкт-Петербургского университета МВД России делает вполне обоснованный вывод о «высокой степени преимущества интерактивных технологий и о возможности внедрения разработанных методических средств, содержащих интерактивные технологии в виде кейс-метода и метода деловой игры в процесс обучения по дисциплине «Основы управления в органах внутренних дел»»⁶. А. Н. Бессарабов, А. Г. Семиглазов, С. И. Иванов анализируют преимущество и ограничения использования в ведомственных образовательных организациях активных методов, таких как деловые игры, кейс-стади и др. [7]. Л. В. Кузнецова и И. Ю. Лазарева, анализируя проблематику повышения эффективности подготовки научно-педагогических кадров в ООВО МВД России, убедительно обосновывают необходимость изучения учебных дисциплин с помощью цифровых

⁴ TACIS (Technical Assistance to the Commonwealth of Independent States – техническая помощь Содружеству Независимых Государств) – программа Европейского союза, существовавшая с 1991 по 2007 год.

⁵ См.: Кузнецова Л. В., Осинцева Л. М. Кейс-метод обучения при формировании универсальных компетенций, обучающихся в образовательных организациях системы МВД России // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2019. № 3 (83). С.188–196.

⁶ См.: Пиганова Е. В. Практика внедрения интерактивных технологий в процесс подготовки будущих сотрудников органов внутренних дел // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2023. № 1 (97). С. 160–168. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2023-1-160-168>.

образовательных технологий и ресурсов, позволяющих обучающимся проявлять творчество и самостоятельность⁷.

Многие исследователи из образовательных организаций высшего образования системы МВД России справедливо отмечают, что интерактивные технологии должны быть сфокусированы на формировании практических навыков и умений, необходимых для выполнения служебных задач сотрудников органов внутренних дел (далее – ОВД) [8].

В работах А. Долгорукова⁸, С. Т. Султонова [9], Л. И. Сурата и И. Е. Вострокнутова [10], Б. А. Бурняшова [11], К. С. Итинсона [12] рассмотрены особенности метода кейс-стади, облачных технологий, их типов и моделей, достоинств и недостатков при использовании в системе высшего образования. Авторский коллектив разделяет точку зрения, что использование облачных технологий несомненно определит будущее в хранении, обработке больших учебных данных и создании образовательных экосистем, ориентированных на потребности обучающихся цифровой эпохи [13]. В ООВО системы МВД России тема облачных технологий и вычислений в учебном процессе также смещается в фокус внимания исследователей. Например, в работе И. Г. Евсеевой и С. Н. Тихомирова рассмотрены варианты использования облачных сервисов для подготовки научно-педагогических кадров [14]. Однако изучение опыта использования видеокейсов в сочетании с другими цифровыми инструментами в учебной практике наших ведомственных образовательных организаций, а также педагогических условий его распространения еще только начинается. В настоящее время чрезвычайно актуальны поиск и апробация в учебном процессе новых технологических решений и комбинаций для качественной реализации компетентностного, деятельностного, личностно-ориентированного подходов, повышения антропоцентричности и практической направленности ведомственного высшего образования в условиях его цифровой трансформации.

Гипотеза исследования состоит в том, что использование учебных видеокейсов, извлекаемых из облачного хранилища, для их микрогруппового обсуждения с элементами игры по сравнению с традиционными текстовыми кейсами позволяет обучающимся на практических занятиях на примере дисциплины «Психология конфликта» более качественно осваивать учебный материал и овладевать заданными компетенциями (знаниями, умениями и навыками) для самостоятельного поиска и обоснования решения прикладных задач.

В связи с этим представляется уместным в качестве цели исследования обобщить положительный опыт эмпирического изучения и внедрения кейс-стади в сочетании с облачной технологией для хранения и использования видеокейсов и элементов геймификации в преподавании поведенческих дисциплин, накопленный в Казанском юридическом институте МВД России.

Научная новизна и ценность статьи находят отражение в обобщении и описании авторским коллективом оригинального педагогического опыта, в результатах проделанной экспериментальной работы. Основной научный результат состоит в обосновании и эмпирической проверке предложенной авторской модели, соединяющей потенциал метода кейс-стади с облачной технологией для хранения и использования видеокейсов с элементами геймификации в преподавании поведенческих дисциплин, что обеспечивает более тесную связь их содержания с будущей профессиональной деятельностью выпускников, способствует качественному формированию заданных компетенций благодаря росту активности и вовлеченности курсантов в учебный процесс. В ходе исследования разработан компендиум учебных текстовых и видеокейсов, установлены основные педагогические условия, обеспечивающие эффективность предложенного методического решения, при соблюдении которых полученный опыт может быть распространен в ООВО системы МВД России.

Методы

Авторский коллектив, формируя методологическую рамку исследования, исходил из классических образовательных парадигм, компетентностного подхода с приоритетом антропопрактики интерактивного образовательного процесса. В ходе поэтапного эмпирического исследования с 2023 по 2026 гг. был проведен педагогический эксперимент. На этапе констатирующего эксперимента в 2023/24 учебном году выполнен контент-анализ современного педагогического дискурса по активным и интерактивным методам обучения, облачным

⁷ См.: Кузнецова Л. В., Лазарева И. Ю. Роль цифровых технологий в организации учебных занятий будущих преподавателей // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2023. № 2 (98). С. 208–214. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2023-2-208-214>.

⁸ Долгоруков А. Метод case-study как современная технология профессионально-ориентированного обучения // Евгений Волков (Evgeny Volkov): [сайт]. URL: <https://www.evolkov.net/case/case.study.html> (дата обращения: 10.01.2026).

технологиям в образовании. Сформулированы цель, задачи и гипотеза исследования, выполнен подбор диагностического инструментария, сформирован компендиум учебных текстовых и видеокейсов по правоприменительной и социальной практике. На опытно-экспериментальном этапе (формирующий эксперимент) в 2024/25 учебном году в исследовании приняли участие курсанты четвертого курса по направлению подготовки 40.05.01 «Правовое обеспечение национальной безопасности», изучающие дисциплину «Психология конфликта» в объеме двух зачетных единиц (семь лекционных и восемь практических занятий, недифференцированный зачет). Были определены экспериментальная группа (далее – ЭГ) и контрольная группа (далее – КГ), равнозначные по исходному уровню успеваемости, в каждой по 20 курсантов. Выборочная совокупность участников, задействованных в эксперименте, составила половину от числа всех курсантов, обучающихся на курсе (40). На практических занятиях по дисциплине «Психология конфликта» в ЭГ была использована экспериментальная модель, построенная на разборе в микрогруппах учебных видеокейсов, извлекаемых с помощью смартфонов из облачного хранилища, с обсуждением которых использовались приемы геймификации. В КГ практические занятия проводились по традиционной методике с использованием учебных текстовых кейсов без игровых элементов. Метод включенного наблюдения использован для регистрации эмоциональной вовлеченности в учебный процесс и активности в микрогрупповой работе курсантов. Результаты текущего контроля успеваемости в экспериментальной и контрольной группах фиксировались в учебных журналах в традиционной пятибалльной системе. На аналитико-обобщающем этапе в 2025/26 учебном году выполнено сравнение и интерпретация результатов формирующего эксперимента; выявлены статистически значимые различия по оценкам текущей успеваемости и качеству промежуточной аттестации в пользу экспериментальной модели, а также сформулированы основные педагогические условия для ее распространения в ведомственной образовательной системе.

В первом семестре 2025/26 учебного года авторская экспериментальная модель была внедрена на практических занятиях во всех четырех учебных группах 4-го курса (направление подготовки 40.05.01 «Правовое обеспечение национальной безопасности»), изучающих дисциплину «Психология конфликта». Для оценки эффективности предложенной модели с позиций субъективной удовлетворенности обучающихся на этом курсе проведен сплошной анонимный опрос в методической форме полуструктурированной анкеты спустя месяц после зимней экзаменационной сессии (опрошены 76 курсантов).

Результаты и обсуждение

Замысел авторов обобщить педагогический опыт по использованию кейс-стади с интеграцией облачной технологии для хранения и использования учебных видеокейсов с элементами геймификации в преподавании дисциплины «Психология конфликта» в Казанском юридическом институте МВД России сложился не сразу. Это стало возможно только после того, как авторским коллективом на кафедре философии, политологии, социологии и психологии института были проведены в течение трех лет педагогический эксперимент, ряд других эмпирических исследований, подтвердивших исходные гипотетические предположения. Постановка проблемы и первые эмпирические результаты были представлены на научно-практической конференции в Тюмени (2023) и частично отражены в учебном пособии «Кейс-стади в психологии конфликта»⁹ (2023). Кроме того, разбор на практических занятиях видеокейсов с элементами геймификации был опробован и положительно зарекомендовал себя при изучении ряда прикладных тем по таким поведенческим дисциплинам, как «Социология», «Юридическая психология», «Педагогика и психология в профессиональной деятельности», «Психология в деятельности сотрудников органов внутренних дел».

Курсантам и слушателям в юридических учебных заведениях системы МВД России, как известно, наряду с основательным изучением правовых и специальных учебных предметов необходимы прочные знания, умения и навыки в области поведенческих наук. Это закономерно, поскольку сотрудники полиции имеют дело с законом и людьми. Учебный процесс в нашей ведомственной образовательной системе опирается на традиционные и инновационные образовательные парадигмы, компетентностный подход. Однако на практике в учебной работе все же доминируют традиционные варианты, сориентированные на передачу знаний, умений и навыков, реципиенты которых в массе своей нередко пассивны и на классической лекции, и на занятии семинарского типа или практическом занятии.

⁹ См.: Комлев Ю. Ю. Кейс-стади в психологии конфликта: учебное пособие. Казань: Казанский юридический институт МВД России, 2023. С. 143–158.

Кейс-метод выгодно отличается тем, что предполагает под контролем преподавателя проведение курсантами анализа проблемной ситуации, выдвижение, обсуждение, обоснование и сопоставление нескольких вариантов ее разрешения с выбором самого оптимального из них. Она переносит акцент в обучении с овладения готового на все случаи жизни знания на процесс его активного поиска, на сотворчество всех обучаемых при разборе кейсов в ходе микрогрупповых дискуссий для наилучшего решения проблемы, что и способствует более качественному закреплению знаний, формирует необходимые и достаточные умения и навыки, укрепляет связь теории и практики, поскольку кейс-стади создает дополнительный дидактический эффект в сочетании с традиционными методами обучения.

Одним из результатов экспериментального исследования и важным педагогическим условием практического внедрения разработанной авторами модели кейс-стади является создание на его первом этапе авторского компендиума из 32 учебных текстовых и видеокейсов в формате мини¹⁰. 68 % из них – текстовые кейсы, 32 % – видеокейсы. Текстовые кейсы рассчитаны на 0,5 или одну страницу, видеокейсы включают сюжеты на 2–3 минуты. В учебных кейсах разворачиваются проблемная ситуация, служебное событие, конфликт. Они опираются как на реальные, «живые», так и сконструированные конфликтные ситуации из правоприменительной и социальной практики. Исходный материал для учебных текстовых кейсов был получен по результатам транскрибирования неформализованных интервью слушателей заочной формы обучения (следователей, дознавателей, сотрудников уголовного розыска), которые сообщали о курьезных случаях и конфликтах из собственной служебной деятельности в ОВД регионов Поволжья. Видеокейсы были отобраны исследовательской группой из телевизионных новостных программ ЦТ и регионального телевидения, фрагментов из лучших кинопроизведений на полицейскую тематику. Были использованы видеоматериалы, в т. ч. мультипликационные, размещенные на платформе RuTube. Все отобранные видеокейсы отличаются повышенным динамизмом, острым сюжетом и эмоциональностью, яркой визуализацией, игровой интригой и драматизмом.

Компендиум учебных видеокейсов при завершении первого этапа экспериментальной работы был размещен с помощью облачной технологии на Mail.ru, что обеспечивало просмотр и работу с видеоматериалами по ссылке с помощью QR-кода (рисунок 1).



Рисунок 1. Пример работы с видеоматериалами по ссылке с помощью QR-кода
Figure 1. Example of working with video materials via a QR-code link

По мере увеличения компендиума видеокейсов следующий шаг в разработке темы предполагает использование безопасного облачного хранилища с существенно большим объемом памяти и развитого цифрового функционала, такого, например, как СберДиск (15 ГБ бесплатного хранения видеофайлов). Накопление и обмен большими объемами учебного видеоконтента является существенным педагогическим условием для большей эффективности реализации предложенной модели, ее развития и распространения в образовательной системе. Внедрение в учебный процесс облачных хранилищ в ООВО системы МВД России сегодня объективно необходимо. Оно, по оценкам специалистов, ведет к повышению качества образовательных услуг, обеспечивает гибкость в организации учебного процесса, способствует росту удовлетворенности

¹⁰ См.: Комлев Ю.Ю. Указ. соч.

и вовлеченности обучающихся в активность онлайн [15]. Нужно заметить, что, наряду с беспрецедентной экономичностью, гибкостью, мобильностью и доступностью облачных данных с любого удаленного устройства, облачная технология создает и определенные риски. Прежде всего это касается проблем безопасности и конфиденциальности данных, зависимости пользователей от провайдеров цифровых услуг.

Справедливости ради следует отметить, что апробированный в ходе экспериментальной работы подход приводит преподавателя к заметно большему расходу времени на поиск, отбор и конструирование кейсов, на формирование их компендиума, подготовку занятия, групповую работу. Необходимо освоение и цифровых компетенций, и цифровой культуры в целом.

Следовательно, еще одним педагогическим (дидактическим) условием внедрения предложенной авторской модели реализации кейс-стади является компетентность преподавателя как фасилитатора и гейм-дизайнера с высокой культурой цифрового этикета, умеющего создать и усилить с помощью игровых и цифровых элементов творческую атмосферу командной работы. Именно это дидактическое условие, как показывает опыт, создает интерес акторов к педагогическим инновациям, существенно повышает мотивацию, активность и вовлеченность в учебу курсантов, повышает практико-ориентированную готовность выпускников к профессиональной деятельности в цифровой среде. Отсюда необходимо систематическое повышение квалификации профессорско-преподавательского состава для освоения новых цифровых инструментов, которые содержат большой набор средств геймификации познавательного процесса (виртуальные стикеры, рейтинги, бейджи, ролевые миссии, фиксация «цифрового следа», онлайн-опросы), обеспечивая прозрачность и «вес» вклада каждого обучающегося в поиск вариантов и решение практических задач.

Опыт экспериментальной работы убедительно показал, что метод кейсов, дополняя классические виды обучающих мероприятий (лекции, семинары), весьма продуктивен в комбинации с цифровыми технологиями. Так, по итогам анализа материалов включенного наблюдения, собранных на практических занятиях в ходе констатирующего эксперимента, установлено, что курсанты экспериментальной группы особенно чутко реагировали на учебные видеокейсы, обеспечивающие реализацию дидактического принципа наглядности обучения. Их особенно впечатляли визуальные образы, эмоции и динамичные действия участников конфликтных ситуаций. Преимущество предложенной авторской модели раскрылось в ходе экспериментальной работы в силу того, что «живые» видеокейсы создавали дополнительный дидактический эффект по сравнению с кейсами статичного текстового формата. Они более динамичны и более «чувствительны» к передаче в аудиторию «атмосферы» сложности, многомерности и субъективности человеческого поведения.

Видеокейсы, благодаря их облачному хранению, реализуются в любой момент времени не только на практических занятиях, но и в режиме самоподготовки и на промежуточной аттестации. Это дополнительно расширяет дидактические возможности кейс-стади в учебном процессе. Облачная технология позволяет в режиме онлайн неоднократно просматривать видеокейс, превращая курсанта в активного исследователя хронологии конфликта, анализирующего агента, оказавшегося внутри развивающегося процесса.

Учебный кейс не содержит формулировки проблемы или ответа на ее решение. Курсантам на практических занятиях было предложено в микрогруппах по 4–5 человек самостоятельно провести по заданной инструкции анализ кейсов правоохранительной и социальной практики. Аналитическая работа по определению природы объекта, предмета конфликта, описанию его среды, определению типа (по критерию субъектности и других), обоснованию путей его разрешения позволяет обучающимся накопить ценный опыт практического применения знаний, умений и навыков, необходимых для реализации должностных функций в рамках реальной служебной деятельности, структурно включающей зоны конфликтного взаимодействия как неотъемлемый элемент профессиональной коммуникации.

Учебный процесс в экспериментальной группе был организован в атмосфере игры и соперничества с обсуждением полученных результатов, распределением и подсчетом стикеров, отражающих активность и вовлеченность в микрогрупповую работу, дискуссию всех курсантов. Игровые элементы стимулировали развитие таких важных навыков, как самостоятельность в суждениях, работа в команде, креативное мышление. Текущий контроль успеваемости как оценка качества усвоения содержания изучаемых тем дисциплины происходил на практических занятиях в форме устного индивидуального опроса и учета баллов, начисленных в виде стикеров при анализе практических задач, что позволяло объективно оценить степень овладения учебным материалом. Опыт использования игровых элементов в экспериментальной группе показал, что курсанты, состязаясь, стремились «заработать» больше стикеров за участие

в разборе и разрешении конфликтов, представленных на видеокейсах. Игровой подход не давал «отсидеться» даже нерадивым курсантам, поскольку играли все. Включенное наблюдение и подсчет стикеров показали, что в экспериментальной группе возросли активность и вовлеченность курсантов в микрогрупповую работу, креативность и интерес к учебе.

Количественные данные, собранные в ходе формирующего эксперимента, свидетельствуют об образовательных достижениях. Подсчет балльных оценок успеваемости в столбальной системе за семестр показал, что в экспериментальной группе количество оценок «отлично» и «хорошо» текущего контроля оказалось на 20 % больше, чем в контрольной группе.

Статистическая обработка данных выполнена с помощью пакета программ для общественных наук IBM SPSS Statistics 26. Сравнительные показатели успеваемости входного и итогового исследования экспериментальной и контрольной групп с результатами расчетов представлены в таблице 1 и на графике.

Таблица 1

Сравнительные показатели успеваемости
в контрольной и экспериментальной группах (n = 20)

Table 1

Comparative performance indicators in the control and experimental groups (n = 20)

Показатель	Контрольная группа (КГ)	Экспериментальная группа (ЭГ)	Разница	Статистический критерий	Уровень значимости (p)
Количество обучающихся (n)	20	20	—	—	—
Входная диагностика (средний балл, max 100)	57,8 ± 8,94	58,5 ± 9,43	+ 0,7	t(38) = 0,24	p = 0,810 (н. з.)
Итоговая диагностика (средний балл, max 100)	62,05 ± 9,02	74,35 ± 10,21	+ 12,3	t(38) = 4,10	p < 0,001
Прирост внутри группы (итог – вход)	+ 4,25 ± 1,29	+ 15,85 ± 3,92	+ 11,6	t(19) = 14,71** / t(19) = 18,09	p < 0,001 / p < 0,001
Доля оценок «хорошо» и «отлично» (≥ 70 баллов)	20 % (4 из 20)	70 % (14 из 20)	+ 50 п. п.	χ ² (1) = 10,10	p = 0,0015

Примечания: 1. t-критерий Стьюдента для независимых выборок (сравнение КГ и ЭГ на каждом этапе).
2. t-критерий Стьюдента для связанных выборок (парный t-тест, сравнение внутри одной группы).
3. Н. з. – различия статистически не значимы (p > 0,05).
4. П. п. – процентные пункты (доля оценок «хорошо» и «отлично»; разница: 70 % (ЭГ) – 20 % (КГ) = 50 процентных пунктов).
5. Данные представлены как среднее арифметическое ± стандартное отклонение.
6. Проверка нормальности распределения выполнена по критерию Шапиро – Уилка (p > 0,05 для всех групп, что позволяет использовать параметрические критерии).

Как видно из таблицы 1, в начале опытно-экспериментального этапа исследования экспериментальная и контрольная группы эквивалентны по входному уровню знаний (p = 0,810).

Средний итоговый балл в ЭГ оказался на 20 % выше, чем в КГ (74,35 против 62,05; t = 4,10; p < 0,001). Внутригрупповой прирост в ЭГ составил +15,85 балла против +4,25 в КГ (p < 0,001). Доля оценок «хорошо» и «отлично» в КГ составляет 20 %, а в ЭГ – 70 % (χ² = 10,10; p = 0,0015).

Таким образом, все выявленные различия статистически значимы, что подтверждает эффективность экспериментальной модели (рисунок 2).

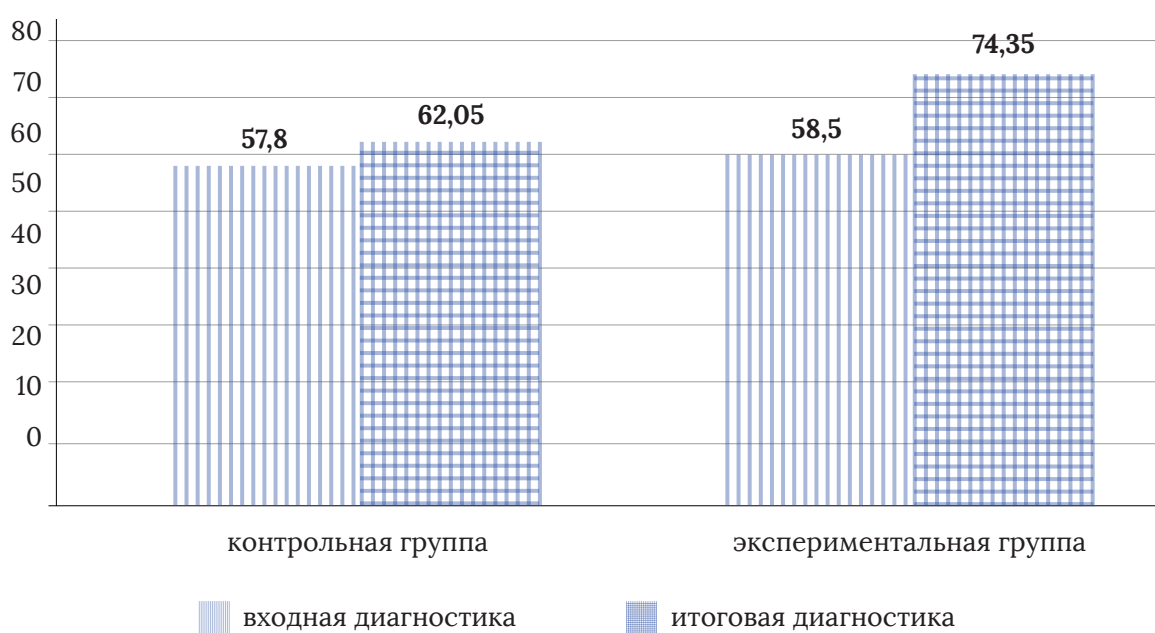


Рисунок 2. Сравнительные показатели успеваемости

в контрольной и экспериментальной группах (n = 20)

Figure 2. Comparative performance indicators in the control and experimental groups (n = 20)

Итак, педагогическая практика показывает, что использование видеокейсов, их облачного хранения и элементов геймификации позволяет лучше сформировать заданные рабочей программой учебной дисциплины компетенции (УК-8, ОПК-8), усиливает антропоцентричность в проявлениях личной активности, заинтересованности и вовлеченности, а также практическую направленность обучения.

После завершения экспериментальной работы авторская модель видеокейсов, облачных инструментов и элементов геймификации была внедрена в учебный процесс в Казанском юридическом институте МВД России на четвертом курсе (направление подготовки 40.05.01 «Правовое обеспечение национальной безопасности») в первом семестре 2025/26 учебного года при изучении дисциплины «Психология конфликта». Для ее оценки с позиций субъективной удовлетворенности обучающихся после промежуточной аттестации был проведен сплошной анонимный опрос во всех четырех учебных группах курса в методической форме полуструктуризированной анкеты.

Обобщенные данные субъективной статистики опроса свидетельствуют, что 78,8 % респондентов «отлично» и 14 % «хорошо» оценивают преподавание дисциплины «Психология конфликта» с использованием кейс-стади, облачной технологии и геймификации. По итогам изучения дисциплины 80,2 % на «отлично» и 15,8 % на «хорошо» оценивают уровень полученных знаний, 75 % на «отлично» и 18,4 % на «хорошо» – сформированные умения, 77,6 % на «отлично» и 19,7 % на «хорошо» – практические навыки. Из числа респондентов 72,4 % на «отлично» и 19,7 % на «хорошо» оценивают применение кейс-метода при изучении поведенческих дисциплин на примере психологии конфликта. Разбор учебных текстовых и видеокейсов на занятиях, по мнению опрошенных, больше всего способствуют получению знаний (42,1 %), умений (19,7 %), навыков (34,2 %).

Весьма положительное отношение курсанты проявили к оценке использования на занятиях видеокейсов. 78,9 % из них «отлично» и 14,5 % «хорошо» оценивают этот прием. Среди тех, кто дает отличную и хорошую оценку внедрению в учебный процесс облачной технологии для получения доступа к видеокейсам из компендиума по QR-кодам, составляет 75 % и 18,4 % соответственно.

На вопрос «Какой эффект имеют разбор (просмотр) и обсуждение кейсов на учебном занятии?» ответы распределились следующим образом (таблица 2):

Таблица 2

Эффект применения метода кейс-стади в учебном процессе

Table 2

Effect of applying the case study method in the educational process

в процентах

Применение кейс-метода при изучении поведенческих дисциплин на примере психологии конфликта	Результат
Усиливает практическую направленность обучения	69,7
Стимулирует интерес к учебе	53,9
Развивает активность и вовлеченность	60,5
Способствует самостоятельности	26,3
Развивает креативность	46
Привносит элемент игры на занятиях (геймификация)	50
Развивает навыки решения проблем	65,8
Ничего не дает	1,3

Как видим, дидактический эффект кейс-стади по субъективным оценкам курсантов больше всего проявился в реализации практической направленности обучения, в развитии навыков решения служебных проблем, в активности и вовлеченности обучаемых, в стимуляции интереса к учебе. Предложенное и апробированное авторами методическое решение способствует, по оценкам курсантов, не только более качественному освоению учебного материала, практической направленности и антропоцентричности обучения, но и открывает путь к личностному росту обучающихся, развивает креативность и самостоятельность в суждениях. Элементы игры, реализованные при обсуждении видеокейсов на занятиях, позволяют преодолеть рутину и статичность традиционных форм обучения.

Дополнительные аргументы в пользу научных результатов, полученных в ходе педагогического эксперимента, наблюдений и формализованной части опроса, дают материалы транскрибирования устных высказываний и тексты ответов курсантов на открытый вопрос анкеты: «Сообщите о своих субъективных впечатлениях об изучении дисциплины „Психология конфликта“ (понравилось ли вам содержание курса и нужен ли этот предмет; какое впечатление на вас производит кейс-метод и использование облачного хранения видеофайлов; какие вы видите недостатки; сформулируйте свои предложения по повышению качества учебного процесса)?» 55 респондентов из 76 выразили свое отношение устно в пользу технологических инноваций весьма положительным образом, хотя отвечать на этот вопрос было необязательно.

Из высказывания критически мыслящего и отлично успевающего курсанта следует, что «...дисциплина очень понравилась, практическая направленность обучения позволила не только получить теоретические знания, но и применить их в жизни. Больше всего понравился метод кейс-стади. Он позволяет находить креативные решения проблем, развивать аналитическое мышление, совершенствовать навыки командной работы при совместном решении кейсов. Использование облачного хранения видеофайлов оказалось очень удобным, т. к. позволяет изучать учебные материалы в любое время...».

Из ответа посредственного курсанта, того, кто оценил уровень полученных знаний удовлетворительно, также следует, что «...содержание курса понравилось, особенно применение видеокейсов на занятиях...». Типичные, чаще всего встречающиеся, суждения состоят в том, что «...предмет понравился. Да, он нужен для изучения...»; «...необходимо использовать кейс-метод и облачное хранение видеофайлов...»; «...содержание курса понравилось, особенно применение видеокейсов на занятиях...»; «...дисциплина произвела положительное впечатление. Она отличается от других тем, что при ее изучении был использован необычный подход: изучение кейсов. Очень удобно пользоваться видеофайлами...».

Таким образом, анализ эмпирических данных, собранных в ходе экспериментальной работы и педагогической практики, субъективных оценок и суждений курсантов о дидактической эффективности реализованной модели кейс-стади дает возможность в первом приближении подтвердить гипотезу исследования. Использование учебных видеокейсов, извлекаемых из облачного хранилища, для их микрогруппового обсуждения с элементами игры позволяет обучающимся на примере дисциплины «Психология конфликта» более качественно по сравнению

с традиционными текстовыми кейсами осваивать учебный материал и овладевать заданными компетенциями (знаниями, умениями и навыками) для самостоятельного поиска и обоснования решения прикладных задач.

3 заключение

Обобщенный опыт педагогической работы, эмпирического изучения и внедрения кейс-стади в сочетании с облачной технологией для хранения и использования видеокейсов, элементов геймификации в преподавании поведенческих дисциплин может быть полезен в совершенствовании учебного процесса в ведомственной высшей школе. Апробированная авторами модель кейс-стади не лишена дискуссионности, но имеет явную антропоцентрическую и практическую направленность, поскольку стимулирует активность и вовлеченность обучающихся в учебную работу, ориентирована на решение прикладных задач. Она позволяет использовать цифровые инструменты, геймификацию и тем самым лучше готовить выпускников к работе не только в профессиональной, но и цифровой среде. Полагаем, что полученный опыт может быть использован в преподавании не только общественных (поведенческих), но и юридических и специальных дисциплин при соблюдении определенных педагогических условий. В их ряду основные организационно-методические и дидактические предпосылки, которые состоят в следующем.

Во-первых, необходимы отбор и конструирование «живых» тематически ориентированных видеокейсов, создание на их основе компендиума с его последующим постоянным обновлением на облачных платформах с большей памятью хранилища и развитыми цифровыми функциями. В частности, такие возможности создают отечественные облачные цифровые платформы (СберДиск, «Яндекс 360», VK WorkSpace, «Облако Mail.ru»), с помощью которых можно практически неограниченно наращивать число не только мини-, но и более продолжительных видеокейсов. Развитие цифровых облачных платформ идет по пути увеличения их функциональных возможностей, в т. ч. с использованием инструментов геймификации и контроля за учебным процессом. Они позволяют автоматически фиксировать и делать наглядным участие каждого курсанта при обсуждении учебного материала, а в ткань дискуссии встраивать интерактивные опросы и голосования, другие игровые и оценочные решения.

Во-вторых, преподаватель, использующий в учебной практике кейс-метод и цифровые технологии, должен обладать высокой культурой цифрового этикета, в идеале он должен быть хорошим фасилитатором и гейм-дизайнером, что позволит ему лучше готовить обучающихся к работе не только в профессиональной, но и цифровой среде.

В-третьих, необходимо систематическое повышение квалификации профессорско-преподавательского состава для освоения новых облачных платформ и других цифровых инструментов, которые содержат эффективный набор средств геймификации познавательного процесса.

Исследовательский коллектив считает, что в перспективе за первым опытом последуют и другие образовательные инновации, основанные на более широком использовании различных цифровых инструментов в сочетании с кейс-стади и другими интерактивными методами для повышения антропоцентричности и практической направленности обучения.

Список источников

1. Уваров А. Ю. Образование в мире цифровых технологий: на пути к цифровой трансформации. Москва : Издательский дом ГУВШЭ, 2018. 168 с.
2. Нимировская Ю. К. Кейс-метод: сущностно-диалоговое обучение в учебном процессе вуза // Проблемы современного образования. 2024. № 3. С. 270–276. <https://doi.org/10.31862/2218-8711-2024-3-270-276>
3. Шацкий С. Т. Наше педагогическое течение // Избранные педагогические сочинения: в 4 т. / под ред. Н. П. Кузина, М. Н. Скаткина, В. Н. Шацкой. Москва: Педагогика, 1980. Т. 2. С. 134–142.
4. Старикова Л. Д., Модестова Е. А. Метод кейсов в высшей школе // Инновационная наука. 2023. № 6-2. С. 120–123.
5. Милованова О. И., Гураль С. К. Реализация технологии кейс-стади метода в обучении иноязычному дискурсу студентов юридических специальностей // Язык и культура. 2025. № 69. С. 153–175. <https://doi.org/10.17223/19996195/69/8>
6. Камагурова А. А., Шахов В. В. Применение инновационных педагогических технологий в образовательном процессе образовательных организаций МВД России // Проблемы правоохранительной деятельности. 2023. № 4. С. 74–79.
7. Бессарабов А. Н., Семиглазов А. Г., Иванов С. И. Особенности применения активных методов обучения в вузах системы МВД России: от теории к практике профессиональной подготовки // Human Progress: [электронное издание]. 2025. Т. 11, № 4. С. 19. URL: http://progresshuman.com/images/2025/Tom11_4/Bessarabov.pdf. <https://doi.org/10.46320/2073-4506-2025-4a-25>
8. Шабает В. В., Таранин М. А., Дудин Н. С. Современные образовательные технологии в вузах системы МВД России: адаптация к вызовам цифровой эпохи и задачам профессиональной подготовки // Human Progress: [электронное издание]. 2025. Т. 11, № 4. С. 25. URL: http://progresshuman.com/images/2025/Tom11_4/Shabaev.pdf. <https://doi.org/10.46320/2073-4506-2025-4a-31>

9. Султонов С. Т. Метод case-study как современная технология профессионально-ориентированного обучения студентов // Проблемы современной науки и образования. 2020. № 1 (146). С. 59–61.
10. Сура́т Л. И., Вострокну́тов И. Е. Облачные сервисы и облачные платформы управления вузом: современное состояние и перспективы развития // Информатика и образование. 2024. Т. 39, № 6. С. 53–64. <https://doi.org/10.32517/0234-0453-2024-39-6-53-64>
11. Бурнышов Б. А. Российские облачные пакеты офисных приложений в учебном процессе вузов // Информатика и образование. 2023. Т. 38, № 2. С. 5–15. <https://doi.org/10.32517/0234-0453-2023-38-2-5-15>
12. Итинсон К. С. Облачные технологии в образовании: концепция и реальность // Балтийский гуманитарный журнал. 2020. Т. 9, № 4 (33). С. 90–92. <https://doi.org/10.26140/bgj3-2020-0904-0024>
13. Коби́чева А. М. Облачные технологии в вузе: преимущества, риски и модели внедрения // Проблемы современной науки и образования. 2025. № 12 (211). С. 45–47.
14. Евсе́ева И. Г., Тихоми́ров С. Н. Педагогический потенциал использования облачных технологий в профессиональной подготовке адъюнктов университета МВД России // Психология и педагогика служебной деятельности. 2021. № 1. С. 116–121. <https://doi.org/10.24412/2658-638X-2021-1-116-121>
15. Бузы́кова Ю. С. Разработка и внедрение облачных платформ для управления образовательным процессом в условиях цифровой трансформации университетов // Академический исследовательский журнал: [электронное издание]. 2025. Т. 3, № 4. С. 138–153. URL: <https://aereview.ru/index.php/ae/article/view/86>. <https://doi.org/10.25726/f4871-6886-4400-u>

References

1. Uvarov A. Yu. *Obrazovanie v mire cifrovyyh tekhnologij: na puti k cifrovoj transformacii*. Moskva : Izdatel'skij dom GUVSHE, 2018. 168s.
2. Nimirowskaya Yu. K. Kejs-metod: sushchnostno-dialogovoe obuchenie v uchebnoy processe vuza // Problemy sovremennoy obrazovaniya. 2024. № 3. S. 270–276. <https://doi.org/10.31862/2218-8711-2024-3-270-276>
3. Shackij S. T. *Nashe pedagogicheskoe techenie* // Izbrannyye pedagogicheskiye sochineniya : v 4 t. / pod red. N. P. Kuzina, M. N. Skatkina, V. N. Shackoj. Moskva: Pedagogika, 1980. T. 2. S. 134–142.
4. Starikova L. D., Modestova E. A. Metod kejsov v vysshej shkole // Innovatsionnaya nauka. 2023. № 6-2. S. 120–123.
5. Milovanova O. I., Gural' S. K. Realizatsiya tekhnologii kejs-stadi metoda v obuchenii inoyazychnomu diskursu studentov yuridicheskikh special'nostej // Yazyk i kul'tura. 2025. № 69. S. 153–175. <https://doi.org/10.17223/19996195/69/8>
6. Kamagurova A. A., Shahov V. V. Primeneniye innovatsionnykh pedagogicheskikh tekhnologiy v obrazovatel'nom processe obrazovatel'nykh organizatsiy MVD Rossii // Problemy pravoohranitel'noy deyatel'nosti. 2023. № 4. S. 74–79.
7. Bessarabov A. N., Semiglazov A. G., Ivanov S. I. Osobennosti primeneniya aktivnykh metodov obucheniya v vuzakh sistemy MVD Rossii: ot teorii k praktike professional'noy podgotovki // Human Progress : [elektronnoye izdaniye]. 2025. T. 11, № 4. S. 19. URL: http://progresshuman.com/images/2025/Tom11_4/Bessarabov.pdf. <https://doi.org/10.46320/2073-4506-2025-4a-25>
8. Shabaev V. V., Taranin M. A., Dudin N. S. Sovremennyye obrazovatel'nye tekhnologii v vuzakh sistemy MVD Rossii: adaptatsiya k vyzovam cifrovoj epokhi i zadacham professional'noy podgotovki // Human Progress: [elektronnoye izdaniye]. 2025. T. 11, № 4. S. 25. URL: http://progresshuman.com/images/2025/Tom11_4/Shabaev.pdf. <https://doi.org/10.46320/2073-4506-2025-4a-31>
9. Sul'tonov S. T. Metod case-study kak sovremennaya tekhnologiya professional'no-orientirovannogo obucheniya studentov // Problemy sovremennoy nauki i obrazovaniya. 2020. № 1 (146). S. 59–61.
10. Surat L. I., Vostroknutov I. E. Oblachnyye servisy i oblachnyye platformy upravleniya vuzom: sovremennoye sostoyaniye i perspektivy razvitiya // Informatika i obrazovanie. 2024. T. 39, № 6. S. 53–64. <https://doi.org/10.32517/0234-0453-2024-39-6-53-64>
11. Burnyashov B. A. Rossiyskiye oblachnyye pakety ofisnykh prilozheniy v uchebnoy processe vuzov // Informatika i obrazovanie. 2023. T.38, № 2. S. 5–15. <https://doi.org/10.32517/0234-0453-2023-38-2-5-15>
12. Itinson K. S. Oblachnyye tekhnologii v obrazovanii: koncepciya i real'nost' // Baltijskij gumanitarnyj zhurnal. 2020. T. 9, № 4 (33). S. 90–92. <https://doi.org/10.26140/bgj3-2020-0904-0024>
13. Kobicheva A. M. Oblachnyye tekhnologii v vuze: preimushchestva, riski i modeli vnedreniya // Problemy sovremennoy nauki i obrazovaniya. 2025. № 12 (211). S. 45–47.
14. Evseeva I. G., Tihomirov S. N. Pedagogicheskij potencial ispol'zovaniya oblachnykh tekhnologiy v professional'noy podgotovke ad'yunktov universiteta MVD Rossii // Psihologiya i pedagogika sluzhebnoy deyatel'nosti. 2021. № 1. S. 116–121. <https://doi.org/10.24412/2658-638X-2021-1-116-121>
15. Buzykova Yu. S. Razrabotka i vnedrenie oblachnykh platform dlya upravleniya obrazovatel'nym processom v usloviyakh cifrovoj transformatsii universitetov // Akademicheskij issledovatel'skij zhurnal: [elektronnoye izdaniye]. 2025. T. 3, № 4. S. 138–153. URL: <https://aereview.ru/index.php/ae/article/view/86>. <https://doi.org/10.25726/f4871-6886-4400-u>

Авторами внесен равный вклад в написание статьи.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors have made an equal contribution to the writing of the article.
The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья
УДК 378.18

Проектирование интегративного воспитательного события в ведомственной образовательной организации высшего образования на основании гуманитарно-антропологического подхода

Анна Анатольевна Тимофеева¹, кандидат педагогических наук, доцент

Андрей Александрович Удальцов², кандидат юридических наук, доцент

Наталья Витальевна Парнюк³, кандидат психологических наук, доцент

¹⁻³ Санкт-Петербургский университет МВД России

Санкт-Петербург (198206, ул. Летчика Пилютова, д. 1), Российская Федерация

¹ universpb@mvd.ru, ² oudaltsov@mail.ru, ³ nparnyuk@mail.ru

² <https://orcid.org/0000-0003-2286-817X>

Аннотация:

Введение. Стратегический курс на удержание общего образовательного пространства для Содружества Независимых Государств и иных стран, с которыми Россия поддерживает дружеские отношения, ставит перед ведомственными образовательными организациями высшего образования задачу результативной просветительско-воспитательной работы с обучающимися в них иностранными специалистами. В связи с этим становится актуальной проблема организации воспитательной работы с иностранными слушателями в ведомственных образовательных организациях высшего образования системы МВД России. Анализ рабочей программы воспитания Санкт-Петербургского университета МВД России позволил выявить противоречие между заявленными гуманистическими принципами и недостаточной представленностью интерактивных форм образовательного взаимодействия. Цель исследования – разработка проектной матрицы воспитательного мероприятия, реализующей принципы гуманитарно-антропологического подхода. **Методы.** Анализ и синтез научной литературы и методической документации, педагогическое моделирование и проектирование, включенное наблюдение, рефлексивный анализ. **Результаты.** Осуществлен методологический синтез андрагогики, событийного подхода при использовании принципов конструирования содержания образования на основе идеи диалога культур. Описан ход реализации позиции сотрудничества педагога с обучающимся как равноправным участником со-бытийной общности. Разработана проектная матрица трехдневного фестиваля «Мы разные, но мы вместе». Апробация с участием 79 слушателей из 21 страны подтвердила эффективность подхода: зафиксированы преодоление формальной дистанции, формирование новой групповой идентичности (названия символических стран – «Дружбостан», столиц – «Семья») и присвоение ценностей со-бытийной общности через рефлексивную практику «Паспорт дружбы». **Выводы.** Переход от технократической логики к проектированию педагогических событий возможен на основе синтеза андрагогики, событийности, диалога культур и неформального образования. Ключевое условие реализации подхода – позиция педагога как со-трудника, способного удержать пространство подлинной встречи и рефлексии.

Ключевые слова:

образовательная организация высшего образования МВД России, иностранные слушатели, гуманитарно-антропологический подход, андрагогический подход, неформальное образование, проектная матрица

Для цитирования:

Тимофеева А. А., Удальцов А. А., Парнюк Н. В. Проектирование интегративного воспитательного события в ведомственной образовательной организации высшего образования на основании гуманитарно-антропологического подхода // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2026. № 2(110). С. 242–252.

Статья поступила в редакцию 09.03.2026;
одобрена после рецензирования 19.06.2026;
принята к публикации 25.06.2026.



Original article

Designing an integration educational event in a law enforcement university based on the humanitarian and anthropological approach

Anna A. Timofeeva¹, Cand. Sci. (Ped.), DocentAndrey A. Udal'tsov², Cand. Sci. (Jurid.), DocentNatalia V. Parnyuk³, Cand. Sci. (Psy.), Docent¹⁻³ Saint Petersburg University of the MIA of Russia

1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation

¹ universpb@mvd.ru, ² oudaltsov@mail.ru, ³ nparnyuk@mail.ru² <https://orcid.org/0000-0003-2286-817X>**Abstract:**

Introduction. The strategic course towards preserving a common educational space for the Commonwealth of Independent States and other friendly countries poses the challenge of effective educational work with foreign students in law enforcement higher education institutions. In this regard, the problem of organising educational work with foreign students in institutions of the Russian Ministry of the Interior becomes particularly relevant. The analysis of the educational programme at University of the MIA of Russia revealed a discrepancy between the declared humanistic principles and the limited use of interactive teaching methods. The aim of the research is to develop a design matrix for an educational event that implements the principles of the humanistic-anthropological approach. **Methods.** The research employs the analysis and synthesis of scientific and methodological literature, pedagogical modeling, participant observation, and reflexive analysis. **Results.** The research integrates andragogy and the event-based approach through the principles of dialogue of cultures. This synthesis is implemented through a new teacher position – that of an equal partner and “co-worker” within a co-existential student community. A design matrix for the three-day festival “We are Different, but We are Together” was developed. The pilot study involved 79 students from 21 countries. The participants overcame formal distance and developed a new group identity: their symbolic countries were named “Druzhbostan” (Friendship-land), and their capitals “Sem'ya” (Family). They also internalised the values of co-existence through the “Friendship Passport”. **Conclusions.** The transition from technocratic logic to the design of pedagogical events is possible based on a synthesis of andragogy, the co-existential approach, dialogue of cultures, and non-formal education. Crucial to the implementation of the approach is the teacher's position as a “co-worker”, capable of creating and sustaining a space for genuine encounter and reflection.

Keywords:

higher education institution of the Ministry of the Interior of Russia, foreign students, humanistic-anthropological approach, andragogical approach, non-formal education, design matrix

For citation:

Timofeeva A. A., Udal'tsov A. A., Parnyuk N. V. Designing an integration educational event in a law enforcement university based on the humanitarian and anthropological approach // Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia. 2026. № 2 (110). P. 242–252.

The article was submitted March 9, 2026;
approved after reviewing June 19, 2026;
accepted for publication June 25, 2026.

Введение

Стратегический курс на интернационализацию высшего образования в Российской Федерации¹ [1; 2] ставит перед образовательными организациями высшего образования (далее – ООВО), включая ведомственные, задачу академической подготовки и интеграции иностранных специалистов в международное профессиональное сообщество. В Санкт-Петербургском университете МВД России эта задача решается в т. ч. через рабочие программы воспитания, призванные обеспечить системный характер воспитательной работы с иностранными слушателями. Обязательность воспитательных программ закреплена Федеральным законом «Об образовании в Российской Федерации»² и детализирована Примерной программой воспитания в образовательной организации высшего образования, разработанной Министерством науки и высшего образования

¹ Ивахнюк И. В. Образовательная миграция в Россию: современное состояние и перспективы развития : Аналитическая записка № 62/2025 // Российский совет по международным делам : [сайт]. <https://russiancouncil.ru/activity/policybriefs/obrazovatel'naya-migratsiya-v-rossiyu-sovremennoe-sostoyanie-i-perspektivy-razvitiya/?ysclid=mkmucc5cw809601591> (дата обращения: 23.01.2026).

² Об образовании в Российской Федерации : Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ (ред. от 25.04.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7598.

Российской Федерации³. При этом в федеральных актах специальные требования к организации воспитательной работы с иностранными слушателями не содержатся. Данная категория обучающихся нормативно не выделяется, однако типовая рабочая программа воспитания и типовой календарный план воспитательной работы, разработанные для образовательных организаций системы МВД России, предписывают подготовку соответствующих документов для каждого факультета, специальности или направления подготовки⁴. Руководствуясь данным требованием, в университете разрабатываются отдельные рабочие программы воспитания (далее – программы воспитания) и календарные планы воспитательной работы (далее – календарные планы) для обучающихся из стран ближнего и дальнего зарубежья.

Анализ программы воспитания Санкт-Петербургского университета МВД России позволил выявить противоречие между заявленными гуманистическими принципами и недостаточной представленностью интерактивных форм образовательного взаимодействия. Программа воспитания определяет в качестве ориентиров социализацию иностранных граждан и принципы субъект-субъектности, событийности, учета национальных особенностей. Предлагаемый инструментарий (лекции, инструктажи, беседы, собрания) относится к формам, предполагающим пассивную позицию обучающегося. Как отмечает М. Р. Илакавичус, сведение воспитания к трансляции требований без рефлексивного осмысления порождает «словесную педагогику», при которой живой диалог подменяется монологом [3, с. 91]. Полагаем, что это является одной из причин снижения социальной включенности иностранных слушателей, подтвержденного современными исследованиями [4, с. 566].

Проблема носит не локальный, а общегосударственный характер: Министерство науки и высшего образования Российской Федерации относит языковые барьеры и социальную разобщенность к числу ключевых вызовов в работе с иностранными студентами⁵. Ответом на этот вызов может стать переход от технократической модели организации воспитания к гуманитарно-антропологической, где воспитание понимается не как воздействие, а как взаимодействие, благодаря которому возникает эффект со-бытия – совместного бытия, основанного на другодоминантности, т. е. «установлении взаимного принятия друг друга, внутри которого каждый ставит себя на место другого» [5, с. 51]. Однако проектирование в этой логике проблемно, поскольку требует не столько методической оснащенности, сколько занятия педагогом воспитательной позиции. Эта позиция в свою очередь предполагает наличие соответствующей методической компетенции⁶.

Цель настоящего исследования – обоснование и разработка проектной матрицы воспитательного мероприятия для иностранных слушателей образовательной организации высшего образования МВД России, реализующей принципы гуманитарно-антропологического подхода.

Методы

В работе использованы анализ научной литературы и методической документации, педагогическое моделирование, проектирование, включенное наблюдение, рефлексивный анализ.

Теоретической основой исследования послужили анализ и синтез научной литературы и методической документации. Анализ позволил вычленить ключевые понятия исследования («интеграция», «со-бытие», «субъектность») и определить их содержание в контексте задач работы. Синтез обеспечил объединение андрагогики, событийного подхода, диалога культур и концепции неформального образования в целостную методологическую основу проектирования, где концепция неформального образования явилась связующим звеном между философско-антропологическими основаниями и конкретной методикой.

³ Примерная рабочая программа воспитания в образовательной организации высшего образования // Министерство науки и высшего образования Российской Федерации (далее – Минобрнауки России) : [официальный сайт]. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/upload/2021/04/Примерная%20рабочая%20программа%20воспитания%20в%20образовательной%20организации%20выс....pdf> (дата обращения: 23.01.2026).

⁴ Рожков А. А. Планирование и содержание воспитательной работы в образовательных организациях системы МВД России // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2023. № 4 (100). С. 204. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2023-4-202-211>

⁵ Проректоры университетов России обсудили вопросы интеграции иностранных студентов // Минобрнауки России : [официальный сайт]. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo/97887/> (дата обращения: 23.01.2026).

⁶ Илакавичус М. Р. Взаимосвязь воспитания и обучения в профессиональном образовании: реализация на основании гуманитарно-антропологического подхода // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2024. № 2 (102). С. 243. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-2-241-248> ; Амелчаков И. Ф., Беляева Е. Г., Рожков А. А. Оперативное совещание у начальника образовательной организации Министерства внутренних дел Российской Федерации как форма политико-воспитательной работы // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 4 (108). С. 214, 220.

Педагогическое моделирование позволило разработать концептуальный образ воспитательного события как встречи-со-бытия. Проектирование послужило основным инструментом создания проектной матрицы фестиваля, которая перевела теоретические принципы в конкретный алгоритм действий, детализированный в таблице.

Эмпирические методы были представлены включенным наблюдением и рефлексивным анализом. Включенное наблюдение осуществлялось через непосредственное участие авторов в фестивале в позиции со-трудника: они выступали не как организаторы, управляющие процессом извне, а как равноправные участники, разделяющие с обучающимися общее дело. Материалами для рефлексивного анализа послужили записи участников в «Паспортах дружбы» – индивидуальных дневниках, где фиксировались достижения и пожелания.

Результаты и обсуждение

Лингвистический анализ показывает принципиальное расхождение в понимании термина «интеграция». Русскоязычные словари трактуют ее как «объединение в целое частей или элементов в процессе развития»⁷. Это определение описывает процесс, в котором из отдельных фрагментов складывается нечто единое, однако сами «части» или «элементы» мыслятся как нечто, лишенное субъектности. Англоязычные словари, напротив, акцентируют социальную природу явления: интеграция есть «процесс, в ходе которого человек становится полноправным членом группы или общества и полностью включается в его жизнь»⁸, «успешное присоединение или смешение с другой группой людей»⁹. Здесь субъектность – исходная точка: речь идет о человеке, обретающем новое качество бытия в сообществе. Для педагогики значимо именно это понимание, поскольку оно схватывает главное – обретение человеком субъектной позиции в сообществе при сохранении своей идентичности.

Это понимание последовательно развивается в современных исследованиях. М. Н. Кожевникова рассматривает интеграцию как включение иностранных обучающихся в образовательную среду с учетом их национальной идентичности, но при сохранении ее целостности¹⁰. Зарубежные исследователи Н. Spencer-Oatey и D. Dauber подчеркивают многоуровневый и динамичный характер интеграции: она одновременно происходит на уровне личности, сообщества и института, требуя встречного движения всех участников [6].

Философско-антропологическое обоснование такого понимания интеграции дает А. П. Ващенко. Образование, по ее мысли, – процесс духовного становления личности, совершающийся «на путях диалога с Другим» [7, с. 16]. Обучающийся при этом понимается не как объект педагогических манипуляций, а как «носитель особого культурного мира» [8, с. 23]. В диалоге культур происходит достраивание, коррекция, обогащение образа мира обучающегося в двух направлениях: внешнем (понимание мира) и внутреннем (понимание себя в этом мире) [7, с. 15].

Для данного исследования принципиально значимо гуманитарно-антропологическое понимание интеграции. В этой логике она понимается не как односторонняя адаптация иностранного слушателя к «готовой» среде, а как двусторонний процесс встречи и взаимного изменения, в котором обучающийся обретает субъектную позицию в академическом сообществе при сохранении собственной культурной идентичности. Второй стороной этого процесса выступает принимающее сообщество – российские курсанты, преподаватели, образовательная организация в целом.

Однако анализ реальной практики показывает, что декларируемое понимание интеграции далеко не всегда реализуется в конкретных формах работы. Календарный план воспитательной работы университета подтверждает выявленное противоречие: из 165 заявленных мероприятий преобладают формы, реализующие технократическую логику¹¹. Информационно-инструктивные мероприятия (лекции, инструктажи, беседы) и патриотические ритуалы (торжественные построения, возложения) доминируют в перечне. Их важность не оспаривается, однако их

⁷ Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. Москва : Советская энциклопедия, 1935. Т. 1: А – Кюрины. С. 1214.

⁸ См.: MacMillan English Dictionary for Advanced Learners. 2nd ed. Oxford, London : Black, 2007. 1744 p.

⁹ См.: Cambridge Advanced Learner's Dictionary. Cambridge : Cambridge University Press, 2008. 1852 p.

¹⁰ Кожевникова М. Н. Интеграция иностранных обучающихся в образовательную среду российского вуза на основе национально ориентированного подхода : автореф. дис. ... д-ра пед. наук. Москва, 2020. С. 13.

¹¹ Календарный план воспитательной работы обучающихся в Санкт-Петербургском университете МВД России из стран дальнего зарубежья по специальности 37.05.02 «Психология служебной деятельности» (специализация: психологическое обеспечение служебной деятельности) набор 2025 года, срок обучения – 5 лет. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2025. 42 с.

количественное преобладание создает риск формализации: личностное развитие и подлинная интеграция, как отмечает Ю. В. Сенько, подменяются «предметоцентричностью, авторитарностью, монологичностью» – характеристиками технократической парадигмы [9, с. 455]. Как замечает А. П. Валицкая, ценности не передаются через инструкции; их передача требует иного – встречи «глаза-в-глаза, от-сердца-к-сердцу» [10, с. 35].

В гуманитарной парадигме, напротив, снимаются жестко закрепленные роли «объекта» и «субъекта воздействия». Обучение превращается в событийный диалог, где и студент, и преподаватель становятся соавторами и героями образовательной драмы [11, с. 71]. Смыслообразующим началом здесь выступает практика человеческого взаимодействия, основанная на со-бытии с другим человеком, доминантности, понимании, диалогичности, рефлексивности, метафоричности¹².

Понимание интеграции как диалога, а воспитания как со-бытия требует обращения к теоретическим основаниям, учитывающим природу взрослого обучающегося. Иностранные слушатели ведомственной ООВО – это, как правило, состоявшиеся профессионалы, имеющие опыт службы, сложившиеся ценностные ориентации и привычные модели социального взаимодействия. Они критичны к попыткам навязывания мнений, оценивают новую информацию через призму собственного опыта и нуждаются в доверительной атмосфере. Эти характеристики задают необходимость опоры на принципы андрагогики (С. Г. Вершловский, М. Ш. Ноулз): диалоговость, дискуссионность, связь с реальными жизненными проблемами. Как подчеркивает С. Г. Вершловский, именно диалог, обеспечивающий встречу нового знания с личным опытом, является основой эффективного обучения взрослых [12, с. 51].

Андрагогика дает ответ на вопрос «как организовать обучение взрослых» – она описывает методы, принципы и условия эффективного образовательного процесса. Однако она не задает пространственной формы воспитания – того формата, в котором встречаются педагог и обучающийся. Ответ на этот вопрос дает событийный подход (В. И. Слободчиков, Д. В. Григорьев). Воспитание здесь понимается не как трансляция образцов, а как организация со-бытия – совместного, ценностно-значимого действия, порождающего общность [13, с. 90]. Единицей такого воспитания становится педагогическое событие – личностно развивающая встреча [13, с. 92–93]. Со-бытие не равно мероприятию: оно не отчитывается, а проживается.

Понятие события как единицы образовательного процесса разрабатывается и в культуротворческой модели А. П. Валицкой. «Урок-событие» («урок-встреча») трактуется ею как интегративное занятие, в котором совместными усилиями педагогов и учащихся воссоздается «целостный культурный текст» [8, с. 24]. Это понимание созвучно нашей задаче: интегративное воспитательное событие в поликультурной среде также строится как встреча, где иностранные и российские слушатели совместно порождают новые культурные смыслы.

Содержательное наполнение такой встречи обеспечивают философские основания диалога культур (М. М. Бахтин, В. С. Библер) и их педагогическая интерпретация в концепциях поликультурного образования (В. П. Борисенков, О. В. Гукаленко). Принципы культуросообразности, интеграции без стирания идентичности и межкультурного диалога [14, с. 6] направлены на взаимопонимание и созидание общего смыслового поля [15, с. 5].

Таким образом, три линии – андрагогика (опора на опыт), событийность (форма со-бытия) и диалог культур (содержание) – образуют целостную методологическую основу проектирования. Инструментом реализации этой основы выступает концепция неформального образования взрослых. В современной педагогике неформальное образование представлено как средство, позволяющее достигать личностно-развивающих результатов и гуманизации образовательных отношений [16, с. 850]. Практики неформального образования в проектировании воспитательных мероприятий ведомственной ООВО рассматриваются как приоритетные¹³.

На наш взгляд, это обусловлено атрибутивными характеристиками практик, определяющими их гуманизирующий потенциал: индивидуализацией (ориентация на запросы и опыт конкретного человека), практикоориентированностью (связь с реальными жизненными проблемами) и доминантностью (направленность на понимание Другого, диалог). Исчезновение этих характеристик, по мнению М. Р. Илакавичус¹⁴, порождает формализованность

¹² Фроловская М. Н. Становление профессионального образа мира педагога : автореф. дис. ... д-ра пед. наук. Барнаул, 2011. С. 7.

¹³ Амельчаков И. Ф., Беляева Е. Г., Рожков А. А. Указ. соч. С. 220.

¹⁴ Илакавичус М. Р. Теоретические основы взаимодействия формального и неформального образования взрослых : автореф. дис. ... д-ра пед. наук. Москва, 2018. С. 23.

и обезличенность воспитания. Описываемые ею черты практик неформального образования в системе морально-психологического обеспечения МВД – диалоговый стиль общения, опора на опыт участников, рефлексивная направленность, ориентация на осмысление реальных жизненно-профессиональных ситуаций [16, с. 851–852] – напрямую соотносятся с нашим пониманием педагогического события как личностно развивающей встречи, в которой рождается со-бытийная общность. Концепция неформального образования становится тем звеном, которое связывает философско-антропологические основания с конкретной методикой.

Реализация описанного подхода поднимает вопрос, кто может быть носителем такого типа взаимодействия. Как отмечает А. Г. Асмолов, во всех культурах учитель – «фигура культового порядка», «посредник между поколениями», призванный быть «мастером трансляции <...> смыслов» [17, с. 8]. В гуманитарно-антропологической традиции образование понимается как пространство встречи, где рождается личностный смысл. Со-бытийная общность, по В. И. Слободчикову, есть «живое единство, сплетение и взаимосвязь двух и более жизней», их внутреннее сродство, где возможно понимание Другого и рождается ответственное «Мы», включающее и Я, и Ты, и Мы [18]. Традиционная фигура «организатора» воспитательной работы в эту онтологию не вписывается. Организатор остается вне общности, над нею, управляя процессом извне. Для технократически ориентированного педагога Другой – «вещь», средство для усвоения содержания образования. Отношение «преподаватель – студент» выстраивается здесь по принципу «Я–Оно» (М. Бубер) [19, с. 39], что порождает «экзистенциальный вакуум» – скуку, апатию, отсутствие смыслов [19, с. 41].

Подлинное образование, напротив, реализуется через сотворчество, сопонимание, соосмысление и сооценку – категории, которые, как показывает Н. М. Борытко, восходят к анализу идей М. Хайдеггера и задают пространство совместного бытия педагога и обучающихся [20, с. 14]. Именно здесь возникает необходимость в фигуре, способной к такому совместному действию. Для ее обозначения мы вводим понятие «со-трудник». В отличие от традиционного «сотрудника» (работника или помощника), «со-трудник» – это не тот, кто работает «на» или «для», а тот, кто трудится рядом и вместе. Признаками позиции со-трудника выступают: личное участие во всех совместных действиях наравне с участниками; открытость к диалогу и готовность к рефлексии собственной позиции; отказ от внешнего управления в пользу со-участия; способность создавать пространство для спонтанного проявления смыслов участников, а не только для реализации заранее заданного плана.

Этот акцент принципиален для нашей аудитории, которую составляют сотрудники правоохранительных органов разных стран. Большинство иностранных слушателей из стран дальнего зарубежья приезжают в Россию не как «чистые листы», а как сложившиеся профессионалы, привыкшие к властной вертикали и отношениям субординации. В равной степени это относится и к курсантам, и к слушателям, которые, только что надев форму, уже оказываются в сообществе, где главным регулятором выступает приказ, а не диалог. Форма общения через воздействие может стать препятствием партнерских взаимоотношений между преподавателями и обучающимися. И. В. Горлинский отмечает, что «субординационный синдром», характерный для некоторых «преподавателей в погонах» образовательных организаций МВД России, становится сдерживающим фактором развития педагогической системы профессионального образования¹⁵. П. В. Селин в своем диссертационном исследовании доказал, что преодоление «субординационного синдрома» возможно через формирование сообщества воспитателей, где субординация не отменяется, а дополняется рефлексивной средой и общими смыслами¹⁶. Именно в этом пространстве педагог может занимать позицию со-трудника, не вступая в противоречие с ведомственной дисциплиной.

Таким образом, синтез идей андрагогики, событийности, диалога культур и неформального образования формирует целостную концептуальную основу. Опираясь на нее, мы определяем интегративное воспитательное событие как специально спроектированную поликультурную встречу-со-бытие, организованную не как демонстрацию готовых форм, а как совместное действие и порождение общих смыслов. Его цель – не односторонняя адаптация, а взаимное расширение культурных горизонтов всех участников и рождение новой общности.

Примером реализации такого подхода стал фестиваль национальных культур «Мы разные, но мы вместе». На протяжении многих лет он присутствовал в календарном плане

¹⁵ Горлинский И. В. Развитие педагогической системы профессионального образования в учебных заведениях МВД России : дис. ... д-ра пед. наук. Москва, 1999. С. 48.

¹⁶ См.: Селин П. В. Подготовка начальствующего состава и педагогических работников суворовских военных училищ МВД России к совместной воспитательной деятельности : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Санкт-Петербург, 2022. 25 с.

университета. В традиционной форме фестиваль представлял собой концертно-выставочное мероприятие: национальные костюмы, предметы быта, песни и танцы. При внешней зрелищности и гуманистической направленности этот формат не решал задач интеграции. Иностранные слушатели оставались в позиции «демонстрирующих экзотику», российские курсанты – в позиции зрителей. Культурные различия предъявлялись, но не становились предметом совместного осмысления и проживания, и потому вторая часть названия – идея совместности – не находила воплощения. Подобное понимание фестиваля встречается и в научных работах: например, А. А. Евтюгина определяет его как «коммуникативно-художественный жанр», «инструмент адаптации», «платформа межкультурного диалога» [21]. При кажущейся активности иностранный обучающийся остается объектом педагогических усилий – его нужно адаптировать, социализировать, сформировать у него «вторичную языковую личность». Однако такой подход при всей внешней динамике сводит воспитание к трансляции готовых образцов, а не к совместному проживанию и осмыслению.

Новизна нашего подхода состоит в отказе от этой логики. Мы рассматриваем фестиваль не как мероприятие, а как педагогическое событие, понимаемое вслед за Д. В. Григорьевым как личностно развивающая встреча [13], а вслед за А. П. Валицкой – как урок-встреча, в которой совместными усилиями воссоздается целостный культурный текст [8].

Проектная матрица (таблица 1) наглядно демонстрирует перевод этих теоретических положений в алгоритм действий. От концерта-смотра мы перешли к трехдневной событийной структуре, связывая принципы гуманитарно-антропологического подхода с их конкретной реализацией.

Апробация проекта проведена в ходе фестиваля с участием 79 слушателей и курсантов из 21 страны (47 иностранных слушателей и 32 российских обучающихся). На протяжении первых двух дней все они выступали в роли активных участников интерактивных и командных соревнований; третий день – концерт и церемония награждения – стал общим праздником, объединившим участников фестиваля, творческие коллективы университета и зрителей.

Таблица 1

Проектная матрица интегративного фестиваля «Мы разные, но мы вместе»

Table 1

Integration festival “We are different, but we are together”: Project matrix

Базовый принцип	Методический прием	Форма воплощения
Событийность (воспитание как со-бытие)	Создание тематических ситуаций-упражнений, моделирующих профессиональные дилеммы и требующих совместного решения	Трехдневный фестиваль как целостный нарратив со-бытия: День дружбы (знакомство, символ) → Викторина (сотрудничество в смешанных командах) → Концерт-церемония (публичное признание)
Диалог (взаимопонимание через смыслообмен)	Организация групповых дискуссий, дебатов, разбора кейсов	Интерактивные диалоговые форматы: неформальный обмен («Культурная экспедиция»), интеллектуальное обсуждение (раунды «Верю – не верю!»), совместное творчество (проектирование символики «общей страны»); параллельная интерактивная игра со зрителями (пантомима, флешмоб) во время подготовки командами творческого задания
Субъектность (взрослый как носитель опыта)	Использование методов, опирающихся на профессиональный и жизненный опыт слушателей	Активация личного культурного опыта: «Паспорт дружбы» (рефлексия), презентация культурного наследия у национальных столов и добровольные творческие инициативы (инсценировка сказки)

Окончание таблицы 1

Базовый принцип	Методический прием	Форма воплощения
Позиция педагога как со-трудника (равноправный участник со-бытийной общности, разделяющий с обучающимися общее дело)	Включенное участие организатора в совместной деятельности: не «ведение» группы извне, а со-участие в дискуссиях, совместное проживание событий, демонстрация личной открытости и рефлексии	Личное участие организаторов во всех игровых и ритуальных действиях (игры, песни, хороводы); совместное с участниками создание смыслов (открытость, незавершенность как принцип); рефлексивная позиция (участие в обсуждениях, обмен опытом); подведение итогов
Символическо-образное моделирование (присвоение культурных кодов и создание новых общих смыслов)	Создание в процессе совместной деятельности коллективных символов, ритуалов и артефактов, опосредующих ценности и закрепляющих опыт со-бытия	Система общих символов и ритуалов: коллективный артефакт («Круг дружбы»), личный символ-посредник («Паспорт дружбы»), интегративные ритуалы («Приветствия и прощания мира», «Хоровод единства», «Почтальон дружбы»)

Содержательная логика реализовала трехэтапную структуру.

1. Первый день («День дружбы») – создание эмоционально-символического фундамента через неформальный контакт, «Культурную экспедицию», создание коллективного артефакта («Круг дружбы») и ритуалы единения.

2. Второй день (викторина «Глобус: одна команда на всех!») – перевод контакта в интеллектуально-творческое сотрудничество в случайных смешанных командах. Ключевым моментом второго дня стала совместная работа над символикой «общей страны»: каждая команда создавала флаг, объединяющий универсальные и национальные образы. Пока команды работали над созданием символики, для остальных участников были организованы интерактивные игры (пантомима, флешмоб), что позволило сохранить общую вовлеченность и не допустить разделения на «активных» и «зрителей».

3. Третий день (концерт и церемония) – публичная рефлексия и институциональное признание через творческие номера и церемонию награждения, закрепившую новые связи в корпоративной культуре ООВО.

Рефлексивный анализ основывался на включенном наблюдении, опросе и материалах «Паспортов дружбы» (индивидуальных дневников участников). Он позволил зафиксировать следующие результаты.

1. Преодоление формальной дистанции. Уже к концу первого дня зафиксирован устойчивый переход к эмоционально-позитивному взаимодействию: участники спонтанно помогали друг другу, сокращали межличностную дистанцию, обменивались контактами.

Кульминацией стало импровизированное совместное пение после официального завершения программы – момент, который невозможно спроектировать, но который свидетельствует о состоявшейся встрече. Фестивалю удалось соединить тех, кто до этого «жил рядом – но врозь, в одном месте – но не вместе» [18, с. 1]. Как отмечают исследователи, именно такие спонтанные, незапланированные действия, когда участники начинают привносить себя, свои смыслы и чувства, являются показателем подлинной событийности и развитого гуманистического пространства образования [22, с. 23].

2. Формирование новой групповой идентичности. Анализ созданных командами флагов «общей страны» показал успешную выработку общих символических смыслов. В каждом проекте прослеживался синтез универсальных образов (земной шар, круг) и элементов, отсылающих к национальным культурам участников. Важно, что эти смыслы не были заданы извне, а рождались в процессе совместного обсуждения и компромисса. Символические названия, которые участники дали своим странам: например, «Дружбостан». Столицы двух новых стран были названы «Семья».

3. Опосредованное присвоение ценностей. Система стикеров в «Паспорте дружбы», вручаемых за конкретные действия (помощь, инициативу, творческий вклад), связала абстрактные ценности с личным поступком и социальным одобрением. Об эффективности фестиваля как пространства встречи и принятия свидетельствуют записи участников на странице «Пожелания» в «Паспортах дружбы»: «Желаю вам счастья. Пусть ваша жизнь будет хорошей. Вы красивы! Вперед!», «Приятно познакомиться. Желаю тебе благополучия и надеюсь сохранить теплую память о нашем знакомстве», «Желаю тебе добиться успеха в жизни». Они фиксируют преодоление формальной дистанции, установление личного контакта, появление готовности к доброжелательному и открытому взаимодействию с представителями других культур. В отличие от стандартных формальных отзывов, эти записи носят адресный, эмоционально окрашенный характер и свидетельствуют о рождении со-бытийной общности, в которой культурные различия перестали быть барьером и стали основой для взаимного признания.

4. Роль со-трудника. Принципиальное обновление фестиваля стало возможным благодаря преподавателям, которые в своей повседневной практике реализуют гуманитарно-антропологический подход. Для них образование – не трансляция, а встреча, в которой совместно рождаются смыслы. Именно это отношение – диалог на равных, со-действие и со-мыслие – сформировало у обучающихся доверие, ставшее ресурсом, позволившим выйти за рамки привычного формата и реализовать событие как подлинную встречу. Воспитательная деятельность, по точному замечанию М. Р. Илакавичус, «сущностно совместна»; она рождается из усилий сообщества, а не из распоряжений [3, с. 90].

3 заключение

Таким образом, проведенное исследование показало, что подлинная интеграция иностранных слушателей в образовательное пространство ведомственной ООВО требует не столько разработки новых формальных мероприятий, сколько переосмысления самой логики воспитательной работы.

Ключевым условием становится переход от технократической модели, основанной на трансляции готовых образцов, к гуманитарно-антропологической парадигме, где воспитание понимается как событийная встреча, в которой рождается общность и формируются личностные смыслы. Предложенная проектная матрица – не просто набор методических рекомендаций, а инструмент перевода теоретических принципов в конкретные педагогические действия.

Апробация матрицы в ходе фестиваля национальных культур «Мы разные, но мы вместе» показала, что спроектированное событие действительно создает условия для со-бытийной общности, где культурные различия перестают быть барьером и становятся ресурсом совместного смыслообразования. Однако матрица сама по себе не гарантирует результата. Ее эффективность напрямую зависит от позиции педагога – от его способности быть не «организатором» сверху, а «со-трудником», разделяющим с обучающимися общее дело, диалог и рефлекссию. Без этой смены позиции любые методические разработки остаются лишь инструментами «словесной педагогики». Полученные эмпирические данные (включенное наблюдение, записи в «Паспортах дружбы») подтверждают это.

Перспективы дальнейших исследований связаны с изучением долгосрочных эффектов со-бытийных форматов, адаптацией разработанной матрицы к другим категориям обучающихся, а также с подготовкой педагогов высшей школы к реализации интегративных воспитательных событий как к особому виду профессиональной деятельности.

Список источников

1. Джуринский А. Н. Интернационализация высшего образования: сотрудничество России и Китая // Гуманитарные науки и образование. 2020. Т. 11, № 1 (41). С. 34–40. https://doi.org/10.51609/2079-3499_2020_11_1_34
2. Новиков С. В. Интернационализация сферы высшего образования РФ в условиях современных вызовов // Естественно-гуманитарные исследования. 2023. № 4 (48). С. 531–536.
3. Илакавичус М. Р. Гуманитарно-антропологический подход как основа организации профессионального воспитания представителей профессий служения // Научно-педагогическое обозрение. 2023. № 3 (49). С. 89–96. <https://doi.org/10.23951/2307-6127-2023-3-86-93>
4. Белянкина В. А., Бантюков И. Б. Социокультурные и психологические особенности адаптации иностранных слушателей в образовательных организациях МВД России // Российский девiantологический журнал. 2024. Т. 4, № 4. С. 557–575. <https://doi.org/10.35750/2713-0622-2024-4-557-575>
5. Сенько Ю. В. Гуманитарная парадигма образования / Образование через всю жизнь: непрерывное образование в интересах устойчивого развития : сборник статей 2-ой международной конференции, г. Санкт-Петербург, 30 мая – 1 июня 2014 г. Санкт-Петербург : Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, 2014. Вып. 12, ч. 1. С. 50–53.

6. Dauber D. What is integration and why is it important for internationalisation? A multidisciplinary review // *Journal of Studies in International Education*. 2019. Vol. 23, № 5. P. 515–534. <https://doi.org/10.1177/1028315319842346>
7. Валицкая А. П., Рабош В. А. Инклюзивное образование: чему и как учить // Вестник Герценовского университета. 2008. № 11 (61). С. 14–16.
8. Валицкая А. П. Новая школа России: культуротворческая модель в контексте задач духовно-нравственного воспитания // Вестник Герценовского университета. 2010. № 2 (76). С. 20–28.
9. Сенько Ю. В. Образование как гуманитарная модель жизнедеятельности / Диалог культур и партнерство цивилизаций : VIII Международные Лихачевские научные чтения : сборник конференции, г. Санкт-Петербург, 22–23 мая 2008 г. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов, 2008. С. 455–456.
10. Валицкая А. П. Национальное самосознание и проблема создания суверенной системы образования // Общество. Среда. Развитие. 2017. № 4 (45). С. 30–37.
11. Сенько Ю. В. Педагогическое образование как гуманитарный феномен // Известия Алтайского государственного университета. 1999. № 4 (14). С. 65–73
12. Вершиловский С. Г. Образование взрослых: теоретические и методические проблемы // Образование через всю жизнь: непрерывное образование в интересах устойчивого развития. 2012. № 1 (1). С. 23–30.
13. Григорьев Д. В. Событие воспитания и воспитание как событие // Вопросы воспитания. 2007. № 1. С. 90–99.
14. Гукаленко О. В., Борисенков В. П. Поликультурное образование и вызовы современности // Вестник Московского университета. Серия 20: Педагогическое образование. 2018. № 2. С. 3–11. <https://doi.org/10.51314/2073-2635-2018-2-3-11>
15. Илакавичус М. Р. Событийность как условие межкультурного диалога субъектов пространства образования взрослых Содружества независимых государств // Мир науки : [сетевое издание]. 2017. Т. 5, № 2. С. 19.
16. Илакавичус М. Р. Практики неформального образования в системе морально-психологического обеспечения деятельности органов внутренних дел Российской Федерации // Педагогика. Вопросы теории и практики. 2025. Т. 10, № 6. С. 849–855. <https://doi.org/10.30853/ped20250101>
17. Асмолов А. Г. Интервью А. Г. Асмолова И. М. Логвиновой : Учитель – мастер порождения смыслов в школе неопределенности // Отечественная и зарубежная педагогика. 2016. № 4 (31). С. 8–13.
18. Слободчиков В. И. Со-бытийная образовательная общность – источник развития и субъект образования // Новые ценности образования. 2010. Т. 43, № 1. С. 4–13.
19. Фроловская М. Н. Герменевтика профессионального образа мира педагога : монография / под науч. ред. Ю. В. Сенько. Барнаул : АлтГПУ, 2022. 288 с.
20. Борытко Н. М. В пространстве воспитательной деятельности : монография. Волгоград : Перемена, 2001. 181 с.
21. Евтюгина А. А. Социокультурная значимость фестиваля в межкультурной коммуникации и социализации иностранных студентов в вузе // *Cross-Cultural Studies: Education and Science*. 2018. Т. 3, № 3. С. 453–458.
22. Бедерханова В. П., Демакова И. Д., Крылова Н. Б. Гуманистические смыслы образования // Проблемы современного образования. 2012. № 1. С. 16–27.

References

1. Dzhurinskij A. N. Internacionalizaciya vysshego obrazovaniya: sotrudnichestvo Rossii i Kitaya // *Gumanitarnye nauki i obrazovanie*. 2020. T. 11, № 1 (41). С. 34–40. https://doi.org/10.51609/2079-3499_2020_11_1_34
2. Novikov S. V. Internacionalizaciya sfery vysshego obrazovaniya RF v usloviyah sovremennykh vyzovov // *Estestvenno-gumanitarnye issledovaniya*. 2023. № 4 (48). С. 531–536.
3. Ilakavichus M. R. Gumanitarno-antropologicheskij podhod kak osnova organizacii professional'nogo vospitaniya predstavitelej professij sluzheniya // *Nauchno-pedagogicheskoe obozrenie*. 2023. № 3 (49). С. 89–96. <https://doi.org/10.23951/2307-6127-2023-3-86-93>
4. Belyankina V. A., Bantyukov I. B. Sociokul'turnye i psihologicheskie osobennosti adaptacii inostrannykh slushatelej v obrazovatel'nykh organizacijah MVD Rossii // *Rossiiskij deviantologicheskij zhurnal*. 2024. T. 4, № 4. С. 557–575. <https://doi.org/10.35750/2713-0622-2024-4-557-575>
5. Sen'ko Yu. V. Gumanitarnaya paradigma obrazovaniya / *Obrazovanie cherez vsyu zhizn': nepreryvnoe obrazovanie v interesah ustojchivogo razvitiya* : sbornik statej 2-oj mezhdunarodnoj konferencii, g. Sankt-Peterburg, 30 maya – 1 iyunya 2014 g. Sankt-Peterburg : Leningradskij gosudarstvennyj universitet imeni A.S. Pushkina, 2014. Vyp. 12, ch. 1. S. 50–53.
6. Dauber D. What is integration and why is it important for internationalisation? A multidisciplinary review // *Journal of Studies in International Education*. 2019. Vol. 23, № 5. P. 515–534. <https://doi.org/10.1177/1028315319842346>
7. Valickaya A. P., Rabosh V. A. Inklyuzivnoe obrazovanie: chemu i kak učit' // *Vestnik Gercenovskogo universiteta*. 2008. № 11 (61). С. 14–16.
8. Valickaya A. P. Novaya shkola Rossii: kul'turotvorcheskaya model' v kontekste zadach duhovno-nravstvennogo vospitaniya // *Vestnik Gercenovskogo universiteta*. 2010. № 2 (76). С. 20–28.
9. Sen'ko Yu. V. Obrazovanie kak humanitarnaya model' zhiznedeyatel'nosti / *Dialog kul'tur i partnerstvo civilizacij* : VIII Mezhdunarodnye Lihachevskie nauchnye chteniya : sbornik konferencii, g. Sankt-Peterburg, 22–23 maya 2008 g. Sankt-Peterburg : Sankt-Peterburgskij humanitarnyj universitet profsoyuzov, 2008. С. 455–456.
10. Valickaya A. P. Nacional'noe samosoznanie i problema sozdaniya suverennoj sistemy obrazovaniya // *Obshchestvo. Sreda. Razvitie*. 2017. № 4 (45). С. 30–37.
11. Sen'ko Yu. V. Pedagogicheskoe obrazovanie kak humanitarnyj fenomen // *Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta*. 1999. № 4 (14). С. 65–73
12. Vershlovskij S. G. Obrazovanie vzroslykh: teoreticheskie i metodicheskie problemy // *Obrazovanie cherez vsyu zhizn': nepreryvnoe obrazovanie v interesah ustojchivogo razvitiya*. 2012. № 1 (1). С. 23–30.
13. Grigor'ev D. V. Sobytiye vospitaniya i vospitanie kak sobytie // *Voprosy vospitaniya*. 2007. № 1. С. 90–99.
14. Gukalenko O. V., Borisenkov V. P. Polikul'turnoe obrazovanie i vyzovy sovremennosti // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 20: Pedagogicheskoe obrazovanie*. 2018. № 2. С. 3–11. <https://doi.org/10.51314/2073-2635-2018-2-3-11>
15. Ilakavichus M. R. Sobytiynost' kak uslovie mezhkul'turnogo dialoga sub'ektov prostranstva obrazovaniya vzroslykh Sodruzhestva nezavisimyh gosudarstv // *Mir nauki* : [setevoe izdanie]. 2017. Т. 5, № 2. С. 19.
16. Ilakavichus M. R. Praktiki neformal'nogo obrazovaniya v sisteme moral'no-psihologicheskogo obespecheniya deyatel'nosti organov vnutrennih del Rossijskoj Federacii // *Pedagogika. Voprosy teorii i praktiki*. 2025. Т. 10, № 6. С. 849–855. <https://doi.org/10.30853/ped20250101>

17. Asmolov A. G. Interv'yu A. G. Asmolova I. M. Logvinovoj : Uchitel' – master porozhdeniya smyslov v shkole neopredelennosti // Otechestvennaya i zarubezhnaya pedagogika. 2016. № 4 (31). S. 8–13.
18. Slobodchikov V. I. So-bytijnaya obrazovatel'naya obshchnost' – istochnik razvitiya i sub'ekt obrazovaniya // Novye cennosti obrazovaniya. 2010. T. 43, № 1. S. 4–13.
19. Frolovskaya M. N. Germenevtika professional'nogo obraza mira pedagoga : monografiya / pod nauch. red. Yu. V. Sen'ko. Barnaul : AltGPU, 2022. 288 s.
20. Borytko N. M. V prostranstve vospitatel'noj deyatel'nosti : monografiya. Volgograd : Peremena, 2001. 181 s.
21. Evtyugina A. A. Sociokul'turnaya znachimost' festivalya v mezhkul'turnoj kommunikacii i socializacii inostrannyh studentov v vuze // Cross-Cultural Studies: Education and Science. 2018. T. 3, № 3. S. 453–458.
22. Bederhanova V. P., Demakova I. D., Krylova N. B. Gumanisticheskie smysly obrazovaniya // Problemy sovremennogo obrazovaniya. 2012. № 1. S. 16–27.

Авторами внесен равный вклад в написание статьи.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors have made an equal contribution to the writing of the article.
The authors declare no conflicts of interests.

ПСИХОЛОГИЯ ТРУДА, ИНЖЕНЕРНАЯ ПСИХОЛОГИЯ, КОГНИТИВНАЯ ЭРГОНОМИКА

LABOUR PSYCHOLOGY, ENGINEERING PSYCHOLOGY AND COGNITIVE ERGONOMICS

Научная статья
УДК 159.9.072

Личностные предикторы успешности вузовской профессиональной подготовки сотрудников Федеральной службы исполнения наказаний

Сергей Леонидович Леньков¹, доктор психологических наук, профессор
Надежда Евгеньевна Рубцова², доктор психологических наук, профессор

¹ Российская академия образования
Москва (119121, ул. Погодинская, д. 8), Российская Федерация

² Российский новый университет
Москва (105005, ул. Радио, д. 22), Российская Федерация

¹ new_psy@mail.ru, ² hope432810@yandex.ru

¹ <https://orcid.org/0000-0001-6934-3229>, ² <https://orcid.org/0000-0002-1323-4741>

Аннотация:

Введение. На основе анализа научной литературы отобраны целесообразные показатели успешности профессиональной подготовки курсантов образовательных организаций высшего образования (далее – ООВО) Федеральной службы исполнения наказаний (академическая успеваемость, вовлеченность в учебу, удовлетворенность учебой, смысл учебы, идентичность с факультетом) и потенциальные личностные предикторы этих показателей (факторы Большой пятерки и Темной тетрады личностных черт, а также показатели соответствия профессиональным интересам и жизненным планам). Цель исследования – проверка влияния указанных личностных факторов на выбранные показатели успешности вузовской профессиональной подготовки будущих сотрудников Федеральной службы исполнения наказаний. **Методы.** Для измерений использовали оригинальные или модифицированные психодиагностические методики («Утрехтская шкала вовлеченности в работу», «Краткий индекс аффективной удовлетворенности работой», «Краткая версия опросника Big Five Inventory-2», «Краткий опросник Темной тетрады», «Опросник организационной и суборганизационной

Ключевые слова:

Федеральная служба исполнения наказаний, курсанты ООВО, вузовская профессиональная подготовка, успешность подготовки, личностные предикторы успешности, Большая пятерка, Темная тетрада

Для цитирования:

Леньков С. Л., Рубцова Н. Е. Личностные предикторы успешности вузовской профессиональной подготовки сотрудников Федеральной службы исполнения наказаний // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2026. № 2(110). С. 253–273.

идентичности», «Шкала осмысленности работы»), а также авторские шкалы для измерения академической успеваемости, соответствия профессиональным интересам и жизненным планам. Выборку исследования составили 282 курсанта ООВО Федеральной службы исполнения наказаний. Ключевым методом статистического анализа данных был однофакторный дисперсионный анализ.

Результаты. Установлено, что личностные факторы могут оказывать существенное и широкое влияние на показатели успешности профессиональной подготовки курсантов. Так, соответствие жизненным планам оказывает заметное положительное влияние на удовлетворенность учебой, вовлеченность в учебу и идентичность с факультетом, соответствие профессиональным интересам – на удовлетворенность учебой и вовлеченность в учебу; нейротизм оказывает сильное отрицательное влияние на вовлеченность в учебу. Наиболее широкое влияние выявлено для фактора добросовестности, который оказывает статистически значимое влияние на все шесть рассматриваемых показателей успешности подготовки. По результатам исследования предложены практические рекомендации, определяющие целевые ориентиры для организации практической психологической и педагогической работы, направленной на повышение показателей успешности вузовской профессиональной подготовки сотрудников Федеральной службы исполнения наказаний.

Статья поступила в редакцию 11.02.2026;
одобрена после рецензирования 26.03.2026;
принята к публикации 25.06.2026.

Original article

Personal predictors of success in higher education vocational training of Federal Penitentiary Service employees

Sergey L. Lenkov¹, Doc. Sci. (Psy.), Professor
Nadezhda E. Rubtsova², Doc. Sci. (Psy.), Professor

¹ The Russian Academy of Education
8, Pogodinskaya str., Moscow, 119121, Russian Federation

² Russian New University
22, Radio str., Moscow, 105005, Russian Federation

¹ new_psy@mail.ru, ² hope432810@yandex.ru

¹ <https://orcid.org/0000-0001-6934-3229>, ² <https://orcid.org/0000-0002-1323-4741>

Abstract:

Introduction. Based on an analysis of the academic literature, appropriate indicators of the success of vocational training of cadets at higher education organisations of the Federal Penitentiary Service have been selected (academic performance, engagement in studies, satisfaction with studies, value of studies, and identification with the faculty) and potential personality predictors of the above indicators (The Big Five (OCEAN) and the Dark Tetrad Personality Traits, as well as indicators of alignment of personal and career goals). The aim of the research is to examine the influence of the above-mentioned personality factors on specific indicators of success in higher education vocational training of future employees of the Federal Penitentiary Service.

Methods. The measurements were made using original or modified psychodiagnostic instruments (the 'Utrecht Work Engagement Scale', the 'Brief Index of Affective Job Satisfaction', the 'Short Version of the Big Five Inventory-2', the 'Short Dark Tetrad, SD4', the 'Organisational and Sub-organisational Identity Questionnaire', the 'Work Meaningfulness Scale'), as well as author-developed scales for measuring academic performance, alignment of personal and career goals. The study sample consisted of 282 cadets from the Federal Penitentiary Service's Specialised Training Centre. The key method of statistical data analysis was one-way analysis of variance. **Results.** It has been established that personal factors can have a significant and wide-ranging impact on the success of cadets' vocational training. Thus, alignment with life plans (personal goals) has a noticeable positive effect on satisfaction with studies, engagement in studies and identification with the faculty; alignment with professional interests (professional goals) has a positive effect on satisfaction with studies and engagement in studies; neuroticism has a strong negative effect on engagement in studies. The most extensive influence was found for the conscientiousness factor, which has a statistically significant effect on all of the six indicators of training success under consideration. Based on the findings of the research, some practical recommendations

Keywords:

Federal Penitentiary Service, cadets, higher education vocational training, training success, personality predictors of success, Big Five, Dark Tetrad

For citation:

Lenkov S. L., Rubtsova N. E. Personal predictors of success in higher education vocational training of Federal Penitentiary Service employees // Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia. 2026. № 2 (110). P. 253–273.

were provided, including target reference points for organising practical psychological and educational work aimed at improving the success rates of higher education vocational training of Federal Penitentiary Service employees.

The article was submitted February 11, 2026;
approved after reviewing March 26, 2026;
accepted for publication June 25, 2026.

Введение

Личностные предикторы успешности обучения изучаются уже более века: например, известно исследование влияния фактора «воля», осуществленное в 1915 году (цит. по: [1]). Постепенно данное направление охватило и ступень высшего образования. К настоящему времени успешность вузовской подготовки в целом является глубоко исследованной предметной областью, изучаемой в рамках психологии труда, педагогической психологии, педагогики и других научных отраслей. К современным тенденциям здесь можно отнести аргументированное признание важной роли личностных факторов, детерминирующих подобную успешность, наряду с факторами когнитивными, регулятивными, организационными и иными (см., например, [2]).

Для постановки проблемы исследования были сформулированы три основных вопроса, поиск ответов на которые определил направление анализа научной литературы:

1. Какие показатели успешности вузовской профессиональной подготовки целесообразно выделить и в какой степени они изучены?

2. Какие личностные предикторы успешности вузовской профессиональной подготовки целесообразно выделить и в какой степени они изучены?

3. Как результаты ответов на первые два вопроса соотносятся с исследованиями будущих сотрудников такой специфической и относительно слабо изученной профессиональной группы, как сотрудники Федеральной службы исполнения наказаний (далее – ФСИН России)?

При рассмотрении третьего вопроса важно отметить методологическое ограничение нашего анализа: он сфокусирован преимущественно на отечественных (российских) исследованиях в области профессиональной подготовки в ООВО уголовно-исполнительной системы. Такой фокус был выбран не потому, что в зарубежной науке отсутствует интерес к данной проблематике. Напротив, вопросы психологии труда, адаптации и профессионального обучения сотрудников пенитенциарных учреждений (prison /correctional officers) широко исследуются в международном контексте [3–6]. Однако предметом нашего специального рассмотрения стала именно сложившаяся российская научная традиция и система ведомственного образования. Более того, различия в самих системах исполнения наказаний, а также в существующих специализированных образовательных системах, наряду со значительными кросс-культурными различиями, существенно затрудняют прямой перенос зарубежного опыта в отечественные условия профессиональной подготовки сотрудников ФСИН России и снижают конструктивный потенциал сравнительного анализа. Поэтому в рамках данного исследования релевантные работы зарубежных авторов привлекались преимущественно для рассмотрения широкого контекста вузовской подготовки (для различных образовательных организаций и специальностей), в то время как в специализированном контексте подготовки в ООВО ФСИН России использовались, как правило, отечественные исследования.

Рассматривая показатели успешности вузовской подготовки (с учетом ООВО системы ФСИН России), можно констатировать, что среди изучаемых подобных показателей доминирует традиционная академическая успеваемость – как в широком контексте разнообразных образовательных организаций (см., например, [1, 7–13]), так и в специализированном контексте ООВО ФСИН России (см., например, [14–16]). В силу этого мы также включили академическую успеваемость в перечень рассматриваемых показателей успешности.

При этом наше исследование выполнено с позиций психологии труда, где обучение студентов в ООВО рассматривается не только как процесс формирования определенных знаний (или компетенций), но и как важный этап профессионального становления будущего субъекта труда, затрагивающий, в частности, становление личности профессионала (см., например, [17]). Такой подход расширяет представления об успешности вузовской подготовки, которая рассматривается в первую очередь как подготовка профессиональная. В связи с этим заметим, что помимо академической успеваемости отечественные и зарубежные авторы часто рассматривают иные, весьма разнообразные показатели успешности. Для широкого круга ООВО это, например: профессиональная идентичность [18–20], уровень усталости от учебной деятельности [21], приверженность обучению [2], психологическая вовлеченность [22]; академическая успешность, понимаемая как факт окончания образовательной организации [23] или понимаемая широко [24]; идентичность с образовательной средой ООВО, мотивация обучения, уровень профессионального самоопределения и др. [20]; мотивационные измерения [11], академическая нечестность и прокрастинация [25]. Например, Р. Т. Джантеев, сравнив понятия академической успеваемости и академической успешности, пришел к выводу, что сущность первого составляют

измеряемые формальные показатели (оценки/баллы), а второе представляет собой более широкое понятие, включающее рефлексивно-личностный аспект, социальные и ценностные аспекты сравнения, оценивания и самооценивания [24].

В исследованиях, посвященных ООВО ФСИН России, в качестве показателей успешности подготовки изучались, в частности, процессы формирования: психологической устойчивости [26], личностной ответственности [27], эмоционального интеллекта [28], моральных качеств [29]; мотивации, самооценки, эмоциональных и волевых особенностей [15]; положительного образа будущей профессии [30], психологической готовности к выполнению служебных обязанностей [31], профессионально важных качеств¹ [32], профессиональной мотивации (мотивации к службе) [33; 34] и др.

Ввиду широты подходов предмет и цель данного исследования потребовали методологической конкретизации. В результате был сформирован комплекс показателей успешности подготовки курсантов ООВО ФСИН России, включающий как адаптированные существующие критерии, так и вновь предложенные:

- академическая успеваемость как наиболее традиционный показатель, во многом характеризующий формирование профессиональной компетентности выпускника ООВО;

- поскольку вузовская среда может и должна играть существенную роль в формировании профессиональной идентичности (см., например, [35]), в состав рассматриваемых показателей успешности мы ввели идентичность с факультетом, вовлеченность в учебу, удовлетворенность учебной и смысл учебы.

Рассматривая выбор целесообразных личностных предикторов успешности подготовки с учетом ООВО системы ФСИН России, отметим, что в исследованиях детерминации успешности вузовской подготовки встречаются многие личностные факторы. Для разнообразных ООВО, помимо широко известных факторов Большой пятерки и Темной тетрады (или триады), это, например: профессиональная направленность [7; 36]; страх выступать, мотивация самосовершенствования, социальный интеллект [21]; психологическая вовлеченность [22]; низкая ситуативная тревожность, осознанность саморегуляции деятельности, высокий личностный адаптационный потенциал [23]; макиавеллизм и склонность ко лжи [11], мотивы достижения, принадлежности и власти [37] и др.

Для ООВО системы ФСИН России примерами изучаемых личностных предикторов успешности вузовской подготовки могут служить: заинтересованность в профессии и в преподаваемых дисциплинах [15]; эмоциональный интеллект, эмоциональная устойчивость, эмпатия, мотивационные факторы [16]; удовлетворенность профессиональной подготовкой [38]; осознанность выбора профессии, личная значимость службы и стремление к самореализации в ней [31], осмысленность профессионального выбора [39], мотивация к службе [33], ценностно-смысловые составляющие адаптационного потенциала [40] и др.

В связи с отмеченным многообразием в рамках исследования мы ограничились тремя группами предикторов: 1) Большая пятерка, 2) Темная тетрада, 3) выделенные нами показатели соответствия профессиональной и жизненной направленности профилю получаемого образования.

Среди выделенных групп предикторов черты Большой пятерки в общем контексте высшего образования изучались, по-видимому, наиболее часто (см., например, [1; 2; 8–10; 12; 13; 41]). Вместе с тем данные о влиянии этих черт на успешность обучения остаются противоречивыми. Например, значимое влияние на академическую успеваемость было выявлено для:

- интроверсии (низкой экстраверсии), согласия (доброжелательности) и нейротизма – у российских студентов факультетов экономики и бизнес-информатики [1];

- только осознанности (добросовестности) – для российских студентов-лингвистов [13];

- добросовестности и открытости опыту – на выборке итальянских студентов различных программ бакалавриата [12];

- только нейротизма – на выборке российских студентов [8].

В системе ООВО ФСИН России исследования, посвященные роли личностных черт Большой пятерки, единичны. В качестве примера можно привести работу Е. А. Кусакиной, выполненную на выборке курсантов-бакалавров, обучающихся по направлению «Зоотехния» (с ведомственной специализацией в области кинологии) [42]. Однако следует отметить, что в данном исследовании не ставилась задача эмпирической проверки связи этих черт с какими-либо показателями успешности подготовки.

¹ См.: Сорокоумова С. Н., Заргаров А. В., Ганишина И. С. О структуре личностной ответственности курсантов образовательных организаций ФСИН России // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2024. № 1 (101). С. 270–280. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-1-270-280>

Значительно реже, чем исследования факторов Большой пятерки, встречаются работы, в которых рассматриваются личностные детерминанты, относящиеся к двум другим группам, выделенным в рамках нашего исследования. Так, в широком контексте разнообразных ООВО факторы Темной тетрады изучались, например, в работах Ф. В. Дериша, Е. Р. Поповой [8] и др. [43], факторы Темной триады – в работах [25; 37; 44–48]. Однако полученные результаты зачастую противоречивы (см., например, [49]). Так, в исследовании Ф. Ибн-Аббаси и др. психопатия и нарциссизм оказались как положительными, так и отрицательными предикторами результатов обучения, в то время как макиавеллизм проявил себя как исключительно положительный предиктор [45]. В свою очередь Ф. В. Дериш и Е. Р. Попова обнаружили, что на успеваемость студентов влияет только такой фактор Темной тетрады, как психопатия [8].

В системе ООВО ФСИН России исследования роли факторов Темной тетрады или триады встречаются редко. В ходе проведенного анализа нам не удалось обнаружить ни одного подобного исследования. Вместе с тем встречаются работы, в которых рассматривалось влияние отдельных факторов подобного плана: в частности, психопатии [50], макиавеллизма [51; 52], нарциссизма [53; 54].

Факторы профессионального соответствия в том виде, в каком они представлены в нашем исследовании, по-видимому, еще не анализировались. Вместе с тем рассматривались некоторые относительно близкие к ним (но не тождественные) личностные предикторы. В разнообразных ООВО изучалось влияние на успешность обучения (чаще всего – на академическую успеваемость): профессиональной направленности, соответствующей профилю образования [7]; мотивационных комплексов на основе самооценки [10], ценностно-смысловых составляющих адаптационного потенциала [40] и др. Для курсантов ООВО ФСИН России теоретически обосновано, что осмысленность профессионального выбора содействует формированию сотрудника уголовно-исполнительной системы как профессионала, носителя и хранителя традиций и ценностей [39], хотя эмпирических подтверждений этого не приведено. Подобные исследования подтверждают важность ценностно-смысловых ориентаций, включая адекватную профессиональную направленность; поэтому мы включили в состав предикторов соответствие профессиональным интересам.

При этом в современных условиях системы ценностей и целей студентов ООВО подвергаются существенной трансформации. Отмечается, что образование для современных студентов выступает как «ценность-цель», и его необходимость состоит не столько в познании и самосовершенствовании, сколько в решении проблем при выборе будущей профессиональной деятельности и организации материального благополучия [55]. С. А. Тарасова акцентирует внимание в т. ч. и на необходимости формирования в период обучения в ООВО ценностно-смысловых составляющих адаптационного потенциала будущих сотрудников учреждений ФСИН России, поскольку это позволит предупредить возможные ошибки и разочарования на начальном этапе самостоятельной профессиональной деятельности, сформирует готовность к активным и осознанным действиям [40, с. 97]. С нашей точки зрения, фактор соответствия жизненным планам является важной составляющей такого потенциала, ключевой для его ценностно-смыслового ядра. С учетом подобных обстоятельств мы включили в состав предикторов соответствие жизненным планам.

Проведенный анализ позволил наметить цель и гипотезу исследования.

Цель исследования – проверить влияние личностных факторов Большой пятерки, Темной тетрады, соответствия интересам и планам на выбранные показатели успешности вузовской профессиональной подготовки будущих сотрудников ФСИН России. *Гипотеза исследования*: некоторые из данных факторов могут оказывать существенное влияние на определенные показатели успешности.

Новизна исследования обусловлена следующим. Во-первых, методологическая новизна. Впервые проводится комплексный сравнительный анализ совместного влияния трех ключевых групп предикторов на успешность подготовки в ООВО ФСИН России: 1) базовых личностных черт (Большая пятерка); 2) социально-дезадаптивных черт (Темная тетрада); 3) факторов ценностно-мотивационного соответствия обучения профессиональным интересам курсантов. Первые две группы изучались преимущественно изолированно, их сопоставление друг с другом и с третьей группой осуществлено впервые.

Во-вторых, операционализация зависимой переменной. В отличие от большинства исследований, где успешность изучается как академическая успеваемость, в данной работе она концептуализирована через широкий спектр критериев (пять дополнительных показателей), отражающих различные аспекты профессионального становления (например, сформированность профессиональной идентичности, практические компетенции и т. д.).

Кроме этого, свой вклад в новизну исследования вносит специфика рассматриваемой выборки – курсантов ООВО ФСИН России, для которой исследований личностных предикторов успешности вузовской профессиональной подготовки значительно меньше, чем для выборки студентов как общих, так и специальных для некоторых вузов иного профиля (например, педагогических).

Методы

Показатели успешности вузовской профессиональной подготовки включили: вовлеченность в учебу, удовлетворенность учебой, идентичность с факультетом, осмысленность и бессмысленность учебы, академическую успеваемость.

Вовлеченность в учебу измеряли, модифицировав русскоязычную версию опросника «Утрехтская шкала вовлеченности в работу (UWES)»² с помощью замены во всех вопросах термина «работа» на термин «учеба в вузе». В рамках статьи анализируется только общая шкала вовлеченности в учебу, а результаты по субшкалам (Энергичность, Энтузиазм и Поглощенность) не рассматриваются.

Удовлетворенность учебой измеряли, модифицировав, аналогично предыдущему, опросник «Краткий индекс аффективной удовлетворенности работой (BIAJS)» в русскоязычной адаптации³.

Идентичность с факультетом измеряли с помощью «Опросника организационной и суборганизационной идентичности (OSIQ)» [56, с. 95], который предусматривает настройку для применения к различным организационным структурам. В нашем исследовании рассматривалась суборганизационная идентичность студентов, проявляемая по отношению к своему факультету (см. [56, с. 83]). Соответствующую формулировку получили вопросы: например, «Мне не безразлично, что происходит на факультете». Опросник включает две субшкалы (Когнитивная идентичность и Аффективная идентичность), однако в рамках статьи анализируется только общая шкала идентичности с факультетом.

Осмысленность учебы измеряли, модифицировав опросник «Шкала осмысленности работы» [57]. Как и в предыдущих случаях, модификация заключалась в замене во всех вопросах опросника термина «работа» на термин «учеба в вузе». Модифицированный опросник включает две субшкалы – Осмысленность учебы и Бессмысленность учебы; общей шкалы не предусмотрено.

Академическую успеваемость измеряли по самооценке результатов последней сессии или аттестации (градации: 1 – чаще оценки «3», 2 – чаще «4» или «5», 3 – чаще «5»). Проверка на пилотных выборках показала, что такая самооценка, при всей ее упрощенности, хорошо согласуется с объективными данными экзаменационного и рейтингового контроля успеваемости.

Личностные факторы, которые, согласно гипотезе исследования, могли бы оказывать влияние на успешность вузовской профессиональной подготовки, включили три группы, из которых первые две – широко известные личностные черты Большой пятерки и Темной тетрады, а третью группу составили два специфических фактора, характеризующих соответствие профессиональной и жизненной направленности респондента выбранному профилю образования.

Большая пятерка включает экстраверсию, доброжелательность, добросовестность, нейротизм (негативную эмоциональность) и открытость опыту. Для измерения использовали «Краткую версию опросника Big Five Inventory-2 (BFI-2-S)» в русскоязычной адаптации [58, с. 107]. Опросник включает пять шкал, соответствующих выраженности черт Большой пятерки. При этом каждая шкала включает также по три субшкалы, которые в статье не рассматриваются.

Темная тетрада личности включает макиавеллизм, нарциссизм, психопатию и садизм (при этом два последних фактора понимаются в бытовом, а не клиническом смысле). Для измерения использовали «Краткий опросник Темной тетрады (SD4)» в русскоязычной адаптации [59, с. 96]. Опросник включает четыре шкалы, соответствующие выраженности черт Темной тетрады.

Факторы соответствия. Данная группа включает два фактора: соответствия профессиональным интересам и соответствия жизненным планам.

Соответствие профессиональным интересам измеряли по самооценке в виде ответа на вопрос «Как получаемая в вузе специальность связана с Вашими личными предпочтениями?»

² Schaufeli W. B., Bakker A. B. Utrecht Work Engagement Scale Preliminary Manual Version 1.1. Occupational Health Psychology Unit Utrecht University, Utrecht. 2004 // Wilmar B. Schaufeli : [website]. <https://www.wilmarschaufeli.nl/tests/#engagement> (дата обращения: 17.10.2022).

³ Ловаков А. В. Связь между организационной идентификацией и благополучием работника: роль трудоголизма как медиатора : дис. ... канд. психол. наук. Москва : НИУ ВШЭ, 2018. С. 123.

с градациями шкалы Лайкерта от 1 «Абсолютно не соответствует моим интересам; учеба нужна мне только для статуса (наличие диплома), саморазвития или по иным внешним причинам» до 6 «Полностью соответствует моим интересам и предпочтениям».

Соответствие жизненным планам измеряли по самооценке в виде ответа на вопрос «Как получаемая в вузе специальность связана с Вашими жизненными планами после завершения учебы?» с градациями шкалы Лайкерта от 1 «Я уверен(а), что не буду работать по данной специальности» до 6 «Я уверен(а), что буду работать по специальности».

Процедуры сбора и анализа данных. Исходная выборка включила 300 курсантов ООВО ФСИН России, которые дали информированное согласие на участие в исследовании и заполнили предложенные опросники, представленные в виде Гугл-форм (Google forms). После первичной обработки некоторые данные были признаны невалидными и удалены: например, респондент дал одинаковые ответы на все вопросы определенного опросника, включая прямые и обратные вопросы. В итоге данные 282 респондентов (94%) оказались, по крайней мере, частично валидными и вошли в итоговую выборку исследования.

Анализ данных выполняли с помощью статистического пакета программ IBM SPSS Statistics for Windows (IBM Corp., Armonk, NY, USA), используя методы дескриптивного, корреляционного и дисперсионного анализа⁴.

Выборка исследования. Выборка включила 282 курсанта, проходящих профессиональную подготовку в ООВО ФСИН России, в числе которых Санкт-Петербургский университет ФСИН России (г. Санкт-Петербург, г. Пушкин) и Академия ФСИН России (г. Рязань). Возраст респондентов от 18 до 26 лет ($M = 20,23$; $SD = 1,379$). В составе выборки представлены курсанты:

- различного пола – 177 человек (63,6 %) женского и 105 (36,4 %) мужского;
- различных уровней образования (251 курсант специалитета и 31 – бакалавриата) и курсов обучения (29 курсантов первого курса, 79 – второго, 91 – третьего, 69 – четвертого, 14 – пятого);
- различных специальностей, в т. ч.: юридического профиля (правоохранительная деятельность, юриспруденция и др.) – 156 чел., психологического профиля (психология служебной деятельности, психология) – 117 чел., иного профиля (экономическая безопасность, социальная работа, пожарная безопасность) – 9 чел.

Курсанты, вошедшие в выборку, обучались преимущественно по дневной форме обучения (279 чел.), а также по очно-заочной (1 чел.) и заочной (2 чел.).

Результаты и обсуждение

Дескриптивная статистика по исследуемым личностным факторам представлена в таблице 1, по показателям успешности вузовской профессиональной подготовки – в таблице 2.

Таблица 1

Дескриптивная статистика исследуемых личностных факторов

Table 1

Descriptive statistics for the personality factors under consideration

Независимые переменные			Дескриптивная статистика			
Группа	Код	Название	N (α)	Min (Max)	M (SD)	As (Ex)
Большая пятерка	BF1	Экстраверсия	200 (0,651)	11 (30)	21,01 (4,121)	-0,043 (-0,543)
	BF2	Доброжелательность	200 (0,509)	11 (30)	20,49 (3,524)	0,281 (-0,051)
	BF3	Добросовестность	200 (0,692)	11 (30)	21,65 (4,003)	-0,011 (-0,690)
	BF4	Нейротизм	200 (0,696)	6 (28)	14,96 (4,308)	-0,076 (-0,244)
	BF5	Открытость опыту	200 (0,606)	13 (30)	20,55 (3,837)	0,321 (-0,522)

⁴ IBM Corporation. IBM SPSS Statistics Algorithms. Armonk, New York, United States : IBM Corp., 2021. URL: <https://www.ibm.com/docs/en/> (дата обращения: 17.12.2025).

Окончание таблицы 1

Независимые переменные			Дескриптивная статистика			
Группа	Код	Название	N (α)	Min (Max)	M (SD)	As (Ex)
Темная тетрада	DT1	Макиавеллизм	205 (0,678)	10 (33)	21,70 (4,848)	0,030 (-0,294)
	DT2	Нарциссизм	205 (0,678)	10 (33)	21,85 (4,389)	-0,058 (-0,139)
	DT3	Психопатия	205 (0,743)	7 (31)	15,56 (4,993)	0,425 (-0,171)
	DT4	Садизм	205 (0,775)	7 (33)	15,64 (5,754)	0,236 (-0,628)
Соответствие	S1	Соответствие интересам	282	1 (6)	3,96 (1,592)	0,011 (-1,288)
	S2	Соответствие планам	282	1 (6)	4,96 (1,176)	-1,075 (0,408)

Примечания: 1. n – количество валидных данных для данной переменной; α – надежность по внутренней согласованности (коэффициент «альфа Кронбаха»); Min – минимум, Max – максимум; M – среднее значение, SD – стандартное отклонение; As – асимметрия, Ex – эксцесс.
2. Стандартная ошибка асимметрии для разных переменных варьируется в пределах от 0,145 до 0,172; стандартная ошибка эксцесса – от 0,289 до 0,342.
3. Для шкал соответствия интересам и соответствия планам альфа Кронбаха не вычисляется, т. к. каждая из данных шкал состоит всего из одного пункта.

Таблица 2
Дескриптивная статистика показателей успешности вузовской профессиональной подготовки

Table 2
Descriptive statistics for the indicators of success of higher education vocational training

Зависимые переменные		Дескриптивная статистика					
Код	Название	n	α	Min/Max	M (SD)	As	Ex
LE	Вовлеченность в учебу	280	0,877	2/45	31,49 (9,035)	-0,503	0,328
LS	Удовлетворенность учебой	282	0,866	4/28	17,36 (5,182)	0,116	0,024
FI	Идентичность с факультетом	282	0,761	6/36	26,40 (5,139)	-0,584	2,258
LO1	Осмысленность учебы	265	0,691	6/30	20,98 (4,602)	-0,431	0,392
LO2	Бессмысленность учебы	265	0,650	6/30	17,55 (4,287)	-0,169	0,144
USP	Академическая успеваемость	282	—	1/3	2,12 (0,600)	-0,049	-0,281

Примечания: 1. n – количество валидных данных для данной переменной; α – надежность по внутренней согласованности (коэффициент «альфа Кронбаха»); Min – минимум, Max – максимум; M – среднее значение, SD – стандартное отклонение; As – асимметрия, Ex – эксцесс.
2. Стандартная ошибка асимметрии для разных переменных варьируется в пределах от 0,145 до 0,150; стандартная ошибка эксцесса – от 0,289 до 0,298.
3. Для шкалы академической успеваемости альфа Кронбаха не вычисляется, т. к. шкала состоит всего из одного пункта.

Как видно из таблиц 1 и 2, распределения изучаемых переменных не слишком отличаются от нормального (по показателям асимметрии и эксцесса в сравнении с их стандартными ошибками), что обосновывает корректность последующего применения линейного корреляционного, а также дисперсионного анализа.

Отметим также, что надежность по внутренней согласованности на выборке исследования для всех переменных оказалась ниже (иногда существенно), чем заявленная разработчиками соответствующих методик (см. таблицы 1 и 2, а также указанные в разделе «Методы» источники используемых методик). Данный факт объясняется в первую очередь спецификой используемой выборки (курсанты ООВО ФСИН России), поскольку разработка упомянутых методик проводилась на значительно более широких выборках. Кроме того, могла внести вклад выполненная нами модернизация некоторых методик, отмеченная в разделе «Методы». Тем не менее надежность по внутренней согласованности в целом осталась удовлетворительной (особенно с учетом широко признанного ослабления традиционных психометрических требований в случае личностных опросников), что подтверждает достоверность полученных результатов.

Как видно из таблицы 3, многие личностные факторы продемонстрировали корреляционные связи с различными показателями успешности.

Таблица 3
Корреляции Пирсона личностных факторов и показателей успешности

Table 3
Pearson's correlations between the personality factors and the indicators of success

Личностные факторы	Показатели успешности					
	LE	LS	FI	LO ₁	LO ₂	USP
BF ₁	0,349**	0,274**	0,274**	0,258**	-0,217**	0,120
BF ₂	0,217**	0,151*	0,205**	0,279**	-0,328**	0,149*
BF ₃	0,328**	0,230**	0,236**	0,273**	-0,295**	0,199**
BF ₄	-0,363**	-0,326**	-0,304**	-0,271**	0,308**	-0,087
BF ₅	0,118	0,122	0,171*	0,106	-0,096	0,046
DT ₁	-0,140*	-0,070	0,047	0,007	-0,022	-0,030
DT ₂	0,102	0,128	0,119	0,084	0,034	0,085
DT ₃	-0,075	-0,066	-0,057	-0,166*	0,300**	-0,040
DT ₄	-0,141*	-0,121	-0,143*	-0,276**	0,299**	-0,088
S ₁	0,249**	0,257**	0,224**	0,088	-0,051	-0,040
S ₂	0,444**	0,442**	0,343**	0,187**	-0,199**	0,092
Примечания: 1. Расшифровка обозначений личностных факторов представлена в таблице 1, а показателей успешности в таблице 2. 2. Статистически значимые корреляции ($p < 0,05$) выделены полужирным шрифтом. 3. * – Корреляция значима на уровне $p < 0,05$. 4. ** – Корреляция значима на уровне $p < 0,01$.						

Наиболее нагруженными (имеют по 5 или 6 статистически значимых связей) являются четыре из пяти факторов Большой пятерки (экстраверсия, доброжелательность, добросовестность и нейротизм), а также показатель «Соответствие планам». Однако при этом по величине выявленные связи являются лишь средними (максимум представляет $r = 0,444$ для связи соответствия планам и вовлеченности в учебу). Кроме того, наличие корреляционных связей еще не равнозначно влиянию личностных факторов, для выявления которого был применен однофакторный дисперсионный анализ (one-way ANOVA), результаты которого представлены в таблице 4.

Как видно из таблицы 4, выявлены приоритеты влияния каждого рассматриваемого личностного фактора на изучаемые показатели успешности. Среди факторов Большой пятерки значимое влияние ($p < 0,01$) оказывают:

– экстраверсия – на вовлеченность в учебу ($F = 8,04$), идентичность с факультетом ($F = 6,94$) и удовлетворенность учебой ($F = 6,90$);

– доброжелательность – на бессмысленность учебы ($F = 8,93$; отрицательное влияние), осмысленность учебы ($F = 8,33$), вовлеченность в учебу ($F = 5,49$) и идентичность с факультетом ($F = 5,47$);

– добросовестность – на бессмысленность учебы ($F = 9,70$; отрицательное влияние) и вовлеченность в учебу ($F = 7,85$);

– нейротизм – на вовлеченность в учебу ($F = 10,71$; отрицательное влияние), бессмысленность учебы ($F = 9,73$), идентичность с факультетом ($F = 9,16$; отрицательное влияние), удовлетворенность учебой ($F = 7,60$; отрицательное влияние) и осмысленность учебы ($F = 5,79$; отрицательное влияние).

Таблица 4

Проверка влияния личностных факторов на показатели успешности

Table 4

Assessment of the influence of the personal factors on the indicators of success

ЛФ	ПУ	Результаты ANOVA		Средние значения по группам			Результаты сравнения групп		
		F	p	1	2	3	1-2	1-3	2-3
BF ₁	LE	8,04	0,000	28,51	30,72	34,84	0,372	0,001	0,012
	FI	6,94	0,001	25,02	25,76	28,17	0,646	0,002	0,018
	LS	6,90	0,001	16,39	16,35	19,21	0,999	0,009	0,002
	LO ₁	4,33	0,014	19,70	20,85	22,15	0,247	0,017	0,288
	LO ₂	4,13	0,018	17,98	17,63	15,92	0,878	0,037	0,058
	USP	2,91	0,057	1,98	2,21	2,17	0,054	0,180	0,921
BF ₂	LO ₂	8,93	0,000	18,26	17,65	15,14	0,663	0,000	0,004
	LO ₁	8,33	0,000	19,58	20,72	22,94	0,302	0,000	0,021
	LE	5,49	0,005	30,14	29,95	34,83	0,992	0,010	0,003
	FI	5,47	0,005	24,93	26,43	27,91	0,228	0,003	0,097
	LS	1,40	0,248	16,61	17,23	18,17	0,776	0,179	0,505
	USP	1,06	0,349	2,07	2,12	2,22	0,856	0,337	0,578
BF ₃	LO ₂	9,70	0,000	18,23	18,03	15,35	0,961	0,001	0,001
	LE	7,85	0,001	28,15	31,64	34,27	0,087	0,001	0,167
	FI	4,50	0,012	24,82	26,80	27,28	0,080	0,023	0,806
	LO ₁	4,34	0,014	19,68	21,02	22,03	0,161	0,014	0,486
	USP	3,63	0,028	2,00	2,12	2,27	0,428	0,035	0,272
	LS	3,17	0,044	16,12	17,35	18,33	0,400	0,028	0,489
BF ₄	LE	10,71	0,000	35,13	31,60	27,47	0,034	0,000	0,034
	LO ₂	9,73	0,000	15,08	17,64	18,42	0,001	0,000	0,538
	FI	9,16	0,000	28,65	25,73	24,93	0,000	0,001	0,669
	LS	7,60	0,001	19,33	17,01	15,74	0,014	0,001	0,329
	LO ₁	5,79	0,004	22,60	20,73	19,68	0,082	0,004	0,332
	USP	0,31	0,732	2,16	2,14	2,08	0,975	0,725	0,824
BF ₅	FI	3,37	0,037	25,79	25,57	27,69	0,966	0,078	0,042
	LE	2,18	0,116	30,35	30,52	33,39	0,994	0,128	0,212
	LO ₁	2,08	0,128	20,00	21,56	21,19	0,094	0,374	0,899
	LO ₂	1,04	0,357	17,62	17,38	16,55	0,947	0,345	0,513
	LS	0,98	0,377	16,73	17,16	17,98	0,870	0,373	0,640
	USP	0,57	0,569	2,07	2,17	2,15	0,540	0,767	0,963
DT ₁	FI	1,87	0,157	26,20	25,61	27,11	0,754	0,476	0,143
	LE	1,15	0,318	32,62	30,63	30,40	0,376	0,362	0,987
	LO ₂	1,13	0,324	17,29	17,92	16,85	0,659	0,850	0,302

Окончание таблицы 4

ЛФ	ПУ	Результаты ANOVA		Средние значения по группам			Результаты сравнения групп		
		F	p	1	2	3	1-2	1-3	2-3
	USP	0,41	0,662	2,14	2,17	2,09	0,928	0,870	0,648
	LS	0,17	0,844	17,41	16,91	17,20	0,834	0,974	0,929
	LO ₁	0,15	0,857	20,73	21,18	20,94	0,821	0,967	0,952
DT ₂	USP	2,41	0,093	2,00	2,16	2,20	0,311	0,076	0,867
	FI	1,45	0,237	25,68	25,95	26,93	0,953	0,317	0,377
	LS	1,36	0,260	16,58	16,74	17,81	0,982	0,347	0,372
	LE	1,33	0,267	29,62	31,14	32,09	0,662	0,239	0,806
	LO ₁	0,86	0,423	20,42	20,84	21,43	0,854	0,371	0,747
	LO ₂	0,51	0,603	16,96	17,77	17,39	0,584	0,830	0,864
DT ₃	LO ₂	8,10	0,000	16,00	16,92	18,78	0,384	0,000	0,033
	LO ₁	4,56	0,012	22,42	20,03	20,66	0,010	0,060	0,702
	LE	1,74	0,178	32,97	30,48	30,30	0,249	0,170	0,993
	USP	1,28	0,279	2,21	2,05	2,15	0,261	0,815	0,523
	FI	0,97	0,382	27,02	26,11	25,93	0,444	0,339	0,974
	LS	0,84	0,434	17,86	16,95	16,80	0,551	0,385	0,984
DT ₄	LO ₁	8,24	0,000	23,08	20,38	20,01	0,002	0,000	0,880
	LO ₂	7,73	0,001	15,96	17,04	18,85	0,256	0,000	0,034
	FI	3,51	0,032	27,24	26,67	25,14	0,710	0,029	0,158
	LE	3,41	0,035	33,69	30,64	29,65	0,101	0,020	0,792
	LS	2,07	0,128	18,27	16,95	16,51	0,272	0,097	0,855
	USP	0,63	0,534	2,20	2,09	2,13	0,493	0,731	0,915
S ₁	LS	26,39	0,000	17,50	15,24	20,13	0,005	0,004	0,000
	LE	21,06	0,000	31,86	28,10	35,82	0,010	0,014	0,000
	FI	11,39	0,000	26,00	25,16	28,45	0,534	0,008	0,000
	LO ₁	4,19	0,016	21,47	20,07	21,87	0,083	0,872	0,031
	LO ₂	3,56	0,030	17,00	18,35	16,90	0,095	0,990	0,056
	USP	1,36	0,259	2,21	2,07	2,10	0,222	0,482	0,907
S ₂	LS	32,11	0,000	14,40	16,59	19,79	0,004	0,000	0,000
	LE	30,87	0,000	26,81	29,55	35,81	0,090	0,000	0,000
	FI	14,60	0,000	24,48	25,64	28,18	0,306	0,000	0,000
	LO ₂	6,96	0,001	18,93	17,60	16,58	0,085	0,001	0,202
	LO ₁	3,33	0,037	19,84	21,59	21,31	0,021	,093	0,909
	USP	0,59	0,555	2,07	2,10	2,16	0,925	0,544	0,777
Примечания: 1. ЛФ – Личностные факторы, ПУ – Показатели успешности. Расшифровка обозначений личностных факторов представлена в таблице 1, показателей успешности – в таблице 2. 2. Результаты ANOVA: F – критерий Фишера, p – статистическая значимость. 3. Результаты сравнения групп: статистическая значимость p различий средних значений по группам, определенная с помощью теста Геймса-Хоуэлла. 4. Данные по влиянию каждого личностного фактора упорядочены в порядке убывания величины F. 5. Статистически значимые значения p ($p < 0,05$) выделены полужирным шрифтом, за исключением значимости результата ANOVA по влиянию фактора соответствия интересам (S₁) на показатель «Бессмысленность учебы» (LO₂), поскольку данный результат не подтвердился в рамках множественных сравнений.									

Влияние открытости опыту проявилось лишь по отношению к идентичности с факультетом ($F = 3,37$) и при этом не является высоко значимым ($p = 0,037$).

Среди факторов Темной тетрады значимое влияние ($p < 0,01$) оказывают:

- психопатия – на бессмысленность учебы ($F = 8,10$);
- садизм – на осмысленность учебы ($F = 8,24$; отрицательное влияние) и бессмысленность учебы ($F = 7,73$).

Для факторов макиавеллизма и нарциссизма статистически значимого влияния на показатели успешности не выявлено. Этот результат косвенно согласуется с данными о неоднозначной (в т. ч. в некоторых ситуациях – положительной) роли данных факторов в составе Темной триады (см. Введение).

Среди факторов соответствия значимое влияние ($p < 0,01$) оказывают оба выделенных фактора:

- соответствие интересам – на удовлетворенность учебой ($F = 26,39$; нелинейное влияние), вовлеченность в учебу ($F = 21,06$) и идентичность с факультетом ($F = 11,39$);
- соответствие планам – на удовлетворенность учебой ($F = 32,11$), вовлеченность в учебу ($F = 30,87$), идентичность с факультетом ($F = 14,60$) и бессмысленность учебы ($F = 6,96$; отрицательное влияние).

Интересный результат представляет собой выявленное нелинейное влияние соответствия интересам на удовлетворенность учебой: при переходе от низкого уровня выраженности соответствия интересам к среднему удовлетворенность учебой статистически значимо снижается, но затем, при переходе к высокому уровню, резко повышается, в т. ч. по сравнению с показателем низкого уровня выраженности (см. таблицу 4). Данный факт свидетельствует о возможности сложных, нелинейных закономерностей личностной детерминации успешности профессиональной подготовки. Возможно, курсанты, проявляющие низкий уровень соответствия профессиональным интересам, изначально относятся к обучению по выбранной специальности чисто формально (как к способу бесплатного получения все равно какого высшего образования), не предъявляя соответственно особых требований и претензий к качеству подготовки. Однако строгая проверка данного предположения требует более детального изучения.

Ранжирование по ширине влияния (включая влияние положительное, отрицательное или нелинейное) дает следующие результаты:

- абсолютный лидер по ширине влияния – фактор добросовестности: для него статистически значимое влияние выявлено на все шесть рассматриваемых показателей успешности;
- почти столь же широкое влияние оказывают факторы экстраверсии, нейротизма и соответствия жизненным планам: для каждого из них статистически значимое влияние выявлено на пять показателей успешности;
- немногим менее широкое влияние (на четыре показателя успешности) оказывают факторы доброжелательности, соответствия интересам и садизма;
- для открытости опыту влияние выявлено на один показатель успешности (идентичность с факультетом); для психопатии – на два (положительное влияние на бессмысленность учебы и отрицательное – на осмысленность учебы);
- для нарциссизма и макиавеллизма статистически значимого влияния на рассматриваемые показатели успешности не выявлено.

В таблице 5 выявленное влияние личностных предикторов для каждого показателя успешности вузовской подготовки ранжировано по силе.

Сильное или, как минимум, среднее влияние (положительное, отрицательное или нелинейное) оказывают следующие личностные факторы:

- на удовлетворенность учебой – соответствие планам, соответствие интересам, нейротизм и экстраверсия;
- на вовлеченность в учебу – соответствие планам, соответствие интересам, нейротизм, экстраверсия, добросовестность и доброжелательность;
- на идентичность с факультетом – соответствие планам, нейротизм, соответствие интересам, экстраверсия и доброжелательность;
- на бессмысленность учебы – нейротизм, добросовестность, доброжелательность, психопатия, садизм, соответствие планам;
- на осмысленность учебы – доброжелательность, садизм и нейротизм.

Из факторов Большой пятерки на академическую успеваемость курсантов ООВО ФСИН России статистически значимое влияние (слабое позитивное) оказывает только добросовестность (см. таблицу 5). Интересно отметить, что:

- аналогичный вывод получили А. Дафф и др. на выборке студентов одного из университетов Шотландии (цит. по: [8, с. 69]);

– данный результат качественно согласуется с выводом исследования С. Б. Малыха, согласно которому добросовестность оказалась единственной из пяти основных черт личности, способствовавшей индивидуальным различиям в успеваемости российских старшеклассников [60, p. 1308].

Таблица 5
Влияние личностных факторов на успешность вузовской профессиональной подготовки, ранжированное по силе

Table 5
The influence of the personal factors on success in higher education vocational training, ranked by the degree of influence

Показатели успешности	Ранг	Личностные предикторы	Сила влияния	Характер влияния
Удовлетворенность учебой (LS)	1	Соответствие планам (S ₂)	0,187	Сильное позитивное
	2	Соответствие интересам (S ₁)	0,159	Сильное нелинейное
	3	Нейротизм (BF ₄)	0,072	Среднее негативное
	4	Экстраверсия (BF ₁)	0,065	Среднее позитивное
	5	Добросовестность (BF ₃)	0,031	Слабое позитивное
Вовлеченность в учебу (LE)	1	Соответствие планам (S ₂)	0,182	Сильное позитивное
	2	Соответствие интересам (S ₁)	0,132	Сильное позитивное
	3	Нейротизм (BF ₄)	0,099	Сильное негативное
	4	Экстраверсия (BF ₁)	0,076	Среднее позитивное
	5	Добросовестность (BF ₃)	0,075	Среднее позитивное
	6	Доброжелательность (BF ₂)	0,053	Среднее позитивное
	7	Садизм (DT ₄)	0,033	Слабое негативное
Идентичность с факультетом (FI)	1	Соответствие планам (S ₂)	0,095	Сильное позитивное
	2	Нейротизм (BF ₄)	0,085	Среднее негативное
	3	Соответствие интересам (S ₁)	0,075	Среднее позитивное
	4	Экстраверсия (BF ₁)	0,066	Среднее позитивное
	5	Доброжелательность (BF ₂)	0,053	Среднее позитивное
	6	Добросовестность (BF ₃)	0,044	Слабое позитивное
	7	Садизм (DT ₄)	0,034	Слабое негативное
	8	Открытость опыту (BF ₅)	0,033	Слабое позитивное
Бессмысленность учебы (LO ₂)	1	Нейротизм (BF ₄)	0,094	Среднее позитивное
	2	Добросовестность (BF ₃)	0,094	Среднее негативное
	3	Доброжелательность (BF ₂)	0,087	Среднее негативное
	4	Психопатия (DT ₃)	0,077	Среднее позитивное
	5	Садизм (DT ₄)	0,074	Среднее позитивное
	6	Соответствие планам (S ₂)	0,050	Среднее негативное
	7	Экстраверсия (BF ₁)	0,042	Слабое негативное
Осмысленность учебы (LO ₁)	1	Доброжелательность (BF ₂)	0,082	Среднее позитивное
	2	Садизм (DT ₄)	0,079	Среднее негативное
	3	Нейротизм (BF ₄)	0,058	Среднее негативное
	4	Психопатия (DT ₃)	0,045	Слабое негативное

Окончание таблицы 5

Показатели успешности	Ранг	Личностные предикторы	Сила влияния	Характер влияния
	5-6	Добросовестность (BF ₃)	0,044	Слабое позитивное
	5-6	Экстраверсия (BF ₁)	0,044	Слабое позитивное
	7	Соответствие интересам (S ₁)	0,031	Слабое позитивное
	8	Соответствие планам (S ₂)	0,025	Слабое позитивное
Академическая успеваемость (USP)	1	Добросовестность (BF ₃)	0,036	Слабое позитивное
Примечания: 1. Сила влияния: показаны значения коэффициента «частичная эта квадрат»⁵. 2. При оценке характера влияния по силе использованы следующие критерии, основанные на значениях коэффициента «частичная эта квадрат»: сильное влияние – больше или равен 0,095, среднее влияние – больше 0,05, но меньше 0,095; слабое влияние – меньше или равен 0,05 (при этом влияние статистически значимо). 3. Ранжирование по силе влияния выполнено отдельно для каждого показателя успешности. 4. Направления влияния (позитивное, негативное или нелинейное) можно проследить, используя средние значения по группам из таблицы 4.				

Таким образом, в ходе исследования было выявлено влияние различных личностных факторов на разнородные показатели успешности подготовки; при этом для некоторых факторов такое влияние является сильным и (или) широким.

Следующий важный вопрос состоит в том, как можно использовать эти результаты на практике, при организации профессиональной подготовки курсантов ООВО ФСИН России? Для ответа на него требуется в первую очередь проанализировать реальные возможности по формированию целесообразных личностных факторов в процессе обучения.

Факторы Большой пятерки, с одной стороны, считаются достаточно устойчивыми чертами личности, сохраняющими свою стабильную выраженность на протяжении длительного времени (см., например, [58]). Вместе с тем имеются исследования, в которых эмпирически доказана изменчивость данных черт в период вузовского обучения под воздействием различных факторов, включая целенаправленное воздействие в рамках специально организованного психологического (или психолого-педагогического) сопровождения⁶ [61].

Аналогичная ситуация наблюдается для факторов Темной тетрады (или триады): с одной стороны, они считаются достаточно стабильными (см., например, [59]). Дж. Буйок и др. не выявили существенных различий между студентами первого и третьего курсов медицинского факультета по показателям Темной триады личности (макиавеллизма, нарциссизма и психопатии) [37]. С другой стороны, имеются работы, аргументирующие динамику черт Темной тетрады (или триады). Например, в исследовании, которое провели Б. Хардин и С. Смит, у студентов была выявлена даже ежедневная динамика черт Темной триады [46].

Динамика в период обучения в ООВО выявлена также для некоторых личностных черт, близких к факторам соответствия, рассматриваемым в нашем исследовании. Так, Л. В. Ковтуненко и А. Б. Ковтуненко выявили у курсантов ООВО ФСИН России динамику статуса профессиональной идентичности: у первокурсников он предпрешенный, сформированный под воздействием социальной среды и внешних обстоятельств, в то время как у выпускников – преимущественно достигнутый, связанный с осмыслением значимости предстоящей службы и позитивной направленностью на нее [19]. Н. Г. Соболев показал, что мотивация к службе курсантов образовательных организаций ФСИН России существенно отличается от мотивации опытных сотрудников [33]. М. Ю. Смирнова пришла к выводу, что у курсантов ООВО ФСИН России на старших курсах, по сравнению с младшими, сильнее выражены такие ценностные ориентиры, как ценностная устремленность, реализованность в жизни, осмысленность жизни [62, с. 186]. Данные факты дают основания (пусть и косвенные) предположить, что фигурирующие в нашем исследовании факторы соответствия также допускают целенаправленное изменение в процессе вузовской подготовки. Однако проверка этого предположения требует самостоятельного исследования.

⁵ URL: <https://www.ibm.com/docs/en/> (дата обращения: 17.12.2025).

⁶ См., например: Мишкевич А. М. Изменчивость черт личности и установок на черты в коротких временных интервалах : дис. ... канд. психол. наук. Пермь, 2019. 162 с.

Отмеченная потенциально возможная динамика рассматриваемых личностных факторов дает основания для формулирования по результатам исследования ряда практических рекомендаций (для психологов, преподавателей, методистов и других организаторов образовательного процесса), направленных на повышение успешности профессиональной подготовки курсантов ООВО ФСИН России:

1. Психологическую работу по обеспечению личностных предикторов успешности вузовской профессиональной подготовки целесообразно проводить комплексно, включая, по крайней мере, два этапа:

- психологический отбор на этапе поступления в ООВО, направленный на выявление у абитуриентов целесообразного сочетания личностных предикторов успешности профессиональной подготовки;

- психологическое (и тесно связанное с ним педагогическое) сопровождение на этапе вузовского обучения, в рамках которого следует формировать целесообразную выраженность личностных предикторов успешности подготовки.

2. При первичном психологическом отборе приоритет при поступлении (при прочих равных условиях) следует отдавать абитуриентам, проявляющим:

- по факторам Большой пятерки – высокий уровень выраженности экстраверсии, доброжелательности, добросовестности, открытости опыту; низкий уровень выраженности нейротизма;
- по факторам Темной тетрады – низкий уровень выраженности психопатии и садизма;
- по факторам соответствия – высокий или, как минимум, средний уровень выраженности соответствия профессиональным интересам и соответствия жизненным планам.

3. В рамках психологического и педагогического сопровождения в процессе вузовской подготовки будущих сотрудников ФСИН России следует формировать целесообразную выраженность личностных факторов, указанную выше; такое сопровождение должно быть направлено в первую очередь на повышение выраженности у курсантов соответствия профессиональным интересам и жизненным планам, добросовестности, доброжелательности, экстраверсии, а также на снижение выраженности нейротизма, садизма и психопатии.

4. Для проведения первичного психологического отбора и последующего мониторинга в процессе вузовской подготовки целесообразно усовершенствовать используемый психодиагностический инструментарий в направлении повышения его валидности и надежности для контингента абитуриентов и курсантов ООВО ФСИН России. Например, для определения выраженности факторов соответствия целесообразно вместо одиночных прямых вопросов, использованных в нашем исследовании, разработать более подробные шкалы, обеспечивающие, в частности, профилактику выдачи социально желательных ответов.

Приведенные рекомендации не содержат готовых методик и (или) технологий психологического отбора и сопровождения, а представляют собой скорее выделение целевых ориентиров подобной работы, получивших в рамках проведенного исследования определенное обоснование. Разработка же упомянутых методик и технологий представляет собой комплекс самостоятельных исследовательских и опытно-практических психологических и педагогических задач.

3 **Заключение**

На выборке курсантов ООВО ФСИН России проведено эмпирическое исследование, в котором проверялось влияние ряда личностных факторов (черты Большой пятерки и Темной тетрады, а также показатели профессионального и жизненного соответствия; всего 11 факторов) на определенные показатели успешности вузовской профессиональной подготовки (всего шесть показателей, в числе которых удовлетворенность учебой, вовлеченность в учебу, идентичность с факультетом, осмысленность учебы, бессмысленность учебы, академическая успеваемость). Полученные результаты позволяют сделать следующие выводы:

1. Рассмотренные личностные факторы могут оказывать широкое и существенное влияние на показатели успешности профессиональной подготовки курсантов ООВО ФСИН России.

2. Сильное и широкое влияние выявлено для факторов соответствия:

- соответствие жизненным планам оказывает сильное положительное влияние на удовлетворенность учебой, вовлеченность в учебу и идентичность с факультетом, среднее отрицательное – на бессмысленность учебы, слабое положительное – на осмысленность учебы; кроме того, данный фактор имеет средние по величине корреляционные связи с пятью

показателями успешности: положительные – с удовлетворенностью учебой, вовлеченностью в учебу, идентичностью с факультетом и осмысленностью учебы; отрицательные – с бессмысленностью учебы;

– соответствие профессиональным интересам оказывает широкое положительное влияние: сильное – на удовлетворенность учебой и вовлеченность в учебу, среднее – на идентичность с факультетом, слабое – на осмысленность учебы; кроме того, данный фактор имеет средние по величине положительные корреляционные связи с тремя показателями успешности – удовлетворенностью учебой, вовлеченностью в учебу и идентичностью с факультетом.

3. Среди факторов Большой пятерки:

– экстраверсия оказывает среднее по величине положительное влияние на удовлетворенность учебой, вовлеченность в учебу и идентичность с факультетом, а также слабое по величине влияние: положительное – на бессмысленность учебы, отрицательное – на осмысленность учебы; кроме того, данный фактор имеет средние по величине корреляционные связи с пятью показателями успешности: положительные – с удовлетворенностью учебой, вовлеченностью в учебу, идентичностью с факультетом, осмысленностью учебы; отрицательные – с бессмысленностью учебы;

– доброжелательность оказывает среднее по величине влияние: положительное – на вовлеченность в учебу, идентичность с факультетом и осмысленность учебы; отрицательное – на бессмысленность учебы; кроме того, данный фактор имеет средние по величине корреляционные связи со всеми шестью рассмотренными показателями успешности: положительные – с удовлетворенностью учебой, вовлеченностью в учебу, идентичностью с факультетом, осмысленностью учебы и академической успеваемостью; отрицательные – с бессмысленностью учебы;

– добросовестность оказывает влияние: среднее по величине положительное – на вовлеченность в учебу, отрицательное – на бессмысленность учебы; слабое по величине положительное – на удовлетворенность учебой, идентичность с факультетом, осмысленность учебы и академическую успеваемость; кроме того, данный фактор имеет средние по величине корреляционные связи со всеми шестью рассмотренными показателями успешности: положительные – с удовлетворенностью учебой, вовлеченностью в учебу, идентичностью с факультетом, осмысленностью учебы и академической успеваемостью; отрицательные – с бессмысленностью учебы;

– нейротизм оказывает сильное отрицательное влияние на вовлеченность в учебу, а также среднее по величине влияние: отрицательное – на удовлетворенность учебой, идентичность с факультетом и осмысленность учебы; положительное – на бессмысленность учебы; кроме того, данный фактор имеет средние по величине корреляционные связи с пятью показателями успешности: отрицательные – с удовлетворенностью учебой, вовлеченностью в учебу, идентичностью с факультетом, осмысленностью учебы; положительные – с бессмысленностью учебы;

– открытость опыту оказывает слабое положительное влияние на идентичность с факультетом, а также имеет с данным показателем среднюю по величине положительную корреляционную связь.

4. Среди факторов Темной тетрады:

– для макиавеллизма статистически значимого влияния на рассматриваемые показатели успешности не выявлено; вместе с тем данный фактор имеет среднюю по величине отрицательную корреляционную связь с удовлетворенностью учебой;

– для нарциссизма статистически значимого влияния на рассматриваемые показатели успешности не выявлено, равно как и значимой корреляционной связи с каким-либо из них;

– психопатия оказывает среднее по величине положительное влияние на бессмысленность учебы и слабое по величине отрицательное влияние на осмысленность учебы; кроме того, данный фактор имеет средние по величине корреляционные связи с этими же показателями успешности: положительную – с бессмысленностью учебы, отрицательную – с осмысленностью учебы;

– садизм оказывает влияние: среднее по величине положительное – на бессмысленность учебы, отрицательное – на осмысленность учебы; слабое по величине отрицательное – на вовлеченность в учебу.

5. Выявленные закономерности личностной детерминации успешности позволяют наметить целевые ориентиры для организации практической психологической и педагогической работы, направленной на повышение качества вузовской профессиональной подготовки сотрудников ФСИН России.

Список источников

1. Най Д. В. К., Орел Е. А., Кочергина Е. В. Факторы «Большой пятерки» как психологические предикторы академической успеваемости студентов вузов // Психологические исследования : [электронное издание]. 2013. Т. 6, № 27. Статья 4. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2013v6n27/776-kochergina27.html>
2. Маоцзун Ч., Синьхай Ц., Вэньцзин Д. Влияние некогнитивных способностей и родительских образовательных ожиданий на академическую вовлеченность студентов бакалавриата (Часть 1) // Современное образование и общество. 2024. Т. 1, № 3. С. 252–267; <https://doi.org/10.33910/3034-4255-2024-1-3-252-267>
3. Forsyth J., Shaw J., Shepherd A. Reflecting the voices of prison officers with respect to their support, supervision, and wellbeing training needs: a reflexive thematic analysis // Front Public Health. 2025. Vol. 13. Article 1656223. <https://doi.org/10.3389/fpubh.2025.1656223>
4. Piotrowski A., Sygit-Kowalkowska E., Hamzah I. Work engagement among prison officers. The role of individual and organizational factors in the Polish and Indonesian penitentiary systems // International Journal of Environmental Research and Public Health (IJERPH). 2020. Vol. 17, № 21. P. 2–15. <https://doi.org/10.3390/ijerph17218206>
5. Ryan C., Brennan F., McNeill S., O'Keeffe R. Prison Officer training and education: A scoping review of the published literature // Journal of Criminal Justice Education. 2022. Vol. 33, № 1. P. 110–138. <https://doi.org/10.1080/10511253.2021.1958881>
6. Schultz W. J., Ricciardeli R. Correctional officers and the ongoing health implications of prison work // Health & justice. 2024. Vol. 13, № 1. Article 4. <https://doi.org/10.1186/s40352-024-00308-2>
7. Абросимов А. А. Академическая успеваемость и направленность личности студентов // Вестник Самарского государственного технического университета. Серия: Психолого-педагогические науки. 2014. № 2 (22). С. 6–10.
8. Дерши Ф. В., Попова Е. Р. Связь личностных черт и копинг-стратегий с академической успеваемостью // Социальные и гуманитарные науки: теория и практика. 2024. № 4 (11). С. 67–73.
9. Поиск прогностических критериев академической успеваемости студентов / Исаева Е. Р., Тюсова О. В., Тишков А. В., Шапоров А. М. [и др.] // Университетское управление: практика и анализ. 2017. Т. 21, № 2 (108). С. 163–175. <https://doi.org/10.15826/umpra.2017.02.030>
10. Ишмуратова Ю. А., Потанина А. М., Цыганов И. Ю., Моросанова В. И. Некогнитивные предикторы академических достижений в различные периоды обучения // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2019. № 3. С. 25–40. <https://doi.org/10.18384/2310-7235-2019-3-25-40>
11. Bratu M. L., Rosca L. I., Rosca N. A. Machiavellianism, lying, and motivation as predictors of academic performance in Romanian engineering students // Education Sciences. 2025. Vol. 15, № 8. Article 1028. <https://doi.org/10.3390/educsci15081028>
12. Corazzini L., D'Arrigo S., Millemaci E., Navarra P. The influence of personality traits on university performance: Evidence from Italian freshmen students // PLoS ONE. 2021. Vol. 16, № 11. Article e0258586. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0258586>
13. Novikova I. A., Vorobyeva A. A. Big Five Factors and academic achievement in Russian students // Psychology in Russia: State of the Art. 2017. Vol. 10, № 4. P. 93–106. <https://doi.org/10.11621/pir.2017.0409>
14. Григорьева О. О. Совершенствование организации служебного времени курсантов образовательных организаций Федеральной службы исполнения наказаний // Вестник Пермского института Федеральной службы исполнения наказаний. 2023. № 2 (49). С. 12–22. <https://doi.org/10.34988/2226-2326.2023.98.17.002>
15. Мазина О. Н., Бочкарева О. Н. Исследование проблем, влияющих на качество успеваемости курсантов образовательных организаций Федеральной службы исполнения наказаний России // Ученые записки университета имени П. Ф. Лесгафта. 2022. № 9 (211). С. 275–281. <https://doi.org/10.34835/issn.2308-1961.2022.9.p275-282>
16. Нецветаева В. О. Роль индивидуальных особенностей в успеваемости: метаанализ влияния когнитивных, эмоциональных и мотивационных факторов на обучающихся вузов ФСИН России / Альманах социально-гуманитарных наук : сборник научных статей : 1 квартал 2025 г. Ульяновск : Зебра, 2025. С. 258–262.
17. Песков В. П., Желнина К. В. Особенности адаптации студентов при вхождении в вузовскую среду // Nominum. 2025. № 2 (18). С. 272–295.
18. Дорофеева Е. Д., Шибаева Г. Е. Формирование профессиональной идентичности курсантов в условиях образовательных организаций ФСИН России / Молодежь и будущее: профессиональная и личностная самореализация : материалы XIII Международной научно-практической конференции, г. Владимир, 28–29 марта 2024 г. Владимир : Транзит-ИКС, 2024. С. 142–145.
19. Ковтуненко Л. В., Ковтуненко А. Б. Образ образовательной среды ведомственной организации и профессиональная идентичность будущего сотрудника // Пенитенциарная наука. 2024. Т. 18, № 1 (65). С. 102–107. <https://doi.org/10.46741/2686-9764.2024.65.1.012>
20. Архипова Е. И., Капустина В. А., Матюшина М. А. Взаимосвязь профессиональной идентичности с оценкой образовательной среды вуза студентами психологического направления обучения // Перспективы науки и образования. 2025. № 1. С. 554–565. <https://doi.org/10.32744/pse.2025.1.35>
21. Ледовская Т. В. Психологические факторы академической успеваемости студентов вуза / Педагогика и психология современного образования: теория и практика : материалы научно-практической конференции, г. Ярославль, 5–6 марта 2020 г. Ярославль : Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского, 2020. Ч. 2. С. 127–131.
22. Серебровская Н. Е., Щербакова М. П., Гнездилова Д. М. Психологическая вовлеченность в основе стимулирования активности обучающихся ведомственных вузов // Russian Journal of Education and Psychology. 2024. Т. 15, № 6–2. С. 370–392. <https://doi.org/10.12731/2658-4034-2024-15-6-723>
23. Психологические предпосылки успешности обучения в медицинском ВУЗе / Тюсова О. В., Артюхина С. Л., Исаева Е. Р., Бизюк А. П. [и др.] // Медицинская психология в России : [электронное издание]. 2022. Т. 14, № 6 (77). С. 6. URL: http://medpsy.ru/mpj/archiv_global/2022_6_77/nomer01.php
24. Джантеев Р. Т. Проблема академической успешности и успеваемости: теоретический анализ понятия и сущности // Мир науки. Педагогика и психология : [электронное издание]. 2024. Т. 12, № 6. С. 80. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/107PSMN624.pdf>
25. Song J., Liu S. Dark personality traits are associated with academic misconduct, frustration, negative thinking, and generative AI use habits: the case of Sichuan art universities // BMC Psychology. 2025. Vol. 13, № 1. P. 633. <https://doi.org/10.1186/s40359-025-02949-w>
26. Жильцова Ю. В. О развитии психологической устойчивости курсантов академии ФСИН России // Ученые записки университета имени П. Ф. Лесгафта. 2020. № 9 (187). С. 464–466. <https://doi.org/10.34835/issn.2308-1961.2020.9.p464-466>
27. Заргаров А. В. Ключевые аспекты в изучении и формировании личностной ответственности курсантов образовательных организаций ФСИН России // Теория и практика социогуманитарных наук. 2025. № 1 (29). С. 70–77.

28. Корнилова Т. В., Гонцова О. В., Лебедева М. Е. Значимость эмоционального интеллекта для обучающихся в ведомственных образовательных организациях // Прикладная психология и педагогика. 2023. Т. 8, № 4. С. 68–77. <https://doi.org/10.12737/2500-0543-2023-8-4-68-77>
29. Кусакина Е. А. Формирование морально-психологических качеств личности курсанта как важнейшего условия профессионального становления // Вестник Самарского юридического института. 2018. № 5 (31). С. 99–103.
30. Панова О. Б., Чернозем Я. В. К вопросу об актуальности формирования образа будущей профессии у курсантов-психологов в воспитательном процессе вуза ФСИН России // Всероссийский научно-практический журнал социальных и гуманитарных исследований. 2025. № 1 (16). С. 16–25. <https://doi.org/10.46741/sgjournal.2025.16.1.002>
31. Росина Ю. С. Психологическая готовность курсантов образовательных организаций Федеральной службы исполнения наказаний к выполнению служебных обязанностей // Векторы психолого-педагогических исследований. 2025. № 2 (7). С. 71–79.
32. Сидорова Т. В., Соснина В. Н., Юн-Хай С. А. Педагогические условия развития профессионально важных качеств сотрудников уголовно-исполнительной системы // Бизнес. Образование. Право. 2025. № 1 (70). С. 329–334. <https://doi.org/10.25683/VOLBI.2025.70.1198>
33. Соболев Н. Г. Особенности мотивации к службе курсантов образовательных организаций ФСИН России / Петербургские пенитенциарные конференции : сборник материалов комплекса международных научно-практических конференций : в 2 т., г. Санкт-Петербург, г. Пушкин, 16–17 мая 2024 г. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет Федеральной службы исполнения наказаний, 2024. Т. 2. С. 71–73.
34. Хорольский Д. А. К проблеме стимулирования мотивации к профессиональной деятельности курсантов ведомственных вузов ФСИН России / X педагогические чтения, посвященные памяти профессора С. И. Злобина : сборник материалов, г. Пермь, 2–4 октября 2024 г. Пермь : Пермский институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2024. С. 200–202.
35. Акимова Я. С., Злыднев Д. Ю., Удалова Е. С. Проблемы профессионального самоопределения студентов вуза // Вестник науки. 2025. Т. 2, № 7 (88). С. 333–341.
36. Ленков С. Л., Рубцова Н. Е., Букинич А. М. Профессиональная направленность абитуриентов вузов как предиктор успешности профессионального становления // Национальный психологический журнал. 2023. Т. 18, № 2. С. 103–118. <https://doi.org/10.11621/npj.2023.0208>
37. Bujok J., Witte-Humperdinck V., Schulze J., Ohlendorf D. Dark triad traits, study and power motives among medical students – A cross-sectional study at a German medical faculty // Heliyon. 2024. Vol. 10, № 12. P. e32842. <https://doi.org/10.1016/j.heliyon.2024.e32842>
38. Ощепкова О. В., Попов И. В. Сравнительный анализ удовлетворенности курсантов профессиональной подготовкой в ведомственном вузе ФСИН России // Самарский научный вестник. 2016. № 2 (15). С. 176–181.
39. Смирнова М. Ю. Ценностно-смысловые ориентации и проблема профессионального осмысленного выбора курсантов на современном этапе развития общества / Петербургские пенитенциарные конференции : материалы комплекса международной научно-практической конференции : в 2 т., г. Санкт-Петербург, 15–16 мая 2025 г. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет Федеральной службы исполнения наказаний, 2025. Т. 2. С. 72–73.
40. Тарасова С. А. Формирование готовности выпускников образовательных организаций ФСИН России к вхождению в должность и профессиональную среду // Вестник Самарского юридического института. 2025. № 4 (65). С. 97–103. <https://doi.org/10.37523/SUI.2025.65.4.015>
41. Kokkinos C. M., Voulgaridou I. Balancing light and dark: personality profiles derived from the Big Five and Dark Tetrad Traits // Personality and Individual Differences. 2025. Vol. 243. P. 113248. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2025.113248>
42. Кусакина Е. А. Использование пятифакторного опросника для изучения личности специалиста-кинолога силовых ведомств Российской Федерации // Вестник университета. 2024. № 9. С. 242–249. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2024-9-242-249>
43. Lenkov S. L., Rubtsova N. E., Elagina M. Yu., Nizamova E. S. Cyber socialization engagement and Dark tetrad of personality among young university students // International Journal of Cognitive Research in Science, Engineering and Education. 2022. Vol. 10, № 3. P. 99–108. <https://doi.org/10.23947/2334-8496-2022-10-3-99-108>
44. Ahmad R. Z. [et al.]. Dark triad traits and peer influence on mental well-being among university students // Research Journal of Psychology. 2025. Vol. 3, № 1. P. 587–600. <https://doi.org/10.59075/rjs.v3i1.92>
45. Ebn-Abbasi F., Fattahi N., Dewaele J.-M., Botes E. The light side of darkness?: The dark triad of personality as positive and negative predictors of L2 language learning // Studies in Second Language Acquisition. 2025. Vol. 47, № 1. P. 205–229. <https://doi.org/10.1017/S027226312500004X>
46. Hardin B., Smith C. Darker by the day: Daily variability in dark personality traits // Personality and Individual Differences. 2022. Vol. 185, № 1. P. 111248. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2021.111248>
47. Kowalski C. M. [et al.]. Self-report and behavioural procrastination in relation to the Dark triad traits // International journal of psychology : Journal international de psychologie. 2025. Vol. 60, № 5. P. e70088. <https://doi.org/10.1002/ijop.70088>
48. Ramos-Vera C. [et al.]. Dark triad personality traits and perfectionism in Peruvian university students: a network analysis // BMC Psychology. 2025. Vol. 13, № 1. P. 1235. <https://doi.org/10.1186/s40359-025-03577-0>
49. Дершиш Ф. В. Темная тетрада личности: обзор современных исследований // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2021. № 2. С. 222–235. <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2021-2-222-235>
50. Лисник Ю. С., Горностаев С. В. Индивидуально-психологические факторы пригодности к деятельности младшего командира подразделения курсантов вузов ФСИН // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2021. Т. 26, № 2 (85). С. 156–163. <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2021-2-156-163>
51. Басина Т. А. Особенности самоотношения у курсантов с разным уровнем склонности к манипулированию // Вестник Института: преступление, наказание, исправление. 2019. Т. 13, № 1 (45). С. 141–146. <https://doi.org/10.46741/2076-4162-2019-13-1-141-146>
52. Тарасова С. А. Макиавеллизм личности и понимание ситуации коррупционного давления (на примере курсантов вуза ФСИН России) // Вестник Воронежского института ФСИН России. 2015. № 3. С. 90–95.
53. Курдин Д. А. Профилактика рисков отчисления курсантов из образовательных организаций Федеральной службы исполнения наказаний на основе психологического прогноза // Прикладная юридическая психология. 2022. № 4 (61). С. 45–53. [https://doi.org/10.33463/2072-8336.2022.4\(61\).045-053](https://doi.org/10.33463/2072-8336.2022.4(61).045-053)
54. Сочивко Д. В. Психодинамическая типология просоциального (дистантного) поведения // Прикладная юридическая психология. 2019. № 2 (47). С. 28–35. [https://doi.org/10.33463/2072-8336.2019.2\(47\).028-035](https://doi.org/10.33463/2072-8336.2019.2(47).028-035)

55. Бабина А. А., Попкова Ю. А. Ценности-цели студентов в образовании в контексте современного развития общества // Педагогическое образование. 2025. Т. 6, № 4. С. 177–182.
56. Сидоренков А. В., Шитилько О. Ю., Штильникова Д. Е., Штроо В. А. Разработка инструментария изучения идентификации работников в организации // Организационная психология. 2019. Т. 9, № 3. С. 74–102.
57. Карпинский К. В., Колышко А. М., Парфенова Т. В. Современные методы психологической диагностики : монография / под ред. К. В. Карпинского. Гродно : Гродненский государственный университет им. Янки Купалы, 2022. 398 с.
58. Апробация краткой и сверх-краткой версий вопросника Big Five Inventory-2: BFI-2-S и BFI-2-XS / Мишкевич А. М., Шебетенко С. А., Калугин А. Ю., Сото К. Дж. [и др.] // Психологический журнал. 2022. Т. 43, № 1. С. 95–108. <https://doi.org/10.31857/S020595920017744-4>
59. Корниенко Д. С. Вязовкина В. К. Горностаев И. С. Адаптация и психометрическая проверка методики «Короткий опросник темной тетрады» // Психологический журнал. 2022. Т. 43, № 5. С. 87–98. <https://doi.org/10.31857/S020595920022787-1>
60. Malykh S. B. The role of personality traits and intelligence in academic achievement of Russian high school students // Procedia – Social and Behavioral Sciences. 2017. Vol. 237. P. 1304–1309. <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2017.02.214>
61. Леньков С. Л., Рубцова Н. Е. Мотивационные детерминанты динамики личностных черт Большой пятёрки за время обучения в вузе // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2017. № 186. С. 39–55.
62. Смирнова М. Ю. Ценностно-смысловые ориентации в структуре личности курсантов института ФСИН // Вестник Прикамского социального института. 2024. № 1 (97). С. 182–188.

References

1. Naj D. V. K., Orel E. A., Kochergina E. V. Faktory «Bol'shoj pyaterki» kak psihologicheskie prediktory akademicheskoy uspevaemosti studentov vuzov // Psihologicheskie issledovaniya : [elektronnoe izdanie]. 2013. Т. 6, № 27. Stat'ya 4. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2013v6n27/776-kochergina27.html>
2. Maocun Ch., Sin'hai C., Ven'czin D. Vliyanie nekognitivnyh sposob-nostej i roditel'skih obrazovatel'nyh ozhidaniy na akademicheskuyu vovle-chenost' studentov bakalavriata (Chast' 1) // Sovremennoe obrazovanie i obshchestvo. 2024. Т. 1, № 3. С. 252–267; <https://doi.org/10.33910/3034-4255-2024-1-3-252-267>
3. Forsyth J., Shaw J., Shepherd A. Reflecting the voices of prison officers with respect to their support, supervision, and wellbeing training needs: a reflexive thematic analysis // Front Public Health. 2025. Vol. 13. Article 1656223. <https://doi.org/10.3389/fpubh.2025.1656223>
4. Piotrowski A., Sygit-Kowalkowska E., Hamzah I. Work engagement among prison officers. The role of individual and organizational factors in the Polish and Indonesian penitentiary systems // International Journal of Environmental Research and Public Health (IJERPH). 2020. Vol. 17, № 21. P. 2–15. <https://doi.org/10.3390/ijerph17218206>
5. Ryan C., Brennan F., McNeill S., O'Keeffe R. Prison Officer training and education: A scoping review of the published literature // Journal of Criminal Justice Education. 2022. Vol. 33, № 1. P. 110–138. <https://doi.org/10.1080/10511253.2021.1958881>
6. Schultz W. J., Ricciardeli R. Correctional officers and the ongoing health implications of prison work // Health & justice. 2024. Vol. 13, № 1. Article 4. <https://doi.org/10.1186/s40352-024-00308-2>
7. Abrosimov A. A. Akademicheskaya uspevaemost' i napravlennost' lichnosti studentov // Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Seriya: Psihologo-pedagogicheskie nauki. 2014. № 2 (22). С. 6–10.
8. Derish F. V., Popova E. R. Svyaz' lichnostnyh chert i koping-strategij s akademicheskoy uspevaemost'yu // Social'nye i gumanitarnye nauki: teoriya i praktika. 2024. № 4 (11). С. 67–73.
9. Poisk prognosticheskikh kriteriev akademicheskoy uspevaemosti studentov / Isaeva E. R., Tyusova O. V., Tishkov A. V., Shaporov A. M. [i dr.] // Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz. 2017. Т. 21, № 2 (108). С. 163–175. <https://doi.org/10.15826/umpa.2017.02.030>
10. Ishmuratova Yu. A., Potanina A. M., Cyganov I. Yu., Morosanova V. I. Nekognitivnye prediktory akademicheskikh dostizhenij v razlichnye periody obucheniya // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Psihologicheskie nauki. 2019. № 3. С. 25–40. <https://doi.org/10.18384/2310-7235-2019-3-25-40>
11. Bratu M. L., Rosca L. I., Rosca N. A. Machiavellianism, lying, and motivation as predictors of academic performance in Romanian engineering students // Education Sciences. 2025. Vol. 15, № 8. Article 1028. <https://doi.org/10.3390/educsci15081028>
12. Corazzini L., D'arrigo S., Millemaci E., Navarra P. The influence of personality traits on university performance: Evidence from Italian freshmen students // PLoS ONE. 2021. Vol. 16, № 11. Article e0258586. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0258586>
13. Novikova I. A., Vorobyeva A. A. Big Five Factors and academic achievement in Russian students // Psychology in Russia: State of the Art. 2017. Vol. 10, № 4. P. 93–106. <https://doi.org/10.11621/pir.2017.0409>
14. Grigor'eva O. O. Sovershenstvovanie organizacii sluzhebno go vremeni kursantov obrazovatel'nyh organizacij Federal'noj sluzhby ispolneniya nakazaniy // Vestnik Permskogo instituta Federal'noj sluzhby ispolneniya nakazaniy. 2023. № 2 (49). С. 12–22. <https://doi.org/10.34988/2226-2326.2023.98.17.002>
15. Mazeina O. N., Bochkareva O. N. Issledovanie problem, vliyayushchih na kachestvo uspevaemosti kursantov obrazovatel'nyh organizacij Federal'noj sluzhby ispolneniya nakazaniy Rossii // Uchenye zapiski universiteta imeni P. F. Lesgafta. 2022. № 9 (211). С. 275–281. <https://doi.org/10.34835/issn.2308-1961.2022.9.p275-282>
16. Necvetaeva V. O. Rol' individual'nyh osobennostej v uspevaemosti: metaanaliz vliyaniya kognitivnyh, emocional'nyh i motivacionnyh faktorov na obuchayushchihsya vuzov FSIN Rossii / Al'manah social'no-gumanitarnykh nauk : sbornik nauchnykh statej : 1 kvartal 2025 g. Ul'yanovsk : Zebra, 2025. С. 258–262.
17. Peskov V. P., Zhelnina K. V. Osobennosti adaptacii studentov pri vhozhdenii v vuzovskuyu sredu // Hominum. 2025. № 2 (18). С. 272–295.
18. Dorofeeva E. D., Shibaeva G. E. Formirovanie professional'noj identichnosti kursantov v usloviyah obrazovatel'nyh organizacij FSIN Rossii / Molodezh' i budushchee: professional'naya i lichnostnaya samorealizaciya : materialy XIII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, g. Vladimir, 28–29 marta 2024 g. Vladimir : Tranzit-IKS, 2024. С. 142–145.
19. Kovtunen L. V., Kovtunen A. B. Obraz obrazovatel'noj sredy vedomstvennoj organizacii i professional'naya identichnost' budushchego sotrudnika // Penitenciar'naya nauka. 2024. Т. 18, № 1 (65). С. 102–107. <https://doi.org/10.46741/2686-9764.2024.65.1.012>
20. Arhipova E. I., Kapustina V. A., Matyushina M. A. Vzaimosvyaz' professional'noj identichnosti s ocenкой obrazovatel'noj sredy vuz studentami psihologicheskogo napravleniya obucheniya // Perspektivy nauki i obrazovaniya. 2025. № 1. С. 554–565. <https://doi.org/10.32744/pse.2025.1.35>

21. Ledovskaya T. V. Psihologicheskie faktory akademicheskoy uspevaemosti studentov vuza / Pedagogika i psihologiya sovremennogo obrazovaniya: teoriya i praktika : materialy nauchno-prakticheskoy konferencii, g. Yaroslavl', 5–6 marta 2020 g. Yaroslavl' : Yaroslavskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet im. K. D. Ushinskogo, 2020. Ch. 2. S. 127–131.
22. Serebrovskaya N. E., Shcherbakova M. P., Gnezdilova D. M. Psihologicheskaya вовлеченность в основе стимулирования активности обучаемых высших учебных заведений // Russian Journal of Education and Psychology. 2024. T. 15, № 6–2. S. 370–392. <https://doi.org/10.12731/2658-4034-2024-15-6-723>
23. Psihologicheskie predposylki uspehnosti obucheniya v medicinskom VUZe / Tyusova O. V., Artyuhina S. L., Isaeva E. R., Bizyuk A. P. [i dr.] // Medicinskaya psihologiya v Rossii : [elektronnoe izdanie]. 2022. T. 14, № 6 (77). S. 6. URL: http://medpsy.ru/mpj/archiv_global/2022_6_77/nomer01.php
24. Dzhanteev R. T. Problema akademicheskoy uspehnosti i uspevaemo-sti: teoreticheskij analiz ponyatiya i sushchnosti // Mir nauki. Pedagogika i psihologiya : [elektronnoe izdanie]. 2024. T. 12, № 6. S. 80. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/107PSMN624.pdf>
25. Song J., Liu S. Dark personality traits are associated with academic misconduct, frustration, negative thinking, and generative AI use habits: the case of Sichuan art universities // BMC Psychology. 2025. Vol. 13, № 1. P. 633. <https://doi.org/10.1186/s40359-025-02949-w>
26. Zhil'cova Yu. V. O razvitiy psihologicheskoy ustojchivosti kursantov akademii FSIN Rossii // Uchenye zapiski universiteta imeni P. F. Lesgafta. 2020. № 9 (187). S. 464–466. <https://doi.org/10.34835/issn.2308-1961.2020.9.p464-466>
27. Zargarov A. V. Klyuchevye aspekty v izuchenii i formirovani lichnostnoj otvetstvennosti kursantov obrazovatel'nyh organizacij FSIN Rossii // Teoriya i praktika sociogumanitarnykh nauk. 2025. № 1 (29). S. 70–77.
28. Kornilova T. V., Goncova O. V., Lebedeva M. E. Znachimost' emocio-nal'nogo intellekta dlya obuchayushchihsya v vedomstvennyh obrazovatel'nyh organizacijah // Prikladnaya psihologiya i pedagogika. 2023. T. 8, № 4. S. 68–77. <https://doi.org/10.12737/2500-0543-2023-8-4-68-77>
29. Kusakina E. A. Formirovanie moral'no-psihologicheskikh kachestv lichnosti kursanta kak vazhneyshego usloviya professional'nogo stanovleniya // Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta. 2018. № 5 (31). S. 99–103.
30. Panova O. B., Chernozem Ya. V. K voprosu ob aktual'nosti formirovaniya obraza budushchej professii u kursantov-psihologov v vospitatel'nom processe vuza FSIN Rossii // Vserossijskij nauchno-prakticheskij zhurnal social'nyh i gumanitarnykh issledovanij. 2025. № 1 (16). S. 16–25. <https://doi.org/10.46741/sgjournal.2025.16.1.002>
31. Rosina Yu. S. Psihologicheskaya gotovnost' kursantov obrazovatel'nyh organizacij Federal'noj sluzhby ispolneniya nakazaniy k vypolneniy sluzhebnyh obyazannostej // Vektory psihologo-pedagogicheskikh issledovanij. 2025. № 2 (7). S. 71–79.
32. Sidorova T. V., Sosnina V. N., Yun-Haj S. A. Pedagogicheskie usloviya razvitiya professional'no vazhnykh kachestv sotrudnikov ugolovno-ispolnitel'noj sistemy // Biznes. Obrazovanie. Pravo. 2025. № 1 (70). S. 329–334. <https://doi.org/10.25683/VOLBI.2025.70.1198>
33. Sobolev N. G. Osobennosti motivacii k sluzhbe kursantov obrazovatel'nyh organizacij FSIN Rossii / Peterburgskie penitenciarne konferencii : sbornik materialov kompleksa mezhdunarodnykh nauchno-prakticheskikh konferencij : v 2 t., g. Sankt-Peterburg, g. Pushkin, 16–17 maya 2024 g. Sankt-Peterburg : Sankt-Peterburgskij universitet Federal'noj sluzhby ispolneniya nakazaniy, 2024. T. 2. S. 71–73.
34. Horol'skij D. A. K probleme stimulirovaniya motivacii k professional'noj deyatel'nosti kursantov vedomstvennyh vuzov FSIN Rossii / X pedagogicheskie chteniya, posvyashchennye pamyati professora S. I. Zlobina : sbornik materialov, g. Perm', 2–4 oktyabrya 2024 g. Perm' : Permskij institut Federal'noj sluzhby ispolneniya nakazaniy, 2024. S. 200–202.
35. Akimova Ya. S., Zlydnev D. Yu., Udalova E. S. Problemy professio-nal'nogo samoopredeleniya studentov vuza // Vestnik nauki. 2025. T. 2, № 7 (88). S. 333–341.
36. Len'kov S. L., Rubcova N. E., Bukinich A. M. Professional'naya napravlenost' abiturientov vuzov kak prediktor uspehnosti professional'nogo stanovleniya // Nacional'nyj psihologicheskij zhurnal. 2023. T. 18, № 2. S. 103–118. <https://doi.org/10.11621/npj.2023.0208>
37. Bujok J., Witte-Humperdinck V., Schulze J., Ohlendorf D. Dark triad traits, study and power motives among medical students – A cross-sectional study at a German medical faculty // Heliyon. 2024. Vol. 10, № 12. P. e32842. <https://doi.org/10.1016/j.heliyon.2024.e32842>
38. Oshchepkova O. V., Popov I. V. Sravnitel'nyj analiz udovletvoryonnosti kursantov professional'noj podgotovkoj v vedomstvennom vuze FSIN Rossii // Samarskij nauchnyj vestnik. 2016. № 2 (15). S. 176–181.
39. Smirnova M. Yu. Cennostno-smyslovye orientacii i problema professional'nogo osmyslennogo vybora kursantov na sovremennom etape razvitiya obshchestva / Peterburgskie penitenciarne konferencii : materialy kompleksa mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii : v 2 t., g. Sankt-Peterburg, 15–16 maya 2025 g. Sankt-Peterburg : Sankt-Peterburgskij universitet Federal'noj sluzhby ispolneniya nakazaniy, 2025. T. 2. S. 72–73.
40. Tarasova S. A. Formirovanie gotovnosti vypusknikov obrazovatel'nyh organizacij FSIN Rossii k vhozhdeniyu v dolzhnost' i professional'nyu sredu // Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta. 2025. № 4 (65). S. 97–103. <https://doi.org/10.37523/SUI.2025.65.4.015>
41. Kokkinos C. M., Voulgaridou I. Balancing light and dark: personality profiles derived from the Big Five and Dark Tetrad Traits // Personality and Individual Differences. 2025. Vol. 243. P. 113248. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2025.113248>
42. Kusakina E. A. Ispol'zovanie pyatifaktornogo oprosnika dlya izucheniya lichnosti specialista-kinologa silovykh vedomstv Rossijskoj Federacii // Vestnik universiteta. 2024. № 9. S. 242–249. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2024-9-242-249>
43. Lenkov S. L., Rubtsova N. E., Elagina M. Yu., Nizamova E. S. Cyber socialization engagement and Dark tetrad of personality among young university students // International Journal of Cognitive Research in Science, Engineering and Education. 2022. Vol. 10, № 3. P. 99–108. <https://doi.org/10.23947/2334-8496-2022-10-3-99-108>
44. Ahmad R. Z. [et al.]. Dark triad traits and peer influence on mental well-being among university students // Research Journal of Psychology. 2025. Vol. 3, № 1. P. 587–600. <https://doi.org/10.59075/rjs.v3i1.92>
45. Ebn-Abbasi F., Fattahi N., Dewaele J.-M., Botes E. The light side of darkness?: The dark triad of personality as positive and negative predictors of L2 language learning // Studies in Second Language Acquisition. 2025. Vol. 47, № 1. P. 205–229. <https://doi.org/10.1017/S027226312500004X>
46. Hardin B., Smith C. Darker by the day: Daily variability in dark personality traits // Personality and Individual Differences. 2022. Vol. 185, № 1. P. 111248. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2021.111248>
47. Kowalski C. M. [et al.]. Self-report and behavioural procrastination in relation to the Dark triad traits // International journal of psychology : Journal international de psychologie. 2025. Vol. 60, № 5. P. e70088. <https://doi.org/10.1002/ijop.70088>

48. Ramos-Vera C. [et al.]. Dark triad personality traits and perfectionism in Peruvian university students: a network analysis // BMC Psychology. 2025. Vol. 13, № 1. P. 1235. <https://doi.org/10.1186/s40359-025-03577-0>
49. Derish F. V. Temnaya tetrada lichnosti: obzor sovremennyh issledovaniy // Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psihologiya. Sociologiya. 2021. № 2. S. 222–235. <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2021-2-222-235>
50. Lisnik Yu. S., Gornostaev S. V. Individual'no-psihologicheskie faktory prigodnosti k deyatelnosti mladshogo komandira podrazdeleniya kursantov vuzov FSIN // Psihopedagogika v pravoohranitel'nyh organah. 2021. T. 26, № 2 (85). S. 156–163. <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2021-2-156-163>
51. Basina T. A. Osobennosti samootnosheniya u kursantov s raznym urovnem sklonnosti k manipulirovaniyu // Vestnik Instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie. 2019. T. 13, № 1 (45). S. 141–146. <https://doi.org/10.46741/2076-4162-2019-13-1-141-146>
52. Tarasova S. A. Makiavellizm lichnosti i ponimanie situacii kor-rupcionnogo davleniya (na primere kursantov vuzov FSIN Rossii) // Vestnik Voronezhskogo instituta FSIN Rossii. 2015. № 3. S. 90–95.
53. Kurdin D. A. Profilaktika riskov otchisleniya kursantov iz obrazovatel'nyh organizacij Federal'noj sluzhby ispolneniya nakazaniy na osnove psihologicheskogo prognoza // Prikladnaya yuridicheskaya psihologiya. 2022. № 4 (61). S. 45–53. [https://doi.org/10.33463/2072-8336.2022.4\(61\).045-053](https://doi.org/10.33463/2072-8336.2022.4(61).045-053)
54. Sochivko D. V. Psihodinamicheskaya tipologiya prosocial'nogo (di-stantnogo) povedeniya // Prikladnaya yuridicheskaya psihologiya. 2019. № 2 (47). S. 28–35. [https://doi.org/10.33463/2072-8336.2019.2\(47\).028-035](https://doi.org/10.33463/2072-8336.2019.2(47).028-035)
55. Babina A. A., Popkova Yu. A. Cennosti-celi studentov v obrazovanii v kontekste sovremennogo razvitiya obshchestva // Pedagogicheskoe obrazovanie. 2025. T. 6, № 4. S. 177–182.
56. Sidorenkov A. V., Shipit'ko O. Yu., Shtil'nikov D. E., Shtroo V. A. Razrabotka instrumentariya izucheniya identifikacii rabotnikov v organizacii // Organizacionnaya psihologiya. 2019. T. 9, № 3. S. 74–102.
57. Karpinskij K. V., Kolyshko A. M., Parfenova T. V. Sovremennye metody psihologicheskoy diagnostiki : monografiya / pod red. K. V. Karpinskogo. Grodno : Grodnenskiy gosudarstvennyy universitet im. Yanki Kupaly, 2022. 398 s.
58. Aprobaciya kratkoj i sverh-kratkoj versij voprosnika Big Five Inventory-2: BFI-2-S i BFI-2-XS Aprobaciya kratkoj i sverh-kratkoj versij voprosnika Big Five Inventory-2: BFI-2-S i BFI-2-XS / Mishkevich A. M., Shchebetenko S. A., Kalugin A. Yu., Soto K. Dzh. [i dr.] // Psihologicheskij zhurnal. 2022. T. 43, № 1. S. 95–108. <https://doi.org/10.31857/S020595920017744-4>
59. Kornienko D. S., Vyazovkina V. K., Gornostaev I. S. Adaptaciya i psi-hometricheskaya proverka metodiki «Korotkij oprosnik temnoj tetrady» // Psihologicheskij zhurnal. 2022. T. 43, № 5. S. 87–98. <https://doi.org/10.31857/S020595920022787-1>
60. Malykh S. B. The role of personality traits and intelligence in academic achievement of Russian high school students // Procedia – Social and Behavioral Sciences. 2017. Vol. 237. P. 1304–1309. <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2017.02.214>
61. Len'kov S. L., Rubcova N. E. Motivacionnye determinanty dinamiki lichnostnyh chert Bol'shoj pyaterki za vremya obucheniya v vuzе // Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gercena. 2017. № 186. S. 39–55.
62. Smirnova M. Yu. Cennostno-smyslovye orientacii v strukture lichnosti kursantov instituta FSIN // Vestnik Prikamskogo social'nogo instituta. 2024. № 1 (97). S. 182–188.

Авторами внесен равный вклад в написание статьи.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors have made an equal contribution to the writing of the article.
The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья
УДК 159.99

Проблема организации деятельности по оценке показателей структуры профессионального самосознания курсантов

Наталья Владимировна Шарафутдинова, кандидат психологических наук, доцент

Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя
Москва (117437, ул. Академика Волгина, д. 12), Российская Федерация
Shnv_70@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-9174-4026>

Аннотация:

Введение. Проблема изучения самосознания, в т. ч. и профессионального самосознания, признается значимой исследователями многих стран мира, но по оценке динамики, развития структурной организации профессионального самосознания субъектов профессиональной служебной деятельности исследований немного. В статье обосновывается важность работы, связанной с организацией деятельности психолога по оценке развития профессионального самосознания курсантов, представлены авторская программа и методики эмпирического исследования динамики структурной организации профессионального самосознания субъектов служебной деятельности. Раскрыта структурная организация профессионального самосознания как система, состоящая из шести взаимосвязанных компонентов (когнитивный, рефлексивный, мотивационный, эмоциональный, регулятивный, деятельностный), раскрывающая объем и внутреннее строение профессионального самосознания через указание включенных в нее показателей, уточнены методики исследования структуры профессионального самосознания. Данная работа способствовала созданию теоретической модели развития профессионального самосознания, объяснению взаимосвязей показателей, выявленных уровней их развития, получению новых знаний для осуществления коррекции и дальнейшего развития отдельных показателей профессионального самосознания субъектов служебной деятельности в условиях учебной и служебной деятельности. Проведенная работа служит средством достижения основной цели исследования – разработки структурно-динамической концепции профессионального самосознания субъектов профессиональной служебной деятельности. Разработанная программа позволяет комплексно осуществлять оценку изучаемого феномена, выявлять индивидуальные особенности личности курсанта и групповые тенденции. В исследовании показываются достоинства и ограничения изучения профессионального самосознания по авторской программе в сравнении с ранее изученным опытом подобной психологической работы, обозначена необходимость разработки программ, способствующих развитию профессионального самосознания субъектов профессиональной служебной деятельности. **Методы.** В исследовании использовались методы обобщения, анализа справочной, научной, учебно-методической психологической литературы, тестирования, опроса. **Результаты.** Приведены психологические методики, опросники, тесты и шкалы, позволившие оценить показатели профессионального самосознания курсантов, выявить групповые тенденции. Показано, что структуру профессионального самосознания курсантов можно рассматривать как сложное личностное образование, требуемое своевременно корректировать и развивать в условиях учебного процесса и профессиональной служебной деятельности.

Ключевые слова:

психологическая диагностика, тестирование, профессиональное самосознание, структура, показатели, субъект служебной деятельности

Для цитирования:

Шарафутдинова Н. В. Проблема организации деятельности по оценке показателей структуры профессионального самосознания курсантов // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2026. № 2 (110). С. 274–282.

Статья поступила в редакцию 29.10.2025;
одобрена после рецензирования 18.03.2026;
принята к публикации 25.06.2026.

Original article

The problem of organising activities to assess indicators of the professional identity structure of cadets

Natalia V. Sharafutdinova, Cand. Sci. (Psy.), Docent

Moscow University of the MIA of Russia named after V. Ya. Kikot
12, Akademika Volgina str., Moscow, 117437, Russian Federation
Shnv_70@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-9174-4026>

Abstract:

Introduction. The problem of self-awareness studying, including professional awareness, is recognised as a significant issue by researchers in many countries around the world, but there is little research on assessment of dynamics and development of the structural organisation of professional identity of professional service subjects. The article substantiates the importance of work related to a psychologist's activities organisation in assessing the development of professional self-awareness of cadets, the author's program and methods of empirical research on the structural organisation dynamics of professional self-awareness of subjects of service activity are presented. The structural organisation of professional identity is revealed as a system consisting of six interrelated components (cognitive, reflexive, motivational, emotional, regulatory, and activity), which reveals the scope and internal structure of professional self-awareness through the pointing out the indicators included, the methods for researching the structure of professional self-awareness have been specified. This work contributed to the creation of a theoretical model for the professional self-awareness development, explaining the relationships between indicators and revealed levels of their development, gain new knowledge for the implementation of correction and further development of different indicators of service activity subjects' professional self-awareness in the context of educational and service activities. The work carried out serves as a means to achieve the main objective of the research – development of a structural-dynamic concept of professional self-awareness of professional service activity subjects. The developed program allows a comprehensive evaluation of the studied phenomenon, identification of individual characteristics of the student's personality and group tendencies. The study shows the advantages and limitations of studying professional self-awareness under an authoring program compared to the previously studied experience of such psychological work, and indicates the need for developing programs, promoting the development of professional self-awareness of professional service activity subjects.

Methods. Methods of generalisation, analysis of reference, scientific, educational and methodological psychological literature, testing, survey were used in the study.

Results. Psychological methods, surveys, tests and scales are provided to assess the indicators of professional self-awareness of cadets and to identify group trends. It is shown that the structure of professional self-awareness of cadets can be seen as a complex personal entity, which must be adjusted and developed in a timely manner in the context of the educational process and professional service activities.

Keywords:

psychological diagnosis, testing, professional self-awareness, structure, indicators, subject of service activity

For citation:

Sharafutdinova N. V. The problem of organising activities to assess indicators of the professional identity structure of cadets // Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia. 2026. № 2 (110). P. 274–282.

The article was submitted October 29, 2025;
approved after reviewing March 18, 2026;
accepted for publication June 25, 2026.

Введение

Знания психологии личности, особенностей ее профессионального самосознания приобретают все большую актуальность в психологической, кадровой, воспитательной и образовательной работе с субъектами труда. Профессиональное самосознание, требующее при анализе учета накопленных научных знаний об изучаемом феномене, возможностей и особенностей психологической диагностики и развития, входит в число самых сложных областей человеческой психики.

Анализ показателей профессионального самосознания обусловлен необходимостью пересмотра уровня готовности сотрудников к своей профессиональной служебной деятельности в изменяющихся социально-экономических и политических условиях.

Научный интерес представляют результаты исследования структуры профессионального самосознания и разработанные на их основе авторская программа и методики эмпирического исследования динамики структурной организации профессионального самосознания субъектов служебной деятельности. Цель – раскрыть программу и особенности организации

деятельности по оценке показателей структуры профессионального самосознания курсантов. Исследование носит практический характер, раскрывая особенности проведенной работы и программу эмпирического исследования проблемы.

Важно, что для коррекции и развития отдельных показателей профессионального самосознания субъектов служебной деятельности необходим предварительный объективный анализ и оценка всех его показателей, а также связей между ними.

На первый взгляд, в структуру профессионального самосознания могут входить лишь отдельные его показатели, характеризующие когнитивные или, например, рефлексивные процессы. Но по своему развитию и они могут сильно отличаться у разных респондентов, не говоря уже о том, что следует не забывать и об особенностях развития эмоциональной сферы субъекта, его профессионально важных качеств и способностей для эффективной службы, оценки отношений к служебной деятельности и к самому себе в ней. Причина опасений достаточно ясна, т. к. именно от особенностей профессионального самосознания субъектов труда будет зависеть и длительность нахождения на службе, удовлетворенность работой, ее эффективность.

Для психологов весьма сложной является задача оценки какого-либо психологического феномена, явления. Исследования структуры профессионального самосознания предпринимались и ранее, отражая в них компонентный состав. Ф. С. Свободный, например, отмечает, что «профессиональное самосознание личности сотрудника органов внутренних дел включает в себя как минимум три компонента – когнитивный, эмоциональный и поведенческий» [1, с. 154]. Другие исследователи показывали иные точки зрения по этой проблеме, то увеличивая количество компонентов, то показывая минимум – структуру, состоящую всего из двух показателей. Ранее мы уже отмечали, что «существуют различия и сходство в раскрытии исследователями структуры профессионального самосознания»¹. Основываясь на проведенном анализе, мы разработали авторскую программу и подобрали психодиагностические методики для осуществления эмпирического исследования изучаемого феномена. Убеждены, что от качественного анализа показателей структуры и учета особенностей развития профессионального самосознания во многом зависит решение служебных задач и достижение поставленных целей. Преимущество авторского подхода в оценке структурной организации профессионального самосознания заключается в новом раскрытии внутреннего строения структуры профессионального самосознания путем определения набора компонентов и их показателей, основанного на ранее проведенных работах и представлении исследователей об оценке структуры самосознания (В. С. Агапов, М. И. Боришевский, Е. А. Климов, В. С. Мерлин, Е. Ю. Пряжникова, В. В. Столин, И. И. Чеснокова и др.), профессионального самосознания (И. В. Вачков, Н. И. Гусякова, С. В. Кошелева, Л. М. Митина и др.) на основе разработанной новой теоретической модели структуры профессионального самосознания субъектов служебной деятельности с учетом важности оценки не только когнитивного, эмоционального и поведенческого компонентов, но и рефлексии, самооценки и других показателей структуры, анализа сложного пересечения компонентов и показателей структуры, их общей и специфической характеристик.

Проблема организации деятельности психологов связана не только с вопросом сложности в определении показателей компонентного состава структуры профессионального самосознания для проведения психодиагностических мероприятий на конкретных выборках, но и с отсутствием навыков планирования подобной работы, недостатком методических материалов, программ, стандартов применения психодиагностического инструментария, их выбора с опорой на положения современной психологической науки и практики, с ошибками в планировании времени на все этапы работы, организацией повторной диагностики, регламентацией деятельности психологов и стоящей перед ними необходимостью выполнять ряд других задач в рамках профессиональной служебной деятельности. Предложенные решения по выбору системы компонентов, показателей профессионального самосознания, психодиагностических методик и опыта планирования и проведения психодиагностических процедур, начиная с организационных вопросов, оценивания показателей, до их развития частично способствует решению обозначенной проблемы, т. к. важными задачами (конечными результатами исследования) одновременно выступают как объективное, комплексное оценивание показателей профессионального самосознания и их дальнейшее развитие, так и качественное изменение подходов к организации подобной деятельности, предложение новых концепций, методик, материалов, способствующих достижению цели.

¹ Шарафутдинова Н. В. Проблема исследования жизненных целей и диспозиционного материализма в структуре профессионального самосознания сотрудников органов внутренних дел // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2024. № 2 (102). С. 266.

На наш взгляд, профессиональная подготовка, периодическое осуществление психодиагностических процедур и анализ развития профессионального самосознания курсантов являются необходимым условием получения развернутых данных об индивидуальных особенностях респондентов и выявления групповых тенденций.

В рамках настоящего исследования оценка показателей профессионального самосознания субъектов служебной деятельности необходима для решения конкретных задач:

1. Сбор данных о развитии показателей профессионального самосознания и выявление связей между ними.

2. Проведение организационно-плановых мероприятий по развитию профессионального самосознания, включая разработку и экспериментальное включение программ в образовательный и (или) воспитательный процесс с возможностью применения активных социально-психологических методов.

При решении проблемы развития профессионального самосознания субъекта планируется реализация следующих функций: информационной, оценочной, коммуникативной, мотивационной, регулятивной, трансформации, саморегуляции и адаптации.

Формально согласны с тем, что иметь представление о развитии сознания и самосознания личности – это необходимость, но это не означает обеспечение психодиагностическим и методическим инструментарием психолога, или концепцией того, как это делать на профессиональном уровне.

Целенаправленное профессиональное обучение (с психологическими модулями), развитие и психологическое сопровождение субъектов служебной деятельности стали важными условиями для развития профессиональных знаний, умений и навыков, мотивации, профессиональной идентичности, становления профессиональных интересов, стремлений, формирования нового профессионального опыта.

В решении проблемы организации деятельности психологов по оценке показателей структуры профессионального самосознания курсантов отметим важные направления работы:

- отбор и обоснование методов психологического исследования, развития и сопровождения субъекта служебной деятельности;

- оценка особенностей когнитивной сферы человека, показателей когнитивного компонента структуры профессионального самосознания субъектов в условиях учебной и служебной деятельности;

- диагностика показателей рефлексивного, мотивационного, эмоционального, регулятивного и деятельностного компонентов структуры;

- развитие показателей профессионального самосознания: саморегуляции, самоконтроля, волевой активности, самообладания и др., а также коррекции поведения сотрудника как индивидуального, так и группового субъекта труда.

Все эти направления ложатся в основу решения научных и практических задач организации деятельности психологов, уточнения ими необходимых для изучения показателей структуры профессионального самосознания, его диагностики и развития.

Все рассмотренные научные исследования, касающиеся проблемы структуры и оценки показателей профессионального самосознания, имеют практический смысл и ориентируют исследователей на поиск современных методов и методик сбора данных об изучаемом феномене. А. А. Смык, например, в качестве одного из основных методов изучения структуры профессионального самосознания выбрала факторный анализ и методики, направленные на оценку профессионального самоотношения, переживаний в профессиональной деятельности, ретроспективной профессиональной автобиографии [2, с. 146]. С. А. Головкин, А. Г. Жажаев и Н. А. Маслов отмечают, что «диагностика должна осуществляться комплексом психодиагностических методов и приемов, с помощью которых можно установить конкретные параметры каждого компонента и одновременно проследить его динамику как целостного явления в ходе профессиональной подготовки» [3, с. 187]. Несмотря на то, что есть некоторые совпадения в отборе исследователями методов и методик, нет четко очерченных концепций и предложений, отвечающих на вопрос, какой набор методов, психодиагностических инструментов позволит психологу, проводящему оценивание, достичь полноты сбора информации о специфике профессионального самосознания субъекта или группы субъектов труда (профессиональной служебной деятельности).

Оценивание профессионального самосознания субъектов позволит в итоге осуществлять качественный прогноз развития его показателей и коррекцию. В целом своевременная диагностика профессионального самосознания создает ряд новых возможностей как для отдельных сотрудников, так и для полиции в целом. Во-первых, это позволит составить впечатление о себе,

своей самооценке, воспринимаемой ценности профессии и др. Во-вторых, составить представление о мотивации и ценностных ориентациях. В-третьих, обнаружить потенциал сотрудника или выявить внутреннюю конфликтность профессионального самоотношения. В-четвертых, позволит выявить особенности личности, раскрывающие духовную или эгопрагматическую направленности.

Таким образом, выстраиваемая система оценивания и анализа показателей профессионального самосознания субъектов служебной деятельности становится существенным фактором не только самой диагностики структурных показателей профессионального самосознания, но и прогнозирования его развития, поведения и эффективности в профессиональной деятельности.

В ранее проведенном теоретическом исследовании разработанных структур сознания и самосознания, их анализе, был определен компонентный состав показателей профессионального самосознания². Показано, что полноценное изучение профессионального самосознания должно включать в обязательном порядке изучение показателей когнитивного, рефлексивного, мотивационного, эмоционального, регулятивного и деятельностного компонентов структуры. Первый этап, который необходимо пройти в этом направлении – это разработка подробного плана проведения диагностики с отбором и обоснованием необходимого психодиагностического инструментария, понимания того, данные по каким показателям подлежат оценке и анализу. Проведенная работа позволяет представить разработанную систему компонентов и показателей исследования структуры профессионального самосознания субъектов служебной деятельности.

В первый компонент (*когнитивный*) включены следующие показатели: самопонимание, самоопределение, самооффективность, самооффективность в профессии, мужество, гуманизм и любовь, справедливость, умеренность, духовность, доверие, любознательность и др. Во второй компонент (*рефлексивный*) вошли такие показатели, как: самооценка, самооценка личностного роста в профессии, интроспекция, рефлексивность, квазирефлексия, самооценка здоровья, степень удовлетворенности повседневной деятельностью, общая самооценка уровня своего духовно-нравственного развития, самооценка работником себя как специалиста и должности в организации и др. К третьему компоненту (*мотивационному*) отнесены показатели: самоинтерес, самомотивация, самомотивация как произвольное управление своими эмоциями, мотивация на успех, мотивация на неудачу, мотивация и целеполагание, мотивация достижения, профессиональная мотивация, ценностная ориентация и др. В четвертый компонент (*эмоциональный*) входят следующие показатели: самоуважение, конгруэнтность собственным чувствам, интеграция противоречий, аутосимпатия, самообвинение, самопринятие, самоуверенность, эмпатичность, эмоциональная осведомленность, внутренняя конфликтность профессионального самоотношения и др. К пятому компоненту (*регулятивному*) отнесены такие показатели, как: саморегуляция, самоконтроль, когнитивный самоконтроль, аффективный самоконтроль, развитие воли, инициативность, волевая активность, саморуководство в профессии, локус-контроля Я, локус-контроля Жизнь, управление своими эмоциями и др. В шестой компонент (*деятельностный*) включены такие показатели, как: ориентация на действие в ожидании успеха, ориентация на действие после неудач, поддержка, гибкость поведения, контактность, настойчивость, фиксация, самоорганизация, степень самоорганизации деятельности, планомерность, ожидание положительного отношения от других, энергичность, продуктивность и др.

Методы и методики исследования

Отобраны, обоснованы и обозначены в материалах статьи диагностические средства, способствующие достижению цели, позволяющие собрать качественный материал по исследуемой проблеме. В процессе подготовительной работы изучалось содержание заданий (пунктов) каждой методики, и его соответствие теоретическим представлениям об оцениваемом показателе, обосновывалась актуальность выбранных заданий, проводились исследование психометрических характеристик, анализ предварительно полученных эмпирическим путем данных, заявленных в работе, в соответствии с целью и гипотезами. В исследовании ориентировались на критерии надежности и валидности; учет особенностей, подходящих для выбранной целевой аудитории, например, возрастных, получаемого уровня образования; учет временных рамок, необходимых для проведения диагностики, требований

² См.: Шарафутдинова Н. В. Программа и методики эмпирического исследования динамики структурной организации профессионального самосознания субъектов служебной деятельности : учебно-методическое пособие / под ред. В. С. Агапова. Москва : Юнити-Дана, 2024. 200 с.

к месту и времени проведения тестирования, добровольного участия в нем респондентов. Дополнительно оценки надежности подтверждали при повторном применении тестов, сравнивая результаты, полученные на одних и тех же испытуемых, но в разное время, на предмет их воспроизводимости, устойчивости к действиям посторонних факторов.

Среди психодиагностических инструментов можно отметить ряд важных методик, опросников, тестов и шкал, сгруппированных как по объединяющему названию инструмента, например, «тесты» или «опросники», так и по особенностям заданий для респондентов, специфики проведения процедуры оценивания, посредством которой осуществлен сбор информации о профессиональном самосознании субъектов служебной деятельности:

– методики «Психологический капитал» (А. Баккер в адаптации С. Маничева, В. Погребницкой) [4], исследования духовно-нравственного самосознания личности³ (И. В. Ежов) исследования самоуправления (Ю. Куль, А. Фурман в адаптации О. В. Митиной, Е. И. Рассказовой) [5], определения уровня развития рефлексивности (А. В. Карпов) [6], самовосприятия трудоспособности (Э. Ротвел, Дж. Арнолд, в адаптации А. Ю. Смирновой) [7];

– опросники «Мотивация успеха и боязнь неудачи»⁴ (А. А. Реан), опросник «Ценности в действии: инвентаризация достоинств» (К. Петерсон, М. Селигман в адаптации С. А. Башкатова) [8], опросник диспозиционного материализма (К. В. Карпинский, Н. В. Кисельникова (Волкова) [9, с. 104–117], опросник жизненной позиции личности (Д. А. Леонтьев, А. Е. Шильманская) [10], опросник профессионального самоотношения (К. В. Карпинский, А. М. Колышко) [11], опросник самоорганизации деятельности (Е. Ю. Мандрикова) [12], краткая версия опросника «Индекс стремлений» (Т. Кассер, Р. Район в адаптации Т. О. Гордеевой, О. А. Сычева, В. А. Егорова) [13]; краткая версия вопросника Big Five Inventory-2 (BFI-2-S) (О. П. Джон, К. Дж. Сито, в адаптации С. А. Щебетенко, А. Ю. Калугина, А. М. Мишкевич) [14], опросник «Родственная Я-концепция» (Е. А. Дорошева, Г. Г. Князев) [15], опросник «Независимая и коллективная Я-концепция» (Е. А. Дорошева, Г. Г. Князев) [15];

– тесты «идентичность /маргинализм» (Е. П. Ермолаева⁵), «Смыслжизненных ориентаций» (Д. А. Леонтьев⁶), «Эмоционального интеллекта» (Н. Холл⁷), рефлексии деятельности (В. Д. Шадриков, С. С. Кургинян, М. Д. Кузнецова⁸), самоактуализации (Э. Шостром, в адаптации Ю. Е. Алешиной, Л. Я. Гозмана, М. В. Загика, М. В. Кроз⁹); Тест-опросник самоотношения (В. В. Столин, С. Р. Пантилеев¹⁰), дифференциальный тест рефлексивности (Д. А. Леонтьев, Е. Н. Осин) [16], самообладания (А. А. Золотарева) [17];

– шкалы базовых убеждений (Р. Янов-Бульман, в адаптации О. А. Кравцовой¹¹), оценки потребности в достижении (Ю. М. Орлов) [18, с. 221–222], субъективного благополучия (Г. Перуэ-Баду в адаптации М. В. Соколовой¹²), ясности Я-концепции (Дж. Кэмпбелл в адаптации В. В. Вдовенко, С. А. Щебетенко, Е. Б. Старовойтенко) [19].

В ходе первого этапа работы возникает необходимость в проведении следующих мероприятий:

- 1) определение, уточнение и количественно-качественный анализ выборки исследования;
- 2) уточнение базы исследования;
- 3) детальный анализ характеристик методик, опросников, тестов и шкал и подготовка бланков, инструкций;
- 4) подготовка таблиц, форм для регистрации и анализа полученных данных;

³ См.: Бусова Ю. В. Программа и методики эмпирического исследования духовного Я личности / под общ. ред. В. С. Агапова. Москва : Издательство Московской государственной академии делового администрирования, 2010. 77 с.

⁴ См.: Реан А. А. Психология и психодиагностика личности : теория, методы исследования, практикум : арсенал практического психолога. Санкт-Петербург : Прайм-ЕВРОЗНАК, 2006. 255 с.

⁵ См.: Ермолаева Е. П. Оценка реализации профессионала в системе «человек-профессия-общество» : [пособие]. Москва : Институт психологии РАН, 2011. С. 26–48.

⁶ Мишина Е. И. Программа и методики эмпирического исследования рефлексивного Я субъектов учебной деятельности : учебное пособие / под. ред. проф. В. С. Агапова. Москва : Белый ветер, 2023. С. 40–45.

⁷ Фетискин Н. П., Козлов В. В., Мануйлов Г. М. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп : учебное пособие. Москва : Психотерапия, 2009. С. 57–59.

⁸ См.: Шадриков В. Д., Кургинян С. С., Кузнецова М. Д. Тест рефлексии деятельности : [руководство]. Москва : Университетская книга, 2015. 100 с.

⁹ Артюхова Т. Ю., Шелкунова Т. В., Бенькова О. А. Психология саморазвития : учебное пособие. Красноярск : Сибирский федеральный университет, 2017. 140–153.

¹⁰ Практикум по психодиагностике. Психодиагностические материалы : [пособие]. Москва : Издательство Московского государственного университета, 1988. С.123–129.

¹¹ Практикум по психодиагностике и исследованию толерантности личности / под ред. Г. У. Солдатовой, Л. А. Шайгеровой. Москва : МГУ им. М. В. Ломоносова, 2003. С. 44–47.

¹² Соколова М. В. Шкала субъективного благополучия : руководство. 2-е изд. Ярославль: НППЦ «Психодиагностика», 1996. С. 1–11.

5) организация и проведение психологического тестирования.

Второй этап – сбор данных, позволяющий провести их анализ с применением математических методов в психологии. Фиксация результатов исследования, сгруппированных по указанным показателям профессионального самосознания, значительно облегчит, например, проведение корреляционного анализа.

Третий этап – статистическая обработка полученных данных о показателях профессионального самосознания.

Четвертый этап – интерпретация полученных результатов.

Таким образом, специалист, осуществляющий психологическое исследование с диагностикой, может сформировать пакет данных о показателях профессионального самосознания субъектов труда (профессиональной служебной деятельности) в соответствии с потребностями организации. Стоит учитывать и то, что стремление использовать максимальное количество показателей профессионального самосознания в разы увеличит нагрузку как на исследователя, так и на участников психодиагностического обследования, потребует значительных временных ресурсов, например, на разработку форм для тестирования, диагностики, обработки данных или расходов на раздаточный материал и бланки. Тестирование респондентов сразу по нескольким объемным методикам может снизить качество ответов респондентов.

Результаты

Теоретический анализ проблемы диагностики показателей структуры профессионального самосознания курсантов позволил по-новому посмотреть на структуру профессионального самосознания, представить компонентный состав структурной организации профессионального самосознания субъектов служебной деятельности и предложить комплекс методик для организации психологического тестирования с целью проведения объективного анализа и оценки развития профессионального самосознания сотрудников. Разработанная программа способствует решению проблемы сбора данных о развитии показателей профессионального самосознания, влияет на качество организации и проведения психологических мероприятий, направленных на оценку и развитие профессионального самосознания курсантов.

В материалах статьи отмечены важные направления и этапы работы по обозначенной проблеме; раскрыт компонентный состав показателей профессионального самосознания; обозначены диагностические средства, позволяющие собрать качественный материал по исследуемой проблеме.

Обсуждение результатов

Проблема диагностики профессионального самосознания может решаться посредством разработки полноценного плана проведения диагностики и отбора с обоснованием необходимого психодиагностического инструментария для достижения четко обозначенной научной или научно-практической цели, а также использования разработанных программ эмпирического исследования и иного разработанного методического обеспечения.

Отобранные, обоснованные и представленные в статье методики, опросники, тесты и шкалы, способствующие сбору информации о профессиональном самосознании субъектов труда (профессиональной служебной деятельности), могут быть использованы в психологических и междисциплинарных исследованиях.

При всем многообразии предложенных методик, опросников, тестов и шкал исследовать профессиональное самосознание различных субъектов труда необходимо с учетом специфики профессиональной деятельности и требованиям к ней, подготовленности специалистов к этой работе.

Заключение

Таким образом, для практической или научно-исследовательской деятельности по проблеме диагностики показателей структуры профессионального самосознания, предложенные программа и рекомендации позволяют давать оценку различным показателям структуры профессионального самосознания субъектов труда (профессиональной служебной деятельности), связанным с пониманием самого себя, своей роли в жизни и обществе с активным участием в профессиональной деятельности; обнаруживать потенциал и дефициты в развитии профессионального самосознания личности, ее поведения, системе отношений. Использование предложенных материалов позволяет исследователю выйти на новый уровень работы по обозначенной проблеме.

Список источников

1. Свободный Ф. К. Структура профессионального самосознания сотрудника органов внутренних дел // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2002. № 4. С. 153–160.
2. Смык А. А. Структура профессионального самосознания в системе самореализации личности педагогов-психологов // Вестник Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. Серия 3. Филология. Педагогика. Психология. 2024. Т. 14, № 1. С. 144–152.
3. Головкин С. А., Зажаяев А. Г., Маслов Н. А. Структура профессионального самосознания и её влияние на качество подготовки специалистов // Научный вестник Вольского военного института материального обеспечения : военный научный журнал. 2015. № 1 (35). С. 187–190.
4. Актуальные проблемы психологии труда, инженерной психологии и эргономики : сборник статей. / под. ред. А. А. Обознова, А. Л. Журавлева. Москва : Институт психологии РАН, 2018. Вып. 8. 568 с.
5. Митина О. В., Рассказова Е. И. Методика исследования самоуправления Ю. Куля и А. Фурмана: психометрические характеристики русскоязычной версии // Психологический журнал. 2019. Т. 40, № 2. С. 111–127. <https://doi.org/10.31857/S020595920004061-3>
6. Карпов А. В. Рефлексивность как психическое свойство и методика ее диагностики // Психологический журнал. 2003. Т. 24, № 5. С. 45–57.
7. Смирнова А. Ю. Апробация русскоязычной версии методики самовосприятия трудоспособности // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2021. Т. 18, № 4. С. 664–684. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2021-4-664-684>
8. Башкатов С. А. Адаптация сокращенного варианта опросника К. Петерсона и М. Селигмана «Ценности в действии: инвентаризация достоинств» (Values in Action Inventory of Strengths, VIA-IS) на русскоязычной выборке // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2020. Т. 17, № 4. С. 738–754. <https://doi.org/10.22363/2313-1683-2020-17-4-738-754>
9. Карпинский К. В., Кисельникова (Волкова) Н. В. Опросник диспозиционного материализма (ОДМ): концептуальные основы и психометрическая разработка // Психологический журнал. 2019. Т. 40, № 1. С. 104–117. <https://doi.org/10.31857/S020595920002256-7>
10. Леонтьев Д. А., Шильманская А. Е. Жизненная позиция личности: от теории к операционализации // Вопросы психологии. 2019. № 1. С. 90–100.
11. Карпинский К. В., Колышко А. М. Профессиональное самоотношение личности и методика его психологической диагностики : монография. Гродно : Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, 2010. 140 с.
12. Мандрыкова Е. Ю. Разработка опросника самоорганизации деятельности (ОСД) // Психологическая диагностика. 2010. № 2. С. 59–83.
13. Гордеева Т. О., Сычев О. А., Егоров В. А. Диагностика жизненных целей: Краткая версия опросника «Индекс стремлений» // Психологический журнал. 2023. Т. 44, № 4. С. 49–62. <https://doi.org/10.31857/S020595920027085-9>
14. Апробация краткой и сверх-краткой версий вопросника Big Five Inventory-2: BFI-2-S и BFI-2-XS / Мишкевич А. М., Щebetенко С. А., Калугин А. Ю., Сото К. Д. [и др.] // Психологический журнал. 2022. Т. 43, № 1. С. 95–108. <https://doi.org/10.31857/S020595920017744-4>
15. Дорошова Е. А., Князев Г. Г., Корниенко О. С. Валидизация русскоязычных версий двух опросников Я-концепции // Психологический журнал. 2016. Т. 37, № 3. С. 99–112.
16. Леонтьев Д. А., Осин Е. Н. Рефлексия «хорошая» и «дурная»: от объяснительной модели к дифференциальной диагностике // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2014. Т. 11, № 4. С. 110–135.
17. Золотарева А. А. Тест самообладания: психометрические характеристики и перспективы применения // Психологический журнал. 2018. Т. 39, № 1. С. 103–114. <https://doi.org/10.7868/S0205959218010105>
18. Шадриков В. Д., Зиновьева Н. А., Кузнецова М. Д. Развитие младших школьников в различных образовательных системах : [монография] / под общ. ред. В. Д. Шадрикова. Москва : Логос, 2011. 232 с.
19. Вдовенко В. В., Щebetенко С. А., Старовойтенко Е. Б. «Я» в самопознании: русскоязычная версия Шкалы ясности Я-концепции // Психологические исследования : [электронное издание]. 2021. Т. 14, № 77. С. 7. <https://doi.org/10.54359/ps.v14i77.157>

References

1. Svobodnyj F. K. Struktura professional'nogo samosoznaniya sotrudnika organov vnutrennih del // Vestnik Barnaul'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2002. № 4. S. 153–160.
2. Smyk A. A. Struktura professional'nogo samosoznaniya v sisteme samorealizacii lichnosti pedagogov-psihologov // Vestnik Grodnenskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Yanki Kupaly. Seriya 3. Filologiya. Pedagogika. Psihologiya. 2024. T. 14, № 1. S. 144–152.
3. Golovko S. A., Zazhaev A. G., Maslov N. A. Struktura professional'nogo samosoznaniya i eyo vliyanie na kachestvo podgotovki specialistov // Nauchnyj vestnik Vol'skogo voennogo instituta material'nogo obespecheniya : voenno-nauchnyj zhurnal. 2015. № 1 (35). S. 187–190.
4. Aktual'nye problemy psihologii truda, inzhenernoj psihologii i ergonomiki : sbornik statej. / pod. red. A. A. Oboznova, A. L. Zhuravleva. Moskva : Institut psihologii RAN, 2018. Vyp. 8. 568 s.
5. Mitina O. V., Rasskazova E. I. Metodika issledovaniya samoupravleniya Yu. Kulya i A. Furmana: psihometricheskie harakteristiki russkoyazychnoj versii // Psihologicheskij zhurnal. 2019. T. 40, № 2. S. 111–127. <https://doi.org/10.31857/S020595920004061-3>
6. Karpov A. V. Refleksivnost' kak psihicheskoe svojstvo i metodika ee diagnostiki // Psihologicheskij zhurnal. 2003. T. 24, № 5. S. 45–57.
7. Smirnova A. Yu. Aprobaciya russkoyazychnoj versii metodiki samovospriyatiya trudospособnosti // Psihologiya. Zhurnal Vysshej shkoly ekonomiki. 2021. T. 18, № 4. S. 664–684. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2021-4-664-684>
8. Bashkatov S. A. Adaptaciya sokrashchennogo varianta oprosnika K. Petersona i M. Seligmana «Cennosti v dejstvii: inventarizaciya dostoinstv» (Values in Action Inventory of Strengths, VIA-IS) na russkoyazychnoj vyborke // Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Psihologiya i pedagogika. 2020. T. 17, № 4. S. 738–754. <https://doi.org/10.22363/2313-1683-2020-17-4-738-754>
9. Karpinskiy K. V., Kisel'nikova (Volkova) N. V. Oprosnik dispozicionnogo materializma (ODM): konceptual'nye osnovy i psihometricheskaya razrabotka // Psihologicheskij zhurnal. 2019. T. 40, № 1. S. 104–117. <https://doi.org/10.31857/S020595920002256-7>

10. Leont'ev D. A., Shil'manskaya A. E. Zhiznennaya pozitsiya lichnosti: ot teorii k operacionalizatsii // Voprosy psihologii. 2019. № 1. S. 90–100.
11. Karpinskij K. V., Kolyshko A. M. Professional'noe samootnoshenie lichnosti i metodika ego psihologicheskoy diagnostiki : monografiya. Grodno : Grodnenskiy gosudarstvennyy universitet imeni Yanki Kupaly, 2010. 140 s.
12. Mandrikova E. Yu. Razrabotka oprosnika samoorganizatsii deyatel'nosti (OSD) // Psihologicheskaya diagnostika. 2010. № 2. S. 59–83.
13. Gordeeva T. O., Sychev O. A., Egorov V. A. Diagnostika zhiznennykh celej: Kratkaya versiya oprosnika «Indeks stremlenij» // Psihologicheskij zhurnal. 2023. T. 44, № 4. S. 49–62. <https://doi.org/10.31857/S020595920027085-9>
14. Aprobatsiya kratkoj i sverh-kratkoj versij voprosnika Big Five Inventory-2: BFI-2-S i BFI-2-XS / Mishkevich A. M., Shchebetenko S. A., Kalugin A. Yu., Soto K. D. [i dr.] // Psihologicheskij zhurnal. 2022. T. 43, № 1. S. 95–108. <https://doi.org/10.31857/S020595920017744-4>
15. Dorosheva E. A., Knyazev G. G., Kornienko O. S. Validizatsiya russkoyazychnykh versij dvuh oprosnikov Ya-koncepcii // Psihologicheskij zhurnal. 2016. T. 37, № 3. S. 99–112.
16. Leont'ev D. A., Osin E. N. Refleksiya «horoshaya» i «durnaya»: ot ob'yasnitel'noj modeli k differentsial'noj diagnostike // Psihologiya. Zhurnal Vysshej shkoly ekonomiki. 2014. T. 11, № 4. S. 110–135.
17. Zolotareva A. A. Test samoobladaniya: psihometricheskie harakteristiki i perspektivy primeneniya // Psihologicheskij zhurnal. 2018. T. 39, № 1. S. 103–114. <https://doi.org/10.7868/S0205959218010105>
18. Shadrikov V. D., Zinov'eva N. A., Kuznecova M. D. Razvitie mladshih shkol'nikov v razlichnykh obrazovatel'nykh sistemah : [monografiya] / pod obshch. red. V. D. Shadrikova. Moskva : Logos, 2011. 232 s.
19. Vdovenko V. V., Shchebetenko S. A., Starovojtenko E. B. «Ya» v samopoznanii: russkoyazychnaya versiya Shkaly yasnosti Ya-koncepcii // Psihologicheskie issledovaniya : [elektronnoe izdanie]. 2021. T. 14, № 77. S. 7. <https://doi.org/10.54359/ps.v14i77.157>

ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПСИХОЛОГИЯ БЕЗОПАСНОСТИ

FORENSIC PSYCHOLOGY AND PSYCHOLOGY OF SAFETY

Научная статья
УДК 159.9

Внутригрупповые отношения и климат в служебных коллективах сотрудников с различной оценкой управленческого потенциала руководителя

Духновский Сергей Витальевич¹, доктор психологических наук, доцент
Гайдамашко Игорь Вячеславович², доктор психологических наук, доцент
Шелепина Эллина Константиновна³, кандидат психологических наук
Шахматов Александр Владимирович⁴, доктор юридических наук, профессор

^{1, 3, 4} Санкт-Петербургский университет МВД России

Санкт-Петербург (198206, ул. Летчика Пилютова, д. 1), Российская Федерация

² Федеральный научный центр психологических и междисциплинарных исследований
Москва (125009, ул. Моховая, д. 9, стр. 4), Российская Федерация

¹ dukhnovskysv@mail.ru, ² gajdamashko@mirea.ru, ³ shelepinae@yandex.ru, ⁴ shahmatov@yandex.ru

¹ <https://orcid.org/0000-0003-3118-9988>, ² <https://orcid.org/0000-0001-5146-0064>,

³ <https://orcid.org/0009-0002-9904-1517>, ⁴ <https://orcid.org/0000-0002-1391-7307>

Аннотация:

Актуальность: представление сотрудников об управленческом потенциале руководителя является одним из условий, определяющих внутригрупповые отношения и социально-психологический климат в служебном коллективе. Цель: выявление связи составляющих управленческого потенциала руководителя с особенностями внутригрупповых отношений и социально-психологическим климатом в служебных коллективах, а также установление различий в выраженности данных параметров у сотрудников органов внутренних дел. **Гипотезы:** существует связь между оценкой сотрудниками управленческого потенциала руководителя с особенностями внутригрупповых отношений в служебном коллективе; оценка сотрудниками управленческого потенциала руководителя может выступать детерминантой внутригрупповых отношений в служебном коллективе и климата в нем; существуют различия в выраженности управленческого потенциала у руководителя по оценкам сотрудников с разным социально-психологическим климатом в служебном коллективе. **Участники:** респондентами выступили 158 сотрудников органов внутренних дел, проходивших

Ключевые слова:

внутригрупповые отношения, служебный коллектив, лидер, менеджер, эксперт, управленческий потенциал, социально-психологический климат

повышение квалификации в Санкт-Петербургском университете МВД России (г. Санкт-Петербург). Все обследованные мужского пола, в возрасте от 27 до 39 лет. **Методы (инструменты):** опросник «Субъективная оценка внутригрупповых отношений» (С. В. Духновский, К. В. Злоказов) для выявления функционально-позитивных и негативных характеристик внутригрупповых отношений и их соотношения, позволяющего определить социально-психологический климат в коллективе; опросник «Лидер. Менеджер. Эксперт» (С. В. Духновский) для оценки личностно-профессиональных компетенций – управленческого потенциала и его составляющих: лидерской, экспертной, менеджерской. **Результаты:** установлены положительные связи показателей «лидерская», «менеджерская» и «экспертная», – составляющие управленческого потенциала с функционально-позитивными характеристиками внутригрупповых отношений и их общим индексом – индикатором социально-психологического климата. Установлено, что оценка сотрудниками управленческого потенциала руководителя выступает детерминантой внутригрупповых отношений в служебном коллективе, климата в нем. Показаны значимые различия в оценках управленческого потенциала руководителей сотрудниками с разным социально-психологическим климатом в служебных коллективах. **Основные выводы:** повышение сотрудниками управленческого потенциала оценок руководителя сопровождается увеличением показателей функционально-позитивных характеристик внутригрупповых отношений и благоприятностью социально-психологического климата в служебном коллективе. Управленческими детерминантами, влияющими на климат в служебном коллективе, по мнению сотрудников, являются: стратегическое лидерство, компетентность социального взаимодействия, управленческая компетентность, готовность к командной работе, масштабность мышления, экспертная компетентность, а также общий уровень управленческого потенциала руководителя. В группе сотрудников, оценивающих свой климат в служебном коллективе как благоприятный, руководитель обладает, по их мнению, более высокой выраженностью управленческого потенциала, чем в группе сотрудников с умеренно благоприятным социально-психологическим климатом в коллективе.

Для цитирования:

Духновский С. В., Гайдамашко И. В., Шелепина Э. К., Шахматов А. В. Внутригрупповые отношения и климат в служебных коллективах сотрудников с различной оценкой управленческого потенциала руководителя // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2026. № 2 (110). С. 283–294.

Статья поступила в редакцию 10.03.2026;
одобрена после рецензирования 13.04.2026;
принята к публикации 25.06.2026.

Original article

Intergroup relations and the working atmosphere in teams where staff members have differing views on their manager's leadership potential

Sergey V. Dukhnovsky¹, Doc. Sci. (Psychol.), Docent

Igor V. Gaidamashko², Doc. Sci. (Psychol.), Docent

Ellina K. Shelepina³, Cand. Sci. (Psychol.)

Aleksandr V. Shakhmator⁴, Doc. Sci. (Jurid.), Professor

^{1, 3, 4} Saint Petersburg University of the MIA of Russia

1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation

² Federal Scientific Center of Psychological and Multidisciplinary Researches

9, build. 4, Mokhovaya str., Moscow, 125009, Russian Federation

¹ dukhnovskysv@mail.ru, ² gajdamashko@mirea.ru, ³ shelepinae@yandex.ru, ⁴ shahmatov@yandex.ru

¹ <https://orcid.org/0000-0003-3118-9988>, ² <https://orcid.org/0000-0001-5146-0064>,

³ <https://orcid.org/0009-0002-9904-1517>, ⁴ <https://orcid.org/0000-0002-1391-7307>

Abstract:

Relevance: The perception of managerial leadership potential among employees is a significant factor in the determination of intergroup relations and the socio-psychological climate within a work team. **The objective** of this study is to identify the relationship between the components of a manager's leadership potential and the characteristics of intergroup relations and the socio-psychological atmosphere within work teams; and to establish differences in the manifestation of these parameters among employees of internal affairs agencies. **Hypotheses:** a link exists between employees' assessments of a manager's managerial potential and the characteristics of intergroup relations within a work team; employees' assessments of a manager's leadership potential can be as a determinant of intergroup relations and the atmosphere within the work team; there are differences in the manifestation of a manager's leadership potential, as assessed by employees, depending on the socio-psychological atmosphere within the work

Keywords:

intergroup relations, work team, leader, manager, expert, managerial potential, socio-psychological atmosphere

team. Participants: The respondents comprised 158 law enforcement officers who were undertaking further training at the Saint Petersburg University of the MIA of Russia (Saint Petersburg). The participants in this study were male gender and ranged in age from 27 to 39 years old. *Methods:* the questionnaire "Subjective Assessment of Intergroup Relations" (S. V. Dukhnovsky, K. V. Zlokazov) was used in order to identify functionally positive and negative characteristics of intergroup relations and their balance. This enabled the determination of the socio-psychological climate within the team. The questionnaire "Leader. Manager. Expert" (S. V. Dukhnovsky) was used as a tool to evaluate personal and professional competencies, with a particular focus on managerial potential and its constituent elements, namely leadership, expertise and management. *Results:* Positive correlations were identified between the "leadership", "managerial" and "expert" indicators – the components of managerial potential and the functionally positive characteristics of intergroup relations, as well as their overall index – the indicator of the socio-psychological atmosphere. It has been established that employees' assessment of a manager's managerial potential acts as a determinant of intergroup relations within a work team and the atmosphere within it. A substantial body of research has shown that there are significant differences in the assessments of managers' managerial potential by employees with different socio-psychological atmosphere within their work teams. *Conclusion:* A rise in employees' ratings of their manager's managerial proficiency has been shown to be concomitant with an enhancement in the functional and positive characteristics of intergroup relations, as well as a more favourable socio-psychological atmosphere within the work team. Employees have indicated that the managerial determinants exerting influence on the atmosphere within the work team are as follows: strategic leadership, social interaction competence, managerial competence, readiness for teamwork, breadth of thinking, expert competence, and the manager's overall level of managerial potential. In the group of employees who evaluate their workplace atmosphere as favourable, in their opinion, the manager has a higher degree of managerial potential in comparison to the group of employees whose workplace atmosphere is moderately favourable.

For citation:

Dukhnovsky S. V., Gaidamashko I. V., Shelepina E. K., Shakhmator A. V. Intergroup relations and the working atmosphere in teams where staff members have differing views on their manager's leadership potential // Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia. 2026. № 2 (110). P. 283–294.

The article was submitted March 10, 2026;
approved after reviewing April 13, 2026;
accepted for publication June 25, 2026.

Введение

Эффективность деятельности служебного коллектива во многом определяется управленческой компетентностью его руководителя. При ее изучении особую актуальность приобретает анализ представления сотрудников о своем руководителе и, в частности, о его управленческом потенциале, которое, на наш взгляд, будет являться одним из условий, определяющих как отношения в служебном коллективе, так и социально-психологический климат в нем. Соответственно, на основе исследования и оценки представлений сотрудников о своем руководителе можно осуществлять (в силу необходимости, а порой и возможности) развитие личностно-профессиональных компетенций руководителя, повышая тем самым его управленческий потенциал.

Теоретический анализ

Эффективность деятельности служебного коллектива напрямую зависит от управленческой компетентности руководителя. При ее изучении ключевым фактором является субъективное представление сотрудников о лидерском потенциале их руководителя, выступающее детерминантой как межличностных отношений, так и социально-психологического климата в служебном коллективе. Анализ и оценка сотрудниками управленческих компетенций руководителя является необходимым условием для последующего целенаправленного развития его личностно-профессионального потенциала и в итоге ведет к оптимизации эффективности деятельности всего коллектива.

Отметим, что внутригрупповые отношения в контексте анализа проблемы климата в рабочей группе, коллективе раскрывались в работах В. В. Бойко, А. Г. Ковалева, В. И. Панферова [1], Б. Д. Парыгина [2], К. К. Платонова [3] и др. В. А. Бугаевой, В. В. Жавтоножко проведен историко-психологический анализ понятия «социально-психологический климат» и связанных с ним феноменов¹ [4], К. А. Лукашевой проанализированы современные тенденции изучения социально-психологического климата организации [5], С. А. Бобинкиным, Н. С. Акатовой, а также И. В. Старченко рассмотрены вопросы формирования и поддержания благоприятного климата в группе [6; 7], Л. А. Лазаренко, Т. Е. Хорольской установлено влияние климата на эффективность организации [8], С. В. Духновским, К. В. Злоказовым, А. Э. Власовым, Е. В. Лоншаковой изучены внутригрупповые отношения как индикаторы социально-психологического климата на разных этапах обучения в образовательной организации высшего образования [9].

Рассматривая вопросы внутригрупповых отношений, социально-психологического климата, в контексте руководства служебным коллективом обращают на себя работы А. О. Бурцева,

¹ Бугаева В. А. Понятие социально-психологического климата в отечественной и зарубежной психологии // Вестник магистратуры. 2017. № 11-2 (74). С. 40–41.

Н. Н. Тавтиловой [10], Л. Ю. Нежкиной [11], О. В. Зуевой, А. В. Зорина [12], И. Н. Веденеевой², О. А. Мусатовой [13], Е. А. Слесаревой, С. Ю. Михайловой, Д. Е. Смирнова [14], М. И. Марьина, О. А. Терегуловой [15], О. И. Ивановой, Л. В. Мамедовой [16], Л. Т. Бородавко, Н. Н. Силкина, В. А. Корзунина³, К. А. Шпагина⁴ и др. Особенности внутригрупповых отношений и социально-психологического климата рассматривались и в зарубежных исследованиях G. H. Litwin, R. A. Stringer [17], C. Mafini [18], M. F. Dollard, M. R. Tuckey, C. Dormann [19] и др.

Л. Ю. Нежкина отметила, что для эффективного управления климатом в коллективе «руководителю необходимо формировать высокую степень сплоченности членов коллектива, проводить мониторинг протекающих в нем социальных процессов, контролировать уровень конфликтности между членами группы, удовлетворенности деятельностью, устанавливать адекватные формы общения и взаимодействия в коллективе, создавать условия для личностного и профессионального развития каждого» [11, с. 39]

В исследованиях О. В. Зуевой, А. В. Зорина утверждается, что демократический стиль управления служебным коллективом в сочетании со способностью формировать оптимальный трудовой настрой, взаимоуважение, поддержку, заинтересованность в повышении качества работы способствует созданию благоприятного климата в коллективе [12, с. 144].

По мнению И. Н. Веденеевой, специальные умения, знания, компетентность, информированность руководителя необходимы для формирования комфортного социально-психологического климата в служебном коллективе – с доверительными отношениями, сопереживанием и взаимовыручкой⁵.

О. А. Мусатовой «выявлено, что чаще всего, демократический стиль руководства наиболее эффективен для повышения успешности в служебной деятельности сотрудника полиции. Руководителям с преимущественно либеральным и авторитарным стилями руководства следует обратить внимание на мотивацию сотрудников ОВД. Авторитарный и либеральные стили не столь эффективны для повышения успешности в служебной деятельности и применимы лишь в частных ситуациях» [13, с. 67].

В своем экспериментальном исследовании Е. А. Слесарева, С. Ю. Михайлова и Д. Е. Смирнов утверждают, что благоприятный климат в служебном коллективе характеризуется положительным настроением, открытыми и близкими отношениями с его членами, возможностью свободно выражать свои мысли, не боясь осуждения со стороны коллег. Среди управленческих факторов для поддержания благоприятного климата выделяют требовательность и контроль руководителя, сочетающиеся с возможностью творческого подхода, готовность пойти на определенные уступки в связи со сложившимися обстоятельствами, поддержку начинаний сотрудников с акцентом на их прогресс и результативность, с выражением благодарности сотрудникам [14, с. 317].

В исследовании М. И. Марьина, О. А. Терегуловой показано, что благоприятность социально-психологического климата в служебном коллективе зависит, с одной стороны, от отношения участников служебного коллектива к реализуемой ими совместной правоохранительной деятельности, а с другой – от протекающих меж ними общественных отношений, возникающих и реализуемых как в рамках иерархической подчиненности, так и на горизонтальном уровне [15, с. 447]. Также отмечается, что для поддержания благоприятного социально-психологического климата в служебном коллективе от руководителя требуется «тактичность к личному составу служб, подразделений и аппаратов органов внутренних дел и понимание сотрудников и работников» [15, с. 447].

О. П. Ивановой, Л. В. Мамедовой установлено, что благоприятность социально-психологического климата в служебном коллективе характеризуется доброжелательностью, взаимопомощью и доверием, конструктивным решением возникающих противоречий, доверием и взаимопомощью в сочетании с рациональным использованием служебного времени, отсутствием нарушений служебной дисциплины (или их минимизацией) [16, с. 49].

Л. Т. Бородавко, Н. Н. Силкин, В. А. Корзунин доказывают, что «субъективное положительное отношение членов служебного коллектива к руководителю препятствует нарушению служебной дисциплины, ослабляет влияние межличностных конфликтов на совместную

² Веденеева И. Н. Влияние личности руководителя на социально-психологический климат в коллективе ОВД // Академическая мысль. 2021. № 1 (14). С. 128–131.

³ Бородавко Л. Т., Силкин Н. Н., Корзунин В. А. Значение руководителя служебного коллектива органа внутренних дел в формировании нормативного поведения его участников: эмпирическое исследование // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2024. № 3 (103). С. 300–310.

⁴ Шпагин К. А. Влияние на формирование межличностных отношений в коллективах органов внутренних дел: особенности служебной деятельности // Психология и педагогика служебной деятельности. 2020. № 4. С. 157–159. <https://doi.org/10.24411/2658-638X-2020-10136>

⁵ Веденеева И. Н. Указ. соч. С. 130.

деятельность. Тогда как негативная оценка руководителя подчиненными усиливает риск совершения дисциплинарных проступков, сопутствует росту межличностной конфликтности в коллективе»⁶.

К. А. Шпагин отмечает, что компетентность руководителя подразделения в принятии управленческих решений выступает одним из условий, влияющих на формирование отношений в служебных коллективах, наряду с такими индикаторами, как «степень доверия между членами коллектива, эмоциональное состояние каждого сотрудника, выраженное удовлетворенным или неудовлетворенным отношением к условиям службы, желанием руководителя вникать в личные проблемы его сотрудников, улучшения социальных и решением бытовых (домашних) трудностей, уровнем общего настроения и групповой тревожности или динамическим ростом»⁷. Индикаторами неблагоприятных отношений в служебном коллективе выступают «уровень враждебности или степень конфликтности в подразделении, негативная практика в распространении неправдивой информации (слухов), низкий уровень и качество выполняемой работы, периодическое или еще хуже, систематический пропуск или опоздание на рабочее место, возникновение постоянного желания перевода в другое подразделение либо вовсе увольнения из ОВД»⁸. Роль руководителя подразделения существенно сказывается и на корректной обработке сотрудниками поступающей информации, выражаясь в их способности противостоять информационно-психологическому воздействию [20].

Как показал обзор исследований, для благоприятного социально-психологического климата и релевантных ему внутригрупповых отношений большое значение имеет личность руководителя. В нашем контексте – это выраженность у него личностно-профессиональных (управленческих) компетенций, позволяющих руководителю принимать грамотные управленческие решения, позитивно влияющие на отношения внутри служебного коллектива и, соответственно, на социально-психологический климат в нем. В этом плане актуальным является изучение представления и оценка управленческого потенциала руководителя сотрудниками.

Мы придерживаемся позиции, согласно которой социально-психологический климат в служебном коллективе определяется соотношением функционально-позитивных (взаимопониманием, доверием, эмоциональной близостью, сопринадлежностью группе, а также возможностью формировать и поддерживать позитивное профессиональное самоотношение) и негативных (отчужденностью, напряженностью, конфликтностью, агрессивностью и соперничеством, неблагоприятным чувственным тоном в коллективе) характеристик внутригрупповых отношений [21]. При рассмотрении управленческих компетенций и потенциала мы использовали позицию Ю. В. Синягина [22; 23], согласно которой управленческий потенциал представляет собой сочетание лидерской, менеджерской и экспертной компетентности руководителя.

По нашему мнению, несмотря на наличие исследований, проблема оценки управленческого потенциала руководителя сотрудниками в контексте изучения особенностей внутригрупповых отношений в служебном коллективе нуждается в дополнительном эмпирическом анализе и обобщении. В этом плане актуальными являются следующие вопросы:

1) Существует ли связь между оценкой сотрудниками управленческого потенциала руководителя с особенностями внутригрупповых отношений и социально-психологическим климатом в служебном коллективе?

2) Может ли управленческий потенциал (и его составляющие) выступать детерминантой внутригрупповых отношений в служебном коллективе и климата в нем?

3) Существуют ли различия в выраженности управленческого потенциала и его составляющих у руководителя по оценкам сотрудников с разным социально-психологическим климатом в служебном коллективе?

Чтобы получить ответы на поставленные вопросы, мы провели эмпирическое исследование, наиболее значимые результаты которого будут представлены ниже.

Материалы и методы

Участники: респондентами выступили 158 сотрудников органов внутренних дел, проходивших повышение квалификации в Санкт-Петербургском университете МВД России (г. Санкт-Петербург). Все обследованные мужского пола, в возрасте от 27 до 39 лет.

Цель эмпирического исследования – выявление взаимосвязи между параметрами управленческой компетентности (потенциала) руководителя и особенностями внутригрупповых отношений в служебном коллективе, а также установление различий в выраженности данных параметров у сотрудников органов внутренних дел.

⁶ Бородавко Л. Т., Силкин Н. Н., Корзунин В. А. Указ. соч. С. 307.

⁷ Шпагин К. А. Указ. соч. С. 158.

⁸ Там же. С. 158–159.

В исследовании проверялись три гипотезы:

1) существует связь между оценкой сотрудниками управленческого потенциала руководителя с особенностями внутригрупповых отношений и социально-психологическим климатом в служебном коллективе;

2) оценка сотрудниками управленческого потенциала (и его составляющих) у руководителя может выступать детерминантой внутригрупповых отношений в служебном коллективе и социально-психологического климата в нем;

3) существуют различия в выраженности управленческого потенциала и его составляющих у руководителя по оценкам сотрудников с разным социально-психологическим климатом в служебном коллективе.

Методики

1. Опросник «Лидер. Менеджер. Эксперт» (ЛМЭ), использовался для оценки выраженности личностно-профессиональных компетенций – управленческого потенциала и его составляющих (лидерской, экспертной, менеджерской)⁹.

2. Опросник «Субъективная оценка внутригрупповых отношений» (СОВО) – для выявления функционально-позитивных (доверие, понимание, чувство сопринадлежности, эмоциональная близость, самоотношение) и негативных (напряженность, конфликтность, соперничество, отчужденность, неблагоприятный чувственный тон характеристик внутригрупповых отношений. Соотношение функциональных показателей (позитивных и негативных) позволяет установить общий индекс внутригрупповых отношений, отражающий благоприятность /неблагоприятность климата в служебном коллективе [20].

Методы

Методами статистической обработки данных выступили корреляционный анализ, множественный регрессионный анализ и критерий сравнения. Перед их проведением для каждой переменной был рассчитан статистический критерий нормальности Колмогорова – Смирнова. Уровень значимости p по всем переменным выше 0,05. Это позволило сделать вывод о нормальном распределении и обосновать допустимость применения параметрического критерия t -Стьюдента для независимых выборок. Обработка результатов проводилась при помощи программного пакета «SPSS 23.0».

Результаты исследования

Для проверки гипотезы о наличии связи между оценкой сотрудниками управленческого потенциала руководителя с особенностями внутригрупповых отношений и социально-психологическим климатом в служебном коллективе проведено корреляционное исследование, результаты которого представлены в таблице 1.

Таблица 1

Корреляционные связи шкал методики
«Субъективная оценка внутригрупповых отношений» (СОВО)
с показателем опросника «Лидер. Менеджер. Эксперт» (ЛМЭ)

Table 1

Correlations between the scales
of the “Subjective Assessment of Intergroup Relations” methodology (SOVO)
and the “Leader. Manager. Expert” (LME) questionnaire

Шкалы методики «СОВО»	Показатели управленческого потенциала (методика «ЛМЭ») N = 158			
	Лидерский	Менеджерский	Экспертный	УП
Функциональная позитивность отношений	0,45	0,47	0,42	0,44
Функциональная негативность отношений	-0,41	-0,42	-0,39	-0,47
Индекс внутригрупповых отношений	0,44	0,43	0,40	0,45
Примечание – УП – индекс управленческого потенциала; коэффициенты корреляции на уровне $p \leq 0,01$.				

⁹ См.: Духновский С. В. Психодиагностика : учебник и практикум. Москва : Юрайт, 2021. 353 с.

Данные таблицы 1 показывают следующее. Установлены положительные связи показателей «лидерская», «менеджерская» и «экспертная» – составляющих управленческого потенциала (методика «ЛМЭ») – с функционально-позитивными характеристиками внутригрупповых отношений и их общим индексом – индикатором социально-психологического климата (коэффициенты корреляции находятся в диапазоне от 0,40 до 0,47, при $p \leq 0,01$) и отрицательные – с функционально-негативными характеристиками (коэффициенты корреляции находятся в диапазоне от -0,47 до -0,39, при $p \leq 0,01$). Прямые зависимости между показателями говорят о том, что повышение значений показателя «отношение к компетентности руководителя» сопровождается увеличением значений функционально-позитивных характеристик внутригрупповых отношений. Соответственно, чем позитивнее воспринимают сотрудники управленческий потенциал руководителя, тем сильнее у сотрудников чувство сопринадлежности коллективу, ближе отношения между членами коллектива, больше убежденность в том, что служебный коллектив способствует развитию и поддержанию активно-позитивного профессионального самоотношения. И наоборот, снижение в оценках сотрудников управленческого потенциала руководителя сопровождается увеличением функционально-негативных характеристик внутригрупповых отношений в служебном коллективе, таких как неблагоприятный чувственный тон отношений, отчужденность, напряженность, конфликтность и соперничество в служебном коллективе.

Позитивное восприятие компетентности лидера является существенным предиктором формирования функционально-позитивных аспектов коллективного взаимодействия. Повышение субъективной оценки управленческого потенциала руководителя сопряжено с ростом показателей взаимопонимания, доверия, эмоциональной близости, сопринадлежности к коллективу и позитивного профессионального самоотношения, что в совокупности формирует благоприятный социально-психологический климат. Обратная зависимость проявляется при снижении оценки управленческого потенциала, вызывающем рост функционально-негативных характеристик.

Также установлена значимая связь показателя «индекс внутригрупповых отношений» с показателем «управленческого потенциала руководителя» ($r = 0,43$, при $p \leq 0,01$) и его составляющими – лидерской, менеджерской и экспертной (коэффициенты корреляции в диапазоне от 0,40 до 0,45, при $p \leq 0,01$). В методике «СОВО» данный индекс свидетельствует о благоприятности /неблагоприятности социально-психологического климата в служебном коллективе. Соответственно, увеличение оценок руководителя сотрудниками, свидетельствующих о повышении управленческого потенциала и его составляющих, соотносится с повышением значений индекса внутригрупповых отношений, что говорит о благоприятности климата в служебном коллективе респондентов.

Таким образом, на основании результатов проведенных исследований гипотеза о том, что оценка сотрудниками управленческого потенциала руководителя связана с особенностями внутригрупповых отношений, в т. ч. и с социально-психологическим климатом в служебном коллективе, нашла свое эмпирическое подтверждение.

Далее нами проверялась гипотеза о том, что оценка сотрудниками управленческого потенциала (и его составляющих) у руководителя выступает детерминантой внутригрупповых отношений в служебном коллективе и социально-психологического климата в нем. Для этого использовали процедуру множественного регрессионного анализа. Результатом стало построение регрессионной модели «Управленческий потенциал социально-психологического климата» ($R^2 = 0,67$, $F = 3,95$, $p = 0,001$), в которой 67 % дисперсии данной переменной определяется совокупным воздействием показателей по шкалам методики «Лидер. Менеджер. Эксперт»: стратегическое лидерство ($\beta = 0,65$), компетентность социального взаимодействия ($\beta = 0,67$), лидерский компонент управленческого потенциала ($\beta = 0,68$), управленческая компетентность ($\beta = 0,73$), готовность к командной работе ($\beta = 0,70$), менеджерский компонент управленческого потенциала ($\beta = 0,75$), масштабность мышления ($\beta = 0,69$), экспертная компетентность ($\beta = 0,67$), экспертный компонент управленческого потенциала ($\beta = 0,69$), общий индекс управленческого потенциала ($\beta = 0,72$).

Таким образом, гипотеза о том, что представление и оценка сотрудниками управленческого потенциала и его составляющих у руководителя являются детерминантами внутригрупповых отношений и социально-психологического климата в служебном коллективе, нашла свое эмпирическое подтверждение. Соответственно, уровень выраженности установленных данных детерминант будет определять благоприятность либо неблагоприятность социально-психологического климата, индикатором которого являются внутригрупповые отношения.

Для проверки гипотезы о существовании различий в выраженности управленческого потенциала и его составляющих у руководителей по оценкам сотрудников с разным социально-психологическим климатом в служебном коллективе проведено сравнительное исследование, в котором обследованная выборка по показателю «индекс внутригрупповых отношений» методики «СОВО» была разделена на две группы:

Первая – сотрудники, у которых индекс внутригрупповых отношений по методике «СОВО» выражен на повышенном уровне – от 3,1 до 3,5 (при переводе которых в стандартные данные показатели находятся в диапазоне 8 «стэнов»). Это свидетельствует о выраженности функционально-позитивных характеристик внутригрупповых отношений (понимания, доверия, чувства сопринадлежности коллективу, благоприятного чувственного тона в нем, возможности поддерживать позитивное профессиональное самоотношение) и как результат – благоприятности социально-психологического климата в служебном коллективе (в данную группу вошли 119 респондентов).

Вторая – сотрудники, у которых индекс внутригрупповых отношений по методике «СОВО» выражен на среднем уровне – от 1,6 до 2,5 (при переводе в стандартные показатели – в диапазоне 5–6 «стэнов»). Функционально-позитивные характеристики внутригрупповых отношений выражены на повышенном уровне, тогда как функционально-негативные (напряженность, отчужденность, конфликтность, соперничество, неблагоприятный чувственный тон) – на среднем уровне. Это свидетельствует об умеренно благоприятном климате в их служебных коллективах (в группу вошли 39 респондентов).

Далее с использованием t-критерия Стьюдента были установлены различия между управленческими детерминантами – показателями по шкалам методики «Лидер. Менеджер. Эксперт» – «ЛМЭ» (значение t-критерия в диапазоне от 1,95 до 1,97). Результаты представлены в таблице 2.

Таблица 2

Различия в оценках управленческого потенциала руководителей
сотрудниками с разной оценкой социально-психологического климата

Table 2

Differences in employees' assessments of managers' managerial potential based
on differing assessments of the socio-psychological atmosphere

Шкалы методики «ЛМЭ»	Социально-психологический климат	
	Благоприятный N = 119	Умеренно благоприятный N = 39
Стратегическое лидерство	29,1 ± 3,4 (8)	19,0 ± 2,5 (4)
Компетентность социального взаимодействия	30,5 ± 3,1 (8)	22,3 ± 2,7 (4)
Лидерский компонент управленческого потенциала	87,4 ± 5,5 (8)	67,2 ± 4,9 (4)
Управленческая компетентность	34,6 ± 3,2 (9)	23,5 ± 3,0 (4)
Готовность к командной работе	30,5 ± 3,0 (8)	23,4 ± 2,9 (4)
Менеджерский компонент управленческого потенциала	93,7 ± 5,1 (8)	67,1 ± 5,7 (4)
Масштабность мышления	30,3 ± 3,1 (8)	22,2 ± 3,6 (4)
Экспертная компетентность	28,9 ± 3,5 (8)	20,2 ± 3,4 (4)
Экспертный компонент управленческого потенциала	87,0 ± 5,8 (8)	61,2 ± 4,0 (4)
Общий индекс управленческого потенциала	265,5 ± 19,2 (8)	201,7 ± 20,3 (4)
Примечание – В скобках указаны стандартные значения – «стэны».		

Данные таблицы 2 говорят о следующем. Установлены значимые различия в оценках личностно-профессиональных компетенций (управленческого потенциала) руководителей сотрудниками с разным социально-психологическим климатом в служебных коллективах.

В группе сотрудников, оценивающих климат в своем служебном коллективе как благоприятный, представленные в таблице 2 личностно-профессиональные компетенции выражены на более высоком уровне, чем в группе сотрудников с умеренно благоприятным социально-психологическим климатом в коллективе. При переводе «сырых» табличных значений

в стандартные данные показатели в группе сотрудников с благоприятным социально-психологическим климатом выражены на повышенном уровне – в диапазоне 8 стэнов (исключение составляет «управленческая компетентность», которая выражена на высоком уровне – 9 стэнов), тогда как в группе сотрудников с умеренно благоприятным климатом оценки управленческого потенциала и его составляющих у руководителя выражены на пониженном уровне (при переводе «сырых» табличных значений в стандартные – в диапазоне 4 «стэнов»).

Таким образом, гипотеза о том, что чем выше оценки управленческого потенциала руководителя, даваемые сотрудниками, тем благоприятнее социально-психологический климат в их служебных коллективах, нашла свое эмпирическое подтверждение.

Полученные эмпирические данные позволяют описать управленческий потенциал руководителя – его личностно-профессиональные особенности, которые, по оценкам сотрудников, необходимы для благоприятного социально-психологического климата в служебном коллективе. К ним относятся:

- стратегическое лидерство, способность, по мнению сотрудников, формулировать стратегические цели служебного коллектива, развивать и поддерживать психологический потенциал сотрудников, заражать коллектив своими идеями;

- компетентность социального взаимодействия, готовность руководителя, по мнению сотрудников, к конструктивному взаимодействию, нацеленность на совместную деятельность с учетом мнения подчиненных, их позиции по тому или иному вопросу;

- управленческая компетентность, способность руководителя, по мнению сотрудников, к планированию, организации, контролю, координации деятельности служебного коллектива, включая принятие самостоятельных управленческих решений;

- готовность к командной работе, готовность руководителя, по мнению сотрудников, к внутреннему принятию поставленных организационных целей и задач, его способность к конструктивному общению и взаимодействию с людьми с различными личностно-профессиональными особенностями;

- масштабность мышления, способность руководителя, по мнению сотрудников, видеть и анализировать проблемы не только с позиции занимаемой должности, но и в более широком организационном и социальном контексте;

- экспертная компетентность, способность руководителя, по мнению сотрудников, к глубокому разностороннему и системному анализу профессиональных и управленческих проблем на основе имеющегося профессионального опыта и знаний;

- лидерский компонент управленческого потенциала, способность руководителя, по мнению сотрудников, объединять и мотивировать коллектив на достижение более высоких целей;

- менеджерский компонент управленческого потенциала, способность руководителя, по мнению сотрудников, эффективно организовать и координировать процесс как индивидуальной работы сотрудников, так и всего коллектива, грамотно планировать деятельность и осуществлять контроль ее выполнения;

- экспертный компонент управленческого потенциала, готовность руководителя, по мнению сотрудников, выступать экспертом в служебной деятельности, содержательно анализировать возникающие и поступающие проблемы, формировать квалифицированные экспертные группы для решения оперативно-служебных задач.

3 заключение

В завершение отметим следующее. Гипотезы о том, что существует связь между оценкой управленческого потенциала руководителя и особенностями внутригрупповых отношений в служебном коллективе, а также различия между ними нашли свое эмпирическое подтверждение. Также доказанным является факт, что чем выше оценивается управленческий потенциал и его составляющие (личностно-профессиональные компетенции) у руководителя, тем благоприятнее социально-психологический климат в служебном коллективе.

Выводы

1. Установлена связь между оценкой управленческого потенциала руководителя и особенностями внутригрупповых отношений в служебном коллективе. Повышение оценок сотрудниками управленческого потенциала руководителя сопровождается увеличением показателей функционально-позитивных характеристик внутригрупповых отношений (взаимопонимание, доверие, эмоциональная близость, сопринадлежность коллективу, позитивное профессиональное

самоотношение) и благоприятностью социально-психологического климата в служебном коллективе. И наоборот, снижение оценок сотрудниками управленческой компетентности руководителя соотносится с увеличением функционально негативных характеристик (отчужденность, напряженность, конфликтность, соперничество и негативный чувственный тон в коллективе) и неблагоприятностью климата в нем.

2. Установлено, что управленческими детерминантами (личностно-профессиональными компетенциями руководителя), влияющими на социально-психологический климат в служебном коллективе, по мнению сотрудников, являются стратегическое лидерство, компетентность социального взаимодействия, управленческая компетентность, готовность к командной работе, масштабность мышления, экспертная компетентность, а также общий уровень управленческого потенциала. Уровень выраженности данных показателей будет определять благоприятность либо неблагоприятность социально-психологического климата, индикатором которого являются внутригрупповые отношения.

3. Установлено, что в группе сотрудников, оценивающих свой климат в служебном коллективе как благоприятный, руководитель обладает, по их мнению, более высокой выраженностью управленческого потенциала, чем в группе сотрудников с умеренно благоприятным социально-психологическим климатом в коллективе. Таким образом, для поддержания благоприятного социально-психологического климата в служебном коллективе необходимо чтобы руководитель обладал следующими личностно-профессиональными компетенциями: стратегическое лидерство, компетентность социального взаимодействия, управленческая компетентность, готовность к командной работе, масштабность мышления и экспертная компетентность.

4. Представленные данные позволяют построить эмпирическую модель, в которой управленческий потенциал руководителя, определяемый совокупностью его личностно-профессиональных компетенций (стратегическое лидерство, компетентность в социальном взаимодействии, управленческая компетентность, готовность к командной работе, масштабность мышления и экспертная компетентность) выступает ключевым предиктором социально-психологического климата в служебном коллективе. Восприятие сотрудниками высокого управленческого потенциала руководителя напрямую коррелирует с развитием функционально-позитивных внутригрупповых отношений (взаимопонимания, доверия, эмоциональной близости) и, как следствие, с благоприятным климатом, в то время как низкая оценка этих компетенций приводит к функционально-негативным отношениям (отчужденности, конфликтности) и неблагоприятной атмосфере в коллективе. Уровень выраженности компетенций руководителя, воспринимаемый сотрудниками, определяет как качество межличностных взаимодействий, так и общий психологический фон рабочей среды.

Список источников

1. Бойко В. В., Ковалев А. Г., Панферов В. И. Социально-психологический климат коллектива и личность : монография. Москва : Мысль, 1983. 207 с.
2. Парыгин Б. Д. Социально-психологический климат коллектива : Пути и методы изучения / под ред. В. А. Ядова. Ленинград : Наука, 1981. 192 с.
3. Платонов К. К. Структура и развитие личности / отв. ред. А. Д. Глоточкин. Москва : Наука, 1986. 254 с.
4. Жовтоножко В. В. Исторический анализ термина «социально-психологический климат» в отечественной науке // Власть. 2016. Т. 24, № 3. С. 163–167.
5. Лукашева К. А. Современные тенденции исследования социально-психологического климата организации // Психология и психотехника. 2022. № 3. С. 19–29. <https://doi.org/10.7256/2454-0722.2022.3.38582>
6. Бобинкин С. А., Акатова Н. С. Социально-психологические особенности формирования климата в трудовом коллективе // Проблемы современного педагогического образования. 2018. № 60–4. С. 409–412.
7. Старченко И. В. Формирования положительного социально-психологического климата в органах местного самоуправления // Экономика и бизнес: теория и практика. 2019. № 10–2 (56). С. 105–111. <https://doi.org/10.24411/2411-0450-2019-11267>
8. Лазаренко Л. А., Хорольская Т. Е. Влияние социально-психологического климата в коллективе на эффективность деятельности организации // Естественно-гуманитарные исследования. 2020. № 28 (2). С. 150–156. <https://doi.org/10.24411/2309-4788-2020-10091>
9. Духновский С. В., Злоказов К. В., Власов А. Э., Лоншакова Е. В. Внутригрупповые отношения курсантов как индикаторы социально-психологического климата на разных этапах обучения в вузе // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Академия образования. Психология развития. 2024. Т. 13, № 1 (49). С. 50–59. <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2024-13-1-50-59>
10. Бурцев А. О., Тавилова Н. Н. Влияние стиля руководства на психологический климат организации (на примере служебных коллективов МВД России) // Прикладная юридическая психология. 2020. № 2 (51). С. 107–116. [https://doi.org/10.33463/2072-8336.2020.2\(51\).107-116](https://doi.org/10.33463/2072-8336.2020.2(51).107-116)
11. Нежкина Л. Ю. Прогноз надежности профессиональной деятельности сотрудников на основе исследования социально-психологического климата и стиля руководства // Психология в экономике и управлении. 2017. Т. 9, № 2. С. 33–41. [https://doi.org/10.17150/2225-7845.2017.9\(2\).33-41](https://doi.org/10.17150/2225-7845.2017.9(2).33-41)

12. Зуева О. В., Зорин А. В. Стиль управления в органах внутренних дел как один из факторов формирования социально-психологического климата служебного коллектива // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2021. Т. 13, № 4. С. 138–145. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2021-13-4-138-145>
13. Мусатова О. А. Теоретический анализ влияния стиля руководства на эффективность деятельности служебного коллектива ОВД // Психология и педагогика служебной деятельности. 2019. № 3. С. 64–67.
14. Слесарева Е. А., Михайлова С. Ю., Смирнов Д. Е. Взаимосвязь стилей руководства в подразделениях ОВД с социально-психологическим климатом, межличностными отношениями сотрудников органов внутренних дел // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 4. С. 313–320. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-4-313-320>
15. Мар'ин М. И., Терезулова О. А. Особенности формирования благоприятного социально-психологического климата в территориальных подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации // Пенитенциарная наука. 2024. Т. 18, № 4 (68). С. 443–448. <https://doi.org/10.46741/2686-9764.2024.68.4.011>
16. Иванова О. П., Мамедова Л. В. Формирование благоприятного социально-психологического климата в уголовном розыске ОВД // Медицина. Социология. Философия. Прикладные исследования. 2022. № 5. С. 49–53.
17. Litwin G. H., Stringer R. A. Motivation and organizational climate. Boston : Harvard University, 1968. 210 p.
18. Mafini C. The Contribution of Organisational Climate to Employee Well-Being // Journal of Applied Business Research (JABR), 2016. Vol. 32, № 4. P. 1157–1168. <https://doi.org/10.19030/jabr.v32i4.9728>
19. Dollard M. F., Tuckey M. R., Dormann C. Psychosocial safety climate moderates the job demand-resource interaction in predicting workgroup distress // Accident Analysis & Prevention. 2012. № 45. P. 694–704. <https://doi.org/10.1016/j.aap.2011.09.042>
20. Духновский С. В., Злоказов К. В. Информационно-психологическая уязвимость сотрудников органов внутренних дел с разным уровнем устойчивости и утомленности // Психология и право. 2024. Т. 14, № 4. С. 50–67. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2024140404>
21. Духновский С. В., Злоказов К. В., Бородавко Л. Т., Попинако Е. А. Социально-психологический климат в служебном коллективе: внутригрупповые отношения, оценка и регуляция : монография. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2025. 204 с.
22. Диагностика и профессиональное развитие управленческих кадров государственной службы: методология и технологии : коллективная монография / под общ. науч. ред. Ю. В. Синягина. Москва : Дело, 2021. 394 с.
23. Синягин Ю. В. Опросник оценки управленческого потенциала в комплексной личностно-профессиональной диагностике : монография. Москва : Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2020. 186 с.

References

1. Bojko V. V., Kovalev A. G., Panferov V. I. Social'no-psihologicheskij klimat kolektiva i lichnost' : monografiya. Moskva : Mysl', 1983. 207 s.
2. Parygin B. D. Social'no-psihologicheskij klimat kolektiva : Puti i metody izucheniya / pod red. V. A. Yadova. Leningrad : Nauka, 1981. 192 s.
3. Platonov K. K. Struktura i razvitie lichnosti / otv. red. A. D. Glotochkin. Moskva : Nauka, 1986. 254 s.
4. Zhovtonozhko V. V. Istoricheskij analiz termina «social'no-psihologicheskij klimat» v otechestvennoj nauke // Vlast'. 2016. T. 24, № 3. S. 163–167.
5. Lukasheva K. A. Sovremennye tendencii issledovaniya social'no-psihologicheskogo klimata organizacii // Psihologiya i psihotekhnika. 2022. № 3. S. 19–29. <https://doi.org/10.7256/2454-0722.2022.3.38582>
6. Bobinkin S. A., Akatova N. S. Social'no-psihologicheskie osobennosti formirovaniya klimata v trudovom kolektive // Problemy sovremennoogo pedagogicheskogo obrazovaniya. 2018. № 60–4. S. 409–412.
7. Starchenko I. V. Formirovaniya položitel'nogo social'no-psihologicheskogo klimata v organah mestnogo samoupravleniya // Ekonomika i biznes: teoriya i praktika. 2019. № 10–2 (56). S. 105–111. <https://doi.org/10.24411/2411-0450-2019-11267>
8. Lazarenko L. A., Horol'skaya T. E. Vliyanie social'no-psihologicheskogo klimata v kollektive na effektivnost' deyatel'nosti organizacii // Estestvenno-gumanitarnye issledovaniya. 2020. Vol. 28, № 2. S. 150–156. <https://doi.org/10.24411/2309-4788-2020-10091>
9. Duhnovskij S. V., Zloказов К. В., Vlasov A. E., Lonshakova E. V. Vnutrigruppovye otnosheniya kursantov kak indikator social'no-psihologicheskogo klimata na raznyh etapah obucheniya v vuze // Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Akmeologiya obrazovaniya. Psihologiya razvitiya. 2024. T. 13, № 1 (49). S. 50–59. <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2024-13-1-50-59>
10. Burcev A. O., Tavtilova N. N. Vliyanie stilya rukovodstva na psihologicheskij klimat organizacii (na primere sluzhebnyh kolektivov MVD Rossii) // Prikladnaya yuridicheskaya psihologiya. 2020. № 2 (51). S. 107–116. [https://doi.org/10.33463/2072-8336.2020.2\(51\).107-116](https://doi.org/10.33463/2072-8336.2020.2(51).107-116)
11. Nezhkina L. Yu. Prognoz nadezhnosti professional'noj deyatel'nosti sotrudnikov na osnove issledovaniya social'no-psihologicheskogo klimata i stilya rukovodstva // Psihologiya v ekonomike i upravlenii. 2017. T. 9, № 2. S. 33–41. [https://doi.org/10.17150/2225-7845.2017.9\(2\).33-41](https://doi.org/10.17150/2225-7845.2017.9(2).33-41)
12. Zueva O. V., Zorin A. V. Stil' upravleniya v organah vnutrennih del kak odin iz faktorov formirovaniya social'no-psihologicheskogo klimata sluzhebnogo kolektiva // Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta. 2021. T. 13, № 4. S. 138–145. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2021-13-4-138-145>
13. Musatova O. A. Teoreticheskij analiz vliyaniya stilya rukovodstva na effektivnost' deyatel'nosti sluzhebnoogo kolektiva OVD // Psihologiya i pedagogika sluzhebnogo deyatel'nosti. 2019. № 3. S. 64–67.
14. Slesareva E. A., Mihajlova S. Yu., Smirnov D. E. Vzaimosvyaz' stilej rukovodstva v podrazdeleniyah OVD s social'no-psihologicheskim klimatom, mezhlchnostnymi otnosheniyami sotrudnikov organov vnutrennih del // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2021. № 4. S. 313–320. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-4-313-320>
15. Mar'in M. I., Tereгулова О. А. Особенности формирования благоприятного социально-психологического климата в территориальных подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации // Пенитенциарная наука. 2024. Т. 18, № 4 (68). С. 443–448. <https://doi.org/10.46741/2686-9764.2024.68.4.011>
16. Ivanova O. P., Mamedova L. V. Formirovaniye blagopriyatnogo social'no-psihologicheskogo klimata v ugolovnom rozyске OVD // Medicina. Sociologiya. Filosofiya. Prikladnye issledovaniya. 2022. № 5. S. 49–53.

17. Litwin G. H., Stringer R. A. Motivation and organizational climate. Boston : Harvard University, 1968. 210 p.
18. Mafini C. The Contribution of Organisational Climate to Employee Well-Being // Journal of Applied Business Research (JABR), 2016. № 32 (4). P. 1157–1168. <https://doi.org/10.19030/jabr.v32i4.9728>
19. Dollard M. F., Tuckey M. R., Dormann C. Psychosocial safety climate moderates the job demand–resource interaction in predicting workgroup distress // Accident Analysis & Prevention. 2012. № 45. P. 694–704. <https://doi.org/10.1016/j.aap.2011.09.042>
20. Duhnovskij S. V., Zlokazov K. V. Informacionno-psihologicheskaya uyazvimost' sotrudnikov organov vnutrennih del s raznym urovnem ustojchivosti i utomlennosti // Psihologiya i pravo. 2024. T. 14, № 4. S. 50–67. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2024140404>
21. Duhnovskij S. V., Zlokazov K. V., Borodavko L. T., Popinako E. A. Social'no-psihologicheskij klimat v sluzhebном kollektive: vnutrigruppovye otnosheniya, ocenka i regulyaciya : monografiya. Sankt-Peterburg : Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii, 2025. 204 s.
22. Diagnostika i professional'noe razvitie upravlencheskih kadrov gosudarstvennoj sluzhby: metodologiya i tekhnologii : kollektivnaya monografiya / pod obshch. nauch. red. Yu. V. Sinyagina. Moskva : Delo, 2021. 394 s.
23. Sinyagin Yu. V. Oprosnik ocenki upravlencheskogo potentsiala v kompleksnoj lichnostno-professional'noj diagnostike : monografiya. Moskva : Rossijskaya akademiya narodnogo hozyajstva i gosudarstvennoj sluzhby pri Prezidente Rossijskoj Federacii, 2020. 186 s.

Авторами внесен равный вклад в написание статьи.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors have made an equal contribution to the writing of the article.
The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья
УДК 159.9

Особенности ценностно-смысловой сферы у курсантов Министерства внутренних дел Российской Федерации в зависимости от категории профессиональной психологической пригодности

Татьяна Николаевна Кабанова¹, кандидат психологических наук

Елена Викторовна Костина²

Дарья Валерьевна Белицкая³

Николь Андреевна Галанина⁴

^{1, 3, 4} Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии
имени В. П. Сербского

Москва (119034, Кропоткинский пер., д. 23), Российская Федерация

² Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя

Москва (117997, ул. Академика Волгина, д. 12), Российская Федерация

¹ tatanak0607@yandex.ru, ² kasatka1317@mail.ru, ³ belickaya.d@serbsky.ru, ⁴ nicole.galanina@yandex.ru

¹ <https://orcid.org/0000-0001-7834-053X>, ² <https://orcid.org/0000-0002-9741-1089>,

³ <https://orcid.org/0009-0001-3130-1469>, ⁴ <https://orcid.org/0009-0008-7169-8625>

Аннотация:

Введение. Ценностные ориентации выступают компонентом смысловой сферы личности и составляют основу таких ключевых процессов, как социализация, самоопределение и профессиональная идентичность. Практическая и теоретическая значимость работы состоит в рассмотрении ценностной сферы курсантов как компонента адаптации к служебной деятельности. **Материал и методы.** Общий объем выборки составил 122 курсанта, обучающихся в Московском университете МВД РФ имени В.Я. Кикотя. Диагностический комплекс включал: опросник, состоящий из выбора 24 ценностей: 12 социальных и 12 антисоциальных ценностей (Булыгина В.Г. и др., 2022). Для анализа использованы блоки: 1. 10 базовых ценностей, которых придерживаются участники исследования. 2. Значимые ценности: выбор 3 ценностей из 10 базовых, от которых участник исследования не откажется ни при каких, даже чрезвычайных обстоятельствах. 3. Отказные ценности: выбор 3-х ценностей, от которых участник исследования может отказаться. Проведен семантический анализ 10 словесных стимулов-ценностей и 10 визуальных стимулов-ценностей, соответствующих базовым, на предмет выявления их близости к истинному «Я», путем расчета евклидова расстояния. **Результаты.** Выделены ценностные ориентации курсантов второй и третьей категории профессиональной психологической годности, выявлены группы риска деформации ценностной сферы курсантов в диапазоне от низкого до умеренного. У группы курсантов, принадлежащих ко второй категории, доминируют такие ценности, как «созидательный труд», «традиционная семья», «уважение к предкам», так и «абсолютная свобода», «идти своим путем». У курсантов из группы третьей категории профессиональной психологической годности выявлены ценности «личные цели», «жизнь», «праздность», «единство народов».

Ключевые слова:

курсанты, профессиональная психологическая пригодность, профессионально-ценностные ориентации, адаптация, группа риска, амбивалентность ценностей, антисоциальные ценности

Финансирование:

Исследование выполнено в рамках государственного задания по теме «Разработка системы оценки социальной напряженности и риска социально-агрессивного поведения» (регистрационный номер: № 124020800065-6).

Для цитирования:

Кабанова Т. Н., Костина Е. В., Белицкая Д. В., Галанина Н. А. Особенности ценностно-смысловой сферы у курсантов Министерства внутренних дел Российской Федерации в зависимости от уровня профессиональной пригодности // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2026. № 2 (110). С. 295–304.

Статья поступила в редакцию 15.03.2026;
одобрена после рецензирования 04.05.2026;
принята к публикации 25.06.2026.

Original article

Features of the value-semantic sphere among cadets of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, depending on the category of professional psychological aptitude

Tatyana N. Kabanova¹, Cand. Sci. (Psy.)Elena V. Kostina²Daria V. Belitskaya³Nicole A. Galanina⁴

^{1,3,4} V. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology
23, Kropotkinsky lane, Moscow, 119034, Russian Federation

² Moscow University of the MIA of Russia named after V. Ya. Kikot
12, Akademika Volgina str., Moscow, 117437, Russian Federation

¹ tatianak0607@yandex.ru, ² kasatka1317@mail.ru, ³ belickaya.d@serbsky.ru, ⁴ nicole.galanina@yandex.ru

¹ <https://orcid.org/0000-0001-7834-053X>, ² <https://orcid.org/0000-0002-9741-1089>,

³ <https://orcid.org/0009-0001-3130-1469>, ⁴ <https://orcid.org/0009-0008-7169-8625>

Abstract:

Introduction. Value orientations act as a component of the semantic sphere of personality and form the basis of such key processes as socialisation, self-determination and professional identity. The practical and theoretical significance of the work consists in considering the value sphere of cadets as a component of adaptation to professional activity. **Materials and methods.** The total sample size was 122 cadets studying at the Moscow University of the MIA of Russia named after V. Ya. Kikot. The diagnostic complex included: a questionnaire consisting of a selection of 24 values: 12 social and 12 antisocial values (Bulygina V. G. and others, 2022). To analyse the situation the following blocks are used: 1) 10 basic values that the research participants adhere to; 2) significant values: choosing three out of 10 basic values that the research participant will not give up under any circumstances, even in extreme circumstances; 3) negative values: choosing three values that the research participant can give up. A semantic analysis of 10 verbal value stimuli and 10 visual value stimuli corresponding to the basic ones was carried out to identify their proximity to the true self by calculating the Euclidean distance. **Results.** The value orientations of the cadets of the second and third categories of professional psychological fitness are highlighted, the risk groups of deformation of the value sphere of the cadets within the range from low to moderate are identified. The group of cadets belonging to the second category is dominated by such values (and not only by them!) as "creative work", "traditional family", "respect for ancestors", but also "absolute freedom", "to go one's own way". The cadets from the group of the third category of professional psychological fitness revealed the values of "personal goals", "life", "idleness", "unity of peoples".

Keywords:

cadets, professional psychological fitness, professional value orientations, adaptation, risk group, ambivalence of values, antisocial values

Funding:

The study was carried out within the framework of the state assignment on the topic "Development of a system for assessing social tension and the risk of socially aggressive behavior" (registration number: No. 124020800065-6).

For citation:

Kabanova T. N., Kostina E. V., Belitskaya D. V., Galanina N. A. Features of the value-semantic sphere among cadets of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, depending on the category of professional psychological aptitude // Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia. 2026. № 2 (110). P. 295–304.

The article was submitted March 15, 2026;
approved after reviewing May 4, 2026;
accepted for publication June 25, 2026.

Введение

Формирование и развитие будущего офицера начинается в процессе обучения в военной образовательной организации высшего образования (далее – ООВО). Профессиональная подготовка, осуществляемая в этих образовательных учреждениях, предполагает не только приобретение необходимых для службы знаний и специальных компетенций, но и развитие профессионально-ценностных ориентаций [1]. Кроме того, с 9 ноября 2022 года вступил в силу Указ Президента Российской Федерации № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»¹.

¹ Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей : Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 (ред. от 04.03.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 46. Ст. 7977.

Кандидаты на службу, готовые к поступлению в ООВО, проходят профессиональный психологический отбор, определяющий психологическую пригодность на поступление, включающий оценку личных и деловых качеств кандидатов, необходимых для выполнения служебных обязанностей. Оцениваются в т. ч. уровень интеллектуального развития, эмоциональная устойчивость, работоспособность, внутренняя организованность, дисциплинированность, правосознание и нравственные убеждения, соблюдение норм общественной морали, особенности мотивационной сферы личности. Существует четыре категории профессиональной психологической пригодности: I категория (P1) (рекомендуется в первую очередь) – кандидаты имеют высокий уровень развития личных и деловых качеств; II категория (P2) (рекомендуется) – кандидаты имеют средний уровень развития личных и деловых качеств; III категория (P3) (рекомендуется условно) – кандидаты имеют уровень развития личных и деловых качеств ниже среднего; IV категория (P4) (не рекомендуется) – кандидаты имеют низкий уровень развития личных и деловых качеств.

По мнению некоторых авторов, при профессиональном психологическом отборе оцениваются текущие качества кандидата, необходимые в профессии. При этом игнорируются оценки потенциального уровня «готовности» к увольнению, которую исследователи предполагают проводить, исходя из результатов регулярной психологической диагностики сотрудников и дополняя оценку исследованием направленности профессиональной мотивации, отношения к будущему, уровня профессиональных и личных притязаний [2]. Такая оценка будет направлена на выявление в ценностной сфере сотрудников противоречий и внутренних конфликтов, создающих существенные трудности в адаптации к профессиональной среде. Не менее важна оценка предикторов длительности службы в зависимости от категории их профессиональной психологической пригодности в связи с большим процентом курсантов категорий пригодности P2 и P3 для своевременного проведения превентивных мероприятий по предотвращению увольнения в первые годы службы.

Опираясь на статистические данные о высоком проценте отчислений курсантов в первый-третий годы обучения, можно выдвинуть гипотезу о несоответствии внутреннего мира курсанта профессиональным ценностям, необходимым для службы в Министерстве внутренних дел Российской Федерации (далее – МВД России), в связи с чем у него возникают трудности с адаптацией к служебной деятельности. В научно-исследовательской работе Санкт-Петербургского университета МВД России отмечено, что из 26 905 специалистов, подготовленных для органов внутренних дел, по окончании обучения уволились 15 % молодых сотрудников². Проведенное в 2015 году исследование психологической готовности курсантов старших курсов военных ООВО к выполнению должностных обязанностей показало, что из 741 выпускника каждый двадцатый сомневается в своем выборе профессии [3].

На протяжении последних десятилетий проблема высокого процента увольнений сотрудников органов внутренних дел изучается в разных аспектах: адаптации выпускников [4; 5; 6], социально-психологического климата подразделений [7], готовности к освоению профессии; профессионального выгорания [8; 9; 10], ценностно-смысловой направленности личности и т. д.

Анализ исследований указывает на взаимосвязь ценностных ориентаций с адаптацией к учебно-служебной деятельности [11; 12].

Исследование Р. Р. Галиева (2023) показало, что ценностные ориентации курсантов ведомственной ООВО являются предикторами жизнестойкости. Ценностная сфера объединяет в себе профессиональные качества и готовность к выполнению своих обязанностей. Для кризисных и относительно стабильных периодов обучения характерен определенный набор ценностей, установок и мотивов, которые определяют эффективность профессиональной социализации [13].

Вышеупомянутые исследования показывают, что ценностные ориентации выступают компонентом смысловой сферы и лежат в основе таких ключевых процессов, как социализация, самоопределение и профессиональная идентичность [14; 15].

При этом следует отметить, что система ценностей молодых людей динамична и подвергается изменениям, в т. ч. из-за внешнего влияния. В исследовании О. В. Богомоловой выявлены особенности ценностных ориентаций курсантов учебных заведений системы МВД России на разных этапах обучения³. Если в начале службы в выборе ценностных приоритетов в основном преобладают индивидуализм и ориентация на материальное благополучие, то на старших курсах

² См.: Маюров Н. П., Потапов Ю. А., Юренкова В. А., Фомина Т. Ф. Комплексное исследование проблемы высокого уровня увольнений выпускников образовательных учреждений МВД России в течение первых 3-х лет службы : отчет о научно-исследовательской работе. Санкт-Петербург, 2009. 66 с.

³ Богомолова О. В. Особенности ценностных ориентаций курсантов учебных заведений МВД на разных этапах обучения // Научный аспект. 2023. Т. 4, № 8. С. 487–491.

учащиеся все более отождествляют себя с профессиональным коллективом военнослужащих, т. е. ориентир смещается на духовные ценности.

В связи с этим возникает вопрос о тех методах, которые следует применять администрациям ООВО системы МВД России для формирования адекватных ценностных ориентиров, необходимых для адаптации курсантов к профессиональной среде. Разработка эффективных методов требует более детального изучения ценностной сферы курсантов разных категорий профессиональной психологической пригодности. Несмотря на то, что ценностные ориентации не рассматриваются в качестве основополагающего критерия при оценке профессиональной пригодности будущих специалистов, однако они могут определять уровень готовности к осуществлению той или иной профессиональной деятельности и выполнять роль предиктора адаптации к профессиональной среде [16].

Целью данной работы является выделение особенностей ценностно-смысловой сферы у курсантов ООВО системы МВД России в зависимости от уровня профессиональной пригодности.

Общий объем выборки составил 122 курсанта, обучающихся на 2-м и 3-м курсах Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя: 92 мужчины (75,4 %) и 30 женщин (24,6 %). Преобладающий возраст выборки (116 чел.) – 16–20 лет; 6 человек – 21–30 лет. Обследуемые относились к категориям профессиональной пригодности Р1–Р3. Категорию Р1 представлял один человек, ввиду чего она была исключена из анализа. В категорию профессиональной пригодности Р2 вошли 87 человек (57 мужчин – 65,5 % и 30 женщин – 34,5 %); в категорию Р3 – 34 мужчины.

Методы исследования

В исследовании применялся опросник, состоящий из выбора 24 ценностей: 12 социальных и 12 антисоциальных ценностей (В. Г. Булыгина и др., 2022). Для анализа использованы блоки: 1) 10 базовых ценностей, которых придерживаются участники исследования; 2) значимые ценности: выбор трех ценностей из 10 базовых, от которых участник исследования не откажется ни при каких, даже чрезвычайных обстоятельствах; 3) отказные ценности: выбор трех ценностей, от которых участник исследования может отказаться.

Проведен семантический анализ 10 словесных стимулов-ценностей и 10 визуальных стимулов-ценностей, соответствующих базовым, для выявления их близости к истинному «Я» путем расчета евклидова расстояния.

Обработка полученных данных проводилась с использованием статистического пакета SPSS 26.0. Для статистического анализа применялись следующие критерии: критерий Колмогорова–Смирнова для проверки на нормальность распределения; Х-квадрат, U-критерий Манна – Уитни, описательная статистика.

Результаты исследования

На первом этапе было произведено распределение лиц категорий Р2, Р3 по группам риска деформации ценностной сферы (таблица 1).

Таблица 1

Распределение лиц различных категорий профессиональной пригодности по группам риска деформации ценностной системы

Table 1

Distribution of persons of different categories of professional aptitude by risk groups of value system deformation

Виды риска	Группа риска, количество человек	
	Р2 (% в группе)	Р3 (% в группе)
Низкий риск	37 (62,70)	22 (37,30)
Умеренный риск	29 (76,30)	9 (23,70)
Риск	21 (87,50)	3 (12,50)
Выраженный риск	—	—

Риск деформации ценностной системы был определен путем выявления соответствия каждого обследуемого списка из 4 критериев: а) декларативного (выбор ≥ 5 антисоциальных ценностей из списка 10 актуальных ценностей); б) поведенческого (выбор ≥ 2 антисоциальных ценностей из трех значимых); в) вербализованного (наличие ≥ 3 антисоциальных ценностей с евклидовым расстоянием $CD < 9,1$); г) аффективно-образного (наличие ≥ 3 антисоциальных ценностей с $CD < 12,1$). Соответствие обследуемого любому одному критерию – низкий риск; соответствие любым двум критериям – умеренный риск; любым трем критериям – риск; всем четырем критериям – выраженный риск.

Далее была определена средняя близость различных ценностей к «Я» на эмоционально-смысловом и содержательно-смысловом уровне в зависимости от категории профессиональной пригодности.

Наиболее близкими к «Я» обследуемых категории P2 на содержательно-смысловом уровне являются такие ценности, как «созидательный труд», «уважение к предкам», «личные цели», «коллективизм», «жизнь», «свободные отношения», «права и свободы человека», «жизнь одним моментом», «я – гражданин мира», «нравственные идеалы», «традиционная семья», «милосердие» – всего 12 ценностей, из которых восемь социальных и четыре антиценности.

На эмоционально-смысловом уровне наиболее близкими являются следующие ценности: «уважение к предкам», «коллективизм», «жизнь одним моментом», «достоинство», «праздность», «идти своим путем и не быть должным никому», «традиционная семья», «абсолютная свобода» – всего восемь ценностей, из которых четыре социальных и четыре антиценности (рисунок 1).

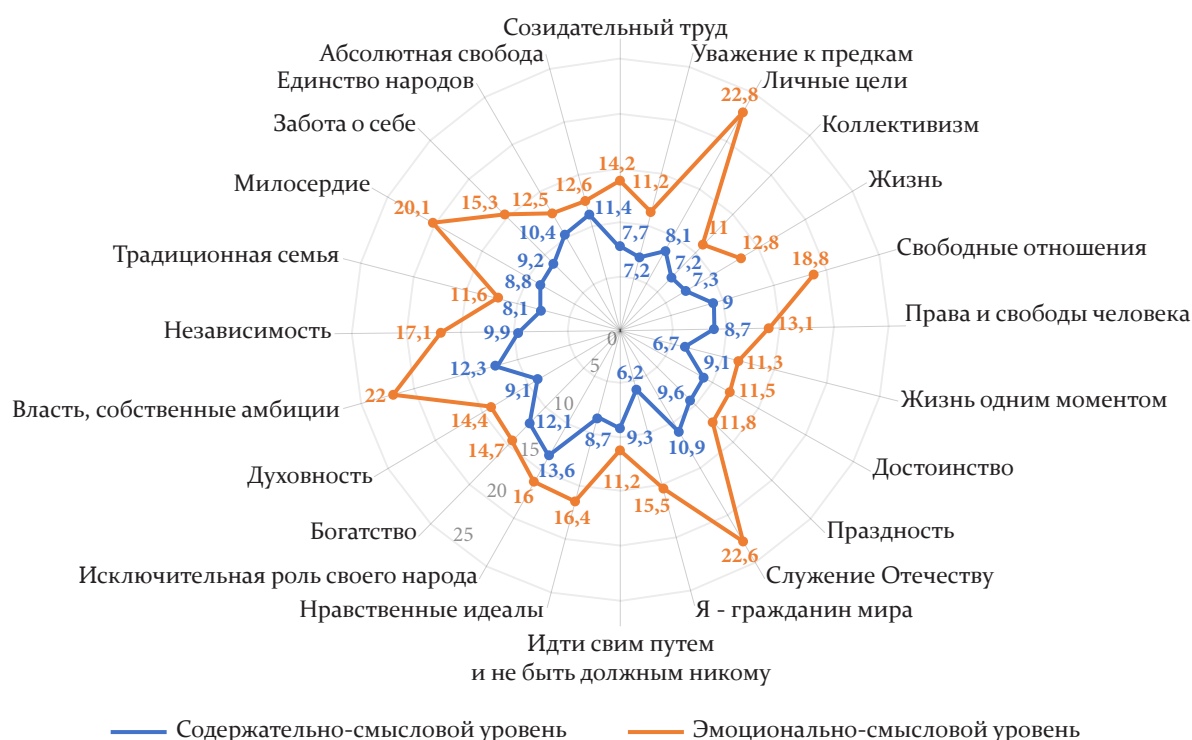


Рисунок 1. Близость ценностей к «Я»
на содержательно-смысловом и эмоционально-смысловом уровне
(категория профессиональной пригодности P2)
Figure 1. Proximity of values to the "I" at the content-semantic
and emotional-semantic level
(professional aptitude category P2)

У обследуемых категории профессиональной пригодности P3 наиболее близкими к «Я» на содержательно-смысловом уровне являются такие ценности, как «личные цели», «жизнь» – всего две ценности, из которых одна социальная и одна антиценность. На эмоционально-смысловом уровне наиболее близкой к «Я» ценностью является «единство народов» – единственная социальная ценность (рисунок 2).

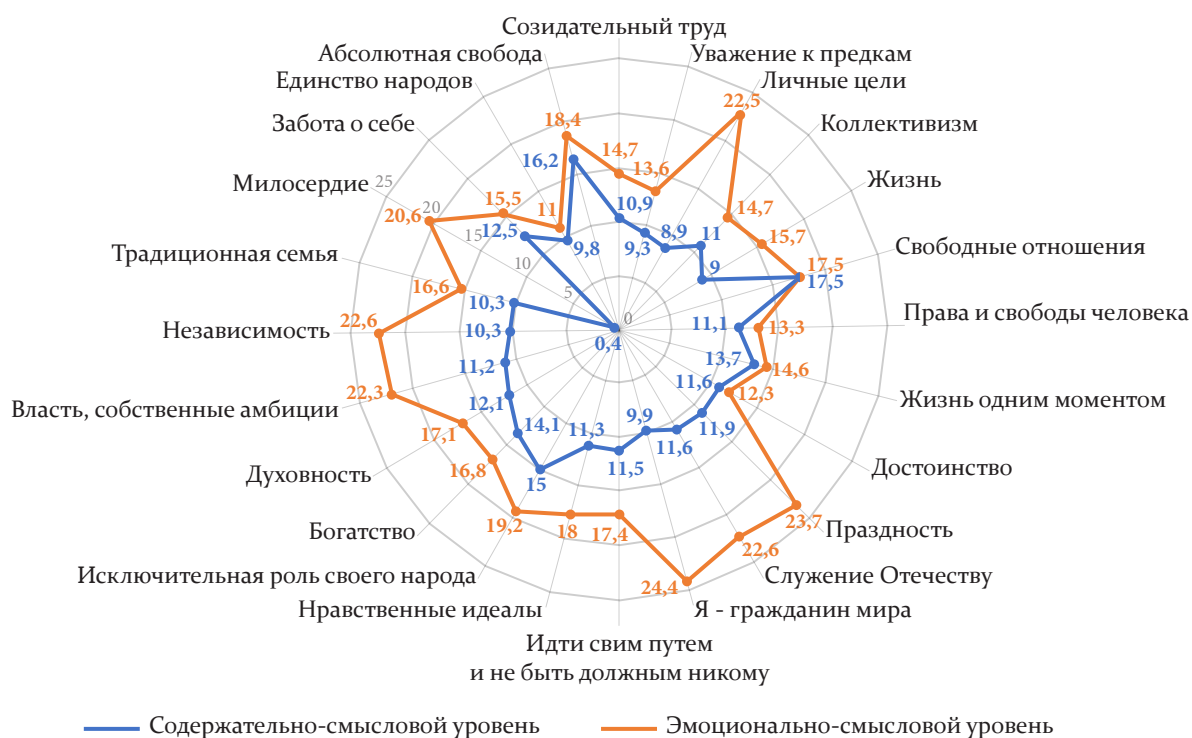


Рисунок 2. Близость ценностей к «Я»
на содержательно-смысловом и эмоционально-смысловом уровне
(категория профессиональной пригодности P3)
Figure 2. Proximity of values to the "I" at the content-semantic
and emotional-semantic levels (professional aptitude category P3)

В зависимости от категории профессиональной пригодности были выявлены различия в близости ценностей к «Я» на содержательно-смысловом и эмоционально-смысловом уровне.

На содержательно-смысловом уровне «ценность традиционной семьи» ($p = 0,04$) и «духовность» ($p = 0,05$) ближе к «Я» обследуемых с категорией профессиональной пригодности P2, чем обследуемых с категорией пригодности P3.

На эмоционально-смысловом уровне ценность «идти своим путем и не быть должным никому» ближе к «Я» на эмоционально-смысловом уровне у обследуемых с категорией профессиональной пригодности P2 ($p = 0,02$) (таблица 2).

Таблица 2

Близость ценностей к «Я» у курсантов
с разной категорией профессиональной пригодности

Table 2

Affinity of values to "I" among cadets with different categories
of professional aptitude

Уровень	Ценности	M(Sd), P ₂ / P ₃	Уровень значимости
Однофакторный дисперсионный анализ			
Содержательно-смысловой	Традиционная семья	8,10(4,19) / 10,29(4,08)	0,04
Эмоционально-смысловой	Идти своим путем и не быть должным никому	11,15(5,24) / 17,39(8,53)	0,02
Критерий Манна-Уитни			
	Духовность	9,09(5,23) / 12,06/5,20	0,05

Далее были определены различия в частоте выбора ценностей в зависимости от категории профессиональной пригодности. Обследуемые с категорией профессиональной пригодности P2 значимо чаще выбирают ценность «абсолютная свобода», отказываются от выбранной

ценности «нравственные идеалы» и выбирают в качестве значимой ценности «идти своим путем и не быть должным никому». Обследуемые с категорией профессиональной пригодности РЗ значимо чаще выбирают ценность «праздность», отказываются от данной ценности и выбирают в качестве значимой ценность «абсолютная свобода» (таблица 3).

Таблица 3

Сравнение частоты выбора базовых, значимых и отказных ценностей курсантами с различной категорией профессиональной пригодности

Table 3

Comparison of the frequency of choice of basic, significant and negative values by cadets with different categories of professional aptitude

Вид ценностей	Ценности	M(Sd), P ₂ / P ₃	Уровень значимости / значение X-квадрат
Базовые ценности	Праздность	0,01(0,11) / 0,09(0,29)	0,00 / 27,3
	Абсолютная свобода	0,06(0,23) / 0,09(0,29)	0,00 / 13,0
Отказные ценности	Праздность	0,01(0,11) / 0,06(0,24)	0,00 / 31,5
	Нравственные идеалы	0,15(0,36) / 0,09(0,29)	0,03 / 7,0
Значимые ценности	Идти своим путем	0,05(0,21) / 0,03(0,17)	0,00 / 19,6
	Абсолютная свобода	0,00(0,00) / 0,09(0,29)	0,00 / 35,7

Обсуждение результатов

Согласно полученным результатам исследования у большинства курсантов категорий профессиональной пригодности Р2 и Р3 риск деформации ценностной системы находится в диапазоне от низкого до умеренного, выраженного риска деформации ценностной сферы выявлено не было, что указывает на относительную сохранность ценностной сферы курсантов. При этом группа «риск» выше в категории профессиональной пригодности Р2, чем в Р3 (таблица 1).

Ценности курсантов категории Р2, наиболее близкие к «Я», сочетают социальные ценности и антиценности как на содержательно-смысловом, так и на эмоционально-смысловом уровне. Для категории профессиональной пригодности Р2 к «Я» ближе такие социально одобряемые ценности, как «созидательный труд», «уважение к предкам», «традиционная семья», «милосердие». Одновременно курсанты выбирают такие антиценности, как «свободные отношения», «жизнь одним моментом», «абсолютная свобода», «идти своим путем». Подобная амбивалентность может означать, что курсанты признают коллективные и общепринятые ценности, но сохраняют свои индивидуалистические устремления. Это согласуется с предыдущими исследованиями [17; 18]. На этапе адаптации курсантов к профессиональной деятельности типичен конфликт социально приемлемых ценностей, необходимых для выполнения служебной деятельности, с личными мотивами, характерными в большей степени для гражданских лиц, что может свидетельствовать о так называемой модификации мировоззрений курсантов. Согласно многочисленным исследованиям, структура ценностей меняется у курсантов на протяжении всего обучения в ООВО, и большое влияние на ее формирование оказывает профессионально-образовательная среда, что диктует необходимость психологического сопровождения коррекционного воздействия [15].

У курсантов категории профессиональной пригодности Р3 круг ценностей, наиболее близких к «Я», гораздо уже. Так, на содержательно-смысловом уровне антиценность представлена «личными целями», а социально приемлемая ценность – «жизнь». На эмоционально-смысловом уровне выделяется ценность «единство народов». Такое сужение ценностной сферы курсантов третьей категории годности может указывать на приоритет базовых нужд над сложными социальными конструктами [19], что свидетельствует о низкой профессиональной направленности, выражающейся в отсутствии устойчивой мотивации к профессиональной деятельности, преобладании мотивов, направленных на удовлетворение личных потребностей, и затрудненном процессе адаптации. Таким образом, профессиональные мотивы, отношение к избранной профессии активно воздействуют на ход и результат процесса адаптации в ООВО [20].

Сравнение ценностей курсантов категорий Р2 и Р3 подчеркивает различия в их социально-психологической зрелости и адаптации к службе. Курсантам категории Р2 содержательно ближе «традиционная семья» и «духовность», чем курсантам категории Р3, что означает опору

на нравственные и коллективные нормы, способствующие стабильности в профессиональной среде. Такие ценности менее выражены у курсантов категории Р3, что согласуется с их ограниченной профессиональной пригодностью [16]. Одновременно на эмоционально-смысловом уровне курсантам категории Р2 ближе ценность «идти своим путем и не быть должным никому» (таблица 2), что отражает тенденцию к индивидуализму и потенциальному сопротивлению внешнему контролю и актуально для военной среды с жесткими требованиями выполнения устава [21; 22].

Анализ частоты выбора отдельных ценностей показывает различия в том, как курсанты разных категорий «распределяют» социально одобряемые ценности и антисоциальные ценности между базовыми, значимыми и отказными (таблица 3). Курсантам категории Р2 более свойственно выбирать «абсолютную свободу», отказываться от «нравственных идеалов» и выделять как значимую ценность «идти своим путем и не быть должным никому», что отражает внутренний конфликт между профессиональными требованиями и стремлением к личной автономии. Такая амбивалентность создает риск нестабильности мотивации в условиях дисциплинарного контроля, обусловленного профессиональной деятельностью, что может привести к так называемому кризису – несоответствию внутренних установок курсанта реальным требованиям. Для курсантов категории Р3 более характерен выбор «праздности» как базовой ценности и одновременно отказ от нее, а также выбор «абсолютной свободы» в качестве значимой, что также может говорить о снижении мотивации пребывания в данной профессиональной среде и свидетельствовать о низком уровне ценностной интеграции и слабой готовности к профессиональным стрессорам.

Таким образом, результаты настоящего исследования позволяют говорить о неоднородности ценностно-смысловой сферы у курсантов МВД в зависимости от уровня профессиональной психологической пригодности, несмотря на то, что исследование проводилось внутри относительно однородной по возрасту и профессиональному статусу выборки курсантов. При видимом приоритете выбора социальных ценностей («традиционная семья», «духовность», «уважение к предкам», «коллективизм»), обе категории курсантов выбирают антисоциальные ценности, отражающие гедонистически-индивидуалистические установки («праздность», «абсолютная свобода», «жить одним моментом»), что требует системного психологического мониторинга с профилактическими мероприятиями и создает потенциальный риск увольнения в первые годы службы.

3 заключение

Исследование показало, что у большинства курсантов категорий профессиональной пригодности Р2 и Р3 риск деформации ценностной сферы находится в диапазоне от низкого до умеренного, что свидетельствует о сохранности ценностной сферы в однородной по возрасту и статусу выборке. Однако у обследованных выявлены различия в зависимости от категории профессиональной пригодности. У курсантов, входящих во вторую категорию профессиональной пригодности, прослеживается большая амбивалентность ценностей, означающая конфликт между профессиональными требованиями и личными установками, что повышает «риск» деформации ценностной сферы. Курсанты второй категории годности демонстрируют амбивалентность ценностей, близких к «Я» – сочетание социальных норм («созидательный труд», «традиционная семья», «уважение к предкам») с антиценностями («абсолютная свобода», «идти своим путем»), отражающее возможное стремление к автономии и неприятие дисциплинарных ограничений, требующее профилактики.

У курсантов третьей категории профессиональной пригодности ценностный круг ограничен и представлен следующими ценностями: «личные цели», «жизнь», «единство народов» с одновременным выбором ценности «праздность», от которой курсанты готовы отказаться.

Сравнение выявило неоднородность ценностно-смысловой сферы курсантов различных категорий годности: курсанты, входящие во вторую категорию профессиональной годности, ближе к нравственным опорам на содержательно-смысловом уровне, но на эмоционально-смысловом уровне предпочитают автономию. Обе категории сочетают социальные ценности с антиценностями, что представляет собой скрытый потенциал деформации ценностно-смысловой сферы и потенциальный риск досрочного увольнения.

Таким образом, ценностная сфера курсантов требует целенаправленной диагностики для обеспечения успешной адаптации к условиям служебной деятельности.

Ограничения настоящего исследования

В настоящем исследовании не учитывался фактор пола как независимая переменная. В выборке преобладали мужчины: общий объем выборки составил 122 курсанта, из них 92 мужчины (75,4 %) и 30 женщин (24,6 %). Категория Р2 включала 30 женщин (34,5 % от 87 человек), в то время как категория Р3 состояла исключительно из 34 мужчин. Превалирование мужского пола над женским обусловлено спецификой учебного заведения.

Список источников

1. Самойлик Н. А. Изучение взаимосвязи профессионально-ценностных ориентаций и волевых качеств курсантов образовательных организаций ФСИН России // Психология и право : [электронное издание]. 2021. Т. 11, № 1. С. 63–76. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2021110106>
2. Костина Е. В. Динамика ценностей, жизненных планов и способов самопомощи в ценностно-мотивационной сфере личности обучающихся образовательных организаций МВД России // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 6. С. 308–317. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-6-308-317>
3. Чекунов А. А., Алексеев К. А. Профессиональная надежность курсантов военных вузов: к постановке проблемы // Мир науки : [сетевое издание]. 2018. Т. 6, № 5. С. 68. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/06PSMN518.pdf>.
4. Хорошавина Е. А. Психологический анализ трудностей адаптации слушателей вуза (на примере ИФ ЮИ МВД России) // Психопедагогика в правоохранительных органах. 1996. № 1 (3). С. 52–55.
5. Кудрявцев А. Н. Профессиональная адаптация выпускника военного вуза // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. 2015. № 2. С. 113–117.
6. Фатихова Н. В. Социологическая оценка текучести кадров ОВД РТ и пути укрепления кадрового потенциала // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2010. № 2. С. 25–31
7. Лукьянчикова М. Ю. Исследование социально-психологического климата коллектива сотрудников правоохранительных органов // Правоведник. 2018. № 3 (5). С. 15–17.
8. Орел В. Е. Исследование феномена психического выгорания в отечественной и зарубежной психологии // Проблемы общей и организационной психологии : сборник научных трудов [Посвящен 60-летию юбилею В. Д. Шадрикова] / под ред. А. В. Карпова. Ярославль : Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, 1999. С. 76–97.
9. Боянов В. С., Капустина Т. В. Эмоциональное выгорание как элемент профессиональной деформации личности в контексте профессионального кризиса // Личность в экстремальных условиях и кризисных ситуациях жизнедеятельности. 2020. № 10. С. 14–21.
10. Жидкова О. А. Психологическая оценка профессионального выгорания сотрудников патрульно-постовой службы полиции в период профессиональной адаптации // Вестник Самарского юридического института. 2021. № 4 (45). С. 113–120. <https://doi.org/10.37523/SUI.2021.45.4.017>
11. Отраднова А. С., Канунников Р. И. Роль ценностно-смысловых и смысловых ориентаций в процессе адаптации курсантов к учебно-служебной деятельности в образовательных организациях МВД России // Психолого-педагогический поиск. 2022. № 3 (63). С. 129–138. <https://doi.org/10.37724/RSU.2022.3.63.013>.
12. Деева Н. А., Лампаров С. С. Личностные метаресурсы и их взаимосвязь с социально одобряемыми саморегулятивными тенденциями у сотрудников органов внутренних дел. // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 8. С. 278–286. <https://doi.org/10.24411/2073-0454-2020-10498>
13. Галиев Р. Р. Ценностные ориентации как предикторы жизнестойкости курсантов военного вуза // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета : [электронное издание]. 2023. № 1 (65). URL: https://api-mag.kursksu.ru/api/v1/get_pdf/4774.
14. Кипреев С. Н., Передерий В. А., Глущенко О. П. Характеристика ценностных и смысловых ориентаций курсантов образовательных организаций МВД России // Научно-методический электронный журнал «Концепт» : [электронное издание]. 2024. № 10. С. 1–12. <https://doi.org/10.24412/2304-120X-2024-11151>
15. Кротова М. Н. Личностные факторы психологической адаптации курсантов военного вуза // Ярославский педагогический вестник. 2019. № 5 (110). С. 127–134. <https://doi.org/10.24411/1813-145X-2019-10531>
16. Косицын Ф. Г. К вопросу о ценностных основаниях воинского служения курсантов военных вузов Министерства обороны Российской Федерации // Вестник адъюнкта : [электронное издание]. 2021. № 1 (11). С. 13. URL: <http://www.vestnik-adyunkta.ru/soderzhanie-zhurnala/arkhiv-vypuskov/8-vestnik/264-vypusk-1-za-2021-god>.
17. Проничева М. М., Кабанова Т. Н., Баженова Д. А. Возрастная специфика индивидуально-психологических характеристик и ценностных ориентаций курсантов Юнармии // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2025. Т. 25, № 3. С. 196–203. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2025-25-3-196-203>
18. Кисель А. Ю. Особенности профессионально-психологического отбора военнослужащих срочной военной службы // Молодой ученый : [электронное издание]. 2015. № 2 (82). С. 450–455. URL: <https://moluch.ru/archive/82/14922>.
19. Штепо Д. В., Доманский В. А. Ценностные ориентации курсантов военных институтов: мониторинг и пути их развития // Педагогический журнал. 2022. Т. 12, № 2-1. С. 681–691. <https://doi.org/10.34670/AR.2022.42.52.046>
20. Лукинова М. Г., Щербакова Е. А. Профессионально важные качества курсантов третьего года обучения: структура личностных качеств // Южно-российский журнал социальных наук. 2019. Т. 20, № 1. С. 152–164. <https://doi.org/10.31429/26190567-20-1-152-164>
21. Бондарук А. Ф. Система ценностных ориентаций курсантов в процессе социально-психологической адаптации к условиям обучения // Современные проблемы науки и образования : [сетевое издание]. 2014. № 4. С. 581. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=13984>.
22. Голянич В. М., Бондарук А. Ф., Хоذاковская О. В. Ценностно-интенциональные механизмы и стратегии социально-психологической адаптации юношей к условиям военно-образовательной среды // Социальная психология и общество. 2023. Т. 14, № 2. С. 169–192. <https://doi.org/10.17759/sps.2023140211>

References

1. Samojlik N. A. Izuchenie vzaimosvyazi professional'no-cennostnyh orientacij i volevyh kachestv kursantov obrazovatel'nyh organizacij FSIN Rossii // Psihologiya i pravo : [elektronnoe izdanie]. 2021. T. 11, № 1. С. 63–76. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2021110106>
2. Kostina E. V. Dinamika cennostej, zhiznennyh planov i sposobov samopomoshchi v cennostno-motivacionnoj sfere lichnosti obuchayushchihsya obrazovatel'nyh organizacij MVD Rossii // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2023. № 6. S. 308–317. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-6-308-317>
3. Chekunov A. A., Alekseev K. A. Professional'naya nadezhnost' kursantov voennyh vuzov: k postanovke problemy // Mir nauki : [setevoe izdanie]. 2018. T. 6, № 5. S. 68. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/06PSMN518.pdf>.
4. Horoshavina E. A. Psihologicheskij analiz trudnostej adaptacii slushatelej vuza (na primere IF YuI MVD Rossii) // Psihopedagogika v pravoohranitel'nyh organah. 1996. № 1 (3). S. 52–55.
5. Kudryavcev A. N. Professional'naya adaptaciya vypusknika voennogo vuza // Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Sociologiya. Ekonomika. Politika. 2015. № 2. S. 113–117.
6. Fatihova N. V. Sociologicheskaya ocenka tekuchesti kadrov OVD RT i puti ukrepleniya kadrovogo potentsiala // Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2010. № 2. S. 25–31
7. Luk'yanchikova M. Yu. Issledovanie social'no-psihologicheskogo klimata kollektiva sotrudnikov pravoohranitel'nyh organov // Pravovestnik. 2018. № 3 (5). S. 15–17.
8. Orel V. E. Issledovanie fenomena psihicheskogo vygoraniya v otechestvennoj i zarubezhnoj psihologii // Problemy obshchej i organizacionnoj psihologii : sbornik nauchnyh trudov [Posvyashchen 60-letnemu yubileyu V. D. Shadrikova] / pod red. A. V. Karpova. Yaroslavl' : Yaroslavskij gosudarstvennyj universitet im. P. G. Demidova, 1999. S. 76–97.
9. Boyanov V. S., Kapustina T. V. Emocional'noe vygoranie kak element professional'noj deformacii lichnosti v kontekste professional'nogo krizisa // Lichnost' v ekstremal'nyh usloviyah i krizisnyh situacijah zhiznedeyatel'nosti. 2020. № 10. S. 14–21.
10. Zhidkova O. A. Psihologicheskaya ocenka professional'nogo vygoraniya sotrudnikov patrol'no-postovoj sluzhby policii v period professional'noj adaptacii // Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta. 2021. № 4 (45). S. 113–120. <https://doi.org/10.37523/SUI.2021.45.4.017>
11. Otradnova A. S., Kanunnikov R. I. Rol' cennostno-smyslovyyh i smyslozhiznennyh orientacij v processe adaptacii kursantov k uchebno-sluzhebnoj deyatel'nosti v obrazovatel'nyh organizacijah MVD Rossii // Psihologo-pedagogicheskij poisk. 2022. № 3 (63). S. 129–138. <https://doi.org/10.37724/RSU.2022.3.63.013>.
12. Deeva N. A., Lamparov S. S. Lichnostnye metaresursy i ih vzaimosvyaz' s social'no odobryaemymi samoregulyativnymi tendenciyami u sotrudnikov organov vnutrennih del. // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2020. № 8. S. 278–286. <https://doi.org/10.24411/2073-0454-2020-10498>
13. Galiev R. R. Cennostnye orientacii kak prediktory zhiznestojkosti kursantov voennogo vuza // Uchenye zapiski. Elektronnyj nauchnyj zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta : [elektronnoe izdanie]. 2023. № 1 (65). URL: https://api-mag.kursksu.ru/api/v1/get_pdf/4774.
14. Kipreev S. N., Perederij V. A., Glushchenko O. P. Harakteristika cennostnyh i smyslozhiznennyh orientacij kursantov obrazovatel'nyh organizacij MVD Rossii // Nauchno-metodicheskij elektronnyj zhurnal «Koncept» : [elektronnoe izdanie]. 2024. № 10. S. 1–12. <https://doi.org/10.24412/2304-120X-2024-11151>
15. Krotova M. N. Lichnostnye faktory psihologicheskoy adaptacii kursantov voennogo vuza // Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik. 2019. № 5 (110). S. 127–134. <https://doi.org/10.24411/1813-145X-2019-10531>
16. Kosicyn F. G. K voprosu o cennostnyh osnovaniyah voinskogo sluzheniya kursantov voennyh vuzov Ministerstva oborony Rossijskoj Federacii // Vestnik ad'yunkta : [elektronnoe izdanie]. 2021. № 1 (11). S. 13. URL: <http://www.vestnik-adyunkta.ru/soderzhanie-zhurnala/arkhiv-vypuskov/8-vestnik/264-vypusk-1-za-2021-god>.
17. Pronicheva M. M., Kabanova T. N., Bazhenova D. A. Vozrastnaya specifika individual'no-psihologicheskikh harakteristik i cennostnyh orientacij kursantov Yunarmii // Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filosofiya. Psihologiya. Pedagogika. 2025. T. 25, № 3. S. 196–203. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2025-25-3-196-203>
18. Kisel' A. Yu. Osobennosti professional'no-psihologicheskogo otbora voennosluzhashchih strochnoj voennoj sluzhby // Molodoj uchenyj : [elektronnoe izdanie]. 2015. № 2 (82). S. 450–455. URL: <https://moluch.ru/archive/82/14922>.
19. Shtepo D. V., Domanskij V. A. Cennostnye orientacii kursantov voennyh institutov: monitoring i puti ih razvitiya // Pedagogicheskij zhurnal. 2022. T. 12, № 2-1. S. 681–691. <https://doi.org/10.34670/AR.2022.42.52.046>
20. Lukinova M. G., Shcherbakova E. A. Professional'no vazhnye kachestva kursantov tret'ego goda obucheniya: struktura lichnostnyh kachestv // Yuzhno-rossijskij zhurnal social'nyh nauk. 2019. T. 20, № 1. S. 152–164. <https://doi.org/10.31429/26190567-20-1-152-164>
21. Bondaruk A. F. Sistema cennostnyh orientacij kursantov v processe social'no-psihologicheskoy adaptacii k usloviyam obucheniya // Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya : [setevoe izdanie]. 2014. № 4. S. 581. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=13984>.
22. Golyanich V. M., Bondaruk A. F., Hodakovskaya O. V. Cennostno-intencional'nye mekhanizmy i strategii social'no-psihologicheskoy adaptacii yunoshek k usloviyam voenno-obrazovatel'noj sredy // Social'naya psihologiya i obshchestvo. 2023. T. 14, № 2. С. 169–192. <https://doi.org/10.17759/sps.2023140211>

Авторами внесен равный вклад в написание статьи.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors have made an equal contribution to the writing of the article.
The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья
УДК 159.9.07

Опыт столкновения с агрессивным поведением учащихся у педагогов с разным уровнем мотивации к профессиональной деятельности

Артур Александрович Реан¹, доктор психологических наук, профессор, академик Российской академии образования

Анна Викторовна Егорова², кандидат психологических наук

Иван Александрович Коновалов³, кандидат психологических наук

¹⁻³ Московский педагогический государственный университет

Москва (119435, ул. Малая Пироговская, д. 1, стр. 1), Российская Федерация

¹ profrean@yandex.ru, ² egrvan18@gmail.com, ³ iv.kononov@yandex.ru

¹ <https://orcid.org/0000-0002-1107-9530>, ² <https://orcid.org/0000-0003-3502-9551>,

³ <https://orcid.org/0000-0002-0982-5813>

Аннотация:

Введение. Статья посвящена теме мотивации педагогов и роли ее специфики в оценке опыта столкновения с агрессией со стороны учащихся. **Методы.** Выборку респондентов составили 5307 педагогов (94 % – женщины, средний возраст респондентов 44,6 (SD = 11,7)). Мотивация была оценена с помощью методики К. Замфир «Мотивация профессиональной деятельности (в модификации А. А. Реана). Научным коллективом А. А. Реана была разработана комплексная анкета, направленная на оценку представлений педагогов о воспитании и проблемном поведении учащихся. В настоящей статье представлен анализ ответов на вопрос «За время своей профессиональной деятельности как часто вы сталкивались со следующими проявлениями агрессивного поведения со стороны учеников по отношению к Вам» (14 утверждений). Анализ данных включал следующие методы: метод главных компонент, корреляционный анализ (метод Пирсона), сравнение средних (t-критерий) с последующим подсчетом размера эффекта (d Козна). **Результаты.** В работе показано наличие значимых отрицательных взаимосвязей между внутренней мотивацией педагогов и оценкой их столкновения с различными проявлениями агрессивности со стороны учащихся. Описаны различия в специфике оценки столкновения с агрессией со стороны учащихся в контексте выраженности различных типов профессиональной мотивации педагога.

Ключевые слова:

мотивация, агрессия, девиантность, асоциальность педагога, социальная перцепция

Для цитирования:

Реан А. А., Егорова А. В., Коновалов И. А. Опыт столкновения с агрессивным поведением учащихся у педагогов с разным уровнем мотивации к профессиональной деятельности // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2026. № 2 (110). С. 305–320.

Статья поступила в редакцию 03.03.2026; одобрена после рецензирования 15.04.2026; принята к публикации 25.06.2026.

Original article

Experiences of aggressive behavior of students among educators with different levels of motivation for professional activity

Artur A. Rean¹, Doc. Sci. (Psy.), Professor, Academician of Russian Academy of Education

Anna V. Egorova², Cand. Sci. (Psy.)

Ivan A. Kononov³, Cand. Sci. (Psy.)

¹⁻³ Moscow Pedagogical State University

1, build. 1, Malaya Pirogovskaya str., Moscow, 119435, Russian Federation

¹ profrean@yandex.ru, ² egrvan18@gmail.com, ³ iv.kononov@yandex.ru

¹ <https://orcid.org/0000-0002-1107-9530>, ² <https://orcid.org/0000-0003-3502-9551>,

³ <https://orcid.org/0000-0002-0982-5813>

© Реан А. А., Егорова А. В., Коновалов И. А., 2026



Abstract:

Introduction. The article is devoted to the problem of teachers' motivation and the role of its specific characteristics in assessing experiences of aggression from students. **Methods.** The sample comprised 5307 teachers (94 % women, mean age – 44,6 (SD = 11,7)). Motivation was assessed using K. Zamfir's "Motivation for Professional Activity" methodology (as modified by A. A. Rean). A comprehensive questionnaire was developed by the research team of A. A. Rean, aimed at assessing teachers' views on education and problem behaviour among students. The article presents the analysis of responses to the question: "During your professional career, how often have you encountered the following manifestations of aggressive behaviour from students towards you" (14 statements). The data analysis included the following methods: principal component analysis, correlation analysis (Pearson's method), comparison of means (t-test) followed by calculation of the effect size (Cohen's d). **Results.** The study demonstrates the presence of significant negative correlations between teachers' intrinsic motivation and their assessment of encounters with various manifestations of aggression on the part of students. Differences are described in the specifics of assessing encounters with aggression on the part of students in the context of the intensity of various types of teachers' professional motivation.

Keywords:

motivation, aggression, deviation, asociality, teachers, social perception

For citation:

Rean A. A., Egorova A. V., Kononov I. A. Experiences of aggressive behavior of students among educators with different levels of motivation for professional activity // Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia. 2026. № 2 (110). P. 305–320.

The article was submitted March 3, 2026;
approved after reviewing April 15, 2026;
accepted for publication June 25, 2026.

Введение

Педагогическая деятельность является одной из самых стрессогенных профессий, в которой встреча педагога с агрессивными проявлениями учащихся становится вызовом современной реальности и требует от него особых навыков и ресурсов совладания. В ранее проведенных нами исследованиях неоднократно отмечалось, что подростковая агрессия в отношении педагогов представляет собой одну из наиболее острых и социально значимых проблем современной образовательной среды [1; 2]. При этом распространенность данного явления фиксируется не только в СМИ и социальных медиа, но и становится предметом научных исследований по всему миру. Подобные деструктивные тенденции со стороны учащихся могут оказывать негативное воздействие на реализацию педагогом воспитательных и образовательных целей. В современных исследованиях отмечается, что столкновение педагога с агрессией со стороны учащихся сказывается на эмоциональном состоянии педагога, мотивации и качестве образования в целом [1]. Это также подтверждается данными научных исследований, которые свидетельствуют о прямой связи как между самооэффективностью учителя и успеваемостью учащихся [3], так и между профессиональной мотивацией педагога и учебной мотивацией школьников [4; 5]. Кроме того, профессиональная компетентность педагога является одним из наиболее сильных предикторов образовательных результатов учащихся [6], а восприятие учащимися компетентности учителя положительно связано с их поведением на уроках [7]. В связи с этим особую значимость и интерес представляет исследование внутренних ресурсов педагогов. Одним из ключевых внутренних ресурсов, определяющих профессиональную устойчивость и эффективность педагога, выступает мотивация к профессиональной деятельности.

Акцентируя внимание на высокой значимости мотивации в педагогическом общении и деятельности А. А. Реан отмечает: «Никакое эффективное взаимодействие, в том числе и социально-педагогическое взаимодействие с ребенком, подростком, юношей, невозможно без учета особенностей мотивации личности» [8, с. 87]. В указанной работе разделены понятия мотива (внутреннее побуждение личности к некоторому виду деятельности, удовлетворяющее ту или иную потребность) и мотивационной сферы личности (совокупность стойких мотивов, имеющих определенную иерархию и выражающих направленность личности) [8, с. 88]. При этом мотивы делятся на внутренние (связанные со значимостью деятельности) и внешние (связанные с социальным престижем, зарплатой и т. д.). Оптимальным является мотивационный комплекс с доминированием внутренней и внешней положительной мотивации при низком весе внешней отрицательной. Такой профиль, как показывают результаты эмпирических исследований, коррелирует с более высокой удовлетворенностью профессией и меньшей эмоциональной нестабильностью педагога. Напротив, доминирование внешней отрицательной мотивации, основанной на избегании неудач и порицания, коррелирует с повышенным уровнем эмоциональной нестабильности [8].

В современном научном дискурсе множество исследований, посвященных профессиональной мотивации педагогов. Так, в исследовании Н. П. Катунин и др. показано, что молодые педагоги имеют мотивационный профиль, в котором доминируют внешние факторы, такие как материальный доход и интерес к работе, при этом для большинства респондентов характерен средний или умеренно высокий уровень мотивации достижения [9]. Установлено также, что

молодые педагоги характеризуются преобладанием направленности на задачи (т. е. преобладание мотива, связанного со значимостью деятельности) и на взаимодействия (т. е. преобладание мотива, связанного с совместной деятельностью, потребностью в общении) [10]. Также было показано, что в начале своей карьеры педагогам свойственен высокий волевой контроль, при наличии склонности к избеганию решений в конфликтных ситуациях [11]. По мере накопления профессионального опыта мотивационный профиль педагогов меняется: у педагогов со стажем более 15 лет отмечается снижение как внутренней, так и внешней отрицательной мотивации, при этом растет личностная направленность (преобладание мотивов, направленных на собственное благополучие), а ориентация на задачу и взаимодействие ослабевает [10]. В другом исследовании было показано, что сильная ориентация на экономические факторы и карьерный рост коррелирует с риском эмоционального истощения [12]. Что касается личностных характеристик, то по мере накопления опыта у педагогов развивается профессиональная компетентность, когнитивная гибкость и способность к проактивным действиям в конфликтах [11]. С опытом также повышается уровень критического мышления и растет любовь к учению, однако наблюдается и спад выраженности таких личностных качеств, как любопытство, юмор и оптимизм, что коррелирует с риском эмоционального истощения и указывает на профессиональную деформацию [13]. Э. Ф. Зеер и А. А. Коновалов отмечают, что эффективность профессиональной деятельности тесно связана с личностным портретом педагога, где ключевыми положительными качествами выступают лабильность (психическая подвижность) и стрессоустойчивость, а негативными – тревожность и ригидность [14]. Таким образом, анализ современных исследований позволяет сделать вывод о том, что мотивационные и компетентностные характеристики педагога выступают значимыми факторами, опосредующими возможности педагога выстраивать взаимодействие в классе и эффективно выполнять образовательные и воспитательные задачи.

Несмотря на обширный массив данных научных исследований, посвященных отдельно проблемам подростковой агрессии и профессиональной мотивации педагогов, в научном дискурсе остается недостаточно изученным вопрос о взаимосвязи между опытом столкновения педагога с агрессией учащихся (в частности, субъективной оценкой частоты столкновения) и его мотивационным комплексом. Выявление этих взаимосвязей имеет не только теоретическую значимость для понимания механизмов профессиональной адаптации и эффективной реализации педагогической деятельности, но и практическую ценность для разработки дифференцированных программ психологического сопровождения, направленных на сохранение и поддержание психического здоровья педагогических кадров в условиях возрастающих социальных вызовов.

Методы

Описание выборки

Выборку респондентов составили 5307 педагогов. Подавляющее число респондентов женского пола (94 %). Средний возраст респондентов 44,6 (SD=11,7). Молодые специалисты, которые имеют педагогический стаж менее 5 лет, составляют 15 % от выборки. Около 40 % респондентов имеют стаж более 25 лет. Большинство педагогов преподают в средней школе (66 %), около 50 % преподают в начальной школе, 40% – в старшей школе (сумма процентов больше 100, т. к. некоторые педагоги работают одновременно на разных ступенях школы). 23 % педагогов из рассматриваемой выборки не имеют квалификационной категории, 37 % имеют первую квалификационную категорию, 40 % – высшую. Около 30 % педагогов имеют административную нагрузку, а более 70 % – классное руководство.

Методы и методики исследования

Методика К. Замфир «Мотивация профессиональной деятельности (в модификации А. А. Реана) [15], комплексная анкета, направленная на оценку представлений педагогов о воспитании и проблемном поведении учащихся (А. А. Реан, И. А. Коновалов, А. В. Егорова и др.). В данном исследовании анализировались только ответы на вопрос «За время своей профессиональной деятельности как часто вы сталкивались со следующими проявлениями агрессивного поведения со стороны учеников по отношению к вам» со следующими вариантами утверждений:

- применяли физическое насилие по отношению к вам (били, пинали и т. д.);
- использовали злобные шутки /насмешки;
- оскорбляли /унижали/дразнили;
- уничтожали или портили ваше имущество;
- распускали слухи, которые портили вашу репутацию;
- писали оскорбительные посты в социальных сетях;

- выставляли вашу личную информацию в социальных сетях;
- отказывались выполнять требования;
- игнорировали вас;
- систематически нарушали дисциплину во время образовательного процесса;
- необоснованно жаловались на вас в администрацию школы;
- демонстрировали свое презрение;
- высказывали недовольство качеством преподавания;
- необоснованно жаловались на вас родителям.

Каждое из представленных утверждений респонденты оценивали по семибалльной шкале с вариантами ответов: «Никогда», «Сталкивался (-лась) один раз», «Довольно редко (1 раз в год)», «Редко (Не реже раза в полгода)», «Довольно часто (Не реже раза в месяц)», «Часто (Не реже раза в неделю)», «Очень часто (Каждый или почти каждый день)».

Для обработки и анализа данных использовались следующие статистические методы: факторный анализ (метод главных компонент), корреляционный анализ (метод Пирсона), сравнение средних (t-критерий) с последующим подсчетом размера эффекта (d Коэна). Процедура выполнялась в IBM SPSS statistics (version 27).

Результаты

Результаты анализа столкновения педагогов с агрессивными проявлениями со стороны учащихся

Результаты анализа столкновения педагогов с агрессивными проявлениями со стороны учащихся были представлены ранее в других наших работах [2; 16; 17]. Было показано, что педагоги часто сталкиваются со систематическим нарушением дисциплины, отказом выполнять требования учителя и игнорированием со стороны учащихся. К редким проявлениям агрессивного поведения со стороны учащихся педагоги относят следующие: насмешки и злобные шутки, необоснованные жалобы на педагога, высказывания недовольства качеством образования, демонстрация презрения, оскорбления и унижения в адрес педагога. С остальными проявлениями агрессивного поведения учащихся большинство педагогов практически не сталкиваются.

Результаты анализа мотивации педагогов к профессиональной деятельности

На рисунке 1 представлены средние значения по каждому пункту опросника «Мотивация профессиональной деятельности». Таким образом, у большинства педагогов в основе мотивации профессиональной деятельности лежит удовольствие от самого процесса и результата работы, возможность наиболее полной самореализации именно в данной деятельности, а также денежный заработок. Менее значимыми пунктами являются стремление к продвижению по работе, стремление избежать критики и возможных наказаний.



Рисунок 1. Средние значения по пунктам опросника «Мотивация профессиональной деятельности»
Figure 1. Mean scores for the items in the “Motivation for Professional Activity” questionnaire

На рисунке 2 представлен мотивационный комплекс педагогов. У большинства педагогов отмечается преобладание внутренних мотивов профессионально-педагогической деятельности над внешними. На основании полученных результатов можно говорить о том, что большинство педагогов в рамках данной выборки обладают оптимальным мотивационным комплексом, иными словами, внутренняя мотивация выражена более явно, чем внешняя положительная мотивация, а последняя преобладает над внешней отрицательной мотивацией.

С удовлетворением можно отметить, что внешняя отрицательная мотивация, т. е. мотивация избегания, занимает последнее ранговое место в структуре мотивации профессиональной деятельности педагога. Этот факт имеет существенное положительное значение, т. к. известно, что именно мотивация избегания связана со снижением уровня психологического благополучия личности и с увеличением вероятности профессионального выгорания.

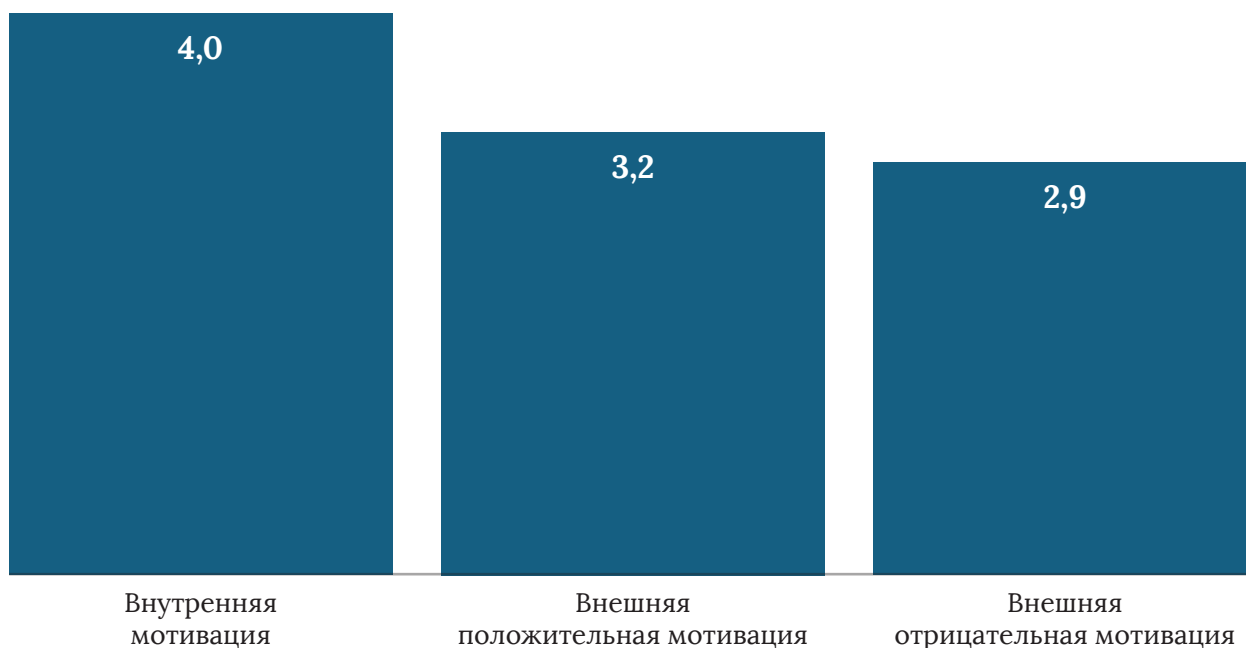


Рисунок 2. Общий мотивационный комплекс педагогов
Figure 2. Teachers' overall motivational profile

Взаимосвязь мотивации педагогов к профессиональной деятельности с проявлением в их адрес агрессии со стороны учащихся

Для установления взаимосвязи между мотивацией профессиональной деятельности педагогов и их опытом столкновения с агрессивным поведением со стороны учащихся был проведен корреляционный анализ. В таблице 1 представлены результаты корреляционного анализа.

Результаты корреляционного анализа
Таблица 1

Results of the correlation analysis

Table 1

Варианты агрессивного поведения	Внутренняя мотивация	Внешняя положительная мотивация	Внешняя отрицательная мотивация
Применяли физическое насилие по отношению к вам (били, пинали и т. д.)	-0,179**	-0,012	0,019
Использовали злые шутки /насмешки	-0,087**	0,030*	0,027
Оскорбляли /унижали /дразнили	-0,122**	0,017	0,038**
Уничтожали или портили ваше имущество	-0,152**	-0,009	0,040**
Распускали слухи, которые портили вашу репутацию	-0,143**	0,002	0,043**
Писали оскорбительные посты в социальных сетях	-0,158**	-0,012	0,043**

Окончание таблицы 1

Варианты агрессивного поведения	Внутренняя мотивация	Внешняя положительная мотивация	Внешняя отрицательная мотивация
Выставляли вашу личную информацию в социальных сетях	-0,184**	-0,019	0,040**
Отказывались выполнять требования	0,070**	0,079**	0,081**
Игнорировали вас	-0,013	0,079**	0,103**
Систематически нарушали дисциплину во время образовательного процесса	0,055**	0,088**	0,120**
Необоснованно жаловались на вас в администрацию школы	-0,109**	0,003	0,047**
Демонстрировали свое презрение	-0,116**	0,036**	0,083**
Выказывали недовольство качеством преподавания	-0,104**	0,027	0,052**
Необоснованно жаловались на вас родителям	-0,035*	0,038**	0,062**
Примечания: 1. * – $p < 0,05$. 2. ** – $p < 0,01$.			

Рассматривая результаты корреляционного анализа, следует отметить преобладание значимых отрицательных взаимосвязей между шкалой внутренней мотивации и различными проявлениями агрессивного поведения в отношении учителя со стороны учеников, однако данная тенденция нарушается в двух случаях: при столкновении педагогов с отказом выполнять требования и систематическим нарушением дисциплины, по данным шкалам наблюдается положительная взаимосвязь. Взаимосвязь между внутренней мотивацией и шкалой «игнорировали вас» отсутствует. Таким образом, чем выше уровень внутренней мотивации педагога, тем реже он отмечает столкновение с применением физического насилия, злобными шутками /насмешками, оскорблениями, унижениями, с уничтожением и порчей имущества, необоснованными жалобами и др. Одновременно с этим чем выше уровень внутренней мотивации, тем чаще педагоги отмечают столкновение с отказом учеников выполнять требования учителя и со систематическим нарушением дисциплины. Последнее обстоятельство, возможно, связано с более высоким уровнем требований к учащимся в указанных аспектах именно у педагогов с внутренней мотивацией. Однако это предположение нуждается в дополнительной эмпирической проверке.

Результаты корреляционного анализа между шкалой внешней положительной мотивации и различными проявлениями агрессивного поведения в отношении учителя со стороны учеников демонстрируют значимые положительные связи между некоторыми шкалами. В частности, чем выше уровень положительной мотивации педагога, тем чаще он отмечает столкновение со злобными шутками, отказом выполнять требования, игнорированием, систематическим нарушением дисциплины, с демонстрацией презрения, а также с необоснованными жалобами учащихся на педагога родителям.

В свою очередь, наблюдаются значимые положительные взаимосвязи между шкалой внешней отрицательной мотивации и практически всеми проявлениями агрессивного поведения со стороны учащихся, за исключением физического насилия и злобных шуток. Таким образом, чем выше уровень внешней отрицательной мотивации, тем чаще педагоги отмечают столкновение с агрессией со стороны учащихся.

Для того чтобы проверить значимость различий между группами педагогов с разным уровнем мотивации профессиональной деятельности, было произведено разделение на группы по данным описательной статистики. Группа с низким уровнем мотивации к профессиональной деятельности была сформирована по формуле:

$$M - SD, \quad (1)$$

где:

M – среднее;

SD – стандартное отклонение.

Группа с высоким уровнем мотивации к профессиональной деятельности сформирована по формуле:

$$M + SD, \quad (2)$$

где:

M – среднее;

SD – стандартное отклонение.

В результате разделения в группу с внутренней мотивацией вошли 1 014 респондентов с низким уровнем и 1 351 – с высоким. В группу с внешней положительной мотивацией вошли 1 033 респондента с низким уровнем и 1 077 – с высоким. В группу с внешней отрицательной мотивацией вошли 869 респондентов с низким уровнем и 1 451 – с высоким. Рассматривая распределение респондентов по группам, можно увидеть, что по показателю внешней положительной мотивации численность группы с высоким уровнем значительно преобладает над группой с низким уровнем, в связи с чем было произведено уравнивание групп путем случайного отбора 870 респондентов с высоким уровнем внешней отрицательной мотивации.

Также для снижения размерности данных был использован метод главных компонент, в результате которого различные проявления агрессивного поведения в отношении учителя легли в основу четырех компонент: косвенная агрессия, негативное отношение, прямая агрессия и игнорирование. Подробное распределение утверждений на компоненты было представлено ранее в работе [2].

Опыт столкновения с агрессивным поведением учащихся у педагогов с низким и высоким уровнем мотивации к профессиональной деятельности

Для проверки значимости различий между группами педагогов с низким и высоким уровнем мотивации и их опытом столкновения с агрессивным поведением учащихся был применен t-критерий Стьюдента (таблица 2).

Таблица 2

Результаты сравнительного анализа
опыта столкновения с агрессивными проявлениями со стороны учащихся
у педагогов с разным уровнем внутренней мотивации

Table 2

Results of the experiences comparative analysis of aggressive manifestations
on the part of students among teachers with different levels of intrinsic motivation

Виды агрессии	Внутренняя мотивация	N	Ср.	Ст. откл.	t- Стьюдента	Размер эффекта (d Коэна)
Косвенная агрессия	Низкая	1 014	0,44	1,40	10,85*	0,45
	Высокая	1 351	-0,09	0,84		
Негативное отношение	Низкая	1 014	0,09	1,09	4,14*	0,16
	Высокая	1 351	-0,08	0,97		
Прямая агрессия	Низкая	1 014	0,26	1,13	8,42*	0,35
	Высокая	1 351	-0,10	0,92		
Игнорирование	Низкая	1 014	-0,18	0,96	-5,55*	-0,22
	Высокая	1 351	0,04	1,01		
Примечания: 1. * – $p < 0,01$. 2. Полужирным шрифтом обозначено более высокое из сравниваемых значений, в случае, если установлены статистические значимые различия.						

Результаты анализа демонстрируют значимые различия между группами педагогов в контексте их опыта столкновения с различными проявлениями агрессивного поведения со стороны учащихся. Показано, что педагоги с низким уровнем внутренней мотивации значимо чаще сталкиваются с косвенной агрессией, негативным отношением и прямой агрессией со стороны учащихся, нежели педагоги с высоким уровнем внутренней мотивации. В свою очередь педагоги с высоким уровнем внутренней мотивации чаще сталкиваются с игнорированием со стороны учащихся, нежели педагоги с низким уровнем мотивации.

В таблице 3 представлены результаты анализа опыта столкновения с агрессивными проявлениями со стороны учащихся у педагогов с разным уровнем внешней положительной мотивации.

Таблица 3

Результаты сравнительного анализа
опыта столкновения с агрессивными проявлениями со стороны учащихся
у педагогов с разным уровнем внешней положительной мотивации

Table 3

Results of the experiences comparative analysis of aggressive manifestations
on the part of students among teachers with different levels of extrinsic positive motivation

Виды агрессии	Внешняя положительная мотивация	N	Ср.	Ст. откл.	t- Стьюдента	Размер эффекта (d Коэна)
Косвенная агрессия	Низкая	1 033	0,09	1,06	2,53*	0,11
	Высокая	1 077	-0,02	1,03		
Негативное отношение	Низкая	1 033	-0,01	0,93	-0,68	-0,02
	Высокая	1 077	0,01	1,06		
Прямая агрессия	Низкая	1 033	0,01	0,97	0,03	0
	Высокая	1 077	0,01	1,05		
Игнорирование	Низкая	1 033	-0,18	0,92	-5,86*	-0,24
	Высокая	1 077	0,06	1,04		
Примечания: 1. * – $p < 0,01$. 2. Полужирным шрифтом обозначено более высокое из сравниваемых значений, в случае, если установлены статистические значимые различия.						

Результаты сравнительного анализа демонстрируют значимые различия между группами педагогов в контексте их опыта столкновения с косвенной агрессией и игнорированием со стороны учащихся. По компонентам «негативное отношение» и «прямая агрессия» значимых различий не выявлено. Таким образом, педагоги с низким уровнем внешней положительной мотивации значимо чаще сталкиваются с косвенной агрессией, нежели педагоги с высоким уровнем. В свою очередь педагоги с высоким уровнем внешней положительной мотивации чаще сталкиваются с игнорированием со стороны учащихся, нежели педагоги с низким уровнем.

В таблице 4 представлены результаты анализа опыта столкновения с агрессивными проявлениями со стороны учащихся у педагогов с разным уровнем внешней отрицательной мотивации.

Результаты сравнительного анализа демонстрируют значимые различия между группами педагогов в контексте их опыта столкновения с косвенной агрессией, негативным отношением и игнорированием со стороны учащихся. По компоненте «прямая агрессия» значимых различий не выявлено. Показано, что педагоги с высоким уровнем внешней отрицательной мотивации значимо чаще сталкиваются с косвенной агрессией, негативным отношением и игнорированием со стороны учащихся, нежели педагоги с низким уровнем.

Таблица 4

Результаты сравнительного анализа опыта
столкновения с агрессивными проявлениями со стороны учащихся
у педагогов с разным уровнем внешней отрицательной мотивации

Table 4

Results of the experiences comparative analysis of aggressive manifestations
on the part of students among teachers with different levels of external negative motivation

Виды агрессии	Внешняя отрицательная мотивация	N	Ср.	Ст. откл.	t- Стьюдента	Размер эффекта (d Коэна)
Косвенная агрессия	Низкая	869	-0,10	0,64	-2,66*	-0,16
	Высокая	870	0,00	1,04		
Негативное отношение	Низкая	869	-0,15	0,81	-3,15*	-0,14
	Высокая	870	-0,01	1,09		
Прямая агрессия	Низкая	869	-0,04	0,95	-0,77	-0,04
	Высокая	870	-0,00	1,00		
Игнорирование	Низкая	869	-0,22	0,89	-6,72*	-0,31
	Высокая	870	0,09	1,07		
Примечания: 1. * – $p < 0,01$. 2. Полужирным шрифтом обозначено более высокое из сравниваемых значений, в случае, если установлены статистические значимые различия.						

Затем мы рассмотрели различия между группами педагогов с низким и высоким уровнем мотивации к профессиональной деятельности и всеми (использованными в данном исследовании) проявлениями агрессивности учащихся в отношении учителей, чтобы увидеть, в каких именно проявлениях агрессии со стороны учащихся присутствуют значимые различия между группами педагогов. Для проверки значимости различий также был использован t-критерий Стьюдента. Результаты анализа опыта столкновения с агрессивными проявлениями со стороны учащихся у педагогов с разным уровнем внутренней мотивации представлены в таблице 5.

Таблица 5

Результаты сравнительного анализа
опыта столкновения с агрессивными проявлениями со стороны учащихся
(все исследуемые переменные) у педагогов с разным уровнем внутренней мотивации

Table 5

Results of the experiences comparative analysis of aggressive manifestations
on the part of students (all variables under study) among teachers
with different levels of intrinsic motivation

Варианты агрессивного поведения	Внутренняя мотивация	N	Ср.	Ст. откл.	t- Стьюдента	Размер эффекта (d Коэна)
Применяли физическое насилие по отношению к вам (били, пинали и т.д.)	Низкая	1 014	1,83	1,29	12,15**	0,53
	Высокая	1 351	1,27	0,82		
Использовали злобные шутки / насмешки	Низкая	1 014	2,08	1,34	7,35**	0,31
	Высокая	1 351	1,69	1,17		

Окончание таблицы 5

Варианты агрессивного поведения	Внутренняя мотивация	N	Ср.	Ст. откл.	t- Стьюдента	Размер эффекта (d Коэна)
Оскорбляли / унижали / дразнили	Низкая	1 014	1,95	1,34	9,02**	0,38
	Высокая	1 351	1,49	1,05		
Уничтожали или портили ваше имущество	Низкая	1 014	1,71	1,21	10,70**	0,47
	Высокая	1 351	1,24	0,77		
Распускали слухи, которые портили вашу репутацию	Низкая	1 014	1,80	1,24	10,20**	0,45
	Высокая	1 351	1,33	0,86		
Писали оскорбительные посты в социальных сетях	Низкая	1 014	1,61	1,17	10,37**	0,46
	Высокая	1 351	1,18	0,68		
Выставляли вашу личную информацию в социальных сетях	Низкая	1 014	1,61	1,20	11,46**	0,52
	Высокая	1 351	1,13	0,64		
Отказывались выполнять требования	Низкая	1 014	2,45	1,52	-3,18**	-0,32
	Высокая	1 351	2,65	1,51		
Игнорировали вас	Низкая	1 014	2,21	1,43	2,47*	0,11
	Высокая	1 351	2,06	1,37		
Систематически нарушали дисциплину во время образовательного процесса	Низкая	1 014	2,87	1,71	-2,52*	-0,1
	Высокая	1 351	3,05	1,82		
Необоснованно жаловались на вас в администрацию школы	Низкая	1 014	1,90	1,26	8,17**	0,35
	Высокая	1 351	1,51	0,96		
Демонстрировали свое презрение	Низкая	1 014	1,85	1,28	8,84**	0,38
	Высокая	1 351	1,42	0,96		
Выказывали недовольство качеством преподавания	Низкая	1 014	1,87	1,24	7,60**	0,32
	Высокая	1 351	1,51	1,01		
Необоснованно жаловались на вас родителям	Низкая	1 014	2,04	1,29	3,81**	0,16
	Высокая	1 351	1,84	1,17		
Примечания: 1. * – $p < 0,05$. 2. ** – $p < 0,01$. 3. Полужирным шрифтом обозначено более высокое из сравниваемых значений, в случае, если установлены статистические значимые различия.						

Результаты анализа показали значимые различия между группами педагогов в контексте их опыта столкновения со всеми исследуемыми проявлениями агрессивного поведения со стороны учащихся. В рамках данного анализа показано, что педагоги с низким уровнем внутренней мотивации значимо чаще сталкиваются со всеми представленными проявлениями агрессивного поведения учащихся, нежели педагоги с высоким уровнем внутренней мотивации. Это частично согласуется с результатами, которые были представлены в таблице 2.

Далее мы рассмотрели опыт столкновения педагогов с разным уровнем внешней положительной мотивации со всеми исследуемыми агрессивными проявлениями со стороны учащихся. В ходе анализа обнаружено, что по большинству шкал не установлено значимых различий, в связи с чем в таблице 6 приведены только статистически значимые результаты.

Таблица 6

Результаты сравнительного анализа
опыта столкновения с агрессивными проявлениями со стороны учащихся
(все исследуемые переменные) у педагогов с разным уровнем
внешней положительной мотивации

Table 6

Results of the experiences comparative analysis of aggressive manifestations
on the part of students (all variables under study) among teachers
with different levels of extrinsic positive motivation

Виды агрессивного поведения	Внешняя положительная мотивация	N	Ср.	Ст. откл.	t- Стьюдента	Размер эффекта (d Коэна)
Отказывались выполнять требования	Низкая	1033	2,40	1,43	-4,50**	-0,19
	Высокая	1077	2,69	1,54		
Игнорировали вас	Низкая	1033	1,94	1,27	-4,85**	-0,21
	Высокая	1077	2,23	1,48		
Систематически нарушали дисциплину во время образовательного процесса	Низкая	1033	2,79	1,68	-5,14**	-0,23
	Высокая	1077	3,19	1,82		
Примечания: 1. * – $p < 0,01$. 2. Полужирным шрифтом обозначено более высокое из сравниваемых значений, в случае, если установлены статистические значимые различия.						

Результаты, представленные в таблице 6, показали, что педагоги с высоким уровнем внешней положительной мотивации значимо чаще сталкиваются с отказом выполнять требования учителя, игнорированием и систематическим нарушением дисциплины, нежели педагоги с низким уровнем внешней положительной мотивации. По остальным показателям значимых различий не обнаружено.

В таблице 7 представлены результаты анализа опыта столкновения со всеми исследуемыми агрессивными проявлениями со стороны учащихся у педагогов с разным уровнем внешней отрицательной мотивации.

Таблица 7

Результаты сравнительного анализа
опыта столкновения с агрессивными проявлениями со стороны учащихся
(все исследуемые переменные) у педагогов с разным уровнем
внешней отрицательной мотивации

Table 7

Results of the experiences comparative analysis of aggressive manifestations
on the part of students (all variables under study) among teachers
with different levels of extrinsic negative motivation

Варианты агрессивного поведения	Внешняя отрицательная мотивация	N	Ср.	Ст. откл.	t- Стьюдента	Размер эффекта (d Коэна)
Применяли физическое насилие по отношению к вам (били, пинали и т.д.)	Низкая	869	1,34	0,91	-2,03*	-0,09
	Высокая	870	1,43	1,06		
Использовали злобные шутки /насмешки	Низкая	869	1,62	1,07	-3,42**	-0,16
	Высокая	870	1,81	1,30		

Окончание таблицы 7

Варианты агрессивного поведения	Внешняя отрицательная мотивация	N	Ср.	Ст. откл.	t- Стьюдента	Размер эффекта (d Коэна)
Оскорбляли / унижали / дразнили	Низкая	869	1,43	0,99	-3,40**	-0,16
	Высокая	870	1,61	1,21		
Уничтожали или портили ваше имущество	Низкая	869	1,22	0,68	-3,49**	-0,16
	Высокая	870	1,36	0,99		
Распускали слухи, которые портили вашу репутацию	Низкая	869	1,27	0,73	-4,18**	-0,21
	Высокая	870	1,46	1,07		
Писали оскорбительные посты в социальных сетях	Низкая	869	1,14	0,50	-4,39**	-0,2
	Высокая	870	1,29	0,93		
Выставляли вашу личную информацию в социальных сетях	Низкая	869	1,10	0,47	-3,62**	-0,17
	Высокая	870	1,22	0,86		
Отказывались выполнять требования	Низкая	869	2,26	1,37	-6,43**	-0,31
	Высокая	870	2,72	1,58		
Игнорировали вас	Низкая	869	1,77	1,17	-7,51**	-0,36
	Высокая	870	2,27	1,53		
Систематически нарушали дисциплину во время образовательного процесса	Низкая	869	2,62	1,68	-8,07**	-0,39
	Высокая	870	3,31	1,85		
Необоснованно жаловались на вас в администрацию школы	Низкая	869	1,42	0,75	-4,40**	-0,21
	Высокая	870	1,63	1,14		
Демонстрировали свое презрение	Низкая	869	1,31	0,80	-5,81**	-0,28
	Высокая	870	1,60	1,21		
Выказывали недовольство качеством преподавания	Низкая	869	1,40	0,80	-4,10**	-0,2
	Высокая	870	1,60	1,15		
Необоснованно жаловались на вас родителям	Низкая	869	1,70	1,03	-4,42**	-0,21
	Высокая	870	1,95	1,32		
Примечания: 1. * – $p < 0,05$. 2. ** – $p < 0,01$. 3. Полужирным шрифтом обозначено более высокое из сравниваемых значений, в случае, если установлены статистические значимые различия.						

Результаты анализа показали значимые различия между группами педагогов с разным уровнем внешней отрицательной мотивации в контексте их опыта столкновения со всеми исследуемыми проявлениями агрессивного поведения со стороны учащихся. Показано, что педагоги с высоким уровнем внешней отрицательной мотивации значимо чаще сталкиваются со всеми представленными проявлениями агрессивного поведения учащихся, нежели педагоги с низким уровнем. Полученные результаты частично согласуются с теми, что были представлены в разрезе компонентов (таблица 4). Если по компоненту «Прямая агрессия» и уровнем внешней отрицательной мотивации не было значимых различий, то данный анализ показал, значимые различия между всеми переменными.

Обсуждение

В ходе исследования установлено, что большинство педагогов обладают оптимальным мотивационным комплексом: внутренняя мотивация преобладает над внешней положительной, а последняя преобладает над внешней отрицательной. Отметим, что эмпирические данные о распространенности различных типов мотивации педагогов в Российской Федерации не являются однородными: существуют исследования как согласующиеся с позицией о преобладании внутренней мотивации преподавательской деятельности [18], так и указывающие на обратные тенденции [19].

Обратимся к данным, касающимся полученных различий. Рассмотрим основные результаты с учетом классических рекомендаций относительно оценки размера эффекта [20]. Между подвыборками педагогов с низким и высоким уровнем внутренней мотивации наиболее выраженные различия установлены по параметрам субъективных оценок столкновения с физическим насилием ($d = 0,53$), риском выставления личной информации в соцсетях ($d = 0,52$) и опытом столкновения с порчей имущества ($d = 0,47$). Иными словами, педагоги с высоким уровнем внутренней мотивации, согласно их оценкам, существенно реже сталкиваются с указанными негативными явлениями. Обратная ситуация, связанная с наличием значимых различий, но их незначительной выраженностью, выявлена по параметрам «игнорирование» ($d = 0,11$) и «систематическое нарушение дисциплины» ($d = 0,1$). Указанные тенденции могут быть объяснены, например, спецификой педагогического общения¹ [15] педагогов с более высоким уровнем внутренней мотивации: использование более продуктивных стратегий педагогического общения минимизирует риск возникновения агрессии в адрес педагога и, наоборот, формирования позитивного социально-перцептивного образа процесса педагогического взаимодействия. Подобная интерпретация согласуется как с эмпирическими данными о роли внутренней мотивации педагога в поддержании психологического благополучия учащихся [21], так и с представлениями о роли внутренней мотивации в повышении эффективности преподавания [22].

Обратная картина обнаруживается в связи с различиями в контексте внешней мотивации педагогов: наиболее выраженные различия получены по параметрам «отказ выполнять требования» ($d = -0,31$), «игнорирование» ($d = -0,36$), «систематические нарушения дисциплины» ($d = -0,39$) и, наоборот, мало выраженные (хотя и значимые) различия по параметрам частоты столкновения с физической агрессией ($d = -0,09$). Указанные значения приведены для параметра внешней отрицательной мотивации. В случае с внешней положительной мотивацией выявлено аналогичное распределение с несколько меньшими значениями размера эффекта (таблица 6). Иными словами, выраженность внешней мотивации педагога связана с вероятностью более высокой оценки риска столкновения с игнорированием, отказом выполнять требования и систематическими нарушениями дисциплины со стороны учащихся. При этом заметим, что указанные явления скорее могут быть обозначены как проявления сопротивления в образовательном контексте [23], нежели собственно агрессия.

Обозначенную связь можно рассмотреть как с позиции специфики профессиональной деятельности педагога, так и с помощью понятия «враждебное искажение» как «общей априорной тенденции обрабатывать поступающие социальные сигналы как враждебные» [24, с. 690]. С одной стороны, в случае преобладания внешней мотивации у педагога, повышается риск возникновения собственной агрессии со стороны учителя [25], что в ответ предполагает более высокую вероятность столкновения с различными негативными явлениями, с другой стороны, более высока вероятность трактовки обычных проявлений взаимодействия в педагогическом общении как враждебных.

В целом выявленные связи специфики педагогической мотивации и вероятности столкновения с агрессией в адрес учителя можно рассмотреть и с точки зрения о том, что «повышение смыслового уровня личностной зрелости человека ведет к развитию смысловой сферы, творчества, личностного самосознания окружающих его (прямо или косвенно взаимодействующих с ним) людей» [26, с. 297]. Указанное положение было эмпирически спроецировано на область педагогического общения и взаимодействия² [27]. Было, в частности, показано, что преобладание более низких смысловых уровней личностного развития педагогов связано с риском деструктивного воздействия в отношении личностного развития учащихся. Выявленные эмпирически в настоящей статье взаимосвязи внешней и внутренней мотивации с рисками агрессии в отношении учителя напрямую соотносятся с обозначенными выше положениями.

¹ Коновалов И. А., Реан А. А. Подросток и педагог: аспекты воспитательного взаимодействия // Психология воспитания и профилактика девиантного поведения : учебное пособие / под ред. А. А. Реана. Москва: Московский педагогический государственный университет, 2023. С. 34–55.

² См.: Мезенцева Н. В. Развитие педагогического целеполагания учителей в зависимости от уровня их личностной зрелости : дис. ... канд. психол. наук. Брянск, 2012. 201 с.

3 заключение

В работе показано наличие значимых отрицательных взаимосвязей между внутренней мотивацией педагогов и их столкновением с различными проявлениями агрессивности со стороны учащихся. Кроме того, обнаружены значимые положительные взаимосвязи между шкалами внешней положительной и внешней отрицательной мотивации с некоторыми проявлениями агрессивности со стороны учащихся.

Сравнительный анализ продемонстрировал значимые различия между группами педагогов с низким и высоким уровнем мотивации к профессиональной деятельности в контексте их опыта столкновения с различными проявлениями агрессивности со стороны учащихся. В частности, педагоги с низким уровнем внутренней мотивации значимо чаще сталкиваются с косвенной агрессией, негативным отношением и прямой агрессией со стороны учащихся, нежели педагоги с высоким уровнем внутренней мотивации. В свою очередь педагоги с низким уровнем внешней положительной мотивации значимо чаще сталкиваются с косвенной агрессией, нежели педагоги с высоким уровнем, а последние чаще сталкиваются с игнорированием со стороны учащихся, нежели педагоги с низким уровнем. Также показано, что педагоги с высоким уровнем внешней отрицательной мотивации значимо чаще сталкиваются с косвенной агрессией, негативным отношением и игнорированием со стороны учащихся, нежели педагоги с низким уровнем.

Список источников

1. Реан А. А., Егорова А. В. Проявление подростковой агрессии в отношении учителя: распространенность, факторы, последствия, профилактика // Национальный психологический журнал. 2021. № 2 (42). С. 98–108. <https://doi.org/10.11621/npj.2021.0209>
2. Реан А. А., Егорова А. В., Коновалов И. А., Кузьмин Р. Г. Подростковая агрессия в отношении учителя: опыт столкновения и связь с личностными факторами // Сибирский психологический журнал. 2022. № 85. С. 118–143. <https://doi.org/10.17223/17267080/85/6>
3. Собкин В. С., Фолмиченко А. С. Самоэффективность учителя и учебная деятельность учащихся (по материалам зарубежных публикаций) // Человек и образование. 2017. № 4 (53). С. 176–183.
4. Кальяр М. Н., Ахмад Б., Кальяр Х. Влияет ли мотивация учителя на мотивацию учащегося: опосредующая роль профессионального поведения педагога // Вопросы образования. 2018. № 3. С. 91–119. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2018-3-91-119>
5. Арскиева З. А., Магомедова З. З. Гуманистическая направленность педагога как основа развития мотивации обучающихся // Мир науки, культуры, образования. 2023. № 6 (103). С. 155–158. <https://doi.org/10.24412/1991-5497-2023-6103-155-158>
6. Lee S. W., Lee E. A. Teacher qualification matters: the association between cumulative teacher qualification and students' educational attainment // International Journal of Educational Development. 2020. Vol. 77. Article 102218. <https://doi.org/10.1016/j.ijedudev.2020.102218>
7. Granero-Gallegos A, Gómez-López M., Extremera A. B., Martínez-Molina M. University of Murcia.] Interaction effects of disruptive behaviour and motivation profiles with teacher competence and school satisfaction in secondary school physical education // International Journal of Environmental Research and Public Health. 2019. Vol. 17, № 1. P. 114. <https://doi.org/10.3390/ijerph17010114>
8. Реан А. А. Психология личности. Санкт-Петербург : Питер, 2016. 288 с.
9. Особенности саморегуляции и мотивации профессиональной деятельности у молодых педагогов / Катунина Н. П., Петухова Л. П., Серегина Н. В., Стратиенко Е. Н. [и др.] // Ученые записки университета имени П. Ф. Лесгафта. 2023. № 2 (216). С. 549–555. <https://doi.org/10.34835/issn.2308-1961.2023.02.p549-555>
10. Профессиональная мотивация педагогов средней школы / Скутина Т. В., Спиридонова М. С., Дулинец Г. Г., Томилова С. А. [и др.] // Психология и психотехника. 2022. № 4. С. 119–134. <https://doi.org/10.7256/2454-0722.2022.4.38991>
11. Липская Т. А. Особенности конфликтной компетентности современных педагогов // Проблемы современного педагогического образования. 2025. № 87-1. С. 374–377.
12. Dombrovskis V., Guseva S., Murasovs V. Motivation to Work and the Syndrome of Professional Burn-out among Teachers in Latvia // Procedia – Social and Behavioral Sciences. 2011. Vol. 29. P. 98–106. <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2011.11.212>
13. Реан А. А., Кошелева Е. С., Ставцев А. А. Взаимосвязь сильных сторон личности с уровнем профессиональной подготовки учителя к педагогической деятельности // Психология и педагогика служебной деятельности. 2023. № 2. С. 52–59. <https://doi.org/10.24412/2658-638X-2023-2-52-59>
14. Зеер Э. Ф., Коновалов А. А. Профессиональное развитие педагогов: психологический портрет // Образование и наука. 2025. Т. 27, № 4. С. 149–174. <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2025-4-149-174>
15. Реан А. А., Коломинский Я. Л. Социальная педагогическая психология. 2-е изд., доп. и перераб. Санкт-Петербург : Прайм-Еврознак, 2008. 573 с.
16. Реан А. А., Егорова А. В., Кузьмин Р. Г. Взаимосвязь локуса контроля учителя и прямой агрессии учащихся по отношению к нему // Психология человека в образовании. 2023. Т. 5, № 2. С. 204–223. <https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2023-5-2-204-223>
17. Реан А. А., Егорова А. В., Кузьмин Р. Г., Шевченко А. О. Взаимосвязь локуса контроля учителя и непрямо́й агрессии учащихся по отношению к нему // Мир психологии. 2023. № 3 (114). С. 231–250. https://www.doi.org/10.51944/20738528_2023_3_231

18. Пронина Н. А. Профессиональная мотивация педагога вуза как фактор личностного и профессионального роста // Наука и школа. 2022. № 5. С. 98–106. <https://doi.org/10.31862/1819-463X-2022-5-98-106>
19. Минюрова С. А. Психологические характеристики саморазвития педагога в профессии // Педагогическое образование в России. 2024. № 3. С. 36–46.
20. Cohen J. Statistical power analysis for the behavioral sciences. 2nd ed. Hillsdale, New Jersey : L. Erlbaum Associates, 2013. 567 p.
21. Zou H., Yao J., Zhang Yu., Huang X. The influence of teachers' intrinsic motivation on students' intrinsic motivation: The mediating role of teachers' motivating style and teacher-student relationships // Psychology in the Schools. 2024. Vol. 61, № 1. P. 272–286. <https://doi.org/10.1002/pits.23050>
22. Csikszentmihalyi M. Intrinsic motivation and effective teaching // Applications of flow in human development and education : The Collected Works of Mihaly Csikszentmihalyi. Netherlands : Springer Dordrecht, 2014. P. 173–187. <https://doi.org/10.1007/978-94-017-9094-9>
23. Полянина О. И., Шевкова Е. В., Кабанов В. С. Сопротивление студентов в обучении как психологический феномен: признать нельзя игнорировать // Социальные и гуманитарные науки: теория и практика. 2019. № 1 (3). С. 686–695.
24. Ениколопов С. Н., Емелин Г. Д. Враждебное искажение: новое объяснение связи диспозиционной враждебности и физической агрессии // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2025. Т. 22, № 4. С. 690–705. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2025-4-690-705>
25. Ковалева Е. А. Педагогическое насилие, его причины и способы преодоления // Психология человека в образовании. 2019. Т. 1, № 2. С. 146–157. <https://doi.org/10.33910/2686-9527-2019-1-2-146-157>
26. Братусь Б. С. Аномалии личности. Психологический подход : [монография]. 2-е изд., перераб. и доп. Москва : Никея, 2019. 907 с.
27. Миронова М. Н. Очерк исследования смысловых структур личности педагога // Национальный психологический журнал. 2015. № 2 (18). С. 95–107. <https://doi.org/10.11621/npj.2015.0210>

References

1. Rean A. A., Egorova A. V. Proyavlenie podrostkovoy agressii v otnoshenii uchitelya: rasprostranennost', faktory, posledstviya, profilaktika // Nacional'nyj psihologicheskij zhurnal. 2021. № 2 (42). S. 98–108. <https://doi.org/10.11621/npj.2021.0209>
2. Rean A. A., Egorova A. V., Kononov I. A., Kuz'min R. G. Podrostkovaya agressiya v otnoshenii uchitelya: opyt stolknoveniya i svyaz' s lichnostnymi faktorami // Sibirskij psihologicheskij zhurnal. 2022. № 85. S. 118–143. <https://doi.org/10.17223/17267080/85/6>
3. Sobkin V. S., Fomichenko A. S. Samoeffektivnost' uchitelya i uchebnaya deyatel'nost' uchashchihsya (po materialam zarubezhnykh publikacij) // Chelovek i obrazovanie. 2017. № 4 (53). S. 176–183.
4. Kal'yar M. N., Ahmad B., Kal'yar H. Vliyaet li motivaciya uchitelya na motivaciyu uchashchegosya: oposreduyushchaya rol' professional'nogo povedeniya pedagoga // Voprosy obrazovaniya. 2018. № 3. S. 91–119. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2018-3-91-119>
5. Arskieva Z. A., Magomedova Z. Z. Gumanisticheskaya napravlennost' pedagoga kak osnova razvitiya motivacii obuchayushchihsya // Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya. 2023. № 6 (103). S. 155–158. <https://doi.org/10.24412/1991-5497-2023-6103-155-158>
6. Lee S. W., Lee E. A. Teacher qualification matters: the association between cumulative teacher qualification and students' educational attainment // International Journal of Educational Development. 2020. Vol. 77. Article 102218. <https://doi.org/10.1016/j.ijedudev.2020.102218>
7. Granero-Gallegos A., Gómez-López M., Extremera A. B., Martínez-Molina M. University of Murcia.] Interaction effects of disruptive behaviour and motivation profiles with teacher competence and school satisfaction in secondary school physical education // International Journal of Environmental Research and Public Health. 2019. Vol. 17, № 1. P. 114. <https://doi.org/10.3390/ijerph17010114>
8. Rean A. A. Psihologiya lichnosti. Sankt-Peterburg : Piter, 2016. 288 s.
9. Osobennosti samoregulyacii i motivacii professional'noj deyatel'nosti u molodykh pedagogov / Katunina N. P., Petuhova L. P., Seregina N. V., Stratienco E. N. [i dr.] // Uchenye zapiski universiteta imeni P. F. Lesgafta. 2023. № 2 (216). S. 549–555. <https://doi.org/10.34835/issn.2308-1961.2023.02.p549-555>
10. Professional'naya motivaciya pedagogov srednej shkoly / Skutina T. V., Spiridonova M. S., Dulinec G. G., Tomilova S. A. [i dr.] // Psihologiya i psihotekhnika. 2022. № 4. S. 119–134. <https://doi.org/10.7256/2454-0722.2022.4.38991>
11. Lipskaya T. A. Osobennosti konfliktnoj kompetentnosti sovremennykh pedagogov // Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya. 2025. № 87-1. S. 374–377.
12. Dombrovskis V., Guseva S., Murasov V. Motivation to Work and the Syndrome of Professional Burn-out among Teachers in Latvia // Procedia – Social and Behavioral Sciences. 2011. Vol. 29. P. 98–106. <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2011.11.212>
13. Rean A. A., Kosheleva E. S., Stavcev A. A. Vzaimosvyaz' sil'nykh storon lichnosti s urovnem professional'noj podgotovki uchitelya k pedagogicheskoy deyatel'nosti // Psihologiya i pedagogika sluzhebnoj deyatel'nosti. 2023. № 2. S. 52–59. <https://doi.org/10.24412/2658-638X-2023-2-52-59>
14. Zeer E. F., Kononov A. A. Professional'noe razvitie pedagogov: psihologicheskij portret // Obrazovanie i nauka. 2025. T. 27, № 4. S. 149–174. <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2025-4-149-174>
15. Rean A. A., Kolominskij Ya. L. Social'naya pedagogicheskaya psihologiya. 2-e izd., dop. i pererab. Sankt-Peterburg : Prajm-Evroznak, 2008. 573 s.
16. Rean A. A., Egorova A. V., Kuz'min R. G. Vzaimosvyaz' lokusa kontrolya uchitelya i pryamoj agressii uchashchihsya po otnosheniyu k nemu // Psihologiya cheloveka v obrazovanii. 2023. T. 5, № 2. S. 204–223. <https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2023-5-2-204-223>
17. Rean A. A., Egorova A. V., Kuz'min R. G., Shevchenko A. O. Vzaimosvyaz' lokusa kontrolya uchitelya i nepryamoj agressii uchashchihsya po otnosheniyu k nemu // Mir psihologii. 2023. № 3 (114). S. 231–250. https://www.doi.org/10.51944/20738528_2023_3_231
18. Pronina N. A. Professional'naya motivaciya pedagoga vuza kak faktor lichnostnogo i professional'nogo rosta // Nauka i shkola. 2022. № 5. S. 98–106. <https://doi.org/10.31862/1819-463X-2022-5-98-106>

19. Minyurova S. A. Psihologicheskie harakteristiki samorazvitiya pedagoga v professii // Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii. 2024. № 3. S. 36–46.
20. Cohen J. Statistical power analysis for the behavioral sciences. 2nd ed. Hillsdale, New Jersey : L. Erlbaum Associates, 2013. 567 p.
21. Zou H., Yao J., Zhang Yu., Huang X. The influence of teachers' intrinsic motivation on students' intrinsic motivation: The mediating role of teachers' motivating style and teacher-student relationships // Psychology in the Schools. 2024. Vol. 61, № 1. P. 272–286. <https://doi.org/10.1002/pits.23050>
22. Csikszentmihalyi M. *Intrinsic motivation and effective teaching* // Applications of flow in human development and education : The Collected Works of Mihaly Csikszentmihalyi. Netherlands : Springer Dordrecht, 2014. P. 173–187. <https://doi.org/10.1007/978-94-017-9094-9>
23. Polyanina O. I., Shevkova E. V., Kabanov V. S. Soprotivlenie studentov v obuchenii kak psihologicheskij fenomen: priznat' nel'zya ignorirovat' // Social'nye i gumanitarnye nauki: teoriya i praktika. 2019. № 1 (3). S. 686–695.
24. Enikolopov S. N., Emelin G. D. Vrazhdebnoe iskazhenie: novoe ob'yasnenie svyazi dispozicionnoj vrazhdebnosti i fizicheskoy agressii // Psihologiya. Zhurnal Vysshej shkoly ekonomiki. 2025. T. 22, № 4. S. 690–705. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2025-4-690-705>
25. Kovaleva E. A. Pedagogicheskoe nasilie, ego prichiny i sposoby preodoleniya // Psihologiya cheloveka v obrazovanii. 2019. T. 1, № 2. S. 146–157. <https://doi.org/10.33910/2686-9527-2019-1-2-146-157>
26. Bratus' B. S. Anomalii lichnosti. Psihologicheskij podhod : [monografiya]. 2-e izd., pererab. i dop. Moskva : Nikeya, 2019. 907 s.
27. Mironova M. N. Ocherk issledovaniya smyslovih struktur lichnosti pedagoga // Nacional'nyj psihologicheskij zhurnal. 2015. № 2 (18). S. 95–107. <https://doi.org/10.11621/npj.2015.0210>

Вклад авторов:

Реан А. А. – научное руководство, разработка концепции и методологии исследования, редактирование, согласование финального варианта рукописи.
Егорова А. В. – анализ данных, подготовка первоначального варианта рукописи.
Коновалов И. А. – анализ данных (подсчет размера эффекта), подготовка раздела «Обсуждение результатов», редактирование, оформление финального варианта рукописи.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors:

Rean A. A. – scientific supervision, development of the research concept and methodology, editing, approval of the final version of the manuscript.
Egorova A. V. – data analysis, preparation of the initial version of the manuscript.
Konovalov I. A. – data analysis (calculation of effect size), preparation of the "Discussion of Results" section, editing, and formatting of the final manuscript.

The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья
УДК 159.9

Риски психологической надежности сотрудников органов внутренних дел с информационно-психологической устойчивостью и виктимностью

Александр Сергеевич Цимбал, адъюнкт

Санкт-Петербургский университет МВД России
Санкт-Петербург (198206, ул. Летчика Пилутова, д. 1), Российская Федерация
tsi-m-ball@rambler.ru
<https://orcid.org/0009-0002-7994-484X>

Аннотация:

Введение. В статье с привлечением эмпирического материала рассматриваются риски психологической надежности сотрудников органов внутренних дел с информационно-психологической устойчивостью и виктимностью. Отмечается особое значение психологической надежности личного состава подразделений органов внутренних дел, ключевыми внутренними факторами которой выступают информационно-психологическая устойчивость и виктимность. **Методы исследования.** Респондентами в исследовании выступили 379 сотрудников органов внутренних дел центрального аппарата и территориальных органов МВД России. В обследовании использована авторская методика «Шкала оценки информационно-психологической уязвимости личности» (ИПУ) и опросник «Субъективная оценка классов опасности личности» (СОКОЛ). Применялся анализ первичных статистик и сравнительный анализ. **Результаты.** В результате анализа эмпирического материала установлено, что уровень информационно-психологической уязвимости находится в закономерной зависимости от индивидуально-личностных типологических параметров. Полученные данные также свидетельствуют о наличии специфических личностно-психологических факторов риска, влияющих на психологическую надежность сотрудников органов внутренних дел и связанных с особенностями их информационно-психологической устойчивости и проявлениями виктимного поведения. Совокупность выявленных закономерностей позволяет рассматривать результаты исследования в качестве практической основы для формирования и корректировки программ психологического сопровождения, ориентированных на предупреждение информационно-психологической уязвимости, что положительно скажется на качестве решения оперативно-служебных задач, стоящих перед подразделениями системы органов внутренних дел.

Ключевые слова:

психологическая надежность, информационно-психологическая устойчивость, уязвимость, виктимность, личностные типы, классы опасности

Для цитирования:

Цимбал А. С. Риски психологической надежности сотрудников органов внутренних дел с информационно-психологической устойчивостью и виктимностью // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2026. № 2 (110). С. 321–330.

Статья поступила в редакцию 10.03.2026;
одобрена после рецензирования 13.04.2026;
принята к публикации 25.06.2026.

Original article

Risks to psychological reliability of law enforcement officers with regard to informational and psychological resistance and victimisation

Alexander S. Tsimbal, Postgraduate

Saint Petersburg University of the MIA of Russia
1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation
tsi-m-ball@rambler.ru
<https://orcid.org/0009-0002-7994-484X>
¹ <https://orcid.org/0000-0002-4572-6003>, ² <https://orcid.org/0000-0002-5387-657>

© Цимбал А. С., 2026



Abstract:

Introduction. By appealing to empirical data, the article examines the risks to psychological reliability of law enforcement officers with regard to informational resistance and victimisation. The particular importance of psychological reliability of the personnel of internal affairs units is noted, the key internal factors of which are informational and psychological resistance and victimisation. **Research methods.** The respondents in the study were 379 officers from the central administration and regional bodies of the Ministry of Internal Affairs of Russia. The study used the author's methodology, the "Scale for Assessing Informational and Psychological Vulnerability of an Individual", and the questionnaire "Subjective Assessment of Individual Risk Classes". Analysis of raw statistics and comparative analysis were applied. **Results.** Analysis of the empirical data revealed that the level of informational and psychological vulnerability is systematically dependent on individual personality typological parameters. The data obtained also indicate the presence of specific personality-psychological risk factors affecting the psychological reliability of law enforcement officers and associated with the characteristics of their informational and psychological resilience and manifestations of victim behaviour. The set of identified patterns allows the research findings to be considered as practical basis for the development and refinement of psychological support programmes aimed at preventing informational and psychological vulnerability, which will have a positive impact on the quality of addressing operational and service tasks facing internal affairs units.

Keywords:

psychological reliability, informational and psychological resistance, vulnerability, victimisation, personality types, risk classes

For citation:

Tsimbal A. S. Risks to psychological reliability of law enforcement officers with regard to informational and psychological resistance and victimisation // Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia. 2026. № 2 (110). P. 321–330.

The article was submitted March 10, 2026;
approved after reviewing April 13, 2026;
accepted for publication June 25, 2026.

Введение

Оперативно-служебная деятельность сотрудников органов внутренних дел характеризуется повышенными психоэмоциональными нагрузками, связанными с хроническим стрессом, необходимостью взаимодействия с негативными аспектами социальной действительности, переизбытком негативной информации и срочностью поступающих задач. Ужесточение внешнеполитического противостояния между Россией и странами коллективного Запада, связанного с проведением специальной военной операции на Украине, обострило противоборство и в информационной среде, где провокационный, деструктивный контент зачастую направлен на сотрудников органов внутренних дел, отрицательно воздействуя на их самосознание, профессиональную идентичность и качество выполняемых задач. В связи с этим приобретает первостепенное значение проблема психологической надежности личного состава подразделений ОВД, ключевыми внутренними факторами которой выступают информационно-психологическая устойчивость и виктимность.

В обиходном понимании слово «надежный» означает «внушающий доверие, верный, прочный»¹.

В рамках научного дискурса изучением проблематики надежности занимались М. А. Березин [1], В. Ф. Горшенин [2], С. В. Духновский [3], А. Ф. Караваев [4], В. А. Криволапчук [5], В. М. Крук [6], В. Д. Небылицын [7], А. В. Смирнов [8], Д. В. Спицын [9] и другие ученые.

В научных исследованиях устойчивость рассматривается как многомерный феномен, интерпретация которого зависит от уровня анализа и исследовательской оптики. В рамках системного подхода устойчивость описывается как способность сохранять базовые параметры функционирования в заданных границах при ограниченном временном интервале и определенных условиях среды [2, с. 61]. Такое понимание позволяет рассматривать устойчивость как производную от временных и средовых факторов, а не как статичное свойство. В психологических концепциях акцент смещается на личностный уровень, где устойчивость связывается со способностью субъекта сохранять значимые качества в условиях усложняющейся ситуации, включая поддержание оптимальных индивидуальных параметров [7]. При этом подчеркивается изменяемость данного качества и его зависимость от воспроизводимости и стабильности достигаемых результатов.

С позиции профессиональной деятельности устойчивость интерпретируется как согласованность и эффективность действий, обеспечивающих достижение требуемого результата в заданные сроки даже при возникновении препятствий [9, с. 111]. В этом контексте устойчивость выступает характеристикой поведенческой организации и способности к целенаправленному преодолению трудностей. Наряду с этим устойчивость понимается как индивидуально варьируемое личностное качество, выражающееся в степени соответствия профессионального поведения, функциональной активности и психофизического состояния сотрудника нормативным корпоративным требованиям [4, с. 108]. Такая трактовка расширяет содержание понятия за счет включения организационно-нормативного измерения. В данном подходе акцент

¹ См.: Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка : около 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений. 28-е изд., перераб. Москва : Мир и Образование, 2024. 1375 с.

делается на согласованность личностных характеристик с институциональными ожиданиями и стандартами.

А. В. Смирнов рассматривает индикаторы ненадежности сотрудника, среди которых отмечает:

- социопатическую структуру личности;
- клинические признаки психических заболеваний;
- склонность к совершению противоречивых деяний антисоциального характера;
- признаки аддиктивного поведения;
- склонность ко лжи и обману;
- низкую исполнительскую дисциплину;
- слабо выраженный волевой компонент личности;
- недостаток лояльности к руководству и инициативности в работе [8].

Изучая профессиональную надежность сотрудников правоохранительных органов, М. А. Беребин отмечает, что профессионально надежный сотрудник отличается «высоким уровнем качеств, отражающим отношение к своей профессиональной деятельности, высоким самоконтролем и силой характера...» [1, с. 67].

В. А. Криволапчук описывает профессионально-психологическую надежность, которая понимается автором как «интегральное качество человека, проявляющееся в способности длительное время поддерживать нормативно заданные параметры трудовой активности, независимо от складывающихся условий» [5, с. 63].

При анализе феномена ненадежности персонала В. М. Беребин и С. Н. Кондратенков описывают совокупность личностных и поведенческих характеристик, на основании которых сотрудники могут быть признаны не рекомендованными к службе [10]. Данные характеристики формируют устойчивый негативный фон профессионального функционирования.

К числу ключевых признаков ненадежности авторы относят снижение общих интеллектуальных возможностей и выраженную эмоциональную нестабильность, сопровождающиеся дефицитом саморегуляции и контроля поведения. Эти особенности создают предпосылки для неадекватных решений и нарушений служебной дисциплины.

Дополнительно выделяются безответственность, легкомысленное отношение к обязанностям, склонность к нарушению социальных норм и беспринципность, что снижает предсказуемость поведения в профессиональной среде. Указанные качества затрудняют выполнение служебных задач в условиях повышенной ответственности.

В психологическом плане ненадежность проявляется в импульсивности, повышенной погруженности во внутренние переживания при развитии воображения, а также в тревожности, подавленности и склонности к чувству вины. Эти состояния усиливают внутреннее напряжение и снижают адаптационный потенциал личности.

В поведенческом аспекте данные особенности выражаются в состоянии фрустрированности и хронического напряжения, а также в неспособности сохранять состояние покоя даже в условиях, объективно предназначенных для отдыха и восстановления. Это существенно ограничивает возможности полноценного восстановления ресурсов и поддержания профессиональной надежности.

При раскрытии личностно-типологического компонента психологической надежности С. В. Духновский обращается к системе проявлений, которые он относит к так называемым «классам опасной личности» [3]. В рамках данной классификации выделяются деликатный, сензитивный, эмоционально-сдержанный, активно-деятельный, адаптивный и высокоэтичный типы, а также циничный тип и тип, ориентированный на социальную значимость. Наряду с ними указываются скрытный, нарциссический (интровертированный), расчетливый («логик-формалист»), радикальный (надменный), осторожный (бдительный), поисковый (ищущий возможности), консервативный, верный и неустойчивый типы, каждый из которых по-разному проявляется в профессиональном поведении и принятии служебных решений.

Считаем, что психологическая надежность сотрудников органов внутренних дел в значительной степени определяется уровнем их информационно-психологической устойчивости [11, с. 163]. Под последней понимается способность личности сохранять внутреннюю целостность, адаптивно реагировать на интенсивные внешние изменения среды, быть готовой к восприятию и селекции поступающей информации, а также противостоять внешним информационным воздействиям и связанным с ними рискам, включая проявления поведенческой мобильности.

С другой стороны, уязвимость отражается на самом субъекте, затрагивая его психическое состояние, эмоциональный фон и формирование установок по отношению к себе, другим людям и миру в целом либо к отдельным его аспектам [12, с. 509–510].

Крайним выражением информационно-психологической уязвимости является информационно-психологическая виктимность, которую в рамках настоящего исследования будем понимать как неспособность избежать негативного влияния информации там, где оно объективно и (или) субъективно было предотвратимо как результат негативного влияния получаемой информации на личность и поведение субъекта служебной деятельности. Понижение уязвимости и виктимности приводит к информационно-психологической устойчивости.

Отметим, что проблема информационно-психологической устойчивости рассматривалась в научных работах А. А. Астаховой [13], Е. Г. Баранова [14], А. Г. Караяни [15; 16], С. В. Кучеренко [17], А. -Л. С. Меерсона [11] и других авторов.

Рассматриваемое понятие в интерпретации указанных исследователей раскрывается следующим образом:

- как интегративная совокупность различных качеств и свойств личности, обеспечивающих индивидуальную психологическую устойчивость к деструктивным воздействиям [13]. Указанная совокупность рассматривается как системное основание личностной устойчивости в условиях повышенной нагрузки;

- как личностное качество, позволяющее человеку противостоять внешнему информационному воздействию и сохранять собственные убеждения, ценностные установки, личностные смыслы и устойчивую идентичность [14]. В данном случае акцент делается на сохранении внутренней автономии личности;

- как способность личности поддерживать индивидуальную целостность и адаптивно реагировать на интенсивные изменения внешней среды, а также проявлять поведенческую мобильность [17]. Такая способность обеспечивает гибкость поведения без утраты устойчивых личностных оснований;

- как способность противостоять негативному информационно-психологическому влиянию при одновременном сохранении целостного образа мира [16, с. 110]. Подобная трактовка подчеркивает значимость мировоззренческой и ценностной стабильности личности.

Вопросы виктимности, в т. ч. сотрудников органов внутренних дел, поднимались в исследованиях И. А. Васильевой [18], И. Л. Емельянова [19], К. В. Злоказова [20], С. В. Кучеренко [17], Н. Н. Невского [21] и других авторов.

Указанное понятие в работах исследователей интерпретировалось следующим образом:

- как устойчивая личностная характеристика, формирующаяся за счет сочетания индивидуально-психологических и характерологических детерминант и реализующаяся в принятии вторичной либо социальной роли жертвы [17, с. 130]. При таком подходе виктимность рассматривается как результат внутренней предрасположенности личности, актуализируемой в социальном взаимодействии;

- как способность человека при определенных обстоятельствах оказываться в позиции жертвы преступления, при этом виктимность трактуется как неспособность предотвратить опасность в ситуации, где объективно существовала возможность ее избегания [18, с. 110]. Данное понимание акцентирует внимание на ограничениях поведенческого и ситуационного контроля;

- как совокупность личностных свойств, обусловленных социальными, психологическими либо биологическими качествами субъекта и способствующих возникновению преступной ситуации в конкретных жизненных условиях [19, с. 242–243]. В рамках этой трактовки подчеркивается роль индивидуальных особенностей в формировании риска виктимизации.

Н. Н. Невский приводит ряд личностных особенностей, детерминирующих виктимность, который включает тревожность, внушаемость, отчужденность, психическую дезорганизацию [21, с. 105].

Анализ исследований, представленных в научных публикациях, позволяет констатировать следующее: несмотря на наличие отдельных научных работ, проблема информационно-психологической уязвимости и устойчивости в структуре психологической надежности сотрудников органов внутренних дел остается раскрытой недостаточно и требует проведения дополнительных эмпирических исследований. Указанный пробел свидетельствует о необходимости углубления теоретико-прикладного анализа данного феномена.

В данном контексте особую актуальность приобретают вопросы о связи между информационно-психологической уязвимостью и личностно-типологическими проявлениями психологической надежности сотрудников органов внутренних дел, а также о существовании различий в выраженности личностных типов и «классов опасности» личности как факторов риска психологической ненадежности у сотрудников с различным уровнем информационно-психологической устойчивости и виктимности.

В исследовании под *информационно-психологической уязвимостью* понимается подверженность (предрасположенность) влиянию информации в пространстве ее воздействия.

Методы

Респондентами в исследовании выступили 379 сотрудников органов внутренних дел центрального аппарата и территориальных органов МВД России (79 – центральный аппарат МВД России, 120 – МВД России по Республике Крым, 80 – ГУ МВД России по Краснодарскому краю, 100 – УМВД России по Липецкой области).

Гипотезы исследования

1. Предполагается наличие взаимосвязи между информационно-психологической уязвимостью, проявляющейся через информационно-психологическую устойчивость и виктимность, и личностно-типологическими особенностями, выражающимися в принадлежности к определенным «классам опасности», которые выступают факторами риска психологической надежности сотрудников органов внутренних дел.

2. Выраженность личностных типов и «классов опасности» личности как рисков психологической ненадежности будет различаться у сотрудников с разным уровнем информационно-психологической устойчивости и виктимности.

В качестве психодиагностического инструментария в исследовании использовались:

- опросник «Шкала информационно-психологической уязвимости личности» (ИПУ) [22];
- методика «Субъективная оценка классов опасности личности» (СОКОЛ) [3].

Перед выполнением сравнительного анализа для каждой переменной был рассчитан критерий нормальности Колмогорова – Смирнова. Уровень значимости по всем переменным составил 0,05, что позволило сделать вывод о нормальности распределения и использовать в дальнейшем параметрические критерии, включая t-критерий Стьюдента для независимых выборок. Обработка эмпирических данных осуществлялась с применением программного пакета SPSS 23.0.

Результаты

При проведении статистической обработки эмпирических данных осуществлялся корреляционный анализ взаимосвязей между показателем «информационно-психологическая уязвимость» и параметрами личностно-типологического компонента психологической надежности, рассчитанными с использованием методики «Субъективная оценка классов опасности личности» (СОКОЛ). Числовые значения коэффициентов корреляции по соответствующим шкалам приведены в таблице 1.

Таблица 1

Корреляционные связи показателя «информационно-психологическая уязвимость»
с показателями по шкалам методики «Субъективная оценка
классов опасности личности» (СОКОЛ)

Table 1

Correlational relationships between the “informational and psychological vulnerability”
indicator and indicators on the scales of the “Subjective Assessment of Personality Risk Classes”

Шкалы методики «СОКОЛ»	Информационно-психологическая уязвимость
Эмоционально-сдержанный	-0,48
Деликатный	0,57
Расчетливый	-0,44
Радикально-надменный	-0,42
Консервативный	0,55

Примечание – коэффициенты корреляции на уровне $p \leq 0,01$.

Прямые корреляционные связи указывают на то, что рост уязвимости в направлении виктимности сопровождается увеличением выраженности деликатного и консервативного личностных типов (коэффициенты корреляции находятся в диапазоне от 0,55 до 0,57 при $p \leq 0,01$).

Полученные зависимости указывают на то, что снижение уязвимости в сторону информационно-психологической устойчивости сопровождается усилением выраженности характеристик, присущих данным личностным типам. Последние в соответствии с концепцией С. В. Духновского [3] при высокой степени выраженности образуют «классы опасности», отражающие личностно-типологические риски психологической надежности сотрудников органов внутренних дел.

Установленные зависимости свидетельствуют, что увеличение и понижение уязвимости в сторону информационно-психологической виктимности и устойчивости соотносится с преобладанием характеристик, присущих отмеченным выше личностным типам. Последние согласно концепции С. В. Духновского [3] при высоком уровне выраженности представляют собой «классы опасности», выступающие личностно-типологическими рисками психологической надежности сотрудников органов внутренних дел.

Таким образом, гипотеза о наличии связи информационно-психологической уязвимости (устойчивости – виктимности) с личностно-типологическими проявлениями психологической надежности сотрудников органов внутренних дел получила эмпирическое подтверждение.

Дальнейший анализ с опорой на представления о психологической надежности и системе «классов опасности», разработанные С. В. Духновским [3], позволил выделить доминирующие личностные типы и соответствующие им «классы опасности». Для этого были использованы результаты сравнительного и качественного анализа данных, полученных по методике «Субъективная оценка классов опасности личности» (СОКОЛ), в группах сотрудников с различным уровнем информационно-психологической устойчивости и виктимности.

Для этого по методике «Информационно-психологическая уязвимость личности» («ИПУ») [22] обследованная выборка была разделена на две группы: в первую группу вошли сотрудники органов внутренних дел с информационно-психологической устойчивостью (282 человека); во вторую группу вошли сотрудники органов внутренних дел с информационно-психологической виктимностью (97 человек).

Было проведено сравнение указанных групп с использованием критерия t-Стьюдента по выраженности показателей опросника «Субъективная оценка классов опасности личности» (СОКОЛ). Результаты представлены в таблице 2.

Таблица 2

Выраженность личностных типов (классов опасности) у сотрудников с разным уровнем информационно-психологической устойчивости и виктимности

Table 2

The prevalence of personality types (risk classes) among officers with different levels of informational and psychological resilience and victimization

Шкалы методики «СОКОЛ»	Информационно-психологическая	
	Устойчивость (n = 282)	Виктимность (n = 97)
Эмоционально-сдержанный	50,2 ± 4,4 (8)*	31,2 ± 3,9 (3)
Деликатный	33,3 ± 4,3 (4)	49,1 ± 4,7 (8)*
Расчетливый	45,9 ± 4,2 (8)*	30,4 ± 4,5 (3)
Радикально-надменный	43,6 ± 4,5 (8)*	27,1 ± 4,2 (3)
Консервативный	27,8 ± 4,2 (3)	47,7 ± 4,9 (8)*
Примечания: 1. * – различия достоверны на уровне $p \leq 0,01$. 2. Значение t-критерия в диапазоне от 2,97 до 3,5. 3. В скобках указаны стандартные значения – стэны.		

Согласно таблице 2, у сотрудников с выраженной информационно-психологической устойчивостью более высокие значения зафиксированы по шкалам «эмоционально-сдержанный», «расчетливый» и «радикально-надменный», тогда как в группе сотрудников с информационно-психологической виктимностью преобладают показатели по шкалам «деликатный» и «консервативный». Значения t-критерия Стьюдента при этом находятся в диапазоне от 2,97 до 3,5.

Полученные эмпирические данные позволяют описать личностно-типологические особенности и кадровые риски сотрудников органов внутренних дел с информационно-психологической устойчивостью и виктимностью. Так, согласно нормативным таблицам методики «СОКОЛ» выраженными личностными типами являются данные по шкалам в диапазоне от 7 до 8 стэнов, тогда как показатели от 9 до 10 стэнов являются «классами опасности», представляющими собой «личностно-типологические кадровые риски психологической надежности» [3].

Обсуждение

В ходе исследования установлено, что личностно-типологическими характеристиками сотрудников с информационно-психологической устойчивостью являются:

- сформированные адаптационные и универсальные способности, адекватность восприятия и интерпретации ситуации, ориентированность на совместную деятельность, выраженная ответственность и дисциплинированность, умение организовывать и направлять коллектив на решение профессиональных задач и действовать целенаправленно в условиях экстремального внешнего воздействия, а также способность переносить значительные и продолжительные нагрузки (показатель «эмоционально-сдержанный» тип выражен на повышенном уровне);

- высокий уровень интеллектуального развития, склонность к стратегическому и тактическому планированию, достаточная информированность, результативность профессиональной деятельности, направленность на решение когнитивных и интеллектуальных задач, осмысленность действий, аккуратность и выраженная потребность в упорядоченности и организованности (показатель «радикально-надменный» тип выражен на повышенном уровне);

- выраженная уверенность в себе, настойчивость, автономность и самостоятельность в принятии решений, лидерские качества, рациональный стиль мышления, ориентация на логическую последовательность и структурированность, склонность к педантичности (показатель «расчетливый» тип выражен на повышенном уровне).

Отметим, что у 15,2 % сотрудников данной группы показатели по шкалам «эмоционально-сдержанный», «радикально-надменный» и «расчетливый» выражены на высоком уровне (в диапазоне 9 стэнов), выступая как «класс опасности личности». Соответственно, рисками психологической надежности данной категории сотрудников могут являться:

- выраженное стремление к риску и склонность к его преодолению в сочетании с доминирующей установкой на конфликтность и бескомпромиссность, при которой собственные интересы ставятся выше интересов окружающих, а также игнорирование установленных инструкций и предписаний (эмоционально-сдержанный тип как класс опасности личности);

- повышенное чувство значимости и власти, настороженность, подозрительность, мнительность и осторожность, сочетающиеся с резкими колебаниями эмоционального состояния и вспышками агрессии, возникающими при наличии препятствий в достижении субъективно значимой цели («эмоционально-сдержанный» тип как класс опасности личности);

- склонность к критичности и обесцениванию, сдержанность и холодность, смещенные с упрямством и повышенной чувствительностью к грубости и несогласию с мнением окружающих, что может проявляться в демонстративном игнорировании собственных функциональных обязанностей (расчетливый тип как класс опасности личности).

Доминирующими личностно-типологическими характеристиками сотрудников с информационно-психологической виктимностью являются:

- мягкость, доброжелательность и эмоциональная восприимчивость в сочетании с зависимостью от мнения других людей, выраженной потребностью во внимании, поддержке и заботе со стороны окружающих, готовностью к сотрудничеству, открытостью и общительностью, стремлением производить благоприятное впечатление, ответственностью, последовательностью и повышенной осторожностью при принятии решений (показатель «деликатный» тип выражен на повышенном уровне);

- верность, преданность, аккуратность, устойчивость интересов, склонность к сохранению привычных установок, избегание изменений, сдержанность, послушность, подчиняемость, зависимость и ведомость, что делает возможным оказание на таких сотрудников различных форм давления и манипулятивного воздействия (показатель «консервативный» тип выражен на повышенном уровне).

У 29,7 % сотрудников данной группы показатели по шкалам «деликатный» и «консервативный» достигают высокого уровня выраженности (в диапазоне 9 стэнов), формируя «класс опасности личности». Соответственно, рисками психологической надежности для данной категории сотрудников могут выступать:

– неспособность своевременно адаптироваться к новым обстоятельствам, инертность и сопротивление изменениям в сочетании с выраженным стремлением сохранить привычное положение даже при объективной необходимости перемен;

– устойчивая ориентация на поддержание прежних условий и избегание любых трансформаций, что проявляется в подчиненности и сохранении прежних моделей поведения (показатель «консервативный» тип как класс опасности личности);

– повышенная ранимость, зависимость от окружающих и чувствительность к изменениям, вследствие чего профессиональное поведение и позиция на рабочем месте могут формироваться под влиянием событий личной жизни (показатель «деликатный» тип как класс опасности личности).

Результаты проведенного исследования позволяют сформулировать следующие выводы.

1. Установлено, что повышение информационно-психологической уязвимости сотрудников органов внутренних дел сопровождается выраженностью характеристики «деликатного» и «консервативного» личностных типов, тогда как снижение информационно-психологической уязвимости соотносится с увеличением проявлений «эмоционально-сдержанный», «расчетливый» и «радикально-надменный» личностные типы.

2. Показано, что у виктимных сотрудников (с высоким уровнем информационно-психологической уязвимости) выраженность «деликатного» и «консервативного» личностных типов в качестве «классов опасности» выступает рисками психологической надежности сотрудников органов внутренних дел.

3. Выявлено, что у устойчивых сотрудников (с низким уровнем информационно-психологической уязвимости) проявления «эмоционально-сдержанного», «расчетливого» и «радикально-надменного» личностных типов в качестве «классов опасности» будут являться рисками психологической надежности сотрудников органов внутренних дел.

3 заключение

Результаты исследования показали следующее. Гипотезы о наличии связи информационно-психологической уязвимости с личностно-типологическими особенностями, а также о наличии личностно-типологических рисков психологической надежности у сотрудников с информационно-психологической устойчивостью и виктимностью нашли свое эмпирическое подтверждение.

В завершение отметим, что полученные результаты исследования можно использовать при разработке профильных образовательных циклов, а также программ психологического сопровождения и профилактики информационно-психологической уязвимости сотрудников органов внутренних дел для повышения их устойчивости и минимизации рисков психологической надежности.

Список источников

1. Беребин М. А., Григорьева И. Ю. Клинико-психодиагностические основания оценки и прогноза риска нарушения психической адаптации и профессиональной надежности сотрудника правоохранительных органов // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Психология. 2011. № 29 (246). С. 58–68.
2. Горшенин В. Ф. Управление надежностью организационных систем // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 3 (294), вып. 8. С. 61–65.
3. Духновский С. В. Психологическая надежность и кадровая безопасность (на примере государственной гражданской и муниципальной службы) : монография. Курган : Издательство Курганского государственного университета, 2018. 314 с.
4. Караваев А. Ф., Крук В. М., Носс И. Н., Виноградов М. В. Проблемы личностно-профессиональной диагностики в профотборе кандидатов на службу в органы внутренних дел и оценки надежности сотрудника // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2015. № 3 (62). С. 106–113.
5. Криволапчук В. А. Концептуальные подходы к разработке программы формирования профессиональной психологической надежности сотрудников криминальной милиции МВД Украины // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2013. № 3 (54). С. 63–67.
6. Крук В. М. Актуальные проблемы обеспечения надежности профессиональной деятельности личного состава ОВД // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2014. № 1 (56). С. 100–105.
7. Небылицын В. Д. К надежности работы человека-оператора в автоматизированных системах // Вопросы психологии. 1961. № 6. С. 34–47.
8. Смирнов А. В. Кто такой неблагонадежный работник? / Актуальные вопросы психологии в области человеческого фактора : материалы второй международной научно-практической конференции, г. Екатеринбург, 20–22 марта 2008 г. Екатеринбург : Уральский государственный педагогический университет, 2008. С. 143–148.
9. Спицын Д. В. Актуализирующее управление как основа повышения надежности сотрудника // Сервис Plus. 2010. № 1. С. 110–114.

10. Березин М. А., Кондратенков С. Н. Клинические (экспертные) методы психологической диагностики в профессиональном отборе сотрудников правоохранительных органов (на примере решения задач подразделений специального назначения) // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Психология. 2012. № 19 (278). С. 47–57.
11. Меерсон А.-Л. С. Разработка тренинга по формированию информационно-психологической устойчивости личности студентов вуза // Russian Journal of Education and Psychology. 2022. Т. 13, № 1. С. 154–176. <https://doi.org/10.12731/2658-4034-2022-13-1-154-176>
12. Цимбал А. С. Когнитивные ошибки сотрудников органов внутренних дел с разным уровнем информационно-психологической уязвимости // Виктимология. 2025. Т. 12, № 4. С. 508–519. <https://doi.org/10.47475/2411-0590-2025-12-4-508-519>
13. Астахова А. А., Кошкарова Ю. А. Формирование психологической устойчивости сотрудников органов внутренних дел к деструктивным информационным воздействиям как составляющая профессионального мастерства. // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2019. Т. 8, № 3 (28). С. 25–27. <https://doi.org/10.26140/anip-2019-0803-0004>
14. Баранов Е. Г. Информационно-психологическая устойчивость: сущность и психологическое содержание // Теоретическая и экспериментальная психология. 2017. Т. 10, № 1. С. 58–64.
15. Караяни А. Г. К вопросу об информационно-психологической устойчивости сотрудников органов внутренних дел / Актуальные проблемы психологии правоохранительной деятельности: концепции, подходы, технологии (Васильевские чтения – 2022): материалы международной научно-практической конференции / отв. ред. В. Ю. Шаранов. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2022. С. 282–287
16. Технологии защиты сотрудников органов внутренних дел от негативного информационно-психологического воздействия : монография / Караяни А. Г., Караяни Ю. М., Дерешко Б. Ю., Гайдамашко И. В. [и др.]. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2021. 152 с.
17. Кучеренко С. В., Еременко С. И. Диагностика виктимности личности // Гуманитарные науки. 2022. № 1 (57). С. 129–138.
18. Васильева И. А. Социологические аспекты изучения виктимности // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. 2013. № 1 (15). С. 109–114.
19. Емельянов И. Л. Виктимность и виктимизация: понятие, виды, проблемы профилактики // Известия Алтайского государственного университета. 2013. № 2-1 (78). С. 241–246.
20. Духновский С. В., Злоказов К. В. Информационно-психологическая уязвимость сотрудников органов внутренних дел разным уровнем устойчивости и утомленности // Психология и право. 2024. Т. 14, № 4. С. 50–67. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2024140404>
21. Невский Н. Н. Маргинальность и криминальная виктимность // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. 2011. № 4. С. 104–109.
22. Духновский С. В., Цимбал А. С. Шкала «Информационно-психологическая уязвимость личности»: разработка, психометрическая характеристика и возможности использования // Российский девиантологический журнал. 2025. Т. 5, № 3. С. 433–445.

References

1. Berebin M. A., Grigor'eva I. Yu. Kliniko-psihodiagnosticheskie osnovaniya ocenki i prognoza riska narusheniya psihicheskoy adaptatsii i professional'noj nadezhnosti sotrudnika pravoohranitel'nyh organov // Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Psihologiya. 2011. № 29 (246). S. 58–68.
2. Gorshenin V. F. Upravlenie nadezhnost'yu organizatsionnyh sistem // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2013. № 3 (294), vyp. 8. S. 61–65.
3. Duhnovskij S. V. Psihologicheskaya nadezhnost' i kadrovaya bezopasnost' (na primere gosudarstvennoj grazhdanskoj i municipal'noj sluzhby) : monografiya. Kurgan : Izdatel'stvo Kurganskogo gosudarstvennogo universiteta, 2018. 314 s.
4. Karavaev A. F., Kruk V. M., Noss I. N., Vinogradov M. V. Problemy lichnostno-professional'noj diagnostiki v profotbore kandidatov na sluzhbu v organy vnutrennih del i ocenki nadezhnosti sotrudnika // Psihopedagogika v pravoohranitel'nyh organah. 2015. № 3 (62). S. 106–113.
5. Krivolapchuk V. A. Konceptual'nye podhody k razrabotke programmy formirovaniya professional'noj psihologicheskoy nadezhnosti sotrudnikov kriminal'noj milicii MVD Ukrainy // Psihopedagogika v pravoohranitel'nyh organah. 2013. № 3 (54). S. 63–67.
6. Kruk V. M. Aktual'nye problemy obespecheniya nadezhnosti professional'noj deyatel'nosti lichnogo sostava OVD // Psihopedagogika v pravoohranitel'nyh organah. 2014. № 1 (56). S. 100–105.
7. Nebylincyn V. D. K nadezhnosti raboty cheloveka-operatora v avtomatizirovannyh sistemah // Voprosy psihologii. 1961. № 6. S. 34–47.
8. Smirnov A. V. Kto takoj neblagonadezhnyj rabotnik? / Aktual'nye voprosy psihologii v oblasti chelovecheskogo faktora : materialy vtoroj mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, g. Ekaterinburg, 20–22 marta 2008 g. Ekaterinburg : Ural'skij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet, 2008. S. 143–148.
9. Spicyn D. V. Aktualiziruyushchee upravlenie kak osnova povysheniya nadezhnosti sotrudnika // Servis Plus. 2010. № 1. S. 110–114.
10. Berebin M. A., Kondratenkov S. N. Klinicheskie (ekspertnye) metody psihologicheskoy diagnostiki v professional'nom otbore sotrudnikov pravoohranitel'nyh organov (na primere resheniya zadach podrazdelenij special'nogo naznacheniya) // Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Psihologiya. 2012. № 19 (278). S. 47–57.
11. Meerson A.-L. S. Razrabotka treninga po formirovaniyu informacionno-psihologicheskoy ustojchivosti lichnosti studentov vuza // Russian Journal of Education and Psychology. 2022. Т. 13, № 1. S. 154–176. <https://doi.org/10.12731/2658-4034-2022-13-1-154-176>
12. Cimbali A. S. Kognitivnye oshibki sotrudnikov organov vnutrennih del s raznym urovnem informacionno-psihologicheskoy uyazvimosti // Viktimologiya. 2025. Т. 12, № 4. S. 508–519. <https://doi.org/10.47475/2411-0590-2025-12-4-508-519>
13. Astahova A. A., Koshkarova Yu. A. Formirovanie psihologicheskoy ustojchivosti sotrudnikov organov vnutrennih del k destruktivnym informacionnym vozdejstviyam kak sostavlyayushchaya professional'nogo masterstva. // Azimut nauchnyh issledovaniy: pedagogika i psihologiya. 2019. Т. 8, № 3 (28). S. 25–27. <https://doi.org/10.26140/anip-2019-0803-0004>

14. Baranov E. G. Informacionno-psihologicheskaya ustojchivost': sushchnost' i psihologicheskoe sodержanie // Teoreticheskaya i eksperimental'naya psihologiya. 2017. T. 10, № 1. S. 58–64.
15. Karayani A. G. K voprosu ob informacionno-psihologicheskoy ustojchivosti sotrudnikov organov vnutrennih del / Aktual'nye problemy psihologii pravoohranitel'noj deyatel'nosti: koncepcii, podhody, tekhnologii (Vasil'evskie chteniya – 2022) : materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii / otv. red. V. Yu. SHaranov. Sankt-Peterburg : Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii, 2022. S. 282–287
16. Tekhnologii zashchity sotrudnikov organov vnutrennih del ot negativnogo informacionno-psihologicheskogo vozdejstviya : monografiya / Karayani A. G., Karayani Yu. M., Dereshko B. Yu., Gajdamashko I. V. [i dr.]. Sankt-Peterburg : Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii, 2021. 152 s.
17. Kucherenko S. V., Eremenko S. I. Diagnostika viktimnosti lichnosti // Gumanitarnye nauki. 2022. № 1 (57). S. 129–138.
18. Vasil'eva I. A. Sociologicheskie aspekty izucheniya viktimnosti // Teoriya i praktika servisa: ekonomika, social'naya sfera, tekhnologii. 2013. № 1 (15). S. 109–114.
19. Emel'yanov I. L. Viktimnost' i viktimizaciya: ponyatie, vidy, problemy profilaktiki // Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta. 2013. № 2-1 (78). S. 241–246.
20. Duhnovskij S. V., Zlokazov K. V. Informacionno-psihologicheskaya uyazvimost' sotrudnikov organov vnutrennih del raznym urovnem ustojchivosti i utomlennosti // Psihologiya i pravo. 2024. T. 14, № 4. S. 50–67. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2024140404>
21. Nevskij N. N. Marginal'nost' i kriminal'naya viktimnost' // Vestnik Akademii ekonomicheskoy bezopasnosti MVD Rossii. 2011. № 4. S. 104–109.
22. Duhnovskij S. V., Cimal A. S. Shkala «Informacionno-psihologicheskaya uyazvimost' lichnosti»: razrabotka, psihometricheskaya harakteristika i vozmozhnosti ispol'zovaniya // Rossijskij deviantologicheskij zhurnal. 2025. T. 5, № 3. S. 433–445.

